ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2010
СОВРЕМЕННЫЕ ПРИКЛАДНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

19–21 октября 2010 года

Часть 1

Ответственный редактор
Л.А. Цветкова

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2010

ББК 88.3
А64

Редакционная коллегия:
декан факультета психологии *Л.А. Цветкова* (отв. редактор),
заместитель декана факультета психологии *О.Н. Боголюбова*,
зав. кафедрой психологии поведения и превенции
поведенческих аномалий *А.В. Шаболтас*,
заместитель декана факультета психологии *Т.В. Анисимова*,
зав. кафедрой психологии развития
и дифференциальной психологии *Л.А. Головей*,
доцент факультета психологии *Г.Л. Исурина*,
зав. кафедрой социальной адаптации и психологической
коррекции личности *Р.Ж. Мухамедрахимов*,
зав. кафедрой социальной психологии *А.Л. Свенцицкий*,
ассистент факультета психологии *Т.С. Войт*

Печатается по решению
Ученого совета факультета психологии
С.-Петербургского государственного университета

А64 **Ананьевские чтения – 2010. Современные прикладные направления и проблемы психологии:** Материалы научной конференции, 19–21 октября 2010 г. Часть 1 / Отв. ред. Л.А. Цветкова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. – 631 с.

ISBN 978-5-288-05097-8
ISBN 978-5-288-05099-2 (часть 1)

Сборник «Современные прикладные направления и проблемы психологии» является результатом работы научной конференции, посвященной проблемам психологической науки, имеющим большую практическую и социальную значимость. Представлены тезисы научных сообщений. Основная проблематика сборника: актуальные подходы и направления в работе практического психолога, разработка и оценка эффективности превентивных программ в области индивидуального и общественного здоровья, современные технологии консультирования и психотерапии, профессиональная подготовка практических психологов.

ББК 88.3

ISBN 978-5-288-05097-8
ISBN 978-5-288-05099-2 (часть 1)

© Авторы тезисов, 2010

Научное издание

АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2010

СОВРЕМЕННЫЕ ПРИКЛАДНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

Материалы научной конференции

Часть 1

Издание к печати подготовили:
Н.Г. Михайлова, Г.И. Чередниченко

Подписано в печать с оригинала-макета 19.08.2010. Формат 60×84/16.
Печ. л. 39,5. Тираж 120 экз. Заказ № .

Издательство Санкт-Петербургского университета.
199034, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, 11/21.

Типография Издательства Санкт-Петербургского университета.
199061, Санкт-Петербург, Средний пр., 41.

АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ ДИАГНОСТИКИ В РАБОТЕ ПРАКТИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА

И.Р. Абитов

МЕТОДИКА ИЖС В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКЕ БОЛЬНЫХ НЕВРОЗАМИ

Одной из наиболее насущных проблем современной медицинской психологии и психотерапии являются невротические расстройства. Разные авторы рассматривали в качестве причин невротических расстройств недостаток и избыток информации, нарушения системы отношений личности, иррациональные убеждения, нарушения процессов прогнозирования.

Важным для понимания возникновения и развития невротических расстройств является феномен психологической защиты. Данный термин был предложен З. Фрейдом в 1894 г., после чего его начали использовать представители различных школ психотерапии. Зарубежные и отечественные клиницисты (Р. Плутчик, А. Митчерлих, Б.Д. Карвасарский, В.А. Ташлыков) рассматривали особенности механизмов психологической защиты как один из факторов формирования и развития невротических расстройств. В своих исследованиях В.А. Ташлыков обращает внимание на вторичные патологические защитные механизмы, проявляющиеся при длительном неврозе, которые закрепляют невротическое поведение (уход в болезнь, рационализация для оправдания своей несостоятельности в связи с болезнью). Им показаны особенности механизмов психологической защиты больных невротическими расстройствами, в зависимости от их клинических проявлений. Так, у больных истерией в 61 % случаев выявляется вытеснение из сферы сознания неприемлемого мотива, в 81 % случаев у больных неврозом навязчивых состояний ведущим механизмом психологической защиты является интеллектуализация или изоляция.

В 1979 г. на основе психоэволюционной теории R. Plutchik и структурной теории личности H. Kellerman была создана методика Life stile index (Индекс жизненного стиля), позволяющая диагностировать

всю систему механизмов психологической защиты, выявить как ведущие, основные механизмы, так и оценить степень напряженности каждого механизма психологической защиты. Данная методика была переведена и адаптирована к российской выборке О.Ф. Ерышевым и Е.Б. Клубовой. Она представляет собой опросник, состоящий из 97 вопросов, и содержит 8 шкал, каждая из которых соответствует одному из механизмов психологической защиты. По мнению авторов, каждый из защитных механизмов взаимосвязан с определенной эмоцией и совокупностью личностных свойств – личностной диспозицией.

Нами было проведено исследование механизмов психологической защиты у 70 больных, страдающих невротическими расстройствами в возрасте от 30 до 50 лет. Контрольную группу составили здоровые лица той же возрастной группы (50 человек). Для достижения целей исследования была использована методика Индекс жизненного стиля (адаптация О.Ф. Ерышева и Е.Б. Клубовой). Группа лиц, страдающих невротическими расстройствами, отличается более высокой выраженностью всех диагностируемых видов психологических защит ($p \leq 0{,}05$; $p \leq 0{,}01$; $p \leq 0{,}001$).

Эти данные перекликаются с результатами исследований Р. Плутчика с соавторами, которые показали, что психологические защиты более выражены у психически больных. Подобные результаты получили и А.Н. Михайлов и В.С. Ротенберг в исследовании соматических больных. В группе лиц, страдающих невротическими расстройствами, психологические защиты отрицание, компенсация, регрессия, замещение, гиперкомпенсация, вытеснение имеют выраженность в рамках средних значений, в то время как выраженность рационализации и проекции – высокая. В соответствии с психоэволюционной теории эмоций и эго-защит Р. Плутчика это может говорить о преобладании у представителей данной группы эмоций ожидания и отвращения и необходимости сдерживать их с помощью соответствующих видов психологических защит.

Для лиц, страдающих невротическими расстройствами, более характерны такие черты, как высокая критичность и стремление контролировать среду, педантичность, совестливость, подозрительность. Таким образом, использование методики Индекс жизненного стиля в диагностике больных, страдающих невротическими расстройствами, позволяет обнаружить дополнительные мишени для психотерапевтического воздействия.

Т.А. Адмакина

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ МУЗЫКАЛЬНО ОДАРЕННЫХ ЛИЦ

Существует традиционное представление о нестандартности, оригинальности мышления одаренных людей. Данный критерий креативности проявляется в продуцировании необычных идей, в стремлении к интеллектуальной новизне и определяется числом редко приводимых ответов на предъявляемый стимул (Дж. Гилфорд, 1950). Оригинальность вербальных реакций может быть обусловлена такой мыслительной операцией, как селективность, а именно способностью производить отбор объектов на основании оценки степени существенности признаков. Mednick (1962) показал, что одаренные люди обладают спецификой избирательной функции мышления при предъявлении ассоциаций на вербальный стимул, что проявляется в равновероятном назывании объектов, существенно и несущественно связанных с предъявляемым словом.

Интересный феномен был отмечен в отечественной науке Ю.Ф. Поляковым (1974) при изучении особенностей мышления больных шизофренией. Было обнаружено нарушение вероятностной структуры признаков (селективности) при выполнении задания на сравнение объектов. Душевнобольные испытуемые равновероятно отмечают в качестве схожих признаков и главные, и второстепенные, в то время как здоровые люди первоначально ориентируются на самые существенные детали. Имеется предположение, что больные шизофренией и высоко креативные люди не различаются по необычности, оригинальности предъявляемых ответов в задании на классификацию объектов (Dukes, McGhie, 1976). Таким образом, оригинальность когнитивных процессов, возможно, связана со специфическими особенностями протекания избирательной операции.

В наших прошлых исследованиях был отмечено, что среди музыкально одаренных людей имеются носители «разнополюсных» характерологических черт. У первой части испытуемых (М1) преобладают черты с выраженным аффективным компонентом, у второй части музыкантов (М2) обнаруживаются типы характеров с явной эмоциональной холодностью (шизоидный тип). В работах Н.В. Беломестновой (2003) выдвигается гипотеза о связи характерологических типов, входящих в первую группу, с декстральным когнитивным стилем (образно-чувственным, интуитивным), а шизоидных черт – с синистральным (рациональным, символическим).

На основании вышеизложенных фактов встает вопрос: действительно ли одаренность (в частности, музыкальная) связана с оригинальностью, нестандартностью познавательных функций? Какова взаимосвязь музыкальности с особенностями шизоидного мышления?

С этой целью нами была сформирована следующая программа исследования. Группе испытуемых предлагалось оценить два музыкальных произведения (Р. Шуман «Шопен» и С. Прокофьев «Марш из оперы “Любовь к трем апельсинам”») посредством ассоциативного теста. В качестве критерия разделения выборки на экспериментальную и контрольную выступала эмоциональная отзывчивость на музыку (ЭОМ), субъективно оцениваемая по 10-балльной шкале. Материалом исследования являются: 1) лица с высоким уровнем ЭОМ (179); 2) лица с низким уровнем ЭОМ (94). Возраст варьирует от 17 до 55 лет. Общий объем выборки составляет 273 человека.

В процессе контент-анализа нами была выделена такая оцениваемая категория, как «нестандартные образы». Оказалось, что процентные показатели вербальных единиц, входящих в данную категорию, выше у представителей экспериментальной группы (в произведении Р. Шумана М1 = 6,77 %, М2 = 0 %; в произведении С. Прокофьева М1 = 36,7%, М2 = 32%). Интересно, что вторая композиция стимулировала достаточно большое количество нестандартных ассоциаций и у представителей контрольной выборки. Возможно, полученный результат обусловлен особенностями когнитивного стиля самого композитора (С. Прокофьева).

По результатам исследовательской работы Г.А. Голицына и др. (1990) было составлено 2 списка композиторов, относящихся либо к левому, либо к правому модусу мышления, из которого мы выбрали одного представителя с декстральным когнитивным стилем (Р. Шуман) и одного – с синистральным (С. Прокофьев). Можно предположить, что стиль музыкального произведения, обусловленный доминирующим модусом мышления композитора, актуализирует характерные для данного способа обработки информации ассоциации у слушателя. Интересно, что на произведение Р. Шумана нестандартных ассоциаций дано меньше со стороны обеих групп.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют об оригинальности и нестандартности когнитивных процессов музыкально одаренных лиц. Еще один вывод может быть связан с представленностью в данной выборке шизоидного типа характера, для которого свойственным является синистральный модус мышления.

А.А. Алдашева, Н.Г. Мельникова

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ТРУДОМ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Традиционные исследования удовлетворенности трудом (УТ) базируются на изучении вознаграждения (материального, морального), влияющего на соотношение между усилиями человека в деятельности и достигаемыми им результатами, что играет важную роль в принятии себя как профессионала (Ю.П. Поваренков, 2005), роли самооценки в процессе адаптации к профессиональной деятельности (В.И. Медведев, 2003), формировании чувства гордости, совести, честолюбивых устремлений и др. (И.И. Чеснокова, 1982).

Целью исследования является анализ роли ежегодной оценки персонала как инструмента мониторинга УТ. Последняя рассматривается нами как «процесс, направленный на достижение коллективных целей, через взаимное использование мотивов достижения, планируемых изменений, имеющихся у лидера и последователей» (Hawar, Eastman, 1997).

Руководителям структурных подразделений предложили высказать свои представления об удовлетворенности трудом подчиненных (их мотивы, отношение к труду). Полученные результаты соотносились с результатами опроса подчиненных. Опрос включал перечень из 10 мотивов: мотивы-побудители и мотивы-условия, которые были заимствованы из метода оценки уровня притязаний В.К. Гербачевского. К мотивам-побудителям были отнесены: увлеченность деятельностью, познавательный, мотивы избегания неудач, состязательный, самоуважения и смены деятельности. Группа мотивов-условий объединила следующие оценки: сложности работы и результаты, достигнутые в работе.

Результаты корреляционного анализа показателей оценок руководителей и специалистов банка рассматривались с помощью ранговых коэффициентов корреляции Спирмена, при $p < 0,01$. Были опрошены 9 руководителей и 38 человек специалистов, средний стаж работы которых – более 5 лет. Анализ полученных оценок в обеих группах показал, что мнения руководителей и специалистов совпали в отношении роли социальной значимости результатов деятельности для подчиненных, необходимости признания результатов труда и потребности в расширении возможностей реализации профессиональных знаний в других сферах, повышении квалификации. Руководители избегали оценивать сложности, возникающие в работе подчиненных, и достиг-

нутые ими результаты (успехи и ошибки), но эти факторы оказались высоко значимыми для специалистов.

Корреляционный анализ показал наличие у специалистов двух констелляций мотивов, первая – это интерес к работе, социально-ценный результат своего труда, готовность конкурировать и стремление избегать низких результатов в работе. Вторая включила в свой состав позицию «другое» как индивидуально-своеобразный ориентир сотрудника, взаимосвязанный с критичным отношением к себе, включая достижения и ошибки в работе, наряду с мотивом «работа в новой сфере».

Выделенные мотивационные составляющие УТ подчиненных говорят о потребности подчиненных быть включенными в деятельность, о заинтересованности в результатах труда, в стремлении к профессиональному росту, выражающемся в освоении новой работы и признании его успехов. В группе руководителей структура взаимосвязей показателей оценок УТ выделила два главных мотива: признание успехов деятельности и индивидуально-специфичные мотивы (другое). Это говорит, что руководители имеют необходимые психолого-педагогические знания в области мотивации персонала и учитывают индивидуально значимые потребности сотрудника. Вне поля зрения руководители оставляют мотивы, удовлетворенности факторами-условиями профессиональной деятельности, которые, согласно литературным данным (Л. Джуэлл, 2000), не вызывают затруднений при оценке, легко актуализируются.

Полученные результаты отражают особенности индивидуально-экспертной современной организации труда, с проектным типом работ, где индивидуальная продуктивность и технологические ошибки исполнителя заметны руководителям проекта. К специфике банковской деятельности, кроме закрытости, следует отнести преимущественно проектный тип работ, связанный с постоянным обновлением операций, требований деятельности, что влечет за собой усиление роли «менеджера по работе с персоналом» в функциональных обязанностях руководителей структурных подразделений. Это определяет внимание к оценке мотивов-побудителей, в сравнении с мотивами-условиями, как факторов удовлетворенности трудом. Значимые побудители – признание руководителями заслуг и успехов и, как следствие, изменение социального статуса подчиненного в коллективе, что сказывается на ощущении удовлетворенности трудом и потребности в профессиональном развитии персонала.

М.М. Алеевская

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ УСПЕХА АКТЕРОВ ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА

Жизнь человека – это непрерывный поток активности. Она включает действия, переживания. Человек хочет добиться большего. Сказать «стремится» – значит признать, что он прилагает свои усилия. Естественное чувство неудовлетворенности у многих выливается в фантазирование, в зависть, тоску – ни то ни другое не способно сделать лучше ни человека, ни его жизнь. Немногие люди считают, что достигли предела своих желаний и довольны собой. Мир потребностей обновляется и расширяется. Достигнув цели, человек обнаруживает, что радостное состояние духа сменяется новыми потребностями. Светлый горизонт, на который нацелены помыслы, обозначается словом УСПЕХ. Это то, чего не хватает многим, чего каждый хотел бы добиться.

Актуальность выбранной проблемы вытекает из зависимости успеха от мотивации – одной из важных проблем современной психологии. Поколения ученых пытались определить, что такое мотивация, проследить этапы ее возникновения и формирования, обозначить пути влияния на мотивацию, найти способы ее измерить. В итоге сформулировано множество научных теорий, концепций, появились разнообразные точки зрения на мотивацию и на процессы управления ею. Практическая актуальность связана с важным вопросом мотивации деятельности человека. Факты, полученные в психологии, говорят о том, что мотивации достижения успеха и избегания неудачи являются важными и относительно независимыми видами мотивации человека и его жизнедеятельности.

Одна из профессий, где признание, слава, успех являются важнейшими компонентами профессиональной деятельности, – это профессия актера. В связи с этим проведено исследование, объектом которого стали актеры драматического театра. Методы измерения мотивации успеха, используемые сегодня, в большинстве своем проигрывают за счет отсутствия четкости ответов, также результаты показателей не поддаются жесткой стандартизации, многое в интерпретации каждого конкретного случая зависит от ситуации. Для изучения мотивации успеха, как необходимого компонента профессиональной деятельности актера, был использован метод мотивационной индукции (ММИ) Ж. Нюттена. Он позволяет изучить мотивационные объекты группы испытуемых. Процедура исследования содержания мотивации

методом ММИ представляет собой список из 40 неоконченных предложений. В этой методике предложения сформулированы от первого лица в единственном числе; так что испытуемые спонтанно относят предъявленные высказывания к самим себе. Каждое из словосочетаний является началом предложения, которое необходимо закончить. Далее выявляется набор текущих мотивационных объектов, которые были переведены в 14 основных категорий. Каждая из этих категорий, модальностей и компонентов обозначается в коде содержания своим особым символом.

В результате проведенного исследования были получены следующие результаты. В группе актеров выявлены такие доминирующие категории: «Карьера / Работа» (40,87 %), «Самосовершенствование» (22,29 %), «Благополучие близких» и «Семейная жизнь» (20,43 %), «Осуществление планов / желаний» (14,86 %). Такое распределение по релевантности мотивационных категорий позволяет сказать, что актеры осознанно развивают свои профессиональные качества и умения. Их деятельность направлена на развитие карьеры, планирование траектории профессионального движения. Категории «Благополучие близких» и «Семейная жизнь» стоят на одной черте в процентном соотношении. Возможно, эти категории равноценны и относятся к близкому кругу общения. Благополучие, в данном контексте, выступает как индикатор степени удовлетворения значимых для актеров потребностей, соответствия жизненного пути значимым для них ценностям и убеждениям. Благополучие близких проявляется в удовлетворенности широкой системы социальных связей, с наличием позитивных межличностных отношений, которые проявляются в форме дружбы, любви и поддержки. Категория «Осуществление планов / желаний» говорит о стремлении актеров воплотить в жизни профессиональные и личностные цели и задачи, что позволит обеспечить развитие личности в заданном направлении.

Н.А. Александрова

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ПОДРОСТКОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА СЕМЬИ

На протяжении всего периода взросления родители являются для ребенка чрезвычайно значимыми людьми, выступая и как источник эмоциональной поддержки, и как директивная инстанция, распорядители жизненных благ, наказаний и поощрений, и как образец, пример

для подражания, воплощение лучших личностных качеств, модель взаимоотношений с другими людьми. Также родители являются источником знаний, жизненного опыта, друзьями и советчиками в решении сложных жизненных проблем. По мере взросления ребенка соотношение этих функций и их психологическая значимость изменяются. Семья приобретает особое значение в подростковом возрасте, сенситивном для профессионального и личностного самоопределения. Профессиональное самоопределение рассматривается, с одной стороны, как значимый компонент профессионального развития человека, с другой – как критерий одного из этапов этого процесса. Данный подход позволяет ввести понятие уровня профессионального самоопределения, показателями которого являются сформированность профессионального плана, степень информированности о выбранной профессии, мотивы выбора профессии, уровень профессиональной зрелости (готовности).

Целью исследования было изучение влияния различных типов семей на уровень профессиональной готовности подростков. Для определения типа семьи использовалась специально разработанная анкета и опросник И.М. Марковской «Взаимодействие родитель–ребенок», для исследования уровня профессиональной готовности использовалась методика А.П. Чернявской. Были обследованы 242 человека, в возрасте 14–17 лет. Мы предположили, что уровень профессиональной готовности, как одной из характеристик профессионального самоопределения, существенно различается в зависимости от типа семьи. Математическая обработка включала сравнение средних значений с помощью t-критерия Стьюдента. Для разделения семей на группы относительно семейных факторов использовался метод кластерного анализа. Основной фактор разделения семей на 2 большие группы – наличие отца в семье как значимой фигуры для ребенка. Всего мы получили 7 групп в зависимости от различного сочетания семейных факторов.

Интересными представляются результаты сравнения показателей профессиональной готовности между некоторыми группами семей. Так, в семьях с разным образованием родителей обнаружены статистически значимые различия по показателю принятие решения ($p < 0,01$), т. е. дети в семьях с более высоким образованием родителей обладают большей самостоятельностью в принятии решений, принимают на себя ответственность за решение и его последствия и показывают значимо выше умение планировать свое будущее, в том числе профессиональное (лучше оценивают временную перспективу своей жизни и профессионального будущего). Подростки из семей с высшим образо-

ванием родителей имеют более сформированный профессиональный план, у них выше осведомленность о выбранной профессии и отмечается гораздо большее влияние различных факторов на их профессиональное самоопределение ($p < 0,05$). В сплоченных семьях с позитивной внутрисемейной коммуникацией (степень выраженности взаимопонимания – позитивная, формы взаимодействия с родителями – позитивные), с преобладающим демократическим стилем отношений, где дети признают авторитет обоих родителей и выражают большую удовлетворенность в отношениях с ними, значимо выше, по сравнению с другими типами семей, показатели по таким шкалам, как информированность ($p < 0,01$), автономность ($p < 0,05$), планирование ($p < 0,05$), принятие решения ($p < 0,01$). Уважительное отношение родителей к мнению детей способствует значимо большему влиянию на детей в отношении выбора будущего (в том числе профессионального) ($p < 0,01$). В конфликтных семьях, где часто наказываются дети, нарушена внутрисемейная коммуникация (степень выраженности взаимопонимания – негативная, формы взаимодействия с родителями – негативные), где преобладает авторитарный стиль отношений и оба родителя оцениваются, как требовательные, строгие, контролирующие, при непоследовательном воспитании со стороны матери, наблюдаются самые низкие показатели профессиональной готовности ($p < 0,01$) и совершенно не сформированный профессиональный план, по сравнению с другими семьями ($p < 0,05$).

На наш взгляд, изучение различных типов семей позволит определить проблемные зоны будущего профессионального самоопределения подростков и индивидуально направить психологическую помощь и поддержку в процессе подготовки таких подростков к выбору профессионального пути.

Е.М. Алексеева

МЕНТАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Фундаментальными проблемами психологии являются взаимоотношения объективной действительности и субъекта познания, восприятия и представления. В литературе последних лет наблюдается рост числа исследований, в которых осуществляется обращение к рефлексивным аспектам различных психических явлений, к их ментальным репрезентациям. Несмотря на то, что к проблеме ментальных репре-

зентаций разработаны разные подходы, многие вопросы в этой области науки до сих пор остаются открытыми. Само понятие ментальной репрезентации крайне сложно. В отдельных работах отмечается близость ментальных репрезентаций со структурами знаний. В изучении того, как накапливаются знания человека о психических феноменах и как представлены и структурированы эти знания в ментальном плане, заключается одна из актуальных задач для современной психологии.

Исследования ментальных представлений о психических состояниях занимают особое место. Здесь изучаются не психические состояния сами по себе, а то, что люди думают и говорят о них, как их себе представляют. Состояния являются наиболее индивидуальным и субъективным феноменом психики, и выявление универсальных (инвариантных) и специфических (индивидуальных) компонентов в представлениях о них может продемонстрировать важные закономерности в формировании структуры представлений о мире в целом и о себе. Имеются исследования, посвященные ментальным репрезентациям и образам эмоций, структурам организации знаний об эмоциях, представленности эмоций на различных уровнях сознания (Л.Я. Дорфман, 1997; Е.А. Сергиенко, 2002).

Однако практически отсутствуют исследования, целью которых явилось бы целостное изучение и описание содержания и структуры ментальных репрезентаций психических состояний. Гипотезы исследования: 1. Существуют универсальные и специфические компоненты ментальных репрезентаций состояний, соотношение компонентов различно для представлений о состояниях разного знака и психической активности; 2. Содержание ментальных репрезентаций психических состояний включает ряд базовых составляющих: типичные ситуации, вызывающие состояния, основные виды проявлений состояний (мимические, двигательные и пространственные), а также образы и символика состояний.

Методологическую основу исследования составили положения С.Л. Рубинштейна по проблеме психического отражения и структуры сознания, разработки Б.Ф. Ломова о системной детерминации психических явлений и поведения, субъектный подход к описанию человека (С.Л. Рубинштейн, 1998; Б.Г. Ананьев, 1968; А.В. Брушлинский, 1994), когнитивный подход и центральное его понятие ментальной репрезентации (А.В. Брушлинский, Е.А. Сергиенко, 1998), психосемантический подход, в рамках которого личность рассматривается как носитель сложной картины мира, которая включает представления о внешних объектах и психических явлениях (В.Ф. Петренко, 1983; А.Г. Шмелев,

1982, 1983; Е.Ю. Артемьева, 1999). Достоверность результатов обеспечивается обоснованностью гипотез, проведением экспериментов с использованием разных методов реконструкции представлений о состояниях, репрезентативностью выборки испытуемых, использованием методов математической статистики. На основании полученных эмпирических данных описываются характеристики и компоненты структуры ментальных репрезентаций состояний, которая включает универсальный и специфический компоненты. Фиксируется преобладание универсального компонента, что выражается в типичности словесных описаний, наличии ядра семантических пространств состояний. Описано содержание ментальных репрезентаций психических состояний, выделены их базовые составляющие – типичные ситуации, вызывающие состояния, основные виды проявлений состояний (мимические, двигательные и пространственные), а также образы и символика состояний.

Раскрытые закономерности и особенности ментальных репрезентаций психических состояний могут успешно использоваться и в практической психологии: 1) в сфере диагностики психических состояний; 2) для разработки надежной практической системы активного управления психическими состояниями и организации мероприятий, направленных на обеспечение высокой эффективности гетеро- и саморегуляции; 3) в психотерапии и в психологическом консультировании с целью коррекции психических состояний и поведения индивида.

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ, проект МК-2298.2010.6.

М.В. Аллахвердов

ИМПЛИЦИТНЫЕ ТЕОРИИ ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Под имплицитными теориями мы понимаем неосознаваемую систему представлений, имеющих иерархическую структуру. С помощью имплицитных теорий человек, несмотря на то, что он непосредственно это и не осознает, совершает выбор того или иного поведения в зависимости от ситуации, в которой он находится. Мы выделяем пять уровней имплицитных теорий по степени их обобщенности, изменяемости и задействованности. Первый уровень, являющийся наиболее обобщенным, содержит в себе имплицитные теории, которые с помощью простых представлений описывают наибольшее количе-

ство явлений. Следующие уровни – это, по сути дела, усложнение базовых имплицитных теорий, при введении в них условий применения. Таким образом, на первом базовом уровне находятся представления человека о мире в целом и человеческой природе, на втором уровне – представления об индивидуальных ценностях, мотивах и об образе себя. С помощью имплицитных теорий третьего уровня человек имеет представления о правилах взаимодействия с другими людьми и механизмах социального познания. Четвертый уровень содержит имплицитные теории о конкретных ситуациях, а пятый уровень содержит представления о характеристиках объектов, окружающих человека.

Мы считаем, что теории более высокого уровня оказывают влияния на теории более низкого уровня, тем самым играя ключевую роль в принятии решений о том или ином поведении. Наш эксперимент показал, что при задействовании имплицитных теорий более высокого уровня человек неосознанно использует имплицитные теории более низкого уровня, которые изменяют его поведение. Мы предлагали испытуемым выполнить следующее задание. На экране компьютера им предъявлялись одновременно две картины. При этом одна из них являлась репродукцией оригинальной картины художника, а вторая была зеркальным отображением этой репродукции. Задача испытуемых была сказать, какой из двух представленных вариантов – настоящая репродукция оригинальной картины. Мы предполагали, что у каждого человека существуют имплицитная теория об изобразительном искусстве и более конкретная имплицитная теория о характеристиках картин, таких как их ориентация в пространстве.

По результатам этого этапа эксперимента испытуемые были разделены на три группы, так чтобы среднее количество правильных ответов в каждой группе было приблизительно одинаково. Статистически значимых различий между тремя группами обнаружено не было. Затем на втором этапе всех испытуемых попросили повторно выполнить задание, предлагаемое им на первом этапе. Однако каждой группе давалась своя инструкция. Испытуемым в первой группе предлагалось стать «экспертами». Предполагалось, что когда человека признают экспертом, это означает, что человек успешен в той деятельности, в которой его сделали экспертом. Таким образом, имплицитная теория себя как эксперта также выполняет функцию положительной обратной связи для имплицитной теории композиции. Если бы испытуемый мог эксплицировать это воздействие, то, скорее всего, это звучало бы так: «Я – эксперт, следовательно, я, наверное, успешно справился в первый раз, значит, мои критерии выбора правильные». Второй группе в ин-

струкции давалась прямая положительная обратная связь. Им сообщалось, что они успешно справились в первый раз, и просили их повторить задание еще раз. Испытуемые в третьей группе были контрольной группой. Наши результаты показывают, что подтверждение имплицитной теории более высокого уровня приводит к повышению эффективности. Если у человека изначально была правильная имплицитная теория, то его успешность увеличивается. Если же у человека изначально была неправильная имплицитная теория, то тогда при получении подтверждения такой теории она укрепляется и приводит к тому, что его эффективность даже понижается.

Таким образом, мы можем говорить о том, что влияние имплицитных теорий высоких уровней велико. Мы предполагаем, что на принятие решений человека влияют базовые имплицитные теории о детерминированности или свободе, о доверии, о смерти и жизни, о любви. Также важную роль играет имплицитная теория о смысле жизни. Дальнейшие исследования требуются для проверки этих утверждений.

О.А. Ананьева

МОТИВАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРОЕКТНО-СТРОИТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И РЕКЛАМНОГО АГЕНТСТВА

Исследование мотивации профессиональной деятельности не потеряла своей актуальности и в настоящее время. Инновационные технологии подталкивают человека на освоение новых программных обеспечений, а появление новых профессий склоняет к освоению новых функций с целью увеличения производительности труда. Профессиональная мотивация – это процесс побуждения себя и других к деятельности, направленной на достижение определенных результатов. Эффективность мотивации обусловлена индивидуальными особенностями работника, половыми различиями, возрастом, образованием, материальным благополучием семьи. Кроме того, известно, что результативность мотивационного воздействия зависит от особенностей деятельности работника, сложности и ответственности выполняемой работы, степени разнообразия выполняемых заданий, наличия обратной связи по результатам деятельности.

Профессиональная мотивация тесно связана с системой ценностных ориентацией и потребностями работников. Система ценностных ориентаций определяет отношение человека к труду и представляет

универсальные потребности человеческого существования. Для выявления особенностей профессиональной мотивации и ценностных ориентаций нами было проведено эмпирическое исследование на базе проектно-строительной организации и рекламного агентства. В опыте приняло участие 53 человека: специалисты по проектированию рабочих помещений (экспериментальная группа) и менеджеры по рекламе (контрольная группа). Средний возраст – 35 лет. Образование – высшее. Диагностика профессиональной мотивации и ценностной ориентации осуществлялась с помощью следующих методик: оценка удовлетворенности потребностей Методом парных сравнений, Мотивационный профиль персонала (методика Ю.К. Балашова и А.Г. Коваля), опросник «Обзор ценностей» (методика Шварца), оценка «Удовлетворенности работой» (методика В.А. Розановой).

Методика парных сравнений показала, что специалисты по проектированию испытывают потребность в самовыражении и материальной потребности, это обусловлено спецификой их деятельности. С помощью методики Ю.К. Балашова и А.Г. Коваля выявлен профессиональный и инструментальный тип мотивации. Люди с профессиональным типом мотивации стремятся удовлетворить потребность в самовыражении через проявления инициативы и ответственности за свое дело. Характеристика инструментального типа: интересует цена труда, а не его содержание (т. е. труд является инструментом для удовлетворения других потребностей). При изучении ценностных ориентаций были выявлены такие ценности, как универсализм, безопасность и доброта. Доброта, универсализм и безопасность формируют в человеке заботу о своих близких, способствуют созданию гармонии в семье и на работе. В современном обществе забота выражается не только в проявлении внимания, но и в удовлетворении материальных потребностей, которые являются неотъемлемой частью для благополучия семьи и создания психологического комфорта.

Менеджеры по рекламе испытывают потребность в самовыражении, признании, материальную потребность и потребность в безопасности. С помощью методики Ю.К. Бала шова и А.Г. Коваля у них, так же, как и у специалистов по проектированию, был выявлен профессиональный и инструментальный тип мотивации. По методике Шварца выявлены такие доминирующие ценности, как универсализм и самостоятельность. Мотивационная цель данного типа ценностей – понимание, терпимость, зашита благополучия всех людей и природы. Самостоятельность – цель этого типа, состоит в самостоятельности мышления и выбора способов действия, в творчестве и исследовательской активности.

Результаты эмпирического исследования были обработаны при помощи программы SPSS. Для сравнения двух выборок использовался критерий U Манна–Уитни. С помощью данного критерия были выявлены достоверные различия ($p < 0.05$) в материальной потребности, в инструментальном, патриотическом и люмпенизированном типе мотивации и среди таких ценностей, как традиции, самостоятельность и власть.

Е.Ю. Андронова

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Одним из важнейших аспектов современной жизни человека является сфера его профессиональной деятельности. Современные условия управления коллективом предъявляют высокие требования к личности руководителя. На показатели эффективности и качество работы, бесспорно, влияют как личностные особенности, так и определенные эмоциональные компетенции. Совокупность значимых эмоциональных компетенций получила широкую известность как «эмоциональный интеллект». Эмоциональный интеллект – совокупность качеств, определяющих способность человека управлять собой и своими отношениями с другими людьми, складывается из четырех основных компонентов: самоанализа, самоконтроля, социального анализа и управления межличностными отношениями. В свою очередь каждый из компонентов включает целый ряд конкретных умений и навыков.

Впервые обозначение EQ (коэффициент эмоциональности) по аналогии с IQ (коэффициентом интеллекта) ввел в 1985 г. клинический физиолог Р. Бар-Он. Само понятие «эмоциональный интеллект» вводят в 1990 г. Д. Мэйер и П. Саловей, хотя о взаимосвязи эмоциональной и когнитивной сфер психики высказывались еще великие ученые античного мира (Платон, Аристотель). Позже коллега П. Саловея Д. Карузо написал, что эмоциональный интеллект – это не противоположность интеллекту, не триумф разума над чувствами, это уникальное пересечение обоих процессов. В отечественной психологии идея единства аффекта и интеллекта нашла свое отражение в трудах Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева.

Цель данного исследования: изучить взаимосвязь уровня и параметров эмоционального интеллекта с личностными особенностями руководителей. В исследовании принимали участие руководители и

специалисты коммерческих организаций Санкт-Петербурга. Всего 43 респондента, из них 20 мужчин и 23 женщины, из которых 24 специалиста и 19 руководителей. Возраст от 20 до 67 лет. Средний возраст – 34,9 лет. Гипотезы исследования: 1. У руководителей с высоким показателем уровня эмоционального интеллекта наиболее выражены такие личностные особенности, как эмпатия и самопринятие. 2. Уровень эмоционального интеллекта у руководителей выше, чем у специалистов. Для исследования использованы следующие методики: методика оценки уровня эмоционального интеллекта Н. Холла; методика оценки личностных особенностей CPI.

Выдвинутая гипотеза подтвердилась полностью. Руководители с высоким показателем уровня эмоционального интеллекта более чувствительны и деликатны во взаимоотношениях с коллегами, более уверены в себе, а позитивное самовосприятие привносит оптимизм в повседневную деятельность, тогда как специалистам в большей степени свойственны сомнения и, возможно, самообвинения. Можно сказать, что руководители более предприимчивы, любят власть, с большей силой стремятся добиться результата в начатом деле. Амбициозность, инициативность и открытость помогает с большей легкостью принимать правильные и своевременные решения. В выражении своих взглядов и мнений специалисты более сдержанны и склонны к молчаливому согласию. Желание взаимодействовать с людьми и чувство юмора, свойственное большему количеству руководителей, позволяет находить выход и поддержку в сложных жизненных ситуациях.

Сравнение общего уровня эмоционального интеллекта показало, что руководители и специалисты адекватно могут справляться со своими эмоциями, осознавая состояние других, грамотно выстраивая взаимоотношения. Однако руководители в большей степени, нежели специалисты, обладают такими качествами, как способность выработать для себя мотивацию и настойчиво стремиться к достижению цели, несмотря на провалы, сдерживать порывы и откладывать полученные удовлетворения, контролировать свои настроения и не давать переживаниям лишить себя способности думать, сопереживать и надеяться.

Полученные данные находят свое отражение во многих сферах кадровой работы, а само исследование эмоционального интеллекта вносит вклад в теорию личности, дополняя ее структуру таким компонентом, как эмоциональный интеллект, и помогает объяснить ее функционирование.

Т.А. Анисимова

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТЕХНИК, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕБАТАХ

Развитие медиа-технологий и все большая театрализация политической коммуникации неизбежно приводят к увеличению числа манипулятивных техник, используемых современными публичными политиками в процессе общения. Психологическая сущность манипуляции состоит в эксплуатации человеческих эмоций. Отличительной чертой психологических манипуляций является отношение к партнеру по взаимодействию и общению не как к личности, обладающей самоценностью, а как к специфическому средству, посредством использования которого достигаются, как правило, скрываемые цели манипулятора, реализуются его интересы и удовлетворяются собственные потребности без учета интересов, воли и желаний другой стороны (Г. Грачев, В. Мельник, 2003). Существуют особенности рассмотрения манипулятивных техник в политической коммуникации, а именно: рассмотрение феномена не сводится к простейшей схеме манипулятор–жертва. В политической коммуникации третий участник манипулятивного акта – публика, является самым значимым. На кафедре политической психологии СПбГУ (совместно с Е.В. Ярыгиным) было проведено эмпирическое исследование, целью которого стало изучение процесса манипулирования в условиях публичных политических дебатов. Объектом являлись публичные политики современного российского общества, деятельность которых регулярно освещается в СМИ. Предмет исследования – политическая речь в форме публичного политического спора, на протяжении которого оппоненты применяли по отношению друг к другу различные манипулятивные техники.

Мы использовали метод экспертных оценок. Экспертами выступили 6 человек, знакомых с ситуациями публичной дискуссии. Процедура исследования заключалась в том, что группе экспертов были представлены для анализа шесть стенограмм публичных политических споров, происходивших в телевизионной программе «К барьеру». В них участвовали 12 политиков. Стенограммы были предварительно обработаны: экспертам предоставлялась только та часть, в которой происходил непосредственно спор двух политических персон. Реплики ведущего передачи, как и ответы на них, при анализе стенограммы не учитывались. Экспертов просили регистрировать манипулятивные приемы, обнаруженные в диспуте, по мере их появления, в соответствии с перечнем, предложенным В.Н. Панкратовым (2000).

Получены следующие результаты. 1. Из учитываемых видов манипулятивных техник прикладной характер носят 14. Техники «раздражение оппонента», «дискредитация собеседника» и «ирония» эксперты не могут практически дифференцировать, таким образом, их можно объединить как «раздражение». 2. Манипулятивные техники «использование непонятных слов и терминов», «двойная бухгалтерия», «оказание услуг», «усталость», «отсрочка» не были обнаружены ни в одной из обрабатываемых стенограмм. Эти техники интерпретируются нами как соответствующие формату телевизионного выступления (когда речь политика должна быть предельно понятна и комфортна для восприятия массовой аудиторией, а также отвечать временным параметрам телепередачи) и отвечающие тенденции современных политиков в условиях дебатов демонстрировать агрессию. 3. Анализ частоты встречаемости манипулятивных техник выявил преобладание приема «раздражение оппонента» (45 % от общего количества манипуляций), что связано с легкостью применения (не требует отслеживания собственных реплик и ответов оппонента на уровне аргументации), а также с отношением к оппоненту, взаимодействие с которым прогнозируется заранее как жесткое и агрессивное. 4. Сочетания манипулятивных техник имеют тенденцию образовывать однородные массивы, т. е. определяют своеобразный «диалог» двух манипулятивных воздействий: техника, использованная одной стороной, побуждает оппонента к использованию другой манипулятивной техники в качестве ответной реакции. 5. Каждый из участников имеет тенденцию использовать ограниченный репертуар техник, характерных для него. При этом в случае длительного взаимного манипулирования этот набор упрощается за счет увеличения совпадений используемых техник у обоих участников спора (30 % от общего количества манипуляций).

Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы» (государственный контракт № П2403 от 18 ноября 2009 г.).

Ю.В. Антонова

ОРИЕНТАЦИЯ НА КЛИЕНТА И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ ПРОДАВЦА КНИЖНОГО МАГАЗИНА

Клиент-ориентированная деятельность продавца современного книжного магазина, характеризующаяся высокой интенсивностью общения, необходимостью решать сложные коммуникативные задачи по

обслуживанию клиента, может приводить к профессиональному выгоранию продавца. Достижение определенности в вопросе взаимосвязи ориентации на клиента и выгорания позволит разработать адекватные методы профилактики выгорания субъектов труда и реабилитации «выгоревших» специалистов. Цель – исследование взаимосвязи ориентации на клиента с профессиональным выгоранием продавцов книжных магазинов. Гипотеза – чем выше ориентация на клиента у продавца, тем меньше его профессиональное выгорание. Выборка – продавцы книжных магазинов г. Новокузнецка в количестве 25 человек (2 мужчины и 23 женщины) в возрасте от 21 до 49 лет. Методики: 1) опросник «Профессиональное выгорание» Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой; 2) диагностики профессиональной направленности продавца Е.В. Дворцовой; 3) методика для оценки уровня социально-психологической адаптации продавца (опросник Р.У. Исмагилова, адаптированный для профессии продавца Е.В. Дворцовой; 4) методика «Ориентация предприятия на клиента» (Р. Литтл).

Математико-статистическая обработка данных: вычисление первичных статистик, корреляционный анализ (критерий Пирсона). С помощью методики диагностики профессиональной направленности продавца Е.В. Дворцовой выявлено, что 80 % респондентов ориентированы в первую очередь на клиента, главную роль в их деятельности играет личность клиента, умение выяснить его потребности. Наименьшее количество исследуемых продавцов, всего 8 %, ориентированы в большей степени на товар. Остальная часть опрошенных (12 %) наибольшее внимание уделяют самому процессу продажи. Методика Р.У. Исмагилова также показала, что отношение к покупателям в группе исследуемых продавцов находится на высоком уровне 10,16 ± 0,94. Схожие результаты были получены и по методике Р. Литтла, которая показала, что ориентация предприятия на клиента, по мнению продавцов, находится на высоком уровне. Профессиональное выгорание в группе респондентов с более высокой ориентацией на клиента составляет: по эмоциональному истощению 25,14 ± 3,18; по деперсонализации 7,43±1,55 и по редукции персональных достижений 35,57 ± 3,57. Группа продавцов с меньшей ориентацией на клиента: эмоциональное истощение 20,00 ± 4,12; деперсонализация 7,18 ± 1,47; редукция персональных достижений 37,64 ± 5,10. Таким образом, профессиональное выгорание находится на среднем уровне в обеих группах, но сотрудники с более высокой ориентацией на клиента имеют более высокие значения по таким компонентам, как эмоциональное истощение и деперсонализация.

Корреляционный анализ показал, что существует положительная взаимосвязь между ориентацией на клиента и эмоциональным истощением ($r = 0{,}64$, $p \leq 0{,}01$). А также выявлена опосредованная положительная связь ориентации на клиента с деперсонализацией ($r = 0{,}58$, $p \leq 0{,}01$). Следовательно, высокая ориентация на клиента влечет за собой развитие таких компонентов выгорания, как истощение и деперсонализация. Эмоциональное истощение в свою очередь отрицательно коррелирует с такими показателями, как ориентация на товар ($r = -0{,}52$, $p \leq 0{,}01$) и «поддержка встречи с клиентами» ($r = -0{,}42$, $p \leq 0{,}05$). В первом случае полученный результат можно объяснить тем, что работа продавца книжного магазина напрямую связана с книгой, которая является одной из духовных ценностей. В связи с этим данная профессиональная деятельность может обогащать и дополнять внутренний мир сотрудников. Выявлена отрицательная корреляция между деперсонализацией и «системой, поддерживающей результативность работы с клиентом» ($r = -0{,}45$, $p \leq 0{,}05$). Если в организации существует система, поддерживающая результативность работы с клиентами (например, учет этого аспекта при начислении премий), то это способствует уменьшению деперсонализации (продавцы становятся более терпимыми в ситуации общения с клиентами, активнее идут с покупателем на контакт, их отношение к клиенту улучшается). Таким образом, установлено, что чем выше у продавца книжного магазина ориентация на клиента, тем больше риск развития у него профессионального выгорания. Первоначальная гипотеза не подтвердилась. Нам представляется в качестве объяснения полученной взаимосвязи наличие некоторого фактора, опосредующего эту зависимость. В качестве такого фактора мы предполагаем неумение продавцов противостоять профессиональному стрессу.

О.А. Аракчеева

РАЗВИТИЕ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ УМСТВЕННО ОТСТАЛЫХ ДЕТЕЙ-СИРОТ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Проблемы развития общения стали одними из ведущих направлений исследований в психологической науке, и в том числе в специальной психологии. Данная тенденция в современных психологических исследованиях объясняется изменением методологической ситуации, отчетливо определившейся в специальной психологии в последние два десятилетия. Межличностное общение детей-сирот играет большую

роль в эмоциональных контактах со сверстниками и взрослыми и меняется в зависимости от условий воспитания. Опыт первых отношений как со взрослыми, так и со сверстниками является основой для дальнейшего развития ребенка. Этот первый опыт во многом определяет особенности самосознания человека, его отношение к миру, социальное поведение среди людей.

Предметом нашего исследования стало межличностное общение умственно отсталых детей-сирот дошкольного возраста. Объект исследования – умственно отсталые дети-сироты старшего дошкольного возраста. Целью исследования являлось изучение особенностей развития их межличностного общения. Исследование проводилось с применением следующих методов: биографический метод, метод опроса, проективный метод, включенное наблюдение. На диагностическом этапе исследования был использован комплекс методик: методика экспериментальной оценки невербального поведения личности (В.А. Лабунская, 1999); проективная методика исследования межличностных отношений (Р. Жиля, адаптирована Л.М. Шипицыной); анкета «Особенности общения» (О.В. Защиринская); тест тревожности по отношению к ряду типичных для ребенка жизненных ситуаций общения с другими людьми (Р. Теммл, М. Дорки, В. Амен). Анализ различий между умственно отсталыми детьми-сиротами и другими сверстниками проводился на основе измерения 63 показателей, которые относились к различным аспектам межличностного общения, включая вербальную и невербальную коммуникацию.

С целью обобщения полученных эмпирических данных был проведен двухфакторный дисперсионный анализ, оценивающий влияние факторов умственной отсталости и социального статуса. Депривационные условия приводят к переживаниям дошкольниками чувства собственной несостоятельности и неспособности решать возникающие проблемы в межличностном общении со сверстниками. В условиях воспитания в детском доме дети говорили о том, что они расстраиваются при невозможности легкого выхода из проблемного положения: «Я расстроюсь и уйду», «Буду плакать, если не перестанут смеяться». Дети-сироты предпочитают прибегать к помощи взрослых (воспитателей) при невозможности решить конфликт самостоятельно. Умственно отсталые дети отличаются нарушением экспрессивной и импрессивной речи. Высказывания дошкольников данной группы имеют односложный, нераспространенный характер.

Результаты эмпирического исследования позволили выявить доминирующее влияние фактора «диагноз» на развитие общения ум-

ственно отсталых детей-сирот дошкольного возраста. Легкая умственная отсталость обусловливает возникновение таких особенностей, как снижение стремления к установлению межличностных отношений со сверстниками, отсутствие инициативы и лидерских качеств. Информацию об этом психолог смог получить от самих испытуемых, которые старались описать свое поведение в малой социальной группе как инактивное. На вербальном уровне умственно отсталые дети-сироты также испытывают существенные затруднения в диалогическом общении. Фактор «социальный статус» оказывает непосредственное влияние на увеличение для умственно отсталых детей-сирот роли общения с воспитателем. При этом депривационные условия повышают частоту фрустрационных реакций, которые демонстрируют ограниченность социальных навыков и представлений воспитанников детского дома независимо от их диагноза. Таким образом, на развитие межличностного общения умственно отсталых детей-сирот дошкольного возраста наиболее существенное влияние оказывает нарушение интеллекта. У этих детей особенности межличностного общения будут проявляться на уровне реализации двух основных компонентов – эмоциональном и когнитивном. Специфической характеристикой общения умственно отсталых детей-сирот также является недоразвитие невербального репертуара межличностной коммуникации.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Стили общения школьников с нарушением интеллекта», проект № 10-06-00058а.

В.А. Артемьева

ИЗУЧЕНИЕ ПОНИМАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ СТУДЕНТАМИ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Профессиональная адаптация молодого специалиста, его карьерный рост во многом зависит от того, какие факторы достижения успеха он выделяет. В современных исследованиях нет единой точки зрения относительно вопроса профессиональной успешности у представителей разных полов и разных профессиональных сфер. Исследования проводились, в основном, в банковской, образовательной, производительной, туристической, транспортной сфере и в сфере власти. Однако в строительной индустрии данный вопрос мало изучен.

В связи с вышеизложенным целью нашего пилотного исследования явился анализ факторов понимания профессиональной успешно-

сти в рамках строительных специальностей студентами технического вуза. В исследованиях приняли участие 89 студентов 4 курса СПбГАСУ, возраст которых от 19 до 25 лет, из них 47 юношей и 42 девушки.

На первом этапе данного исследования проводился опрос студентов. Респонденты отвечали на вопрос: «какие качества необходимы для профессиональной успешности?». В результате контент-анализа получившихся ответов были получены наиболее значимые, по мнению студентов, факторы профессиональной успешности. Полученные данные ранжировались, в результате чего был подготовлен опросный лист для второго этапа работы.

На втором этапе опрашиваемым был предложен полученный опросный лист, состоящий из 18 качеств, которые предлагалось ранжировать в соответствии с тем, насколько, по мнению респондентов, то или иное качество является более или менее важным для достижения успеха в профессии строителя. Полученные данные были проанализированы при помощи методов математической статистики. В результате мы получили уровни значимости качеств, необходимых, по мнению студентов, для достижения успеха в профессии строителя. Таким образом, мы выделили три уровня качеств: I уровень: коммуникабельность, трудолюбие, надежность, ответственность; II уровень: активность, специальные знания, целеустремленность, адекватность, сообразительность, заинтересованность, гибкость; III уровень: пунктуальность, честность, обучаемость, стрессоустойчивость, внимательность, наглость. Значимых гендерных различий в ответах респондентов нами выявлено не было. Отметим, что самым важным, по мнению студентов, является «коммуникабельность», а не профессиональные знания. Также интересным оказался и тот факт, что такое качество, как «наглость», по мнению респондентов, оказалось необходимым для достижения профессионального успеха.

Третий этап исследования заключался в изучении карьерной ориентации студентов, которую мы изучали, используя методику Э. Шейна. Полученные результаты были проанализированы при помощи методов математической статистики. Данный этап исследований обнаружил гендерные совпадения и различия в ответах респондентов: как для юношей, так и для девушек одинаково важны карьерные ориентации – стабильность места работы, менеджмент и автономия. Для девушек приоритетными оказались ориентации служения и интеграции стилей жизни. Для мужской половины ведущими оказались ориентации на стабильность места жительства, профессиональная компетентность, вызов, предпринимательство. В дальнейшем предполагается

продолжить изучение причин изменения понимания факторов профессионального успеха и гендерных различий карьерных ориентаций.

Л.В. Артищева

ОБРАЗ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ: ВОЗРАСТНОЙ АСПЕКТ

Психическое состояние играет важную роль в жизнедеятельности человека, оно тесно взаимосвязано с другими психическими явлениями, имеет многие аспекты существования, а также характеризуется возрастными особенностями. Опыт переживания состояния фиксируется в памяти человека в виде образа. Мы предполагаем, что в зависимости от возраста образ состояния будет иметь свою специфику. Нами было проведено исследование, направленное на изучение возрастных особенностей таких состояний, как радость, бодрость, тревога, заинтересованность, спокойствие, горе, усталость, утомление, печаль. Испытуемые (700 человек) различных возрастных групп оценивали предложенные состояния с использованием опросника «Рельеф психического состояния», разработанного А.О. Прохоровым. Применялось следующее разделение по возрасту: 6–10, 10–11, 11–13, 14–15, 15–17, 17–21, 21–30, 30–40, 40–60, 60–75, 75–90 лет. Данные были статистически обработаны и получены следующие результаты.

С возрастом у образов состояний положительной модальности наблюдается тенденция к снижению интенсивности элементов системы. При этом можно отметить, что состояние бодрости имеет свои особенности протекания в каждой возрастной группе, что отражено в его образе. В 6–10 лет оно переживается более ярко. Также состояние бодрости в каждом возрасте сопровождается высокой интенсивностью протекания психических процессов и активностью в поведении. Радость почти во всех возрастах переживается схожим образом, особенно на поведенческом уровне. При этом можно отметить, что психические процессы и переживания, являясь ведущими подструктурами во всех возрастных группах, определяют данное состояние. Образ отрицательного состояния высокого уровня интенсивности (тревога) характеризуется низкими значениями показателей, неоднородностью динамики и большим числовым разбросом. Во всех возрастах при протекании данного состояния усиливается чувство страха, паники, безысходности. И лишь в 10–11 и 75–90 лет состояние тревоги переживается не так обостренно. Зато сложность в регуляции данного состояния свойственна возрастам 40–75 лет. Показатели образа состояний среднего

энергетического уровня имеют небольшой разброс значений и не очень значимые возрастные различия. Снижение значений характеристик зависит от самого переживаемого состояния, например, образ состояния заинтересованности только в 15–17 лет имеет самую низкую интенсивность (что мы объясняем особенностями подросткового возраста), а показатели образа состояния спокойствия снижают интенсивность постепенно к 75–90 годам. Также обнаружено, что в 11–13 лет структура образа заинтересованности имеет высокий индекс организованности, связанности, возможно в силу познавательной активности в этом возрасте. Такой же особенностью обладает и образ спокойствия.

Каждое психическое состояние низкого уровня психической активности имеет свои определенные возрастные особенности. Характеристики образа состояния горя ведут себя разнородно, имеют выраженный разброс значений и незначительные возрастные изменения. В данном состоянии на уровне физиологических реакций наблюдаются выраженные ухудшения. Поведение характеризуется как закрытое и напряженное, и состояние переживается глубоко, особенно в возрасте 11–13 и 75–90 лет. Структурные элементы образа состояний печали, усталости, утомления в каждом отдельном блоке имеют свою особенную динамику, но везде демонстрируют выраженный разброс значений. Во всех возрастных группах наблюдается тенденция к погружению в состояние печали на уровне переживаний с усилением данной особенности с возрастом. Усталость более ощутимо проявляется в 60–75 лет на уровне физиологических реакций. Высокая утомляемость характерна возрастам 15–17 и 60–75 лет. В состояниях усталости и утомления значительно снижается степень интенсивности протекания психических процессов и усиливается глубина переживания данных состояний. В целом состояния низкого энергетического уровня демонстрируют разнообразие и разнородность способов переживания в разных возрастных группах, что находит свое отражение в различном числовом эквиваленте всех характеристик их образов.

Е.Е. Астапенко

ТЕХНОЛОГИЯ И КОММУНИКАЦИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ

Одним из направлений исследования профессиональной деятельности человека является изучение свойств организации как возможностей и ограничений, которые сопровождают его трудовой процесс. Часто изучение организации связано с организационной культурой,

куда, по мнению Л.А. Уайта, также относятся такие подсистемы, как технологическая, социальная и идеологическая. Технологическая подсистема состоит из орудий труда и технологий их использования, она позволяет осуществлять человеку контакт с окружающей средой; социальная подсистема состоит из межличностных отношений, выраженных в коллективных и индивидуальных моделях поведения; идеологическая подсистема состоит из идей, верований, знаний, выраженных посредством речи или в иной символической форме. Развитие культуры происходит через прогресс в совершенствовании орудий труда, социальной структуры. Таким образом, изменения возможны как через технологическое, так и через социальное направление. Идеологическая подсистема является менее динамичной, и ее изменение происходит как следствие влияния изменения остальных подсистем культуры. А значит, изучение социальной подсистемы – организационных коммуникаций, которая зачастую является предметом психологического исследования, не в полной мере может описать динамику организационных изменений. Из фокуса психологических исследований выпадает одна из ключевых составляющих организационной динамики – изменение технологий. Технология и структура коммуникаций в организации тесно взаимосвязаны.

Основные классификации технологий предложены Д. Вудворт и Ш. Перро. Первая классификация технологий включает в себя три типа: единичные технологии, технологии массового производства и непрерывные технологии. Первый тип характеризуется индивидуальностью производимой продукции, т. е. основную функцию представляет процесс разработки продукта (удовлетворение требований заказчика), сюда также относится и мелкосерийное производство. Данный тип технологии подразумевает интенсивную горизонтальную коммуникацию и слабую вертикальную. Массовое производство ориентировано на большие партии однотипной продукции, основную роль играет функция производства (так как основным преимуществом является снижение себестоимости продукции). Такой тип технологии определяет интенсивную вертикальную коммуникацию и слабую горизонтальную. Этот тип взаимосвязан с механистической структурой. Непрерывное производство, в свою очередь, связано с производством поточной продукции (например, химическое производство и т. п.). Несмотря на то, что производство в высшей степени механизировано, горизонтальная коммуникация интенсивна, а вертикальная – слаба, что связано с требованиями к квалификации и примерно равным объемом работников производства и вспомогательных служб. Основную

функцию в таком типе представляет маркетинг (продвижение продукции).

При проведении исследования структуры коммуникации и технологий двух организаций нам удалось выявить некоторые из перечисленных свойств. Объектом исследования выступали руководители и инженерно-технический персонал предприятий, а предметом – структура коммуникаций и ее соответствие технологии производства. В производственной организации, которая попала в фокус нашего исследования, наблюдались смешанные характеристики двух типов технологий: массового и единичного. Кроме формальных свойств технологий, было отмечено, что в организации высокий уровень коммуникаций между сотрудниками присутствует как на горизонтальном уровне, так и в рамках коммуникаций «начальник–подчиненный» (т. е. коммуникации интенсифицированы по сравнению с описанными в моделях). Организация находится на этапе роста и постепенно меняющейся структуры коммуникаций. Для данной организации оказались характерны несоответствие нового формализованного типа координации работников и сложившейся организационной культуры, что указывали сотрудники в предварительных интервью как причины возникновения конфликтных ситуаций. Сотрудники второй организации, занимающейся монтажом и наладкой оборудования, к которой наиболее применим тип технологии единичного производства, наоборот, показали низкое количество горизонтальных и вертикальных коммуникаций. Вся деятельность, несмотря на единичный характер продукции, оказалась формализована. В качестве вывода можно лишь сказать, что модель, предложенная Д. Вудворт для описания технологий и связанных с ними особенностей коммуникации, скорее всего не подходит для строительно-монтажных организаций, и применима лишь для производственных фирм.

На основании данного пилотного исследования руководителям организаций были предоставлены рекомендации по изменениям в структуре коммуникаций и ликвидации излишних взаимодействий сотрудников, а также согласовано проведение углубленного исследования коммуникаций. Одним из направлений дальнейшего исследования будут конфликты, сопровождающие переход от одного типа технологии к другому (межличностные конфликты – борьба за власть сотрудников производственного подразделения, роль которого растет при переходе к массовому производству и подразделения, занимающегося разработкой продукции, так как его роль снижается по сравнению с занимаемой ранее при технологии единичного производства).

Н.Ю. Афонина

ФЕНОМЕН «НЕНОРМАТИВНОГО» ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ РАЗВИТИЯ: ОСНОВЫ ДИАГНОСТИКИ

На сегодняшний день наиболее перспективным направлением в исследовании феноменов «ненормативного» отклоняющегося развития представляется подход, исключающий селекцию личности по тем или иным наличным способностям и позволяющий анализировать процессуальные аспекты деятельности ребенка. Разнообразные психологические тесты, которые исходят из идеи количественной оценки свойств психического развития, представляют собой важные, но лишь вспомогательные инструменты психологической диагностики. Полученные с их помощью показатели, характеризующие степень выраженности способностей, хотя и предполагают наличие некой четкой «границы», определяющей достигнутую «высоту», на деле же попадают в «зоны» развития (иногда весьма широкие). Таким образом фиксируется отклонение от нормы, т. е. ярко выраженные внешние характеристики (например, ЗПР или одаренность), и в результате вместо изучения личности ребенка начинают изучать сами по себе признаки отклоняющегося развития.

Исследование психологической природы ненормативного развития и создание валидных и надежных методов выявления «особенных» детей ограничивается узкими рамками решения чисто прикладных задач: в частности, определением дальнейшего образовательного маршрута. Избежать последнего можно, если исходить при интерпретации результатов диагностики из концепции психического развития личности, где собственно психическое развитие определяется как преобразование внутренней структуры объектов, имеющих системное строение. Примечательно, что именно соотношение уровня развития перцептивных, мнемических, мыслительных и речевых компонентов познавательной сферы оказывается качественно своеобразным для «особенных» детей и не сводимым к соотношению тех же процессов, получаемому в ходе диагностики детей группы «нормы». То есть для детей с ЗПР и одаренных детей характерна иная (!) структура познавательной деятельности.

В основу определения «рисунка» структуры познавательной деятельности ложится представление о смысловом строении сознания. Диагностическим критерием сформированности того или иного психического процесса выступает проявление элементов произвольности. Так, для детей старшего дошкольного возраста это умение понять ин-

струкцию и выполнить указания экспериментатора при минимальном количестве отвлечений. Диагностический комплекс, направленный на идентификацию отклонения в развитии, целесообразно строить таким образом, чтобы исследователь мог зафиксировать раннюю качественную перестройку функции и проследить основные линии развития зависящих от нее структур. Подобный подход позволяет с достаточной степенью достоверности определить «психологический возраст» ребенка и установить момент, послуживший отправной точкой начала искажения его психического развития. Кроме того, результаты такой диагностики способствуют выделению некой зоны потенциальных возможностей ребенка, от характера реализации которых будет зависеть степень проявления отклонения, будь то одаренность или задержка психического развития.

Подводя итог, отметим, что помимо безусловной практической значимости, в наиболее общем, концептуальном плане признание правомерности использования «диагностики развития» способствует становлению принципиальных отправных моментов новой социокультурной парадигмы, особенно ценным в которой является понимание психического развития как феномена индивидуального, неповторимого пути конкретного ребенка в условиях данной конкретной культуры. На наш взгляд, это один из наиболее плодотворных путей изучения отклоняющегося развития в целом, как явления уникального и глубоко личностного.

А.Е. Банюхова

ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ

В последнее десятилетие в психологии творчества все чаще можно обнаружить разделение креативности на интеллектуальную и социальную разновидности. Рассмотрев существующие исследования по данной проблеме (В.Н. Дружинин, Д.Б. Богоявленская, А.А Попель, Н.А. Тюрьмина, С.Ю. Канн, Т.Ю. Осипова, О.Ф. Остроумова; C. Mouchiroud, T. Lubart, L.-M. Chuang, R.E. Purser, A. Montuori), мы определяем социальную креативность как комплексное качество личности, позволяющее понимать и анализировать причины и динамику различных социальных ситуаций, а также принимать эффективные, творческие, нестандартные решения ситуаций межличностного взаимодействия. В структуру социальной креативности включаются когнитивные, моти-

вационные, эмоциональные, коммуникативные и экзистенциальные параметры.

Целью данной работы является разработка и реализация программы развития социальной креативности студентов. Значимость изучения и развития социальной креативности будущих специалистов обусловлена усложнением ситуаций социального взаимодействия, повышением их нестандартности, усилением требований к продуктивности общения. В экспериментальной программе приняли участие 100 студентов 1–2 курсов Новосибирского государственного технического университета специальностей «Регионоведение», «Менеджмент» и «Связи с общественностью». Из них 50 человек составили экспериментальную группу, в которой на протяжении трех месяцев проводилось целенаправленное развитие компонентов социальной креативности, и 50 человек – контрольную. Анализ эффективности проведенного тренинга показал, что у студентов экспериментальной группы произошли существенные позитивные изменения. Это свидетельствует о том, что развитие социальной креативности студентов возможно реализовать в единстве когнитивных, мотивационных, коммуникативных, эмоциональных и экзистенциальных компонентов.

Социальная креативность предполагает выраженность творческого отношения к жизни, стремление к личностному росту, самосовершенствованию, к самоактуализации. На наш взгляд, эта характеристика личности выражает наиболее общую мотивационную составляющую социальной креативности, ориентацию личности на гармонию и баланс внутри себя, на поиск путей и возможностей реализации своих потенциалов. Основополагающим элементом для социальной креативности является и чувствительность к себе, самопонимание. Человек в достаточной степени отдает себе отчет в своих потребностях и чувствах, что приближает его к собственной сущности. По А. Маслоу, только личность, достигшая определенной степени такого внутреннего баланса, обладает потенциалом к продуктивному социальному взаимодействию с другими людьми. Эмоциональный компонент социальной креативности обнаруживается в способности понять и почувствовать эмоциональное состояние другого человека, проявлении эмпатии. К. Роджерс считал эмпатическое понимание одним из необходимых условий, способствующих созидательному творчеству. По нашему мнению, эмпатия является важным компонентом в структуре социальной креативности, поскольку сопровождает процесс общения и способствует поддержанию эмоционального фона в условиях проявления социального творчества. Смысложизненные ориентации каждого человека – это набор

свойственных только данной личности ценностей и целей, которые она выбрала как основополагающие своего существования.

В структуре социальной креативности экзистенциальные параметры составляют особую группу качеств. Наличие у человека цели придает жизни осмысленность, направленность и временную перспективу, а также влияет на то, как человек интерпретирует мир, реагирует на него и наделяет смыслом собственное поведение и переживания. Таким образом, экзистенции становятся для человека креативным свойством, когда сам человек осознает себя самореализующимся, свободным и открытым к новым формам мышления и взаимодействия.

Таким образом, в структуре взаимосвязанных элементов социальной креативности обнаруживается единство мотивационных, коммуникативных, интеллектуальных, эмоциональных и экзистенциальных параметров, каждый из которых представляет собой отдельный блок личностных характеристик и проявлений, имеющих определенное значение в процессе межличностного взаимодействия. Повышение уровня социальной креативности возможно путем систематического и комплексного развития основных структурных компонентов.

С.С. Баранская

ПРОБЛЕМЫ ДИАГНОСТИКИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ

Имеющиеся на сегодняшний день трудности измерения организационной лояльности можно свести к нескольким важным проблемам: недостаточной разработанности теоретических основ, отсутствию адаптаций зарубежных моделей для российской выборки, а также разграничений демонстрируемой и реальной форм лояльности. Несмотря на наличие разработанных зарубежных моделей лояльности и методик ее измерения, результаты исследования часто не отражают реального отношения сотрудников к своей организации. Данная проблема широко рассматривается как зарубежными (М. Болино, Д. Руссо), так и отечественными исследователями (М.И. Магура, К.В. Харский) и имеет несколько причин, требующих серьезного анализа и доработок.

Первая группа причин связана с недостаточной проработанностью самого термина «организационная лояльность» и включает в себя следующие проблемы: 1. Обеспечение внешней валидности исследования через разграничение в понятии организационной лояльности правового и психологического аспектов. Первый из них связан с представлениями о благонадежности и «безопасности» сотрудника для организа-

ции: формальное соблюдение им норм и правил организации, демонстрация законопослушного поведения (модели И.Г. Чумарина и А.В. Коврова). Психологический аспект лояльности заключается в возникновении у сотрудников отношений, эмоций и чувств по отношению к организации. Формальное соблюдение установленных норм и правил не гарантирует преданности сотрудника; лишь его сочетание с психологической составляющей способно отражать реальный уровень лояльности. 2. Отсутствие единого представления об организационной лояльности в имеющихся кросскультурных моделях. Характерная для западных моделей идея взаимовыгодного обмена или же транзактного контракта (Д. Руссо) между сотрудником и организацией резко противоречит восточному культу добровольного и бескорыстного служения своей организации, верности и преданности ей. 3. Наличие большого количества синонимов термина и соответствующих им моделей организационной лояльности как в рамках отечественных, так и в рамках зарубежных концепций. К таким синонимам относятся понятия: «вовлеченность в работу» (Р. Канунго), «гражданское поведение» (Д. Орган) и «просоциальное поведение» (М. Болино), «патриотизм» (М.И. Магура), «лояльность работе» (П. Морроу), «organizational commitment» (Р. Браун) и многие другие. Несмотря на кажущуюся близость смыслов, все существующие синонимы лояльности имеют собственный подтекст, что затрудняет использование результатов исследований, полученных в рамках разных теоретических концепций.

Вторая группа причин возникающих сложностей практического исследования организационной лояльности связана со стремлением сотрудника всегда демонстрировать бóльшую лояльность организации, чем есть на самом деле. Степень искренности ответов респондентов всегда остается спорной и может привести к большим разногласиям в результатах исследования даже в пределах небольшой выборки.

В связи с поставленными проблемами, необходимо разработать ряд мер, способных снизить риск ошибок при практическом исследовании организационной лояльности. К ним могут относиться такие рекомендации: 1. Тщательная проработка теоретических основ организационной лояльности, включающая в себя: необходимый этимологический анализ термина «лояльность»; прояснение синонимов организационной лояльности и основанных на них моделях; разграничение правового и психологического аспектов лояльности; адаптацию или же создание собственной кросскультурной модели организационной лояльности. 2. Использование различных методов качественного и количественного анализа для многостороннего исследования организаци-

онной лояльности (анкетирование, беседа, проективные методики, оценка активности участия сотрудников в мероприятиях своей организации). 3. Параллельное с основным исследование факторов организационной лояльности. К ним относят: вовлеченность в работу и профессию (Р. Канунго), удовлетворенность работой (Д. Холл, С. Рабинович), ценности личности (М.И. Магура), организационную справедливость (П. Суини, Р. Мурман). Измерение данных факторов часто представляет меньшую сложность, чем измерение организационной лояльности, однако дает большое количество дополнительной информации, позволяющей делать более точные выводы относительно реальной лояльности сотрудников к своей компании.

Т.А. Басыгысова

ПОКАЗАТЕЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ В МЕТОДИКЕ «ШКАЛА ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫХ ЭМОЦИЙ» К. ИЗАРДА

В семантическом поле концепта «эмоциональность» можно выделить два основных смысла, являющихся методологическими основаниями как в построении теоретических моделей, так и в организации исследований. В первом случае эмоциональность интерпретируется как интегрирующий концепт для всех видов аффективных (эмоциональных) свойств и состояний. Второй вариант определяет эмоциональность как формально-динамическое свойство. Подход, заложенный школой Теплова–Небылицына и получивший развитие в исследованиях В.М. Русалова, в наибольшей степени иллюстрирует именно второе направление, позволяя измерять это свойство. Опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ), разработанный В.М. Русаловым, позволяет диагностировать 4 параметра (эргичность, пластичность, скорость, эмоциональность) в 3 сферах (психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной), а также ряд дополнительных параметров. Определение типов темперамента основывается на соотношении двух регистрируемых параметров: общей активности и общей эмоциональности. Таким образом, данный подход определил качественную специфичность концепта «эмоциональность», заключающуюся в свойстве интенсивности, количестве переживаемых эмоций.

Второму подходу соответствует и теория К. Изарда, согласно которой в структуре эмоциональных процессов можно выделить базовые эмоции, различающиеся модальностью, и дифференцированные – более тонкие, дифференцированнные базовые эмоции и их сочетания. Для

диагностики базовых эмоций автором была предложена соответствующая методика − Шкала дифференцированных эмоций (ШДЭ).

Как известно, ШДЭ не отвечает требованиям стандартизации, что, безусловно, ставит под сомнение диагностические возможности данной методики. Поэтому мы произвели процедуру стандартизации, осуществленную на выборке в 1169 испытуемых, которая позволила сопоставлять данные в сравниваемых, унифицированных показателях – стенах (Т.А. Басыгысова, Т.А. Адмакина, 2009). Поскольку ШДЭ описывает модальностную структуру эмоций и их интенсивность по отношению друг к другу, оценка показателя общей эмоциональности в ее количественном аспекте автором методики не предполагалась.

Н.В. Беломестновой (2002) был предложен ряд вторичных показателей ШДЭ: средний показатель по положительным эмоциям, среднее по положительным когнитивным эмоциям, среднее по отрицательным эмоциям (стеническим и астеническим), среднее по стеническим, среднее по астеническим и общая эмоциональность, слагаемая из стеновых показателей по всем базовым эмоциям (ОЭ). Таким образом, данная математическая процедура позволила получить показатель, который иллюстрирует интенсивность переживания в целом и, на первый взгляд, не отражает специфики модальностной структуры эмоций конкретного индивидуума.

Соответственно, можно предположить, что данный показатель также может являться валидным для оценки эмоциональности как формально-динамического свойства. Данное положение легло в основу организации исследования и обработки полученных данных, поскольку именно индекс общей эмоциональности (ИОЭ) в ОФДСИ являлся независимой переменной, а ОЭ в ШДЭ – зависимой. Объем выборки составил 177 человек, возрастной диапазон которой 15–25 лет. Распределение по полу: юношей – 50 человек (28,2 %), девушек – 127 человек (71,8 %). Обнаруженная положительная взаимосвязь ($r = 0,36^{**}$) между ИОЭ и ОЭ свидетельствует о подтверждении поставленной гипотезы. Иначе говоря, можно утверждать, что вторичный показатель ОЭ в ШДЭ является валидным для оценки количественной характеристики эмоциональности. Вместе с тем обратил на себя внимание неожиданный феномен. Была выявлена положительная взаимосвязь ИОЭ в ОФДСИ со следующими отрицательными базовыми эмоциями: страх ($r = 0,52^{**}$), стыд ($r = 0,48^{**}$) и вина ($r = 0,39^{**}$). Поскольку перечисленные эмоции относятся к астеническим, то и вторичный показатель по отрицательным астеническим эмоциям также положительно коррелировал с ИОЭ ($r = 0,56^{**}$). Примечательно, что

этот феномен был обнаружен нами ранее при изучении формально-динамических свойств в структуре характера (Т.А. Басыгысова, 2009). В результате была выявлена взаимосвязь между ИОЭ и психастеническим характером, в феноменологии которого ядерной характеристикой является чрезмерная выраженность астенических эмоций. Таким образом, предлагаемый концепт общей эмоциональности индивидуума теряет беллетристичность и обретает свойства реального психологического измеряемого явления, которое возможно исследовать экспериментально-эмпирически.

А.Л. Башун

ВЛИЯНИЕ ВОСПРИЯТИЯ МУЗЫКИ НА ПСИХИЧЕСКУЮ СФЕРУ И РАЗВИТИЕ КРЕАТИВНОСТИ У ДЕТЕЙ

В течение всей жизни человек сталкивается с различными событиями или попадает в ситуации, субъективно переживаемые им как трудные, нарушающие привычный ход жизни, зачастую меняющие то, как человек воспринимает окружающий мир и свое место в нем. При потере интереса к учебе, потере места работы, человек теряет и возможность творчески реализовываться. Вопрос о формировании креативности сегодня выступает в рамках изменения подхода к функции образования как субъекта преобразования социума и порождения новых форм общественной жизни, приоритетом которого становится развитие личности и индивидуальности человека. В частности в педагогической психологии оформляется парадигма развивающего образования а в рамках постановки целей образовательных программ и прогнозирования результатов обучения на одно из значимых мест выступает формирование компетенций, связанных с творческой активностью субъекта обучения, и формирования креативности в структуре интеллектуальных способностей.

Одним из стимуляторов творческой активности в мыслительных процессах являются произведения искусства. Наиболее доступным понятным для большинства является музыка. В настоящее время наблюдается взлет в области музыкально-психологических исследований: в Германии К. Рюгер, Г. Декера-Фойгт; в России В.М. Элькин, С.В. Шушарджан, В.И. Петрушин, М.Л. Лазарев и др. Целью автора стало составление программы занятий для детей 6–9 лет, основной задачей которой стала психокоррекция таких эмоциональных состояний, как тревожность и агрессивность (которые ухудшают обучаемость

ребенка, снижают темпы интеллектуального развития), с помощью музыкального воздействия специально организованных мероприятий с включением прослушивания классических музыкальных произведений, творческим самовыражением и спонтанным фантазированием.

Дополнительной целью настоящего исследования стало изучение особенности интеллектуальной и творческой деятельностной активности детей. Занятия проводились в подгруппах по 5–6 человек. Анализ данных показал, что: прослушивание классической музыки и дальнейшая проработка возникших в ходе прослушивания образов в творческой деятельности способствует спонтанному творчеству, эмоциональному раскрепощению, открытому выражению своих мыслей и чувств, конструктивной межличностной коммуникации, позитивному психическому состоянию, снижению психического напряжения и агрессивности в общении. Анализ регистрации эмоциональных состояний детей показал: начиная с первого занятия после прослушивания классической музыки выбор негативных цветов начал резко сокращаться и совсем исчез после четвертого занятия; стали выбираться чаще базовые цвета гармонии, воли, радости и энергии. Сравнение данных контрольной и экспериментальной групп выявило значительное снижение тревожности и агрессивности у детей экспериментальной группы. Показатели контрольной группы остались без значительных изменений. Успеваемость объективная (средний балл по всем дисциплинам и оценка учебной деятельности родителями и учителем) и субъективная (самооценка, желание идти в школу) в экспериментальной группе по окончанию эксперимента была выше, чем у учащихся контрольной группы. Успеваемость по дисциплинам, требующим повышенного внимания и сосредоточенности, – иностранному и русскому языку, математике, чтению – улучшилась. Творческая активность учащихся, ярко проявляющаяся на уроках рисования, музыки, природоведения и литературы (анализ активности осуществлялся по параметрам гибкость, оригинальность, разработанность, беглость), увеличилась с 40 до 86 %, особенное развитие получили параметры гибкости и оригинальности по тесту Торренса.

Таким образом, анализируя все имеющиеся у нас данные, мы пришли к заключению, что специально организованные упражнения с включением прослушивания классических музыкальных произведений, направленных на психокоррекцию состояний тревожности и агрессивности посредством творческого самовыражения и спонтанного фантазирования, оказывают благотворное воздействие на психическое состояние, снижая непродуктивное психическое напряжение де-

тей, усиливают интеллектуальную и творческую активность детей младшего школьного возраста, что, по мнению автора настоящего исследования, является базой для формирования креативности как стабильной характеристики личности ребенка. Упражнения могут быть использованы как школьными психологами, так и классными руководителями в силу своей простоты и легкости выполнения заданий.

К.К. Бейнарович

ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЕМ ЗРЕНИЯ

Одной из особенностей возраста, характеризующего переход от подросткового к раннему юношескому, является специфическая устремленность в будущее (Л.И. Божович, Л.А. Регуш, И.С. Кон). В подростковом возрасте формируется представление о временной перспективе как о целостном образовании, включающем ближний, средний и дальний этапы жизненного пути. Однако планы старшеклассников еще недостаточно реалистичны и продуманы, преобладает стремление повлиять на будущее, подчинить его себе, а не планировать дальнейшую жизнь (Е.И. Головаха). Основной задачей исследования явилось изучение особенностей временной перспективы у слабовидящих и нормально видящих подростков. В исследовании приняли участие 241 старшеклассник в возрасте 14–19 лет, из них 97 – с нарушениями зрения (острота зрения 0,01–0,4 диоптрии). Контрольная выборка составила 144 старшеклассника с нормальной зрительной функцией (острота зрения 0,8–1 дп). Исследование временной перспективы (ВП) проведено с помощью методики Ж. Нюттена. По результатам исследования временной перспективы в группах подростков с ослабленным зрением и подростков с нормальным зрением можно сказать, что по параметру протяженности временной перспективы подростки с нарушением зрения отличаются от нормально видящих подростков. Минимальное значение ВП у слабовидящих и нормальновидящих составляет 2 года. Максимальное значение ВП у слабовидящих подростков 15,8 лет, в то время как у нормальновидящих 18,5 лет. В целом временная перспектива в двух выборках охватывает основные периоды жизненного пути – школа – вуз – работа – семья – продвижение по работе, приобретение материальных ценностей – смерть.

Однако по степени выраженности следующих категорий содержательного анализа временной перспективы между слабовидящими под-

ростками и подростками с нормальным зрением выявлены достоверные статистические различия. Так, у слабовидящих подростков ярче выражена ближняя ВП: активность, связанная с отдыхом, досугом, а также мотивационные объекты, включающие социальные контакты, сконцентрированы на периоде недели (W), $p < 0,05$, месяца (M), $p < 0,1$. В меньшей степени выражен период, относящийся к настоящему времени, т. е. обучение в школе (E2), но период конца года выражен в большей степени (Y), $p < 0,01$ («закончить школу»; «сдать все экзамены»), подростки в большей мере волнуются о сдаче экзаменов. В отдаленной ВП ярче выражен период, относящийся к обучению в вузе (E3), $p < 0,1$ («буду учиться в вузе»; «стремлюсь к обучению»; «не смогу учиться в институте»), – слабовидящие подростки в большей мере проявляют тревожность по поводу поступления и возможности учиться в вузе. В дальней ВП их волнует период пожилого возраста, а именно размышления о пенсии (O), $p < 0,1$ («дожить до старости»; «выход на пенсию»). У подростков с нарушением зрения намерения в большей мере по сравнению с другими периодами связаны с открытым настоящим (l), в котором планируются события до 1-го года, и направлены в большей мере на личностное развитие и на обладание какими-либо личностными качествами («научиться водить машину», «быть хорошим человеком», «работаю над собой и характером»). В отличие от слабовидящих подростков у нормальновидящих подростков в ближней ВП ярче выражены события, связанные с планами на год (Y), $p < 0,01$ («съездить за границу»; «жду летних каникул»). В отдаленной ВП ярче выражен период, относящийся к поступлению в вуз (E3), $p < 0,001$ («поступлю в престижный вуз»; «принял решение пойти в институт»). В средней перспективе преобладают действия и стремления, направленные на саморазвитие, самореализацию в период работы, продвижение по службе, а также материальное благополучие – вторая половина профессиональной карьеры (A2), $p < 0,01$ («добиться хорошей заработной платы»; «стану специалистом своего дела»; «построить хорошую карьеру»).

Таким образом, анализ ВП показал, что у слабовидящих подростков в жизненной перспективе ярче представлены ближняя ВП (неделя, месяц) и конкретные события – поступление в вуз, окончание вуза, а у нормальновидящих подростков – средняя ВП, а именно самореализация в работе и семье. Это свидетельствует о необходимости психологической работы со слабовидящими подростками в направлении формирования стратегий реализации целей в дальней ВП, а также на саморазвитие и самореализацию в разные периоды жизни.

Е.В. Белова

ДИАГНОСТИКА ЛИЧНОСТИ УСПЕШНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ НА ОСНОВЕ РОЛЕВОГО ПОДХОДА

Одной из актуальных прикладных психологических направлений является разработка методов психологической оценки предпринимательской деятельности. Метод оценки зависит от выбора подхода. Функционально-профессиональный подход рассматривает предпринимательство как управление коммерческой организацией, т. е. предпринимательская деятельность приравнивается к управленческой деятельности. Таким образом, в рамках этого подхода предполагается выделение инвариантной структуры управленческих функций. Однако оценка этого подхода показала его малоэффективность для формирования предпринимателей, способных создавать успешно функционирующие организации. Так, исследования, проведенные Б. Карлоффом, показали, что выпускники престижных школ бизнеса не отличаются по способности создавать процветающие организации от тех, кто не прошел специальной подготовки по программе менеджмента в этих школах.

Взгляд на управление организацией с функционально-профессиональной точки зрения адекватен для формирования специалистов управленческого профиля деятельности низового и среднего звена, а также для начальной подготовки управленцев высшего звена. Функционально-профессиональной подход позволяет решать проблемы профессионального отбора и проблему базовой подготовки начинающих менеджеров. По мнению ведущих специалистов, таких как Р. Хизрич, Дж. Ронен, Е.Н. Емельянов и С.Е. Поварницына, понятие «предприниматель» не тождественно понятию «менеджер», в психологической практике возникла другая точка зрения, которая рассматривает управление организацией не как профессию, а как искусство. Одно из применений этого подхода – создание тренинговых программ, используемых при подготовке руководителей.

В настоящее время существует большое количество тренинговоролевых программ. Известный специалист в области управления Ю.Д. Красовский, сравнивая функционально-профессиональный (рационалистический) и ролевой (поведенческий) подходы, приходит к выводу, что в настоящее время в зарубежной управленческой мысли ролевой подход занимает лидирующее положение по сравнению с функционально-профессиональным подходом, так как обладает большим потенциалом. Второе направление применения ролевого подхода,

которое отражено в единичных публикациях, – диагностика личности предпринимателя.

Ролевая концепция личности применительно к руководителям была разработана Г. Минцбергом. Однако эта концепция разрабатывалась для менеджеров и, кроме того, неясны критерии, применяемые для оценки полноты описания ролей. Ролевая концепция С. Уэллса лишена этих недостатков. По мнению С. Уэллса, деятельность эффективного предпринимателя включает в себя три аспекта: установление порядка, вдохновение, повышение производительности. Кроме того, С. Уэллс выделяет три общих направления руководства: система, люди, работа. С. Уэллс предложил девять ролей руководителя коммерческой организации и разработал методику диагностики этих ролей. Но эта методика не применялась для российских предпринимателей. В связи с этим нами были проведены эмпирические исследования, целью которых было изучение ролевых предпочтений успешных российских предпринимателей по методике С. Уэллса. Было установлено – чем выше уровень выраженности каждой роли и шире ролевой репертуар, тем более успешна предпринимательская деятельность.

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет прийти к выводу о том, что разработка методов диагностики личности успешного предпринимателя, основанная на ролевом подходе, является перспективной.

А.Б. Белоусова

КОНСТРУИРОВАНИЕ ТЕСТА ДИАГНОСТИКИ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ

Переживание благополучия является важнейшей составной частью доминирующего настроения личности. Именно через настроение удовлетворенность, как интегративное, особо значимое переживание, оказывает постоянное влияние на различные параметры психического состояния человека и, как следствие, на успешность поведения, продуктивность деятельности, эффективность межличностного взаимодействия и многие другие стороны внешней и внутренней активности индивида. Мы задались целью сконструировать тест, изучающий удовлетворенность жизнью субъекта. При создании теста мы основывались на теории оптимизации Р.Х. Шакурова (2003), в которой утверждается, что человек стремится к оптимуму – повышению ценности своей жизни и деятельности. Согласно данной теории, функция смыс-

ла жизни состоит в оптимизации жизни, в повышении и сохранении ее привлекательности для человека. В наиболее генерализованной, глобальной форме смыслом жизни каждого является счастье, т. е. жизнь, осветленная радостями. Согласно концепции Р.Х. Шакурова, на психологическом уровне общая, генеральная потребность оптимального уравновешивания организма со средой проявляется в четырех формах – стремлениях, тенденциях: 1. Стремление к экономии ресурсов, к удовлетворению потребностей кратчайшим путем, с наименьшей тратой времени, энергии и средств. 2. Тенденция человека к динамизации своей жизни, тяга к изменениям, разнообразию впечатлений, движений, деятельности. 3. Тенденция к ценностному восхождению, тенденция удовлетворять свои потребности на все более высоком уровне. 4. Тенденция закрепления, стабилизации, сохранения стереотипов. Проявляться данные стремления могут в разных сферах жизни и по отношению к разным ценностям.

Мы хотели выявить удовлетворенность жизнью именно как интегральную характеристику. В этих целях был проведен анализ теоретических работ и существующих тестов, который позволил выделить наиболее важные категории – основные сферы жизни и основные потребности. В первую категорию мы включили такие сферы, как профессиональная, образование, любовь, семья, друзья, досуг (увлечения). Во вторую категорию – основные потребности и ведущие терминальные ценности: социальные контакты, материальное положение, саморазвитие, признание окружающих, здоровье. Каждую из сфер жизни и основных потребностей мы рассмотрели с точки зрения выделенных Р.Х. Шакуровым четырех тенденций, вернее, двух крайних вариантов проявления этих тенденций – наличия или отсутствия экономии ресурсов, динамичности жизни, ценностного восхождения и закрепления (стабилизации). Мы предположили, что человек будет воспринимать свою жизнь осмысленной, оценивать ее высоко, будет ею удовлетворен, если в ней гармонично проявляются эти четыре тенденции на полюсе их достаточно полной выраженности в основных жизненных сферах и при удовлетворении важнейших потребностей. Эти тенденции – к экономии, динамизации, ценностному восхождению, стабилизации выступают как важнейшие источники человеческих эмоций и устремлений.

Таким образом, нами сконструирован тест, который состоит из 16 шкал: 1) профессиональная сфера; 2) обучение, образование; 3) семейная жизнь (родительская семья для студентов); 4) дружеские отношения; 5) отдых, увлечения; 6) социальные контакты; 7) материальное

положение; 8) саморазвитие; 9) достижения, успехи; 10) здоровье; 11) любовь; 12) экономия ресурсов, энергии; 13) динамичность и разнообразие жизни; 14) высокий уровень удовлетворения потребностей; 15) стабильность и определенность жизни; 16) обобщенная удовлетворенность жизнью. В пилотном исследовании сконструированного опросника приняли участие 426 студентов (232 девушки и 194 юноши) трех вузов г. Казани. Предварительный вариант теста диагностики удовлетворенности жизнью был проверен на валидность, надежность, дискриминативность. Проведенные статистические процедуры подтвердили статистически значимый уровень объективности, очевидной, содержательной, концептуальной валидностей сконструированного опросника, его высокую надежность и дискриминативность.

В заключение необходимо отметить, что сконструированный вариант теста нуждается в дальнейшей доработке. Но уже сейчас можно утверждать, что он способен диагностировать степень удовлетворенности жизни респондентов.

О.Б. Березина

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕМЬЕ У СОВРЕМЕННЫХ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

В современном обществе уже нет однозначного мнения по поводу того, какой должна быть семья, и это вынуждает молодых людей формировать свою собственную позицию. Становление собственной точки зрения происходит под влиянием разнообразных факторов: наблюдения за родительской семьей, мнения друзей, воздействия СМИ, личного опыта отношений и т. д. Постепенно формируется образ семьи, к которому впоследствии человек стремится. Известно, что удовлетворенность браком в значительной степени зависит от адекватной реализации представлений о семье (С.И. Голод).

Целью настоящего исследования является изучение представлений о семье у современных молодых людей. В исследовании приняли участие 96 человек, проживающих в г. Санкт-Петербурге. Среди них: состоящих в официальном браке – 36, в гражданском браке – 30, встречающихся – 30 человек. Средний возраст мужчин на момент исследования составил 28,6 лет, средний возраст женщин – 25 лет. Установлено, что для 60 % испытуемых семья является самым ценным, что есть в жизни. При этом дети, по мнению многих респондентов, являются неотъемлемой частью семьи – 54 % испытуемых назвали семью

без детей неполноценной («Это скорее пара с документами о том, что это – пара»). Еще 37 % отметили, что не все так однозначно и у семьи без детей тоже есть как свои плюсы, так и минусы. Ценность детей в жизни семьи нашла свое подтверждение и в планах на будущее, которые строят респонденты. 46 % испытуемых планируют иметь двоих детей, на троих детей готовы решиться 31 % и только 12 % не собираются заводить больше одного ребенка. Очевидна и значимость любви в отношениях – 51 % испытуемых считают, что брак без любви не имеет смысла, 23 % респондентов допускают возможность такого брака, хотя считают его нежелательным. В гражданский брак (сожительство) люди, вероятнее всего, также вступают под влиянием любви. Отношение к нему становится все более положительным: 73,5 % респондентов относятся к гражданскому браку одобрительно и только 15 % скорее не одобряют. Однако большинство рассматривает этот вид брака «как этап на пути к зарегистрированному браку». Вероятно, популярность гражданскому браку добавляет и мнение, что регистрация не влияет на отношения (45 %), и только 38,5 % респондентов считают, что официальный брак укрепляет отношения («Считаю, что это самая достойная форма брака, которая, к тому же, показывает серьезность намерений»). Возможно, влюбленные вступают в гражданский брак и потому, что он дает возможность без проблем иметь интимные отношения. Для 86,5 % испытуемых интимные отношения до брака являются допустимыми и желательными, и только для 12,5 % они не так важны. 77 % респондентов воспринимают интимные отношения как неотъемлемую часть любви, ее важную составляющую. И только 34 % считают, что сексуальные отношения сами по себе допустимы и без любви. Таким образом, очевидна значимость интимных отношений в жизни молодых людей.

Взаимодействие супругов в семейных отношениях респонденты представляют себе следующим образом. При принятии решений 83 % испытуемых считают, что супруги должны договариваться друг с другом, 14 % думают, что каждый должен отвечать за свою сферу в семье, а 11 % возлагают принятие решений на мужа. При распределении обязанностей 58 % испытуемых считают, что оба супруга должны и работать, и вести хозяйство. Ситуацию, когда жена работает по желанию, но берет большую часть дел по хозяйству, рассматривают 29 % респондентов, добавляя, что «активная помощь мужа не исключается». Еще 11 % оказались более категоричны: муж работает, жена ведет хозяйство. Иногда решение может приниматься на основе материального фактора («работает тот, кто больше зарабатывает»).

Вопросы воспитания детей также важны в семейной жизни. 78 % респондентов считают, что этим должны заниматься оба супруга, при этом мера участия их родителей в делах семьи, по мнению 59 % испытуемых, должна быть регламентирована, т. е. родители должны помогать только по просьбе супругов. 14,5 % испытуемых считают, что помощь возможна только в крайних случаях или что родители не должны помогать вообще (также 14,5 %).

На вопрос, что больше всего объединяет супругов в семейной жизни, были даны ответы: 86 % – любовь и поддержка, 39 % – сексуальная гармония, 35 % – совместный досуг и общность интересов, 21 % – родительские роли, 13,5 % – ведение совместного хозяйства. В то же время для некоторых испытуемых важны все составляющие: «Все вместе взятое, и чем больше таких граней, тем больше единение».

Е.Ю. Березняк

К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

За последние годы подготовка детей к обучению сильно сместилась в сторону овладения специальными учебными навыками – письму, чтению, счету и очень мало уделяется внимания развитию произвольной деятельности, хотя именно она является предпосылкой успешного обучения в условиях школы. В течение нескольких лет мы проводим профилактическую диагностику готовности детей к обучению. Эти исследования показали, что из 140 пришедших в школу детей сформированную учебную мотивацию имеют не более 60 %, точность внимания соответствует возрастной норме у 65–70 % первоклассников, 35–40 % имеют слабые графические навыки. Возраст прихода в школу сместился в сторону шести лет (30–40 %). Есть дети, которые совсем не умеют слушать преподавателя и не проявляют учебную самостоятельность (около 20 %). Слабое развитие произвольной деятельности характерно и для детей с ММД (их 10–13 %). Из детей с недостаточной произвольной регуляцией можно выделить около 10–12 % первоклассников со слабым понятийным мышлением. Общее количество детей, испытывающих дезадаптацию в первых классах, составляет 30–36 %.

Похожие данные приводят в своих исследованиях Н.Н. Заваденко, А.Ф. Ануфриев и С.Н. Костромина, Л.А. Ясюкова. По данным детских нейропсихологов (Э.Г. Симерницкая, Л.С. Цветкова, Н.К. Корсакова,

Ю.В. Микадзе, А.В. Семенович) развитие тех или иных аспектов психики ребенка однозначно зависит от того, достаточно ли зрел и полноценен развивающийся мозг. Ими же отмечается у современных детей нарастание «дисгенетического синдрома», который проявляется в нарушениях и/или искажениях становления подкорково-корковых и межполушарных взаимодействий мозга, что приводит к дизонтогенезу речевой деятельности, синдромам гиперактивности и дефицита внимания на фоне повышения эпиготовности, несформированности произвольной саморегуляции, т. е. к учебной и социальной неуспешности. Преодолеть трудности ребенка они предлагают с помощью коррекции (метод замещающего онтогенеза), объединяющей в себя когнитивные (преодоление трудностей усвоения знаний, формирование психических функций) и двигательные методы, которые должны применяться в некотором иерархизированном комплексе. Младший школьный возраст является сенситивным периодом для развития произвольных процессов. Формирование произвольности происходит в правильно организованной систематической учебной и трудовой деятельности, в ходе общения. Для начала осознанного действия необходимы мотив и цель деятельности, продуманные способы выполнения, помощь взрослого в организации.

Целями нашего исследования стали: 1) выявление факторов становления произвольной регуляции в младшем школьном возрасте; 2) разработка коррекционной программы для адаптации детей к школе, которая учитывала бы и нейропсихологический и психологический подходы к коррекции. В ходе занятий мы отслеживали динамику в показателях внимания, психомоторных характеристиках, двигательном, эмоциональном контроле, в общении и поведении детей, их мотивацию и самооценку. Эта программа апробировалась нами уже в течение нескольких лет и помогла адаптировать к школе 176 первоклассников. Параллельно осуществлялась работа с родителями (выявление физиологических и психологических причин нарушенных функций, консультирование) и учителями (выбор программ и оптимальная организация учебного процесса). Для более детального рассмотрения влияния групповых занятий на развитие произвольной деятельности детей (как один из факторов ее становления) нами были отобраны экспериментальная (37 человек) и контрольная (23 человека) группы первоклассников, имеющих слабые показатели произвольной деятельности.

Предварительный анализ результатов занятий показал, что родители отметили улучшения в области обучения, эмоционального и по-

веденческого контроля, наблюдения учителей показывают улучшение в общении и поведении детей. Психологический анализ результатов выявил, что показатели внимания и графических навыков выросли в обеих группах. Но в экспериментальной группе оказалось на 10 % больше детей с возросшим объемом и точностью внимания, на 14 % больше с увеличившейся переключаемостью внимания и на 13 % больше овладевших зрительно-моторной координацией. При выполнении графических диктантов в контрольной группе результаты оказались хуже (на 25 % детей). Данные по мотивации и самооценке не однозначны, поэтому требуют дополнительного обдумывания. В дальнейшем предполагается увеличение выборки контрольной и экспериментальной групп и проведение математического анализа данных.

Р.А. Березовская

ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К СВОЕМУ ЗДОРОВЬЮ: ПРОБЛЕМЫ ДИАГНОСТИКИ

В психологии категория «отношение к здоровью» разрабатывается в рамках нового научно-практического направления психология здоровья, одной из наиболее актуальных задач которого является изучение психологических факторов, обусловливающих связанное со здоровьем поведение человека. Отношение к здоровью представляет собой систему индивидуальных, избирательных связей личности с различными явлениями окружающей действительности, способствующих или, наоборот, угрожающих здоровью людей. Оно конкретно проявляется в поступках, переживаниях и вербально реализуемых суждениях людей относительно факторов, влияющих на их физическое и психическое благополучие; а его изучение способствует выявлению системы внутренних механизмов поведения. Следовательно, отношения человека к своему здоровью вполне может быть рассмотрено как одна из основных «мишеней», на которую должно быть направлено внимание специалиста, работающего в области психологии здоровья. Вопрос о продуктивном научном исследовании отношения человека к своему здоровью во многом связан с проблемой выбора научных методов его изучения. В методическом плане, по мнению ряда авторов, концепция «психология отношений» недостаточно разработана (Е.Н. Башкирова, 2003; Б.В. Иовлев, Э.Б. Карпова, 1999; Е.В. Левченко, 1995). До сих пор в психологии нет общепринятого подхода к исследованию отношений личности.

В современной психологии наиболее широкая классификация методов исследования предполагает подразделение их на два больших класса, основывающихся на качественно различающихся методологиях: количественные и качественные. Основными методами диагностики отношений с позиций количественного подхода являются: метод субъективно равных интервалов Л. Терстоуна; метод суммарных оценок (или шкала Р. Лайкерта); метод семантического дифференциала и метод опроса. Количественные методы могут быть охарактеризованы как формализованные и массовые. Качественные (неформализованные) методы ориентированы на достижение углубленного понимания исследуемых психологических явлений; они позволяют не количественно измерять отношения, а качественно описывать их феноменологию, преодолевать дискретность, фрагментарность полученных данных. К числу неформализованных методов относятся: включенное неструктурированное наблюдение; индивидуальное глубокое интервью; фокус-группы; метод незаконченных предложений, а также проективные методы исследования. Рассматривая особенности использования названных методов с точки зрения возможности (полезности) их применения при изучении отношения человека к своему здоровью, следует сказать, что данные, полученные с помощью традиционных формализованных методов исследования, основанные на вербальном отчете респондента, не в состоянии охватить все аспекты познания человеком окружающего мира. В.Б. Семенов (2007) отмечает, что изучение социально-психологических феноменов (в том числе и отношений личности) с позиций системного подхода подразумевает, что попытки чрезмерной формализации и квантификации являются методологически неадекватными. В сложившейся ситуации возрастает потребность в качественных методах исследования, которые дают возможность проникать в глубинные смысловые структуры, недоступные интроспективному отчету респондентов. В последнее время в современной науке все чаще обсуждается вопрос о возможности совмещения этих методов в одном исследовании, поскольку количество и качество следует рассматривать как фундаментальную дихотомию в исследовании социально-психологической феноменологии.

Нами было проведено эмпирическое исследование, одной из задач которого было сравнение результатов, полученных с помощью разных методов. Для изучения особенностей отношения человека к своему здоровью в рамках количественного подхода использовался опросник (Р.А. Березовская, 2005); в контексте качественного подхода – метод свободного описания и модифицированный вариант методики «Цвето-

вые метафоры. Анализ полученных результатов выявил ряд несовпадений самоотчетов и данных, полученных с помощью качественных методов, что требует дальнейшего уточнения. Таким образом, рассмотрев вопросы методического обеспечения исследования, нами обосновывается необходимость комбинирования количественных и качественных методов в изучении отношения человека к своему здоровью, следствием чего является объединение преимуществ обеих методологий, а также расширение и углубление получаемых данных.

И.Е. Блавацкая

ПРОБЛЕМА ДИАГНОСТИКИ СПОСОБНОСТЕЙ К ОСВОЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМИ

Современные изменения в образовательном пространстве существенно актуализировали проблему обучения студентов иностранным языкам. Как в отечественной (Б.В. Беляев, Ю.А. Веденяпин, Н.И. Жинкин и др.), так и в зарубежной психологии (Пимслер, Дж. Керролл и др.) вопросы выявления способностей к иностранным языкам диагностируются на разных уровнях. Обобщение доступной литературы показывает, что одним из перспективных путей для оптимизации процесса обучения студентов иностранным языкам выступает диагностика соответствующих способностей. На основе проанализированной литературы были выделены методики, которые прямо или косвенно позволяли диагностировать данные способности. При этом большинство специалистов (Г.В. Ейгер, Б.В. Беляев, Ю.А. Веденяпин и др.) ключевыми в оценке способностей выделяют познавательные процессы, преимущественно связанные с вербальным запоминанием, вербально-логическим мышлением и сенсорно-перцептивным восприятием. Условно можно представить три основных компонента способностей к освоению иностранного языка: во-первых, способность к обобщению языкового материала (в области грамматической, фонетической формы); во-вторых, способность к фонетической кодировке; в-третьих, способность к индуктивному вербально-логическому запоминанию. Это послужило основой разработки экспериментальной методики диагностики способностей к освоению иностранного языка.

Для оценки мнемического компонента, а именно способности к вербальному запоминанию, мы акцентировали внимание на его психологическом содержании, где успеваемость освоения иноязычного материала связана с быстрым и легким образованиям вербальных ассо-

циаций. Мы допускаем, что индивидуальные отличия вербальной памяти при освоении иностранного языка проявляются в разном объеме, скорости и точности образования соответствующих ассоциативных связей и длительности их сохранения. В соответствии с этим блок заданий нашей методики направлен на измерение индивидуальных характеристик оперативной, кратковременной и долговременной видов вербальной памяти на основе словесных стимулов, представленных на иностранном языке. Уровень развития индуктивного вербально-логического мышления определяется прогностическим показателем успешного, быстрого и легкого формирования и развития в процессе обучения иностранному языку лингвистического мышления, способностей к функционально-лингвистическим обобщениям как общих компонентов способностей к освоению иностранного языка во всех аспектах. Сенсорно-перцептивный компонент оценивался как способность к фонетической кодировке, которая отображает успешность дифференциации звуков иностранного языка, их распознавания и соотношения с соответствующими иноязычными знаками.

Процедура методики строилась нами на основе таких методик: метод Джекобсона, 9-й субтест теста структуры интеллекта Амтхауэра, шкала «Ассоциативные пары» MLAT Дж. Керролла, методика «Перевод с украинского языка на язык суахили», метод оценки долговременной памяти Т.П. Зинченко, два блока заданий – фонетическую нотацию и ключи написания, разработанные Дж. Керроллом (первый блок диагностирует способность различать звуки иностранного языка, запоминать и соотносить их с определенными знаками, второй – способность к установлению ассоциации звука и знака). Первичная апробация разработанной системы диагностики способностей к освоению иностранного языка проводилась на 78 студентах-психологах. Полученные интегральные значения по каждому из выделенных компонентов способностей сопоставлялись с данными экспертной оценки, их выраженности у каждого испытуемого. Экспертная оценка формировалась на основе самооценки и экспертной оценки трех исследователей на основе опроса каждого испытуемого по пятибалльной шкале. Этот подход мы использовали для определения валидности. Анализируя данные, мы видим, что полученные значения выраженности основных компонентов способностей по системе тестовых заданий имеют тесную корреляционную связь с показателями, отражающими экспертную оценку. Так, мнемический компонент – 0,870 ($p \leq 0,1$), сенсорно-перцептивный компонент – 0,647 ($p \leq 0,02$), мыслительный компонент – 0,757 ($p \leq 0,02$). Такие результаты указывают на то, что пред-

ложенный подход и тестовые задания имеют определенную валидность и могут быть использованы для дальнейшего совершенствования предложенной системы диагностики способностей к освоению иностранного языка у студентов.

М.С. Бойко

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СОВМЕСТИМОСТИ СОТРУДНИКОВ КАФЕДР ФИЛОЛОГИИ

Реформирование образовательной системы, осуществляющееся в последние годы в Беларуси, предъявляет высокие требования как к организации деятельности коллективов кафедр в целом, так и к эффективности труда и психологическому здоровью отдельных преподавателей. В связи с этим особое значение приобретает исследование психологической совместимости как феномена, способствующего оптимизации управления деятельностью профессиональных групп и сохранению и поддержанию психологического здоровья работников, в деятельности коллективов кафедр вузов.

Целью настоящего исследования явилось изучение личностных факторов совместимости сотрудников кафедр филологического профиля вузов. Под личностными факторами мы понимаем сочетания личностных характеристик, выделенных в рамках пятифакторной модели личности. В соответствии с двумя основными сферами групповой активности мы выделяем два вида совместимости: эргатическую (в сфере профессиональной деятельности) и рекреационную (в сфере личного общения). Выборку исследования составили 271 диада сотрудников кафедр филологии вуза.

Результаты множественного регрессионного анализа позволили установить, что положительное влияние на совместимость в сфере профессионального взаимодействия филологов оказывает высокий уровень выраженности показателей по шкалам «депрессия» (0,492), «общительность» (0,386), «ценности» (0,162), «сотрудничество» (0,198), «альтруизм» (0,153), «стремление к достижениям» (0,323), а также подобие партнеров по степени выраженности параметров «депрессия» (0,208), «идеи» (0,149) и «скромность» (0,181). Негативное влияние на совместимость преподавателей в сфере профессиональной деятельности оказывает высокий уровень выраженности таких личностных измерений, как «нейротизм» (– 0,314), «поиск возбуждения» (– 0,305), «честность» (– 0,316), компетентность (– 0,246),

«обдумывание поступков» (– 0,147), а также подобие коллег по уровню выраженности ранимости (– 0,169), активности (– 0,159) и чуткости (– 0,131). Выделенные сочетания позволяют спрогнозировать эргатическую совместимость преподавателей кафедр филологического профиля на 44,83 %. На совместимость в сфере личного взаимодействия членов кафедр филологического профиля позитивное влияние оказывает высокий уровень выраженности таких личностных измерений, как «депрессия» (0,185), «импульсивность» (0,273), «активность» (0,453) и «стремление к достижениям» (0,272). Негативное влияние на рекреационную совместимость преподавателей-филологов оказывает высокий уровень выраженности параметра «действия» (– 0,212) и подобие партнеров по степени проявления настойчивости (– 0,136) и позитивных эмоций (– 0,165). Представленные сочетания личностных характеристик сотрудников кафедр филологического профиля позволяют спрогнозировать их рекреационную совместимость на 39,75 %.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что личностные параметры значительно детерминируют характер межличностных отношений сотрудников кафедр филологического профиля. Выделенные сочетания личностных характеристик позволяют спрогнозировать совместимость преподавателей-филологов в среднем на 42 %.

Г.В. Болтик

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРЕАТИВНЫХ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В современной психологии все чаще декларируется принцип гуманизации в обучении, воспитании и развитии каждого ребенка, причем приоритетной признается направленность на развитие личности и способностей ребенка. В связи с этим актуальными становятся исследования, направленные на изучение личностных особенностей, способствующих реализации творческого потенциала ребенка, начиная с самого раннего возраста (Д.Б. Богоявленская, Л.А. Венгер, В.Н. Дружинин, О.М. Дьяченко, А.В. Запорожец). Разработка данной темы поможет глубже понять природу детской креативности, разработать методы их диагностики, проследить преемственность детского сада в развитии креативности детей.

Исследование проводилось на базе трех дошкольных учреждений г. Гомеля: двух неспециализированных детских садов и одного специ-

ализированного детского сада с эстетическим уклоном. На начальном этапе исследования выборка была поделена на две части: 39 дошкольников (5–6 лет), обучающихся в неспециализированном дошкольном учреждении, и 26 дошкольников, обучающихся в специализированном дошкольном учреждении (в конкретном случае – эстетический уклон). После диагностики уровня креативности с помощью краткого теста творческого мышления П. Торренса «Незавершенные фигуры» (фигурная форма), адаптированный И.С. Авериной Е.И. Щеблановой (1995), была вновь сформирована выборка, состоящая из двух групп: старшие дошкольники с высоким уровнем креативности (превышение S2 в 1,5–2 раза по тесту) в количестве 16 дошкольников и старшие дошкольники со средним и низким уровнем креативности – 49 дошкольников. Анализируя полученные данные, можно утверждать, что 80 % креативных детей, составляющих выборку, обучаются в специализированном детском саду.

Так как целью данной работы является определение личностных особенностей старших дошкольников с высоким уровнем креативности, нами были предложены следующие методики исследования личностной сферы: методика исследования самооценки «Лесенка», тест тревожности (Р. Тэммл, М. Дорки, В. Амен) и методика исследования интеллектуальной сферы: методика «Цветные прогрессивные матрицы» Дж. Равена. Для того чтобы доказать значимость результатов данных методик, мы использовали два метода математической обработки данных: а) метод выявления в различии уровня признака t-критерия Стьюдента для независимых выборок; б) метод φ*-углового преобразования Фишера. С помощью методики «Лесенка» мы можем сделать вывод о том, что у старших дошкольников со средним и низким уровнем креативности преобладает высокий уровень самооценки: «Я – хороший». У старших дошкольников с высоким уровнем креативности также преобладает высокая самооценка: «Я – самый хороший». Таким образом, если высокая самооценка сочетается с высоким уровнем креативности, творческий человек хорошо адаптирован к среде, активен, эмоционально уравновешен, независим.

В ходе эмпирического исследования по методике Р. Тэммла, М. Дорки, В. Амен было выявлено, что проявление низкого уровня тревожности у старших дошкольников с высоким уровнем креативности выше, чем у старших дошкольников со средним и низким уровнем креативности. Можно прийти к выводу, что на данном этапе возрастного развития (5–6 лет) происходят изменения в эмоционально-волевой сфере. В этот период у креативных дошкольников отмечается

высокая самооценка / неадекватно завышенная самооценка, которая может качественно измениться до перфекционизма (7–9 лет). Вследствие этого характер личностных проблем старших дошкольников с высоким уровнем креативности во многом определяется особенностями формирования у него самооценки. С использованием методики «Цветные прогрессивные матрицы» Дж. Равена было получено, что у старших дошкольников с высоким уровнем креативности уровень интеллекта выше, чем у старших дошкольников со средним и низким уровнем креативности. Данный результат подтверждает точку зрения Е. Торренса о том, что способность к любому виду творчества обеспечивается, прежде всего, высокими значениями общего интеллекта.

Таким образом, проведя эмпирическое исследование, мы можем утверждать, что дети с высоким уровнем креативности способны быстрее включаться в предлагаемые виды деятельности, инициативны, имеют высокий уровень самооценки, обладают низким уровнем тревожности, а также имеют высокие показатели в уровне интеллекта.

Н.Ю. Борисова

КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕЙ С СИНДРОМОМ ДЕФИЦИТА ВНИМАНИЯ

В последние годы достигнуты большие успехи в изучении одной из самых актуальных проблем нейропедиатрии – синдрома дефицита внимания с гиперактивностью у детей (СДВГ). Дети с СДВГ обычно имеют нормальный или высокий интеллект, однако, как правило, плохо учатся в школе. Помимо трудностей в обучении, синдром дефицита внимания проявляется в двигательной гиперактивности, дефектах концентрации внимания, отвлекаемости, импульсивности поведения, проблемах во взаимоотношениях с окружающими. Следует отметить, что СДВГ наблюдается как у детей, так и у взрослых. Совершенно очевидно, что в фокусе научных исследований, посвященных СДВГ, концентрируются интересы различных специалистов-педиатров, педагогов, нейропсихологов, дефектологов, неврологов. Подобные нарушения внимания и/или явления гиперактивности у детей при отсутствии отставания в психическом развитии часто приводят к формированию значительных трудностей в школьном обучении и социальной адаптации.

СДВГ является в значительной степени врожденной патологией, которая требует своевременной диагностики и комплексной коррек-

ции: психологической, медицинской и педагогической. Длительные проявления невнимательности, импульсивности и гиперактивности, ведущих признаков СДВГ, нередко приводят к формированию девиантных форм поведения. Когнитивные и поведенческие нарушения продолжают сохраняться у многих подростков и взрослых людей, которым в детстве ставился диагноз СДВГ. В подростковом возрасте у гиперактивных детей может рано развиваться тяга к алкоголю, наркотическим веществам. Для них, в большей степени, чем для их сверстников, характерна склонность к правонарушениям. Гипотезой данного исследования стало предположение о том, что у детей с СДВГ функционирование когнитивной сферы личности нарушено.

Таким образом, целью исследования стал сравнительный анализ когнитивной и личностной сферы у детей с СДВГ и детей без видимых нарушений. Объектом исследования стали учащиеся младших классов с СДВГ и здоровые школьники. В исследовании приняли участие 72 ребенка в возрасте 6–8 лет. Для исследования когнитивной и интеллектуальной сферы были использованы следующие методики: методика Кагана «Сравнение похожих рисунков», субтест баттареи Векслера «Сходство», методика «Включенные фигуры» Дж. Уиткина (индивидуальная форма), методика «Прогрессивные матрицы» Дж. Равена, рисуночная методика исследования фрустрации Розенцвейга, Методика «Hand-тест» Вагнера. В целом, полученные результаты исследования подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что у детей с синдромом дефицита внимания с гиперактивностью функционирование когнитивной сферы личности нарушено.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы: 1) Дети с СДВГпо сравнению со здоровыми детьми демонстрируют значимо низкий уровень социальной адаптации. 2) У детей с СДВГ более выражена тенденция к открытому агрессивному поведению, напряжению и директивности. 3) У испытуемых контрольной группы в отличие от детей с СДВГ, более выражена тенденция ориентации при принятии решений на имеющиеся знания и опыт, у них легче происходит генерализация знаний и навыков. 4) Дети контрольной группы тратят больше времени на обдумывание и принятие решений, оценивая свои гипотезы, они собирают больше информации до момента своего ответа, что позволяет им делать меньшее количество ошибок. 5) У детей контрольной группы возрастание поленезависимости способствует успешному решению интеллектуальных задач, в то время как у детей с СДВГ поленезависимость формирует замкнутость на себе, мешая налаживать значимые социальные контакты. 6) Рефлективность,

выражающаяся в обдумывании своих действий в условиях неопределенности, у детей с СДВГ обусловливает появление открытого агрессивного поведения, в то время как в контрольной группе тенденция к рефлективности способствует социальной адаптации. 7) В целом следует говорить о том, что когнитивная сфера личности детей с СДВГ в меньшей степени обеспечивает контроль над поведением, чем у детей, не имеющих подобных нарушений.

Перспективы радикальных изменений в характере развития ребенка должны базироваться на комплексных исследованиях, представлении интегральной оценки личности в целом, с учетом выявления специфических взаимосвязей изучаемых психических особенностей. Результаты, полученные в работе, могут стать основой для дальнейших исследований в этой области, а также могут быть использованы для коррекционной работы.

Брагина И.В.

СВЯЗЬ ПРОТЯЖЕННОСТИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ И УЧЕБНОЙ УСПЕШНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Роль психологического будущего по отношению к настоящему заключается в том, что первое может мотивировать, придавать ценность или, наоборот, обесценивать последнее (М.Р. Гинзбург). Ориентированных на будущее людей характеризует ряд психологических качеств. Л.А. Регуш относит к ним ответственность, которая связана с предвидением последствий принимаемых решений и оценкой своих возможностей при их выполнении, и решительность как единство волевых и интеллектуальных свойств человека (Л.А. Регуш). Согласно Ф. Зимбардо, люди, имеющие децентрацию в будущем, оказываются более успешными в учебе и профессии, поскольку они более добросовестны, умеют ставить цели и достигать их. Способность людей к целеполаганию связывается со способностью отсрочить непосредственное удовлетворение (Л.И. Божович, И.С. Кон). Это означает, что для людей с протяженной временной перспективой характерно предпочтение большего, но отсроченного вознаграждения, тогда как краткосрочная временная перспектива связана с тенденцией предпочитать меньшее, но немедленно доступное вознаграждение.

В настоящем исследовании была выдвинута гипотеза о том, что протяженность временной перспективы коррелирует с учебной успешностью старшеклассников. Старший школьный возраст характе-

ризуется развитием способности к целеполаганию, в учебной деятельности появляются профессиональные интересы; все это создает условия для формирования протяженной временной перспективы. В качестве испытуемых выступили 246 учащихся 10–11 классов двух учебных заведений Санкт-Петербурга. Основным критерием разделения на группы стал уровень учебной успешности (высокий, средний, низкий), в качестве показателя которого использовался средний балл успеваемости за текущий год.

Измерение протяженности временной перспективы осуществлялось методом мотивационной индукции Ж. Нюттена (вариант метода незаконченных предложений). Было получено, что протяженность временной перспективы девушек с высоким уровнем учебной успешности составляет в среднем 8,6 лет, со средней и низкой – 5,9 и 5,7 лет соответственно. У юношей временная перспектива немного длиннее: с высокой успеваемостью – 9,3 лет, со средней успеваемостью – 7,2 лет, с низкой успеваемостью – 6 лет. Различия в женской и мужской выборках обнаружены между первой и остальными группами ($p < 0,01$, t-критерий Стьюдента).

У высокоуспешных старшеклассников ближняя перспектива (цели, выполнение которых предполагается в течение года) представлена в меньшей степени, чем у других групп; их намерения и планы во многом связаны с дальними периодами жизни (профессиональная деятельность, карьерное продвижение). Также для них более свойственно рассуждать о жизни в целом. Старшеклассников второй группы характеризует преобладание во временном профиле текущего периода, т. е. обучения в школе. Школьников с низким уровнем учебной успешности отличает доминирование периода ближайшего будущего, от нескольких дней до месяца, незначительно представлен период обучения в вузе и почти отсутствует дальняя мотивация, связанная с трудовой деятельностью.

Результаты исследования подтвердили гипотезу о взаимосвязи изучаемых параметров. Показано, какую существенную роль играет продолжительность временной перспективы в обеспечении учебной успешности старшеклассников. Формирование в старшем школьном возрасте профессиональных мотивов является основой для постановки дальних целей, делает обучение значимым, в то время как их отсутствие напрямую связано с потерей личностного смысла обучения и соответствующей низкой успеваемостью.

В.М. Бызова, Е.В. Зиновьева

К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ ПЯТЕН РОРШАХА СТУДЕНТАМИ-ПСИХОЛОГАМИ

Тест чернильных пятен Г. Роршаха является одним из достижений проективной диагностики, так как ответы обследуемых обусловлены их особенностями восприятия и прошлым опытом. Целью исследования стал поиск ответа на вопросы: «Какие характеристики пятен студенты-психологи выделяют при восприятии стимульного материала и как ими будет восприниматься процесс работы со стимульным материалом»?

В исследовании приняли участие 95 человек, студенты факультетов психологии СПбГУ и СПбГУКИ, из них 16 юношей и 49 девушек в возрасте 18–19 лет, а также 30 девушек 21–22 лет. Исследование проходило в январе–феврале 2010 г. После выполнения основного задания студентов просили дать комментарии о своих впечатлениях в процессе диагностирования.

Среди выборки девушек 95 % из них восприняли тест Роршаха положительно, о чем свидетельствуют следующие высказывания: «выполнение заданий было увлекательным, поднялось настроение», «мысли светлые, добрые», «интерес, любопытство», «прилив творческих сил, желание заняться творчеством», «воодушевление, оживленность, радость». Также встречались высказывания: «тест переключает на другой образ мышления, включает фантазию, полет мысли, актуализирует приятные воспоминания». На стабилизацию эмоционального фона в процессе работы со стимульным материалом указывают высказывания: «состояние радости, гармонии, спокойствия», «на время теста забыла о своих проблемах, чувствовала заинтересованность, умиротворенность».

Важно отметить, что у 5 % девушек, участвовавших в исследовании, проявились негативные реакции на процедуру, эмоциональный фон скорее понизился – «разболелась голова, глаза, апатия», «настроение немного изменилось в отрицательную сторону, больше реагировала на черно-белые изображения», «плохое настроение, потеря интереса, пассивный настрой, нет желания что-либо делать», и дестабилизировался – «ощущения не очень приятные, нервное напряжение, не расслабиться», «к концу теста почувствовала себя немного неуравновешенной», «появилась тревожность».

Интерес представляет восприятие цветных пятен, которые вызвали скорее позитивный эмоциональный отклик – «стало больше эмо-

ций», «особенно понравились цветные рисунки», «больше всего реагировала на яркие цвета», «очень рада цветным пятнам», «стало веселее, когда появились цветные картинки», «цветные рисунки легче интерпретировать», «очень понравился X рисунок, яркий, оптимистичный», «интерес и фантазирование появились с цветных карт», «легче работать с цветными картами». В некоторых случаях цветные карты вызывали неоднозначную реакцию: «цветовые карты действовали возбуждающе, цвет мешал», «цвет вызывал неприятные ассоциации и ощущения, настроение все время менялось в связи с образами». Были выявлены два случая «цветового шока»: «цветовые пятна после черно-белых бросались в глаза, некий шок, много информации», «в цвете тяжелей, так как не могла уловить целостный образ как черно-белом варианте, после теста заболела голова».

По сравнению с девушками, юноши дали меньше описаний своих впечатлений о восприятии стимульного материала и процесса работы с ним, что может свидетельствовать об их меньшей готовности к самораскрытию и, возможно, о трудностях с дифференцировкой своего эмоционального фона и вербального отчета о нем. Особенности восприятия пятен Роршаха юношами отражаются в следующем: «настроение почти не изменилось, стал более сосредоточенным, внимательным», «смутили образы, которые увидел на картинках, появилось чувство неуверенности, неспокойствия», «испытывал легкое волнение, так как давно хотел пройти тест, теперь ощущаю волнение, очень хочется узнать результат, появилось удовлетворение от свершения давно засевшей идеи, бодрость», «вначале испытывал беспокойство из-за серых красок, но по ходу выполнения теста мой эмоциональный фон преобразился и в конце стал испытывать удовлетворение».

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Анализ данных показал: студенты-психологи воспринимают пятна Роршаха скорее по цветовому типу, что может указывать на аффективную лабильность. Студенты-психологи, в целом, положительно воспринимают тест, работа со стимульным материалом в основном позитивно влияет на их эмоциональный фон. В то же время есть и случаи негативного влияния на состояние обследуемых. Результаты показали актуальность исследований в этом направлении, с целью выделения различных типов реагирования на тест Г. Роршаха, а также выявления тех факторов, которые обусловливают те или иные типы реагирования на стимульный материал и саму процедуру работы с ним.

В.М. Бызова, М.К. Молутова

ПЕРЕЖИВАНИЕ ПРОБЛЕМНЫХ СИТУАЦИЙ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Работа посвящена изучению особенностей проблемных переживаний и копинг-стратегии у подростков, для которых главными загадками являются собственные интересы и способности, а также понимание себя и своих возможностей. Для многих подростков осознание переживаний, прежде всего связанных с собственным «Я», представляется неудобным и неприемлемым. В исследовании приняли участие 108 учащихся общеобразовательной школы и педагогического колледжа (76 девочек и 32 мальчика). В качестве инструмента изучения использовалась «Проблемная анкета» И. Сейфже-Кренке (1984), которая адаптирована к российской выборке в исследованиях Л.А. Регуш (2000, 2001). Копинг-стратегии определялись с помощью методики Карвера.

Исследование проводилось в период с апреля 2009 г. по апрель 2010 г. и дополнялось беседами с учащимися. Результаты опроса в общем показали достаточно выраженное напряжение, вызванное проблемными ситуациями в целом ряде жизненных сфер: будущее, родительский дом, школа, взаимоотношения со сверстниками и досуг. Следует отметить переживания, связанные с будущим: «страх потерять родных и близких; беспокойство, что когда-нибудь могу оказаться безработным; страх, что ничего не получится; страх, что будущее будет проблемным; отсутствие уверенности в своих возможностях; страх прогрессирующего разрушения окружающей среды». Переживания, связанные с родительским домом, отражали частые ссоры с родителями, негативные отношения между родителями, зависимость от семьи, ощущение своей ненужности родителям. Школьные переживания подчеркивались чаще всего мальчиками, которых напрягают сложившиеся отношения с учителями: «Мне не нравится, что учителя скидывают свою эмоциональную нагрузку на учеников». Отношения со сверстниками волнуют прежде всего девочек, которые подчеркивали лицемерие, двуличие и фальшь, а также страх потери близких друзей, опасения испытать на себе предательство.

Проблемы свободного времени подростков могут быть выражены следующими ответами: «У меня мало свободного времени из-за проблем в школе; не могу отдохнуть, устаю; раздражает, что родители распоряжаются моим временем; беспокоит то, что я провожу много времени за компьютером». Обращает на себя внимание сфера, связанная с собственной персоной в выборке девочек: «Меня никто не может

понять; во мне как будто два человека, часто меняется настроение; я чувствую себя одиноко; я недовольна своей внешностью». В качестве стратегий совладающего поведения большинство учащихся использует как активные, так и избегающие копинг-стратегии.

Исследование дает основание полагать, что у современных подростков проблемные переживания занимают существенное место в их жизни и вызывают необходимость теплого участия и принятия.

П.А. Бычков

ДОВЕРИЕ И ЦЕННОСТИ КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Для современного российского общества характерно отсутствие единой системы политических ценностей у граждан и низкий уровень доверия в обществе к политическим институтам, что наглядно демонстрируется низкой явкой избирателей на выборы. Главными условиями для возникновения государства и для нормального функционирования всех его институтов является наличие общих норм и правил (ценностей) и чувства доверия между гражданами. Основываясь на структуре политического общества (психология творения, исполнения, распространения и повиновения политики) (А.И. Юрьев) и списке ценностей Ш. Шварца, в нашем исследовании «структуры и функций политических ценностей молодежи в современном обществе», проведенном в 2009 г, мы выделили определенные политические ценности (по шесть ценностей в каждом блоке). Под ценностями мы понимаем «устойчивое убеждение, что специфичный вид поведения или конечная цель существования является личностно или социально более предпочтительной, чем противоположный или обратный вид поведения или конечная цель существования» (Е.Б. Шестопал). Они во многом руководят нашими решениями и оценкой поступков, людей, событий (В.Н. Карандашев).

Исходя из принятой нами структуры политического общества, политические ценности определяем как руководящие принципы, создаваемые государством с целью: 1) объединения людей в одно государство, 2) формирования единой идентичности, воспринимаемой культурой и воспитанием, 3) создания ориентации на общественно полезный труд и одобрение своих поступков окружающими, 4) обеспечения наибольшей управляемости и готовности людей защищать государство. Например, к блоку распространения мы отнесли следующие цен-

ности: «духовная жизнь и самодисциплина, уважение традиций и вежливость, мир красоты и скромность». Они связаны с такими качествами, как открытость, добросердечность, общительность, развитый самоконтроль, точность выполнения социальных требований. Человеку, высоко оценившему данные ценности, свойственны естественность и непринужденность в поведении, внимательность, доброта, мягкосердечность. Он охотно работает с людьми, активен в устранении конфликтов, доверчив, не боится критики, испытывает яркие эмоции, живо откликается на события. При этом наблюдается осознанное соблюдение норм и правил поведения, точность, ответственность, деловая направленность.

Результаты нашего исследования показывают, что в целом среди изучаемых групп (студенты вечернего отделения СПбГУ (факультет психологии); студенты Университета МВД; офицеры и курсанты ВКА им. Можайского; студенты дневного отделения Политехнического университета; школьники 7 класса) нет единой системы политических ценностей. Самые низкие оценки дали студенты Политехнического университета, а самые высокие – дети седьмого класса. У студентов Политехнического университета преобладают индивидуалистические ценности «способный, безопасность семьи и сохраняющий свой имидж», и отвергаются – «законопослушный, скромный и социальная справедливость».

Политические ценности формируют базу для возникновения другого важнейшего явления, влияющего на поведение человека и обеспечение нормальной работы общества – доверия, являющегося основой большинства процессов социальной и деловой коммуникации, социального управления всех уровней (И.В. Анирненко). Т.П. Скрипкина определяет доверие как «фундаментальное условие взаимодействия человека с миром». Оба этих феномена становятся чрезвычайно важными в процессе политической коммуникации – процесса передачи политической информации, благодаря которому она циркулирует от одной части политической системы к другой и между политической и социальной системой (Т.В. Анисимова), так как коммуникатор, грамотно используя в своей речи те или иные политические ценности, способен добиться большего доверия аудитории.

Изучив данные психологические категории, можно увеличить эффективность воздействия на аудиторию, что всегда актуально и особенно в периоды кризиса. Таким образом, доверие и политические ценности могут быть взаимно исследованы как факторы стабильности общества.

Т.Л. Валуйская

МЕТОДИКА ДИАГНОСТИКИ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ «ПЛАНИМЕТРИЯ»

Решая задачи диагностики и развития творческих способностей учащихся, необходимо четко представлять себе сущность самого феномена креативности. Однако на данном этапе развития психологической науки отсутствует общепринятое научное определение креативности, нет единства в понимании ее критериев, сущности, структуры, психологических механизмов и закономерностей ее развития в онтогенезе, а также способов ее идентификации.

Комплексность и многоаспектность феномена креативности подчеркивается во многих современных работах по психологии творчества. Так, Э.Д. Телегина и В.В. Гагай (2003) пишут, что «практически все современные концепции признают, что творчество – многомерное явление, включающее как когнитивные, так и личностные факторы». Описывая современные исследования проблемы креативности в зарубежной психологии, К.А. Торшина (1998) отмечает, что в работах по данной проблематике рассматриваются креативный процесс, креативный продукт, креативная личность и креативная среда.

Актуальной остается проблема поиска таких критериев креативности, которые отражали бы ее самобытность. Одна из попыток решить эту проблему принадлежит В.Т. Кудрявцеву (1997). Он выделяет всеобщие исторически развитые формы творческих способностей: реализм воображения, умение видеть целое раньше частей, надситуативно-преобразовательный характер творческих решений, мысленно-практическое экспериментирование. В исследованиях Д.Б. Богоявленской и ее учеников (2002) критерием общих творческих способностей выступает интеллектуальная инициатива, которая выражается в нестимулированном извне продолжении мышления, нахождении и порождении новых способов деятельности.

Идея надситуативности и неадаптивности творчества представлена в работах В.А. Петровского (1997) и его последователей как тенденция к бескорыстному риску и преодолению внешних и внутренних границ). По мнению Е.Г. Алексеенковой (2000), именно понятие надситуативности наилучшим образом отражает «интимно-психологические моменты творчества». В современной психологии можно выделить два основных подхода к диагностике творческих способностей: психометрический и процессуально-деятельностный. Д.Б. Богоявленская критикует психометрический подход к диагности-

ке креативности, основанный на идее дивергентности мышления (в частности, тесты Е.П. Торренса). Е.А. Базелюк (2008) призывает практических психологов к корректной интерпретации результатов теста Торренса и использованию их в комплексе с другими методиками. Д.Б. Богоявленская предлагает особый метод диагностики творческих способностей – креативное поле, который позволяет зафиксировать движение мыслей испытуемого в глубинные слои задачи, содержательное развитие задачи, что отражает надситуативно-преобразовательный характер творчества. Несмотря на высокую валидность и прогностичность метода, он не получил широкого распространения из-за сложности и трудоемкости процедуры и высоких требований к профессиональной квалификации психолога при интерпретации результатов эксперимента.

В разработанной нами методике «Планиметрия» реализована предложенная Д.Б. Богоявленской «двухслойная» модель эксперимента. В основу положена «система однотипных задач, содержащих ряд общих закономерностей… Первый, поверхностный слой – заданная деятельность по решению конкретных задач, второй – глубинный слой, замаскированный “внешним” слоем и неочевидный для испытуемого, – это деятельность по выявлению скрытых закономерностей, которые содержит вся система задач, но открытие которых не требуется для их решения» (Д.Б. Богоявленская). Достоинством нашей методики является простота обработки и интерпретации полученных данных. Кроме того, методика построена на учебном материале, что позволяет перенести акцент на смысловые аспекты ситуации. Методика может применяться в широком возрастном диапазоне, начиная с 9–10-летнего возраста. Коэффициенты ранговой корреляции результатов, полученных по методикам «Морской бой» и «Планиметрия», варьируются в диапазоне от 0.4 до 0.68 в зависимости от возраста испытуемых и специфических характеристик образовательной среды. Однако необходимо отметить, что сама сущность феномена интеллектуальной инициативы должна быть разъяснена практическим психологам.

Ш.Н. Ван

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕЖИВАНИЯ СКУКИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Настоящая работа посвящена гендерным аспектам переживания скуки в юношеском возрасте. Цель нашего исследования – выявление

различия в переживании скуки у молодых людей и девушек в возрасте 18–22 лет. Исследования проводились в Санкт-Петербургском государственном университете. Выборка состояла из 80 человек: 40 юношей и 40 девушек в возрасте 18–22 лет. Исходя из целей исследования, необходимо выявить специфики и различия в переживании скуки у девушек и молодых людей в возрасте от 18–22 лет. Для этого были выбраны следующие методики: шкала самооценки Спилбергера–Ханина, тест смысложизненных ориентаций, методика определения доминирующего состояния, методика «Закрашивание кружков», модифицированный вариант. Данные были обработаны при помощи статистического дисперсионного и корреляционного анализа (в программе SPSS).

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы: 1) Переживание скуки – сложный, многоаспектный феномен, включающий в себя такие факторы, как: погруженность в процесс деятельности; эмоциональная лабильность; активность личности; поиск способов самореализации; неудовлетворенность внутренними ресурсами; поиск новых ощущений. 2) Гендерная специфика в переживании скуки проявляется практически во всех аспектах этого состояния. Для юношей, погруженных в процесс деятельности, свойственно наличие целей в будущем. У молодых людей этот фактор очень выражен, а это значит, что для того, чтобы что-то сделать, им требуется много усилий, чего нельзя сказать о девушках. Молодые люди скучают, они устали от безделья, но они ничего не делают для того, что бы выйти из этого состояния. Чем больше юноши погружены в процесс деятельности, тем лучше у них самочувствие, активность, появляется бодрость, раскованность, повышается тонус, они становятся более спокойными, пропадает тревожность. Чем ниже у молодых людей выражена сопротивляемость скуке, тем выше становится неудовлетворенность жизнью в целом; возрастает отрицательный образ самого себя и повышается личностная тревога. 3) У молодых людей юношеского возраста в большей степени, в отличие от девушек, выражена низкая сопротивляемость скуке. 4) Девушки более эмоциональны, более сензитивны, но в то же время они более склонны к структурированию своего свободного времени. У девушек, которые пытаются реализовать свои способности и таланты во всех сферах деятельности, возрастает сопротивляемость скуке. А чем больше у них возрастает сопротивляемость скуке, тем выше у них становится ситуативная тревожность. У девушек, погруженных в процесс деятельности, возрастает ситуативная тревожность. Также чем больше девушки погружены в процесс деятельности,

тем более они удовлетворены внутренними ресурсами. 5) Гендерная специфика в переживании скуки проявляется в том, что юноши менее устойчивы к проявлению этого состояния.

Таким образом, полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что переживание скуки и устойчивость к ее появлению имеет гендерную специфику. Молодые люди более подвержены состоянию скуки и менее устойчивы к ее проявлению, чем девушки.

И.И. Вартанова

ЦЕННОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ И САМООТНОШЕНИЕ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В период старшего школьного возраста при становлении нового уровня самосознания и устойчивого образа «Я» на первое место выдвигаются мотивы, связанные с будущим, мировоззрением и самоопределением учащегося. В то же время построение подростком своей жизненной перспективы непосредственно связано с представлением о доступности тех или иных ценностей в будущем. Степень расхождения между ценным и доступным, между «хочу» и «могу» связана с самооценкой своих возможностей и отношением к себе. В связи с этим возникает задача экспериментального исследования взаимосвязи самоотношения, доминирующей мотивации и ценностно-смысловых ориентаций с учетом согласованности соответствующих ценностей и их доступности.

Экспериментальное исследование было проведено в трех десятых классах образовательного центра № 1497 (59 человек – 31 мальчик и 28 девочек). Использовались модифицированная методика семантического дифференциала Ч. Осгуда (оценивались 10 ценностей школьной жизни), модифицированная методика Е.Б. Фанталовой, методика «Исследование самоотношения» С.Р. Пантелеева, а также методика неоконченных предложений А.Д. Андреевой. Полученные результаты были обработаны факторным анализом, что позволило определить для каждого ученика ведущий тип мотивационного отношения и сопоставить результаты выявленного эмоционально-смыслового содержания ценностей с результатами сознательного ранжирования ценностей, а также их доступности в будущем. Было выделено 5 факторов или групп подростков определенного мотивационного типа, для которых далее определялись особенности самоотношения. Для группы учащихся с мотивацией аффилиации (10 девочек и 2 мальчика) средняя часто-

та случаев наличия психологического конфликта (суммарно по всем ценностям) составила 0.42, а вакуумов – 0.42. Эти учащиеся в целом характеризуются пониженным саморуководством, для них характерна также повышенная внутренняя конфликтность и самообвинение. Для учащихся с мотивацией достижения (5 девочек и 8 мальчиков) характерна наибольшая согласованность значимости и доступности ценности: средняя частота конфликтов – 0.12, а вакуумов – 0.06. Они уверены в себе, имеют высокое саморуководство, у них низкая внутренняя конфликтность и самообвинение.

В целом, по всей обследованной выборке учащихся также обнаруживается обратная корреляционная зависимость (ранговая корреляция Спирмена) между выраженностью мотивации достижения и частотой конфликтов и вакуумов ($r = -0.30$ и -0.31 при $p < 0.05$). Для учащихся с мотивацией престижа (3 девочки и 10 мальчиков) средняя частота конфликтов составляет 0.62, а вакуумов – 0.62. Учащиеся этого типа имеют высокое саморуководство и низкое значение по шкале «самообвинение». В целом, по всей выборке обнаруживается корреляция выраженности мотивации престижа как с интегральными показателями самоотношения – аутосимпатией ($r = 0.40$, $p < 0.05$) и обратно с самоуничижением ($r = -0.33$, $p < 0.05$), так и с отдельными шкалами самоотношения – самоценностью ($r = 0.41$, $p < 0.05$), самопринятием ($r = 0.32$, $p < 0.05$) и обратная корреляция с самообвинением ($r = -0.30$, $p < 0.05$). Кроме того, выраженность мотивации престижа в некоторой степени коррелирует с наличием вакуумов ($r = 0.28$, $p < 0.05$). Для учащихся с учебно-познавательной мотивацией (8 девочек и 2 мальчика) средняя частота конфликтов составляет 0.58, а вакуумов – 0.50. Учащиеся этого типа уверены в себе, они меньше привязаны к своему образу «Я», желают изменений, стремятся к соответствию с идеалом. Этому же отвечают и относительно высокие значения по шкале самообвинения – они часто ставят себе в вину собственные промахи и неудачи. Для учащихся с мотивацией конкуренции (8 мальчиков и 2 девочки) средняя частота конфликтов составляет 0.38, а вакуумов – 0.31. Для этой группы характерна относительно высокая уверенность в себе, саморуководство и положительное отраженное самоотношение. При этом у них повышена внутренняя конфликтность. В целом для всей выборки выраженность мотивации конкуренции коррелирует с повышением оценок по самообвинению ($r = 0.29$, $p < 0.05$).

При сравнении различных типов можно отметить, что наиболее благополучной является группа подростков с преобладанием мотивации достижения. Наиболее ценные для себя сферы они оценивают как

доступные, что является причиной отсутствия сильно выраженных конфликтов и вакуумов. Таким образом, существует связь между типом преобладающей мотивации подростка и частотой личностных конфликтов и вакуумов. Обнаружено также, что структура самоотношения подростков связана с типом доминирующей мотивации.

И.А. Вартанова, В.Л. Грицков

ПРОЯВЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОСТИ

Традиционно концепция внутренней мотивации в организационной психологии является теоретическим обоснованием возможности влияния на эффективность работы и удовлетворенность работника. Под внутренне мотивированным действием понимается действие, тематически совпадающее со своей целью, т. е. когда оно осуществляется только ради непосредственного результата, а не является средством достижения другой цели. Обычно деятельность может мотивироваться и внутренне и внешне одновременно. Теория самодетерминации Э. Деси и Р. Раяна рассматривает потребность человека к автономии и предлагает рассматривать внешнюю и внутреннюю мотивацию как континуум, полюсами которого являются переживание человеком автономности либо, напротив, подконтрольности. Таким образом, помимо традиционного разделения на внутреннюю и внешнюю, выделяются четыре формы внешней мотивации (или регуляции по Э. Деси и Р. Раяну), которые отличаются по степени автономности: внешняя регуляция (поведение регулируется внешними факторами или вознаграждением), интроективная регуляция (поведение регулируется поддержанием самооценки), идентификация (принятие личной значимости поведения и достигаемого результата) и интеграция (полная согласованность поведения с личными ценностями и потребностями). При этом более автономные формы регулирования способствуют включенности в деятельность, более высокому уровню и качеству исполнения, меньшей вероятности прерывания и большему психологическому благополучию. Авторами разработана группа методик для оценки выраженности форм регуляции в различных сферах жизнедеятельности.

На кафедре эргономики и инженерной психологии нами совместно с Н.Э. Рудинской (дипломная работа под руководством В.Л. Грицкова) был разработан опросник саморегуляции по аналогии с тем, как это делали авторы концепции. Шкалы методики оценивают четыре

типа саморегуляции: внешняя, интроективная, идентифицированная, внутренняя. Также подсчитывался общий индекс автономии RAI по формуле, разработанной авторами концепции.

В рамках дипломной работы Е.П. Плавник под руководством В.Л. Грицкова было проведено исследование в производственной организации, в котором изучалась взаимосвязь исполнительности с формами регуляции по концепции Э. Деси и Р. Раяна и самостоятельностью – стилем регуляции по концепции В.И. Моросановой. В качестве характеристик исполнительности использовались своевременность исполнения данных поручений и среднее время опозданий на работу. Самостоятельность измерялась шкалой методики ССПМ В.И. Моросановой. При этом эффективность деятельности и удовлетворенность ею в данном исследовании не рассматривались. Оказалось, что в большей степени автономные и самостоятельные работники проявляют меньшую исполнительность. Такие на первый взгляд парадоксальные результаты приводят нас к интересным выводам. Работники, деятельность которых приносит им удовлетворение сама по себе или согласована с личными ценностями и потребностями так, что они воспринимают ее как лично значимую для достижения результата, в меньшей степени ориентируются на формальные требования рабочего задания.

Таким образом, в заданиях, где строгое исполнение формальных требований является ключевым, склонность к автономной регуляции может не только не способствовать эффективности исполнения, но и снижать ее. В случае если работник склонен к автономной регуляции, следует либо не ожидать от него высокого уровня исполнительности, либо убедиться, что исполнительность входит в его систему личных ценностей и значима для него.

В.Е. Василенко

СИМПТОМАТИКА КРИЗИСОВ 3 И 7 ЛЕТ В СВЯЗИ С ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИМИ ОТНОШЕНИЯМИ

Для психологии возрастных кризисов большое практическое значение имеет вопрос о специфике кризисных проявлений в связи с особенностями семейной ситуации, детско-родительских отношений. Эта проблема поднимается в работах Л.С. Выготского, Д.Б. Эльконина, К.Н. Поливановой, но до сих пор остается актуальной.

Целью данного исследования явилось выявление взаимосвязей между поведенческими симптомами кризисов 3 и 7 лет и особенно-

стями детско-родительских отношений. Исследование было проведено в 2009–2010 гг. В нем приняли участие 66 родителей детей в возрасте 2,5–3,5 лет, 59 детей 6–7 лет и их родители. Использовались опросники симптомов кризиса 3 и 7 лет В.Е. Василенко, ОРО Варга-Столина. При изучении кризиса 7 лет также применялись рисуночные тесты «Дом–Дерево–Человек» и «Кинетический рисунок семьи». Проведенное исследование выявило более высокую степень интеграции структуры взаимосвязей показателей симптомов кризиса 3 лет и родительских отношений у мальчиков.

Наибольшее количество взаимосвязей выявлено у показателя установки на инфантилизацию ребенка. Чем она выраженнее, тем выше показатели нарушений сна, соматических и психосоматических реакций, затруднений в речи и тем выше общий показатель невротических реакций. В то же время чем выше установка на инфантилизацию ребенка, тем меньше выражены изменения отношения к предметному миру.

Чем выше принятие ребенка, тем меньше выражен в его поведении негативизм, тем реже встречаются у мальчиков нарушения сна, психосоматические реакции и невротические реакции в целом. Чем выше принятие ребенка, тем чаще встречается деспотизм-ревность. Более высокому контролю со стороны родителей соответствуют более выраженные изменения в отношении к взрослому, стремление к его одобрению, что можно отнести к конструктивной составляющей кризиса. Чем выше контроль, тем выше общий показатель невротических реакций у мальчиков. Чем больше родители нацелены на сотрудничество с ребенком, тем менее выражен показатель психического напряжения.

У девочек наибольшее количество взаимосвязей выявлено у показателя принятия–отвержения. Чем выше принятие ребенка, тем меньше выражены в поведении девочек негативизм, упрямство, эмоциональная возбудимость, соматические и психосоматические реакции и общий показатель невротических реакций. Высокий контроль у девочек положительно коррелирует с показателями негативизма, затруднений в речи, соматических реакций и с общим показателем невротических реакций. Таким образом, у девочек эмоциональное отвержение и контроль со стороны родителей взаимосвязаны с невротическими реакциями и проявлениями негативизма.

Проанализируем общие тенденции в структуре взаимосвязей для мальчиков и девочек: 1) Чем выше эмоциональное принятие ребенка, тем меньше выражен негативизм в поведении и тем меньше выражены невротические реакции. 2) Высокий контроль может привести к повышению невротических реакций у детей. У мальчиков можно гово-

рить также о негативных последствиях установки на инфантилизацию: чем она выше, тем более выражены невротические реакции и тем медленнее у ребенка изменяется отношение к предметному миру, т. е. тем меньше выражена конструктивная составляющая кризиса.

Исследование кризиса 7 лет также выявило, что наименее продуктивными для благоприятного протекания кризиса у детей оказались отвержение и установка на инфантилизацию ребенка у родителей. Отвержение ребенка родителями взаимосвязано с враждебностью детей. Чем выше установка на инфантилизацию ребенка, тем более выражено чувство неполноценности у ребенка и тем меньше у него проявлений самостоятельности. При высоком контроле со стороны родителей дети более склонны к пассивным формам негативизма (требовательность) и к нейтральным симптомам кризиса (копирование внешних признаков взрослого поведения). Чем более выражено у ребенка чувство неполноценности в семейной ситуации, тем меньше проявляется у него нейтральная симптоматика кризиса.

Было также выявлено, что отношение родителей к ребенку больше влияет на конкретные поведенческие реакции детей в период кризиса. Отношение ребенка к семейной ситуации оказывается взаимосвязанным с более устойчивыми психологическими характеристиками ребенка – его личностными особенностями. Это показывает, что восприятие ребенком семейной ситуации имеет наиболее долгосрочный эффект, как отражение того, что демонстрируют ему родители своим отношением и поведением.

Т.В. Васильева

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБЩЕНИЯ: ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ

Одно из актуальных практических направлений в современной социальной психологии – это изучение особенностей становления, формирования, протекания, «истории» развития межличностных отношений, близких, дружеских, семейных и пр., а также факторов, их обусловливающих; поиск ответов на различные вопросы. Почему отношения человека с окружающими складываются именно так? Что определяет их своеобразие? Какие влияния особенно сильны, в каком возрасте, в каких ситуациях? Возможна ли коррекция (в терапии, консультировании, на тренингах) в тех случаях, когда отношения склады-

ваются неудовлетворительным для человека образом, и он стремится к их изменению? С помощью каких средств это можно сделать?

Очевидно, что факторов, определяющих специфику человеческих взаимоотношений, огромное количество. Вполне оправдывает себя подход к изучению особенностей межличностных отношений через призму коммуникативной сферы с постановкой главного акцента на изучении основного средства развития отношений – общения. Поскольку это один из самых главных, явных, ярких компонентов, именно в области общения лежат наибольшие возможности коррекции, терапии и других видов помощи клиенту. Данную проблематику имеет смысл исследовать в динамике – изучение лишь каких-то конкретных ситуаций в какой-то конкретный момент времени не сможет дать столько же информации, сколько сравнение различных этапов жизненного пути, сопоставление поведения, ощущений, выявление устойчивых черт, проявляющихся на всех этапах, и описание специфических образований, характеризующих тот или иной период развития межличностных отношений и общения. Личность человека представляет собой сложное целостное образование, и «разложить ее по полочкам» бывает невероятно трудно (если вообще возможно). Однако психика существует для выполнения различных функций, которые взаимосвязаны, но могут рассматриваться как самостоятельные специфические феномены.

Сделаем попытку составить приблизительную схему функционирования той части человеческой личности, которая руководит общением и межличностными отношениями человека. Можно выделить три основные сферы проявления «коммуникативного я» человека: 1) сфера побуждений (желания и обязанности, «я хочу» и «я должен») – то, что изначально внутриличностно побуждает (добровольно или по велению долга) человека общаться, стремиться взаимодействовать с другими людьми, устанавливать и поддерживать с ними отношения; 2) сфера реальных коммуникативных возможностей («я могу») – первый «пропускной пункт», корректирующий приходящие сверху, из сферы побуждений, сигналы, поскольку независимо от всех наших желаний действительные возможности будут ограничивать и направлять наши реальные действия (как правило, не позволяя «прыгать выше головы»); 3) сфера наблюдаемого поведения («я делаю») – действия и поступки, которые мы совершаем в жизни, демонстрируемое внешнее поведение. Любое действие, как правило, имеет свою «внутриличностную предысторию», проходя все три сферы, от зарождающегося побуждения до каких-то конкретных поведенческих проявлений.

Все три сферы функционируют очень активно, и время от времени им необходима дополнительная подпитка. Что-то должно мотивировать, заставлять пробовать снова и снова в случае неудач, помогать справляться с трудностями, давать стимул к самосовершенствованию и т. п. В психике человека можно обнаружить особые ресурсы, подпитывающие по мере необходимости все три сферы, наполняющие их при истощении: 1) ресурс побуждений (потребность в общении, аффилиация, психологические защиты, моральный и социальный долг); 2) ресурс возможностей (коммуникативные способности, коммуникативные знания, умения, навыки, социальный интеллект); 3) ресурс коммуникативного поведения (внешнее подкрепление окружающими – похвалы, поощрения, комплименты; удовлетворенность или неудовлетворенность общением и отношениями, необходимость, компенсации). Между компонентами схемы происходят постоянные взаимодействия, однако существуют и дополнительные фильтры – сознательные или бессознательные явления, служащие барьерами, создающие сложности в общении и отношениях.

Эмпирическое исследование данной схемы, уточнение компонентов (сфер, ресурсов, фильтров), особенностей функционирования, мест возможных «сбоев» (которые создают человеку проблемы в общении и построении желаемых отношений с окружающими) должно принести полезные результаты, применимые на практике для создания более эффективных способов консультирования, тренингов, терапии.

Е.В. Вербовская

ЗНАЧЕНИЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО НАБЛЮДЕНИЯ В РАБОТЕ ПРАКТИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА

На сегодняшний день всем известна ужасающая статистическая картина состояния здоровья наших детей (здоровых детей на момент поступления ребенка в школу – 10 %). Современные психологи обладают диагностическими методиками, коррекционными технологиями, которые могут помочь детям и их родителям, но обычно в ДОУ или школе психолог всего один, и охватить своим профессиональным вниманием от 300 детей в ДОУ и до 1500 детей в школе порой бывает очень сложно. Психологическая диагностика является частью общей системы диагностики детей, включающей еще педагогическую и медицинскую. Цели и задачи психодиагностики должны быть направлены на выявление условий, препятствующих полноценному развитию и

становлению личности ребенка. В начале года диагностику необходимо реализовать в двух направлениях: выявление индивидуально-возрастных особенностей детей причины нарушений и отклонений в их психическом развитии и отслеживание процесса адаптации. Поэтому нужна система наблюдения, которая поможет психологу на первом диагностическом этапе в начале года.

В Нижнем Новгороде в ГХИ ННГАСУ на кафедре педагогики и психологии уже с 1998 г. ведется работа в данном направлении, а именно разработка здоровьесберегающих технологий и психолого-педагогического наблюдения, которое может провести педагог, а результаты и принятие решения о дальнейшем развитии ребенка осуществит психолог. Например, важный аспект развития дошкольника – развитие двигательной сферы. «Двигательно-экспрессивное способности и навыки» – телесно-ориентированное направление, где осуществляется снятие эмоционального и телесного напряжения. Занятия проводятся в виде игры, сказки; организованы игровые ситуации, которые направлены на развитие внимания, памяти, умения свободно владеть своим телом, ориентироваться в окружающем пространстве, произвольно регулировать двигательный образ; ребенок знакомится со своим телом; учится владеть мышцами лица, тела, выражать эмоции, настроение. «Двигательно-экспрессивное способности и навыки» – это здоровьесберегающая технология, где осуществляется всесторонняя работа с такими сферами: двигательная, интеллектуальная, эмоционально-волевая, личностная, коммуникативная.

На начало года для работы с детьми разработана психолого-педагогическая диагностика, где используются игровые задания и упражнения и отслеживаются следующие умения, навыки и способности: развитие владения мышцами кисти руки (с закрытыми глазами); умение выполнять последовательную серию, связку разномодальных действий; умение свободно владеть своим телом на основе ориентировки в схеме тела; умение поддерживать и произвольно регулировать двигательный образ; умение выполнять творческое движение (двигательные композиции); умение осознавать проживаемые и выполняемые действия (произвольно использовать навыки эмоционального реагирования; рассказывать о проживаемом состоянии и выполняемых действиях). После проведения диагностики, которую может провести воспитатель или преподаватель физкультуры, на основании полученных данных заполняется «Карта индивидуальных достижений» и определяется уровень развития ребенка по направлению «Двигательно-экспрессивные способности и навыки», и затем эти данные посту-

пают к психологу для определения направления развития каждого ребенка. Но хочется отметить, что педагог в данной ситуации тоже обладает информацией, которая позволит ему на начальном этапе познакомиться с возможностями детей, их способностями, умениями и навыками и учесть эти данные непосредственно на своем педагогическом уровне; например, если ребенку сложно сосредоточить внимание, то предложить родителям развивающие игры, направленные на развитие внимания, включить эти игры в образовательный процесс в начале занятия для того, чтобы ребенок, которому сложно сосредоточиться, настроился на обучающий материал. В данной ситуации педагог превращается в активного помощника психолога, и вот перед нами не один человек, которому необходимо прийти на помощь каждому ребенку, а команда профессионалов, единомышленников, которые вместе создают условия для развития каждого ребенка.

Л.А. Верещагина, Л.А. Малышева

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО УПРАВЛЕНЧЕСКОГО РЕЗЕРВА: ЛИЧНОСТНЫЙ АСПЕКТ

В современных российских компаниях управленческие функции по планированию, организации и контролю над деятельностью подчиненных выполняют, как правило, две группы руководителей: руководители высшего звена (топ-менджеры) и руководители (менеджеры) среднего звена. Нередко специалисты, работающие на исполнительских должностях, обладают лидерскими качествами, стремятся управлять коллегами и, в случае необходимости, готовы взять на себя функции руководителей среднего звена. Таких специалистов нередко включают в состав кадрового управленческого резерва. Руководитель среднего звена, в отличие от топ-менеджеров, должен не только уметь управлять людьми, но и обладать набором профессиональных компетенций специалиста. Руководитель такого уровня совмещает в себе хорошие специальные знания, умение руководить другими людьми и умение подчиняться руководителям более высокого ранга. Вместе с тем будущий руководитель должен изначально иметь определенный набор личностных и характерологических черт, свойств темперамента. По данным литературы, к таким характеристикам относят: гибкость мышления, способность быстро оценивать ситуацию, решительность; организаторские и управленческие способности, потребность в достижении целей, устойчивость к стрессу, умение общаться с людьми и др.

Для выявления наличия важных для руководителей среднего звена личностных особенностей у претендентов на менеджерские должности было проведено эмпирическое исследование на базе ООО «Газпром трансгаз Санкт-Петербург». Служба управления персоналом компании сформировала кадровый резерв менеджеров среднего звена. Для этого разрабатывались модели компетенций, оценивалась сформированность отдельных компетенций и по итогам этой оценки были подготовлены списки специалистов, претендующих на должности руководителей среднего звена компании. Перед нами ставилась задача проведения психодиагностического обследования этих специалистов с целью выявления тех личностных качеств, которые необходимы для эффективной работы в должности менеджера среднего звена.

При организации данного исследования были отобраны специальные психодиагностические методики, направленные на выявление значимых для менеджеров личностных особенностей, таких как потребность в достижении успеха, организаторские и коммуникативные способности, уровень субъективного контроля, склонность к риску. Для этих целей использовались следующие методики: диагностика мотивации достижения успеха (методика А. Мехрабиана), методика диагностики коммуникативных и организаторских склонностей (КОС), методика диагностики склонности к риску (модификация Л.А. Регуш), диагностика уровня субъективного контроля (методика А.Е. Бажиной). В опыте приняли участие 38 человек – лица мужского пола в возрасте от 20 до 32 лет, отобранные службой управления персонала компании из группы специалистов численностью 150 человек по показателям сформированности профессиональных компетенций.

Результаты психодиагностического обследования претендентов на управленческие должности были подвергнуты математико-статистической обработке с использованием программы SPSS. Результаты диагностики показали, что среднее значение показателя «мотивация достижения успеха» (по методике А. Мехрабиана) по группе обследованных составляет 145 баллов, что свидетельствует о сформированности этого мотива. Известно, что данный мотив проявляется в стремлении человека развивать свои способности и умения, связанные с такими видами деятельности, где необходимы очевидные результаты, к каковым относится деятельность менеджера среднего звена.

Диагностика «склонности к риску» по модифицированной методике Л.А. Регуш показала, что средние значения этого показателя составили 1,2 балла. Можно говорить, что будущие руководители осторожны, предусмотрительны, не склонны к необдуманным действиям.

Это позитивно характеризует претендентов на управленческие должности. Уровень субъективного контроля у испытуемых составляет 6,4 балла, что свидетельствует о его интернальном типе, предпочтительном в работе руководителей. Коммуникативные и организаторские склонности у данных работников имеют средние значения 2,7 и 2,6 балла соответственно. Это средние показатели по данным параметрам. В целом можно сказать, что претенденты, отобранные в группу управленческого кадрового резерва, в полной мере соответствуют по выраженности значимых личностных свойств должностной позиции, на которую они претендуют.

Л.А. Верещагина

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО УСТАНОВКЕ МЕДИЦИНСКОГО ОБОРУДОВАНИЯ

Система эффективной мотивации и стимулирования – одна из основных стратегий управления персоналом в любой организации. Значимость мотивации и стимулирования персонала обусловлена тем, что самые эффективные разработки в области стратегии организации могут быть сведены на нет, если сотрудники компании не будут работать должным образом, не будут стремиться своим трудом способствовать достижению организационных целей и выполнению миссии организации. Готовность и желание человека выполнять свою работу – важный фактор успешного функционирования организации. Разрабатывая систему мотивации и стимулирования персонала, необходимо помнить, что ее цель – побуждать у работников желание и готовность работать эффективно именно в этой компании. Мотивация основывается на вознаграждениях, удовлетворяющих актуальные потребности персонала.

Современные теории мотивации, основываясь на результатах психологических исследований, доказывают, что истинные причины, побуждающие человека отдавать все силы работе, чрезвычайно многообразны. Существует множество способов мотивирования работников, которые крайне разнообразны – от прагматических (необходимость в материальном самообеспечении) до получения морального удовлетворения от процесса труда. Разнообразие мотивов и способов их реализации (удовлетворения потребностей) обусловлены конкретной жизненной ситуацией работника и его устойчивыми мотивационными образованиями, такими как, например, стремление к самоактуализации, приверженность к группе и другим. Перед разработчиками системы мотивирования персонала в компаниях возникает проблема изучения

специфики потребностей и мотивов работников и поиска соответствующих приемов их удовлетворения.

Наше эмпирическое исследование было направлено на изучение потребностной сферы работников и факторов, обеспечивающих их удовлетворенность трудом. Исследование проводилось на базе компании, занимающейся установкой медицинского оборудования (рентгеновских аппаратов) в медицинских учреждениях. В ряде случаев работники должны были заниматься инженерно-техническим проектированием помещений либо их реконструкцией. В опыте приняло участие 33 человека – лица мужского пола, средний возраст 35 лет, стаж работы в компании около 4 лет, образование высшее техническое. Для изучения потребностей и мотивов работников были использованы две методики: «Потребности или парные сравнения» и методика Ю.К. Балашова и А.Г. Коваля «Мотивационный профиль работника».

Для выявления удовлетворенности персонала использовалась методика В.А. Розановой «Удовлетворенность трудом». Результаты диагностики потребностей работников по методике «Потребности или парные сравнения» показали, что в структуре потребностей наименее значимыми оказались: потребность в безопасности, в признании и социальные потребности (значения по шкалам от 17 до 17,8 баллов). Повидимому, эти потребности в полной мере удовлетворяются в деятельности испытуемых. Они не сталкиваются с какими-либо угрозами, работая индивидуально, им не требуется поддержка и признание группой. Вместе с тем материальные потребности работников удовлетворены не в полной мере (18,8 баллов). Как было отмечено ранее, испытуемые находятся в возрастной группе тридцатипятилетних мужчин, многие из которых уже обзавелись семьями и отвечают за их материальное благополучие. Самой актуальной для данных работников стала потребность в самовыражении. Объяснить это можно содержанием выполняемой деятельности. Проектирование рабочих помещений – творческая задача, всякий раз требуется что-то придумывать, изобретать, чтобы поместить требуемое оборудование и сделать это с учетом эстетических норм.

Анализ эмпирических данных по методике Ю.К. Балашова и А.Г. Коваля показал, что у всех работников доминирует профессиональный и инструментальный тип мотивации (8,4 и 7,3 балла соответственно), остальные типы расположились по мере убывания значений: патриотический (6,1 балла), хозяйственный (4,9 балла) и люмпенизированный (4,2 балла). По методике В.А. Розановой оказалось, что 55 % сотрудников практически удовлетворены содержанием и условиями

своей работы, частично удовлетворены – 36 % и не удовлетворены – 9 % работников.

Результаты эмпирического исследования позволяют разработать систему мотивирования работников, базируясь на данных по актуальности потребностной сферы, доминирующим мотивам и факторам неудовлетворенности трудом.

Г.В. Вержибок

МОДИФИКАЦИЯ МЕТОДИК ИЗУЧЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В РУСЛЕ ГЕНДЕРНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Для изучения содержательных характеристик идентичности достаточно часто используется проективная методика «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартлэнд), которая отражает степень восприятия человеком самого себя и характер соотнесения с образом Я или Я-концепцией. Выявленные характеристики позволяют определить целостность и устойчивость, непрерывность личности, обеспечивает сходство с одними людьми, категориями и отличия от других, что лежит в основе регуляции поведения. Именно идентичность выступает как системный принцип организации элементов самосознания на основе их субординации и координации (Б.Г. Ананьев), целостности и согласованности (В.А. Ядов), как подтвержденность образа «Я» в виде ролевых позиций (И.С. Кон) в значимом окружении и социальном пространстве (М.Э. Елютина, Л.Б. Шнейдер), кристаллизация персональной позиции по отношению к миру (В.Н. Павленко, М.В. Попова), константность самости в процессе временных изменений (Е.П. Белинская, В.Н. Павленко) и метаморфоз функционально-полового созревания (Б.Г. Ананьев) и личностного развития (Э. Эриксон), выступая сложным личностным образованием в виде многоуровневой структуры. Предпринято изменение шкал и обработки методики «Кто Я?» (модиф. Т.В. Румянцева) в виде четко заданной алгоритмизации.

Разработанная автором шкала анализа идентификационных характеристик представлена в виде компонентов: «рефлексивное Я», «гендерное Я», «социальное Я», «коммуникативное Я», «перспективное Я» (ранее «гендерное Я» не включалось отдельным показателем) и признаков (целостность, значимость, окрашенность). Оценивание осуществляется на основании заданных критериев (1–2–3 балла) и производится с учетом их наличия / отсутствия и суммарного подсчета (по вертикали и горизонтали) каждого из обозначенных показателей, обра-

зуя степень выраженности «персонального Я». Данные, полученные в результате анализа методики «Кто Я?», требуют дополнения и введения дополнительных методик, например, проективного рисуночного теста «Полоролевые портреты» (Ф. Гудинаф, К. Маховер, модиф. Т.В. Румянцева), где идентификационный признак «физическое Я» на основе рефлексии телесных ощущений и эмоциональных переживаний дополняет полноту самовыражения. Процесс рисования человеческой фигуры является идентификационным, где проявляется феномен самопроекции и осознание своего тела выступает ведущим фактором в системе самосознания. Параметрами содержательного анализа (Т.В. Румянцева) могут быть: личностные аспекты – отображение в рисунке признаков пола, возраста, самооценки, эмоционального состояния, особенностей контакта с окружающим миром; уровень и специфика графического исполнения рисунка – расположение и размер рисунка на листе, наклон и поза фигуры, наличие частей тела, нажим и штриховка, фоновые эффекты, внесение изменений и пр. Предпринята модификация шкал и обработки методики «Полоролевые портреты» в виде четко заданной алгоритмизации. Разработанная автором шкала анализа идентификационных характеристик представлена в виде модусов: «когнитивный», «эмоциональный», «поведенческий» и признаков (целостность, стереотипность, окрашенность), определяющих в совокупности «актуальное Я», где описание и выраженность признаков внешнего облика характеризует «физическое Я» и степень принятия себя как представителя определенного пола. Оценивание и подсчет полученных данных осуществляются по аналогии с предыдущей методикой. Для подтверждения результатов модификационных процедур сделана математико-статистическая обработка (суммарная выборка 466 человек, студенты г. Минска и г. Бобруйска, 1–3 курсы) в виде факторной валидности и надежности («методом расщепления»), где определена высокая согласованность и однородность изучаемых признаков (от 0,6 до 0,9).

Предложенные методики и их модификация по изучению различных параметров идентичности позволяют определить в диагностической и исследовательской работе практикующего психолога уровень осознанности и принятия, расширения и обогащения образа «Я», раскрыть систему эмоциональных отношений к себе и окружающим, выявить диапазон ролевого репертуара, обнаружить актуальные и возможные перспективы роста, половозрастную динамику проявлений идентификационных признаков, определить доминирующую гендерно-ролевую позицию по отношению к своему и противоположному полу, показать внутриличностную согласованность как целостность

«Я», сформированность идентичности как персонального плана, так и гендерной направленности.

С.Н. Вещеникин

ОПЕРАЦИОНАЛЬНОЕ КОДИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ УБЕЖДЕНИЙ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА

В данной работе представлен опыт применения модифицированной методики операционального кодирования системы убеждений В.В. Путина в условиях «газовых» конфликтов между Россией и Украиной 2005–2006 и 2008–2009 гг. Операциональный код – это система ключевых философских и инструментальных убеждений политического лидера. Теория операционального кода формировалась в 1950-е гг. в трудах N. Leites и его исследованиях в RAND Corporation. В дальнейшем концепция операционального кода была усовершенствована в работах A. George, O. Holti, S. Walker, J. Post. Интерпретация и прогноз политического поведения формулируется вследствие анализа количественных данных об операциональном коде политика. Количественные данные получают при помощи анализа спонтанных и подготовленных выступлений политиков.

С целью выявления операционального кода В.В. Путина в ситуации «газовых» конфликтов между Россией и Украиной 2005–2006 и 2008–2009 гг. была применена авторская методика, основанная на теории операционального кода A. George и принципах работы программы компьютерной обработки VICS (Verbs in Context System), описанных в работах J. Post. В соответствии с задачами работы объектом эмпирического исследования стала система ключевых философских и инструментальных убеждений В.В. Путина в период «газового» конфликта: о Природе мира политики (Ф-1), об Уровне локус контроля над процессом (Ф-4), о Направленности на реализацию целей (И-1), о Степени групповой принадлежности (И-5). В работе применены методы математического анализа: t-критерий Стьюдента для зависимых выборок, ANOVA с повторными измерениями, коэффициент корреляции Пирсона. Интерпретация результатов проводилось в соответствии с полученными данными ивент-анализа.

Сравнивая показатели операционального кода В.В. Путина в «газовых» конфликтах, его поведение можно охарактеризовать следующим образом. В.В. Путин возлагает всю ответственность за решение проблем либо на себя, либо на ту группу, с которой непосредственно себя отождествляет (средний и высокий показатель Ф-4). При решении проблем и в конфликтных ситуациях он предлагает мирные тактики

решения проблем, которые ни в коем случае не должны противоречить нормам и законам международного права (высокий показатель И-1). Характерной для В.В. Путина является совместная деятельность по решению возникающих вопросов (высокий показатель И-5). В целом не обнаружено фактора влияния времени на ключевые убеждения В.В. Путина (убеждения Ф-4, И-1, И-5). Однако убеждение Ф-1 «Природа мира политики» заметно различается: в первом случае входит в группу средних, во втором – в группу низких показателей. Это может быть вызвано и внутренними, и внешними причинами. Для объяснения данного факта могут быть привлечены данные ивент-анализа.

Как известно, на протяжении «газовых» конфликтов активно вели освещение проблем поставок газа СМИ разных стран, трансформируя точки зрения в соответствии с главенствующей идеологией. Наиболее ярко СМИ проявили себя в «газовом» конфликте 2008–2009 гг. В этом конфликте, во-первых, обвинялись конкретные политические лидеры, в том числе и лично В.В. Путин, во-вторых, под угрозу были поставлены конкретные проекты «Газпрома» (высокий И-5) поставок газа в Европу (Северный и Южный поток), а, по мнению иностранных СМИ, это проекты В.В. Путина. Крайнюю степень несовпадения освещения проблемы, с точки зрения идеологии российской стороны, могло вызвать подобное повышение ощущения враждебности мира политики и падения показателя Ф-1. Модифицированная методика выявления операционального кода дала возможность выявить и сравнить систему убеждений В.В. Путина на разных временных этапах в условиях «газовых» конфликтов между Россией и Украиной и сделать выводы о его политическом поведении.

Применение модифицированной методики выявления операционального кода политика ограничивается теми целями и задачами, которые ставит исследователь. Таким образом, авторская методика позволяет не только получать количественные показатели убеждений политика, интерпретировать их, но и делать прогноз о проявлении политического поведения у того или иного лидера в будущем, что приобретает практическую значимость в условиях глобальных процессов.

Г.А. Виленская

КОНТРОЛЬ ПОВЕДЕНИЯ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЕГО РАННЕГО РАЗВИТИЯ

В настоящей работе обобщаются основные результаты исследования раннего онтогенеза контроля поведения. Контроль поведения – регулятивная функция субъекта, посредством которой субъект организует свое поведение для достижения цели (Е.А. Сергиенко, 2009). Он включает в себя три взаимосвязанных компонента: когнитивный контроль, эмоциональный контроль и контроль действий. Контроль поведения начинает формироваться с первых дней жизни ребенка (а предпосылки его закладываются еще пренатально) и в течение первых лет жизни проходит значительный путь в своем развитии.

Наше исследование охватывало первые 3 года жизни детей, включало не только одиночно рожденных детей, но и близнецов, что позволило затронуть психогенетический аспект развития контроля поведения. Исследование проводилось в лаборатории психологии развития ИП РАН под руководством Е.А.Сергиенко. Контроль поведения развивается по линии большей произвольности, адаптивности и гибкости, увеличения разнообразия используемых механизмов регуляции, как, например, переход к использованию проблемно- и социально-ориентированных стратегий контроля поведения, активное использование речи в регуляции поведения. Развитие компонентов контроля поведения происходит гетерохронно, за счет чего возможны компенсаторные отношения между ними (например, относительно хорошо развитый эмоциональный контроль может компенсировать недостаточное развитие когнитивного контроля).

В развитии контроля поведения в раннем возрасте существует отчетливо выделяемый кризис в 18–24 мес. Внешне он выражается в падении показателей контроля поведения, в изменении факторной структуры его компонентов, в изменении характера их межвозрастных связей, а также в резком снижении генетической обусловленности отдельных показателей контроля поведения. При изменении одного или нескольких параметров контроля поведения система регуляции входит в неустойчивое состояние, вступая в период реорганизации, перестраиваясь и переходя на следующий уровень развития, что на феноменологическом уровне выглядит как ухудшение контроля поведения. Мы полагаем, что в возрасте около 18–24 мес. у детей наблюдается перестройка системы регуляции, заключающаяся в смене детерминации контроля поведения с внешней на внутреннюю, т. е. в постепенной передаче функций контроля поведения от взрослого к ребенку. Этот процесс опосредован развитием речи, становящейся одним из самых мощных регуляторов поведения, и отношений «родитель–ребенок», в

частности, смещением акцента во взаимодействии с активности родителя на активность самого ребенка.

На развитие контроля поведения большое влияние оказывает стиль родительского воспитания, и определенный стиль родительского воспитания может способствовать формированию того или иного типа темперамента как способа адаптации к среде. В этом процессе формируется индивидуальный профиль контроля поведения, дающий начало определяющему субъекта способу самоорганизации и саморегуляции поведения. Контроль действий как субъектная функция подчиняется принципам системно-субъектного подхода: принципам континуальности, целостности, антиципации. Поскольку субъект является центром координации всех психических процессов, состояний и свойств (Брушлинский, 1999), контроль поведения осуществляется путем специфической организации и использования индивидом всех доступных ему ресурсов для достижения цели.

Развитие контроля поведения, подчиняясь общим закономерностям, имеет своеобразие в различных группах детей, поскольку средовые влияния специфично преломляются в индивидуальности детей, что соответствует основополагающему принципу, сформулированному С.Л. Рубинштейном (2001), «внешние причины действуют через внутренние условия». Континуальность в развитии контроля поведения обеспечивается как генетическими, так и средовыми факторами и проявляется в закономерном изменении содержания контроля поведения, соотношения его компонентов, характера генетического и средового вклада. Принцип антиципации в развитии реализуется в кризисном характере развития контроля поведения, когда изменения, реорганизация в соотношении тех или иных психологических характеристик предшествуют явным изменениям в поведении. Представляется, что концепция контроля поведения, помимо теоретической значимости, имеет и очевидные практические приложения, позволяя родителям, воспитателям, психологам оценивать и учитывать как общие закономерности, так и индивидуальные особенности регуляции поведения ребенка.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант №08-06-00253а.

Г.А. Волкова

МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ НЕРЕЧЕВЫХ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ У СЛЕПЫХ ДЕТЕЙ

Для формирования неречевых психических функций у слепых детей в возрасте 2 лет необходимо соблюдать ряд важных условий, как-то: 1) строить общение с ребенком в игровых ситуациях; 2) занятия с ребенком проводить ежедневно, в одно и то же время, обязательно в утренние часы; 3) речь взрослых должна быть модулированная, выразительная, на мягкой атаке голоса, на пониженных тонах, поскольку она является сильным, постоянно действующим раздражителем для слепого ребенка, познающим окружающий мир преимущественно вербальным путем; 4) фразы необходимо строить грамотно, включать в фразу от двух до четырех слов; 5) в каждой фразе должна содержаться только одна инструкция, одно замечание, одно разъяснение и т. д. Не рекомендуется оформлять в фразе два и более поручения, две инструкции. Например, правильно сказать: «Подойди ко мне», затем: «Дай мне ручку», затем: «Возьми мишеньку». Неправильно: «Подойди ко мне, дай мне ручку, возьми мишеньку»; 6) не рекомендуется говорить с ребенком громким голосом на расстоянии, например, из другой комнаты, прихожей и т. д., помня о речи как сильном раздражителе. Важно развивать следующие неречевые функции: тактильные ощущения, стереогноз, слуховую функцию (слуховое восприятие, внимание, звуковысотный слух, тембровый, динамический слух), ритмическое чувство, психомоторику (общую, ручную, пальчиковую, мимическую).

Раскроем особенности воспитания некоторых функций у слепых детей. Например, для развития тактильных ощущений подобрать набор игрушек из разного материала – пушистого, гладкого (пластмассового, деревянного), шероховатого. Прежде чем дать игрушку ребенку в руки, надо рассказать о ней, воспроизвести звукоподражание, если это игрушка-животное, постучать, например кубиком, по поверхности стола и т. п. Затем дать ребенку игрушку, помолчать, чтобы ребенок самостоятельно познакомился с игрушкой. Далее, не допуская угасания интереса ребенка, организовать совместную с ним деятельность, направляя ручки ребенка на последовательное изучение игрушки, сопровождая его речью. В речи взрослого должны присутствовать и называние, и образное описание. Например, «Это мишка. Вот у него ушки (коснуться рукой ребенка). Они круглые, мягкие». Впоследствии, знакомя ребенка с другими игрушками-животными, сказать: «Вот у лисы ушки. Они немного длинные, на концах остренькие. А у мишки, помнишь, были какие…? (с продолжающейся или незавершенной интонацией). Ребенок: «Круглые». Взрослый: «Круглые и…», ребенок: «Мягкие, пушистые». Взрослый: «Правильно, у мишки ушки круглые и пушистые, а у лисы остренькие на концах» и т. д.

Для развития стереогноза используется «Чудесный мешочек». В пакет помещается два контрастных предмета по величине: большое яблоко и маленькая ягода, или по форме: шарик и кубик. Сначала они изучаются ребенком, а взрослый дает описательный рассказ о том и другом предмете (игрушке). Затем ребенок определяет в мешочке только один предмет и называет его. После того, как он достал предмет, взрослый вместе с его пальчиками изучает предмет и называет его основные свойства.

Развитие слухового внимания начинается с различения двух контрастно звучащих игрушек (барабана, дудочки). Например, поиграв на дудочке перед ребенком или справа (на расстоянии 1–2 шагов), спросить: «Где играла дудочка? Покажи ручкой». Если ребенок ошибается, вновь сыграть на дудочке, подойдя тихо к ребенку, взять его за ручку и протянуть ее в нужном направлении. Целесообразно такие игры проводить с ребенком при участии двух взрослых. Один из них играет на инструменте или звучащей игрушке, а другой, сидя вместе с ребенком, помогает ему определить направление звучания в координатах: «впереди», «позади», «справа», «слева», «внизу», «вверху», сопровождая движения руки ребенка соответствующими словами. Для развития музыкального слуха и ритмического чувства взрослый напевает ребенку песенки, потешки, а затем приглашает спеть ребенка. Сначала мелодия поется на звук (А или У), на слог «ля», затем со словами. Взять ребенка за ручку, идти вместе с ним и в такт шагам говорить: «Маленькие ножки шли по дорожке», замедлить темп и сказать более низким голосом: «Большие ноги шли по дороге».

Развитие неречевых психических функций положительно влияет на формирование речи и познавательной деятельности слепого ребенка.

А.А. Воронина

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ КОММУНИКАЦИЯМИ СОТРУДНИКОВ ПОЧТОВО-КОРРЕСПОНДЕНТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Большой прогресс в развитии бизнеса повлек за собой возникновение проблемы во внутренней системе компаний. В том числе наиболее остро стоит проблема коммуникаций в организации. Стоит заметить, что на сегодняшний день менеджеры среднего звена тратят примерно 70 % рабочего времени на коммуникации. И от удовлетворенности коммуникативными взаимодействиями и правильности построения процесса коммуникации зависит эффективность работы не только от-

дельного менеджера, но и всей компании в целом. Одной из причин снижения удовлетворенности коммуникативными взаимодействиями в организации являются коммуникативные барьеры. На данный момент можно выделить такие типы коммуникативных барьеров в организации: индивидуальные; организационные; барьеры, обусловленные факторами среды, и временные. При совместном выполнении работы сотрудниками организации возникают межличностные коммуникации, для осуществления которых применяют стратегии коммуникативного взаимодействия «доминирование»; «манипуляция»; «соперничество»; «партнерство»; «невмешательство»; «взаимовыгодная кооперация».

Для выявления коммуникативных проблем и барьеров в почтово-корреспондентских организациях была разработана анкета «Выявление коммуникативных проблем и барьеров в организации» на основе методики В.М. Снеткова «Изучение коммуникаций в организации» (1999), которая позволила оценить наличие проблем и коммуникативных барьеров на разных уровнях организационной структуры. Для сравнения удовлетворенности коммуникациями менеджеров и курьеров в почтово-корреспондентских организациях была использована анкета В.М. Снеткова по изучению удовлетворенности коммуникациями в организации. Для определения, оценивания и сравнения стратегий коммуникативных взаимодействий менеджеров и курьеров почтово-корреспондентских организаций была использован тест по определению стратегий коммуникативного взаимодействия, предложенный В.И. Подлесных (2001). По результатам анкетного опроса «Выявление коммуникативных проблем и барьеров в организации» было выявлено, что наибольшее количество коммуникативных проблем, выделенных сотрудниками почтово-корреспондентских организаций, представлены организационными барьерами, которые относятся к личностному уровню и уровню отдела.

Результаты анкетного опроса «Изучение удовлетворенности коммуникациями в организации» свидетельствуют о том, что сотрудники почтово-корреспондентских организаций в большей степени удовлетворены коммуникациями с теми отделами, которые влияют на успешность выполнения их повседневной работы. Результаты данного анкетного опроса указывают на снижение удовлетворенности коммуникациями внутри отдела, с другими отделами и в организации в целом у курьеров с увеличением стажа работы. По результатам опроса по тесту «Определение стратегий коммуникативного взаимодействия» было выявлено, что в почтово-корреспондентских организациях для эффективного выполнения своей повседневной работы менеджеры

чаще используют стратегию коммуникативного поведения «взаимовыгодная кооперация», курьеры – «соперничество». С увеличением стажа работы в почтово-корреспондентских организациях применение стратегии коммуникативного взаимодействия «партнерство» менеджерами увеличивается, курьерами – уменьшается.

В результате исследования были выявлены достоверно-значимые связи в удовлетворенности коммуникациями и в стратегиях коммуникативного взаимодействия сотрудников почтово-корреспондентских организаций разного пола и стажа работы. Менеджеры почтово-корреспондентских организаций с увеличением стажа чаще используют стратегию коммуникативного взаимодействия «партнерство». Менеджеры, чаще, чем курьеры, применяют стратегию коммуникативного взаимодействия «взаимовыгодная кооперация». В почтово-корреспондентских организациях для мужчин более выражено применение стратегии коммуникативного взаимодействия «доминирование», для женщин – «невмешательство».

По результатам исследования была выявлена взаимосвязь удовлетворенности коммуникациями со стратегиями коммуникативного взаимодействия. Выявлено наличие взаимосвязи удовлетворенности коммуникациями с другими отделами со стратегиями коммуникативного взаимодействия «соперничество» и «взаимовыгодная кооперация», а также взаимосвязи удовлетворенности коммуникациями в организации в целом со стратегиями коммуникативного взаимодействия «соперничество» и «взаимовыгодная кооперация».

Е.Н. Газогареева

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КЛИМАТ В ОРГАНИЗАЦИЯХ С РАЗЛИЧНЫМИ ФОРМАМИ СОБСТВЕННОСТИ

Проблематика организационной культуры и социально-психологического климата (СПК) достаточно часто становится предметом многообразных исследований. Нами (совместно с О.А. Рыжевской) проведено исследование по изучению СПК в организациях с различными формами собственности. Определим и разграничим содержание двух близких понятий: «организационная культура» и «социально-психологический климат» в контексте организации. Организационная культура является более стабильной и продолжительной характеристикой организации, и ее труднее диагностировать и оценить. СПК – оценочная характеристика, которая может быть измерена количе-

ственно, путем анкетирования сотрудников фирмы на основе специальных опросников.

Организационная культура связана с чувством принадлежности к организации вне зависимости от степени комфортности повседневной рабочей обстановки, и многие исследователи приходят к мнению, что организационная культура настолько трудноуловима, что даже сами сотрудники фирмы не могут точно сказать, в чем она заключается. Организационная культура, по нашему мнению, – это комплекс систем, норм, ценностей, знаний и символов, разделяемых большинством членов данной организации.

У разных авторов встречается разное представление о СПК – от «психологической атмосферы коллектива» с акцентом на сугубо психологических характеристиках группы до «организационного климата». СПК – обобщенная характеристика системы межличностных отношений в группе. Межличностные отношения в группе либо обеспечивают, либо препятствуют успешному протеканию процессов группообразования и личностного развития. СПК – состояние психологии организации как единого целого, которое интегрирует частные групповые состояния. Как определяет А.Л. Свенцицкий, СПК – состояние групповой психики, обусловленное особенностями жизнедеятельности группы. В качестве гипотезы исследования было выдвинуто предположение о том, что существуют различия в уровне развития и структуре социально-психологического климата, обусловленные формой собственности организации. Для работников частных фирм характерна большая ориентация на деловые отношения. Для сотрудников государственных учреждений предпочтительнее эмоциональные отношения. Объект исследования – персонал государственного учреждения и частной фирмы.

В исследовании приняли участие 80 человек (банковские работники), средний возраст 35 лет. Все респонденты занимаются однородной деятельностью. Выборки были выровнены по полу, возрасту. Методики по изучению СПК: Ф. Фидлера, О.С. Михалюк и А.Ю. Шалыто, анкета на выявление удовлетворенности профессиональной деятельностью, разработанная О.Е. Ивашко.

В результате математического анализа наши гипотезы подтвердились. Все показатели характеристик СПК, полученных по методике Ф. Фидлера, значимо выше ($p < 0,01$) у коллектива частной организации, в сравнении с государственной. Сотрудники частных и государственных учреждений более высоко оценивают и ставят на первые места различные компоненты СПК. В государственном учреждении

выбирают такие характеристики климата, как дружелюбие, согласованность и взаимоподдержка – блок «эмоциональный индекс». Сотрудники частного учреждения делают акцент на других характеристиках – продуктивность, сотрудничество – «индекс деловых отношений». В частном учреждении сотрудники лучше знают деловые и личностные
качества своих коллег (когнитивный компонент). В государственном учреждении когнитивный и поведенческий компоненты СПК оцениваются отрицательно и значимо ниже ($p < 0,01$) оценок, полученных у сотрудников частной организации. Мы можем сделать вывод о нежелании сотрудников общаться по деловым вопросам, узнавать более близко своих коллег, а также общаться с ними вне работы. Персонал частного учреждения больше удовлетворен своей профессией, свободой действий, предоставляемой на службе, и взаимоотношениями с непосредственным руководителем, в сравнении с сотрудниками государственного предприятия.

Из полученных данных мы сделали вывод, что СПК играет значительную роль в желании человека работать в данной организации. В организациях с различной формой собственности социально-психологический климат имеет различную структуру и выполняет различные функции. В государственном учреждении более высоко ценятся эмоциональные отношения с коллегами, и основная функция – это общение и поддержка. В частном учреждении ценятся деловые отношения с коллегами, которые служат достижению коллективных целей, достижению высоких показателей в профессиональной деятельности.

О.Н. Галанина

ДИАГНОСТИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ «ДОБРА»

В последние годы возрастает интерес к проблеме нравственного развития личности, где добро и зло являются центральными понятиями. Специальных исследований добра и зла в социальной психологии не так много. Среди существующих высока доля теоретических исследований, изучающих отдельные стороны «добра» и «зла», которые можно разделить на три направления. Первое образуют исследования, посвященные генезису и развитию нравственных начал и морали (Л.С. Выготский, Ж. Пиаже, Л.М. Попов, А.П. Кашин, Т.А. Старшинова, L. Kohlberg). Второе направление существует преимущественно в

виде различных концептуальных построений и связано с определением места, функций, условий возникновения добра и зла в жизни человека (А.Г. Маслоу, К.Р. Роджерс, С.Л. Рубинштейн, Э. Фромм, К. Хорни). Третье направление – исследования эгоизма – альтруизма и понимаются как личностные типы (формы поведения) и не тождественны по смыслу паре понятий «добро–зло» (Б.С. Алишев, P.L. Harris).

В указанных выше работах не рассматривался вопрос о том, как воспринимается, понимается и определяется добро и зло в различных ситуациях социального взаимодействия. Именно эта задача стояла перед нашим исследованием – каковы представления о добре и зле современной молодежи в контексте социального взаимодействия. Для решения задачи нами была разработана авторская методика, которая подразумевает, что «добро» это ценностная категория, имеющая ярко выраженную социальную, культурно-нравственную составляющую (О.А. Аникеенок, О.Н. Галанина). В соответствии с моделью структуры ценностей, предложенной Б.С. Алишевым, «добро» относится к первичным функциональным ценностям наряду с другими, такими как польза, истина, свобода, справедливость, мощь (сила), красота. «Добро “распределяется” в соответствии со сложившимися социально-нормативными, моральными представлениями о нем, существующими в обществе, и субъективно-индивидуальными представлениями, сформировавшимися у каждого индивида».

Методика исследования содержит описания действий людей в определенных ситуациях, заключающих в себе: 1) определенную жертву по отношению к другому человеку или группе людей, 2) помощь другому лицу или группе, 3) помощь в расчете на последующее обратное действие (обмен), 4) соблюдение общепринятых норм (функционально-ролевых или нравственных), 5) нарушение норм, приносящее, однако, ту или иную пользу другой стороне взаимодействия. Учитывая особенности представлений о добре, ситуации были сгруппированы исходя из двух критериев: 1) на два типа в зависимости от того, требовалось ли дать оценку с позиции активной стороны взаимодействия, т. е. той, которая совершает действие («деятель»), или с позиции пассивной стороны («получатель»); 2) на пару в зависимости от их содержания «польза» и «вред». Респондентам необходимо оценивать по 5-балльной шкале (от – 2 до 2) большую и меньшую степень проявления добра участниками ситуаций. Поскольку в каждой ситуации присутствуют разные участники, то в первой колонке ответов на бланке нужно давать оценку с позиции выделенного персонажа (добро инди-

видуальное). Во второй колонке нужно дать оценку ситуации с точки зрения общественных интересов (добро социальное).

Данная методика была проведена на выборке 516 респондентов (возраст 16–26 лет) среди студентов г. Казани. Методика была проверена на надежность и валидность. Нами было выявлено, что представления студентов о добре и зле не совпадают полностью с социально-правовыми и этическими установлениями. Причина несовпадения состоит в том, что при анализе ситуаций студенты во многих случаях обращали внимание не столько на само действие, сколько на его мотив, и, если его поддерживали, то и действие рассматривалось ими как доброе. Существенные различия были выявлены, с какой позиции: индивидуальной или общественной, – она осуществляется. Добрые поступки при их оценке с позиции общества оказываются менее добрыми, а недобрые – еще более недобрыми. Это наблюдается по всем выделенным типам ситуаций, кроме тех, в которых совершаются нормативные действия. С индивидуальной позиции (неважно «деятеля» или «получателя») добро оценивается как польза, а зло, соответственно, понимается как причиненный вред.

М.В. Галимзянова, Е.В. Романова, Е.А. Москвина

ПЕРЕЖИВАНИЯ РАЗВОДА РОДИТЕЛЕЙ В ДЕТСТВЕ И ВЫБОР ПАРТНЕРА ВЗРОСЛЫМИ

Исследование психологических закономерностей, влияющих на выбор партнера и формирование супружеских отношений, является крайне значимым для современной России в условиях демографического кризиса. Каждый год в России регистрируется около 500–600 тыс. разводов, в результате чего от 400 до 600 тыс. детей остаются жить с одним из родителей и лишаются условий гармоничного развития в полной семье. Наиболее частыми причинами разводов являются неадекватный выбор партнера, невозможность разрешать конфликты, преодолевать кризисные ситуации, возникающие в семье. Зачастую негативный опыт семейного взаимодействия воспроизводится из поколения в поколение. О травмирующем влиянии развода на детей свидетельствуют многие психологи. Изучением психологических последствий развода родителей занимались Ю. Валлерштейн, С. Кратохвил, Г. Фигдор, Г.Т. Хоментаускас и др. Преимущественно на основе клинических наблюдений исследователями было установлено, что развод родителей имеет для ребенка долгосрочные последствия, которые ска-

зываются в дальнейшем на его партнерских отношениях. Несмотря на значительную актуальность заявленной проблемы, эмпирические данные о влиянии развода родителей на выбор партнера и формирование семьи крайне ограничены. Изучение роли, которую играет психотравматический опыт детства, связанный с разводом родителей в выборе спутника жизни, создании собственной семьи и взаимодействии с брачным партнером, представляется весьма актуальным.

Нами было проведено исследование, одной из целей которого являлось изучение особенностей выбора партнера людьми, пережившими в детстве развод родителей. В исследовании приняли участие 100 человек, из них 73 женщины и 27 мужчин в возрасте от 18 до 50 лет. Средний возраст респондентов – 24 года. Из них в группу 1 вошли участники выборки, чьи родители развелись (37 %); в группу 2 – участники выборки, воспитывавшиеся в полных семьях (63 %). Для исследования особенностей ситуации детства нами была разработана анкета «Детство. События, детско-родительские отношения и субъективные переживания».

Для изучения особенностей выбора партнера применялась разработанная нами методика исследования степени совпадения личностных характеристик. Она направлена на определение степени сходства личностных характеристик родителей и партнеров респондентов, самих респондентов и их родителей, респондентов и их партнеров. Методика включает список из 65 личностных характеристик. Взрослым предлагалось отметить, какие из приведенных характеристик в наибольшей степени относятся к ним самим, к матери, отцу, к их партнеру, к предыдущему партнеру, к идеальному в представлении респондентов партнеру. Было установлено, что у взрослых из полных семей образ идеального партнера в значительной степени совпадает с образом отца. Образ идеального партнера респондентов, переживших развод родителей, имеет достоверно меньшее сходство с образом отца. В автобиографической памяти людей, переживших развод, фигура отца связана, скорее, с негативными переживаниями. Поэтому взрослые, пережившие развод родителей, считают, что идеальный партнер – это человек, мало похожий на их отца, поскольку отец часто ассоциируется с негативными переживаниями, которые не хотелось бы вновь испытывать в партнерских отношениях.

В исследовании также установлено, что удовлетворенность отношениями с партнером у этих респондентов не связана с тем, насколько партнер похож на их родителей. Респонденты, чьи родители развелись, в отличие от контрольной группы, сопоставляя личностные характери-

стики свои и своего партнера, отмечают больше различий, чем сходства. Особенно стремление выбирать партнера по принципу «от противного» свойственно респондентам, которые переживали чувство унижения из-за отца. Партнеры таких людей в значительно меньшей степени похожи на них самих. Это можно объяснить тем, что в связи с разводом родителей и уходом отца из семьи у людей в недостаточной степени формируется чувство собственной полноценности. По-видимому, чем большую неполноценность человек испытывает в детстве в связи с разводом родителей, тем больше он стремится восполнить свою неполноценность в отношениях с партнером, что происходит путем выбора партнера с комплементарными особенностями личности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта № 08-06-00444а («Субъективные переживания детства и формирование семейных отношений взрослого»).

Е.В. Гапанович-Кайдалова, Т.Ф. Бочок

ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГОМ ОСОБЕННОСТЕЙ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Исследования, посвященные изучению ценностей современной молодежи (Л.И. Анцыферова, Н.В. Гапанович-Кайдалов, Е.В. Гапанович-Кайдалова, М. Рокич, Е.М. Бабосов, Г.М. Грибов, Л.Г. Титаренко и др.), показали, что дружба и любовь приобретают особую значимость в этот период. В то же время многие старшеклассники испытывают трудности в построении межличностных отношений, особенно со сверстниками противоположного пола. Поскольку неумение эффективно общаться с окружающими может повлечь за собой проблемы на последующих этапах формирования личности (З. Фрейд, К. Хорни, Э. Эриксон), особую актуальность приобретает такое направление работы школьного психолога, как исследование межличностных отношений старшеклассников.

В связи с этим целью нашего исследования было выявление гендерных особенностей межличностных отношений старшеклассников. Задачи исследования: теоретический анализ литературы по проблеме межличностных отношений в старшем школьном возрасте; сравнительный анализ особенностей межличностных отношений юношей и девушек со взрослыми и сверстниками; определение эффективных форм работы психолога по оптимизации межличностных отношений

старшеклассников. Респонденты: учащиеся 10–11 классов СОШ № 30 г. Гомеля (72 человека).

Методы диагностики: наблюдение, беседы с учащимися, экспертное оценивание, тестирование (методика Лири, КОС, тест К. Томаса). Проведя сравнительный анализ по результатам исследования межличностных отношений старшеклассников, можно сделать вывод, что у юношей ведущее место занимает октант «авторитарность», властный-лидирующий тип межличностных отношений. Характерен также сотрудничающий-конвенциональный тип (гибкий и компромиссный при решении проблем в конфликтных ситуациях, сознательно конформный, стремится помогать, способен проявлять теплоту и дружелюбие в отношениях). У девушек максимальные показатели по октанту «альтруистический» (ответственно-великодушный тип). Наблюдается выраженная потребность соответствовать социальным нормам поведения, склонность к идеализации и гармонии межличностных отношений, легкое вживание в разные социальные роли, гибкость в контактах, жертвенность, потребность нравиться окружающим, но имеется проблема подавленной или вытесненной враждебности, склонность к психосоматическим заболеваниям. На втором месте «авторитарность» в сочетании с «сотрудничеством» и «покорной застенчивостью».

Результаты диагностики старшеклассников с помощью методики КОС показали, что у юношей преобладает очень высокий уровень коммуникативных и организаторских склонностей в общении. У девушек коммуникативные склонности – на низком уровне, а организаторские – на очень высоком уровне, как выяснилось в беседе с респондентками, в силу их высокой ответственности. Наблюдения за учащимися, беседы с ними и опрос экспертов (классных руководителей, родителей, педагогов) показали, что юноши не теряются в новой обстановке, быстро находят друзей, проявляют инициативу в общении, способны самостоятельно принимать решения в трудной ситуации. Девушки, наоборот, более пассивны, не стремятся расширять круг общения; не всегда отстаивают свое мнение, избегают принятия самостоятельных решений, обидчивы, но охотно принимают участие в организации внеклассных мероприятий, общественной работе.

По результатам теста К. Томаса, наиболее популярной стратегией поведения в конфликтной ситуации у старшеклассников является компромисс. Юноши также часто используют приспособление, тогда как у девушек на втором месте по количеству предпочтений находится стратегия «соперничество». К избеганию девушки обращаются на 6 % реже, чем юноши. Таким образом, в межличностных отношениях с

окружающими для девушек характерны покорность, застенчивость, альтруизм; пассивность, сдержанность, желание соответствовать социальным нормам, нравиться, ответственность; юноши демонстрируют стремление подчинять своей воле, решительность, инициативность. Система работы психолога по изучению межличностных отношений старшеклассников включает: диагностику особенностей и структуры их межличностных отношений, предпочтений в выборе стратегий поведения в конфликтных ситуациях, коммуникативных и организаторских склонностей; коррекционно-развивающие мероприятия, направленные на преодоление застенчивости, формирование адекватной самооценки, развитие уверенности в себе и т. п.; просвещение и консультации для учащихся, их родителей и педагогов, направленные на оптимизацию межличностных отношений старшеклассников со взрослыми и сверстниками.

Р.О. Гасанова

ВОСПРИЯТИЕ ПРЕДМЕТНОГО ОБРАЗА В РАЗЛИЧНЫХ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЯХ

Восприятие как процесс отражения предмета в совокупности его свойств – это сложное явление, на которое оказывает влияние множество факторов, одним из которых является психическое состояние. Под его влиянием создается характерная для каждого человека апперцепция, обусловливающая значительные различия при восприятии одних и тех же предметов разными людьми или одним и тем же человеком в разное время. Изучение взаимоотношений психических состояний и восприятия является важным для понимания функционирования психики как целостной системы, для выявления механизмов психической деятельности. Углубление в данную проблему позволяет говорить об увеличении возможности управления и регуляции психических состояний в процессе жизнедеятельности.

Целью данного исследования мы обозначили выявление особенностей зрительного восприятия при нахождении воспринимающего субъекта в психических состояниях, характерных для трудной жизненной ситуации. Мы предположили, что психические состояния, переживаемые субъектом восприятия в трудной жизненной ситуации, оказывают влияние на процесс восприятия. В нашем исследовании приняли участие 56 человек – студенты 1 курса факультета психологии Казанского государственного университета. Методы исследова-

ния: теоретический анализ литературы; метод сбора первичных данных – опрос; анализ первичных данных. В течение полутора месяцев нами было проведено пять срезов. Испытуемым предъявлялось два предмета: игрушка в виде животного и картина Ю.С. Подлясского под названием «Тишина». В первую очередь респондентам необходимо было назвать состояние, в котором они пребывают в данный момент времени. После этого участникам исследования предлагалось заполнить опросник, в который включены вопросы, позволяющие оценить восприятие данных предметов по различным параметрам. Связь между психическими состояниями и изменениями в восприятии особенно наглядно проявляется в тех случаях, когда различия в восприятии можно исследовать в разных психических состояниях. Поэтому один из срезов был проведен во время контрольной работы в условиях повышенного эмоционального напряжения. Полученные результаты анализировались двумя способами: 1. Отслеживалась динамика по каждому отдельному испытуемому в положительных, отрицательных и нейтральных состояниях. При этом под положительными состояниями мы понимаем радость счастье, к отрицательным относим нервное напряжение, тревогу, страх, обиду, к нейтральным – состояние спокойствия. 2. Отслеживалась групповая динамика по наиболее часто встречающимся состояниям. Таких мы выделили три: радость, спокойствие и напряженность. Стоит отметить, что состояния, которые мы отнесли к группе отрицательных, характерны для трудной жизненной ситуации. Из второго пункта анализа результатов к этой группе мы относим напряженность. Нами было выявлено, что при нахождении испытуемых в состоянии напряженности игрушка воспринималась более крупной, чем в состояниях радости и спокойствия. Нами также выявлено, что при восприятии цветов в нейтральных состояниях мы различаем большее количество самых разнообразных цветов. При нахождении в положительных психических состояниях количество различаемых цветов сокращается, а в отрицательных – обретает самый низкий показатель. Таким образом, мы можем сказать о том, что в отрицательных состояниях окружающие предметы воспринимаются нами как более крупные и менее красочные.

Таким образом, нами установлено, что: 1) чем интенсивнее отрицательное состояние, тем более крупными по размеру воспринимаются предметы; 2) в нейтральных состояниях воспринимается наибольшее количество цветов, в отрицательных – наименьшее. Выдвинутая нами гипотеза о том, что психические состояния, переживаемые субъектом восприятия в трудной жизненной ситуации, оказывают воздействие на

восприятие размеров и цветов предметов окружающего мира, подтвердилась, цель работы достигнута.

Результаты исследований могут быть использованы в психологической коррекции и психотерапии, в организации обучения и учебно-воспитательного процесса и других видах деятельности, а также для поиска путей управления и регуляции психических состояний в процессе жизнедеятельности.

В.С. Гладкова

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ИМИДЖА ОРГАНИЗАЦИИ И ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ

В PR-деятельности решаются разнообразные задачи, однако, независимо от их вида и содержания, центральной задачей является формирование позитивного имиджа организации и на его основе выстраивание высокой лояльности работников к репутации компании. Поэтому всякая PR-деятельность должна начинаться с создания позитивного имиджа организации, а в дальнейшем его мониторинга и совершенствования. Целью проведенного исследования являлся анализ привлекательности имиджа организации и выявление взаимосвязи между привлекательностью имиджа организации и индивидуально-психологическими особенностями человека. Актуальность данной проблемы определяется тем, что в экономически сложные времена только правильная и качественная PR-кампания способствует эффективному развитию бизнеса. Для проведения PR-кампании необходимо знать своего потребителя, его особенности, предпочтения, знать, насколько привлекательна для него какая-либо организация и какое место она занимает для него среди конкурентов.

Целью нашего исследования являлось изучение взаимосвязи привлекательности имиджа организации, демографических и личностных особенностей потребителей. Среди демографических характеристик учитывались пол, возраст и уровень дохода. Среди личностных переменных определялись: экстраверсия и интроверсия, выраженность лидерских качеств, ценностные ориентаций (ориентация на власть, свободу, известность, любовь, общение, здоровье, богатый духовный мир и др.). Исследуемая организация – издательский дом «Автомедиа». Основными направлениями ее деятельности являются три глянцевых издания: «Иномарка», «Тюнинг» и «RedSleds», а также проведение специализированных мероприятий. Объектом исследования являлись потребители услуг издательского дома «Автомедиа», предметом исследования – представления потребителей о привлекательности имиджа издательского дома «Автомедиа» и их индивидуально-психологические особенности.

В исследовании приняли участие 60 человек. В связи с целью исследования были поставлены следующие задачи: оценка степени привлекательности организации для потребителей; сравнение показателей привлекательности имиджа организации в зависимости от пола, возраста и уровня дохода испытуемых; исследование взаимосвязи между

степенью привлекательности имиджа и экстраверсией, наличием или отсутствием лидерских качеств, ценностными ориентациями человека.

В исследовании использовались следующие методики: анкета «Привлекательность издательского дома “Автомедиа” для потребителей»; опросник Юнга «Интроверт вы или экстраверт»; опросник лидерских качеств методика Е. Жарикова и Е. Крушельницкого; методика определения жизненных ценностей личности (Must-тест) П.Н. Иванова, Е.Ф. Колобова. Далее была проведена обработка данных методами математической статистики, анализ и интерпретация полученных результатов. По результатам исследования мы определили, что наиболее высоко имидж организации оценили потребители из возрастной группы 30–40 лет, с уровнем дохода выше среднего и высоким, причем мужчины данной возрастной группы оценили имидж выше, чем женщины. Обнаружены следующие взаимосвязи: чем сильнее выражены у человека лидерские качества и экстраверсия, тем более высоко он оценивает имидж организации. Выявлено, что издательский дом «Автомедиа» наиболее привлекателен для тех потребителей, у которых сильнее выражены следующие ценностные ориентации: власть, автономность, материальный успех, личностный рост, удовольствие, собственная привлекательность.

Результаты данного исследования могут использоваться PR-службой ИД «Автомедиа» для разработки и проведения PR-кампаний. Другие издательские дома или организации из сферы автомобильного бизнеса могут применять комплекс использовавшихся в нашем исследовании методик для мониторинга и анализа потребительской аудитории, для разработки PR-кампании, для контроля за имиджем организации на рынке.

Л.А. Головей, В.Р. Манукян, М.Д. Петраш

О СООТНОШЕНИИ ВОЗРАСТНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ В ПЕРИОД СРЕДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

В современной литературе по проблемам возрастного и профессионального развития накоплен большой материал относительно кризисов как периодов трансформации, отличающихся характерными когнитивными, эмоциональными и поведенческими реакциями и ведущих к переходу на новый уровень развития. Однако проведено крайне мало исследований, рассматривающих проблему кризисов профессиональной жизни в контексте возрастного развития.

Одной из задач нашего исследования стало изучение соотношения возрастных и профессиональных кризисов на примере переходных периодов 30- и 40-летия. Изучение возрастных кризисов осуществлялось при помощи специально разработанной биографической анкеты кризисных переживаний (В.Р. Манукян, 2003). Для изучения профессиональных кризисов использовались анкета «Факторы профессионального развития» (М.Д. Петраш, 2004), охватывающая уровни функционирования человека от психофизиологического до социально-психологического, а также методика диагностики эмоционального выгорания К. Маслак. Использовались также опросник Р. Кеттелла (форма С) и копинг-тест Р. Лазаруса.

В исследовании приняли участие две группы испытуемых: 1) 169 человек в возрасте 28–45 лет; 2) 335 человек в возрасте от 20 до 60 лет, где основными экспериментальными группами явились группы 28–33 лет («тридцатилетние») и 38-45 лет («сорокалетние»), а группы взрослых 20–27 лет и 45–60 лет были взяты для сравнительного изучения возрастных особенностей профессионального развития. Было показано наличие гетерохронии в соотношении показателей возрастного и профессионального развития.

Период «тридцатилетия» является критическим в профессиональном развитии, так как наблюдается снижение показателей по всем параметрам профессионального развития. Так, в возрастной группе 30-летних отмечается низкая удовлетворенность профессиональной деятельностью, происходит снижение направленности на самореализацию ($p \leq 0,05$), удовлетворенности возможностью собственного профессионального развития ($p \leq 0,01$). Снижаются социально-психологические показатели, что проявляется в неадекватности межличностного общения, в неудовлетворении потребности во взаимоконтроле и поддержке со стороны коллег, в доверительных взаимоотношениях в коллективе, негативно оцениваются организация и условия труда ($p \leq 0,01$). Наблюдается повышение параметров эмоционального выгорания ($p \leq 0,001$). При этом результаты исследования выявили в этой группе и наличие нормативного возрастно-биографического кризиса, проявляющегося на уровне переживаний личности: в них отражается осознание ограниченности времени жизни и переоценка личных достижений. В данный период наблюдается подъем личностных ресурсов (по сравнению с другими возрастными группами): эмоциональной зрелости, интеллекта ($p \leq 0,05$), независимости, общительности ($p \leq 0,001$). В качестве копинг-стратегий «тридцатилетние» используют самоконтроль, решение проблемы, поиск социальной поддержки.

Период «сорокалетия» характеризуется доминированием возрастного личностного кризиса и снижением выраженности профессионального. Здесь отмечается повышение удовлетворенности профессиональной деятельностью, снижение показателей эмоционального истощения и деперсонализации ($p \leq 0,05$). Вместе с тем наблюдаются повышение конфликтности, низкая оценка поддержки со стороны друзей и коллег, происходят существенные изменения в индивидуально-личностных характеристиках: значимое снижение эмоциональной устойчивости, увеличение тревожности, беспокойства, фиксированности на неудачах, социализации поведенческого контроля, возрастание чувства долга, снижение инициативности ($p \leq 0,05$).

Таким образом, на фоне принятия своей профессиональной роли и определения места в профессиональной жизни наблюдается снижение показателей личностного и межличностного функционирования. Выявляется кризисное противоречие, связанное с несоответствием между потребностью в изменениях на уровне переживаний личности и уменьшением способности к преобразовательной активности. Об этом же свидетельствуют и наиболее активно используемые копинг-стратегии, связанные с депрессивной формой реагирования (принятие ответственности, самоконтроль). Таким образом, при преодолении кризиса 30-летия взрослые могут опираться на ресурсные возможности личностного развития, а при преодолении кризиса 40-летия – на ресурсные возможности профессионального развития, что необходимо использовать при разработке программ психологической поддержки взрослых.

А.Ю. Голубева

СМЫСЛОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ОБРАЗА ЛИЧНОГО ПРОШЛОГО

Специфика исследования состоит в том, что объектом в нем служит многозначное и важное для испытуемого явление – собственный жизненный путь, а изучение опосредующих восприятие образа прошлого индивидуальных систем значений проводится не только с содержательной стороны, но и исходя из их наглядно представленной реконструируемой структуры – семантического пространства образа прошлого. Первый этап нашего исследования был проведен в 2007–2008 гг., в нем приняли участие 23 испытуемых, 10 из которых участвовали через 1,5–2 года во втором этапе исследования. На третьем этапе, в 2010 г., приняли участие 19 человек. Испытуемым предлагалось

выбрать несколько переломных событий своей жизни, сравнить их в триадах, а также оценить каждое событие по всем конструктам исходя из семибалльной шкалы. Содержание и количество конструктов не задавалось, количество событий на первом этапе – 7, на втором и третьем оно не ограничивалось (значимых различий не обнаружено). На основе одной из полученных матриц – расстояний между событиями – были построены субъективные семантические пространства образа прошлого. На третьем этапе мы включили в общий комплекс методики Линия жизни и Метафора жизни (В.В. Нуркова), а также выявляли ассоциативные образы и индивидуальные жизненные ценности, стоящие за каждым событием.

В ходе исследования подтверждено, что семантические пространства образа прошлого могут быть систематизированы по типам, и обнаружена динамика их развития, обусловленная двумя базовыми стратегиями реконструкции содержания автобиографической памяти – образа личного прошлого. Это либо сохранение структурного ядра пространства в виде реконструируемых воспоминаний о событиях и порождение между ними новых смысловых связей – конструктов, либо сохранение конструктов и внесение в структуру новых событий.

За два этапа исследования получен материал из 42 оригинальных категориальных структур, включающих 294 события, описанных 335 конструктами (на трех этапах, включая лонгитюд, для описания 52 пространств и 367 событий использовано 422 конструкта). Индивидуальный материал предоставляет большую свободу в выборе критериев его интерпретации, а также в выборе модуса взаимодействия исследователя и испытуемого в исследовании, направленном на реконструкцию категориальной структуры, опосредующей восприятие собственной жизни испытуемого, а не некого внешнего для него объекта. Психолог в этом случае, сам представляя собой особый, неповторимый жизненный мир, сталкивается с необходимостью не только узнать другие 42 мира, но и «вместить в себя», познать, прожить их, непосредственно присутствуя в процессе.

Культурно-историческая парадигма, применяемая к изучению автобиографической памяти как высшей психической функции, и методический инструментарий психосемантики предоставляют психологу возможность подхода к исследованию на уровне «субъект–субъект». На этом уровне семантическая сторона описания воспоминания отходит на второй план, а на первый выходит та дифференцирующая переменная, которая и вносит все разнообразие, – индивидуальный личностный смысл события жизни, квинтэссенция неповторимого жиз-

ненного опыта. Событие реконструируется, проживается и осмысляется заново.

Таким образом, речь уже идет не столько о выявлении существующего семантического пространства, сколько о реконструкции одной из подструктур индивидуального смыслового поля, опосредующей восприятие образа прошлого. «Эта ситуация есть ситуация деятельности человека в объективной действительности. Через много лет Леонтьев будет говорить о возвращении к построению в сознании индивида образа многомерного “мира как он есть”. Смысловое поле и есть такой образ». (А.А. Леонтьев, 2001). То есть мы говорим о смысловом пространстве, структура которого выявляет, насколько личностные смыслы переломных событий реконструируемого образа прошлого близки друг другу в индивидуальном сознании испытуемого в момент их реконструкции. В основе нашего утверждения лежит также положение, что «системообразующим принципом организации автобиографической памяти является смысловой принцип» (В.В. Нуркова, 2009).

Анализ результатов исследования позволяет сделать вывод, что разрабатываемый методический комплекс позволяет практикующему психологу решать диагностические и психокоррекционные задачи. Выполнение методик является творческим процессом для клиента, позволяет ему выявить и взглянуть со стороны на свой индивидуальный образ прошлого, а значит, дает ему возможность осознанно творить свое будущее.

В.А. Гончарова

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ

Проблема межличностных отношений детей с нарушениями речи изучена недостаточно, однако в специальной литературе отмечается, что наличие речевого дефекта оказывает отрицательное влияние на формирование личности ребенка и его отношений с окружающими (Л.М. Шипицына, О.В. Защиринская, О.А. Слинько, М.А. Виноградова и др.). Интерес специалистов к общему недоразвитию речи (ОНР) вызван широкой распространенностью данной речевой патологии. ОНР характеризуется сложностью симптоматики и патогенеза. В структуре этого вида дизонтогенеза, наряду с системным недоразвитием речевой деятельности, выявляются и своеобразие психического развития, специфические черты общей эмоциональной незрелости, слабая регуля-

ция произвольной деятельности, двигательная неполноценность (Р.Е. Левина, Н.С. Жукова, Е.М. Мастюкова, Т.Б. Филичева, Г.В. Чиркина и др.).

Целью исследования являлось изучение межличностных отношений старших дошкольников с ОНР. Для изучения межличностных отношений использовались методы социометрии, наблюдения, беседы. Полученные в ходе социометрического эксперимента данные показали, что в группе детей с ОНР выбор партнера в группе недостаточно мотивирован: дети выбирают партнера, недостаточно осознавая его нравственные качества, ведущим мотивом общения является интерес к совместной игровой деятельности, желание выполнить требования взрослых. Для детей с ОНР характерен средний уровень удовлетворенности взаимоотношениями, уровень взаимности в группе ниже среднего, недостаточное осознание выбора партнера для общения.

В ходе наблюдения за детьми в процессе игровой деятельности отмечался невысокий уровень ее развития: бедность, однообразие сюжета, низкая речевая активность ее участников, действия не динамичны, часто не закончены. Реплики детей во время игры иногда имели характер сопровождающего пояснения. Большинство детей с ОНР играли поодиночке или безуспешно пытались войти в состав разных групп. В процессе изучения причин изоляции дошкольников в группе было выявлено, что среди «изолированных» и «пренебрегаемых» детей оказались дети, речевое развитие которых ниже по сравнению с другими детьми. Игровые умения детей развиты слабо, являясь, преимущественно, манипулятивными. Изоляция вызвана чаще всего отставанием детей в психофизическом развитии, а также ограниченностью речевых возможностей.

Также в ходе наблюдения выделились дети, испытывающие трудности в установлении контактов, отличающиеся несдержанностью, импульсивностью, часто провоцирующие конфликты и проявляющие негативное отношение к сверстникам. Во время свободного общения дети с недоразвитием речи объединяются в устойчивые группы, но из-за двигательной расторможенности (или заторможенности), повышенной возбудимости, когнитивных трудностей и других причин их игровые объединения не всегда стабильны и продолжительны. В общении с воспитателем дети с ОНР используют менее развернутую (в содержательном и структурном отношении) речевую продукцию, нежели в общении со сверстниками, что соответствует нормальному онтогенезу средств общения.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что в группе детей с недоразвитием речи действуют те же социально-психологические закономерности процесса формирования общения, что и у нормально развивающихся дошкольников, но на статусное положение ребенка оказывает существенное влияние тяжесть речевого дефекта и уровень развития его познавательной деятельности. В неблагоприятных статусных категориях оказались дети, ограниченные возможности речевого развития которых нередко приводили к недостаточному уровню сформированности коммуникативных умений и навыков.

В результате исследования был выявлен комплекс нарушений речевого и когнитивного развития, который препятствует организации коммуникативного поведения ребенка с нарушениями речи, затрудняет его речевой контакт со взрослыми, способствует изоляции от коллектива сверстников. Поведенческие особенности усугубляются дефицитом средств общения, отсутствием необходимых условий для накопления необходимого речевого опыта. Образовавшиеся таким образом элементарные речевые умения оказываются явно недостаточными для осуществления полноценной деятельности общения и последующего обучения в школе. В связи с этим с момента обнаружения речевой патологии дети должны включаться в специально организованный коррекционно-педагогический процесс.

Н.В. Горбунова

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ДЕТЕЙ РАННЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ранний дошкольный возраст – очень важный и ответственный период психического развития ребенка. Это второй этап обретения самостоятельности и разрыва связей с матерью и другими близкими. Основные психологические образования затрагивают эмоционально-мотивационную и интеллектуальную сферу, взаимодействие которых приводит к формированию основного новообразования – закладки личности с центральным компонентом в виде «Я-образа»: становление импрессивной и экспрессивной речи, начало освоения первичных мыслительных операций и оформления структуры интеллекта, освоение предметно-манипулятивной деятельности, начало формирования самооценки и поло-ролевой идентичности в качестве ядра «Я-образа», завершение развития базисных эмоций, а также оформление социальной и промежуточной мотивации и начало формирования психологи-

ческих защит (В.Г. Каменская, 2005). Данные аспекты можно продемонстрировать на примере проведенного нами исследования особенностей психического развития детей раннего дошкольного возраста.

В исследовании принимали участие 200 детей в возрасте 3–4 лет, которые посещают дошкольные образовательные учреждения Василеостровского района Санкт-Петербурга. Сравнительный анализ полученных нами данных с нормативными данными, описанными в литературе, свидетельствует о том, что наши результаты по некоторым шкалам не совпадают с литературными данными. Так, в нашей выборке наблюдается достоверно значимое различие по показателю социального интеллекта. Это свидетельствует о том, что особенностью психического развития детей нашей выборки является низкий социальный интеллект. При этом большинство детей нашей выборки плохо идентифицируют себя с соответствующим полом и возрастом, испытывают трудности в процессе классификации и обобщения объектов на основе наглядного материала. Также они обладают низкой способностью, связанной с пониманием поведения людей и необходимой для эффективного межличностного взаимодействия и успешной социальной адаптации. Причем можно сказать, что низкий уровень данного показателя характерен именно для детей нашей выборки. Помимо этого, дети нашей выборки плохо воспринимают, понимают, идентифицируют, воспроизводят и вербализуют эмоции. Другими словами, показатель общего эмоционального развития у них соответствует низкому уровню.

Так как большинство детей нашей выборки на момент проведения исследования только начали посещать дошкольное образовательное учреждение, то низкий уровень социального развития может быть связан с трудностями прохождения естественного процесса адаптации. Высокая самооценка и уровень притязаний, а также маленькая разница между этими двумя показателями у детей нашей выборки позволяет сделать вывод о следующем: 1. Ребенок чувствует себя важным и нужным в первую очередь для близких людей; 2. Демонстрирует высокую познавательную активность, у него формируется позитивное представление о себе; 3. Ребенок ставит перед собой достаточно высокий уровень сложности, который он планирует преодолеть и достичь в процессе последующей активности (так называемая «идеальная цель»); 4. Дети нашей выборки ставят перед собой адекватные по уровню сложности цели.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящее время у детей раннего дошкольного возраста в сфере психического развития сохраняется тенденция, выявленная в ранее проведенных исследо-

ваниях (Т.В. Гуськова, М.Г. Елагина). Но, между тем, в последние годы наблюдается тенденция снижения общего уровня познавательного, социального и эмоционального развития. Причем эта тенденция наблюдается у детей всех возрастов. Ученые связывают данную проблему с различными генетическими аспектами, возросшей занятостью родителей (и соответственно уменьшением количества времени на процесс полноценного воспитания ребенка) и активным внедрением информационных технологий в жизнь современной семьи. Подчас такие технологии используются не только в качестве источника социального и познавательного развития ребенка, но и как средство «занять ребенка хоть чем-нибудь». И, как результат, возникают негативные явления в различных областях развития ребенка.

О.В. Горох

МЕДИАЦИЯ КАК МЕТОД РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТА В ШКОЛЬНОЙ СРЕДЕ

Сегодня никому не надо доказывать, что проблематика, связанная с изучением конфликтов, имеет право на существование. К проблемам возникновения и эффективного разрешения конфликтов, проведения переговоров и поиска согласия проявляют огромный интерес не только профессиональные психологи и социологи, но и политики, руководители, педагоги, социальные работники, словом, все те, кто в своей практической деятельности связан с проблемами взаимодействия людей. К сожалению, этот все возрастающий интерес в немалой степени связан и с ростом напряженности в разных сферах социального взаимодействия, с острой потребностью и различных общественных структур и отдельных людей в практической помощи в разрешении конфликтов. В школьной же среде изучение конфликтов не просто актуально, а необходимо, и особенно в переходные периоды взросления. «Психологический словарь» определяет конфликт как «трудноразрешимое противоречие, связанное с острыми эмоциональными переживаниями». При этом в качестве его форм выделяются внутриличностные, межличностные и межгрупповые конфликты. Присутствие конфликтов в нашей жизни стимулирует поиск методов и средств, позволяющих более конструктивно разрешать и минимизировать их последствия.

В качестве такого метода рассмотрим медиацию, которая дословно означает «посредничество». Этот метод разрешения конфликтов

был разработан еще в 1960–1970-е гг. в США, и успешно используется там во многих областях жизни сегодня. Медиация понимается как технология решения конфликта с участием нейтральной третьей стороны. Эта третья сторона в медиации имеет кардинально иную задачу, нежели, скажем, в суде. Судья выслушивает стороны и, основываясь на соответствующих статьях закона, выносит решение. Задача медиатора гораздо сложнее: он должен помочь конфликтующим сторонам самим найти решение спорного вопроса. Таким образом, медиатор должен обладать совершенно конкретными знаниями, как организовывать процесс решения конфликта так, чтобы конфликтующие стороны были вовлечены в процесс абсолютно добровольного творческого поиска такого решения их спора, которое удовлетворило бы обе стороны и открыло новые возможности их сосуществования.

При проведении медиации имеется в виду посредничество в спорах беспристрастных третьих лиц, которых признают все стороны. Медиаторы-посредники помогают спорящим найти взаимоприемлемое решение их проблем, так как только от самих сторон конфликта зависит выработка решения, оптимально соответствующего их интересам. Важными признаками метода медиации являются: присутствие медиатора, выполняющего функции посредника; присутствие всех сторон, участвующих в конфликте; неформальный, внесудебный уровень; добровольность участия в процедуре медиации и самоопределение в отношении разрешения конфликта; полномочия принятия решения не передаются третьим лицам; результат переговоров не является обязательным, пока его не одобрили все участники. Медиации могут проводиться одним или несколькими людьми. Медиация, проводимая несколькими людьми, целесообразна, когда речь идет о сложном конфликте, где участвуют больше двух сторон и необходимы длительные медиативные встречи.

С целью изучения разрешения школьных конфликтов посредством медиации нами было проведено исследование. Как показал опыт эмпирического исследования, современные школьники чаще ассоциируют конфликт с прямым словесным выражением несогласия и скандалом. В конфликтах с учителями школьники самоутверждаются перед классом путем оскорбления, нередко клеветы на преподавателя. Способ поведения в конфликте у большинства учащихся конформистский либо деструктивный, проявляющийся в унижении личного достоинства соперника, негативной оценке его личности, нарушении этики общения, а также употреблении нецензурных выражений. Однако изучение запроса школьников относительно способов поведения в

конфликте демонстрирует, что более половины (63,6 %) опрошенных совершенно не хотели бы изменить способ своего поведения в конфликте, даже если оно явно агрессивно. Но в то же время немногим более половины учеников хотели бы принять участие в тренинге, чтобы научиться лучше понимать себя и других (54,5 %). Данный факт, по нашему мнению, свидетельствует о несформированности психологической культуры учащихся и о необходимости активизации работы психолога в данном направлении.

А.А. Горчикова

ПРОЯВЛЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ЭМПАТИИ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

В современной психологической науке базовой составляющей процесса нравственного воспитания и основой альтруистического поведения признается эмпатия. Трудно переоценить важность и необходимость всестороннего изучения эмпатии для эффективного преодоления негативных тенденций, присущих нынешнему этапу развития общества. Рост детской преступности, обострение конфликта «отцов и детей» и многие другие социально-психологические проблемы призывают все большее число исследователей заняться проблемой эмпатийного переживания-реагирования. Феномен эмпатии был выделен из потока психической жизни человека еще философами, каждый из которых на протяжении XVII–XVIII вв. изучал эмпатию независимо от других и описывал под собственным названием. Но даже до сегодняшнего дня этот феномен изучен еще далеко не до конца. Изучением эмпатии занимались такие ученые, как К. Роджерс, Х. Кохут, Д.Б. Эльконин, Ю.А. Менжерицкая, в области возрастной психологии А. Бек и В. Штерн. Д.Б. Эльконин считал, что способность человека эмоционально отзываться на переживания другого является одним из условий развития социальной децентрации. В связи с этим он отмечал влияние эмпатии на формирование когнитивной и эмоциональной децентрации ребенка в процессе преодоления «познавательного эгоцентризма». Как известно, понимание мира дошкольников ограничено их эгоцентризмом. А уже в младшем школьном возрасте они постепенно развивают менее эгоцентрическую позицию, что позволяет им принимать в расчет мысли и чувства других людей.

Для изучения характера и направленности эмпатии в младшем школьном возрасте мы взяли выборку общим количеством 60 человек,

из них 30 мальчиков и 30 девочек в возрасте 8–10 лет. Выбор возраста испытуемых не случаен, так как, по мнению ряда ученых, способность ребенка воспринимать и оценивать других людей претерпевает особенно сильные изменения между 7 и 10 годами. Объектом нашего исследования является эмпатия, а предметом – эмпатия у детей в младшем школьном возрасте.

В ходе эмпирического исследования эмпатии младших школьников мы применили две методики: методику Т.П. Гавриловой «Неоконченные рассказы» и опросник А.М. Щетининой «Характер проявления эмпатических реакций у детей». Для того, чтобы доказать значимость результатов данных методик, мы использовали критерий φ* – углового преобразования Фишера.

С помощью методики Т.П.Гавриловой «Неоконченные рассказы» мы выявили, что у детей в младшем школьном возрасте преобладает гуманистический вид эмпатии над эгоцентрическим, причем у девочек он выражен больше, чем у мальчиков ($\varphi^* = 1{,}52$ при $\alpha = 0{,}1$ %). Это обусловлено тем, что мальчики в данном возрасте более склонны к агрессии, чем девочки. Также мы выявили направленность эмпатии: у девочек наблюдается склонность к сопереживанию по отношению ко всем объектам эмпатии (животному, взрослому, сверстнику), а у мальчиков – только по отношению ко взрослым.

С помощью опросника А.М. Щетининой «Характер проявления эмпатических реакций у детей» мы установили, что у детей в младшем школьном возрасте также преобладает гуманистический вид эмпатии над эгоцентрическим. Также мы выявили, что у девочек преобладает гуманистический вид эмпатии над эгоцентрическим ($\varphi^* = 8{,}01$ при $\alpha = 0{,}01$ %). Это говорит о том, что девочки в младшем школьном возрасте проявляют интерес к состоянию другого, ярко, эмоционально на него реагируют и идентифицируются с ним, активно включаются в ситуацию, пытаются помочь, успокоить другого. У мальчиков в младшем школьном возрасте также наблюдается преобладание гуманистического вида эмпатии над эгоцентрическим ($\varphi^* = 6{,}45$ при $\alpha = 0{,}01$ %). И здесь мы также можем говорить о том, что они сопереживают другим людям, стараются им помочь, совершают эмпатийные действия, проявляют интерес к состоянию другого.

При сравнении гуманистического вида эмпатии у мальчиков и девочек мы выявили тенденцию, что у девочек в младшем школьном возрасте преобладает гуманистический вид эмпатии ($\varphi^* = 1{,}36$ при $\alpha = 0{,}1$ %). Поэтому девочки наиболее склонны к сопереживанию, чем мальчики, так как не просто проявляют интерес к эмоциональному

состоянию других, но и реагируют на него, пытаясь активно включиться в ситуацию, встать на место другого.

Таким образом, на основе проведения практического исследования, мы можем говорить о том, что необходимо развивать эмпатические способности у детей уже с дошкольного возраста для того, чтобы в будущем меньше возникало конфликтных ситуаций как по отношению к сверстникам, так и по отношению к взрослым.

Л.Н. Горюнова, Я.А. Провоторова

ИССЛЕДОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ ПОИСКА НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ СТУДЕНТАМИ И АСПИРАНТАМИ

В настоящее время информационный поиск является междисциплинарной научной областью, включающей исследования в информационных науках, библиотечном деле, лингвистике, семиотике, когнитивной и инженерной психологии. Современный специалист должен обладать навыками успешного поиска необходимой информации. Кроме того, успешный поиск информации является одним из основных предпосылок обучения современного специалиста и обеспечивает саморазвитие профессионала в условиях быстро меняющейся профессиональной сферы. Характеристики информационного поиска зависят от свойств информационной среды, от особенностей поисковой задачи и во многом от особенностей ищущего человека.

В настоящем исследовании мы изучили особенности информационного поиска и описали их как отдельные способы действий (стратегии). Также проверили предположение о том, что выбор поисковой стратегии связан с особенностями личности студентов. Таким образом, цель исследования состояла в изучении стратегий поиска информации и взаимосвязи выбора стратегии с личностными особенностями студентов и аспирантов. В исследовании участвовали 123 человека – 21 аспирант и 102 студента с 1 по 5 курсы (98 студентов гуманитарных специальностей и 25 – технических), 80 девушек и 43 юноши.

Для изучения особенностей информационного поиска была разработана анкета, включающая вопросы относительно описания различных аспектов поиска информации. Особенности личности изучались с помощью следующих методик: «Стиль саморегуляции поведения», 16-факторный личностный опросник Кеттелла, «Профессиональная мотивация учащегося» и «Уровень субъективного контроля».

По результатам исследования было выявлено 4 стратегии поиска, которые имеют следующие особенности. Стратегия А включает готовность прикладывать много усилий; перепроверку найденной информации; поиск планируется заранее; в случае неудачного поиска предпринимаются новые попытки; кроме того – предпочтение авторитетных источников и игнорирование неформальных устных источников информации (друзья, другие студенты); а также важность подтверждения своих мыслей. Стратегия В описывается так: предпочтительное использование материалов в Интернете; активное использование устных источников (лекции, конференции, друзья, другие студенты); игнорирование полноты и лаконичности источника в качестве критериев его выбора; поиск скорее происходит спонтанно; на поиск часто не хватает времени; а также возникают сложности в оценке найденной информации. Стратегия С: предпочтительное использование доступных источников, важность простого языка, лаконичности, полноты источника; в процессе поиска часто случается смена планов; а также важность подтверждения своих мыслей, но при этом чтобы источник давал пищу для размышлений, новые идеи; игнорирование научных изданий, но при этом важен высокий научный уровень источника. Стратегия D: при неудачном поиске не происходит новых попыток, возникают сложности в оценке найденной информации, нехватка времени на поиск, недовольство результатами поиска, игнорирование критерия актуальности информации, неготовность тратить деньги на нужную информацию, важность подтверждения своих мыслей.

В результате анализа взаимосвязи личностных особенностей и стратегии поиска научной информации были установлены корреляции. Стратегия А связана с Замкнутостью (фактор А), Эмоциональной нестабильностью (фактор С) и с Робостью (фактор Н), а также с Интернальностью в межличностных отношениях и с развитостью функции Планирования. Стратегия С связана с Напряженностью (фактор Q4) и отрицательно коррелирует с показателем Мотивации собственного труда. Стратегия D связана с Чувствительностью (фактор I), а также отрицательно коррелирует с Общей интернальностью, Интернальностью достижений, показателями Гибкости и Моделирования. Стратегия В оказалась не связана с какими-либо личностными особенностями, возможно, ее выбор зависит от других факторов. Итак, в результате исследования были определены стратегии поиска и установлены особенности личности студентов, которые взаимосвязаны с выбором той или иной стратегии поиска научной информации.

Ю.А. Гриценко

СИСТЕМА ДИАГНОСТИКИ ВРЕМЕННЫХ АСПЕКТОВ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Личностное самоопределение как психологическое явление возникает на границе старшего подросткового и раннего юношеского возраста. Основными характеристиками личностного самоопределения являются потребности в формировании смысловой системы и во временной ориентации (М.Р. Гинзбург). Временная ориентация предусматривает определенное соотношение с реальными событиями, приобретающими значимость и вызывающими активность личности либо остающимися за пределами значимости изменения личности. Таким образом, обусловленное временем личностное развитие приобретает логику движения во времени (А.А. Бодалев). В данном контексте осознанное, ценностное отношение ко времени выступает условием формирования готовности к профессиональному и жизненному самоопределению.

Исходя из вышеизложенных теоретических соображений, нами была предпринята попытка разработки системы диагностики временных аспектов самоопределения. Мы полагаем целесообразным использовать следующие диагностические критерии и методики:

1. Сформированность профессиональных планов – «Составление профплана» в модификации С.С. Чеботарева.

2. Временная отнесенность и содержание жизненных целей – МИМ Ж. Нюттена в модификации Н.Н. Толстых.

3. Уровень осознанности ориентации во времени – САМОАЛ А.В. Лазукина в адаптации Н.Ф. Калина, шкала ориентации во времени.

4. Принятие своего возраста – «Золотой возраст» Р. Заззо в адаптации А.М. Прихожан, субъективные предпочтения лучшего возраста жизни; «Оценивание пятилетних интервалов» Е.И. Головахи, А.А. Кроника, показатели психологического возраста и коэффициента взрослости.

5. Субъективные оценки событийной насыщенности жизни – «Оценивание пятилетних интервалов» Е.И. Головахи, А.А. Кроника, показатели событийной насыщенности пятилетий и средней событийной насыщенности пятилетия. Данная система диагностики прошла апробацию на выборке учащихся старших классов общеобразовательных школ, гимназий и лицеев г. Белгорода (объем выборки 215 чел.).

Л.Г. Гудзенко

РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

Профессиональная готовность студента к будущей деятельности – это существенная предпосылка эффективности его работы после окончания вуза, решающее условие быстрой адаптации к условиям труда, дальнейшего профессионального совершенствования. М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбович выделяют в структуре состояния готовности следующие компоненты: мотивационный, ориентационный, операциональный, волевой, оценочный. У других авторов мы находим аналогичные структуры готовности за исключением, пожалуй, последнего компонента: личностный (О.П. Денисова) или креативный (Е.В. Шипилова).

Основываясь на данных положениях, мы предлагаем диагностировать уровень психологической готовности к профессиональной деятельности студентов, распределив компоненты готовности по ступеням. Первая ступень – направленность личности на свою профессиональную деятельность. Эта ступень отражает операциональный и ориентационный компоненты готовности. Вторая ступень – уровень возможностей. Студент определенным образом оценивает свои профессиональные возможности на данный момент. Эта ступень отражает оценочный и волевой компоненты психологической готовности к деятельности. Третья ступень – мотивационно-творческая. Это высшая ступень готовности, в которую входит мотивационный компонент готовности и творческое отношение к профессиональной деятельности.

Цель работы психолога со студентами 2-го курса – стимулирование рефлексивных процессов личности для формирования психологической готовности к профессиональной деятельности. Для этого мы стремились: во-первых, обеспечить включение учащихся в активную деятельность по самопознанию; во-вторых, создать условия для формирования потребности поиска себя в профессии; в-третьих, организовать развитие рефлексивных навыков как органическую часть всего учебно-воспитательного процесса. В ходе констатирующего эксперимента испытуемые прошли диагностику различных психологических качеств (креативности, рефлексивности, самоактуализации, мотивации и др.) и высказали свое мнение по вопросу готовности к профессиональной деятельности. На формирующем этапе эксперимента мы предприняли попытку развития рефлексивности студентов.

Мы проводили семинары в игровой форме с элементами тренинга.

Целью первого семинара являлось развитие личностной рефлексии. На обсуждение были вынесены вопросы о видах и роли рефлексии в жизни человека. Применялись игры-упражнения: «Хобби», «Зоопарк», парная рефлексия. Основным заданием первого семинара было «Личный герб и девиз». Задание к следующему семинару – письменно составить образ своей профессии и написать профессиональную Я-концепцию. Для выполнения заданий предлагались примерные схемы. На втором семинаре основной целью была актуализация профессиональной рефлексии. На обсуждение выносились вопросы: а) составляющие профессионального самосознания (по О.С. Андреевой); б) понятие профессионализма и фазы его развития (по Е.А. Климову); в) результаты выполнения письменного задания по составлению образа своей профессии и профессиональной Я-концепции. Применялись игры-упражнения: «Я – животное, растение, предмет», «Профессиональный подарок», «Маскарадный костюм», «Любимое блюдо профессионала», «Рефлексивная рука». Основным заданием второго семинара было проективное рисование «Я в профессии». Задание к следующему семинару – нарисовать свой профессиональный герб. На третьем, заключительном, семинаре целью было закрепить навыки профессиональной и личностной рефлексии. Обсуждались представленные профессиональные гербы, навыки рефлексии. Применялись игры-упражнения: «Я – литературный герой», «Реклама профессии», «Самое-самое», «День из жизни профессионала», «Пять шагов достижения вершины в профессии», «Брачное объявление», «Жизненные и профессиональные планы». Завершалась встреча упражнением «Эмпатия». Профориентационные игры и упражнения мы рассматривали как метод выявления индивидуальных особенностей личности, как средство активной пробы сил в формировании образа «Я» в профессии, в формировании профессиональной стратегии. Мы стремились повысить уровень самоанализа, развить навыки рефлексии, активизировать профессиональное самовоспитание студентов.

Е.А. Гужва, Н.Г. Живаев

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ИМИДЖ ЖЕНЩИНЫ-РУКОВОДИТЕЛЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СТУДЕНТОВ

Еще несколько десятилетий назад такое явление, как женщина-руководитель, было исключением из правил, но в настоящее время их число стремительно растет. Имидж женщины-руководителя – это осо-

бая категория, требующая подхода с учетом гендерной специфики. Современное общество породило и сделало востребованным феномен «деловой женщины», профессиональная карьера которой уже на начальном этапе зависит от ее имиджевых характеристик. Для женщины-руководителя очень важным является ее профессиональный имидж – т. е. образ, который соответствует специфике той или иной профессии, то представление о специалисте, которое складывается о нем у руководителей, подчиненных, коллег, клиентов компании, партнеров и конкурентов. По результатам интервью с женщинами-руководителями мы выделили составляющие профессионального имиджа: лидерские качества, организаторские способности, коммуникабельность, пунктуальность, инициативность, ответственность, сдержанность, последовательность действий, делегирование полномочий, контролирование эмоций, энтузиазм, профессиональные знания, умения, навыки. Мы провели исследование, целью которого было изучение представления студентов о профессиональном имидже женщин-руководителей. В исследовании приняли участие 60 девушек-студенток 2 и 3 курса, а также 16 женщин-руководителей.

Гипотеза нашего исследования состоит в том, что в профессиональном имидже женщин-руководителей преобладают эмоциональные компоненты. Эмпирическое исследование позволило установить ряд закономерностей. Рассматривая представления об идеальном профессиональном имидже женщины-руководителя, мы обнаружили отрицательную корреляцию между составляющими «Контролирование эмоций» и «Организационные способности» ($c = 0,43$; $p < 0,001$). По результатам оценки данных составляющих студентами можно предположить, что усиление степени контролирования эмоций негативно сказывается на организационных способностях женщины-руководителя. Организационные способности в некоторой степени основываются на эмоциональном компоненте, и женщина-руководитель может успешно справляться с организационной деятельностью за счет использования эмоциональных приемов. Соответственно сдерживание эмоций не дает в полной мере проявиться организационным способностям.

Для женщины-руководителя важно быть групповым лидером, так как именно лидерство повышает авторитет человека и значимость его действий для окружающих, а значит, оказывает непосредственное влияние на имидж. Данный факт подтверждается положительными связями составляющей «Лидерские качества» с составляющими «Организационные способности» и «Коммуникабельность» ($c = 0,40$; $p < 0,001$ и

с = 0,26; р < 0,05 соответственно). «Коммуникабельность» женщины-руководителя, по результатам оценки данной составляющей студентами, отрицательно связана с «Контролированием эмоций» (с = – 0,43; р < 0,001). Данный факт мы объясняем тем, что коммуникабельные люди, напротив, стараются максимально проявлять свои эмоции в процессе общения, что и делает их более привлекательным и интересными для собеседника. Оценка собственной сдержанности положительно связана с оценкой своего умения контролировать эмоции (с = 0,41; р < 0,001) и отрицательно – с оценкой инициативности (с = – 0,41; р < 0,001). Это объясняется тем, что сдержанность сама по себе проявляется в результате контролирования эмоций, в то время как инициативность, наоборот, снижается, так как основана на эмоциональном компоненте. Но одновременно при повышении уровня инициативности снижается уровень ответственности (с = – 0,32; р < 0,01), и наоборот, что может негативно сказаться на результате деятельности женщины-руководителя и, как следствие, на успешности ее имиджа.

Основные выводы: 1. Составляющими профессионального имиджа являются: лидерские качества, организаторские способности, коммуникабельность, пунктуальность, инициативность, ответственность, сдержанность, последовательность действий, делегирование полномочий, контролирование эмоций, энтузиазм, профессиональные знания, умения, навыки. 2. Спецификой имиджа женщины-руководителя является преобладание составляющих, связанных с эмоциональными проявлениями, таких как контролирование эмоций, энтузиазм и инициативность, что подтверждает нашу гипотезу.

Т.А. Дворникова

УЧЕБНЫЕ СТРАТЕГИИ КАК ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТА УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Учение является видом деятельности, где учащийся вовлечен в систему заданий и упражнений, в ходе выполнения которых у него формируются знания и умения, способствующие тому, чтобы учебный процесс шел максимально эффективно. Центральное звено учебной деятельности – это учебные действия. Систематическое решение учебных задач позволяет осознать разнообразие учебных действий, выбрать наиболее оптимальные из них для определенного вида заданий и

стать опытными учащимися. Усложнение системы учебных заданий определяет расширение и углубление комплекса учебных действий.

Со временем вовлеченность в учебный процесс приводит обучающегося к осознанию себя как субъекта учебной деятельности. Индикатором становления субъекта учебной деятельности можно считать проявление творчества при усвоении учебного содержания: определение целей и задач учебного задания, понимание смысла и личностной значимости совершаемых учебных действий, расширение и получение дополнительных знаний и умений, необходимых для оптимальной организации учения. Наиболее ярко это проявляется на этапе формирования учебных стратегий субъекта, который определяет операциональный репертуар учащегося. В самом общем виде учебные стратегии можно определить как устойчивый комплекс действий, целенаправленно организованных субъектом для решения различных типов учебных задач. Структура учебных стратегий характеризуется вариативностью, многословностью и иерархичностью, поскольку их поэлементный состав и вид обусловлен уже не компонентами учебной деятельности, а содержанием учебной работы (видом учебного задания), которую необходимо выполнить, ее сложностью и трудоемкостью.

В высшей школе через специфическую систему учебных заданий и упражнений происходит формирование знаний и умений, направленных на решение различных типов профессиональных задач. В этой системе учебные стратегии являются психологическим механизмом, не только реализующим учебную деятельность студентов, но и обеспечивающим синтез учебной и профессиональной подготовки. Они напрямую определяют технологию выполнения различных видов аудиторных и самостоятельных работ.

По мнению И.И. Ильясова, учебные стратегии могут быть представлены в виде двухуровневой организации: 1-й уровень – учебные действия, направленные на обработку и усвоение учебной информации, или когнитивные стратегии; 2-й уровень – организация и управление учебной деятельностью – метакогнитивные стратегии. Когнитивные стратегии представлены: 1) стратегиями повторения, необходимыми для удержания информации в оперативной памяти и не требующими глубинной переработки изученного материала; 2) стратегиями элаборации (elaboration – детализация), направленными на уточнение, разработку, совершенствование, переработку учебного содержания; 3) стратегиями организации учебного материала, предполагающими трансформацию содержания в различные формы – схемы,

таблицы. Метакогнитивные стратегии состоят из: 1) стратегий планирования; 2) стратегий наблюдения, отслеживающих качество усвоения учебного материала; 3) стратегий регулирования, связанных с управлением учебной деятельностью. Каждая из стратегий имеет индивидуальный стиль реализации и использования субъектом учебной деятельности в зависимости от целей, задач, мотивов и установок личности.

Знание степени сформированности тех или иных видов учебных стратегий студентов высшей школы позволяет, с одной стороны, управлять учебным процессом, а с другой – обеспечивать качество учебных результатов за счет развития и формирования операциональной сферы учебной деятельности.

Е.В. Дворцова

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К ОРИЕНТАЦИИ НА КЛИЕНТА В ПРОФЕССИИ ПРОДАВЦА

Современная торговля является быстро развивающейся высокотехнологичной отраслью, предъявляющей высокие требования к продавцу, к набору его компетенций, среди которых самой важной является «ориентация на клиента». «Ориентация на клиента» – профессиональная направленность работника на распознавание потребностей и ожиданий клиентов с целью последующего их полного удовлетворения. Это способствует лояльности покупателей к организации и построению с клиентами долгосрочных и стабильных отношений. Эффективность клиент-ориентированной деятельности определяется психологической готовностью продавца к ориентации на клиента.

Психологическую готовность к ориентации на клиента в профессиональной деятельности продавца в общем виде можно определить как комплекс психологических качеств, необходимых продавцу для успешного осуществления деятельности по обслуживанию клиентов, направленной на удовлетворение их потребностей.

Психологическая готовность включает несколько компонентов: 1) мотивационно-смысловой (положительное отношение к клиенту); 2) эмоционально-волевой (высокий уровень саморегуляции, управления эмоциями при общении с клиентами); 3) операциональный (наличие необходимых знаний, умений, навыков, профессиональных компетенций).

Цель исследования – изучить психологическую готовность к клиент-ориентированной деятельности у продавцов. Выборка: продавцы г. Новокузнецка в количестве 150 человек (130 женщин, 20 мужчин, в возрасте от 20 до 47 лет, реализующие разные виды товаров: продавцы книжных, обувных, промтоварных магазинов, магазинов одежды, строительных материалов, продуктов). Методики: 1) диагностика профессиональной направленности продавца («на клиента», «на продажу», «на товар», «на себя») Е.В. Дворцовой; 2) диагностика социально-психологической адаптации Р.У. Исмагилова; 3) карта наблюдения для оценки профессионализма продавцов М.А. Дмитриевой, Е.В. Дворцовой, 4) диагностика стрессоустойчивости А.Я. Кибанова, Л.В. Ивановской.

С помощью методики диагностики профессиональной направленности продавца Е.В. Дворцовой у испытуемых была выявлена «ориентация на клиента». 30 % продавцов имеют высокий уровень «ориентации на клиента», 45 % – средний, 25 % – низкий. По данному показателю продавцы были разделены на две группы: более клиент-ориентированные и менее клиент-ориентрованные. В обеих группах оценивалась психологическая готовность по трем компонентам. Мотивационно-смысловая – отношение к клиенту (по методике социально-психологической адаптации Исмагилова). Эмоционально-волевая готовность – стрессоустойчивость по методике Кибанова, Ивановской. Операциональная готовность – «взаимодействие с покупателем», «взаимодействие с товаром», «взаимодействие со средствами труда», «взаимодействие с коллегами» через наблюдение за его профессиональным поведением (по Карте наблюдения М.А. Дмитриевой, Е.В. Дворцовой). Эмпирические данные были подвергнуты математико-статистической обработке: корреляционному анализу (коэффициент Пирсона) и оценке достоверности отличий (критерий Стьюдента).

В исследовании получены следующие результаты. 1. Мотивационно-смысловая готовность значительно выше в группе продавцов, более ориентированных на клиента ($p < 0{,}001$), что подтверждается результатами корреляционного анализа ($p < 0{,}01$). Отношение к клиенту, стремление помочь ему удовлетворить его потребности задают общий позитивный фон и придают работе продавца смысл и внутреннее ощущение социальной значимости своего труда. 2. Эмоционально-волевая готовность в обеих группах испытуемых находится на высоком уровне. Деятельность продавца характеризуется высокой степенью эмоционально-окрашенного общения, высокой стрессогенностью,

в результате чего наличие у продавца хорошей стрессоустойчивости является необходимым условием выполнения данной работы. 3. Операциональная готовность выше в группе продавцов, более ориентированных на клиента ($p < 0,05$). Профессиональные знания, умения и навыки по «взаимодействию с покупателями» и «взаимодействию с товаром» обусловливают успешность клиент-ориентированной деятельности. Таким образом, при формировании психологической готовности к ориентации на клиента у продавцов приоритетной является работа по мотивационно-смысловой и операциональной готовности. В тренинги по формированию профессиональных компетенций необходимо включать мотивационно-смысловые блоки, развивающие у продавцов положительную систему отношений в труде, а главное – положительное отношение к клиенту.

К.А. Демидова

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, КАРЬЕРНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Определение смысла своей жизни, поиск своего места и роли в обществе тесно связаны с областью профессиональной деятельности. Возможность самореализоваться личность получает в условиях наиболее адекватного профессионального выбора, когда профессия соответствует внутренним стремлениям, ценностям, позволяет личности раскрыть свой потенциал, когда личность со своими способностями и склонностями становится наиболее социально востребована. В этой связи наиболее остро встает вопрос о выявлении профессиональной направленности личности и ее карьерных ориентаций. Направленность, представляя собой совокупность устойчивых мотивов, тесно связана с системой потребностей, интересов, установок, т. е. с мотивационным компонентом. Кроме того, большинство исследователей в качестве основной функции направленности выделяют функцию регуляции поведенческих проявлений человека. Профессиональная направленность характеризуется наличием положительного отношения к определенной профессии и активным стремлением трудиться в этой профессиональной сфере.

Согласно А.М. Столяренко, можно выделить следующие показатели наличия у специалиста профессиональной направленности: принятие целей и задач деятельности, осознанная мотивация к их реше-

нию, максимальное совпадение особенностей профессиональной деятельности с личными устремлениями, способностями индивида, видением перспектив самореализации и самоутверждения.

Согласно типологии Дж. Голланда, существует шесть типов профессиональной направленности личности: реалистический, исследовательский, артистичный, социальный, предпринимательский, конвенциональный.

Под карьерными ориентациями понимается система социально детерминированных побуждений к деятельности, т. е. ценностных ориентаций, интересов, социальных установок, которые определяют профессиональный выбор индивида и обладают мотивационной силой. Карьерные ориентации являются внутренним источником целей карьеры, определяя личностно наиболее значимые аспекты профессиональной деятельности. Э. Шейн выделяет следующие «якоря карьеры», или ориентации в карьере: техническая / функциональная компетентность, управленческая компетентность, автономия и независимость, надежность и непоколебимость, творческие способности, преданность, самоотдача, интеграция с образом жизни компании.

Таким образом, знание профессиональной направленности человека позволяет определить наличие мотивации к определенной профессиональной деятельности, степень совпадения особенностей этой деятельности с личностными устремлениями, карьерные ориентации позволяют понять цели карьеры. При этом существуют такие личностные особенности, которые позволяют предсказать поведение человека при выполнении им определенной работы в будущем. В нашем исследовании под такими особенностями мы будем понимать лишь те личностные особенности, которые в подборе персонала принято называть «метапрограммами». Это определенные механизмы мышления, способы фокусирования внимания, которые действуют как избирательные фильтры в процессе восприятия и влияют на поведение человека. Каждая «метапрограмма» представлена в виде шкалы с двумя противоположными понятиями: локус контроля; ориентация на других – ориентация на себя; мотивация достижения успеха – мотивация избегания неудач; активность – рефлексивность. Нами было проведено исследование взаимосвязи профессиональной направленности, карьерных ориентаций и личностных особенностей, в котором приняли участие 37 респондентов.

В результате исследования мы выявили связь на уровне высокой статистической значимости между личностными особенностями («ме-

тапрограммами»), профессиональной направленностью и карьерными ориентациями: Мы выяснили, что существует положительная взаимосвязь между ориентацией на других с карьерным якорем «служение» (r = 0,002) и отрицательная взаимосвязь артистичного типа профессиональной направленности с карьерным якорем «служение» (r = 0,029). Также мы выяснили, что существует положительная взаимосвязь между внутренним локусом контроля и карьерным якорем «профессиональная компетенция» (r = 0,012). Таким образом, в ходе проведенного исследования удалось получить данные, которые статистически достоверно доказывают, что, определив карьерные цели кандидата при приеме на работу и его тип профессиональной направленности, можно предсказать его поведение в той или иной ситуации.

Р.В. Демьянчук

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГА

Профессиональное становление личности – это целостный динамически развертывающийся во времени процесс от формирования профессиональных намерений до реализации себя в деятельности. В контексте этого процесса личность постепенно изменяется, что приводит к формированию ее новых свойств. Изучение динамики изменения личностных свойств педагога представляется актуальным в связи с социальной значимостью профессии и дефицитом информации о психологических основаниях социальной поддержки педагога.

С целью определения этапов становления личности педагога нами обследовано 505 специалистов образовательных учреждений. В том числе: 265 – из коррекционных, 240 – из общеобразовательных. Для личностного профиля педагогов, работающих в коррекционных образовательных учреждениях, характерны наиболее высокие показатели черт пессимистичности, эмоциональной лабильности, социальной интроверсии и ригидности. Следует отметить, что при яркой выраженности, они не выходят за рамки нормативных. Наименее выражены черты индивидуалистичности и тревожности. Это может свидетельствовать о склонности к зависимости от группы, коллектива. Возможно, такая зависимость создает ощущение защищенности и уверенности в занимаемой позиции и предпринимаемых профессиональных действиях. Количество ярко выраженных личностных черт у педагогов, работающих в общеобразовательных учреждениях, большее. В их числе

сверхконтроль, ригидность, интроверсия, эмоциональная лабильность, пессимистичность, импульсивность, женственность, ригидность. При этом наименее выраженными остаются тревожность и индивидуалистичность. Вероятно, для всех педагогов, как недостаточно защищенной социальной группы, характерно стремление к принадлежности к коллективу, так как социальное позиционирование обеспечивает ощущение большей защищенности и стабильности. Установленные особенности личностного профиля педагога (как коррекционного, так и массового образовательного учреждения) диктуют необходимость создания атмосферы предсказуемости и определенности в организации работы педагогического коллектива, формирования наиболее благоприятного социально-психологического климата, тем более что установленные низкие показатели по фактору индивидуалистичности указывают на важность ощущения принадлежности педагога к группе.

На основании данных дисперсионного анализа нами установлено, что становление личности педагога происходит в два этапа. Наиболее значимым рубежом оказывается стаж работы 10 лет, а также возраст 30 лет. По прохождении этого рубежа изменяется личностный профиль: снижаются показатели оптимистичности, экстраверсии, личностных ресурсов. Повышаются показатели социальной интроверсии (достигает пика старше 50 лет после снижения в возрасте 40–49), эмоциональной стабильности, организованности и самосознания. Вместе с тем нарастает и тревожность – как ситуативная (наиболее значимо старше 40), так и личностная. Полученные данные указывают на необходимость особого внимания администрации образовательных учреждений к поддержанию мотивации педагога для продолжения профессиональной деятельности на этом переходном этапе становления его личности, а также на актуальность разработки разных аспектов психологического сопровождения и социальной поддержки профессионального становления личности педагога.

А.Ф. Джумагулова

УРОВНИ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Исследование проведено на группах молодых и опытных специалистов в количестве 240 человек двух крупных металлургических предприятий. В результате эмпирического исследования мотивация

молодых специалистов промышленных предприятий может быть названа опосредованной уровнем личности по следующим критериям: мотивация молодых специалистов сформировалась в процессе обучения в вузе; в ситуации, отличной от ситуации профессиональной деятельности; между различными мотивационными образованиями существует множество многосторонних связей; в результате факторного анализа ценностный блок, целевой, волевой блоки, удовлетворенность взаимозависимы и обусловливают друг друга; у молодых специалистов ведущими факторами удовлетворенности являются гигиенические факторы, у них превалирует внешняя мотивация профессиональной деятельности; у молодых специалистов выявлен высокий уровень социально-психологической адаптации, взаимосвязанный с высокой профессиональной мотивацией; усвоение социальных норм обусловливает функционирование профессиональной мотивации на уровне личности; при сравнении данных опытных специалистов между собой (от 3 до 10 и более 10 лет стажа) не выявлено значимых различий, что говорит о том, что в первые три года происходит наиболее значительное изменение мотивации; у молодых специалистов выявлена общая удовлетворенность трудом; у молодых специалистов выявлено стремление продвигаться по службе, в отличие от опытных специалистов, у которых выявлено стремление получать новые навыки и знания и иметь возможности для профессионального роста, что говорит о том, что продвижение в профессиональной деятельности трактуется молодым специалистом как продвижение по карьерной лестнице и получение более высокой должности, в отличие от опытных специалистов, которые трактуют продвижение как профессиональное развитие и получение новых знаний; получена взаимозависимость большинства мотивационных показателей в мотивационно-потребностной сфере молодого специалиста, обусловленная взаимодействием мотивации достижения успеха и мотивации избегания неудачи, что говорит о возможности отнесения профессиональной мотивации молодых специалистов к личностному уровню функционирования; мотивационные образования не дифференцируется; уровень личности задается сплавом потребностей, мотивов, ценностей, целей и других характеристик.

Мотивация опытных специалистов может быть названа опосредованной уровнем субъекта деятельности по следующим критериям: в результате факторного анализа получены относительно независимые факторы; мотивационные образования внутри волевого блока, ценностного блока, блока стимулов к труду образуют прочные связи меж-

ду собой, однако сами блоки независимы друг от друга; произошла смена общей удовлетворенности у молодых специалистов на удовлетворенность гигиеническими и мотивационными факторами у опытных специалистов, что предполагает разделение этих двух блоков стимулов к труду; в мотивационно-потребностной сфере выделяются мотивационные образования, относящиеся к внутренней мотивации, сформированные в процессе профессиональной деятельности: стремление к профессиональному росту, стремление получать знания, реализовывать личные цели, относящиеся к работе, стремление делать стоящую, интересную работу.

При сравнении мотивации молодых специалистов-рабочих и опытных специалистов четырех разных профессиональных групп получено следующее: 1) при удовлетворении потребностей молодых специалистов компоненты и структура мотивационной сферы с опытом сохраняются, при неудовлетворении изменяются и компоненты и структура мотивации; 2) мотивационно-потребностная сфера опытных специалистов зависит от условий протекания профессиональной деятельности, а также от особенностей самой профессиональной деятельности (мастер реализует потребность во власти, что обуславливает падение контроля за действием; у инженеров изменяются условия труда, что вызывает удовлетворенность гигиеническими факторами, однако общая мотивация падает; у специалистов, ушедших из цеха, падает значимость большинства типов ценностей, что говорит о влиянии, как условий, так и особенностей профессиональной деятельности); 3) у опытных специалистов потребность реализовать полученные в вузе знания и навыки, потребность профессионально расти отделяется от потребности продвигаться по службе, внутренняя мотивация отделяется от внешней, чего не происходит у молодых специалистов.

Ю.С. Додонов

ОЦЕНИВАНИЕ ИНТЕНСИВНОСТИ ЭМОЦИЙ КАК АСПЕКТ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В данном исследовании изучались особенности оценивания эмоциональной лицевой экспрессии и их взаимосвязь с общим и эмоциональным интеллектом. В разработанном нами тесте оценивания интенсивности эмоций использовались лица четырех типов: мужские лица с положительной и негативной эмоцией, женские лица с положительной

и негативной эмоцией. Внутри каждого типа было создано 8 фотографий одного человека с различной интенсивностью эмоциональной лицевой экспрессии. Для извлечения нескольких последовательных градаций эмоций использовались видеофрагменты, где эмоциональная лицевая экспрессия была записана в динамике, после чего из видеофайлов с помощью профессиональных программ обработки извлекались отдельные последовательные фотографии. Все полученные фотографии переводились в черно-белый формат и вырезались по овалу лица. Поскольку нас интересовали особенности оценивания эмоциональной экспрессии в условиях невозможности сопоставления нескольких градаций эмоций одновременно, стимульный материал был организован в виде брошюры, где на каждой отдельной странице предъявлялось только одно тестовое лицо.

Задача испытуемого состояла в том, чтобы оценить степень выраженности эмоции на показанном лице по шкале от 0 до 20, где значение «0» соответствует полностью нейтральному лицу. Чтобы унифицировать представление испытуемых о максимальной выраженности эмоции, на каждой странице справа от тестового стимула приводилась фотография, соответствующая 20-ти баллам для данного типа лиц. Таким образом, для каждого типа лиц из разработанных 8 фотографий одна использовалась в качестве образца максимальной выраженности эмоции, а 7 других выступали тестовыми стимулами. Поскольку тест включал градации эмоций внутри одного типа лиц, для каждого типа мы ожидали получить разброс индивидуальных оценок. Мы предположили, что диапазон оценивания эмоций будет различаться у испытуемых и может рассматриваться в качестве меры, отражающей один из аспектов эмоционального интеллекта.

В качестве показателя в тесте использовалось стандартное отклонение оценок испытуемого. Для каждого испытуемого подсчитывалось 4 показателя, соответствовавших четырем типам лиц. В исследовании приняло участие 87 студентов, 68 девушек и 19 юношей. Испытуемые также выполняли Продвинутые прогрессивные матрицы Равена, вербальные субтесты теста структуры интеллекта Амтхауэра и опросник эмоционального интеллекта ЭмИн. Ни один из показателей по Тесту оценивания интенсивности эмоций не был статистически значимо взаимосвязан ни с баллом по тесту Равена, ни с баллом по вербальным субтестам теста Амтхауэра. Таким образом, индивидуальный диапазон оценивания интенсивности эмоций оказался не связан с уровнем когнитивных способностей.

Структура взаимосвязей между полученными показателями и шкалами опросника ЭмИн существенно варьировала в двух группах испытуемых, разделенных по гендерному признаку. В группе девушек диапазон оценивания мужских лиц с положительной и отрицательной эмоцией статистически значимо связан со шкалами Межличностный эмоциональный интеллект ($r = -0{,}28$ и $r = -0{,}33$ соответственно, $p < 0{,}05$), Управление эмоциями других людей ($r = -0{,}33$ и $r = -0{,}25$, $p < 0{,}05$) и Понимание эмоций других людей (для отрицательной эмоции, $r = -0{,}30$, $p < 0{,}05$). Соответствующие показатели оценивания женских лиц в группе девушек оказались не связанными со шкалами ЭмИн (за исключением оценивания негативной эмоции и шкалы Управление эмоциями других людей, $r = -0{,}35$, $p < 0{,}05$).

В группе юношей обнаруженные взаимосвязи, напротив, положительны, касаются только оценивания женских лиц и шкал Внутриличностного эмоционального интеллекта. Так, диапазон оценивания женских лиц с положительной и отрицательной эмоцией связан со шкалами Внутриличностный эмоциональный интеллект ($r = 0{,}56$ и $r = 0{,}70$ соответственно, $p < 0{,}05$), Понимание своих эмоций ($r = 0{,}53$ и $r = 0{,}52$, $p < 0{,}05$), Контроль экспрессии ($r = 0{,}53$ и $r = 0{,}67$, $p < 0{,}05$) и Управление своими эмоциями (только для оценивания отрицательной эмоции, $r = 0{,}55$, $p < 0{,}05$).

Таким образом, в каждой из групп с показателями эмоционального интеллекта связан именно диапазон оценивания лиц противоположного пола. В мужской группе умение дифференцировать эмоции (высокий диапазон оценивания), по-видимому, может рассматриваться как один из аспектов развитого внутриличностного эмоционального интеллекта. В женской группе умение опознавать эмоции (склонность оценивать как интенсивные даже слабые эмоции, т. е. узкий диапазон оценивания), по-видимому, связано с высоким развитием межличностного эмоционального интеллекта.

Ю.С. Додонов, Ю.А. Додонова

АБСТРАКТНЫЕ ЗРИТЕЛЬНЫЕ ФИГУРЫ КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РАБОЧЕЙ ПАМЯТИ

Стандартные процедуры исследования рабочей памяти предполагают преимущественно работу с вербальным или числовым материалом. Однако даже бессмысленные слоги и случайные сочетания цифр

не исключают возможности обращения к семантической сети, что может исказить результаты тестирования.

В рамках задачи поиска стимулов, свободных от влияния культуры и прошлого опыта респондентов, авторами был разработан тест Запоминание абстрактных фигур. Тестовые стимулы представляли собой простые зрительные фигуры, состоявшие из четырех пересекающихся линий различной длины. Сначала испытуемому на 3000 мс предъявлялась проба – фигура, расположенная в левой части экрана. После исчезновения пробы появлялся белый экран (500 мс), а затем тестовый стимул – фигура, расположенная в правой части экрана. Испытуемому необходимо было ответить, является ли тестовая фигура в точности такой же, как и фигура в пробе. Тест включал в себя тестовые стимулы четырех типов: 1) полностью соответствующие пробе; 2) полностью несоответствующие пробе; 3) не соответствующие пробе по форме – одна из линий в тестовой фигуре смещена по сравнению с пробой; 4) не соответствующие пробе по длине – одна из линий в тестовой фигуре отличается по длине от соответствующей линии в пробе. Тест состоял из 60 предъявлений – 30 тестовых стимулов первого типа (ответ «Да»), по 10 тестовых стимулов остальных типов (ответ «Нет»). Среднее время ответа подсчитывалось как в целом по тесту, так и в отдельности для четырех типов тестовых стимулов.

В исследовании приняли участие 208 старшеклассников. В качестве дополнительных измерений использовались показатели школьной успеваемости (оценки по алгебре, геометрии и физике), скоростные тесты (время реакции, время различения формы и время опознавания лиц) и показатели психометрического интеллекта (Продвинутые прогрессивные матрицы Равена и вербальные субтесты Теста структуры интеллекта Амтхауэра). Среднее время ответов по тесту Запоминание абстрактных фигур оказалось достоверно связанным с показателями других скоростных тестов: $r = 0{,}186$ со временем простой реакции, $r = 0{,}453$ со временем различения формы и $r = 0{,}484$ со временем опознавания лиц (коэффициенты корреляции Пирсона, $p < 0{,}01$). Показатель по тесту Запоминание абстрактных фигур оказался не связанным с показателями психометрического интеллекта – корреляции с тестом Равена и вербальными субтестами теста Амтхауэра незначимы. С учетом отсутствия корреляций с тестами интеллекта особенно интересно, что показатель по тесту Запоминание абстрактных фигур оказался статистически значимым предиктором школьной успеваемости по алгебре, геометрии и физике, объясняя 4,3 %, 6,5 % и 2,7 % дисперсии оце-

нок по этим предметам соответственно. Процент объясненной дисперсии невысок, однако и оценки соответствующих регрессионных моделей в целом ($F(1,172) = 7,69$, $F(1,172) = 11,89$, $F(1,172) = 4,74$), и оценки коэффициентов регрессии ($t(172) = – 2,77$, $t(172) = – 3,45$, $t(172) = – 2,18$) во всех случаях являются статистически значимыми ($p < 0,05$). По-видимому, показатель по тесту Запоминание абстрактных фигур может рассматриваться в качестве меры, отражающей один из механизмов переработки абстрактной зрительной информации, необходимый также при решении математических задач, в большей степени геометрических.

Показатели теста Запоминание абстрактных фигур, подсчитанные для четырех типов тестовых стимулов (t1, t2, t3, t4), анализировались также в отдельности. Статистически значимые различия во времени ответа в зависимости от типа стимулов (критерий Вилкоксона, $p < 0,01$ для всех типов стимулов, сравненных попарно) позволяют предположить, что 2, 3 и 4 типы стимулов требуют неких дополнительных компонентов переработки информации (по сравнению с первым типом стимулов). Были подсчитаны разности: $D1 = t2 – t1$, $D2 = t3 – t1$ и $D3 = t4 – t1$. Разности D1 и D2 оказались статистически достоверно связанными с показателями психометрического интеллекта по тесту Равена ($r = – 0,170$ и $r = – 0,172$, $p < 0,05$) и по вербальным субтестам теста Амтхауэра ($r = – 0,209$ и $r = – 0,175$, $p < 0,01$). Соответствующие коэффициенты корреляции для разности D3 оказались статистически незначимы. В контексте современных исследований взаимосвязи различных аспектов рабочей памяти с интеллектом этот результат позволяет говорить о том, что именно аспект запоминания взаимоотношений элементов (именно этот компонент переработки, по-видимому, отражается в D1 и D2) в большей степени связан с интеллектуальными способностями, чем аспект запоминания собственно элементов (отраженный в показателе D3 в нашем исследовании).

Ю.А. Додонова, Т.Н. Тихомирова

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ КАК ПРЕДИКТОР ДИНАМИКИ СПОСОБНОСТЕЙ

Настоящее исследование проводилось в рамках изучения механизмов влияния образовательной среды на формирование различных когнитивных способностей, таких как вербальный и невербальный ин-

теллект, социальный интеллект и креативность. Нас интересовало, каким образом успешность взаимодействия ребенка с учителем и с другими детьми влияют на динамику перечисленных выше способностей. Для оценки эффективности взаимоотношений в образовательной среде проводилось исследование межличностных отношений каждого ученика с учителем и со сверстниками с помощью методики Рене Жиля (шкалы «Отношение к учителю» и «Отношение со сверстниками»). Дополнительно измерялись показатели динамики когнитивных способностей детей, для чего дважды в ходе исследования фиксировались индивидуальные различия по психометрическим показателям интеллекта и креативности – первый раз в начале учебного года, когда дети только начинали обучение в школе, второй замер производился в конце первого года обучения.

Для измерения уровня интеллекта и креативности использовались субтесты теста Векслера («Понятливость», «Арифметический», «Осведомленность», «Словарный», «Сходство»), Прогрессивные матрицы Равена, тест Торренса (показатели «оригинальность» и «разработанность»). Для измерения социального интеллекта был использован разработанный Т.Н. Тихомировой авторский тест измерения социального интеллекта младших школьников.

В исследовании приняло участие 143 ребенка из первого класса подмосковной школы. Оба показателя эффективности взаимоотношений в образовательной среде (с учителем и со сверстниками) оказались статистически достоверно положительно взаимосвязаны с приростом балла по субтесту «Сходство» ($r = 0,331$ и $r = 0,429$ соответственно, $p < 0,05$) и с динамикой балла по тесту социального интеллекта ($r = 0,201$ и $r = 0,399$ соответственно, $p < 0,05$). В обоих случаях коэффициенты корреляции для показателя Отношения со сверстниками несколько выше, чем соответствующие коэффициенты для шкалы Отношения с учителем. Кроме того, показатель по шкале Отношения со сверстниками статистически значимо положительно связан со сдвигом балла по субтесту «Словарный» ($r = 0,308$, $p < 0,05$). Показатель по шкале Отношения с учителем оказался достоверно связанным с приростом показателя «Оригинальность» по тесту Торренса ($r = 0,181$, $p < 0,05$).

В ходе регрессионного анализа не во всех перечисленных случаях показатели взаимоотношений в образовательной среде оказались значимыми предикторами динамики когнитивных способностей. Показатель по шкале Отношения с учителем оказался незначимым предикто-

ром динамики социального интеллекта и прироста по шкале «Оригинальность» теста Торренса.

Таким образом, только для предсказания динамики показателя по субтесту «Сходство» показатель по шкале Отношения с учителем оказался значимым предиктором (регрессия значима, $F = 5{,}42$, $p < 0{,}05$, коэффициент регрессионного уравнения значим, $t = 2{,}33$, $p < 0{,}05$). В то же время показатель по шкале Отношения со сверстниками является значимым предиктором динамики показателей по субтестам «Сходство» и «Словарный», а также по тесту социального интеллекта.

Во всех случаях и регрессия в целом, и коэффициенты регрессионного уравнения оказались значимы ($F = 10{,}16$, $p < 0{,}05$, $t = 3{,}19$, $p < 0{,}05$; $F = 4{,}72$, $p < 0{,}05$, $t = 2{,}17$, $p < 0{,}05$; $F = 8{,}54$, $p < 0{,}05$, $t = 2{,}92$, $p < 0{,}05$). Интересно, что из всех субтестов только на динамику показателя по субтесту «Сходство» взаимоотношения в образовательной среде оказывают значимое влияние. Из всех вербальных субтестов именно этот субтест, по всей видимости, в наибольшей степени отражает флюидный интеллект по Кеттеллу, измеряя некоторую способность к обобщению и абстрагированию. Именно на развитие этих аспектов интеллектуальных способностей, по-видимому, в младшем школьном возрасте наибольшее влияние оказывает эффективность взаимодействия в образовательной среде.

В целом предсказуемыми оказались полученные результаты, касающиеся динамики социального интеллекта. Успешность взаимодействия с учителем и со сверстником тесно связаны с величиной прироста социального интеллекта у младших школьников. Интересно также, что именно эффективность взаимодействия со сверстниками в нашем исследовании оказалась значимым предиктором развития словарного запаса у детей этого возраста.

Наконец, заслуживает внимания обнаруженная тенденция к положительной взаимосвязи успешности взаимодействия с учителем и развития оригинальности. По-видимому, неэффективные взаимоотношения с учителем могут до некоторой степени тормозить развитие оригинальности в младшем школьном возрасте.

К.А. Долбеева, М.В. Зотов

ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕНИЙ ВНИМАНИЯ У ЛИЦ С ДЕПРЕССИВНЫМИ РАССТРОЙСТВАМИ

На сегодняшний день вопрос влияния аффективной информации на процессы внимания является одним из самых обсуждаемых вопросов в сфере когнитивной и клинической психологии. Нами было проведено исследование изменений внимания у лиц с депрессивными расстройствами при обработке аффективной информации. Целью исследования было изучение изменений внимания на этапе первичной оценки стимулов и на этапе вовлечения ресурсов их обработку.

Эксперимент 1. Были составлены картинки (17), представляющие собой коллажи из 4 фотографий (фотографии из международной системы аффективных картинок, IAPS, подобраны по валентности и силе вызываемых эмоций). Среди коллажей было 6, в которых одна из фотографий была негативного аффективного содержания, 3 нейтрального; 5, в которых 1 фотография была негативного аффективного содержания, 3 позитивного; 6, в которых 1 фотография была позитивного содержания, 3 нейтрального. Они предъявлялись на 350 мс, затем следовала маска в 350 мс.

В исследовании был использован прибор, регистрирующий движения глаз модели TobiiX120 EyeTracker. Прибор использует бесконтактный неинвазивный оптический метод. Инфракрасный цвет, отраженный от глазного яблока, записывается оптическим приемником. Гипотеза заключалась в том, что общая длительность и количество фиксаций у лиц, страдающих депрессивными расстройствами, на фотографиях с негативной информацией будет больше, чем на картинках с нейтральной информацией. Статистически значимых различий между контрольной и экспериментальной выборкой по длительности и общему количеству фиксаций выявлено не было. Такой результат вряд ли может быть объяснен неправильным подбором стимульного материала, поскольку каждый коллаж был качественно и количественно проанализирован, различий в длительности и количестве фиксаций в зависимости от валентности выявлено не было. С нашей точки зрения, у больных депрессией при коротком времени экспозиции стимулов, т. е. на этапе первичной оценки информации, изменений внимания не проявляется.

Эксперимент 2. Методика многозадачного поиска основывается на быстром последовательном предъявлении визуальных стимулов,

среди которых имеются два целевых стимула. Первая и вторая цели располагаются очень близко на временной оси (от 180 до 450 мс). Феномен мерцания внимания заключается в том, что при определенных временных и качественных условиях успешная детекция первой цели делает невозможной детекцию второй. Чтобы корректно опознать первый целевой стимул, испытуемый сознательно вовлекается в его обработку, процесс уже второго уровня, и именно это мешает правильной детекции и обработке второго стимула. Экспериментальная серия содержала 17 картинок, среди которых было 15 нейтральных и две аффективных картинки. Одна из аффективных картинок играла роль прайминга, предъявлялась перед началом серии на 500 мс. Серии были объединены в 2 группы по принципу валентности эмоционального стимула (негативные и позитивные). Таких серий было 10. Также было 5 серий, в которых не было эмоциональной стимульной информации, все картинки были нейтральными. Время экспозиции картинок составляло 250 мс. В каждой серии одна из фотографий помечалась черной горизонтальной чертой. Первый целевой стимул нами помечен не был.

Гипотеза заключалась в том, что аффективно-окрашенные картинки негативного содержания станут «первыми целевыми стимулами» без предварительного задания, вызовут вовлечение ресурсов внимания и трудности в отвлечении, что приведет к возникновению эффекта мерцания внимания. У контрольной выборки такой эффект возникнуть не должен, также как не должен возникнуть и у экспериментальной в сериях, где аффективные стимулы имели положительную валентность.

По результатам методики многозадачного поиска были выявлены различия на высоком уровне статистической значимости между контрольной и экспериментальной выборками в сериях с негативной стимульной информацией (испытуемые из экспериментальной выборки были неуспешны в детекции второй цели). Полученные результаты подтверждают гипотезу, согласно которой у депрессивных больных изменения внимания имеют место на этапе обработки информации и состоят в фиксации и трудностях в отвлечении от негативных стимулов, тогда как изменений внимания на этапе первичной оценки стимульной информации выявлено не было. Также было выяснено, что подобные изменения вызывает информация строго релевантная депрессивному расстройству (фотографии плачущих детей, страдающих людей и животных), а не негативная информация в целом.

А.М. Дохоян

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ В РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ

В настоящее время проблемам супружества уделяют больше внимания не только в теории, но и на практике. Социально-психологическая поддержка и помощь может быть необходима любой семье, хотя и в разной степени. В каждом конкретном случае ее задачи определяются особенностями семьи, которой оказывается психологическая помощь, и той ситуацией, в которой она осуществляется. Наиболее частой причиной обращения в консультацию являются супружеские проблемы.

В исследовании участвовали 10 пар со стажем супружеской жизни до 5 лет, которые обратились за консультативной помощью в отделение планирования семьи г. Армавира с жалобой на постоянно возникающие конфликты с супругом (ой). На первом этапе обоих супругов тестировали по следующим методикам: тест «Характер взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях» (Алешина, Гозман); методика «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП), разработанная А.Н. Волковой; методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса (адаптация Н.В. Гришиной). На втором этапе одной из супружеских пар оказывалась психологическая помощь с использовании различных психотерапевтических методов (символ-драма, гештальт-терапия, сказкотерапия и др.). На третьем этапе было проведено повторное диагностическое исследование выбранной супружеской пары по методикам, использованным на первом этапе. По методике «Характер взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях» результат рассчитывается следующим образом – чем ближе показатель к «– 2», тем выше конфликтность в данной сфере супружеских отношений.

Анализ результатов методики показал, что наиболее конфликтной сферой супружеских взаимоотношений в данных супружеских парах является нарушение ролевых ожиданий – наиболее высокий показатель у всех испытуемых (– 1,6); также высокие показатели конфликтности в связи со стремлением одного из супругов к автономии (– 0,85) и доминировании одного из супругов (– 0,78). Следовательно, основной сферой супружеских взаимоотношений, нуждающихся в коррекции, является нарушение ролевых ожиданий супругов. Все супружеские пары были разделены нами на три группы: 1) с низким уровнем

конфликтности (от 0 до – 0,5); низкий уровень конфликтности был выявлен у 10 % (1 пара) от всех пар; 2) со средним уровнем конфликтности (от – 0,51 до – 1), средний уровень конфликтности – у 70 % (7 пар); 3) с высоким уровнем конфликтности (от –1 до – 1,5), высокий уровень конфликтности – у 20 % (2 пары). Наиболее конфликтной сферой взаимоотношений у данных испытуемых является хозяйственно-бытовая сфера. Высокая конфликтность в этой сфере выявлена у 80 % (8 пар) испытуемых. В сфере личностной идентификации высокая конфликтность у 60 % (6 пар) испытуемых; в сфере эмоционально-терапевтической – у 40 % (4 пары) испытуемых; в сфере социальной активности – у 20 % (2 пары) и в родительско-воспитательной сфере – у 10 % (1 пара) испытуемых.

По результатам методики все супружеские пары были нами разделены на 3 группы в зависимости от степени рассогласованности семейных ценностей (РСЦ). Низкий уровень РСЦ (от 0 до 1,5) у 20 % (2 пары) испытуемых, средний уровень (от 1,51 до 2,5) – у 60 % (6 пар) испытуемых и высокий уровень РСЦ (от 2,51 и выше) – у 20 % (2 пары) испытуемых. Было выявлено, что уровень конфликтности в данных супружеских парах напрямую зависит от уровня рассогласования семейных ценностей. Этим мы подтвердим нашу гипотезу, так как высокому уровню конфликтности соответствует высокий уровень рассогласованности семейных ценностей.

Будущее супружеских отношений зависит от своевременности понимания причин семейных трудностей, от верности принятых отношений, от способности реализовать позитивные намерения, т. е. от решения конкретных проблем, возникающих в семейной жизни. Здесь и обнаруживается потребность в своевременной помощи психолога, в его профессионально-компетентном и тактичном вмешательстве в складывающуюся ситуацию, в процесс формирования взаимоотношений в семье.

По своей ориентированности психологическая помощь может оказываться: 1) преимущественно одному члену семьи в связи с проблемами, которые прямо или косвенно вызваны его семейной жизнью или ее отсутствием; 2) брачной или предбрачной паре; 3) семье в целом; 4) родителю или родителям; 5) родителям и детям. Акцент в работе психолога делается на устранении или профилактике тех индивидуально-психологических причин, которые, по-разному проявляясь в разных семьях, приводят к возникновению конфликтных ситуаций, глубоким семейным дисгармониям и распаду.

З.Р. Душабаев

ДИАГНОСТИКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ ДЕТЕЙ К ОБУЧЕНИЮ В ШКОЛЕ

Одним из важнейших факторов успешности обучения в школе является уровень интеллекта детей. В.Н. Дружинин приводит данные о том, что чем выше интеллект, тем вероятнее высокая успеваемость в школе. В 1989 г. во Фрунзенском районе нашего города мы в экспериментальный первый класс гимназии № 295 из 120 претендентов отобрали 25 дошкольников, продемонстрировавших лучшие результаты при выполнении тестов на интеллект. В 1998 г. отобранные нами первоклассники освоили десятилетнюю программу гимназии досрочно, т. е. за 9 лет. При этом 18 учащихся из 25 учеников экспериментального класса завершили учебу с медалями. Этот результат убедил нас в том, что тесты на интеллект дают возможность прогнозировать успешность обучения в школе.

Для диагностики интеллектуальной готовности к обучению в школе мы взяли не один тест какого-то одного автора, а составили свою батарею отдельных субтестов интеллектуальных тестов.

В нашу батарею субтестов для детей, собирающихся учиться в школе, входили девять заданий.

Первый субтест: разложи по порядку «сюжетные картинки», (выявляет элементы невербального мышления, умение обнаружить причинно-следственные связи: «что было сначала, а что потом»). Если ребенок все четыре картинки расположил в правильной последовательности, то он зарабатывает 2 балла. Если обнаруживается ошибка, то ответ оценивается в 0 баллов.

Второй субтест: «Составь рассказ по сюжетным картинкам» (выявляет элементы воображения и уровень связной речи). Рассказ оценивается по объему в пятибалльной системе: полный (5), недостаточно полный (4), краткий (3), очень краткий (2) отсутствие рассказа (0).

В качестве третьего субтеста мы использовали «прогрессивные матрицы Равена» серии А и В, т. е. 24 таблицы (это задание выявля ет целостность и структурность образа восприятия, или так называемый перцептивный компонент невербального интеллекта). Правильно решив все задания, ребенок может набрать по этому субтесту 24 балла.

Четвертый субтест: «из 6 рисунков найди 2 одинаковых». Этот субтест обнаруживает внимательность ребенка, а точнее способность

испытуемого распределить внимание. Ребенку предлагается 5 таких заданий, соответственно по этому субтесту он может набрать максимум 5 баллов. Пятый субтест заимствован нами из теста Векслера: «Составь целое изображение лошади из разрозненных деталей». Этот тест говорит о конструктивных способностях ребенка. Если ребенок в целом справился с этим заданием, то ему начисляется 2 балла.

Учитывая, что в начальной школе детей обучают не только чтению, но и письму, в качестве шестого субтеста мы предъявляли задание: «перерисуй домик». Субтест выявляет графические способности детей как предпосылку успешности обучения письму. Девять деталей эталонного рисунка домика плюс его общая композиция позволяют оценить выполнение этого субтеста десятью баллами.

Седьмой субтест: «Запомни нарисованные изображения». В этом субтесте детям предлагается запомнить 9 объектов, нарисованных на листе машинописной страницы. Время экспозиции 15 секунд. Максимальная оценка памяти 9 баллов. Этот субтест говорит об объеме произвольной зрительной памяти ребенка.

Восьмой субтест: «Определи одно лишнее слово из 5 предъявленных». Этот субтест заимствован нами у Р. Амтхауэра (говорит о способности к абстрагированию и оперированию вербальными понятиями).

В девятом субтесте предлагаются вслух три словесно-логические задачи по А.З. Заку. Данные этого теста говорят об уровне словесно-логического мышления.

Все баллы по девяти субтестам суммируются, выражая итоговый уровень интеллектуального развития детей. В ходе тестирования ребенок по этой батарее субтестов может набрать максимально 65 баллов.

Полученные нами десятилетние данные обследований детей в детском саду № 35 Московского и № 35 Адмиралтейского районов Санкт-Петербурга позволяют иметь некоторые показатели статистических норм. Сопоставив результаты обследования конкретного ребенка с имеющимися средними показателями детей данного возраста, можно классифицировать полученные данные диагностики интеллекта как выше среднего, средние и ниже среднего уровня.

Диагностика уровня интеллектуального развития детей позволяет прогнозировать успешность обучения дошкольника в школе с усложненными программами, например в гимназии.

Е.Ю. Елисеева

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ФАКТОРА «НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ» В ПОДГОТОВКЕ ПСИХОЛОГОВ

Проблемное поле целеполагания нашего исследования включает изучение влияния на «определенность–неопределенность» профессиональной подготовки психологов следующих условий: социально-экономических, требующих от его членов не только высокой профессиональной подготовки в отдельной области, но и способности гибко перестраивать свою деятельность; резкого возрастания требований к творческим способностям членов общества, инициативности; оторванности высшего образования от реальных сфер производства; тенденций осуществления модернизации образования в основном за счет изменения только содержания обучения в вузах, а не его дидактики; нормативно-правовой основы управления системой высшего образования.

Как показывает анализ состояния современного высшего психологического образования, оно имеет много противоречий. Очень часто отбор содержания профессиональной подготовки в настоящее время носит неопределенный характер; сомнительные критерии его ценности, отдаленные от сущности деятельности психолога по тем или иным специальностям. Обучение психологов не имеет достаточно четкой определенности в развитии осознания студентами значимости предлагаемых знаний, формирующих определенность в своих смысложизненных и профессиональных ориентациях.

Предметом нашего исследования было изучение влияния фактора «неопределенности–определенности» на профессиональную подготовку студентов-психологов. Мы предположили, что феномен «неопределенности–определенности» в профессиональной подготовке будущих психологов имеет многофакторную обусловленность, которая включает: личностные психологические составляющие студентов; особенности организационной среды вуза; специфику дидактических технологий вузовского обучения.

Неопределенность может быть обусловлена внешними причинами (отсутствие четкого государственного стандарта; недостаточно четкая организация учебного процесса и т. д.), и внутренними (психологическое состояние студента – неуверенность, низкий уровень самооценки и т. д.). Поэтому диагностика проявления фактора «неопределенности–

определенности» может быть только комплексной, включающей изучение личностного и деятельностного компонента.

В соответствии с выдвинутыми рабочими гипотезами наше исследование реализовало следующие задачи: экспериментально изучить особенности «определенности–неопределенности» профессиональной подготовки студентов; разработать технологию нахождения связи между смысложизненными ориентациями, жизнестойкостью и определенностью выпускника в профессиональной подготовке, а также предположительно развитие на этой основе нейротизма.

Проводилось исследование в НГПУ и НПК им. Ушинского г. Нижнего Новгорода. В нем приняли участие: 100 студентов 4–5 курсов гуманитарных и технических факультетов. Мы используем следующую группу методик: «Анкета профессиональной определенности» (Т.И. Чиркова); тест «Толерантность к неопределенности» (адаптация А.Г. Солдатовой); тест «Смысложизненные ориентации» Д.А. Леонтьева; тест Жизнестойкости (С. Мадди), методика Айзенка (адаптация А.Г. Шмелевой).

На основании полученных результатов мы констатировали следующее. В данном методическом комплексе мы, получая предполагаемые данные, можем извлечь дополнительные психологические реальности. Эти методики, как правило, включают в себя 3–4 градации (да; скорее да, чем нет и т. д.) и имеют имплицитный характер, где уже предоставляется фактор неопределенного выбора. Поэтому, даже специально не разрабатывая методики по «неопределенности–определенности», мы в какой-то мере можем ее просмотреть.

Нами была разработана и апробирована организационно-учебная программа творческого формата для проведения зачетных занятий, направленная на профилактику и преодоление неопределенности студентов в учебной деятельности на основе использования интерактивных методов, а именно деловых игр на примере дисциплины «психология управления» и дидактического метода «портфолио» и т. д.

Мы доказали, что минимизация неопределенности возможна за счет поэтапного формирования приемов, способов внешней и внутренней организации учебной деятельности студентов. Интерактивные методы обучения, в том числе и деловая игра, могут быть одним из способов минимизации неопределенности в профессиональной подготовке психологов.

Н.А. Еременко

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПЕДАГОГА-ПСИХОЛОГА И КЛАССНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

К основным направлениям психологического обеспечения воспитательной деятельности относятся: обеспечение необходимых базовых психологических знаний и постоянное повышение психологической компетентности и психологической культуры самого ребенка и окружающих его взрослых; психологическое сопровождение процесса развития личности, оказание психологической помощи ребенку в решении его проблем; оказание психологической помощи окружающим его взрослым в понимании проблем ребенка, оказание им помощи в преодолении ошибок, в выработке правильной педагогической позиции в отношении конкретного ребенка; разработка программ повышения квалификации педагогических работников в области теории и технологий психологического обеспечения воспитательной деятельности (И.К. Беляк, 2006).

Классный руководитель совместно с педагогом-психологом может: изучать индивидуальность обучающихся, процесс их адаптации и интеграции в микро- и макросоциум; координировать связь педагога-психолога с родителями, их консультативную поддержку. В сотрудничестве с педагогом-психологом классный руководитель анализирует уровень развития коллектива класса, определяя познавательные, творческие способности и возможности воспитанников, помогая ребенку определиться в выборе будущей профессии; координирует выбор форм и методов организации индивидуальной и групповой учебной и внеклассной деятельности, как со своей стороны, так и со стороны других участников воспитательного процесса.

Анкетирование показало, что большинство педагогов методологически и психологически недостаточно подготовлены к воспитательной деятельности, а педагоги-психологи не всегда готовы решать задачи психологического обеспечения воспитательной деятельности. Необходим комплексный многоуровневый подход к организации повышения квалификации специалистов (как классных руководителей, так и педагогов-психологов), развития их профессиональной компетентности в области воспитательной работы: 1) разработка модульных программ курсов для классных руководителей, педагогов-психологов, администраторов в ГОУ ДПО НИРО; 2) взаимодействие на уровне районных методических объединений классных руководите-

лей и педагогов-психологов; 3) проведение семинаров, тренингов на уровне конкретного педагогического коллектива образовательного учреждения.

Одним из вариантов работы может быть взаимодействие педагога-психолога с классными руководителями на уровне районного методического объединения, целью которого было развитие психологической компетентности специалистов по проблемам психологии подросткового возраста, оптимизации общения и работы с семьей и родителями обучающихся. Его апробация проходила в 2008/09 уч. г. на базе Богородского района Нижегородской области. Нами был разработан цикл занятий, имеющих практикоориентированный характер и включающий в себя следующие темы: «Возрастные особенности младших подростков» (2 ч); «Психологические аспекты формирования классного коллектива» (4 ч); «Психологические аспекты работы классного руководителя с семьей и родителями учащихся» (4 ч); «Психологические особенности старших подростков. Специфические реакции подросткового возраста» (4 ч); «Психологические особенности мальчиков и девочек подростков» (4 ч).

В основу обучения была положена модель, разработанная Дэвидом Колбом совместно с Роджером Фраем. «Цикл Колба» позволяет взрослому человеку обучиться какому-либо сложному навыку максимально эффективно, пройдя по четырем стадиям: непосредственный опыт (concrete experience); наблюдение и рефлексия (observation and reflection); формирование абстрактных концепций и моделей (forming abstract concepts); активное экспериментирование (testing in new situations). «Информационный модуль» может идти и после «психолого-педагогического практикума» как закрепление: самостоятельно сформулированных участниками выводов; выработанных в результате группового обсуждения вариантов решения проблемных ситуаций, правил взаимодействия с подростками и их родителями; опыта, полученного от игрового взаимодействия.

Для каждого семинара было разработано мультимедийное сопровождение в виде компьютерной презентации, которое было размещено в коллекции ЦОР «Открытого класса». Эффективным было использование таких методов и приемов работы как: интерактивный слайд в компьютерной презентации; анкетирование участников в начале и в конце занятия; самодиагностика; психологические игры и упражнения (К. Фопеля, Н. Самоукиной, Н. Щурковой и др.)

Е.И. Жигэу

ЗАСТЕНЧИВОСТЬ ПОДРОСТКОВ КАК ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ МОТИВАТОР ОБЩЕНИЯ

Изменение социально-экономической ситуации в обществе и ценностных ориентаций людей привело к искажению восприятия застенчивого человека и даже к отрицанию данной характеристики личности у старшеклассников. Однако известно, что застенчивость – это явление всеобщее и широко распространенное. Лишь очень немногие отмечают, что никогда ею не страдали. Для большинства людей это беда, которая не дает им жить полноценной жизнью. Застенчивость – явление социально обусловленное, одно из проявлений взаимоотношений. Оно возникает при взаимодействии людей в обществе и является самой распространенной коммуникативной трудностью. Особо негативно застенчивость влияет на личность в процессе взросления, когда формируется подлинная самостоятельность, аутентичность, способность нести ответственность за свои поступки и свою жизнь в целом. Сравнительно-возрастные исследования констатируют прерывистость, кризисность развития самосознания, причем пик трудностей приходится на подростковый возраст, когда усиливается склонность к самонаблюдению, эгоцентризм, снижается устойчивость образа «Я», общее самоуважение.

Целью данной работы явилось изучение влияния застенчивости на процесс общения у лиц старшего подросткового возраста. В исследовании приняли участие 63 учащихся 15–16 лет. Применялись следующие методики: изучения застенчивости; САН; выявления тревожности у подростков; выявления уровня потребности в общении; оценки уровня общительности; диагностики доминирующей стратегии психологической защиты в общении. По полученным результатам было выделено две группы испытуемых: застенчивые (46 %) и незастенчивые (54 %). Анализ субъективной оценки застенчивости показал, что у всех учащихся второй группы в жизни были такое время или ситуации, когда они были застенчивыми. Интересно, что из всех застенчивых подростков 69 % считают себя таковыми в той же степени, что и окружающие их люди, а 31 % не считают себя застенчивыми. Из всех незастенчивых учащихся 73,5 % считают себя незастенчивыми, а 26,5 % – застенчивыми. Результаты методики САН показали, что у застенчивых подростков показатели самочувствия, активности и настроения ниже, чем у их незастенчивых сверстников. Однако значимые различия имели место только по фактору настроения (значение критерия Вилкоксона–Манна–Уитни = 2,19; $p \leq 0,05$). При описании своего состояния

группа застенчивых чаще отмечала уныние, печаль, разочарованность, мрачность, напряжение, тревожность и чувство безысходности. Действительно, по всем показателям тревожности застенчивые подростки достоверно отличались от своих незастенчивых сверстников: по общей тревожности (ВМУ = 3,81; $p \leq 0,05$), школьной тревожности (ВМУ = 3,08; $p \leq 0,05$), самооценочной тревожности (ВМУ = 3,26; $p \leq 0,05$) и межличностной тревожности (ВМУ = 3,97; $p \leq 0,05$). Изучение особенностей общения показало, что характеристики потребности в общении у застенчивых и незастенчивых подростков совпадают на уровне значимости 0,05. Это может свидетельствовать о том, что на данном возрастном этапе потребность в общении является в равной мере значимой и актуальной как для незастенчивых юношей и девушек, так и для их застенчивых сверстников, независимо от характера эмоциональных особенностей, а также от уровня и качества коммуникативных способностей. Трудности в коммуникативной деятельности обнаруживаются при анализе уровня общительности, который значительно ниже в группе застенчивых подростков (ВМУ = 2,60; $p \leq 0,05$).

Диагностика доминирующей стратегии психологической защиты в общении выявила, что для всех испытуемых таковой является стратегия избегания. На втором месте в группе застенчивых является партнерство и сотрудничество, в группе незастенчивых – агрессия. Таким образом, застенчивость оказывает негативное влияние на уровень общительности старших подростков, снижая эффективность межличностного взаимодействия и нарушая коммуникативную деятельность. Благоприятным фактом для профилактической работы является то, что потребность в общении не отличается у застенчивых и незастенчивых юношей и девушек. Это очень важно, так как характерные для современного общества тенденции все больше изолируют людей друг от друга, подстегивают дух соперничества, усиливают чувство одиночества. И чтобы застенчивость не преобразовалась в хроническое расстройство, к ней нельзя относиться просто как к небольшой неприятности.

И.В. Жукова

ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ КАРЬЕРНОЙ МОБИЛЬНОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ

В последние десятилетия на рынке труда, как в России, так и во всем мире, произошли существенные изменения. Раньше работник, заключая трудовой договор с организацией, предполагал, что договор

будет долгосрочным, а, возможно, и пожизненным, и рассматривал организацию как источник социальных гарантий. Сейчас все больше организаций привлекают работников для участия в конкретных проектах с ограниченным сроком трудового договора, поощряют удаленную работу (так называемых «внештатных сотрудников» или «фрилансеров») и работу за комиссионное вознаграждение вместо привычного фиксированного оклада. В связи с этим работники становятся более мобильными, чаще меняют место работы, зачастую не посещают каждый день офис и не имеют в нем постоянного рабочего места. Таким образом, можно говорить о том, что в современных условиях, предполагающих высокую скорость изменений, одним из основных критериев успешности карьеры (наряду с уровнем занимаемой должности и уровнем заработной платы) является «карьерная мобильность».

Карьерная мобильность – это скорость прохождения сотрудником ступеней карьерной лестницы. Известно также, что на эффективность карьерного продвижения специалиста существенное влияние оказывают психологические факторы: это интеллект, мотивационная структура личности, самооценка, уровень саморегуляции и т. д. Поэтому целью нашего исследования и стало изучение карьерной мобильности и личностных особенностей менеджеров среднего звена. Мы выдвинули следующую гипотезу исследования: предполагается, что для менеджеров, имеющих низкие значения по карьерной мобильности, которая характеризует высокую скорость продвижения, характерны такие карьерные ориентации, как вызов и менеджмент, высокая карьерная причастность, радикализм, предприимчивость и гибкость.

В нашем исследовании мы выделили и рассматриваем два показателя карьерной мобильности: общая мобильность (отношение общего трудового стажа к количеству занимаемых должностей) и руководящая мобильность (отношение стажа работы в руководящих должностях к количеству руководящих должностей). Для определения личностных факторов управленческой карьеры менеджера использовалось пять стандартизированных методик: методика «Якоря карьеры» Э. Шейна; методика «Мотивация карьеры» А. Ноэ, Р. Ноэ, Д. Баххубера; многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла; методика «Личностная готовность к переменам» Ролник, Хезер, Голд, Хал; методика «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой. Средний по выборке показатель общей мобильности, который мы получили, был равен 2,12, руководящей – 2,22. То есть средний срок работы наших респондентов в одной должности – около 2 лет. Это говорит о том, что в целом по выборке карьера респондентов развивается доста-

точно динамично. Так, в современных российских и западных компаниях карьерная мобильность считается высокой, если продолжительность пребывания человека в одной должности не превышает 2,5–3 года. А если менеджер проработал в одной компании на одной и той же должности более 3–5 лет, его «карьерная мобильность» считается низкой, и это воспринимается как утрата конкурентных преимуществ, вследствие чего наших менеджеров можно охарактеризовать как конкурентоспособных.

Установлено, что для менеджеров с высокими показателями по общительности (фактор «А» Кеттелла) и карьерной причастности (степень вовлеченности человека в поиск возможностей для продвижения и получения признания), а также с выраженными карьерными ориентациями «профессиональная компетентность» и «интеграция стилей жизни» наблюдается тенденция к более высокой карьерной мобильности (как общей, так и руководящей). Также установлено, что высокие значения по якорю карьеры «служение» и фактору MD по Кеттеллу («адекватная самооценка») свойственны руководителям, редко меняющим место работы.

Таким образом, стремление работать в одной выбранной сфере (ориентация на горизонтальную или профессиональную карьеру) у менеджеров, ориентированных на высокую мобильность, не выражена, так как они ориентируются на должностной рост. Они готовы работать ради целей компании, но только в том случае, если эти цели совпадают с их устремлениями, в противном случае они будут уделять больше времени самореализации вне компании. Рынок труда в России в последние годы, ввиду экономического кризиса, претерпел значительные изменения, повысились требования к руководителям. Полученные нами данные можно использовать для карьерного консультирования, а также для разработки программ карьерного развития менеджеров в организации.

Л.В. Жуковская

ДИАГНОСТИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ (ШКАЛА К. РИФФ)

Психологическое сопровождение образовательного процесса невозможно без качественного инструментария, соответствующего запросам общества. Внедрение стандартов второго поколения ставит перед образовательными учреждениями новые задачи, предполагаю-

щие подготовку выпускников к активной жизни в динамично изменяющемся мире. К сожалению, методики диагностики таких показателей разработаны мало, инструментарий не имеет четкого теоретического основания, возрастные нормативы не определены. Вопрос диагностики активности личности, направленности на рост и развитие, глубины усвоения внутренних, «бытийных» ценностей остается открытым.

В поисках теоретического основания для введения в школьную практику нового инструментария мы обратились к теории психологического благополучия К. Рифф (C.D. Ryff, 1989). Психологическое благополучие личности рассматривается как «субъективный базовый конструкт, отражающий восприятие и оценку своего функционирования… с точки зрения вершины человеческих потенциальных возможностей». Обобщив основные философские и психологические теории, связанные с осмыслением отдельных аспектов позитивного функционирования человека, К. Рифф предложила шесть основных параметров психологического благополучия: 1) позитивное отношение к себе и своей прошлой жизни; 2) отношения с другими, пронизанные заботой и доверием; 3) способность выполнять требования повседневной жизни; 4) наличие целей и занятий, придающих жизни смысл; 5) чувство непрекращающегося развития и самореализации; 6) способность следовать собственным убеждениям. На основе данной теории была разработана Шкала психологического благополучия. Данная методика широко известна за рубежом и прошла многочисленные испытания в Америке, Канаде, Испании, Голландии и Китае (C.D. Ryff, C.L Keyes, 1995; P.J. Clarke, V.W. Marshall, C.D. Ryff, B. Wheaton, 2001; G.J. Kafka, A. Kozma, 2002; D. Van Dierdonck, 2004; S.T. Cheng, A.C. Chan, 2005; K.W. Springer, R.M. Hauser, 2006; R.A. Abbott et al., 2006). В России первый перевод методики осуществлен в 2002 г. (А.М. Абдразякова, 2002), впоследствии были осуществлены два варианта адаптации методики (Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко; Л.А. Пергаменщик, Н.Н. Лепешинский). К сожалению, полученные варианты методики сложно использовать при диагностике школьников, поскольку она велика по объему и рассчитана на тестирование взрослых людей.

В 2008 г. нами было принято решение адаптировать Шкалу психологического благополучия К. Рифф для использования в образовательном учреждении. Для этого было решено создать русскоязычный аналог методики, позволяющий проводить диагностику российских школьников. С разрешения К. Рифф нами был выполнен перевод текста методики, проведено исследование 184 учащихся старших классов, произведены уточнение вопросов методики и проверка методики на

валидность и внутреннюю согласованность. Полученная методика обладает хорошими психометрическими показателями, при этом объем предъявляемого текста уменьшен в два раза по сравнению с разработанными ранее русскоязычными вариантами методики. Мы надеемся, что использование адаптированной Шкалы психологического благополучия К. Рифф позволит адекватно определять особенности психологического благополучия школьников и окажет существенную помощь в оптимизации образовательного процесса.

И.О. Загашев

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПСИХОДИАГНОСТИКИ ГОТОВНОСТИ К ИННОВАЦИОННОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Дискуссионность термина «инновация» имеет уже на данный момент свою историю. Нельзя не согласиться с А.Ф. Уваровым и Ю.М. Осиповым, что для «эффективного анализа и правильного принятия решений необходимо установить правильное, соответствующее сегодняшним реалиям, понимание термина «инновация»». Тем не менее, необходимо указать на то, что управление инновационным процессом – это, прежде всего, не технико-экономический вопрос, а вопрос информационно-коммуникативного плана. Предмет инновационного менеджмента субъективируется не в экономических расчетах, а в личностно-деятельностном преломлении указанных показателей. Особенно это утверждение имеет место, когда мы говорим об инновациях в образовательной среде. В этом случае нам не подходят формулы расчета рентабельности, технико-энергетические показатели, так как они неаутентичны результату образовательного процесса. Таким образом, под инновацией «…понимается целенаправленное изменение системы отношений в организации с целью повышения качества деятельности», а инновационный менеджмент – это прикладная отрасль менеджмента, изучающая факты и закономерности целенаправленного изменения отношений в организации с целью получения качественного эффекта. Новшеством является не любое изменение организационной среды, а только то, которое имплицитно предполагает изменение системы отношений. «Перспективным является изменение отношений в образовательной среде посредством освоения его участниками инновационных форм обучения». Следовательно, без анализа динамики отношений в организации, субъективированных в персонале, наши усилия по внедрению системы управления качеством – как наиболее

актуального сейчас примера новшества – обречены на частичные и неустойчивые результаты. Система менеджмента качества является инновацией, поскольку предполагает максимальную «прозрачность» организации учебного процесса, ориентацию на запросы потребителя, объективацию этих запросов, установление объективных взаимосвязей между учебными дисциплинами с позиций «потребителя» и «поставщика» услуги. Таким образом, без учета психологической готовности к инновациям нельзя обоснованно строить кадровую политику. Понятие готовности к инновациям не существует изолированно, а связано с циклами инновационного процесса, сформулированными еще Й. Шумпетером.

Предварительный статистический анализ показал, что содержание готовности к инновациям может быть представлено в восьми вариантах. I. Готовность последовать за лидером. Если преобладает данный аспект готовности к инновациям, то работник поддерживает организационное новшество при условии, что есть лидер, который будет объяснять, брать на себя ответственность, контролировать. II. Готовность при условии материального вознаграждения. Данный работник будет активно поддерживать инновацию и прикладывать усилия, если она, в его представлении, сулит материальную выгоду. Для таких работников, даже если реальная выгода не гарантирована, необходимо создать ощущение, что вознаграждение возможно. III. Готовность при условии возможности взять на себя ответственность за инновацию. Есть работники с ярко выраженными лидерскими наклонностями, которые поддержат новшество, если оно помогает реализовать им себя как руководителя, взять на себя ответственность за дело. IV. Готовность при условии личностной и профессиональной самореализации. Работник готов поддержать новшество, инновацию, если она, в его представлении, связана с личностной и профессиональной самореализацией, поможет ему почувствовать себя профессионально выше. V. Готовность при условии отсутствия серьезных изменений. Работник готов поддержать инновацию, если она в его представлении не несет ощутимых изменений в привычной деятельности. VI. Готовность на основании прошлого опыта. Работник поддерживает инновации, поскольку они связаны с успехом участия в инновациях в прошлом. VII. Готовность на основе позитивного эмоционального восприятия всего нового. Данный работник в принципе хорошо воспринимает все новое и на первых стадиях внедрения инновации он будет ее поддерживать, но если чувство новизны «сойдет на нет», он может «переключиться» на что-то другое.

На основе данной классификации была разработана анкета для оценки преобладающего типа готовности к инновациям. Подобная диагностика позволит принять необходимые кадровые решения в процессе внедрения системы качества и снизить возможные временные риски.

Н.П. Задумова

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ ДЕТЕЙ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ

Исследование коммуникативных качеств личности проводилось с помощью метода анкетирования взрослых, принимающих активное и постоянное участие в обучении и воспитании ребенка. Основу предлагаемой анкеты составили некоторые параметры опросника для экспертного оценивания коммуникативных качеств личности детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста, предложенного Р.С. Немовым (1999), схемы обследования игровой деятельности дошкольников с интеллектуальной недостаточностью, разработанной Л.Б. Баряевой и А. Зарин (2001). Анкетирование предполагало оценку следующих личностных качеств: общительности, эмоциональности, организаторских способностей, эмпатии, альтруизма, конфликтности, вежливости.

В эксперименте приняли участие 68 детей с интеллектуальной недостаточностью. Экспериментальную группу составили 34 ребенка, учащиеся 1–3 классов, с нарушением интеллекта, диагностированным по МКБ-10 как умеренная умственная отсталость (F 71). Контрольную группу составили 34 ребенка с легкой умственной отсталостью (F 70) – воспитанники подготовительных групп специального дошкольного образовательного учреждения и учащиеся первых классов школ VIII вида.

Для оценки результатов исследования была использована математико-статистическая обработка полученных данных по t-критерию Стьюдента. Были выявлены достоверные различия в большинстве исследуемых коммуникативно-личностных качеств в экспериментальной и контрольной группах ($p < 0,05$; $p < 0,01$). Наименее выраженные различия наблюдаются в значениях таких показателей, как вежливость, альтруизм. Детям обеих групп было свойственно недостаточное соблюдение этикетных норм поведения по отношению друг к другу, связанное с проявлениями конфликтных форм поведения; недостаточ-

ность проявлений заботы, помощи по отношению к другим членам детского коллектива. Вместе с тем, было отмечено существенное расхождение значений показателей общительности, организаторских способностей, эмоциональности в экспериментальной и контрольной группах ($p < 0,01$).

Общительность, рассматриваемая как индивидуальная и психодинамическая характеристика индивида, проявляется в стремлении к общению с людьми, легкости, инициативности, устойчивости, разнообразии и широте круга общения (Н.А. Фомина, 2002). Недостаточная сформированность общительности, свойственная детям с умеренной умственной отсталостью, выражалась в неустойчивости или полном отсутствии детских объединений, ограниченности широты круга общения, проявляющейся в предпочтении взрослого в качестве коммуникативного партнера, часто индифферентном отношении к сверстнику. Учащиеся с данной формой психического дизонтогенеза не обнаружили способностей к организации совместной деятельности в группе сверстников: детские объединения отличались кратковременностью, быстрой исчерпываемостью побуждений к сотрудничеству, осуществляемому в вербальной и невербальной форме. Что касается эмоционального компонента общения, связанного с доминированием стенических (радость, оптимизм) или астенических (страх, тревожность, негативизм) эмоций (Н.А. Фомина, 2002; Ю.Л. Ханин, 1973), было выявлено, что если взаимодействие со взрослым протекало у большинства детей с умеренной умственной отсталостью на достаточно благоприятном эмоциональном фоне, то в общении со сверстниками учащиеся чаще демонстрировали безразличие, а в ряде случаев – агрессию, негативизм.

В результате анализа полученных данных не было зафиксировано статистически значимых расхождений в экспериментальной и контрольной группах в проявлении эмпатии. Следует отметить, что переживания эмпатийного характера были чрезвычайно редкими в обеих группах, принимавших участие в исследовании, что обусловлено недостаточной сформированностью навыков социальной перцепции у детей с умеренной и легкой умственной отсталостью. Названные выше особенности, характеризующие коммуникативно-личностные качества детей с интеллектуальной недостаточностью, рассматриваются нами в качестве факторов, негативно воздействующих на формирование вербальных средств общения и их актуализацию в процессе межсубъектного взаимодействия детьми данной группы.

Ю.В. Заманаева, Е.А. Бурина, А.Л. Скачкова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЖИЗНЕННЫХ ОБРЕТЕНИЙ

Психологические закономерности переживания человеком тяжелых жизненных событий – актуальное в последние годы направление в психологической науке и практике. Новизна проводимого исследования состоит в том, что из всех сложных жизненных событий мы выбрали группу событий, которые можно назвать «жизненные обретения». Категория «обретения» воспринимается изначально как положительная, таковыми обычно бывают и ожидания человека. Однако это событие на самом деле приводит к глубокой перестройке его жизненного мира, требует сложной внутренней работы. Происходящие с человеком изменения далеко не всегда приносят в его жизнь гармонию, а подчас и вовсе приводят к серьезным разрушениям в разных жизненных сферах.

Целями исследования являются: выявление общепсихологических закономерностей переживания жизненных обретений, описание видов и психологических характеристик обретений, определение механизмов перестройки смысловой картины жизненных событий. Предмет исследования: переживание человеком жизненного обретения. Материалом для исследования на первом этапе стали тексты биографического характера, описывающие различные жизненные обретения. Всего было проанализировано 55 текстов, созданных людьми разного пола, возраста, жизненного опыта, социальной ситуации, страны проживания. Возраст авторов текстов – от 16 до 60 лет.

Метод анализа текстов – качественный контент-анализ, предполагающий выделение категорий, подкатегорий и единиц анализа. Единицей анализа мы определили суждение (состоящее из одного или нескольких предложений), касающееся переживания обретения. Категории и подкатегории анализа представляют собой конкретные составляющие переживания обретения. Описанные обретения относились к разным сферам жизни: пространство (новая квартира, другой город); профессиональная сфера; социально-психологическая сфера (дети, супруги, друзья); личностная сфера (здоровье; внутренняя гармония); материальные обретения (машина, материальный достаток).

В результате проведенного анализа мы сделали некоторые предположения о структуре переживания жизненных обретений и его составляющих. 1. Характеристика обретения: ожидания от обретения (воплощение детской мечты иметь детей, желание обрести чувство

родины, желание иметь семью); определенное отношение к желаемому новому (представления о том, каким является желаемый объект; предполагаемый смысл обретения); представления о том, какой будет жизнь после появления обретения (попытки представить себе жизнь с любимым, жизнь с ребенком и т. п.). 2. Побудительные мотивы к обретению: внутренний мотив к обретению (ощущение внутренней необходимости включить в свой мир кого-то или что-то новое), внешний фактор (родительские установки, социальная или материальная ситуация). 3. Путь к обретению – представления людей о процессе реализации обретения: собственный вклад в обретение (упорство, вера в собственные силы, пассивность, перекладывание ответственности на других); отношения с теми, кто сопротивляется обретению и кто поддерживает обретение; предположения о закономерности, по которой обретение может произойти (удача, везение, судьба, воля Бога); эмоции и чувства, сопровождающие путь к обретению (страх, сопротивление, сомнения). 4. Обретение и потеря. Этот контекст переживаний возникает после того, как обретение появилось в жизни человека. Здесь присутствуют два аспекта: страх потерять обретенное (любимого человека, работу) и потери как следствие обретения (потеря себя в любви к другому, разочарование в любимом человеке, потеря культурного и социального пространства после эмиграции). 5. Изменения на внешнем плане после появления обретения: изменения в поведении человека, реакция окружающих людей на появление обретения, изменения в организации жизни. 6. Изменения на внутреннем плане после появления обретения: отношения с близкими; отношение к окружающему пространству; эмоции и чувства по поводу обретения (радость, счастье, страх ответственности, разочарование); открытие новых смыслов в обретении (всепрощение как свойство любви; забота и доверие как проявление любви; обретение как воздаяние за страдания).

На основе полученных результатов о структуре переживания и его этапах была создана и апробирована рефлексивная методика «Жизненные обретения». Следующий этап исследования посвящен проблеме перестройки смысловой картины жизненных событий в процессе переживания обретения, диагностики конструктивности происходящих изменений.

Исследование выполняется при поддержке Гранта Президента РФ № МК-828.2009.6.

Т.К. Звиненко

ОСОБЕННОСТИ ТЕМПЕРАМЕНТА И МОТИВЫ ТУРИСТОВ В ВЫБОРЕ ЦВЕТОВОЙ РЕКЛАМЫ

Реклама в современном мире является неотъемлемой составляющей успешного продвижения любого продукта. Среди всех способов отображения рекламной информации одним из наиболее востребованных является графический. Воспринимаются как поверхностные, так направленные на бессознательное компоненты графической рекламы. Психологическое влияние цвета на личность человека изучается уже многие столетия и, по мнению многих ученых, является одним из важнейших при воздействии на психику.

Туристическая деятельность – составляющая экономики любой современной страны. Целевая аудитория этой сферы бизнеса охватывает все слои населения. Поэтому очень важным является правильное составление рекламного сообщения с учетом потребностно-мотивационной сферы личности туристов. Каждый потребитель в первую очередь является человеком с определенным набором черт, в частности особенностей темперамента. Особенности темперамента также оказывают огромное влияние на выбор рекламного сообщения и могут быть частично диагностированы внешне, что может помочь при составлении, например, индивидуального тура. При совмещении знаний о мотивах выбора путешествий, типах темперамента и цветах графической рекламы и правильном воздействии на определенную целевую аудиторию, например, с определенным доминирующим мотивом и с определенным типом темперамента, с помощью бессознательно воспринимаемых компонентов (в частности цвета), значительно увеличивается вероятность покупки именно грамотно оформленного продукта.

Описание потенциальной аудитории туристов также очень важно. Самым распространенным туристским мотивом является мотив безопасности, комфорта, что можно объяснить темпом современного мира и огромным количеством повседневных стрессов: отдыхать едут, чтобы избежать суеты и невзгод. Людьми с подобным туристским мотивом наиболее часто запоминалась реклама с белым фоном и располагающимися на нем сине-зелеными буквами. Ведь выбор белого часто трактуется как стремление избежать суеты, а зелено-голубой демонстрирует потребность в отстаивании своих привычек, например, в комфорте. Второе место занимает туристский мотив в самоактуализации. Самоактуализирующиеся в путешествиях люди наилучшим обра-

зом запоминают рекламу в красных цветах, что является символом успехов, новизны, борьбы и высокой поисковой активности.

Туристы с доминирующим мотивом в принадлежности, любви и общении чаще всего выбирают рекламу с желтым и темно-розовым цветами, демонстрируя склонность к повышенной социальной и эмоциональной активности и романтизированности. Доминирующим мотивом самоактуализации чаще всего обладают сангвиники и высокоактивные личности. Активность данных личностей в психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной сферах превышает норму. Им свойственны желание максимально реализовать себя, узнать много нового и получить опыт. Такие туристы проявят интерес к турам с большим количеством информации, интересных мест и приключений.

Туристы с типом темперамента «неопределенный» наиболее часто обладают доминирующим туристским мотивом безопасности. Неопределенный тип темперамента по В.М. Русалову – это личность со средней активностью и средней эмоциональностью. Свои жизненные ресурсы такие люди расходуют грамотно и не превышают лимитов и норм, что проявляется и при выборе путешествий. Потенциально привлекательным туром для них будет грамотно и четко организованный, без эмоциональных потрясений и повышенных физических нагрузок, безопасный во всех смыслах.

Помимо возможной диагностики мотивов, типов темперамента и цветовых предпочтений в рекламе, важно было определить, следует ли уделять внимание полу туриста в зависимости от его эмоциональности и адаптивности. Уровень эмоциональности у путешествующих мужчин чаще гораздо ниже, чем у представительниц женского пола. Связи между полом и уровнем общей адаптивности обнаружено не было, что может служить опровержением распространенной теории о более высокой адаптивной способности мужчин. Применение знаний о цвете графической рекламы, типах темперамента человека и туристских мотивах поможет выбрать тот цвет графического рекламного сообщения, который наилучшим образом запомнится клиенту и многократно увеличит вероятность покупки, а также будет значительно повышать эффективность составления индивидуального тура. В туристическом бизнесе, все больше делающем упор на индивидуальность, первостепенно важным будет составление путешествия с учетом индивидуально-психологических особенностей и мотивов туриста как человека во всей своей уникальности.

М.В. Зейгер, Д.В. Романов

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ГЛУБИНЫ НАРУШЕНИЙ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ

Проблема оценки степени выраженности нарушений познавательной деятельности у лиц, страдающих психическими расстройствами, приобретает особую актуальность в связи с воссозданием и разработкой новых систем реабилитации психически больных, необходимостью определения эффективности терапии и усложнением клинико-экспертных задач. Наряду с феноменологической оценкой (использованием клинико-психопатологического метода), большое значение имеет экспериментально-психологический метод. При этом, наряду с такими стандартизированными методами оценки интеллектуальных нарушений, как методика Векслера, широко используются батареи, преимущественно основанные на использовании серий более простых заданий, исследующих внимание, память, мышление пациента (сюда относятся так называемые нестандартизированные методики исследования мышления). Психодиагностическая практика характеризуется настоятельной потребностью унификации оценочных подходов, в частности, при решении задачи экспериментальной оценки выраженности когнитивных нарушений.

В патопсихологической диагностике можно выделить три основных подхода к общей оценке глубины нарушений познавательной сферы, при которых степень выраженности нарушений увязывается: с наиболее страдающей когнитивной функцией; с неким «среднестатистическим» показателем (как правило, в основе лежит общее, субъективно-объективное впечатление экспериментатора о качестве познавательной деятельности исследуемого лица); с совокупностью наиболее часто отмечаемых, прослеживающихся в подавляющем большинстве предложенных проб, нарушений когнитивных функций.

В работе психологических служб Самарской психиатрической больницы и психоневрологического диспансера г. Самара в течение десяти лет применялся подход в оценке глубины нарушений когнитивных процессов, разработанный на кафедре психиатрии, наркологии, психотерапии и клинической психологии СамГМУ (Г.Н. Носачев, Д.В. Романов, 2001, 2004).

Предлагается выделять пять уровней (степеней) нарушений: легкая степень, умеренная, умеренно выраженная, выраженная и грубая степень выраженности расстройств. При этом необходимо учитывать, наряду с непосредственной оценкой выраженности когнитивных рас-

стройств, влияние степени нарушений эмоциональной и мотивационной сферы, их взаимовлияния, утяжеляющего степень общего нарушения. Используемый подход предусматривает учет, наряду с количественной оценкой выраженности «патологических» решений испытуемого в ходе эксперимента, оценку состояния критичности и прогностических функций обследуемого лица.

Для разграничения степени выраженности нарушений использовались следующие характеристики: процент отклоняющихся решений в тестовой батарее, включающей: до 15 %; 15–25 %; 25–50 %; 50–75 %; более 75 %; при этом учитывался тот или иной тип нарушения операционного компонента (снижение уровня обобщения, искажение процесса обобщения). Ранжировались нарушения целенаправленности мышления, динамического компонента, адекватности содержания ассоциаций. Исследование критичности мышления предусматривало оценку способности испытуемого отслеживать процесс выполнения заданий и качество решений; замечать ошибки, самостоятельно исправлять их; использовать замечания экспериментатора, подсказку и помощь. Определялась способность пациента усваивать предлагаемый алгоритм помощи в коррекции решений при выполнении серийных заданий. Учитывались направленность и выраженность эмоционального ответа испытуемого при указании на ошибки.

Оценка прогностических функций осуществлялась при помощи серии заданий, направленных на определение способности пациента прогнозировать непосредственные и отдаленные последствия своих действий. Принималась в расчет способность использовать помощь в конструировании будущего. При определении степени тяжести нарушений ранжировались и дифференцированно оценивались другие когнитивные функции, доступные психометрическому исследованию, – восприятие, внимание, память.

Используемый подход показал наибольшую эффективность в практике трудовой и судебной экспертизы, где задача определения степени тяжести нарушений когнитивных функций ставится очень часто. Предлагаемая градация степени нарушений и способ верификации дефекта успешно координировались с клиническими оценками врачей-экспертов и были востребованы.

Последующая разработка исследуемой проблемы может быть направлена на выявление специфических паттернов нарушений когнитивной деятельности, закономерно присущих тому или иному уровню когнитивного дефекта или регресса.

О.В. Иванова, К.Р. Червинская

ВЫЯВЛЕНИЕ СИТУАЦИЙ РАЗДЕЛЕНИЯ ЗНАНИЙ В ОРГАНИЗАЦИОННЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

Знания являются одним из важнейших стратегических ресурсов, ведущих к повышению производительности и эффективности компании. Феномен, благодаря которому в организации происходит взаимообмен знаниями между сотрудниками (и получение ими нового понимания относительно решаемых задач в организации), получил название «разделение знаний» (шеринг). Этот феномен достаточно хорошо изучен в зарубежных исследованиях, однако в российских изданиях наблюдается своеобразный дефицит публикаций на эту тему.

Один из важнейших вопросов, вызывающий множество споров относительно данного понятия, – вопрос о том, является ли шеринг самостоятельным процессом в организации или он сопровождает другие организационные процессы. Мы попытались выявить ситуации шеринга из организационных коммуникаций между сотрудниками в организации. Ведь часто сотрудники, вместе с передачей информации, передают друг другу знания и опыт, что, в свою очередь, помогает организации развиваться. Наше исследование было предпринято с целью обоснования гипотезы о том, что разделение знаний является важным процессом, который может сопровождать другие процессы в организации (в частности, организационную коммуникацию), а значит, можно выделить ситуации организационных коммуникаций, в которых необходимо разделение знаний. На первом этапе в рамках проводимого исследования коммуникации в организации X на кафедре эргономики и инженерной психологии была сконструирована анкета с целью исследования коммуникаций в организации. Она включала в себя показатели взаимодействия между сотрудниками: обсуждаемые в организации темы, частота взаимодействий, достоверность, доступность информации, каналы передачи, важность и критичность информации.

На втором этапе исследования для подтверждения нашей гипотезы мы проанализировали 41 анкету с данными по коммуникациям каждого проинтервьюированного сотрудника организации. Анализ данных анкет показал, что некоторые из ситуаций коммуникаций в организации содержат (включают в себя) ситуации разделения знаний (шеринга). То есть на основе определения феномена разделения знаний из данных анкет нами были выделены ситуации неформальных (из формальных – совещания и семинары) коммуникаций, в которых взаимодействие происходит лично (часто неформально); регулярно (каж-

дый день), либо по нескольку часов в день, либо по мере необходимости (в случае недостатка информации для понимания и эффективного решения задач, непосредственно в данном отделе, либо у определенного сотрудника: например, консультации – как у сотрудников из одного отдела, так и у сотрудников из разных отделов).

В результате данного исследования организационных коммуникаций нами были выявлены ситуации разделения знаний, которые мы условно разделили на семь категорий: инновационные процессы, решение оперативных вопросов, развитие опытных сотрудников, адаптация и обучение новых сотрудников, кроссфункциональное взаимодействие, продвижение продукта и стратегические вопросы, внешний шеринг. Частотный анализ показал, что наиболее встречаемой ситуацией разделения знаний в данной организации является кроссфункциональное взаимодействие, т. е. общение между сотрудниками различных подразделений. Таким образом, было показано, что в организации существуют ситуации, в которых разделение знаний как взаимообмен знаниями между сотрудниками, способствующий возникновению нового понимания относительно решаемых задач, является важным и необходимым процессом, сопровождающим организационную коммуникацию.

Е.Н. Иванова

ТИПОЛОГИЯ ИНТЕРЕСОВ В КОНФЛИКТЕ

Проблема интересов в конфликте имеет большую теоретическую и практическую ценность. Прочное разрешение конфликта возможно лишь при удовлетворении интересов сторон. Без уточнения и дифференциации понятия «интерес» решение данной проблемы не представляется возможным. Мы предлагаем: 1) «узаконить» использование слова «интерес» применительно к конфликту как родовое понятие, обнимающее более частные определения движущих сил в конфликте, выделив при этом его разные уровни; 2) произвести более глубокую дифференциацию обсуждаемого понятия с точки зрения взаимодействия сторон.

Часто при работе с конфликтом встает вопрос, до какого уровня производить углубление понимания интересов сторон. Мы предлагаем следующее понимание интересов и способ выделения их уровней: 1) «интересы» – побудительная сила для вступления сторон в конфликт, определяющая их дальнейшее поведение в нем; 2) интересы

различаются по ряду критериев: степень открытости для другой стороны; осознанности преследующей их стороной; широта области возможностей удовлетворения (опредмечивания); глубина и, соответственно, гибкость, легкость отказа или изменения. В соответствии с этим можно выделить: а) заявленные интересы, представленные в рамках позиции, – открытые; осознанные; наиболее узкие и поверхностные; наибольшая по сравнению с другими уровнями гибкость, возможность изменения; б) интересы-цели – часто первоначально скрытые или частично скрытые, а частично отраженные в позиции; осознанные; шире и глубже; менее гибки, чем на предыдущем уровне; в) интересы-мотивы – более скрытые, чем на предыдущем уровне; не полностью осознанные, но поддающиеся большему осознанию; более широкие и глубокие; менее гибкие и подверженные изменению, чем на предыдущих уровнях; г) интересы-ценности: более скрытые и менее осознанные, чем на двух первых уровнях, хотя могут по этим параметрам и не отличаться от предыдущего уровня; более широкие и глубокие, практически не подлежащие изменению в рамках текущего конфликта; д) интересы-потребности: наиболее скрытые; наименее осознанные; наиболее широкие и глубокие; негибкие, особенно жесткие и насущные в случае их дефицитарного характера.

Для разрешения конфликтов принципиально необходимой является также типология интересов с точки зрения соотношения интересов сторон: 1. Общие интересы – единственная прочная основа для конструктивного разрешения проблемы. 2. Интересы-омонимы (или паронимы) – одинаково или похоже называемые сторонами, но не идентичные. Их выявление способствует более легкому пониманию ими причин поведения друг друга, способствует преодолению эмоциональной изоляции сторон друг от друга, помогает уменьшить влияние когнитивных искажений в конфликте. 3. Разные, но не противоречащие друг другу интересы: а) непосредственно затронутые конфликтом; б) не относящиеся напрямую к актуальному конфликту. Выявление интересов этого типа показывает ресурсы сторон в использовании взаимозависимости, открывает более широкие возможности договоренности, создает благоприятную атмосферу взаимодействия. 4. Противоречащие интересы, из-за которых, казалось бы, и возникает конфликт, часто заводят в тупик попытки сторон справиться с ситуацией. Именно к этим случаям относится рекомендация перехода с уровня позиций на уровень принципиальных интересов. Здесь мы приходим к необходимости переформулирования исходных положений и различения более глубинных интересов (от уровня «б» до уровня «д») и интересов-

позиций. Нами было выдвинуто предположение о том, что усвоение типологии интересов сторон и возможностей ее применения облегчит обучаемым переход с позиций на уровень принципиальных интересов и повысит эффективность разрешения конфликтных ситуаций. Для проверки этого предположения в 2005–2008 гг. автором было предпринято исследование. Испытуемыми были руководители разных рангов (15 групп), студенты (10 групп), юристы (8 групп).

Полученные результаты подтвердили высказанное предположение. Статистически значимой оказалась большая частота перехода от отстаивания позиций на уровень, позволившая им использовать стратегию сотрудничества и успешно справиться с задачей в тех группах, где классификация интересов сторон вводилась до предъявления экспериментальных задач и обсуждались возможности ее применения. Эти же закономерности проявились и при использовании данной классификации интересов в работе с реальными конфликтами в различных областях.

Д.П. Изиева

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ У ДЕТЕЙ

Гендер находится под постоянным влиянием как культурных норм, устанавливающих, что должны делать мужчины, а что – женщины, так и социальной информации, внушающей людям, насколько велика разница между мужчинами и женщинами. Специалисты, занимающиеся психологией развития, обозначают термином «дифференциальная социализация» процесс, в ходе которого мы учим, что есть вещи, которые свойственны одним и несвойственны другим, в зависимости от пола обучаемого.

Зачатки дифференциальной социализации можно увидеть еще до рождения ребенка. Примером служит желание родителей и окружающих знать, кто же родится – мальчик или девочка, ведь от этого уже многое зависит: как они его назовут, какую одежду, игрушки будут покупать, как будут воспитывать. Гендер является очень важной, социальной переменной, и родителям вряд ли понравилось бы, если окружающие допускали бы ошибки в отношении пола ребенка. Уже в 3 года дети с уверенностью относят себя к мужскому или женскому полу (называется гендерной идентификацией). В это время дети начинают замечать, что мужчины и женщины стараются по-разному выглядеть, заниматься разной деятельностью и интересоваться разными

вещами. Как только ребенок начинает замечать различия между мужчинами и женщинами, у него обычно появляется повышенное внимание к ролевым моделям, обладающим тем же полом, что и он сам, обусловленное желанием быть самым лучшим мальчиком или девочкой.

На протяжении жизненного пути материалом для построения гендера служит вся система того, что в данной культуре связывается с мужественностью и женственностью. Учителя, другие дети, родители других детей, родственники, игрушки и телевидение – из всех этих источников ребенок узнает о поведении, которое расценивается обществом как соответствующее тому или иному гендеру. Чтение книг, в содержании которых прослеживается половая стереотипизация, приводит к увеличению доли поло-типичного поведения в детских играх. Хотя недавние исследования показали, что описания гендера в книгах, изданных после 1980 г., в достаточной степени изменились, но библиотеки все еще полны книгами, изданными до этого периода. А в них обычно преобладают персонажи мужского пола и женщины изображаются исключительно в роли хранительниц домашнего очага, тогда как мужчинам предоставлены все возможности.

По мнению Block (1979), у мальчиков игрушки побуждают к изобретательству, преобразованию окружающего мира, помогают развить навыки, которые позже лягут в основу пространственных и математических способностей, поощряют независимое, соревновательное и лидерское поведение. Войдя в магазин, вы сразу же увидите, что большинство игрушек конкретно предназначены либо для мальчиков, либо для девочек. Гендерную принадлежность игрушки часто содержит в себе ее название или упаковка. По статистике взрослые покупают маленьким детям больше игрушек, типичных для пола ребенка. Естественно будет предположить, что это является следствием того, что мальчики и девочки предпочитают разные игрушки и поэтому просят купить им именно их. Мальчики и девочки изначально обладают различной врожденной предрасположенностью, благодаря чему и начинают со временем отдавать предпочтения различным игрушкам. Но, к сожалению, мы не можем исключить возможности, что к тому моменту, когда ребенок начинает отдавать предпочтения игрушкам типичным для его пола, дифференциальная социализация в какой-то мере уже произошла.

Таким образом, существует огромное количество факторов, которые влияют на гендерно-ролевую социализацию человека, начиная уже с самого рождения и на протяжении всей жизни. Социальный мир с самого начала поворачивается к мальчику и девочке разными сторо-

нами. Многочисленные исследования текстов современной литературы и телевизионных передач для детей показали практически повсюду, что наиболее важной характеристикой образа женщины, предлагаемого у них, является его незаметность: женщины значительно реже представлены в главных ролях, названиях, картинках, их деятельность менее интересна и социально не вознаграждается, чаще всего сводится к помощи герою-мужчине. Исходя из этих данных, неудивительно, что, уже начиная с возраста 5–6 лет и далее число девочек, говорящих, что они хотели бы быть мальчиками, и играющих в мальчишечьи игры, значительно превосходит число мальчиков, высказывающих кросс-сексуальные предпочтения.

М.Н. Ильина

АДАПТАЦИЯ МЕТОДИКИ ВЕКСЛЕРА ДЛЯ ДОШКОЛЬНИКОВ

Из психометрических тестов диагностики интеллекта в нашей стране широко используется детский вариант теста Д. Векслера (WISC) (адаптация Панасюк, 1973). Этот тест рассчитан на детей от 5 лет. Для детей более раннего возраста на Западе применяется вариант методики Д. Векслера (WPPS) для дошкольников 4–6,5 лет. В нашей стране этот тест еще не использовался, поэтому основной задачей исследования является апробация, адаптация, доказательство надежности и валидности этого теста. С этой целью было проведено исследование интеллектуального развития детей в возрасте от 4 до 6,5 лет по методикам Д. Векслера для дошкольников (WPPSI), Д. Векслера для детей (WISC) и методике Стэнфорд–Бине. Общая выборка испытуемых составила 164 человека (88 мальчиков и 76 девочек). Из них 44 ребенка в возрасте от 4 до 5 лет и 60 детей в возрасте от 5 до 6,5 лет с нормальным интеллектуальным развитием на момент обследования посещали массовые детские сады; 30 детей от 5 до 6,5 лет (23 мальчика и 7 девочек) с задержкой психического развития преимущественно церебрально-органического генеза посещали коррекционный детский сад для детей с ЗПР; 30 детей от 5 до 6,5 лет (20 мальчиков и 10 девочек) с умственной отсталостью легкой степени посещали детский сад коррекционного типа для детей с умственной отсталостью.

Математическая обработка полученных данных проводилась по программе, разработанной на факультете психологии СПбГУ. Сравнительный анализ результатов по методикам WPPSI и WISC в группе нормальных детей свидетельствует о довольно близких значениях по всем субтестам. Сравнительный анализ вербального, невербального и

общего интеллекта по двум методикам показал практически полное совпадение результатов диагностики. Аналогичные результаты сравнения получены в группах детей с умственной отсталостью и детей с ЗПР.

Проверка валидности и надежности методики WPPSI осуществлялась и методом корреляций («надежность взаимозаменяемых форм» по А. Анастази, 1982). Коэффициент надежности соответствует высокому коэффициенту корреляции между результатами по тестам WISC и WPPSI: между общим IQ – 0,88; вербальным – 0,79; невербальным – 0,62. Доказательством надежности методики WPPSI является также надежность частей теста (Л.Ф. Бурлачук, 2002). У А. Анастази этот метод называется методом расщепления, а коэффициент надежности – коэффициентом внутренней согласованности. Полученные положительные корреляции между частями теста WPPSI (для общего IQ – 0,97; для вербального – 0,89; для невербального – 0,96) также свидетельствуют о надежности методики. Критерием валидности теста является показатель принадлежности индивида к определенной группе. При сопоставлении результатов по методике WPPSI у детей с нормальным интеллектом, детей с ЗПР и с умственной отсталостью оказалось, что эта методика обладает большой дифференцирующей силой, т. е. дает возможность отделять детей, имеющих ЗПР, от нормы, детей с умственной отсталостью от нормы, детей с ЗПР – от детей с умственной отсталостью (различия достоверные, $p < 0,0001$). Дети с ЗПР попали в результате обследования по методике WPPSI в диапазон IQ от 80 до 94 баллов, а с умственной отсталостью – от 65 до 79 баллов. Валидность этого теста подтверждает также корреляция его показателей с показателями теста Стэнфорд–Бине (Kr = 0,75). Эти результаты совпадают с данными зарубежных психологов. Например, А. Анастази указывает на высокие связи (на уровне 0,82) показателей общего интеллекта по шкале Стэнфорд–Бине и шкале WPPSI. Таким образом, можно считать, что надежность и валидность теста WPPSI достаточно высокая.

Использование теста WPPSI в диагностике дошкольников позволяет своевременно поставить клинико-психологический диагноз, определить психологическую структуру дефекта и разработать комплексную психокоррекционную программу для детей. Особое значение данная методика имеет для психолого-медико-педагогических комиссий, когда принимается решение о наиболее оптимальном типе дошкольного учреждения для ребенка.

Е.А. Ипполитова

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ДИАГНОСТИКЕ КРИЗИСНОГО СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОСТИ

Современные условия социальных перемен и экономических кризисов, задающие ощущение зыбкости настоящего и тревоги за завтрашний день, затрудняют процесс преодоления критических периодов жизненного пути личности, способствуют усугублению кризисного состояния, развитию дезадаптивных реакций, возникновения разного рода затруднений и негативных переживаний. Поэтому представляется актуальной проблема своевременной диагностики и психологической профилактики негативной динамики кризисного состояния человека. На современном этапе развития психологии проблематика кризисного состояния изучена с разных сторон. В работах Е.Ф. Василюка, Э.Ф. Зеера, В.А. Конторович, Е.И. Крукович, А.А. Осипова, В.Г. Ромек, В.Д. Трунова и других авторов рассматриваются проблемы переживания личностью различных видов кризисов, включая возрастные, жизненные, профессиональные, семейные.

Опираясь на исследования отечественных и зарубежных психологов, можно сделать вывод о том, что кризисное состояние включает комплекс реакций и переживаний человека (депрессивное состояние, тревога, нарушения восприятия, мышления, поведения, переоценка ценностей и др.) и затрагивает различные личностные сферы. В этой связи необходимым представляется структурирование реакций человека на кризис, в основе которого лежит в кризисном состоянии ряд составляющих, а именно ценностно-смысловой, эмоциональный, когнитивный, поведенческий и временной компоненты. Так, по мнению В.Е. Василюка, кризисная ситуация всегда в той или иной степени приводит к разрушению привычных жизненных ценностей, человек теряет смысложизненные ориентиры, мировоззренческую опору, которая позволяет ему жить, работать, общаться с людьми. Согласно Д.В. Трунову, эмоциональный компонент – это самый выраженный компонент кризисного состояния, эмоциональная реакция человека на те или иные события, которая включает депрессию, чувства вины, обиды, тревоги, злобы, беспомощности, безнадежности, одиночества. В.А. Конторович, Е.И. Крукович, В.Г. Ромек, Д.Г. Трунов и другие полагают, что в кризисном состоянии появляются сложности с концентрацией внимания, запоминанием и воспроизведением информации, т. е. отмечаются нарушения в когнитивной сфере. В свою очередь поведенческие особенности отражают психологические проблемы че-

ловека и выражаются в дезорганизации деятельности, скованности, зажатости, напряжения, неусидчивости и др.

Необходимо отметить тот факт, что становится все более очевидной связь кризисных состояний и фактора времени. Так, по мнению Р.А. Ахмерова, А.А. Кроника, Ю.Г. Овчинниковой, И.А. Ясиной и других авторов, изменение хода субъективного времени, его скорости, личностной включенности, насыщенности, глубины временной перспективы, прерывание связи «прошлое–настоящее–будущее» является одним из главнейших признаков кризисного состояния личности. Данный признак позволяет не только определить наличие кризиса, но выявить самую его суть, механизм протекания. Таким образом, теоретически обоснованным представляется комплексный подход к диагностике кризисного состояния личности, включающий анализ содержания и взаимосвязи ценностно-смыслового, эмоционального, когнитивного, временного и поведенческого компонентов.

Опираясь на указанный подход, был проведен цикл исследований, направленных на выявление специфики кризисного состояния людей, переживающих профессиональные, семейные, возрастные кризисы (методика «Личностный профиль кризиса» А.Е. Тарас, методика «Тест временной перспективы» Ф. Зимбардо, методика измерения уровня тревожности Дж. Тейлора, методика «Дифференциальная диагностика депрессивных состояний» В. Зунге, методика «Диагностика уровня субъективного ощущения одиночества» Д. Рассел и М. Фергюсон и др.), общее количество респондентов 230 человек. Установлено, что в зависимости от типа критической ситуации меняется структура кризисного состояния, доминирующими становятся разные эмоции, поведенческие проявления, когнитивные затруднения, временные ориентации, трансформируется взаимосвязь данных психических явлений, что может стать основой оказания целенаправленного психологического воздействия на личность, переживающую кризис определенного рода.

Д.А. Исаева

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ

В психологии существуют разные подходы, рассматривающие понятие «профессиональная идентичность» (ПИ), а также ее структуру, генезис и условия формирования. В отечественной психологии представления о ПИ развивались в русле исследований самосознания и

самоопределения в профессиональной сфере, а также как один из аспектов профессиональной «Я-концепции». В настоящее время ряд ученых рассматривают ПИ как «результат процессов профессионального самоопределения, персонализации, самоорганизации, проявляющийся в осознании себя представителем определенной профессии и профессионального сообщества, определенная степень отождествления себя с “Делом” и “Другими”, проявляющаяся в когнитивно-эмоционально-поведенческих аспектах “Я”» (Л.Б. Шнейдер, 2007).

За рубежом широкую известность приобрела концепция статусов идентичности Дж. Марсиа, исходившего из понимания идентичности как «структуры “Эго”, внутренней, самосозидающейся, динамической организации способностей, убеждений и индивидуальной истории и проявляющейся через поиск способов выхода из кризисов», в том числе в профессиональной сфере. Статусная модель идентичности получила признание и у отечественных авторов (Н.В. Антонова, 1996; Н.В. Заковоротная, 1999; А.А. Азбель, 2003; В.Р. Орестова, 2001 и др.), которые также выделили 4 статуса, состояния идентичности, по критериям наличия–отсутствия кризиса идентичности и принятия неких обязательств по выходу из него.

Мы рассматривали ПИ как отождествление себя с определенной профессиональной группой людей, принятие ее целей и ценностей, осознание себя членом этой группы (А.А. Азбель, 2003). Цель исследования состояла в изучении показателей ПИ на этапах выбора профессии и начала профессионализации. В исследовании приняли участие учащиеся 11 классов, слушатели подготовительных курсов гуманитарного факультета СПбГЭТУ (25 человек), студенты 3-го курса, обучающиеся по специальности «Лингвистика, теория и практика межкультурной коммуникации» (27 человек).

В проведении исследования были использованы методики: Дж. Голланда, фотоисследование «Пять фотографий» Х. Абельса, «Полуструктурированное интервью» Дж. Марсиа (модификация В.Р. Орестовой). По результатам исследования статусов ПИ составлена таблица, из которой видно, что большинство старшеклассников и студентов пребывают в неадекватных статусах ПИ: в предрешенном, для которого характерно совершение профессионального выбора под влиянием значимых других, а также в моратории, кризисе профессионального самоопределения. Лишь 24 % старшеклассников и 26 % студентов совершили осознанный выбор профессии, основанный на предварительном взвешивании различных профессиональных альтернатив, соотнесении своих интересов, способностей и возможностей. Несмот-

ря на то, что студенты находятся на этапе профессионального обучения, 74 % из них продолжают испытывать трудности с профессиональным самоопределением.

Для выявления факторов, которые могли способствовать достижению ПИ, был проведен корреляционный анализ, с помощью которого была выявлена прямая связь выраженности достигнутой ПИ с обоснованностью профессионального плана ($p < 0,05$), а также с уровнем развития «Я-физического» в структуре Я-концепции. В то же время корреляционный анализ выявил следующие связи. Выраженность статуса ПИ мораторий имеет обратную связь с наличием сформированного профессионального плана ($p < 0,05$), а выраженность предрешенной ПИ образовывает обратную связь с обоснованностью профессионального плана ($p < 0,05$) и прямые связи со значимостью хобби и работы в жизни испытуемых ($0,01 < p < 0,05$).

Таким образом, достижение профессиональной идентичности в период профессионального выбора и на начальном этапе профессионализации связано с совершением обоснованностью профессионального выбора. Для испытуемых, пребывающих в статусе мораторий, характерно отсутствие сформированного профессионального плана. Выбор профессии испытуемых, совершенный под влиянием значимых других, чаще оказывается необоснованным и сопровождается смешением сфер работы и хобби в Я-концепции. Проведенное исследование свидетельствует о том, что молодые люди на этапах выбора профессии и начала профессионализации сталкиваются с существенными трудностями профессионального самоопределения и остро нуждаются в психологической поддержке.

Исследование поддержано грантом РГНФ, проект № 10-06-00490а.

М.И. Казанжи

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ КОМПЛЕКСА МЕТОДИК, ДИАГНОСТИРУЮЩЕГО ФАСИЛЯТИВНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Изучение фасилятивности традиционно осуществляется в рамках психологии и психотерапии (К. Роджерс, О. Кондрашихина, Н. Аминов, М. Молоканов, И. Жижина, Е. Врублевская и др.), а также образования, внедрения новых педагогических технологий (Р. Димухаметов, Л. Тимонина, О. Пакулова, С. Степанов и др.). Накопленные сведения указывают на необходимость всестороннего эмпирического изучения фасилятивных проявлений в поведении человека. Отметим, что фаси-

лятивность изучалась разными методами: с помощью ситуативного теста «собеседование» (Н. Аминов, М. Молоканов, 1992), набора задач открытого типа (О. Кондрашихина, 2004), тест-опросника (И. Жижина, 2000) и др.

Однако многогранность фасилятивности и социальная желательность ее проявления указывают на необходимость детализированной диагностики, которая проводилась бы вне зависимости от профессиональной деятельности человека, была экономичной, валидной, надежной, по возможности стандартизированной. Поэтому нами был создан комплекс методик, направленных на диагностику различных аспектов фасилятивности. В него входят тесты, основывающиеся на самооценке испытуемыми своих качеств и методики проективного типа, что позволяет нивелировать элемент социальной желательности и получить разносторонние данные об одном психическом феномене, т. е. созданные измерительные инструменты дополняют друг друга и позволяют получить достаточно полную диагностичную картину фасилятивности человека. Были созданы: 1) «Тест-опросник фасилятивного потенциала личности»; 2) «Методика исследования смысловой мотивации помощи»; 3) «Методика диагностики индивидуальных отличий фасилятивности личности по сферам проявления» (М. Казанжи, 2009). «Тест-опросник фасилятивного потенциала личности» является самооценочной методикой.

Под фасилятивным потенциалом понимается личностное образование, представляющее собой единство двух интегральных составляющих: актуализационной и ресурсной (собственно потенциальной). Актуализационная представлена ценностно-смысловым, потребностно-мотивационным (по сути, они являются мотивационными – разделение условно для более полного изучения) и поведенческим компонентами. Ресурсная составляющая представлена способностями, обеспечивающими фасилятивное влияние (сюда входят эмоциональный, когнитивный и волевой компоненты). Именно этот теоретический конструкт лежит в основе данного тест-опросника.

Так как выраженность фасилятивности во всех сферах жизнедеятельности неодинакова, уникальна, то для ее исследования создана «Методика диагностики индивидуальных отличий фасилятивности личности по сферам проявления», которая представляет собой набор из 15 ситуаций. По результатам применения можно судить о выраженности фасилятивности в пяти сферах жизнедеятельности (обучения и воспитания – семейных – дружеских – профессиональных – общечеловеческих отношений). Создавая модели ситуаций, мы старались сде-

лать их максимально приближенными к реальной, будничной жизни (без излишнего драматизма, нагнетания эмоций и пр.). При разработке опирались на работы О. Кондрашихиной, В. Веселовой, С. Нартовой-Бочавер и др. Еще один созданный измерительный инструмент – «Методика исследования смысловой мотивации помощи» представляет собой набор из 20 незаконченных предложений, которые требуют дополнения. Анализ результатов позволяет определить смысловую мотивацию оказания помощи другому человеку (среди выделенных смыслов есть и фасилитация).

По результатам применения можно вычислить индексы фасилитации, ингибиции, децентрации, центрации, экзистенциальности, негативности и коммуникативности. Основные принципы, которыми руководствовались при создании методики, – построение собственно незаконченных предложений (методика Сакса, Леви) и изучение динамических смысловых систем (методика предельных смыслов Д. Леонтьева). Предполагается также возможность проведения методики в форме диалога. Разработка каждой методики проходила в несколько этапов. Сначала анализировались теоретические предпосылки, подбирались индикаторы (утверждения, незаконченные предложения, ситуации), проводились пилотажные исследования, происходило усовершенствование тестового материала и т. д. Естественно, была выполнена всесторонняя проверка надежности и валидности, однако процедура стандартизации не коснулась проективных методик. Полученные результаты говорят о достаточной надежности и валидности созданных методик, поэтому их целесообразно использовать как в научных исследованиях, так и в практической деятельности.

В.В. Калита

ПРИМЕНЕНИЕ ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ПРИ ВЫБОРЕ И ОЦЕНКЕ ЛОГОТИПА КОМПАНИИ

Осенью 2009 г. после объявления тендера на разработку нового логотипа компании «Норд» было получено более двадцати вариантов (23 шт.) логотипов. Выбор и оценка наиболее соответствующего логотипа осуществлялась нами по следующему алгоритму. На первом этапе отбора была привлечена группа элитарных экспертов (руководители компании «Норд») для проведения процедуры первичного отсева логотипов. Из группы предложенных логотипов им было предложено отобрать три «наиболее подходящих» по следующим критериям:

а) «концепция варианта логотипа в целом»; б) «цветовая гамма»; в) «графические элементы»; г) «шрифт»; д) «оригинальность»; е) «лаконичность»; ж) «соответствие профилю компании». В результате экспертизы каждому логотипу был присвоен собственный балл как сумма экспертных оценок; три логотипа, набравшие максимальные баллы, прошли во второй тур экспертного отбора.

На втором этапе оценки предполагалось соотнести каждый из трех выбранных логотипов с «эталонным образом» компании «Норд». Такое эталонное представление о компании обычно содержится в концепции компании. Реальная (а не формальная) концепция должна включать структурно-функциональные характеристики, отражающие объективные особенности компании, ее существенные признаки, отличающие ее от других (конкурентных или просто похожих) компаний. Концепция предполагает также описание перспектив, в каком направлении предполагается развитие компании, и какие условия для движения в нужном направлении считать существенными. Логотип, по существу, должен символически транслировать концепцию компании потребителю.

Мы предположили, что носителями концепции компании (а следовательно, и ее существенных признаков) являются руководители высшего звена. Это было начальным допущением при планировании и построении модели 2-го этапа исследования. На группе элитарных экспертов – руководителей высшего звена был проведен опрос с целями: а) реконструировать идеальный (эталонный) образ компании «Норд», б) на основании значимых для экспертов признаков построить шкалу, годную для оценки как самой компании, так и ее логотипа, в) эксплицировать профиль характеристик компании «Норд», совпадающих у большинства экспертов. Профиль семантических универсалий компании рассматривался нами в качестве своеобразной нормы, с которой мы в дальнейшем могли сравнивать оценки возможных логотипов.

Несмотря на то, что при выборе наиболее подходящего логотипа использовалась целая группа психодиагностических методик, основным количественным инструментом оценки соответствия выбираемых логотипов эталонному представлению был выбран семантический дифференциал (СД). Для решения поставленной прикладной задачи были разработаны две авторские шкалы частного биполярного и униполярного СД.

Используя ответы экспертов, характеризующих «Норд» как компанию, а также возможные характеристики ее логотипа, нами были

выделены более 700 дескрипторов-характеристик, потенциально применимых к оценке или конкретно компании «Норд» или аналогичной ей по профилю деятельности компании. В дальнейшем число характеристик было сведено к 250: совпадающие по смыслу характеристики были объединены, стилистически выверены; каждой черте был найден смысловой антипод (антоним); наиболее характерные и наиболее частотные дескрипторы были включены в бланки частных семантических дифференциалов (95-шкального биполярного частного СД и 35-шкального униполярного СД).

Для решения задачи точной верификации логотипа (его соответствия – несоответствия образу компании в глазах потребителя – клиента), был эксплицирован эталонный профиль компании «Норд». Для этого руководителям было предложено заполнить бланк предварительного семантического дифференциала, сопоставив свое представление о компании «Норд» с предложенными шкалами (характеристиками). Математическая обработка производилась методом расчета «квантильных универсалий» Е.Ю. Артемьевой (80 % и 90 % уровень частоты встречаемости). На третьем этапе была проведена окончательная оценка макетов логотипов на целевых группах потенциальных клиентов компании «Норд». Целевым группам были предложены потенциальные логотипы компании «Норд» в виде отдельно оцениваемых стимулов в одинаковом формате презентации.

Полученные результаты качественной и количественной оценки были сопоставлены с эталонными характеристиками, полученными ранее. На основании полученных результатов был произведен окончательный выбор логотипа.

А.А. Каменских

ФЕНОМЕН «МАКСИМИЗАЦИИ – УМЕРЕННОСТИ» В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕМ

Современное российское общество, пришедшее на смену советского общества товарного и символического дефицита, характеризуется материалистическим отношением к вещам и относительным товарным изобилием. Потребление вещей становиться массовым, а выбор трудным и дорогостоящим. В такой ситуации процесс принятия решения может оказывать неблагоприятное влияние на человека и нести за собой отрицательные последствия. В связи с этим данный вопрос является актуальным в настоящее время.

Нами был проведен литературный обзор по выбранной теме. Феномен «максимизации – умеренности» берет начало из работ Герберта А. Саймона, который впервые поднял вопрос о рациональности достижения максимального результата в процессе принятия решения и ввел понятие Satisficing – удовлетворенность. Он предположил, что в сложных ситуациях, учитывая издержки на поиск и анализ информации, следовать правилам удовлетворительного выбора выгоднее, чем делать попытки глобальной оптимизации.

Наиболее полно феномен «максимизации – умеренности» описан в работе Б. Шварца «Парадокс выбора. Почему больше значит меньше». В ней автор вводит два понятия: «максимизатор» и «умеренный», которые определяют людей с полярными склонностями к достижению результатов при принятии решения потребителями. Максимизаторы стремятся найти только самое лучшее решение и всегда нуждаются в уверенности о том, что это именно оно. Но так как такое возможно, только если знать все альтернативы, что зачастую является непостижимой задачей, максимизаторы не испытывают чувства удовлетворенности от принятого ими решения. Умеренные же останавливаются, принимая решение, когда находят соответствующий их определенным критериям вариант и не волнуются о существовании других альтернативных решений, которые они не рассматривали. Для диагностики склонности к максимизации Б. Шварцем и его коллегами был составлен опросник из 13 пунктов, в котором предлагается выразить степень согласия с утверждениями. Большая степень согласия говорит о большей склонности к максимизаторской тенденции. В «максимизаторах» обнаруживаются следующие особенности: они чаще сравнивают продукты друг с другом, как до покупки, так и после; у них уходит больше времени на принятие решения о покупке; сравнивают свои решения о покупке с решениями других людей; чаще испытывают сожаление о совершении покупки; долго раздумывают о гипотетических альтернативах уже сделанной покупки; испытывают меньше положительных чувств о совершении покупки; меньше радуются позитивным событиям, чем «умеренные», и тяжело переживают негативные; им требуется больше времени, чтобы восстановить душевное равновесие после негативных событий. Б. Шварц считает, что склонность к максимизации может играть роль в развитии депрессии, так как такие люди постоянно не удовлетворены и не уверены в своем решении.

Следует обратить внимание на то, что существуют и другие личностные особенности, которые могут оказывать влияние на принятие решения. Авторами, исследующими процессы принятия решения, бы-

ло установлено, что лица, генерирующие значительное количество альтернативных решений, обладают такими свойствами, как установка на внешнее окружение (экстравертность), низкий уровень тревоги, вера в собственные силы. Противоположные же свойства не благоприятствуют продуктивному процессу. Число установленных последствий действия зависит от таких личностных факторов, как высокая самооценка, циклотимические наклонности (здесь под этим понимается преувеличенное стремление личности к максимальному предвидению последствий своих поступков). Также было установлено, что люди с выраженной интернальностью проявляют большую активность в поисках информации, чем люди с внешней стратегией. Они больше считаются с информаций о результатах своих действий, более устойчивы к давлению общественного мнения и влиянию пропаганды.

Таким образом, в дальнейшем следует подтвердить или опровергнуть наличие связи между феноменом «максимизации – умеренности» и другими личностными особенностями, влияющими на решение, на примере сферы потребления. Этому будет посвящено будущее практическое исследование в этой области.

А.В. Карасева, Е.А. Бочеева, А.И. Олейникова

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ Я-КОНЦЕПЦИИ У УМСТВЕННО ОТСТАЛЫХ ДЕТЕЙ

Актуальность проблемы формирования и развития Я-концепции у умственно отсталых детей обусловлена высокой долей детей с данным диагнозом в категории ребенок-инвалид, страдающих психиатрическими заболеваниями. По данным Д.Н. Исаева, 50 % выпускников коррекционных школ становятся правонарушителями. Умственно отсталые лица обладают повышенной внушаемостью и оказываются несамостоятельными в принятии решений и в осуществлении поступков.

В свою очередь, самосознание во многом определяет личностное развитие и особенности регуляции поведения человека в обществе. Это указывает на необходимость более детального изучения особенностей формирования и динамики развития Я-концепции умственно-отсталых детей и подростков. Актуальность изучения Я-концепции у олигофренов обусловлена тем, что представления о себе не только выполняют интегрирующую функцию, но и обеспечивают реализацию самостоятельной регуляции поведения и контроля собственной деятельности, эмоциональных проявлений. Это особенно важно для про-

цесса социализации детей и подростков. Согласно исследованиям П.П. Столяровой когнитивный и эмоциональный компоненты Я-концепции образуют «своеобразный психологический монолит». Как следствие отсутствует личностная соотнесенность собственной деятельности и отношений.

И.Л. Гольдфельд выявил следующие особенности содержания когнитивного компонента Я-концепции детей младшего, среднего и старшего школьного возраста с легкой умственной отсталостью. У младших школьников представления о себе сжатые, скудные, временное измерение Я-концепции представлено только Я-настоящим, которое ограничивается одним-двумя днями. Школьники описывают только свои устойчивые характерологические черты, используя прилагательные широкого значения (хороший, нормальный, красивый и т. п.). В среднем школьном возрасте содержание Я-концепции расширяется, появляются характерологические свойства, описывающие нравственные и эмоциональные качества. В старших классах в Я-концепции школьников с легкой умственной отсталостью появляются схематичные представления о себе в будущем. В содержании представлений о себе старшеклассников отмечаются различные уровни сформированности Я-концепции. Однако общей особенностью содержания их Я-концепций является ее недостаточная реалистичность.

В исследовании Т.И. Кузьминой выявлена положительная динамика в развитии содержания образов Я и структуры Я-концепции у детей и подростков с легкой степенью умственной отсталости. Отмечается взаимосвязь уровня развития Я-концепции и устойчивости поведенческих реакций лиц с умственной отсталостью. В младших классах у детей в структуре Я-реального отмечается положительное, эйфоричное отношение к себе, наделение себя несуществующими положительными качествами. В Я-социальном у детей проявляется ожидание положительного отношения к себе от других людей. В среднем школьном возрасте в Я-концепции отмечается смена положительного, эйфоричного отношения к себе на противоречивое. С одной стороны, отмечается наделение себя несуществующими положительными качествами, а с другой – умаление своих существующих достоинств, элементы самоуничижения. В Я-реальном прослеживается осознание своего дефекта, желание скрыть его.

На этапе юношеского возраста лица с легкой умственной отсталостью становятся ориентированными на выход в социум, хотят узнать больше о других, стремятся быть принятыми. Приобретает важность сфера отношений с противоположным полом, причем не только для

девушек, но и для юношей. Я-концепция у юношей в целом формируется, как и на предыдущих возрастных этапах, с большими трудностями. Таким образом, специфика Я-концепции детей и подростков с легкой умственной отсталостью выявляется в психологических исследованиях по следующим параметрам. Я-концепция умственно отсталых детей и подростков формируется на более поздних этапах развития по сравнению с их здоровыми сверстниками. Имеет место специфика содержания Я-концепции детей и подростков с легкой умственной отсталостью. Особенности динамики формирования Я-концепции проявляются в неравномерности и замедленных темпах ее развития. В целом, развитие Я-концепции происходит в двух направлениях: увеличивается степень ее сформированности и изменяется качественное своеобразие.

М.М. Карнелович

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДИКИ В.Э. МИЛЬМАНА В ПСИХОКОРРЕКЦИИ

Мотивация определяется исследователями как совокупность механизмов, определяющих возникновение, направление и способы осуществления конкретных форм деятельности и поведения личности. В ходе психокоррекции всегда существует необходимость выявления ведущих мотивов в иерархической системе.

Целесообразным для решения этой задачи является использование методики В.Э. Мильмана «Психодиагностика мотивационной сферы личности» (вариант для взрослых). Группы мотивов, диагностируемые с помощью данной методики, следующие: мотивация поддержания жизнеобеспечения; мотивы комфорта и безопасности; статусно-престижная мотивация; мотивация общения, присоединения к группе; мотивация общей активности; мотивация творческой активности; мотивация общественнополезного поведения. Для полноты диагностики общей мотивационной сферы личности каждая из семи мотивационных шкал подразделяется на четыре подшкалы: общежитейская мотивация, т. е. относящаяся ко всей сфере жизнедетельности; рабочая, относящаяся к сфере профессиональной деятельности; идеальное состояние мотива, т. е. уровень собственно побуждения, устремления; реальное состояние мотива – то, насколько клиент расценивает данный мотив удовлетворенным в настоящее время, а также то, сколько им для этого затрачивается усилий.

По результатам ответов испытуемого строятся мотивационные профили, отражающие «идеальное» и «реальное» состояние того или иного мотива. Результаты диагностики используются психологом при разработке личностно-ориентированной коррекционной программы, адресованной клиенту за счет учета желаемого и реального уровней мотивации.

В нашей практике имеется опыт использования данной методики при работе с руководителями среднего звена по профилактике и преодолению синдрома психического выгорания у данного контингента работников. Были выявлены статистически значимые различия в мотивации профессиональной деятельности руководителей среднего звена с разным уровнем выгорания. У руководителей с низким уровнем выгорания преобладает мотивация производительного характера (общей активности, творческой активности, общественной пользы) и превышение общего уровня этих мотивов над мотивацией потребительного типа. Уровень реализации статусно-престижной мотивации находится выше желаемого; наблюдается «недосыщение» «идеального» показателя производительной мотивации в профессиональной сфере. Одноименные показатели «идеального» и «реального» уровней мотивации жизнеобеспечения и комфорта в профессиональной деятельности руководителей данной категории сходны, т. е. удовлетворение этих мотивов примерно соответствует его уровню значимости для управленцев.

Выявленные характеристики мотивации профессиональной деятельности руководителей данной группы играют значимую роль в профилактике эмоционального выгорания. У руководителей со средним уровнем выгорания доминируют мотивы потребительного типа (поддержание жизнеобеспечения, комфорта и безопасности, статусно-престижная мотивация). Они стремятся в первую очередь обеспечить себя и своих близких материальными ресурсами жизни, удовлетворить потребности, связанные с телесными нуждами, приобретением, развлечениями. Стремление заниматься творческой и общественно полезной активностью занимает последние места. Имеет место превышение «идеального» показателя мотивации жизнеобеспечения и стремления к социальному престижу над соответствующим показателем «реальной» мотивации; это означает заметное недосыщение в удовлетворении данных групп мотивов.

В отношении мотивации общественной пользы наблюдается противоположная картина: при незначительном стремлении к альтруистичному поведению имеет место значительное его удовлетворение,

т. е «пресыщение». Значительное недосыщение в удовлетворении статусно-престижной мотивации и мотивации комфорта выявлено у руководителей с высоким уровнем эмоционального выгорания, причем статусно-престижная мотивация является для них главным стимулом профессиональной деятельности. Руководители данной группы стремятся к реализации прежде всего мотивов потребительного типа. На основе полученных эмпирических данных были разработаны коррекционные программы по преодолению психического выгорания руководителей среднего звена.

Положительный опыт использования данной методики позволяет рекомендовать ее для широкого использования в практической работе психолога.

К.В. Карпинский

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАГНОСТИКИ СМЫСЛОЖИЗНЕННОГО КРИЗИСА В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

Современная психология операционализирует и превращает в диагностические конструкты сложные феномены человеческого бытия, исконно служившие предметом отвлеченного философствования и теоретизирования. К числу этих феноменов принадлежит смысл жизни и обусловленный его отсутствием, утратой, распадом или перестройкой кризис личностного развития человека. В философских и психологических концепциях он называется по-разному – «экзистенциальный невроз», «кризис бессмысленности», «смыслоутрата», «метапатология», «кризис ноодинамики» и т. д., но наиболее удачно его психологическую специфику схватывает термин «смысложизненный кризис». За последние десятилетия психология значительно продвинулась в разработке и применении методов диагностики смысла жизни и смысложизненного кризиса в развитии личности. Однако прогресс в данной области осуществляется очень неравномерно, что порождает методические затруднения в исследовательской и практической деятельности психологов.

На сегодняшний день психологическая наука располагает большим арсеналом специализированных личностных опросников, направленных на распознавание общего уровня осмысленности жизни и отдельных его составляющих. На этом фоне реестр диагностических методов, предназначенных для выявления смысложизненного кризиса в развитии личности, выглядит куда более скромно. При необходимости

оценить наличие и глубину переживания кризиса психологи обычно тестируют испытуемого с помощью методов изучения осмысленности жизни и формулируют выводы «от противного», т. е. трактуют низкие показатели как свидетельство кризисного состояния. Такой подход к диагностике смысложизненного кризиса в развитии личности является теоретически необоснованным и методически некорректным. Он произрастает из упрощенного представления о кризисе как о состоянии абсолютной бессмысленности или критически низкой осмысленности, которое является по своей феноменологии как бы «негативным снимком» осмысленной жизни.

В действительности феноменологическая картина кризиса обладает качественной спецификой, которая не сводится к недостатку осмысленности в жизни. Переживание бессмысленности – это всего лишь один из многих признаков, который к тому же сопутствует далеко не всем формам и разновидностям кризиса смысла жизни. Наряду с традиционно изучаемыми кризисами бессмысленности и смыслоутраты, которые всегда пронизаны острым чувством бессмысленности, выделяется особая группа кризисов, которые вызваны неадекватностью, дисгармоничностью индивидуального смысла жизни по содержательным и формальным параметрам, а также неоптимальной стратегией его практической реализации. Для феноменологии этих кризисов характерен удовлетворительный или даже высокий уровень осмысленности, поскольку смысл все же присутствует в жизни, но качество выполнения им отражательных и регуляторных функций в жизнедеятельности личности остается критически низким.

С другой стороны, в условиях бескризисного существования и развития личности общий уровень осмысленности жизни является не фиксированной константой, а плавающей переменной. В зависимости от реальных успехов личности в практической реализации смысла жизни он может колебаться в широком диапазоне и, в частности, опускаться до низких значений, что само по себе еще не указывает на наступление смысложизненного кризиса. Все это говорит о том, что осмысленность жизни и смысложизненный кризис являются длящимися психическими состояниями в развитии личности, которые проявляются относительно независимо друг от друга. Даже высокий уровень осмысленности жизни не исключает наличия кризиса, равно как и отсутствие кризиса не гарантирует чувства осмысленности жизни. История психологии знает множество случаев, когда вслед за уточнением и усложнением концептуальных представлений о психическом явлении изменяются и методические подходы к его эмпирическому изучению.

Результаты современных исследований, посвященных осмысленности жизни и смысложизненному кризису, убеждают в том, что эти качественно различные феномены должны диагностироваться с помощью строго специализированных методов.

К.В. Карпинский, Т.К. Комарова

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЙ КРИЗИС КАК ПРЕДМЕТ РАБОТЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА

Кризисные состояния традиционно являются предметом консультативной, коррекционной и терапевтической работы практических психологов. К их числу принадлежит смысложизненный кризис, который продуцирует широкий круг психологических проблем в повседневной жизни человека, провоцирует вариативные отклонения и отставания в его личностном развитии, служит источником нарушений его психического и даже соматического здоровья. Разнообразные методы психологической помощи человеку, страдающему от данного кризиса, предложены экзистенциально-ориентированными психологами и психотерапевтами.

Несмотря на практическую эффективность, эти методы зачастую основываются на ограниченных теоретических представлениях о феноменологии, этиологии и патогенном потенциале смысложизненного кризиса в развитии личности. В большинстве концепций смысложизненный кризис рассматривается как состояние абсолютной бессмысленности, обусловленное либо отсутствием смысла в жизни и неспособностью его отыскать, либо утратой смысла жизни в критической ситуации и невозможностью его восстановить. Определяющим признаком этого состояния выступает полное отсутствие ценностей, которые могли бы устойчиво побуждать к жизни, придавать ей мотивационную привлекательность и эмоциональную насыщенность, а также направлять личность на преобразование наличных жизненных обстоятельств в соответствии с субъективным образом желаемой и должной жизни. Таков традиционный взгляд на детерминацию смысложизненного кризиса, в основе которого зачастую лежат плохо осознаваемые и не всегда верные допущения: 1) наличие смысла в жизни является безусловным благом для личности и залогом ее прогрессивного развития, продуктивности, благополучия, адаптации и здоровья; 2) отсутствие или разрушение смысла жизни неизбежно оборачиваются для личности психологическими проблемами; 3) при этом совсем не важно, ка-

ков этот смысл по своим содержательным и формальным (структурным, функциональным, темпоральным, энергетическим) параметрам. В реальности далеко не всякий смысл жизни служит фактором восходящего развития, жизненной продуктивности и устойчивого благополучия личности. При определенных условиях смысл жизни превращается из блага, отвечающего одной из насущных потребностей, в бремя, которое мешает нормальной жизнедеятельности личности. В этой связи актуализируется вопрос о психологических критериях адекватности, гармоничности, оптимальности смысла жизни, о механизмах и закономерностях его деформации, а также о путях и средствах его коррекции. Очевидно, что искажение психологических свойств и функций смысла жизни приводит к всевозможным срывам, нарушениям личностного развития, которые составляют достаточно обширную группу смысложизненных кризисов.

В отличие от «классических» кризисов бессмысленности и смыслоутраты, подобные кризисы еще практически не исследованы психологической наукой. Во многом это объясняется особенностями возникновения и протекания таких кризисов, которые вызревают изнутри и незаметно для носителя дисгармоничного смысла жизни, не приурочены к наступлению определенных жизненных событий и не привлекают к себе внимания бурной, стремительной динамикой. Эти кризисы характеризуются стертой, смазанной феноменологической картиной: в ней нет той интенсивности, болезненности, регулярности и тотальности субъективных переживаний, которая выделяет кризисы бессмысленности и смыслоутраты. Они легко маскируются другими негативными психическими состояниями (депрессией, тревогой, напряженностью, усталостью, эмоциональным выгоранием и т. д.) и сложны для диагностики, поскольку из их феноменологии может «выпадать» главный идентифицирующий признак традиционно изучаемых кризисов – резко пониженный уровень общей осмысленности жизни. Этот формально-динамический показатель, наоборот, может быть удовлетворительным или даже высоким, поскольку смысл все же присутствует в жизни, но качество выполнения этим смыслом отражательных, регуляторных, коммуникативных и прочих функций в жизнедеятельности личности остается критически низким. Парадоксально, но факт: движущее противоречие кризиса может корениться не в том, чтобы найти, сохранить и довести до практической реализации адекватный смысл жизни, а в том, чтобы освободиться от неадекватного смысла, воздержаться от его воплощения в жизнь, нейтрализовать его деструктивное влияние на развитие личности.

А.Ф. Качанов

ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА МЕНЕДЖЕРОВ НА УСПЕШНОСТЬ ПРОДАЖ

В современном обществе нельзя представить себе практической деятельности психолога без различных видов групповой работы с детьми или с взрослыми. При всем ее содержательном и методическом разнообразии очень часто она обозначается одним общим термином – тренинг. Тренинг – это метод активного обучения, направленный на развитие знаний, умений и навыков и социальных установок. Тренинги становятся все более распространенной формой обучения, и в последние годы все больший интерес вызывают бизнес-тренинги. Они только входят в наше общество, тогда как на западе, а особенно в Соединенных Штатах Америки, практика подобных процедур давно уже заняла свое прочное место среди всевозможных методов, положительно влияющих на всестороннее развитие полноценной личности.

Бизнес-тренингами является вид обучения, который направлен на формирование или повышение уровня деловых навыков и умений сотрудника или группы сотрудников компании или фирмы. Бизнес-тренинг решает задачи не только индивидуального развития сотрудников, но и развития организации в целом, так как тренинг одного и того же содержания может быть ориентирован на решение проблем различного масштаба (индивидуального, системного, стратегического). Роль и место бизнес-тренинга, его подготовка и проведение отражают поддерживающую или инновационную стратегию обучения в организации: тренинг имеет поддерживающий характер, когда организация функционирует стабильно, а в условиях организационных изменений бизнес-тренинг является инструментом преобразования, обеспечивает управление изменениями и носит инновационный характер.

С 2008 по 2010 гг. наблюдаются определенные тенденции на рынке бизнес тренингов: повысилось количество программ для руководителей, что связано с тем, что компании пересматривают стратегии развития, меняют структуру бизнеса и стратегии продвижения продукции; программы для HR менеджмента стали четко ориентированы на работу с персоналом; значительно возрос спрос на краткосрочные тренинги с высокой интенсивностью по 4–8 часов, особенно на тренинг продаж и на динамично развивающийся тренинг «Эмоциональный интеллект». Эмоциональный интеллект – психологическая концепция, возникшая в 1990 гг. и введенная в научный обиход Питером Сэловэем и Джоном Майером. Сэловэй и Майер определяют эмоциональный

интеллект как «способность воспринимать и понимать проявления личности, выражаемые в эмоциях, управлять эмоциями на основе интеллектуальных процессов». То есть эмоциональный интеллект, по их мнению, состоит из 4 частей: 1) способность воспринимать или чувствовать эмоции, как свои собственные, так и другого человека; 2) способность направлять свои эмоции в помощь разуму; 3) способность понимать то, что выражает та или иная эмоция; 4) способность управлять эмоциями.

В данной работе рассматривается эмоциональный интеллект и такие личностные качества менеджеров среднего звена, как стрессоустойчивость и толерантность, в контексте такой трудовой деятельности, как реализация одежды, для их дальнейшей диагностики, с целью их будущего развития с помощью проведения тренингов и выявления того, как личностные качества и эмоциональный интеллект коррелируют с уровнем продаж. С целью эффективной диагностики эмоционального интеллекта на основе других тестовых методик автором был разработан тест на изучение эмоционального интеллекта, куда входили 74 вопроса, классифицированные по 6 модулям: «Поведение», «Знание», «Понимание своих эмоций», «Мотивация», «Выражение эмоций», «Эмпатия и социальная интуиция». В ходе исследования были получены данные, подтверждающие наличие корреляции между высоким уровнем эмоционального интеллекта и успешным выполнением плана продаж за три месяца. В дальнейшем планируется проведение тренинга «Эмоциональный интеллект» и тренинга эффективных продаж. Также в данной работе освещаются проблемы организационного консультирования, бизнес-тренингов, а именно тренинга продаж и тренинга на повышение эмоционального интеллекта, рассматриваются роль и специфика работы тренера и коучера для будущего развития фирмы, организации и клиента.

М.М. Кашапов

ДИАГНОСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В РАБОТЕ ПСИХОЛОГА

Профессиональное мышление рассматривается нами как высший познавательный процесс поиска, обнаружения и разрешения проблемности, выявления внешне не заданных, скрытых свойств познаваемой и преобразуемой действительности. В качестве единицы мышления профессионала мы рассматриваем проблемность как неотъемлемую черту познания, выражающую субъективное состояние познающего.

Проблемность порождает процессы мышления и рефлексии, направленные на «снятие» профессионально-значимых противоречий. Творческий компонент профессионального мышления характеризуется обнаружением субъектом надситуативной проблемности и проявляется в конструктивном выходе за привычные схемы мышления и действия. Диагностика надситуативной проблемности включает в себя систему показателей: критичность мышления; доказательность и обоснованность своей профессиональной авторской позиции; способность ставить проблемные вопросы и вести дискуссию; готовность к адекватной самооценке.

Все это предполагает активную разработку и внедрение в практическую деятельность профессионала условий и средств диагностики умений обнаруживать надситуативную проблемность. Профессионализм мышления выражается в умении видеть направление развития современных производственных проблем и находить наиболее эффективные средства их решения. Тактической задачей исследования профессионального мышления является поиск оснований для сравнения ситуативного и надситуативного уровней мышления. Решение данной задачи неразрывно связано с пониманием обобщенности цели профессиональной деятельности, поскольку отсроченный характер принятых и реализованных творческих решений приводит к иерархичности процессов и результатов мышления.

Особенно важным в этой иерархии является умение увидеть, сформулировать сверхзадачу с учетом позитивной дальней и ближней перспективы. Именно в умении устанавливать надситуативную проблемность выражается конструктивность и конкретность мышления профессионала. Благодаря актуализации надситуативного типа мышления происходит преобразование профессиональной деятельности, приводящее к совершенствованию себя как субъекта. В процессе исследования мышления профессионалов установлена значимая корреляционная связь между основными компонентами творческого мышления (мотивационно-целевой, креативный, прогностический, рефлексивный) и уровнем обнаружения надситуативной проблемности. Высокий уровень проявления указанных компонентов обусловливает обнаружение надситуативной, а низкий уровень их актуализации – ситуативной проблемности в решаемой ситуации. Знание психологической природы творческого мышления позволяет более адекватно рассматривать принципы творческого мышления.

К содержательным принципам, лежащим в основе развития творческого мышления, относятся: принцип системности; дополнительно-

сти; превентивности; мультиплицированности; контекстности. К числу процессуальных принципов можно отнести: 1. Видение взаимосвязи компонентов профессиональной деятельности; выявление их проблемности (рассогласования). 2. Поиски различных подходов (чем больше наборов рассмотрения данного явления, тем выше эффективность творческого мышления). 3. Высвобождение из-под жесткого контроля шаблонного мышления. 4. Использование случая (снять урожай результатов случайных взаимодействий идей). 5. Нахождение и реализация новых идей в своей работе. Учет данных принципов позволяет адресно ориентироваться на исследование процесса и продукта профессионального мышления. Основным вектором такого мышления является снятие проблемности и разрешение конкретной ситуации, которое несет за собой некий обобщенный способ действия.

Дальнейшее прикладное значение наших разработок проблем когнитивных характеристик конфликтной компетентности четко выражается в двух областях: 1) методическое оснащение исследований (разработан пакет психодиагностических методик); 2) самосовершенствование качеств творческого мышления по программе «КРЕАТИВ», ориентированных на обучение оптимальному разрешению конфликтных ситуаций. Оценка эффективности образовательной программы проводилась по следующим критериям: адекватность, экономичность, оперативность, креативность профессионального мышления.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ; проект № 10-06-00459а.

А.С. Кашапов

О ДИАГНОСТИКЕ КОНФЛИКТОУСТОЙЧИВОСТИ СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ КУРСОВ

Одной из главных проблем нашего времени является возрастание значения проблемы, связанной с жизненным определением молодых людей, с «вхождением» их в общество. Нами предпринято исследование динамики социально-психологической адаптированности и конфликтоустойчивости студентов младших курсов с целью выявления зависимости социально-психологической адаптированности от конфликтоустойчивости студентов 1 курса. Для реализации намеченной цели было проведено лонгитюдное исследование.

На основании сравнительного анализа групп студентов-психологов и студентов-биологов (t-критерий Стьюдента) нами было выявле-

но, что мотивация избегания неудач выражена больше у биологов, чем у психологов. Для психологов же в гораздо большей степени, чем для биологов, характерно проявление доминирования. Проведенное лонгитюдное исследование позволило установить, что у обследованных нами студентов (психологов и биологов) на протяжении обучения на 1 и 2 курсах наблюдаются увеличение значения по показателю «соперничество» и снижение значения по показателю «компромисс». Также нами установлена отрицательная динамика по показателю «мотивация стремления к успеху». Индекс когерентности структуры (ИКС) определяется суммированием положительных корреляционных связей с учетом их значимости, индекс дивергентности структуры (ИДС) – отрицательных корреляций.

В нашем исследовании организованность, характеризующая объединение качеств в целостную структуру, выступает одной из основных предпосылок обеспечения эффективности учебной деятельности. Индекс организованности структуры (ИОС) социально-психологических качеств студентов-психологов является выше, чем у студентов-биологов. Это может свидетельствовать о том, что учебная деятельность студентов-психологов является более организованной, а механизмы ее обеспечения более эффективными.

Индекс организованности структур социально-психологических качеств студентов, обучающихся на бюджетной и договорной основе, а также студентов, проживающих в Ярославле и приезжих, практически одинаковы, это может свидетельствовать о том, что данные показатели не оказывают значимого влияния на механизмы организации учебной деятельности. Индекс дивергентности структуры (ИДС) указывает на то, в какой мере в структуре представлены дифференцирующие тенденции. Установлено, что индекс дивергентности структуры значимо выше у студентов, обучающихся на бюджетной форме обучения, по сравнению со студентами-договорниками, а также более выражен у студентов, проживающих в Ярославле, чем у приезжих студентов. По индексу дивергентности структуры между студентами факультета биологии и психологии значимых различий не видно. Это свидетельствует о «несинтезированности» качеств в структуре личности студентов бюджетной формы обучения и студентов, проживающих в Ярославле.

Проведенное лонгитюдное исследование позволило установить, что у студентов (психологов и биологов) на протяжении обучения на 1 и 2 курсах наблюдается увеличение значения по показателю «соперничество» и снижение значения по показателю «компромисс». У сту-

дентов психологического факультета второго курса выше значения по показателям «адаптация» и «самопринятие» по сравнению со студентами-второкурсниками биологического факультета. Это может быть связано с тем, что специфика профиля обучения на психологическом факультете оказывает влияние на успешность адаптации студентов. Установлено, что стремление к доминированию и использованию стратегии избегания в конфликте более характерно для студентов, обучающихся на бюджетной основе.

По результатам методики Эллерса установлено, что у приезжих студентов выше мотивация стремления к успеху по сравнению с ярославскими студентами. Иногородние студенты больше нацелены на достижения в учебной деятельности, поскольку вынуждены рассчитывать в большей степени на себя и свои силы в учебной деятельности. Следовательно, в ситуации конфликта студенты-биологи склонны использовать конструктивную стратегию поведения. Для них характерен высокий уровень эмоциональной саморегуляции, однако при этом они не всегда готовы принимать на себя ответственность за свои действия. Выявлено, что у данной группы студентов мотивация избегания неудач доминирует над мотивацией стремления к успеху, а принятие других – над самопринятием.

И.А. Кибальченко

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ МЕТОДИКИ «РИСУНОК УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ОПЫТА»

Критерий развития познавательной деятельности учащегося – символизация своего опыта. Дж. Брунер доказал, что для выражения предметов опыта в языке и для оперирования им в мышлении необходимо предварительное условие – сам опыт ребенка должен получить определенную структуру символического характера. Актуальность изучения соотношения универсальности и специфичности в представлениях учащихся об опыте учебно-познавательной деятельности обусловлена влиянием индивидуальных различий на его ментальную представленность, предопределением характера интеллектуальной деятельности и особенностями репрезентации происходящего (М.А. Холодная, 2002). Изучая особенности образного компонента учебно-познавательного опыта, можно создать условия, где обучающийся и педагог занимают позицию аксиологического отношения к опыту субъекта учения и приобретают ценную психологическую информацию о нем.

Особый интерес в связи с этим представляют работы М.В. Осориной по экспериментальному исследованию образного языка понятийной мысли и психологическим особенностям восприятия картин ребенком (О.Л. Некрасова-Каратаева, М.В. Осорина, 1998), Дж. Паскуаль-Леона по трем типам схем. Исходя из исследований О.Л. Некрасовой-Каратаевой, М.В. Осориной, можно сделать вывод, что рисунки обучающихся, как и художественные картины, это особое пространство личностных смыслов, переживаний, установок, мнений, опыта, добытого и воплощенного в художественной форме обучающимся. В процессе рисования своего учебно-познавательного опыта обучающийся может вести рефлексивный диалог с собой, но если тема рисования имеет для него смысл, прожита им. Успешность этого диалога зависит от ряда факторов: знание своего опыта; открытость ему (знание своих сильных и слабых сторон); рефлексивная способность; сформированность рефлексивной самооценки. В рисунке могут проявляться и проблемы обучающихся в учебной деятельности: его отношение к формированию учебно-познавательного опыта; страхи, комплексы, неуверенность; проблемы взаимоотношений и т. д.

Психологические принципы анализа картин и рисунков, предложенные О.Л. Некрасовой-Каратаевой, М.В. Осориной, основаны на убеждении, что все изображенные объекты являются носителями смыслов, информационными сгустками, воплощенными в образах. Эти смыслы существовали для автора, если он их отобразил, но не обязательно, что они им были полностью осознаны и отрефлексированы. Помогая обучающимся проанализировать свой учебно-познавательный опыт, нужно обратить их внимание на то, что любой объект, имеющий самостоятельный статус существования в поле рисунка, так же как и в поле картины, является «героем» рисунка.

Для анализа рисунков обучающихся мы использовали стадию формулировки обобщенных смыслов по О.Л. Некрасовой-Каратаевой, М.В. Осориной. Задача этой стадии анализа состоит в обобщении полученной информации и выходе на уровень понимания содержания такой темы рисунка, как учебно-познавательный опыт, базовых смыслов и интенциональности, заложенных в нем. В связи с этим критериями обработки рисунков учащихся стали характеристики: обобщенность образа (на основе исследования М.А. Холодной); структуры опыта, в которых фиксируются инварианты различных ситуативных взаимодействий человека со своим окружением (Pascual-Leon, 1970; 1987). Присваивались 1–3 балла за степень обобщенности образа и за тип структуры (схемы) опыта. Таким образом, исходя из результатов

исследований Л.М. Веккера, М.А. Холодной, О.Л. Некрасовой-Каратаевой, М.В. Осориной, для изучения ментальных образов учебно-познавательного опыта использовался метод их реконструкции через рисунки. Мы полагали, что индивидуальные характеристики учебно-познавательного опыта обусловливают характер его ментальной представленности и его структуры. В процессе работы предлагалась инструкция: «В процессе учения Вы приобретаете учебно-познавательный опыт, который используете в жизни. Вам предлагается описать и изобразить свой учебно-познавательный опыт. И помните, что владение навыками рисования в данном случае роли не играет». Через ментальный образ учебно-познавательного опыта обучающиеся передают основные характеристики их опыта в целом и содержат ценностное (личностное) отношение к нему.

Методика апробирована в группах 120 подростков, 159 старшеклассников и студентов. Интегральный показатель надежности («альфа» Кронбаха): бk = 1,273821, ч2 = 327,7429, при $p \leq 0{,}001$, что указывает на надежность и согласованность предлагаемой методики.

И.А. Кибальченко, А.А. Астахова

РАЗРАБОТКА ТЕСТА «ПОСЛОВИЦА НЕ ЗРЯ МОЛВИТСЯ»

Трудно перечислить все определения, которые языковеды дают пословице. Как один из видов монотематического текста она характеризуется смысловой, структурной, коммуникативной целостностью, и модель ее понимания может выступать моделью понимания текстов в целом. В психологии пословицы являются средством умственного развития в важном направлении – ориентировке в нестандартных ситуациях, самостоятельном поиске нужного обобщения, замаскированного яркими, но несущественными частностями (О.В. Соболева). Этот аспект изучения пословиц и стал основой использования их в качестве стимульного материала при разработке методики, направленной на оценку и обобщение обучающимися своего опыта.

В процессе анализа более 2500 пословиц были выделены наиболее часто встречающиеся психологические категории (всего 10), характеризующие опыт обучающегося: способ формирования опыта; учебный опыт в жизни; инициатива в его формировании; анализ опыта; сильные и слабые стороны опыта; его гармоничность и конфликтность; развитие и характеристики опыта. Анализируемые пословицы первоначально были распределены авторами по 10 категориям с учетом двух осно-

ваний: однозначные пословицы для каждой категории и многозначные. Полученное распределение было подвергнуто экспертизе семью экспертами, которые оценивали однозначные пословицы по 3 баллам в зависимости от степени соответствия основанию. По суммарным оценкам для дальнейшего рассмотрения пословиц в качестве стимульного материала были оставлены только те, которые набрали более 2,5 баллов.

В итоге по каждой категории было оставлено по 5 однозначных пословиц. Весь стимульный материал был получен из 50 однозначных пословиц по категориям и 50 многозначных пословиц. Таким образом, получена компактная методика диагностики опыта обучающихся, соединяющая в себе достоинства стандартизованного измерительного теста и индивидуализированной проективной техники. Она разработана по аналогии с методикой ТЮФ (А.Г. Шмелев, В.С. Бабина), поэтому имеет те же характерные особенности.

Первая особенность – это прием свободной тематической классификации, относящийся к числу методов экспериментальной психосемантики. Психодиагностический потенциал этого метода заключается в том, что субъект зачисляет в один класс с однозначным стимулом, имеющим валентный категории семантический признак в качестве единственного классификационного основания, многозначные стимулы, включающие этот признак (А.Г. Шмелев, В.С. Бабина). Выявление большого класса свидетельствует о наличии доминирующего аспекта в формировании опыта, а его содержание соответствует содержанию темы.

Второй особенностью методики является специфический стимульный материал – пословицы, позволяющие экспериментально реализовать психодиагностические возможности метода тематической свободной классификации. Все использованные пословицы были опубликованы в отечественных источниках. Каждая пословица предъявляется в процессе работы на отдельной карточке. Стимульный материал может быть изменен или дополнен при необходимости. Процедура проведения теста проста и занимает примерно 30 минут. Психодиагност предлагает инструкцию: «Вам предлагается распределить пословицы в группы по предлагаемым темам. Придумайте темы, которые Вам интересны, и выберите для них пословицы». Полученные результаты предлагается занести в бланк ответов для дальнейшей обработки. По ходу работы психодиагност должен предоставить испытуемому максимальную свободу в том, как он классифицирует карточки по темам, поощряя всякое его решение. Это позволит исключить у испыту-

емого колебания, если он не знает, в какой класс занести многозначную пословицу. Идентификация 10 стандартных тем по категориям опыта обучающихся производится по «ядерным» (термин А.Г. Шмелева, В.С. Бабиной) однозначным пословицам. Воспользуемся их приемом: если в i-й класс попали 3 и более однозначные фразы из j-й темы, то i-й класс можно отнести к j-й теме. В итоге проводится количественная и качественная обработка результатов.

Как отмечают Е.А. Климов, О.Г. Носкова, в целом мир пословиц и поговорок – богатая кладовая народного опыта, источник сведений не только для писателей и лингвистов, но и для этнопсихологии, психологии труда и ее истории. Разработав описанную методику, можно расширить психологический инструментарий для изучения опыта обучающихся как основного продукта их труда.

Н.Н. Киреева

ЦЕННОСТИ СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Психологическая культура становится актуальной не только в связи с фундаментальной потребностью людей в безопасности и защищенности, но и для более эффективной социальной адаптации (необходимость отвечать все более усложняющимся требованиям социума к личности) и более полной самоактуализации. Психологическая культура является «механизмом эффективной и продуктивной адаптации человека в социуме, доминантой психологического здоровья и фактором качества любой человеческой деятельности» (В.В. Семикин). Е.А. Климов рассматривает психологическую культуру как «часть общей культуры человека (как члена семьи, гражданина, специалиста), предполагающую освоение им системы знаний в области основ научной психологии, основных умений в деле понимания особенностей психики (своей и окружающих людей) и использование этих знаний в обыденной жизни, в самообразовании и профессиональной деятельности».

Сформированность психологической культуры, как считает В.В. Семикин, является результатом большой внутренней работы человека «по сопряжению и гармонизации собственных жизненных интересов и потребностей с интересами окружающего мира и социума». В этом проявляется одна из основных функций психологической культуры личности – гармонизирующее-синергическая (Л.С. Колмогоро-

ва), сущность которой заключается в гармонизации внутреннего мира человека, в создании непротиворечивой Я-концепции и состояния внутреннего благополучия, в обеспечении полноценной духовной и душевной жизни человека, повышении качества жизни, степени удовлетворенности жизнью. Все эти характеристики практически определяют и состояние психического здоровья личности. Психологическая культура – интегральное психическое образование.

Одним из центральных компонентов психологической культуры является ценностно-смысловой, представляющий совокупность личностно-значимых и личностно-ценных стремлений, идеалов, убеждений, взглядов, позиций, отношений и взаимоотношений с окружающим миром и людьми. Б.С. Братусь определяет личностные ценности как «осознанные и принятые человеком общие смыслы его жизни».

Цель нашей работы – изучение ценностей в контексте психологической культуры студентов (50 чел.) философского факультета. Использовался опросник Шварца, позволивший выявить иерархию типов ценностей у студентов, мотивационные типы. Исследование показало, что приоритетными ценностями являются «самостоятельность», «доброта» и «гедонизм», что свидетельствует о стремлении студентов к самостоятельности мышления и выбору способов действий в жизни, общении, в творчестве, исследовательской активности. Для них большое значение имеет благополучие близких людей. Важное место в жизни отводится чувственным удовольствиям и наслаждениям. Возможно, эти ценности, эти цели недостаточно удовлетворены. Отвергаемыми ценностями являются «конформность», «власть» и «традиции», показывающие, что культурные и религиозные обычаи не являются значимыми для студентов. Они не стремятся соответствовать социальным ожиданиям, сдерживать действия и побуждения, не стремятся доминировать над другими людьми и ресурсами. Ценности «достижения», «стимуляции» и «универсализм» занимают соответственно четвертое, пятое и шестое место в иерархии ценностей.

В иерархии ценностей студентов с разным уровнем психологической культуры существуют некоторые различия. У студентов с высоким уровнем психологической культуры наиболее значимыми являются ценности самостоятельности, стимуляции, доброты и гедонизма, а потом уже достижения и универсализм, отвергаемыми ценностями являются безопасность, конформность и традиции. Для студентов со средним уровнем психологической культуры предпочитаемыми ценностями являются самостоятельность, достижения, доброта и гедонизм, отвергаемыми ценностями – безопасность, власть, традиции. Для

студентов с низким уровнем психологической культуры наиболее значимы самостоятельность, доброта, гедонизм и универсализм; незначимы – безопасность, власть, традиции. Предпочтение ценностей достижения и стимуляции характерно для студентов с высоким и средним уровнем психологической культуры. Они более активны, стремятся к новизне, к глубоким переживаниям. Иерархия ценностей студентов с низким уровнем психологической культуры позволяет характеризовать их как склонных к аффилиации, желающих быть полезными и терпимыми к людям, но не стремящихся к личным достижениям.

Проведенное исследование показало взаимосвязь уровня психологической культуры студентов и их иерархии ценностей.

М.М. Ковалева

ТИПЫ ПОВЕДЕНИЯ СПОРТСМЕНОВ С РАЗЛИЧНЫМИ КОГНИТИВНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ Я-КОНЦЕПЦИИ

В настоящее время в психологическом сопровождении спортсмена недостаточно методов, базирующихся на современных концепциях теории личности и поведения. В частности, отмечается дефицит исследований Я-концепции и типов поведения спортсменов. Отсутствие данных о выраженности когнитивных компонентов Я-концепции и их взаимосвязях с типами поведения в спортивно-значимых ситуациях не позволяет в полной мере учитывать в психологическом сопровождении глубинные личностные особенности, самооценку и направленность самопознания спортсмена. А без учета этих показателей крайне затруднительно прогнозировать и корректировать неэффективное для спортивной ситуации поведение.

На основании анализа литературы (Р.М. Загайнов, Е.П. Ильин, Г.Б. Горская) мы предположили, что высоко- и низкоуспешные спортсмены обладают различными типами поведения в спортивно важных ситуациях, при этом типы поведения спортсменов взаимосвязаны с особенностями когнитивных компонентов их Я-концепции. Для проверки данной гипотезы было проведено исследование когнитивных компонентов Я-концепции и типов поведения успешных и неуспешных спортсменов в спортивно значимых ситуациях.

Итогом проведенного исследования стали следующие результаты. Имеют место различия в представленности экспрессивных, инструментальных и интенциональных черт в Я-концепции высоко- и низкоуспешных спортсменов. У высокоуспешных спортсменов-легкоатле-

тов преобладают экспрессивные черты. Наряду с личностными чертами доминирует и карьера, преимущественно описываемая высокоуспешными спортсменами как прошлый спортивный путь. Только высокоуспешные спортсмены включают в представления о себе социальное окружение.

Однако, по результатам корреляционного анализа, между показателями успешности деятельности высокоуспешных спортсменов-легкоатлетов и представленности в их Я-концепции социального окружения установлена значимая отрицательная связь. Это может свидетельствовать о том, что в своем самосознании спортсмен связывает социальные взаимодействия с отрицательным влиянием на успешность своей спортивной деятельности. У низкоуспешных спортсменов преобладают интенциональные черты. Для низкоуспешных спортсменов не является характерным употребление карьеры, хотя отдельные спортсмены описывают карьеру как потенциальные достижения, возможные под руководством тренера, т. е. социального окружения. Я-концепция низкоуспешных спортсменов, по сравнению с Я-концепцией высокоуспешных спортсменов, более структурированная, жесткая.

По результатам математического анализа данных по тесту Томаса в группах высокоуспешных и низкоуспешных спортсменов мы обнаружили значимые связи между типом поведения и успешностью. Тип поведения спортсменов не привязан к успешности, так как в группах высоко- и низкоуспешных спортсменов мы увидели значимые связи с одними и теми же типами поведения: соревнование, сотрудничество, компромисс. Это может свидетельствовать о том, что спортсмены в различных ситуациях реагируют достаточно гибко и выбирают оптимальный тип поведения в зависимости от внешних обстоятельств. Также, с помощью коэффициента корреляции Спирмена, мы сравнили данные по методикам Томаса и Куна. У высокоуспешных спортсменов обнаружена значимая положительная корреляция между типом поведения сотрудничество и экспрессивными чертами; отрицательная связь – между компромиссом, избежанием, приспособлением и экспрессивными чертами. Это свидетельствует о том, как типы поведения отражаются в Я-концепции.

Таким образом, высокоуспешные спортсмены отражают в своей Я-концепции такой тип поведения, как сотрудничество, и, наоборот, не осознают такие типы, как компромисс, избежание, приспособление. У низкоуспешных спортсменов обнаружена положительная значимая связь между типом поведения соперничество и интенциональными чертами, отрицательная связь – между компромиссом, избежанием,

приспособлением и интенциональными чертами. Прикладным аспектом изучения взаимосвязи типов поведения и Я-концепции спортсменов является возможность использования полученных результатов для индивидуализации психологического сопровождения спортсменов.

С.В. Ковальчук

ПРОБЛЕМА СТИЛЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАКТИЧЕСКИХ ПСИХОЛОГОВ

Актуальность изучения процесса становления стиля профессиональной деятельности психолога значительно повысилась на сегодняшний день в связи с ростом потребностей современного общества в услугах психолога-профессионала. Отметим, что понятие стилей профессиональной деятельности является прерогативой отечественной психологии в отличие от западной традиции, для которой данное понятие не свойственно. Стили профессиональной деятельности трактуются отечественными психологами С.А. Дружиловым, А.В. Либиным, В.А. Толочек и др. как постоянные, достаточно стойкие, целостные психические образования, которые включают сознательные и несознательные механизмы адаптации человека (как в активной, так и в пассивных ее формах) в профессиональную среду. Стиль профессиональной деятельности выступает не только как необходимое условие профессионализма, но именно как его творческое начало.

Поскольку трудовая и профессиональная деятельность является важнейшей частью жизнедеятельности вообще, то стиль профессиональной деятельности человека является частью стиля его жизни. Стиль жизни, по Адлеру, – это детерминанта, которая определяет и систематизирует опыт человека. Проанализировав исследования таких психологов, как Н.А. Аминов, А. Анастази, Н.В. Бачманова, И.А. Владетельная, Г. Кеттелл, Н.М. Лизунова, М.В. Молоканов, К.А. Рамуль, Н.А. Стафурина и др., мы обнаружили, что психологов дифференцируют на два подкласса – психологов-исследователей и психологов-практиков.

Мы выделили, что задания деятельности зависят от направления работы и заключаются: психолога-исследователя – в понимании и объяснении психических явлений, овладении законами развития и функционирования психического; психолога-практика – в решении актуальных для человека и группы людей проблем психологического развития и функционировании в определенных условиях.

Среди общих индивидуальных профессиональных качеств практического психолога нами были выделены следующие: на психофизиологическом уровне – эмоциональная стойкость, выдержка, покой, способность реально взвешивать обстановку, стойкость к стрессу, сильный тип нервной системы; на интеллектуальном уровне – сензитивность, профессиональная рефлексия, четкое представление о сложности и противоречивости природы психики и поведения человека, творчество, проницательность, аналитическая и прогностичность; на личностном уровне – фасилятивность, социабильность, толерантность, направленность на другого, профессиональная мотивируемая активность, коммуникабельность и великодушие к людям, тактичность и дипломатичность в общении, подчинение своих интересов интересам другого и группы, нравственность, добросовестность, ответственность, смелость в решении практических вопросов, эмпатичность, интуитивность.

Профессиональная сформированность психолога определяет стиль его деятельности в конкретной социокультурной среде и должна заставляться в общую концепцию его развития в высшей школе. При этом важно учитывать ключевые характеристики всех сторон труда психолога. Нужно также иметь в виду, что каждая сторона профессиональной деятельности психолога разворачивается самостоятельно, отличаясь от других по значимости. Для профессионального труда есть характерная ярко выраженная взаимосвязь субъективных и объективной его составляющих. Средством достижения результативности такого взаимодействия выступает эффективная система индивидуально-профессионального развития психолога, которая функционирует в вузе.

Исследования стиля как профессиональной категории в практической реальности позволяет, на наш взгляд, не только расширять осознание об особенностях профессионализма в психологическом деле, но и развивать альтернативность профессиональных решений, атмосферу терпимости к индивидуальному своеобразию профессионального поведения, а главное – помогать целеустремленному осмыслению формирования стилей профессиональной деятельности у молодых специалистов, начиная с момента их приобщения к психологической деятельности.

Таким образом, стили профессиональной деятельности практических психологов нами рассматриваются как стратегии поведения воссоздания существенных закономерностей профессиональной деятельности в типичных комбинациях, которые детерминированы профессионально-важными качествами и личностными особенностями практических психологов.

Е.В. Козлова, Е.В. Маркова

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ И УПРАВЛЕНЧЕСКИХ УМЕНИЙ РУКОВОДИТЕЛЯ

Актуальность данного исследования состоит в том, что знания взаимосвязи личностных черт и управленческих умений позволят оптимизировать процедуры профессионального отбора, позволят включить в практику ассессмент-центров те задания, с помощью которых можно будет сделать валидный прогноз успешности управленческих умений. В исследовании принимали участие 20 руководителей, являющихся управляющими в разных сферах деятельности. Методы исследования: 1) личностный опросник Р. Кеттелла 16PF; 2) опросник К.Л. Вилсона «Цикл управленческих умений»; 3) метапрограммное интервью, взятое у каждого руководителя.

Гипотеза: существуют значимые корреляционные связи между личностными чертами и управленческими умениями руководителя. Для доказательства гипотезы о связи личностных характеристик и управленческих умений используется аппарат математической статистики, а именно коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Корреляции на уровне значимости $p < 0,01$.

Обнаружено достаточное количество значимых корреляционных связей между управленческими умениями руководителя и такой крайне важной для реализации управленческой деятельности личностной чертой, как эмоциональная устойчивость. Прямая корреляционная связь была обнаружена между фактором эмоциональная устойчивость и фактором доверие подчиненных. Чем выше эмоциональная устойчивость руководителя, тем выше доверие подчиненных при взаимодействии с руководителем. Обнаруженную корреляционную связь можно объяснить следующим образом: подчиненные больше доверяют руководителю, видя, чувствуя, замечая высокую эмоциональную устойчивость, спокойствие и терпение руководителя. Корреляции на уровне значимости $p < 0,05$.

Обратная корреляционная связь обнаружена между фактором ограниченное мышление – сообразительность по методике Р. Кеттелла и фактором разъяснение целей и задач по методике К.Л. Вилсона. Чем выше интеллект руководителя, тем ниже эффективность взаимодействия с подчиненными при разъяснении подчиненным целей и их значимости.

На наш взгляд, данный парадокс объясняется тем, что руководители часто выражают свои мысли сложным для подчиненных языком.

Остановимся на интерпретации выявленных достоверных различий по основным метапрограммам личности. Руководители с преобладанием метапрограммы «внешняя референция» значимо отличаются от руководителей с преобладанием метапрограммы «внутренняя референция» по фактору заинтересованность в профессиональном росте подчиненных по методике Вилсона и по такому управленческому навыку, как разъяснение целей и задач, стоящих перед рабочей группой, и обеспечение необходимыми условиями для работы (на уровне значимости p = 0,00879856). Руководителей с преобладанием метапрограммы «от» значимо отличаются от руководителей с преобладанием метапрограммы «к», по управленческому навыку – создание благоприятных условий для долгожданного роста (на уровне значимости p = 0,04647855).

Выводы: 1. Существует значительное количество значимых корреляционных связей между личностными чертами и управленческими умениями руководителя. 2. Обнаружено большое количество значимых корреляционных связей между управленческими умениями руководителя и такой крайне важной личностной чертой, как эмоциональная устойчивость.

О.Н. Кольцова

ОСОБЕННОСТИ СТИЛЕЙ РУКОВОДСТВА У МЕНЕДЖЕРОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ АГРЕССИВНОСТИ

В последнее время в научной литературе и практике консультирования большое внимание уделяется изучению личностных факторов, влияющих на эффективность управленческой деятельности. Проблема агрессивности руководителя является важной составной частью огромного комплекса проблем, рассматриваемых в данном ключе. Известно, что на отдельных этапах установления и поддержания связей и отношений внутри организации и за ее пределами управление может содержать в себе характеристики, свойственные агрессивной модели поведения, так как в процессе достижения поставленных целей необходимо бороться с внешними и внутренними неблагоприятными факторами.

Целью данной работы являлось исследование стилей принятия управленческих решений и особенностей проявления агрессивности у менеджеров. В исследовании приняли участие 62 руководителя (30 мужчин и 32 женщины) в возрасте от 22 лет до 49 лет. Среди

опрошенных 35 человек – руководители среднего звена и 27 человек – руководители высшего звена. Были использованы методики «Личностная агрессивность и конфликтность», «Определение интегральных форм коммуникативной агрессивности» (В.В. Бойко), «Стиль принятия управленческих решений» и рисуночный тест «Деловые ситуации» Н.Г. Хитровой. Установлено, что по данным самоотчетов в целом для менеджеров характерен низкий уровень агрессивности и бесконфликтный способ взаимодействия с подчиненными. В напряженных ситуациях принятия решений руководителям в большей степени свойственно неагрессивное поведение, конфликтность выражена на среднем уровне.

В управлении преобладает ситуационный стиль руководства. Результаты корреляционного анализа показали наличие взаимосвязей между показателями личностной агрессивности менеджеров и стилем принятия управленческих решений. Так, стиль руководства взаимосвязан с показателями «конфликтность», «уровень агрессивности», «неспособность тормозить агрессию», «реакции самозащитного типа» и «агрессивные реакции». У руководителей, использующих директивный способ взаимодействия с подчиненными, чаще выражены конфликтность и высокий уровень агрессивности. Властные руководители, которые дистанцируются от подчиненных, демонстративно подчеркивают свой статус, в фрустрирующих ситуациях чаще других ведут себя агрессивно, а порицание подчиненных, отрицание или признание собственной вины направляют на защиту собственного «Я».

При сравнении показателей личностной агрессивности были выявлены значимые различия в зависимости от пола руководителя. Более высокие значения по показателю «неспособность тормозить агрессию» получены в группе менеджеров-мужчин. По показателю «удовлетворение от агрессии» более высокие значения получены в группе менеджеров-женщин. Женщины менее вспыльчивы, способны держать себя в руках, при этом если происходит выплеск агрессивной энергии, то женщина в этой ситуации чувствует себя комфортнее, а точнее получает удовольствие от проявления агрессии. Возможно, это обусловлено тем, что женщинам свойственны косвенные формы проявления агрессии в виде, например, шуток и сплетен. Анализ данных не выявил значимых различий у руководителей среднего и высшего звена по показателям агрессивности и способам взаимодействия с подчиненными.

Также установлено, что руководители с повышенным уровнем агрессивности и конфликтности, с выраженной спонтанностью агрессии и агрессивным способом реагирования на напряженные и кон-

фликтные ситуации в своей управленческой деятельности дистанцируются от подчиненных и выбирают авторитарный стиль управления. Следовательно, можно отметить, что показатели личностной агрессивности руководителей оказывают влияние на выбор стиля руководства и способа взаимодействия с окружающими в процессе принятия решения.

В менеджменте нет плохих или хороших стилей руководства. Есть стили, которые либо могут подходить конкретной организации, либо являться в ней неэффективными. Повышенный уровень агрессивности у руководителей не является положительным или отрицательным качеством, но он может оказывать влияние на эффективность управленческой деятельности. Менеджмент агрессивности предполагает проведение комплекса мер, направленных на осознание сотрудниками агрессивных тенденций, их осмысленное принятие без отягощения чувством вины, а также пошаговую коррекцию с целью перевода агрессивности в активное, уверенное поведение, направленное на достижение цели.

Д.А. Комисарова, С.С. Суровцева

РАННЕЕ ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ И УРОВЕНЬ ДОВЕРИЯ К УЧИТЕЛЮ

Процесс изучения иностранного языка имеет свою специфичность, которая распространяется не только на младший школьный, но и на дошкольный возраст и на обучение взрослых. Дело в том, что язык нельзя выучить, им нужно овладеть. Прочитав или прослушав текст на неродном языке, переведя и даже выучив его, учащийся не овладеет языком, не будет знать его. Дело в том, что сначала требуется усвоить ряд грамматических, лексических и фонетических умений. Ребенку сложно понять суть новой языковой системы. Для него, в силу возрастных особенностей, «язык» – понятие абстрактное, поэтому чрезвычайно сложное. И если он не может осмыслить, что такое иностранный язык, почему знакомые ему предметы нужно называть по-другому, то это будет препятствовать его обучению. В данной ситуации важную роль играет доверие к взрослому.

Доверие к незнакомому взрослому в связи с успешностью социальной адаптации ребенка рассматривается в работах некоторых отечественных авторов А.В. Сидоренкова, М.Ю. Вишневкиной (2001), Е.О. Смирновой (1974), Н.В. Волковой и Б.С. Волкова (1994). В нашем

исследовании изучается соотношение успешности освоения иностранного языка (английского) ребенком 7 лет и уровня доверия к взрослому – учителю иностранного языка в сфере дополнительных образовательных услуг.

В качестве экспериментальной модели взят модифицированный эксперимент Е.О. Смирновой (1974). Учитель показывает ребенку карточки с изображениями животных – хорошо знакомых сказочных героев, обладающих определенным стереотипом характера (добрый / злой). Количество изображений 6 – соответствует объему памяти ребенка данного возраста. Показывая картинки, учитель намеренно меняет характер животного, противопоставляя его стереотипу, и обозначает его английским словом «good» / «bad» (например «злой кролик» / «bad rabbit»). Затем учитель раскладывает карточки по комнате и начинается игра в «охотника». В этой игре ребенок должен поймать, т. е. принести всех зверей, которых учитель представил ему как «bad», и оставить на свободе тех, кого учитель обозначил «good». Фиксируются особенности восприятия ребенком новой, противоречащей предшествующему опыту, информации. Нами было проведено пилотажное исследование, в котором приняли участие 35 дошкольников, посещающих подготовительные курсы к поступлению в начальную школу.

Исследование проходило на базе двух дошкольных образовательных учреждений г. Санкт-Петербурга (ДОУ № 69 Красногвардейского района и ДОУ № 18 Калининского района), работающих по программе «Воспитание и обучение в детском саду» и реализующих дополнительные образовательные услуги по иностранному языку (английскому). Оценка уровня успешности овладения образовательной программой по английскому языку показала, что 26 % испытуемых (9 человек) относятся к категории успешно осваивающих программу, 20 % (7 человек) – к категории неуспешных в освоении данной программы, остальных детей, участвующих в исследовании (19 человек, или 54 % испытуемых) можно отнести к среднему уровню успешности.

Проведенный нами корреляционный анализ данных показал, что существуют прямые корреляционные соотношения на уровне тенденции между уровнем доверия детей к учителю иностранного языка и их успешностью в освоении программы по английскому языку (г = 0,3).

Далее мы рассмотрели результаты тестирования контрастных по степени успешности освоения программы по иностранному языку групп. Сравнительный анализ результатов тестирования детей, составляющих контрастные группы, показал достоверные различия (по t-критерию Стьюдента) по уровню доверия к взрослому (учителю) в

игровом эксперименте с англоязычным стимульным материалом. Успешные ребята обладают достоверно более высоким уровнем доверия к взрослому, чем неуспешные сверстники. На основании этого можно предположить, что успешный в освоении иностранного языка ребенок доверяет взрослому и поступает в соответствии с его инструкциями даже в том случае, когда эти инструкции не совпадают с его когнитивными стереотипами. Следовательно, доверительные отношения между учителем и учеником, принятие взрослого как носителя информации и авторитета положительно влияют на успешность раннего обучения иностранному языку. Задача учителя, владеющего методикой дошкольного обучения иностранному языку (английскому), – установить отношения, основанные на доверии ребенка.

Е.И. Комкова

ДИАГНОСТИКА ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ РАННЕГО И ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Психодиагностика требует от практического психолога квалифицированной подготовки в области тестологии. Все диагностические методики должны соответствовать требованиям, предъявляемым психометрией. Однако, несмотря на широкую популярность и распространенность тестовых орудий, практика работы психолога с детьми дошкольного возраста показывает не вполне достаточную разработку тестовых материалов для маленьких детей. Это в большей степени касается методик изучения интеллекта и умственного развития. Многие из них требуют пересмотра, так как прошло достаточно много времени с момента их появления. Другие же методики требуют переадаптации, поскольку изменились культурные, социальные и экологические условия, что не могло сказаться на психическом и умственном развитии детей.

Кафедрой общей и детской психологии БГПУ им. М. Танка были изучены на валидность тесты диагностики интеллекта Валентайна, а также тесты диагностики нервно-психического развития детей раннего возраста Шарлотты Бюлер и Гильдегард Гетцер методом корреляции с другими уже известными тестами. Тесты Валентайна предназначены для диагностики детей от 1,5 до 11 лет включительно. Тесты, предназначенные для детей 2 лет, могут использоваться и для детей 1,5 лет, а тесты для детей 10 и 11 лет могут использоваться при тестировании одаренных детей 7–8 лет. Поэтому оптимальный диапазон их приме-

нения – от 2 до 7–8 лет. Данные тесты могут использоваться для предварительного обследования общего умственного развития. Они затрагивают как специальные, так и общие умственные способности. Если ребенок не выполнил ни одного теста, предназначенного для его возраста, это не должно рассматриваться как сигнал недостаточного интеллектуального развития. Так, у ребенка-дошкольника с недостаточным речевым развитием могут обнаружиться показатели хорошего умственного развития при выполнении тестов, в которых речевое развитие не играет большой роли. Позднее у него может развиться интеллект выше среднего уровня.

Для сопоставления результатов были взяты следующие методики: для детей от 3 до 6 лет – методика диагностики умственного развития дошкольников Л.А. Венгер (1978). Для детей от 6 до 7,5 лет был взят тест диагностики интеллекта Векслера в адаптации Ю.З. Гильбуха (Киев, 1992). Всего в эксперименте принимали участие 328 детей, все воспитанники детских садов г. Минска: 104 ребенка в возрасте от 3 до 4 лет, 100 – от 4 до 5,5 лет и 124 – от 6 до 7,5 лет. Результаты показали, что тесты Валентайна коррелируют с уже известными методиками Л.А. Венгер и тестом Векслера (при уровне значимости 0,05 и 0,01) и дают адекватные характеристики изучения интеллекта детей дошкольного возраста, что дает право использовать их как инструмент психодиагностики. Тесты диагностики нервно-психического развития детей раннего возраста (а именно с 3 месяцев до 6 лет) Ш. Бюлер и Г. Гетцер представляют результат многолетних исследований (Венская школа). Тесты 1-го и 2-го года жизни были разработаны и опубликованы еще в 1928 и 1930 гг. Тесты для детей 3–6 лет были разработаны и апробированы в Вене в 1935 г., где прошли стандартизацию и статистическую обработку.

В переадаптации участвовало 120 детей от 3 до 4 лет (6 групп), воспитанники детских садов г. Минска. Первые результаты относительно психометрических характеристик данного теста позволяют некоторые сделать выводы. Коэффициент надежности оказался статистически значимым во всех группах в пределах уровня значимости от 0,05 и 0,01.

Данный тест дает хорошие возможности для составления психологической характеристики и постановки психологического диагноза детей. Он дает представление об уровне развития отдельного ребенка, а именно в каких сферах нервно-психического развития ребенок отстает или опережает свой биологический возраст. Большую ценность

представляет также наблюдение за ребенком в ходе диагностического обследования.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что апробированные тесты соответствуют психометрическим требованиям, предъявляемым диагностическим методикам, и могут применяться для диагностики нервно-психического развития детей дошкольного возраста.

Е.Е. Корнеева, А.Е. Панкратов

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СТИЛИ САМОРЕГУЛЯЦИИ ВОЛЕВОЙ АКТИВНОСТИ У СПОРТСМЕНОВ

В подготовке спортсмена важным условием победы является индивидуальный стиль волевой активности (ИСВА), под которым подразумевают комплекс волевых качеств, обеспечивающих выполнение деятельности, и способность управлять собой – своими действиями, поступками, мыслями, переживаниями – для достижения сознательно поставленных целей. Поэтому изучение взаимосвязи процессов саморегуляции и волевой активности спортсмена является важным звеном в описании системы психической организации спортсменов и организации психолого-педагогического сопровождения тренировочного процесса.

В эмпирической части исследования принимали участие 60 воспитанников спортивной школы в возрасте 16–18 лет, занимающихся спортивным карате. Методы исследования: стандартизированные методики «Самооценка волевых качеств спортсменов» Н.Е. Стамбуловой, «Стилевая саморегуляция поведения человека» В.И. Моросановой, статистический и корреляционный анализ. В результате анализа волевых качеств были выделены ИСВА и установлено, что «побуждающим» ИСВА обладают 55 %, «регулирующим» – 25 % и «тормозным» – 20 % испытуемых.

Анализ индивидуальных стилей саморегуляции (ИСС) показал, что «оперативный в учете условий» ИСС присутствует у 25 % опрошенных, для этих людей характерна высокая развитость процессов моделирования и низкая – процессов планирования и программирования, гибкость учета в поведении значимых условий деятельности. «Оперативный в программировании» ИСС – у 30 %, для них характерна высокая развитость звена программирования и недостаточная – планирования и моделирования. «Автономный» ИСС у 10 % испытуемых, эти люди характеризуются высокой развитостью процессов пла-

нирования. «Устойчивый» ИСС – у 25 % спортсменов, отличается высокой развитостью процессов планирования и оценки результатов.

Слабое звено – моделирование – компенсируется за счет особенностей процессов оценки результатов: программы в процессе осуществления деятельности постоянно контролируются до тех пор, пока выполнение действий не приведет к ожидаемым результатам и достижению цели. Корреляционный анализ компонентов ИСВА и ИСС проводился с помощью ранговой корреляции Спирмена.

В результате были получены следующие данные: значимая положительная связь между уровнем развития волевого качества «смелость и решительность» побуждающего ИСВА и регуляторным процессом «Программирование» ($r = 0,52$; $p < 0,01$); значимая положительная связь между шкалами «настойчивость и упорство» и «оценкой результатов» ($r = 0,56$; $p < 0,01$); на достаточном уровне статистической значимости находится взаимосвязь параметров «самообладание и выдержка» с «планированием» ($r = 0,55$; $p < 0,01$); такой же характер взаимосвязи наблюдается и в параметрах «самообладание и выдержка» и «общий уровень саморегуляции» ($r = 0,51$; $p < 0,01$).

Таким образом, для спортсменов побуждающего типа ИСВА характерна высокая степень детализации программ поведения и действий, гибкость их перестройки, в случае необходимости – даже ее замены. Эти спортсмены легко включаются в деятельность и быстро могут переключиться на другую.

Спортсменам побуждающего и регулирующего ИСВА свойственен такой регуляторный процесс, как «оценка результатов», который свидетельствует о сформированности и устойчивости субъективных критериев оценки результатов. Такие спортсмены адекватно оценивают как сам факт рассогласования полученных результатов с целью деятельности, так и приведшие к нему причины, гибко адаптируясь к изменению условий.

Спортсмены с высоким уровнем самообладания и выдержки тормозного ИСВА проявляют регуляторный процесс «планирование». Полученные результаты свидетельствует о том, что у этих субъектов сформирована потребность в осознанном планировании деятельности, планы в этом случае реалистичны, детализированы, иерархичны, действенны и устойчивы, цели деятельности выдвигаются самостоятельно. Трудности, связанные с ориентацией в ситуации и учетом требований обстановки, компенсируются тем, что ситуации заранее планируются и продумываются.

Учет этих индивидуальных особенностей спортсменов поможет тренерскому составу оптимально организовать их индивидуальное психолого-педагогическое сопровождение.

Е.Д. Короткина

САМОРАСКРЫТИЕ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИЯ

Не так давно в Интернете стали появляться так называемые «социальные сети», где пользователи могут создавать свои страницы, размещать на них личную информацию (ФИО, адрес, телефон, интересы, хобби), фотографии, а также общаться друг с другом. Одним словом, пользователи имеют множество возможностей для самораскрытия. Одной из актуальных проблем изучения общения посредством мировой информационной сети является самораскрытие в интернет-общении, где под самораскрытием понимается сообщение другим личной информации о себе (С. Джурард). Непосредственно в данном исследовании под самораскрытием мы подразумеваем то, что в социальной сети Vkontakte называется уровнем приватности, т. е. доступность информации о собеседнике другим пользователям, то насколько пользователь засекречивает свою страницу от посторонних людей: делает ли он свою страницу закрытой для незнакомых людей или оставляет ее открытой для всех желающих с ней ознакомиться. Виртуальное самораскрытие может быть другим по широте и глубине по сравнению с реальным самораскрытием. Недостаточное самораскрытие в интернет-общении может объясняться тем, что люди не удовлетворены своим образом «Я» в реальной коммуникации, в то время как сетевая коммуникация предоставляет возможность скрыть часть информации о себе. Также недостаточное самораскрытие может быть связано с субъективным чувством одиночества и депрессивными состояниями.

Особенности интернет-общения создают условия и возможности для глубины и ширины самораскрытия, для почти абсолютного управления впечатлением о себе. В эмпирическом исследовании мы изучали особенности самораскрытия у пользователей социальной сети Vkontakte. Также целью нашего исследования состояла в установлении влияния на самораскрытие индивидуально-психологических особенностей: субъективного ощущения одиночества, депрессии, «образа Я» и пола испытуемого. Выборка составила 74 человека (38 юношей и 36 девушек) в возрасте от 18 до 24 лет. Обработка результатов осуществлялась с помощью программы SPSS. Результаты показали, что пользователи социальной сети Vkontakte различаются в особенностях своего самораскрытия: если пользователь имеет большой показатель объема и глубины самораскрытия, то чаще всего он оставляет свою страницу

открытой для всех. Это значит, что при открытой странице пользователь более искренен, он более детален и полон при освещении какой-либо определенной темы.

В противоположность этому можно сказать, что пользователь с закрытой страницей от посторонних обладает поверхностным самораскрытием, что предполагает неполное и частичное освещение каких-то аспектов своей личности. Чем меньше пользователь ощущает себя одиноким, тем чаще он оставляет свою страницу открытой для всех и тем больше он склонен к самораскрытию для знакомых и незнакомых ему людей. Так, по мнению С. Джурарда, одиночество и депрессия всегда сопровождают сокрытие правды о самом себе. Он говорит о том, что пытаясь скрыть самих себя от других людей мы тем самым предпринимаем активные усилия для построения ложного внешнего образа «Я». Результаты показали, что чем позитивнее «образ Я», тем меньше уровень приватности; т. е. тем чаще пользователь оставляет свою страницу доступной для всех. Нами было выявлено, что «образ Я» оказывает влияние на то, оставляет ли пользователь свою страницу открытой для всех или только для друзей.

Результаты свидетельствуют о том, что чем больше пользователь убежден в ценности и значимости своего «Я», тем чаще он оставляет свою страницу открытой для всех. И, наоборот, чем меньше это убеждение, тем чаще пользователь старается скрыть свою страницу от посторонних глаз и оставить ее доступной только для самых близких – для своих друзей. Обнаружено, что девушки больше, чем юноши, склонны к самораскрытию: у них больше как глубина, так и объем самораскрытия по всем категориям. Они предоставляют гораздо больший объем информации своему собеседнику, готовы к самораскрытию на весьма разнообразные темы. Юноши же по сравнению с девушками менее открыты собеседнику.

О.А. Кособудская

ФОРМИРОВАНИЕ Я-КОНЦЕПЦИИ У БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ-ПСИХОЛОГОВ

Сознание и самосознание – одна из центральных проблем психологии. Итоговым продуктом процесса самосознания является динамическая система представлений человека о самом себе, сопряженная с их оценкой, называемая Я-концепция. В многочисленных работах психологов показано, что большое влияние на формирование самооценки,

самосознания и Я-концепции в целом оказывает процесс обучения в вузе, во время которого у студентов формируются определенные жизненные позиции, определяющие в дальнейшем и степень компетентности личности и профессионала.

Основной задачей нашего исследования являлась попытка выявить сформированность Я-концепции у будущих педагогов-психологов на разных этапах обучения в вузе. Методы исследования: теоретический анализ и обобщение научно-методической литературы по проблеме исследования; методы психодиагностики; педагогический эксперимент. Исследование проходило на базе Великолукской государственной академии физической культуры и спорта (2008–2009 гг.). Все респонденты – студенты дневного отделения по специальности 050706 «Педагогика и психология», возраст – от 17 до 23 лет.

Изучение Я-концепции у будущих педагогов-психологов проводилось с помощью разработанной нами анкеты. По представлению студентов 1 курса наиболее выраженными у них являются коммуникативные способности (8,2 балла), а менее – толерантность (6,85 балла); у студентов 3 курса также ярко выражены коммуникативные способности (8,95 балла), а менее – стрессоустойчивость (7,1 балла); для 5 курса выраженными являются стрессоустойчивость и эмоциональная гибкость (9,1 балла), а менее выражена – аффилиация (7,2 балла). Таким образом, можно сделать вывод, что реально оценивать уровень сформированности тех или иных профессионально важных качеств помогают: психолого-педагогические знания; личный опыт, который накапливается при взаимодействии с другими людьми; прохождение педагогической, профессионально-ориентированной и комплексно-педагогической практик; применение комплекса методов активного обучения; научно-исследовательская работа.

В результате изучения коммуникативных способностей было выявлено, что у студентов 1 курса (35 %) и 3 курса (50 %) они находятся на очень высоком уровне развития. Из этого следует, что к 3 курсу студенты приобретают необходимые профессиональные знания и способности, которые помогают им налаживать контакты и общаться с другими людьми. При диагностировании уровня развития толерантности было установлено, что у 70 % испытуемых 3 курса преобладает низкий уровень развития данного качества. Это свидетельствует о том, что доминирующая часть студентов не обладают профессиональными способностями, чтобы проявлять терпимость и сдержанность в отношениях с другими людьми. Все это требует таких форм и методов обучения, которые обеспечивают развитие данного качества. Было уста-

новлено, что у 60 % студентов 3 курса устойчивость к стрессовым ситуациям находится на низком уровне развития, в то время как у студентов 5 курса (64,3 %) эта устойчивость имеет высокий уровень развития.

Можно предположить, что студенты к концу обучения в вузе приобретают необходимые профессиональные знания и умения, которые помогают им противостоять стрессовым ситуациям. Развитию данного качества способствует прохождение психолого-педагогических практик, на которых студенты приобретают опыт, накапливают навыки правильного реагирования в конфликтных ситуациях, способы регулирования эмоционального состояния, а также снятия психического напряжения. Одним из важных качеств специалиста, работающего в сфере «человек–человек», является эмоциональная гибкость, уровень развития которой у 64,2 % испытуемых 5 курса достаточно высокий, что позволяет говорить о способности хорошо понимать собственные эмоции и эмоции других людей, а также возможности управлять своей эмоциональной сферой.

Резюмируя изложенное выше, приходим к заключению, что развитие Я-концепции носит постепенный, динамический характер. К концу обучения в вузе студенты получают необходимые профессиональные знания, опыт, который оказывает существенное влияние на формирование Я-концепции будущих специалистов в целом.

М.С. Косороткина, Н.А. Польская

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА И АГРЕССИВНОСТИ

Современные исследователи рассматривают перфекционизм как сложный личностный конструкт, включающий различные параметры. Этот термин используют как для обозначения здорового стремления к совершенству, к наивысшему успеху в какой-либо области, так и к невротической, навязчивой поглощенности стремлением к достижению недостижимого идеала. Перфекционизм – это психологический феномен, связанный с эмоциями, мыслями и поведением человека. В современной психологической литературе встречаются исследования взаимосвязи перфекционизма с проявлениями депрессии и враждебности (Н.Г. Гаранян, А.Б. Холмогорова, Т.Ю. Юдеева, 2001), однако эмпирические и теоретические связи перфекционизма с проявлениями агрессии и аутоагрессии до сих пор мало изучены.

В данном сообщении мы изложим результаты исследования взаимосвязи перфекционизма с показателями враждебности, цинизма и агрессивности. Оценка данных показателей осуществлялась с помощью многомерной шкалы перфекционизма (P.L. Hewitt, G.L. Flett, 1991; адаптация И.И. Грачевой, 2006) и шкалы враждебности Кука–Медлей (W. Cook, D. Medley, 1954; адаптация Л.Н. Собчик, 1998). Шкала перфекционизма измеряет такие параметры, как перфекционизм ориентированный на себя, перфекционизм ориентированный на других и социально предписанный перфекционизм. Шкала враждебности измеряет три параметра, связанные с проявлениями агрессивности: враждебность, агрессивность, цинизм. Исследовательская выборка составила 100 респондентов, учащихся 11 класса гимназии, колледжа и студентов института, в возрасте от 16 до 20 лет, из них 19 юношей (19 %) и 81 девушка (81 %).

Для оценки результатов исследования использовались статистические методы (SPSS-14 for Windows): описательные и частотные статистики, корреляционный анализ (коэффициент Пирсона), кластерный анализ (кластеризация К-средними), непараметрические критерии (Манна–Уитни). В результате кластерного анализа было получено две группы (кластер 1 и кластер 2). В кластер 1 вошло 43 респондента, в кластер 2 – 57 респондентов. Респонденты, входящие в кластер 1, проявили более низкие показатели как по уровню перфекционизма, так и по уровню агрессивности, враждебности и гнева. Подобная кластеризация позволила предположить, что при высоком уровне перфекционизма повышается уровень агрессивных проявлений. Корреляционный анализ подтвердил данное предположение. Были выявлены значимые взаимосвязи между шкалами «Перфекционизм ориентированный на других» и «Цинизм» (0,23 при $p \leq 0,05$), «Перфекционизм ориентированный на других» и «Агрессивность» (0,20 при $p \leq 0,05$), «Социально предписанный перфекционизм» и «Цинизм» (0,42 при $p \leq 0,01$), «Социально предписанный перфекционизм» и «Враждебность» (0,27 при $p \leq 0,01$), «Общий перфекционизм» и «Цинизм» (0,36 при $p \leq 0,01$).

Для оценки значимости различий между двумя группами нами применен критерий Манна–Уитни. Были выявлены различия между группами по всем показателям перфекционизма (при значимости 0,001) и различия по шкале цинизма ($U = 936,0$, при значимости 0,04). Полученные результаты позволяют сделать вывод, что высокий уровень перфекционизма, выражающийся, прежде всего, в предъявлении высоких требований индивида самому себе, и связанный с завышенными ожиданиями в отношении собственной личности, поведения и

результатов деятельности, сопряжен с негативными переживаниями, которые проявляются в повышении уровня враждебности, агрессивности и цинизма.

Следует отметить, что цинизм при завышенном уровне перфекционизма указывает на его вероятностный защитный характер: невозможность соответствовать идеальным социальным образцам приводит к тотальному негативизму и отрицанию общепринятой морали. Перфекционистская идеализация окружающих, в конечном итоге, служит основой повышенной агрессивности и враждебности. Кроме того, перфекционизм может обусловливать развитие аутоагрессии в форме депрессивных переживаний, что находит свое подтверждение в исследованиях, обнаруживающих высокий уровень перфекционизма у пациентов с клиническими формами депрессии.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 10-06-00511а).

Е.Е. Котова

ВИЗУАЛЬНОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ – МЕТОД ОЦЕНКИ ПРОДУКТИВНОСТИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Уровень подготовки современного специалиста помимо владения профессиональными компетенциями в значительной мере определяется его включенностью в информационное пространство, а именно: умением эффективно работать с информационными ресурсами (находить, анализировать, представлять информацию), эффективно использовать информацию (структурировать, преобразовывать, формализовать, оперировать противоречивой информацией, оформлять в виде, удобном для других, организовать и поддерживать профессиональные информационные процессы, оптимально их использовать). Перечисленные параметры входят в понятие информационной компетентности, формирование которой особенно важно в условиях, когда успешность профессиональной деятельности определяется готовностью к продуктивной переработке больших объемов информации. По данным, представленным в исследованиях, до 30 % студентов отмечают недостаточную сформированность умений анализировать учебную и научную информацию.

Понимание учебного материала является важным показателем качества процесса обучения. Усвоение на уровне понимания является условием превращения объективно представленной информации в

субъективно значимое личностное осмысленное знание. Несмотря на наличие исследований по данной теме, остаются нерешенными вопросы: как должен строиться процесс обучения, нацеленный на понимание, какими способами возможно диагностировать понимание и усвоение информации, как можно сформировать и повысить информационную компетентность? В качестве показателей информационной компетентности, например, выделяют готовность к аналитической обработке информации (Г.М. Коджаспарова, К.В. Петров, 2005). Отмечаются анализ и синтез как основополагающие мыслительные операции познавательной деятельности, выступающие исходными интеллектуальными операциями при формировании умений работы с насыщенными информационными потоками (А.В. Беляева, 2003). Там же представлен метод редактирования как метод учебной и научно-информационной работы, предназначенный для управления интеллектуальной деятельностью.

Такие интеллектуальные операции, как обнаружение, сравнение, различение, идентификация, аналогия, выделение главного являются определяющими при формировании умений оценивать, систематизировать, классифицировать, визуализировать информацию. Понятие информационной компетентности включает когнитивную составляющую как одну из важнейших по отношению к процессам восприятия информации и применения мыслительных стратегий в процессе обучения. В основе предлагаемой методики оценивания продуктивности учебной деятельности студента – визуальное представление предметной области в виде онтологической структуры. Термин «онтология» в области интеллектуальных систем употребляется в контексте с такими понятиями, как концептуализация, структурирование знаний. Под концептуализацией понимается процесс перехода от представления предметной области на естественном языке к точной спецификации этого описания с применением некоторых формальных языков. На минимальном уровне необходимо представить все значимые объекты изучаемой предметной области, определить отношения между ними, причинно-следственные связи, произвести упорядочение (иерархию) объектов.

На основе анализа литературы по когнитивной психологии и когнитивным способностям (Дж. Р. Андерсон, Х. Гейвин, В.Н. Дружинин), психологии мышления и процессу деятельности (А.В. Брушлинский, Л.С. Цветкова), процессам восприятия и переработки информации (В.А. Холодная и др.) определена группа оцениваемых параметров: уровень сформированности операционной системы

анализа и синтеза; глубины понимания предметной области; сформированности понятийной структуры; способности классифицировать; образовывать иерархии объектов и др.

По полученным результатам экспертами (преподавателями) оценивается уровень знаний студента, понимания информации, полнота воспринимаемой информации, степень «включенности» в процесс обучения, продуктивность учебной деятельности.

Е.И. Крылова

ПОДХОДЫ К ДИАГНОСТИКЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ДЕТЕЙ С ДЦП

Начиная с 70-х гг. XX в. на стыке психологии развития и социальной психологии под руководством М.И. Лисиной был проведен ряд исследований, направленных на изучение общения в детском возрасте. В последующих исследованиях, охватывающих возрастной период с 4 до 11–12 лет, анализировались особенности формировании межличностного общения и взаимодействия ребенка дошкольного, младшего школьного и младшего подросткового возраста. Было установлено, что диагностическое обследование лучше воспринимается ребенком, если оно проводится в естественной для него форме игры или беседы, поэтому для изучения межличностных отношений в детском возрасте более удобными и информативными являются проективные методики (САТ, рисунок семьи), наблюдение, эксперимент, экспертная оценка и социометрический тест Морено; традиционные опросники (опросник Лири, ДМО, 16-факторный анализ личности Кеттелла, EPI Айзенка, MMPI и др.) использовать нежелательно, так как длительное тестирование утомительно для детей, способствует формальным или социально одобряемым ответам.

В специальной психологии исследования межличностных отношений, общения и взаимодействия детей в основном охватывали проблему взаимоотношений особого ребенка со взрослым в контексте коррекционных возможностей семьи и трудностей, возникающих в процессе воспитания, установления контакта с ребенком. Исследовалось отношение родителей к ребенку, их эмоциональные переживания, связанные с рождением ребенка с особыми потребностями. Причина того, что объектом исследования чаще становились родители, отчасти заключается в том, что перед исследователем, выбравшим ребенка с особенностями развития объектом исследования, встает ряд проблем.

Переходя к анализу методологических трудностей, возникающих при исследовании межличностных отношений детей с ДЦП, можно выделить как специфические именно для этой формы нарушений, так и трудности характерные для специальной психологии в целом.

В настоящее время существует очень незначительное количество методик, разработанных специально для диагностики психологических свойств и особенностей лиц с нарушениями развития. Те методики, которые имеются в арсенале специальной психологии, направлены в основном на разграничение нормы и патологии, а также на определение различных форм нарушений развития. Есть методики, направленные на диагностику отдельных психических процессов, но для диагностики личностных свойств, особенностей характера, коммуникативной деятельности, межличностных отношений методик почти нет. В то же время обычные методики применяться не могут и нуждаются в адаптации, что в свою очередь приводит к возникновению новой проблемы – необходимости подтверждения валидности адаптированной методики.

Исследования в специальной психологии вынуждены опираться в основном на данные наблюдений и экспертной оценки, что значительно повышает субъективность полученной информации. Интерпретация результатов во многом обусловлена изначальной позицией исследователя, так как расхождения с ней зачастую отбрасываются, принимаемые за погрешности измерений. Другой проблемой является высокая вариативность возможностей, исследуемых в рамках одной группы нарушений развития, что ведет к тому, что методика каждый раз адаптируется психологом к конкретному обследуемому, в результате данные каждый раз отбираются фактически новой методикой и не могут быть обобщены.

Переходя к анализу трудностей, специфических для исследования детей с ДЦП, можно выделить следующие: двигательные нарушения, затрудняющие письменные ответы и выполнение рисуночных тестов, нарушения речи, затрудняющие проведение беседы, повышенная утомляемость. Поэтому, планируя процедуру проведения исследования, необходимо выдерживать временной режим 35–40 мин. Необходимо, чтобы несколько раз менялась ведущая модальность; визуальные задания сменялись аудиальными. Наиболее удобными в применении являются метод беседы, наблюдения, проективные методы (например, методика Рене Жиля), социометрия, которые необходимо дополнять методами экспертной оценки, собирая сведения у педагогов и родственников. При подборе методик необходимо уделять внимание

не только процедуре проведения, но и содержанию методик, изменяя формулировки вопросов, если описываемые ситуации не могут происходить в жизни детей с ДЦП в связи с ограничениями. Также следует исключать формулировки заданий, которые могут вызвать отрицательную эмоциональную реакцию, кроме тех случаев, когда она обусловлена задачами исследования.

С.К. Кудайбергенова

ПОМОЩЬ ПСИХОЛОГА РОДИТЕЛЯМ ДЕТЕЙ С ПАТОЛОГИЕЙ ПСИХИКИ

Данные новейших медицинских исследований говорят о печальной тенденции роста различного вида нарушений среди детского населения Казахстана. Особая ситуация в межличностных отношениях складывается, если ребенок имеет ограниченные психические возможности. Большинство родителей переживает психологическую травму, связанную с тяжелым недугом ребенка. Усугубляется это традиционно сложившимися в нашем обществе негативными установками по отношению к психическим заболеваниям. Таким образом, в стрессовой ситуации находится вся семья и в помощи нуждается не только сам ребенок, но и его родные, прежде всего родители.

Предметом нашего исследования стало родительское отношение, понимаемое как система или совокупность установок или позиций по отношению к ребенку, восприятие ребенка родителем и способы поведения с ним. В исследовании приняло участие 140 семей. В экспериментальную группу вошли родители, имеющие детей с грубой психической патологией, приводящей к умственному дефекту (125 человек, из них 68 матерей и 57 отцов), в контрольную – родители психически полноценных детей (126 человек, из них матерей – 70, отцов – 56 человек).

Были выявлены следующие особенности родительского отношения в семьях, имеющих детей с нарушениями психики. 1) Эмоциональный компонент родительского отношения. Родители, имеющие ребенка с психической патологией, характеризовались тенденцией к эмоциональному отвержению или амбивалентному отношению к ребенку по сравнению с родителями, воспитывающими здоровых детей. 2) Когнитивный компонент родительского отношения. Родители, имеющие детей с психической патологией, склонны к более щадящей, односторонней оценке, не соответствующей реальности. Они склонны

преуменьшать психологический возраст ребенка. Наиболее значимым является представление о здоровье ребенка. 3) Поведенческий компонент родительского отношения. Родители, имеющие ребенка с психической патологией, чаще, чем родители здоровых детей, склонны вести себя по отношению к нему как к «маленькому неудачнику», т. е. инфантилизируя и инвалидизируя его.

Выявлена тенденция к ограничению ребенка от общения и контактов вне семьи. Родитель психически больного ребенка часто становится директивным и менее готов к сотрудничеству и кооперации с ним. Коррекционно-психологическая работа с родителями, имеющими психически больного ребенка, была направлена на формирование адекватного родительского отношения как на эмоциональном, когнитивном, так и на поведенческом уровнях. Под адекватным родительским отношением мы понимаем такое отношение, когда принимается сам ребенок и его болезнь. При таком отношении родители видят в своем ребенке, прежде всего, маленького человека, имеющего особенности, свойственные и другим детям, а потом уже психически неполноценного с присущим ему своеобразием. Эта позиция является необходимой предпосылкой создания в семье условий для полноценного развития ребенка. Принятие имеющегося дефекта означает способность родителей примириться с фактом его наличия у ребенка. Эти выводы легли в основу разработанной нами коррекционной программы.

Для реализации основной цели нами была разработана специальная методика, позволившая обсуждать определенные жизненные ситуации, особо значимые для родителей и связанные с ребенком, имеющим нарушения психики. Мы назвали этот прием «Жизненный сценарий моего ребенка». Всего в коррекционной работе приняли участие 30 семей, имеющих детей с ограниченными психическими возможностями. Для выявления степени эффективности программы родители через 3–6 месяцев после участия в программе проходили повторное психологическое обследование с применением тех же методов, что и на начальном этапе. Как показал анализ, участие в программе позволило снизить уровень психологического напряжения в семье, уменьшить тревожность родителей (выявлены статистически достоверные различия в эмоциональном компоненте родительского отношения по сравнению с первоначальным состоянием). Конечно же, предложенные нами приемы далеки от идеала и требует дальнейшей доработки и углубления.

Надеемся, что поднятые в данной статье вопросы найдут отклик у специалистов и всех заинтересованных лиц.

Н.В. Кудряшова, А.С. Новиков

САМООЦЕНКА ВЗРОСЛЫХ, ВЫРОСШИХ В НЕПОЛНОЙ СЕМЬЕ

Проблема неполных семей по-прежнему остается актуальной в первую очередь потому, что в них сосредоточена значительная часть того населения, у которого не сложились естественные, заложенные в самой природе семейно-брачных отношений условия жизни. Многочисленные исследования (С.А. Богданов, 2006; В.З. Вульфов, 2008; И.Ф. Дементьева, 2001; Л.В. Карцева, 2003, и многие другие) свидетельствуют, что дети из неполных семей, по сравнению со сверстниками из полных семей, отличаются рядом психологических особенностей, которые в большинстве случаев носят ярко выраженный негативный характер (имеют более низкую школьную успеваемость, более склонны к невротическим нарушениям и противоправному поведению. У них были обнаружены проявления инфантильности, пониженной самооценки, негативного отношения к родителям, нарушения полоролевого поведения и т. д.). Однако в доступной литературе крайне редки работы, посвященные изучению психологических особенностей взрослых людей, выросших в неполной семье.

Проблемой настоящего исследования стал вопрос: каким образом воспитание в полной или неполной родительской семье отражается на самочувствии женщин и мужчин в собственном браке? В течение 2007–2009 гг. нами обследовано 183 испытуемых в возрасте 25–35 лет (возраст, к которому, в рамках культурных традиций, «принято» обзавестись собственной семьей). Все испытуемые разделены на 8 групп по трем ортогональным критериям: воспитывался в полной семье – в неполной семье; имеет собственную семью – не имеет; мужчина – женщина. Измеряемой переменной стала самооценка по конструктам «счастлив – несчастлив» и «успешен – неуспешен». Диагностированы декларируемая самооценка (методика Дембо–Рубинштейн) и переживаемая самооценка (методика ИПС (А.С. Новиков, 1993)). Попарное сравнение результатов каждой группы с каждой (пороговый уровень достоверности различий принят на уровне $p < 0,01$) позволяет констатировать следующее. 1) Декларируемая и переживаемая самооценка всех респондентов по шкалам «счастлив – несчастлив» и «успешен – неуспешен» в целом совпадает. Исключением является группа незамужних женщин, воспитывавшихся в полных семьях. Декларативная оценка себя представителями этой группы лежит в области «успешен»,

в то время как переживаемая самооценка по тому же конструкту прямо противоположна, что говорит о близости, но не идентичности конструктов «переживаемая самооценка» и «декларируемая самооценка». 2) В целом выходцы из полных семей чувствуют себя более успешными, но менее счастливыми в жизни, в отличие от тех, кто воспитывался в неполной семье. Они, в свою очередь, ощущают себя более счастливыми и менее успешными в жизни. 3) Респонденты (и мужчины и женщины), выросшие в неполной семье и не имеющие собственной, относят себя к несчастливым и неуспешным. В то время как семейные испытуемые, выросшие в тех же условиях, относят себя к счастливым, но женщины – к успешным, а мужчины – к неуспешным. Все испытуемые, вышедшие из полных родительских семей (мужчины и женщины) и имеющие собственную семью, оценивают и переживают себя как успешных и несчастливых. В то время как их холостые товарищи по воспитанию относят себя к счастливым, но мужчины – и к успешным, а женщины – к неуспешным.

Обсуждая эти во многом неожиданные результаты, можно сказать, что факторы воспитания в полной или неполной родительской семье и наличие собственной семьи по отдельности не определяют характер оценки себя как счастливого и успешного. Но их сочетание значимо связано с самооценкой. Судя по всему, особенности родительской семьи формируют специфику личностного смысла собственной семьи. Для тех, кто вырос в неполной родительской семье, наличие собственной имеет, прежде всего, смысл основания чувствовать себя счастливым, в то время как для воспитывавшихся в полной семье собственный брак становится основанием чувствовать себя успешным. Можно даже предположить, что для выходцев из полной семьи собственная семья воспринимается как некий обязательный атрибут успеха, препятствующий, однако, ощущению счастья.

Т.И. Кузнецова

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТИПА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ С ОЦЕНКОЙ ИМИДЖА КОМПАНИИ И ВРМ

В настоящее время ни одна процветающая компания не «закрывает глаза» на такое понятие, как организационная культура. Именно с этого понятия и начинает свое существование любая успешная организация. В самом общем смысле организационная культура может быть определена как система общих действий, ценностей и убеждений, ко-

торые развиваются в компании и которых придерживаются все ее члены. Наряду со значимостью организационной культуры, выделяют и ее сложность, так как она весьма многообразна по своим составляющим. Одним из наиболее важных факторов организационной культуры можно назвать мотивационные ожидания сотрудников. Вопросы трудовой мотивации являются важными для любой организации, поскольку считается, что эффективный работник – это высоко мотивированный работник.

Не менее значимым для формирования организационной культуры является имидж компании. В наше время многие организации недооценивают важность формирования своего положительного имиджа. Имидж оказывает информационное, психологическое, эмоциональное воздействие на потребителя, соответственно манипулируя его выбором. Улучшая отношение потребителя к фирме и ее продукции, позитивный имидж оказывает непосредственное влияние, как на объем продаж, так и на удовлетворенность потребителей продукцией организации. Он формирует лояльность потребителя, расширяет сферу партнерства, облегчает доступ к различным ресурсам: финансовым, информационным, человеческим, материальным. Актуальность исследования имиджа заключается в том, что современный рынок не оставляет шанса на развитие тем компаниям, которые неправильно позиционируют себя на рынке; как известно, сегодня потребители покупают не товар, а «бренд».

Для определения взаимосвязи типа организационной культуры с оценкой имиджа компании и возможностью реализации мотивов было проведено эмпирическое исследование на базе кафетерия «Микс». Перед нами ставились задачи: оценить и сравнить реальный и желаемый профили организационной культуры предприятия; выявить оценку возможности реализации мотивов сотрудниками в организации и мотивационный профиль; определить оценку сотрудниками типа и параметров имиджа; выявить взаимосвязь типа организационной культуры с оценками имиджа и возможностью реализации мотивов. При организации данного исследования были отобраны специальные психодиагностические методики, такие как: диагностика типа организационной культуры OCAI (К. Камерон и Р. Куинн, адаптация Е.А. Родионовой), методика «Возможность реализации мотивов» – ВРМ (В.И. Доминяк), оценка типа имиджа организации (опросник И. Майерс и К. Бриггс, модиф. С.В. Мясниковой), оценка параметров имиджа (анкета О.В. Королевой). В исследовании приняли участие 50 человек (14 мужчин и 36 женщин) в возрасте от 17 до 35 лет.

Результаты психодиагностического следования на сотрудниках кафетерия «Микс» были подвергнуты математико-статистической обработке. Результаты диагностики позволили сделать вывод о реальной и предпочитаемой организационной культуре. Сотрудники оценивают культуру в компании на данный момент как иерархически-рыночную, что говорит об очень формализованной и структурированной организации, направленной на внешнее окружение и ориентированной на результат. Предпочитаемый профиль организационной культуры, по мнению сотрудников, – это клановый. Рецензенты предпочитают направленную на коллектив, на атмосферу в нем, культуру, стремящуюся создать из коллектива большую и сплоченную команду, которая готова занять лидирующие позиции.

По результатам методики ВРМ можно выделить наиболее реализуемые мотивы в данной организации – общение с коллегами, что подтверждает стремление сотрудников к клановому типу культуры. Сотрудники организации оценили существующий тип имиджа своей организации как ощущающе-экстравертный и предпочитали бы работать в организации с таким же типом имиджа. Можно сделать вывод, что сотрудники удовлетворены той атмосферой, в которой они работают, их предпочтения совпадают с существующим типом имиджа организации. Сотрудники оценили все параметры имиджа примерно на одном уровне. При этом чуть выше респонденты оценили такие реальные и предпочитаемые параметры имиджа, как фирменный стиль, оформление и персонал. По мнению работников, организация уделяет большое внимание своему фирменному стилю и оформлению, подчеркивая свою индивидуальность и конкурентоспособность на рынке. Была выявлена взаимосвязь типа организационной культуры с оценкой имиджа компании и возможностью реализации мотивов.

М.В. Кузнецова

ВЗАИМОСВЯЗЬ ГОТОВНОСТИ К ИННОВАЦИЯМ С АДАПТИВНЫМИ СВОЙСТВАМИ ЛИЧНОСТИ

Инновационность становится неотъемлемой характеристикой современной экономики. Персонал является важнейшей функциональной подсистемой предприятия и представляет собой ценнейший ресурс инновационного развития. Внедрение инноваций налагает определенные требования не только к компетентностной стороне личности, но и к ее адаптивным свойствам. Если принять, что инновация – это

процесс и результат целенаправленного изменения системы отношений в организации с целью повышения качества и последующей трансляции, то актуальность исследования очевидна. К инновации готовы все сотрудники. Но каждый человек готов к инновационной деятельности при определенных условиях.

Существует несколько типов готовности к инновациям (И.О. Загашев): готовность последовать за лидером, готовность при условии материального вознаграждения, готовность при условии взять на себя ответственность за инновацию, готовность при условии личностной и профессиональной реализации, готовность при условии отсутствия серьезных изменений, готовность на основании прошлого опыта, готовность на основании положительного эмоционального восприятия всего нового. Социально-психологическая адаптация имеет два уровня: поведенческий (социальная адаптация) и внутриличностный (психологическая, психическая адаптация). Составляющие социально-психологической адаптации следующие: «эффективная адаптация» – высокая степень адаптированности; «неполная адаптация», «неустойчивая адаптация» – снижение степени адаптированности в определенных социальных ситуациях; «дезадаптация» – нарушение адаптации.

Для выявления типов готовности к инновациям и адаптационных свойств личности сотрудников нами было проведено исследование на базе компании ООО «ГАРАНТ “Интернэшнл”». В исследовании участвовали сотрудники отделов продаж, сопровождения клиентов и горячей линии. Были использованы следующие методики: 1) опросник на определение типов готовности к инновациям И.О. Загашева; 2) опросник «Профессиональная дезадаптация» О.Н. Родиной; 3) многоуровневый личностный опросник (МЛО) «Адаптивность». В ходе исследования была получена картина взаимосвязи готовности к инновациям с адаптационными способностями личности; выявлена взаимосвязь готовности последовать за лидером в инновации с параметром «социальная интроверсия». Готовность к инновации при условии материального вознаграждения взаимосвязана с параметрами «эмоциональные сдвиги» и «поведенческая регуляция». Тип готовности к инновации при условии взять на себя ответственность коррелирует с параметрами «моральная нормативность», «социальная интроверсия», «гипомания». Тип готовности к инновации при условии личностной и профессиональной реализации взаимосвязан с параметрами «коммуникативный потенциал», «снижение мотивации к деятельности», «социальная интроверсия» и «профессиональная дезадаптация». Тип готовности при условии отсутствия серьезных изменений взаимосвязан с

параметрами «общий уровень дезадаптации», «ухудшение самочувствия», «снижение мотивации к деятельности», «ощущение усталости», «эмоциональные сдвиги», «особенности отдельных психических процессов», «соматовегетативные нарушения», отрицательно с параметрами «поведенческая регуляция», «личностный адаптационный потенциал», «коммуникативный потенциал».

Готовность к инновации на основании прошлого опыта взаимосвязана со шкалой психопатии. Готовность на основании положительного эмоционального восприятия всего нового взаимосвязана с параметрами «коммуникативный потенциал», «личностный адаптационный потенциал», «поведенческая регуляция», «ухудшение самочувствия», «снижение мотивации к деятельности», «социальная интроверсия». Таким образом, можно смело утверждать, что готовность к инновациям тесно взаимосвязана с адаптационными способностями личности. Это необходимо учитывать при подготовке инновационного проекта.

О.И. Кузьмина

ВЛИЯНИЕ ПОЛА И ГЕНДЕРА НА ПОСТРОЕНИЕ СИСТЕМЫ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ СВОЕЙ КАРЬЕРЫ

Стремление «сделать» карьеру является неотъемлемым желанием человека, ориентированного на реализацию своего личностного потенциала. В данной работе под карьерой понимаются индивидуально осознанная позиция и поведение, связанные с накоплением и использованием возрастающего человеческого капитала на протяжении рабочей жизни человека.

Цель исследования – определение специфических оснований для построения субъективной оценки карьеры в зависимости от половых и гендерных характеристик субъекта. Задачи исследования: 1. Выявление субъективных критериев оценки карьеры. 2. Определение специфических оснований построения системы субъективной оценки карьеры испытуемыми разного пола и типа гендерной идентичности. 3. Сравнение оснований для оценки карьеры у испытуемых. Гипотеза исследования: испытуемые разного пола и с разным типом гендерной идентичности характеризуются специфическими особенностями построения системы субъективных оценок своего карьерного продвижения. Выборка – 133 человека, из них 75 женщин, 58 мужчин.

В ходе исследования мы использовали различные методы: 1. Разработанная нами шкала субъективной оценки карьеры, построенная по

принципу шкал семантического дифференциала: 2. Методика определения типа гендерной идентичности, предложенная Сандрой Бэм. 3. Метод факторного анализа, позволяющий выявить основания для субъективной группировки отдельных критериев субъективной оценки карьеры.

При определении специфики построения системы субъективной оценки карьеры в исследуемых группах испытуемых были получены следующие результаты. Единственным общим фактором построения системы оценки карьеры является фактор характера успеха, он встречается у всех групп, кроме группы фемининных женщин, которые в меньшей степени ориентированы на профессиональную сферу, это связано с налаганием на них социальных ролей – роли матери, жены. Остальные факторы можно отнести к специфичным. Фактор динамики развития является специфичным только для женщин. Данные характеризуют то, что женщины поздно начинают строить свою карьеру и это требует определенной динамики развития карьерного продвижения. Фактор стабильности выявлен только в группе женщин. Это связано с тем, что женщины стремятся к постоянству места жительства и места работы. Фактор характера достижения ложится в основу у мужской выборки независимо от типа гендерной идентичности, а также у маскулинной выборки испытуемых, у фемининных женщин, все они связывают карьеру с легкой степенью продвижения по службе.

Люди, относящиеся к данным группам, ставят перед собой определенные профессиональные и карьерные цели, и им важно достигнуть их. Фактор обязательности реализации карьерного продвижения определяет субъективную оценку у людей маскулинного типа гендерной идентичности, маскулинных женщин, а также фемининных мужчин, что связано с большей ориентацией на профессиональную сферу. Фактор привлекательности ложится в основу построения оценки карьеры фемининными людьми, в частности фемининными женщинами. Карьера оценивается ими в большей степени не с точки зрения достижимости успеха, сколько с позиции его привлекательности, не обязательно реализуемой в реальной жизни. Фактор скорости определяет оценку карьеры только у маскулинных женщин, которые в свою очередь хотят продемонстрировать мужчинам свои способности в профессиональной сфере, доказать, что они имеют возможности достигнуть карьерных вершин, этому способствуют присущие им мужские качества личности.

На основании результатов эмпирического исследования можно сделать следующие выводы: 1. Полученные в ходе исследования ре-

зультаты подтвердили поставленную нами гипотезу о том, что испытуемые разного пола и с разным типом гендерной идентичности характеризуются специфическими особенностями построения системы субъективных оценок своего карьерного продвижения. 2. Главным и общим основанием оценки карьеры для людей независимо от пола и типа гендерной идентичности является характер успеха. Данное основание для субъективной оценки карьеры используют все испытуемые кроме фемининных женщин. К специфическим основаниям для построения системы субъективной оценки своей карьеры для людей, дифференцируемых по половым и гендерным характеристикам, относятся такие факторы, как фактор характера достижения карьеры, фактор привлекательности карьеры, фактор скорости карьерного продвижения, а также фактор обязательности реализации карьерного роста.

О.А. Куприна, Н.П. Дедов

ДИАГНОСТИКА ВНУТРЕННИХ ВАКУУМОВ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

Одним из важных аспектов изучения смысла жизни является вопрос дезинтеграции в ценностно-мотивационной сфере, проявляющийся в возникновении внутренних конфликтов и внутренних вакуумов (Е.Б. Фанталова). Опираясь на положения западного экзистенциального подхода в психологии, необходимо заметить, что проблема смысла жизни неразрывно связана с такими понятиями, как «экзистенциальные вакуумы» (В. Франкл), «ощущение внутренней пустоты» (П. Тиллих), возникновение и увеличение которых приводит к повышению внутренней тревоги, часто трансформирующейся в страх.

Проведенное в нашей работе исследование дало возможность эмпирическим путем установить связь смысла жизни студентов-психологов с образованием в их ценностно-мотивационной сфере внутренних вакуумов, которая явилась причиной их дальнейшей диагностики и изучения в контексте вопроса о смысле жизни. В исследовании приняли участие студенты первого курса психологических факультетов московских вузов в возрасте 17–19 лет, общее число выборки составило 162 человека.

В качестве диагностического материала использовались методики: «Уровень соотношения “Ценности” и “Доступности” в различных жизненных сферах» (УСЦД) Е.Б. Фанталовой; «Уровень субъективного контроля» (УСК) Е.Ф. Бажина, А.М. Эткинда; «Социальные страхи»

Л.Н. Грошевой; шкала самооценки личностной тревожности (ЛТ) Ч. Спилбергера – Ю. Ханина. Первичная обработка результатов, а также данные однофакторного дисперсионного анализа ($F = 4{,}087$ при $p < 0{,}01$) дали возможность определить зависимость изменения уровня личностной тревожности от увеличения количества внутренних вакуумов. Повышение у студентов-психологов уровня тревожности, вызванного увеличением числа внутренних вакуумов, может указывать на возникновение у них психологического состояния, схожего по своему проявлению с невротическими переживаниями, возникновение которых связано с экзистенциальными причинами.

В ходе статистического анализа результаты ранговой корреляции Спирмена показали существование обратной связи между внутренними вакуумами и шкалой «Общая интернальность» ($r = -0{,}365$ при $p < 0{,}0001$); а также прямых корреляционных связей со шкалами: «Личностная тревожность» ($r = 0{,}406$ при $p < 0{,}0001$), «Страх неудачи и поражения» (№ 1) ($r = 0{,}215$ при $p < 0{,}05$) и «Страх самостоятельности» (№ 4) ($r = 0{,}270$ при $p < 0{,}001$). Мы предполагаем наличие связи страха неудачи и поражения с преобладанием у студентов-психологов, имеющих большое число внутренних вакуумов, мотивации к избеганию неудач, как фактора, не дающего полной реализации и воплощения в жизнь значимых для студентов ценностей.

Высокие показатели страха самостоятельности отражают, в первую очередь, страх нести ответственность за свою жизнь, проявляющийся в пассивной жизненной позиции, сопровождающейся также страхом предъявлять требования к внешней среде, податливостью, конформизмом, зависимостью от обстоятельств, с тенденцией «плыть по течению», несмотря на то, что складывающаяся жизненная ситуация не является полностью удовлетворяющей. Обратная корреляционная связь между внутренними вакуумами и шкалой общей интернальности согласно методике «Уровень субъективного контроля» подтверждает, что степень расхождения между «доступным» и «ценным» у студентов-психологов первого курса неразрывно связана с их способностью брать ответственность за события своей жизни.

Таким образом, образовавшиеся в ценностно-мотивационной сфере студентов внутренние вакуумы непосредственно связаны как с эмоциональной, так и с волевой сферами личности. И если в первом случае увеличение числа внутренних вакуумов влияет на эмоциональную сферу через повышение тревожности и социальных страхов, то взятие на себя ответственности за свою жизнь, сознательный анализ происходящих в ней событий, а также принятие самостоятельных решений

может вести к снижению дезинтеграции в ценностно-мотивационной сфере.

Н.А. Курганский

ПРОБЛЕМА НОРМ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПСИХИЧЕСКИМ СОСТОЯНИЯМ

В современной психодиагностике описание большинства тестовых процедур сопровождается представлением количественных или качественных критериев оценки результатов тестирования (иначе говоря, норм), позволяющих охарактеризовать выраженность измеряемых признаков (Л.Ф. Бурлачук, 2007). Причем нормы могут быть локальными, характеризующими распределение референтных тестовых параметров в ограниченных, специфических популяциях, или универсальными, охватывающими широкие возрастные, социальные и другие слои населения. В подавляющем большинстве случаев эти параметры служат индикаторами-коррелятами различных психических свойств – устойчивых индивидуально-психологических особенностей человека. Общепринятое здесь нормативное измерение (оценивание) естественно предполагает установление локализации тестовых оценок испытуемого внутри их распределения в эталонной группе (популяции).

Однако, несмотря на, казалось бы, бесспорную ассоциацию понятия «нормы» с нормативным оцениванием, мы попытаемся примерить это понятие к иному виду оценивания – ипсативному. Как известно, ипсативное измерение (оценивание) направлено на выявление внутрииндивидуальных соотношений и не связано с определением межиндивидуальных различий (Б.В. Кулагин, 1984). Согласно тому же Б.В. Кулагину, «чистое» ипсативное оценивание исходит из анализа распределения того или иного показателя у отдельного испытуемого с последующим соотнесением каждого значения исключительно с его индивидуальной нормой. Очевидно, что тем классом психических явлений, к которому более всего приложим данный подход, являются психические состояния.

Так как расчет норм для психических состояний будет существенно методически отличаться от подобной процедуры для психических свойств, прежде всего тем, что каждый раз они будут относиться к отдельному субъекту, то выборка стандартизации здесь будет представлена совокупностью психических состояний субъекта в процессе его жизнедеятельности. При этом стратификация различных аспектов получения тестовых данных и вытекающая отсюда репрезентативность

тестовых норм может основываться, как минимум, на двух переменных, в той или иной мере влияющих на характеристики психического состояния обследуемого. Это, во-первых, особенности психологической ситуации, в которой находится (или непосредственно перед этим находился) субъект в период регистрации показателей его психического состояния, и, во-вторых, положение времени регистрации соответствующего показателя на обобщенной кривой «естественной» суточной динамики этого показателя.

Стандартизация репрезентативных совокупностей показателей психического состояния, т. е. приписывание измеряемым значениям этих показателей стандартных баллов, а также, если это необходимо, их нормализация позволят строить профиль каждого отдельно взятого состояния; и особенности такого профиля могут быть отнесены к «чисто ипсативному» оцениванию (в отличие, например, от «профиля личности», получаемого на основе интраиндивидуального сопоставления интериндивидуальных шкальных оценок в некоторых известных тестах).

Однако полностью игнорировать групповые ориентиры при измерении психических состояний вряд ли целесообразно. Ведь степень «ипсативности» у разных методик и показателей может существенно различаться: от весьма высокой для ряда физиологических проб и характеристик субъективного переживания до умеренной для многих экспериментально-психологических показателей. А при оценивании состояний внешними наблюдателями-экспертами индивидуальные системы отсчета (наблюдаемых) вообще особой роли не играют. Поэтому для целого ряда показателей стандартные оценки, рассчитанные интраиндивидуально, могут дополняться подобными же оценками, полученными на группе испытуемых, исходя из распределения индивидуальных средних. То есть какой-либо показатель при диагностике конкретного состояния у конкретного человека может характеризоваться двумя числами (например, шкальными баллами).

Вообще же образование норм, построение диагностических профилей, а также расчет производных показателей (т. е. стандартизация в ее более узком значении) могут быть в полной мере реализованы только в рамках континуального подхода к измерению психических состояний, при котором любое состояние описывается одним и тем же набором переменных, принимающих различные значения и распределенных согласно некоторым статистическим законам.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 09-06-00144а).

О.Л. Курчигина

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДЕТЕЙ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Актуальность исследования роли пространственно-временных представлений рассматривается нами в контексте формирования навыков письма у детей с задержкой психического развития. В психологической литературе часто указывается на значение сферы пространственных представлений в качестве предпосылки формирования навыков письма, но недостаточно показана роль временных представлений (Н.Г. Манелис, 2000; Л.С. Цветкова, 2000; О.В. Защиринская, 2006).

Новизна данного исследования заключается в изучении сферы пространственно-временных представлений в качестве целостного неделимого конструкта, оказывающего непосредственное влияние на процесс формирования и развития навыков письменной речевой деятельности у детей. Объектом нашего исследования стали ученики третьих классов специальной (коррекционной) школы VII вида с диагнозом «смешанное специфическое расстройство психического развития» (F-83, МКБ-10) и ученики третьих классов общеобразовательной школы. Общее количество испытуемых составило 61 человек.

Результаты эмпирического исследования с помощью 8 методик показали, что пространственные представления учащихся с задержкой психического развития характеризуются неравномерным уровнем сформированности, фрагментарностью и недостаточной структурированностью. Снижение показателей развития когнитивных процессов указывает на темповую задержку в развитии пространственных представлений, которая проявляется на вербальном и невербальном уровнях. Временные представления у этих учащихся отличаются от успешно обучающихся сверстников недостаточным уровнем обобщенности и дифференцированности, отсутствием устойчивых родо-видовых отношений в их структуре.

На вербальном уровне наименее развитыми у младших школьников с задержкой психического развития являются временные представления. Невербальные пространственно-временные представления у всех учащихся оказались наиболее развитыми. Их работы обладают специфическими неточностями. Например, при копировании геометрических фигур школьники с различной успеваемостью допускают координатные и метрические ошибки. Они демонстрируют устойчивые ошибки при пространственной ориентировке на листе бумаги, ис-

пытывают трудности в произвольной перцептивной и моторной организации своих действий. Степень сформированности пространственных представлений у учащихся с задержкой психического развития на вербальном уровне совпадает с уровнем овладения пространственными представлениями невербального уровня. Нормально развивающиеся ученики демонстрируют более эффективные результаты при оперировании пространственными представлениями на вербальном материале.

Ученики обеих групп с одинаковой успешностью ориентируются в пространственных представлениях (право–лево) на невербальном материале с опорой на схему тела. Такие временные представления, как представления о возрасте, временах года, днях недели и времени суток у нормально развивающихся учащихся в отличие от испытуемых экспериментальной группы полностью сформированы. Временные представления о месяцах усваиваются со значительными затруднениями испытуемыми обеих групп.

Преобладание у учащихся с задержкой психического развития орфографических ошибок во внутренней структуре слов над количеством допущенных ошибок на уровне целостных смысловых конструкций – словосочетаний и предложений – свидетельствует о недостаточной сформированности образов графем. Определяется закономерность в том, что более высокий уровень сформированности пространственных и временных представлений (особенно вербальных) обусловливает успешность овладения навыками письма. Фрагментарность,
неструктурированность и неустойчивость связей в иерархии пространственно-временных представлений учащихся с задержкой психического развития препятствует их своевременному овладению навыками письма.

Выявленные при изучении графомоторных навыков сложности пространственной ориентировки на листе бумаги и произвольной перцептивной и моторной организации действий также влияют на процесс формирования и развития навыков письменной речевой деятельности, но не становятся основополагающими причинами возникновения школьных затруднений. Все эти особенности проявляются не только в многочисленных оптико-пространственных ошибках, но и в индивидуальных различиях сформированности графических навыков учащихся. Страдает скорость, четкость и устойчивость навыков письма.

Правильным образом организованное специальное обучение приводит к положительной динамике развития пространственно-временных представлений у детей с задержкой психического развития.

Е.Н. Кутеева

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ДРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ У ПОДРОСТКОВ «ГРУППЫ РИСКА»

Отношения со сверстниками играют важную роль в личностном развитии подростка, они оказывают влияние на характер и особенности общения, помогают подростку социализироваться. Нам показалось интересным исследовать особенности восприятия дружбы и дружеских отношений у подростков «группы риска» и сравнить их с особенностями восприятия дружбы и дружеских отношений у подростков, воспитывающихся в семьях. Было поставлено несколько задач: выявление особенностей понимания дружбы и дружеских отношений, умения их строить у подростков «группы риска» и подростков, воспитывающихся дома в их сравнении; выявление особенностей понимания дружеских отношений и представлений о дружбе у подростков различных возрастных категорий, у мальчиков и девочек.

В исследовании принимали участие 60 подростков в возрасте 11–15 лет: 30 подростков «группы риска» и 30 подростков, воспитывающихся в родных семьях. Подростки были разделены на две возрастные группы: 11–13 лет и 14–15 лет.

Исследование проводилось с помощью арт-терапевтической методики «Мой друг» и метода контент-анализа высказываний на тему: «Дружба – это…», «Настоящий друг – это…». Параметрами анализа рисунков были: наличие фигуры друга и автора рисунка, количество нарисованных друзей, наличие совместной деятельности, параметры, говорящие о степени эмоциональной близости, наличие дополнительных деталей в рисунке (деревья, дороги и т. д.), степень заполненности пространства листа.

В ходе проведения исследования было выявлено следующее: 1. В рисунках подростков «группы риска» отсутствует фигура друга. Индивидуальная беседа, проведенная с ними после проведения методики, показала, что подростки вне зависимости от возраста говорят, что их друг еще не подошел или отошел и сейчас придет. Это, возможно, говорит об отсутствии друзей у этих подростков, эмоционально незаинтересованном отношении к ним. В рисунках подростков, воспитывающихся в семье, друг присутствует всегда. 2. Подростки, воспитывающиеся дома, чаще, чем их сверстники «группы риска», прорисовывают совместную с их другом деятельность (поход, прогулка в зоопарк и т. д.). В рисунках подростков «группы риска» это прорисовывается редко. 3. У подростков, воспитывающихся в родных семьях,

шире круг общения, чем у их сверстников «группы риска». Они причисляют к своим друзьям домашних животных, компьютер и т. д. 4. Подростки 11–15 лет, воспитывающиеся в родных семьях, демонстрируют большую целостность своей личности, тогда как у подростков «группы риска» этот показатель проявляется единично. Также незаполненность листа проявляется у 14–15-летних подростков «группы риска». 5. У подростков 14–15 лет в рисунках присутствует друг противоположного пола. Этот показатель отсутствует у подростков «группы риска» той же возрастной группы. 6. На рисунках обеих групп подростков присутствуют характеристики, говорящие об эмоциональной близости с другом, но у подростков «группы риска» таких рисунков меньше. 7. У подростков-мальчиков, воспитывающихся в семьях, в рисунках присутствует компания друзей. Подростки-мальчики «группы риска» рисуют единичных друзей либо не рисуют друга вообще. 8. По характеру эмоционального отношения к другу подростки всех возрастов демонстрируют эмоционально положительное отношение, проявляющееся в направленности на друга, близком расстоянии от него и т. д. Подростки «группы риска» демонстрируют эмоционально нейтральное отношение к другу. 9. Идентификации подростка с другом больше у 14–15-летних подростков, чем у подростков в возрасте 11–13 лет.

Контент-анализ высказываний на тему дружбы и настоящего друга показал, что и те и другие подростки вне зависимости от пола и возраста имеют адекватные представления о дружбе и качествах настоящего друга. В целом рисунки подростков «группы риска» говорят об узком круге отношений и отсутствии стремления увеличить сферу отношений.

Контакты и дружеские интересы подростков, воспитывающихся в семьях, разнообразнее и глубже, чем у их сверстников «группы риска». Рисунки подростков «группы риска» менее красочны, часто имеют эмоционально нейтральный фон, они реже, чем их сверстники из семей, идентифицируют себя с другом. Подростки «группы риска» не имеют практических представлений о совместной с другом деятельности. Возрастная динамика отношения и понимания дружбы подростков, воспитывавшихся в семьях, более выражена, чем у подростков «группы риска». Все это говорит о неразвитости практических представлений подростков «группы риска» о друге и дружбе, об отсутствии в их понимании дружбы как значимого, эмоционально близкого отношения.

А.В. Кутенев

ОЦЕНКА ЛИЧНОСТНЫХ СВОЙСТВ ЧЕЛОВЕКА ПО ВЫРАЖЕНИЮ ЛИЦА С ИЗМЕНЕНИЕМ ЕГО ВОЗРАСТА

С течением возраста у человека формируются устойчивые изменения в выражении лица, появляется характерный прищур, образуются индивидуальные деформации кожи, видоизменяются линии бровей, рта и т. п. Эти преобразования происходят в течение многих лет и отражают отношение человека к окружающим людям, интенсивность его эмоциональной жизни, определенные его личностные свойства и т. п. В этой связи возникает вопрос о влиянии возрастных изменений лица человека на оценку его индивидуально-психологических особенностей.

Цель исследования – изучение оценок психологических особенностей людей разного возраста по их выражению лица. Был использован следующий стимульный материал. В качестве тест-объектов выбраны черно-белые фотографии (10 × 15 см) двух моделей – мужчины и женщины. Мужчина в возрасте 20, 32, 43, 53 и 64 года, женщина – 19, 31, 42, 53 и 64 года. На всех фотографиях были удалены изображения волос. Фотосъемка моделей в 64 года была сделана в настоящее время. Модели находились в спокойном состоянии, взгляд направлен прямо.

Фотографии в пяти разных возрастах были предоставлены моделями для проведения исследования. Таким образом, были созданы пять возрастных групп. Все фотографии стандартизировались с помощью программы Jasc Paint Shop Pro 8. В исследовании в качестве испытуемых приняли участие 100 человек (50 мужчин и 50 женщин) в возрасте 40–70 лет. Испытуемые и модели никогда не встречались и не были знакомы.

Процедура исследования: от испытуемого требовалось с помощью шкал методики «Личностный дифференциал» оценить свои черты характера, после этого – черты характера модели. Фотоизображения моделей демонстрировались в случайном порядке, время оценки не ограничивалось. Испытуемый работал индивидуально с одним фотоизображением.

Для сравнения пяти независимых выборок (5 возрастных групп фотоизображений выражения лица) использовался непараметрический критерий Н. Краскала-Уоллеса, для попарного соотнесения выборок – U-критерий Манна–Уитни. Обработка данных показала, что с изменением возраста модели оценки по 15 личностным характеристикам статистически значимо различаются. Для выявления выраженности изучаемых свойств личности применялся U-критерий Манна–Уитни.

Общая закономерность оценок такова, что с увеличением возраста человек воспринимается более молчаливым, добросовестным, уступчивым, независимым, честным, невозмутимым, вялым, спокойным. Наименее добросовестными и более замкнутыми воспринимаются модели в возрасте 20 лет. Модели в 64 года оцениваются как нерешительные, по сравнению со всеми другими возрастными вариантами. Можно говорить о наличии гипотетической границы между 50–60 годами, ниже которой модели оцениваются как решительные, а выше – как нерешительные.

По шкале «вялый–энергичный» наблюдается линейное снижение оценок, т. е. чем старше натурщик, тем более вялым он воспринимается. Это противопоставление характерно особенно для оценок моделей в 20 и 32 года – оценкам моделей в 64 года. В 64 года модели воспринимаются более спокойными. Выявлен резкий разрыв между оценками моделей в 20 лет и оценками моделей всех других возрастов. Другими словами, в 20 лет человек воспринимается по сравнению с другими как наиболее суетливый.

Следующая закономерность проявляется в том, что чем старше человек, тем более самостоятельным он воспринимается. Можно говорить о гипотетической границе между 20 и 30 годами, ниже которой натурщик воспринимается как несамостоятельный и выше которой – как самостоятельный. Интерпретация оставшихся шкал («обаятельный–непривлекательный», «слабый–сильный», «деятельный–пассивный», «черствый–отзывчивый», «уверенный–неуверенный» и «нелюдимый–общительный») затруднена в силу неоднозначности конкретных оценок моделей по разным возрастам.

Вывод: при оценке значительной части свойств личности возраст модели оказывает существенное влияние на восприятие личностных характеристик человека.

М.А. Куцырева

РЕЧЬ КАК ИНДИКАТОР СОСТОЯНИЯ

Психическое состояние можно рассматривать как совокупность генетических программ, запускаемых наличной ситуацией. Представляется интересной возможность оценить эмоциональное состояние человека по речевым характеристикам, не прибегая к процедуре тестирования. Спонтанная речь – доступный материал, который всегда мо-

жет быть проанализирован. Основная гипотеза исследования: по характеристикам речи человека можно судить о его состоянии.

Цель исследования – установить взаимосвязь между психофизиологическим состоянием и характеристиками интервью. В исследовании приняли участие 85 человек – студенты факультета психологии. Возраст испытуемых 18–32 года.

Использовались следующие методики. Физиологические показатели: альфа-индекс, максимальная амплитуда альфа-ритма, отношение фронтов волн, средняя частота ЭЭГ, частота сердечных сокращений ЧСС, систолическое давление СД, диастолическое давление ДД, пульсовое давление, средне-динамическое давление СДД, ударный объем выброса крови, минутный объем кровотока, периферическое сопротивление кровотоку, вегетативный индекс Кердо, частота дыхания, объем дыхания ОД, жизненная емкость легких ЖЕЛ, статический и динамический тремор правой и левой рук, динамометрия правой и левой кистей рук. Психологические: шкала самооценки (Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина), личностная шкала проявлений тревоги (Дж. Тейлор), оценка психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности (Н.А. Курганский) ПА, И, ЭТ, Н, К, психологическая диагностика индекса жизненного стиля ИЖС, шкала дифференциальных эмоций Изарда (К. Изард, 1980). Интервью: в течение полутора минут человек рассказывал о своем хобби (на диктофон). Потом рассказ записывался в качестве текста.

Были получены следующие результаты. На основании показателей по тревожности выборка была разделена на три группы: тревожные, средние и стабильные. Наиболее интересными оказались различия в функционировании ССС. Средний R–R интервал в группе тревожные составляет 0,8, в группе средние 0,96, а в группе стабильные 0,96, т. е. пульс выше у тревожных, далее идут средние и меньше всего он у стабильных. ЧСС минимальна в группе стабильные (68,87), в группе средние составляет 69,63, в группе тревожные 74,29. У тревожных наиболее низкие показатели ПА (тревожные 15,55; средние 13,57; стабильные 9,21), И (11,74; 10,04; 7,64), ЭТ (12,16; 8,7; 5,3) и К (14,32; 10,39; 7,07). У испытуемых группы тревожные самое высокое Н (13,03) по сравнению с группами средние (9,91) и стабильные (9,68). Для всех видов психологической защиты, за исключением отрицания (49,23; 69,67; 78,31), интеллектуализации (39,84; 37,08; 43,14) и реактивных образований (53,07; 44,71; 50,59), самые высокие показатели у испытуемых группы тревожные, затем средние и стабильные. Отрицание противопоставлено другим видам психологической защиты, так

как наиболее высокая оценка у испытуемых группы стабильные (78, 31), а самая низкая – у испытуемых группы тревожные (49,23). Для испытуемых группы тревожные характерно большее количество ошибок согласования (тревожные 0,86, стабильные 0,21), незакрепленность места зависимых членов предложения по отношению к главному (тревожные 1,47, стабильные 1,1). Если рассмотреть результаты корреляционного анализа, можно сказать следующее: тревожность прямо коррелирует с СД ($r = 0,26$; $P \leq 0,05$) и ДД ($r = 0,28$; $P \leq 0,05$), ОД ($r = 0,26$; $P \leq 0,05$) и СДД ($r = 0,31$; $P \leq 0,01$); обратно коррелирует со средним R–R интервалом ($r = – 0,25$; $P \leq 0,01$). Получается, что при увеличении показателей тревоги увеличиваются давление, пульс и объем дыхания. Была выявлена взаимосвязь между числом предложений и альфа-индексом ЭЭГ ЛП ($r = 0,23$; $P \leq 0,05$), средним R–R интервалом ($r = 0,28$; $P \leq 0,01$). Значит, при снижении активности ЛП мозга и снижении пульсации увеличивается количество предложений в речи. То есть красноречивость – признак низкой активации нервной системы. Время интервью отрицательно коррелирует с максимальной амплитудой ЭЭГ ЛП ($r = – 0,24$; $P \leq 0,05$). То есть при увеличении активности ЛП мозга человек начинает говорить емко и кратко.

Выводы: 1. Речь более организована при высокой активации коры мозга. Если активация коры снижена, но нужно говорить, то привлекаются более древние, но менее рациональные способы формирования (путем запуска вегетативных механизмов). 2. Индикатором состояния тревоги в речи могут служить количество ошибок согласования, незакрепленность места зависимых членов предложения по отношению к главному, увеличение количества существительных и прилагательных в соотношении с количеством глаголов.

С.Ю. Лавренчук

ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ СЕМЕЙНО-ПОКОЛЕНЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПСИХОЛОГИИ

Как семейно-поколенческие рассматриваются исследования представителей двух и более поколений в составе одной семьи, которые основаны на сопоставлении полученных для представителей различных поколений данных. Идея проведения исследований для изучения семейного наследования с участием нескольких поколений всегда привлекала зарубежных и отечественных исследователей. Однако в основном в них участвуют лишь два поколения семьи и исследуются

лишь приписываемые свойства (не реальные характеристики, а приписываемые одним поколением другому) в основном ретроспективно.

На этом строятся берущий свое начало с работ Ф. Гальтона конца 60-х гг. XIX в. широко распространенный в наши дни в зарубежной и отечественной семейной психологии (М. Боуэн, Ф. Каслоу, А. Шутценбергер, В. де Гольжак, А. Черников, А. Варга и др.) генеалогический метод и производный от него метод геносоциограммы. Значимость и труднодоступность реальных исследований представителей трех поколений родственников в составе одной семьи отмечается зарубежными психологами (Т. Шибутани, 1969, Л. Ивз и др., 1999, К. Фингермэн, 2003 и др.).

Наиболее часто в семейно-поколенческих исследованиях изучаются неадаптивные формы развития, исследуемые клиническими семейными психологами (А. Захаров, 2006; Э. Эйдемиллер, В. Юстицкис, 1999 и др.) и генетиками поведения, или достаточно специфические социальные установки, применяемые социальными психологами в экспериментальных исследованиях (Р. Бойд, П. Ричерсон, 1985; Э. Пайнс, К. Маслач, 2001 и др.).

Нами было проведено эмпирическое исследование изучения системы отношений, оказывающей влияние на его поведение и, в силу этого, являющейся значимой для понимания человека, женщин 3-х поколений в составе одной семьи: бабушек, матерей и дочерей. В качестве психодиагностических были использованы: методика Шварца для изучения ценностных ориентаций личности, Тест смысложизненных ориентаций Леонтьева, Методика диагностики межличностных отношений Лири, Q-сортировка для диагностики показателя самооценки, авторский опросник для выявления представлений об успешности и идеальном партнере. Изучение прямых родственников одного пола устраняет влияние гендерных различий и усиливает вероятность генетического и культурного наследования. Изучение системы отношений личности одновременно в двух аспектах: как представителя одного из поколений в рамках семьи и как представителя одного из поколений более крупной социальной формации, общества, имеет свои сложности, связанные с формированием репрезентативной выборки и преимущества: возможность при сравнении разных поколений максимально устранить или нивелировать различия в культурном контексте, социально-экономическом статусе, национальности и религиозных убеждениях; совмещенные подходы к изучению личности взаимно дополняют друг друга, в результате чего личность предстает более объемно и конкретно.

В результате проведенного эмпирического исследования выявлено: 1. Наибольшими межпоколенными различиями характеризуется выраженность ряда динамических характеристик, описывающих способ отношения с миром: рост значимости ценностей самовозвышения и открытости изменениям при убывании значимости ценностей самотрансцендентности и консерватизма; уменьшение выраженности факторов доминирования и дружелюбия в межличностном взаимодействии; рост значимости жизни в настоящем; уменьшение значимости внешней оценки успешности собственной жизни при росте значимости собственных оценок от старшего к младшему поколению женщин. 2. Структуры внутренних связей системы отношений женщин каждого из поколений неодинаковы, что позволяет рассматривать их в качестве характеристик каждого из «социальных характеров». 3. Наибольшим семейным влиянием характеризуется показатель внутреннего локуса контроля, отражающий веру в собственную способность контролировать жизнь; уровень самооценки; выраженность стилей поведения, относящихся к ориентации враждебность.

Полученные результаты дают возможность прогнозировать и выявлять противоречивые моменты во взаимодействии представителей разных поколений; прогнозировать тенденции изменения мировоззренческих ориентиров грядущих поколений в связи с изменениями в социальной реальности. Несмотря на трудоемкость и труднодоступность, семейно-поколенченские исследования являются актуальными перспективными в силу своей высокой информативности и концептуальности, придаваемой участием трех поколений.

Л.П. Лассан

ОБ ОБЩИХ И СПЕЦИФИЧЕСКИХ ФАКТОРАХ В ДЕТСКОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ НЕЙРОПСИХОЛОГИИ

Клиническая нейропсихология детского возраста до настоящего времени остается мало разработанной областью медицинской психологии. Это обусловлено многими причинами, в том числе сложностью сопоставления результатов нейропсихологического исследования малочисленных групп больных, разнородных по возрасту, полу, виду церебральной патологии, локализации и латерализации мозгового повреждения. В нашем исследовании впервые в отечественной психологической науке на большом клиническом материале (689 пациентов), верифицированном современными визуальными методиками (КТ, МРТ) и в

процессе хирургического лечения, получены сведении об особенностях когнитивной сферы у детей четырех возрастных групп (7–9, 10–12, 13–15 и 16–18 лет) обоего пола с церебральной патологией. С помощью комплекса патопсихологических и нейропсихологических методик проведено сравнительное исследование различных показателей памяти, внимания, речи, гнозиса, праксиса, чтения, письма и счета у больных с арахноидальными кистами головного мозга (142 чел.), опухолями головного мозга (352 чел.), цереброваскулярной патологией (117 чел.), гидроцефалией (78 чел.) и у здоровых детей (119 чел.).

При анализе обширного эмпирического материала была выдвинута гипотеза, что на состояние психической деятельности больных детей оказывают влияние две группы факторов: общие для всех индивидов свойства (возраст и пол) и специфические особенности нейрохирургической патологии (вид, латерализация и локализация). Для выявления закономерностей нарушений психических функций и лежащих в основе этого причин была осуществлена всесторонняя статистическая обработка полученных данных, которая включала вычисление средних величин, стандартных отклонений, значимости различий, а также дисперсионный, корреляционный, факторный, регрессионный и дискриминантный анализ.

При изучении влияния индивидных свойств и особенностей церебральной патологии на когнитивные функции больных детей получены новые научные данные. Выявлено, что чем старше больные дети, тем менее выражены у них нарушения психических функций относительно возрастной нормы. С увеличением возраста пациентов имеет место тенденция к сближению данных больных и здоровых детей, особенно это касается показателей высших корковых функций – гнозиса и праксиса. Возрастная динамика нарушений определяется видом патологии.

Во всех возрастных группах наибольшие нарушения психических функций обнаружены у больных с врожденной гидроцефалией, которая характеризуется обширными диффузными повреждениями головного мозга. Степень нарушения психических функций у исследованных детей зависела также от их пола. У мальчиков всех возрастов были выявлены более выраженные нарушения когнитивных функций по сравнению с нормой, чем у девочек. При этом во всех сравниваемых клинических группах значимые отличия от нормы чаще были отмечены в возрастных периодах, соответствующих началу полового созревания (13–15 лет у мальчиков, 10–12 лет у девочек). Влияние фактора пола на состояние психической деятельности больных детей, как и влияние фактора возраста, зависело от характера мозговой патологии:

при сосудистой патологии и арахноидальных кистах оно было наибольшим, при опухолях и, особенно, гидроцефалии – практически нивелировалось.

Таким образом, обнаружена следующая закономерность: чем более интенсивной и распространенной является патология головного мозга, тем меньшее влияние на состояние когнитивной сферы ребенка оказывают его индивидные свойства (общие факторы: возраст и пол), и наоборот. Влияние фактора латерализации поражения головного мозга в наибольшей степени проявлялось при сосудистой патологии, в наименьшей – при кистах. Левополушарные патологические процессы чаще, чем правополушарные, вызывали нарушения всех исследованных психических функций. Эта тенденция более отчетливо проявлялась в младших возрастных группах. С увеличением возраста наблюдалось уменьшение частоты нарушений психических функций у больных детей как с левополушарной, так и с правополушарной патологией (особенно у пациентов с арахноидальными кистами и сосудистыми заболеваниями).

Полученные результаты расширяют теоретические представления об особенностях реализации психических функций у детей и подростков в условиях церебральной патологии с учетом особенностей морфофункционального созревания мозга в целом, а также совершенствования процессов интеграции и специализации его отдельных структур.

А.Л. Лебедева

ВОЗМОЖНОСТИ СМИЛ В РАЗНОСТОРОННЕМ И РАЗНОУРОВНЕВОМ АНАЛИЗЕ ЛИЧНОСТИ

Современные условия жизни формируют потребность у населения на обращение за психологической помощью и в то же время предоставляют широкий спектр подобных услуг, включающий оказание психологической помощи как на коммерческой, так и на бюджетной основах. В связи с растущим количеством соответствующих запросов, специалистам необходимы точные и емкие психодиагностические методы разностороннего и разноуровневого исследования личности, причем, желательно, компьютеризированные, так как они позволяют значительно сократить и время обследования, и время интерпретации результатов.

Психодиагностика необходима для краткосрочной терапии и консультирования в целях составления объективного мнения о клиенте, прояснений запроса, отслеживания терапевтических результатов, вы-

явления акцентуаций и пограничных состояний. Одним из наиболее мощных современных методов комплексного обследования личности является стандартизированный многофакторный метод исследования личности Л.Н. Собчик (СМИЛ). Методика рассчитана на обследование лиц 16–80 лет, с образованием не ниже 6 классов средней школы, с сохранным интеллектом. Процесс тестирования занимает чуть больше часа работы самого обследуемого и 5 минут на обсчет данных. Применение данного опросника позволяет достаточно быстро получить представление о структурных компонентах личности, мотивационной направленности, защитных механизмах, эмоциональном фоне, индивидуальном типе реагирования, полоролевом статусе, стиле межличностного взаимодействия, возможном типе дезадаптации, рекомендации по выбору профессии и коррекционному подходу и т. п.

СМИЛ представляет собой модифицированный и рестандартизированный Л.Н. Собчик тест MMPI и базируется на ином концептуальном и методологическом подходе. В связи с реадаптацией опросника большинство базисных шкал имеет новые названия, соответствующие их психологической сущности: 1-я шкала – шкала «невротического сверхконтроля», 2-я шкала – шкала «пессимистичности», 3-я шкала – шкала «эмоциональной лабильности», 4-я шкала – шкала «импульсивности», 6-я шкала – шкала «ригидности», 7-я шкала – шкала «тревожности», 8-я шкала – шкала «индивидуалистичности», 9-я шкала – шкала «оптимизма и активности», не изменились названия двух шкал: 5-я шкала – шкала «женственности-мужественности» и 0-я шкала – шкала «социальной интроверсии», а также названия почти двухсот дополнительных шкал, не входящих в построение личностного профиля.

Отмечен ряд особенностей профиля, отражающих определенные психологические черты и установку обследуемого на тестирование. «Утопленный» профиль (показатели большинства шкал – ниже 45 Т) отражает тенденцию клиента избежать откровенности и приблизить свои показатели к норме. «Невротическим», или профилем с негативным наклоном, называется профиль с повышением на 1-й, 2-й и 3-й шкалах (невротической триады), при этом может присутствовать второй пик по 7-й и 8-й шкалам. Профиль с позитивным наклоном (подъем 4-й, 6-й, 8-й, 9-й шкал) выявляет высокий риск поведенческих реакций. Если все показатели находятся между 45 и 55 Т, профиль называется «линейным» и чаще встречается у гармоничных личностей, относимых к конкордантной норме. «Пограничный» профиль выявляет акцентуацию личности, при этом наиболее высокие показатели достигают 70–75 Т, а остальные – ниже 54 Т. «Плавающий» профиль характеризуется

повышением показателей (выше 70) по большинству шкал, отсутствием показателей ниже 55 Т, показателями достоверности между 65 и 90 Т и свидетельствует о выраженном стрессе и дезадаптации личности.

Анализ результатов основан на статистической процедуре обсчета данных, в процессе которой выявляется количественная дисперсия разных вариантов ответов по отношению к средненормативным показателям и к патологической заостренности психологического фактора, представляющего собой ту или иную индивидуально-личностную тенденцию. Разработанный Л.Н. Собчик метод экспресс-диагностики Мини-СМИЛ, включающий 65 утверждений, успешно используется в клинике пограничных расстройств.

В завершение отметим, что результаты любой психодиагностической методики должны рассматриваться в обобщенной совокупности данных об изучаемом человеке и интерпретироваться в соответствии с имеющейся информацией. Следует помнить, что для практического психолога психодиагностика не должна быть основным критерием в работе, однако необходимо иметь полное представление о ее возможностях, знания о методиках, тестах, и рассматривать как источник важной информации о личности вообще и клиента в частности.

Е.И. Лебедева, Д.И. Ежов

СУПЕРВИЗИЯ В БИЗНЕС-ТРЕНИНГЕ: ЗАДАЧИ И ПРОБЛЕМЫ

Супервизия как метод работы появилась в первой половине XX века в рамках профессиональной подготовки психоаналитиков. С развитием психотерапии прохождение супервизии стало важнейшим элементом становления профессионала-психотерапевта, одновременно с теоретической и методической подготовкой, независимо от школы, в рамках которой он совершенствуется. Супервизия подтверждала, что специалист (психолог-консультант, психотерапевт, психоаналитик) способен самостоятельно работать с клиентом или группой. Это первый вариант использования метода супервизии. Второй вариант – супервизия работы действующих психотерапевтов.

Для каждого специалиста важно быть включенным в систему супервизиорской поддержки коллег, для профилактики, с одной стороны, возможных профессиональных ошибок, с другой, чтобы избежать состояния эмоционального выгорания. Тренинг как форма групповой работы родился позже психотерапии и заимствовал важные принцпы и традиции подготовки профессионала.

Супервизия для начинающего тренера также необходима, как и для психотерапевта. Однако если в рамках психотерапевтических школ четко определены формы, стандарты (в том числе и временные) прохождения и проведения супервизии, для тренинга такие стандарты только формируются. Методическая подготовка тренеров в среднем намного короче подготовки психотерапевтов и иногда составляет только один методический курс. Можно сформулировать жестче: многие тренеры проходят подготовку на методических тренингах, вообще не предусматривающих или предусматривающих в минимальной степени профессиональную супервизию.

Зрелыми профессионалами супервизия почти не используется как метод профессионального роста, опыт проведения тренингов стал реальной (а порой и единственной) школой, где тренер – ученик, а рефлексия собственного опыта – учитель. Этот путь, разумеется, может быть очень затратным, порой приводящим к утомлению и эмоциональному выгоранию. Потребность же в критическом и конструктивном осмыслении своего практического опыта у тренеров не меньше, чем у терапевтов в анализе клинического опыта. Для того чтобы выработать стандарты супервизии в бизнес-тренинге, необходимо определить само понятие тренинга. Оно многозначно и дает возможность разного осмысления термина. Тренинг (Оксфордский словарь): обучение, воспитание, тренировка, дрессировка. За 20 лет развития тренинга как формы обучения в нашей стране представления о нем менялись. Если вначале акцент был на обучении и тренировке, то сейчас континуум расширился и есть варианты близкие к полюсам «тренаж» (психологические тренажеры), с одной стороны, и «воспитание» (тренинги личностного роста) – с другой. Это приводит к размыванию предмета тренинга.

Бизнес-тренинг – это тренинг для людей в организации. Результатом должны стать повышение профессиональной эффективности сотрудника и рост результативности организации. Первая задача супервизии в бизнес-трениге – это уточнение понимания предмета, школы и критериев эффективности. Это касается и супервизора и супервизируемого. Вторая проблема организации супервизии в бизнес-тренинге – это отсутствие ясно выраженной потребности в ней у бизнес-тренеров. На этом поле действуют профессионалы разной подготовки: с одной стороны – психологи, стремящиеся привлечь бизнес-клиентов, с другой – бизнес-практики называют себя бизнес-тренерами, чтобы повысить свою профессиональную значимость и глубину. Чаще всего и те и другие считают профессиональной рост исключительно собственной

ответственностью. Следовательно, вторая задача – формирование этой потребности. Третья проблема – недостаток школ подготовки бизнес-тренеров с ясной системой подготовки. Соответственно, не может быть систематической подготовки супервизоров бизнес-тренига.

Кто же становится супервизорами? Сосуществуют две идеи: 1) только опытный – оценивает качественно, интуитивно, опираясь на свой опыт и представления; 2) даже малоопытный, но с бланком стандартов в руках, где отмечает наличие или отсутствие необходимых профессиональных проявлений. Таким образом, третьей задачей является подготовка супервизоров в соответствии с концепцией подготовки информирование механизмов организации супервизии. Супервизия является эффективной формой подготовки профессионалов в области бизнес-тренинга и профилактики эмоционального выгорания.

Е.В. Лезик, А.А. Федяев

ОСОБЕННОСТИ УРОВНЯ СУБЪЕКТИВНОГО КОНТРОЛЯ У СОТРУДНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Нерешенность многих вопросов, связанных с ответственностью персонала в организациях, – актуальная проблема современного руководства и управления. С целью изучения психологически значимых показателей ответственности нами было проведено исследование на контингенте сотрудников «Санкт-Петербургского государственного музея истории города» (38 человек). Психодиагностические методики подбирались из расчета диагностики уровня субъективного контроля в различных сферах жизнедеятельности респондента, с одной стороны, и диагностики его профессионально-личностной направленности – с другой. После психодиагностического обследования эмпирический материал был подвергнут статистической обработке и анализу.

Методами статистического анализа выступили: U-критерий Манна–Уитни, ранговая корреляция Спирмена. Расчет U-критерия Манна–Уитни применительно к данным исследования позволил установить следующие статистически значимые различия в структуре субъективного контроля и профессионально-личностной направленности у сотрудников высшего, среднего и низового звена: 1. Статистически значимые различия в структуре субъективного контроля и профессионально-личностной направленности у сотрудников высшего и низового звена присутствуют по фактору интернальности в сфере семейных отношений и по фактору конвенциональности ($p < 0,05$). Данную тен-

денцию можно уточнить следующим: интернальность в сфере семейных отношений статистически значимо выше у сотрудников высшего звена по сравнению с сотрудниками низшего звена; конвенциональность же, наоборот, выше у сотрудников, представляющих низшее звено. Выявленная тенденция вполне объяснима и укладывается в контекст наиболее распространенных представлений: руководителей может отличать более высокий уровень личностной ответственности в семейных отношениях, как функция их более высокого уровня личностной зрелости по сравнению с большинством рядовых сотрудников. При этом рядовым сотрудникам более присущ конвенциональный, нормоориентированный, стандартный стиль деятельности. 2. Статистически значимые различия в структуре профессионально-личностной направленности у сотрудников среднего и низового звена присутствуют по факторам реалистичности, интеллектуальности, конвенциональности и артистичности ($p < 0,05$). При этом статистически значимых различий в структуре субъективного контроля установлено не было. Данная тенденция может говорить, с одной стороны, о том, что структура субъективного контроля может существенно различаться только у сотрудников высшего и низового звена, а с другой стороны, среднее и низовое звено могут существенно различаться по профессионально-личностной направленности.

В нашем исследовании было установлено, что у сотрудников среднего звена по сравнению с низшим звеном ниже реалистичность и конвенциональность, но выше интеллектуальность и артистичность. В целом анализ различий в структуре субъективного контроля и профессионально-личностной направленности наводит на мысль о том, что продвижение по карьерной лестнице может сопровождаться сначала изменениями в личностно-профессиональной направленности, а затем в структуре субъективного контроля. Анализ коэффициентов ранговой корреляции Спирмена позволил установить наличие следующих статистически значимых связей: 1. Общая интернальность статистически значимо положительно коррелирует с интеллектуальной профессионально-личностной направленностью ($r = 0,519$; $p < 0,05$). 2. Общая интернальность статистически значимо отрицательно коррелирует с конвенциональной профессионально-личностной направленностью ($r = – 0,507$; $p < 0,05$). Установленные связи косвенно указывают на существование различий в уровне субъективного контроля в зависимости от особенностей профессионально-личностной направленности. Чем больше конвенциональность в личности, тем ниже уровень субъ-

ективного контроля, и чем больше интеллектуальность, тем больше уровень субъективного контроля или интернальность.

Б.С. Лисовенко

К ВОПРОСУ О КРЕАТИВНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Под ролевым конфликтом мы понимаем ситуацию противоречивых (взаимоисключающих) ожиданий к ролям личности, которая вызывает у исполнителя роли внутреннее напряжение (С.И. Ерина, 2000). Креативность – это активность личности, направленная на поиск оптимального способа внутреннего разрешения противоречивых требований, предъявляемых социальной средой (Л.В. Алексеева, Дж. Гилфорд, В.Н. Дружинин, М.М. Кашапов, Т. Любарт, В.А. Петровский, В. Ротенберг и др.). Проанализированные нами данные исследований говорят о том, что в ситуации противоречивых ожиданий (ролевого конфликта) личность способна проявить творческую активность, направленную на разрешение данных противоречий (С.И. Ерина, А.А. Кукушкина, Е.Е. Корнеева и др.). Однако в ряде случаев данные противоречия не разрешаются, что позволяет поставить вопрос не только о том, каковы механизмы разрешения РК, но и о том, по каким причинам данная активность блокируется.

При построении эмпирического исследования мы учитывали следующие виды креативности: вербальную креативность (С.А. Медник), невербальную креативность (Е. Торренс, Дж. Гилфорд), личностную креативность (Е.Е. Туник), а также социальный интеллект (Дж. Гилфорд, М. Салливан). Последний является основанием для проявления креативности в поле социального взаимодействия (Е.Ю. Чичук, Д.В. Ушаков) и поэтому может рассматриваться как ее диагностический показатель. Результаты проведенного среди руководителей низшего уровня управления исследования показали, что различия в уровне креативности между разными группами руководителей (выделенных по полу, типу организации, уровню выраженности РК) существуют только для некоторых показателей креативности, которые не имеют диагностической ценности для оценки общего уровня их творческих способностей. По данным А.А. Кукушкиной, действия руководителей с низким уровнем РК направлены на поиск решения в сложившейся ситуации, а руководителей с высоким уровнем РК – на защиту собственного «Я» (2006). Сопоставление данных указывает на то, что креативность (как вид активности) осуществляется руководителями в обоих случаях – и при успешном, и при неуспешном разрешении противоречивых требований. Однако проявления креативности различны по критерию адаптивности. Адаптивное действие креативности заключается в том, что данный вид внутренней активности

направлен на создание сложного, внутренне согласованного целостного образа среды, социальных требований и своей социальной роли.

Целостность и внутренняя согласованность, непротиворечивость образа социальной ситуации обеспечивается способностью обнаруживать новые способы решения проблем, а также способностью к освоению и развитию своего опыта. Поиск решения противоречий идет не в одном, а в нескольких направлениях (дивергентное мышление); ищется наиболее оптимальное, согласованное сочетание элементов образа социальной ситуации и социальных требований через генерацию большого числа вариантов этого сочетания и детальную проработку его внутреннего содержания. Иными словами, содержание образа роли и себя приводится в соответствие с ситуацией (благодаря социальному интеллекту), что соответствует определению поисковой активности: это деятельность, направленная на изменение ситуации или отношения к ней, которая протекает при отсутствии определенного прогноза деятельности, но при постоянном учете обстоятельств (В. Ротенберг).

Однако креативность проявляется и как дезадаптивная характеристика – в том случае, если этот вид активности не уравновешивается достаточно развитым социальным интеллектом, который выступает, по нашему мнению, регулятором (условием) адаптивности. Это сочетается с субъектно-ориентированными стратегиями совладания, действием защитных механизмов (А.А. Кукушкина) таким образом, что личность находит все новые и новые способы оправдания своего поведения, своей позиции, не допуская до осознания информацию о партнерах по взаимодействию и ситуации в целом. Одной из перспектив дальнейшего исследования является разработка категории «социальная креативность» и методов ее диагностики, что имеет важное теоретические и прикладное значение.

Выполнено при поддержке гос. контракта № 02.740.11.0601 «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2000–2013 гг.

А.В. Литвинова

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ДИАГНОСТИКЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ СТУДЕНТОВ

В логике теории функциональных систем (В.К. Шабельников, 1986, 2004, 2007) целеполагание рассматривается как процесс развертывания в системе деятельности отдельных действий как устойчивых органов этой системы, с помощью которых субъект начинает ориенти-

роваться во внешних условиях и конкретизирует мотив в виде образа цели. Целеполагание как инициативная ориентировка развертывается на разных уровнях: ориентировочном, исполнительном и контрольно-рефлексивном. Основное назначение ориентировочного уровня заключается в создании образа ситуации, в которой предстоит активно действовать. Данный уровень включает доминирующие переживания, мотивы, принятие субъектных функций во взаимодействии, характер и временную протяженность целей. Исполнительный уровень предполагает организацию действий, направленных на достижение цели, а также усилий, обеспечивающих преодоление препятствий и сопротивлений на пути ее достижения, включает логику планирования, творческое воображение и стремление к завершению. Контрольно-рефлексивный уровень (внутренний, внешний контроль, самооценка) обеспечивает анализ значимости цели, средств и собственных возможностей ее достижения, контроль за соответствием поставленных целей полученным результатам и их коррекцию в процессе достижения. Особенно важно диагностировать затруднения целеполагания в процессе профессионального становления личности студента на этапе получения образования.

Важное значение в профессиональном становлении имеет целеполагание, реализация которого предполагает проявление субъектной активности студентами в принятии решения о путях своего профессионального становления. Решение задач диагностики целеполагания соотносится с этапами профессионального обучения: адаптации, интенсификации и идентификации. На этапе адаптации первокурсники приспосабливаются к условиям и содержанию образовательного процесса, осваивают новую социальную роль, налаживают межличностные связи и отношения. Диагностика заключается в выявлении специфики целеполагания в учебно-познавательной деятельности, взаимосвязи с мотивами учения, ценностными ориентациями, особенностями межличностных отношений с однокурсниками и преподавателями. Полученные данные важны для освоения ориентировки в ситуации обучения в вузе, развития учебных умений, регуляции своей жизнедеятельности, преодоления трудностей самостоятельной жизни и выработки нового стиля жизнедеятельности.

Этап интенсификации характеризуется развитием общих и специальных способностей студентов, интеллекта, эмоционально-волевой регуляции, ответственности за свое профессиональное становление, самостоятельности. Диагностика направлена на изучение развертывания целеполагания в научно-познавательной деятельности, анализ из-

менения структуры целей, появление целей личностного и интеллектуального развития, самообразования, целей, связанных с конструктивным решением проблем межличностных взаимоотношений.

На завершающем этапе профессионального образования важное значение приобретает формирование профессиональной идентичности, готовности к будущей практической деятельности. Появляются новые, более актуальные цели, связанные с материальным и семейным положением, трудоустройством, самоопределением в профессиональной деятельности. Диагностика направлена на выявление ограничений целеполагания в ситуации профессионального становления, отождествления себя с будущей профессией, формировании высокой и устойчивой профессиональной самооценки. Исследователи отмечают, что неустойчивость и низкая самооценка снижают сопротивляемость внешним воздействиям, затрудняют активное включение в социально значимые ситуации и препятствуют самостоятельной постановке целей, обеспечивающих выход их стереотипов поведения.

На наш взгляд, самооценка является механизмом стабилизации целеполагания на всех уровнях ориентировки. Поэтому результаты диагностики могут быть использованы для коррекции самооценки: обучение умению сравнивать себя не с другими, а с самим собой, вырабатывать критерии самооценивания, анализировать содержание и задачи деятельности и сопоставлять их требования со своими возможностями. Таким образом, организация системы диагностики целеполагания выступает условием успешного профессионального становления личности. Развитие целеполагания на разных этапах профессионального становления подготавливает молодых людей к жизни в быстро изменяющемся мире и обеспечивает конструктивную ориентировку в условиях профессиональных и жизненных ситуаций.

А.Е. Ловягина

ДИАГНОСТИКА ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Проблема оптимизации психического состояния была и остается актуальной для психологического сопровождения различных видов деятельности. Одним из факторов, обусловливающих эффективность психологических воздействий, является качество диагностики психического состояния. В современной психологии разработано много методик для диагностики эмоциональных, мотивационно-волевых и ре-

гулятивных компонентов психического состояния. Созданы системные диагностические программы для оценки состояния человека в педагогической, клинической, спортивной и других прикладных отраслях психологии. Также не ослабевает интерес исследователей к теоретическим вопросам, усовершенствуется понятие «психическое состояние», углубляются представления о его структуре и функциях (Л.В. Куликов, 2000; А.О. Прохоров, 2004; Е.П. Ильин, 2008 и др.)

Теоретическим и практическим задачам диагностики психического состояния уделяется достаточно большое внимание, но, несмотря на это, она еще не всегда является качественной, что проявляется на этапах сбора и интерпретации данных. Невысокая оперативность диагностических мероприятий объясняется тем, что использование существующих бланковых и аппаратурных методик требует времени, а менее длительные приемы диагностики – наблюдение и диагностическое интервью применительно к психическому состоянию разработаны недостаточно. Необходимо отметить, что применение наблюдения и интервью позволило бы уменьшить еще одну проблему диагностики состояния – возможную неблагоприятную дестабилизацию актуального состояния в процессе обследования, а также нарушение самой деятельности (например, подготовки спортсмена к соревнованию и т. д.).

Недостаточная объективность диагностической информации, на наш взгляд, обусловлена двумя причинами: 1. В практике не всегда учитывается «представленность» всей личности в состоянии. Воздействия психолога обычно направлены на отдельные компоненты состояния: эмоциональное возбуждение, активность, переживания и др. При этом часто не учитывается, что психическое состояние является интегральной характеристикой всей индивидуальности в конкретный момент времени. Из поля зрения психологов-практиков «уходит» предрасположенность человека к тому или иному состоянию. Не принимается во внимание проявление всех разноуровневых характеристик индивидуальности в виде компонентов психического состояния, и это не дает возможность получить целостную характеристику состояния и достоверно определить пути оптимизации (например, за счет проявления каких компонентов можно компенсировать неблагоприятные состояния). 2. Психическое состояние часто рассматривается вне связи с деятельностью. Исследования последних лет в основном направлены на расширение и углубление представлений о компонентах состояния (особенно эмоциональных). Нередко игнорируется взаимовлияние характеристик состояния и условий деятельности. Не учитывается, что для решения практических задач оптимизации важно не только опре-

делить особенности состояния, а прежде всего оценить, соответствует ли оно целям и условиям деятельности, т. е. является ли актуальное состояние – состоянием психической готовности (А.Ц. Пуни, 1975; Ю.Я. Киселев, 1989) к конкретному виду деятельности.

Очевидно, что и теоретические исследования и практические воздействия должны не просто концентрироваться вокруг психического состояния, а быть направлены именно на состояние психической готовности. Таким образом, в практике оптимизации психического состояния на этапе диагностики не в полной мере учитываются теоретические разработки в области психологии состояний. Преодоление этого отрыва теории от практики может быть достигнуто при реализации принципа целостности и деятельностного подхода в процессе диагностики психических состояний.

Н.А. Логинова

ИДЕИ И ДЕЛА Б.Г. АНАНЬЕВА В ОБЛАСТИ ПРАКТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Единство теории, эксперимента и практики присуще деятельности Б.Г. Ананьева на всех этапах его научного пути. Как исследователь он видел свою задачу в том, чтобы изучать объективные законы психического развития человека и ставить открытия на службу практической работы с людьми в разных сферах общественной жизни. Хорошо известны его инициативы по созданию лабораторий инженерной и социальной психологии в Ленинградском государственном университете в 1950–1960-е гг., напрямую связанные с решением практических задач. Он и сам не раз выступал в роли практического психолога, не прерывая, однако, своих научных исследований.

Б.Г. Ананьев непосредственно провел два больших цикла исследований развития школьников в 1930-е и 1950-е гг., в рамках которых, по сути, организовал психолого-педагогическую службу в школе (1934–1936 гг.), предложил и опробовал новые формы организации обучения и воспитания с точки зрения целостности индивидуального развития человека (1950-е гг.). Цикл довоенных исследований по характерологии под руководством Б.Г Ананьева предполагал практическую психодиагностику и применение педагогами индивидуального подхода к детям на научно-психологической основе. Послевоенный цикл научных работ о системе воспитательной работы в школе привел Ананьева к созданию проекта новой педагогической антропологии, идеи которой легли в ос-

нову практической педагогики на факультете психологии Ленинградского госуниверситета и психологической службы в Новосибирском электротехническом университете в 1960–1970-х гг.

В годы войны, находясь в эвакуации, Б.Г Ананьев работал в качестве практического медицинского психолога. Медико-психологическую помощь он назвал лечебным воспитанием, в процессе которого психологическими методами восстанавливали психические функции, с одной стороны, а с другой – сознание и личность пострадавших.

Еще одним направлением практического приложения психологической науки в деятельности Б.Г. Ананьева была архитектурная среда города. В 1938–1939 гг. под его руководством психологи Института мозга изучали закономерности восприятия архитектурных объектов на расстоянии. В войну эти прикладные исследования послужили маскировке ленинградских зданий и мостов. Много лет спустя Борис Герасимович консультировал ленинградского архитектора С.И. Соколова по вопросам восприятия пространства в новых микрорайонах, в то же время обозначив круг задач нарождающейся архитектурной психологии.

Наконец, отметим еще одну линию деятельности Б.Г. Ананьева как практика – управление персоналом. Руководство научными и педагогическими коллективами, которое осуществлял Ананьев как заведующий кафедрой, директор НИИ педагогики и декан факультета психологии в разные годы жизни, способствовало формированию его идей относительно сути управленческого труда и возможности повышения его эффективности на основе научной психологии. Истинный антропологический психолог Б.Г. Ананьев видел сверхзадачу управления на всех его уровнях в гуманизации общества.

Не только педагогическая практика, но и медицинское, бытовое, культурно-просветительное обслуживание населения, а также организация труда должны соответствовать природе человека, способствовать укреплению его физических, интеллектуальных и нравственных сил, его подлинному развитию. Этот гуманистический пафос Б.Г. Ананьева соответствовал духу коммунистического проекта в СССР. В 1960-е гг. психология стала востребованной в качестве науки о человеческом факторе, особенно в связи с опытом комплексного планирования развития целых территорий и отдельных производственных коллективов. Борис Герасимович жил современностью, ставил исследовательские задачи применительно к новым условиям жизни человека, в частности, задачу изучать восприятия пространства космонавта в открытом космосе, психофизиологическую адаптацию к

условиям длительных подводных плаваний, новым скоростным режимам деятельности на производстве, на транспорте.

Борис Герасимович неустанно в течение многих лет пропагандировал идею государственной психологической службы в стране, чтобы она стала доступной для любого нуждающегося в помощи человека. Нынешний бурный рост практической психологии в России подтверждает оптимистические взгляды Б.Г. Ананьева на общественную функцию психологии и психологов, но вместе с тем подтверждает и его опасения относительно распространения низкопробной психопрактики и опошления науки.

А.А. Локиев

ВОЗМОЖНОСТИ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ АУДИОКНИГ

Выявленная филологически еще в XIX веке (А.А. Потебня) и нашедшая позднее подтверждение в психиатрии (Ж. Лакан) двухуровневая система языка позволяет сформулировать возможность психотерапевтического применения прослушивания аудиокниг. Суть двух уровней языка заключается в том, что на первом уровне слово является знаком, символом, обозначающим что-либо, на втором – выражением личностного эмоционального отношения к тому, что оно означает, или эстетического представления об этом объекте. В устной речи обе эти стороны неразрывны (второй уровень передается в аудиальной форме, дополненной мимикой и жестикуляцией), при чтении текста второй уровень зависит от опыта читателя, сформировавшего его апперцепцию восприятия. Этот вопрос достаточно подробно рассмотрен в ракурсе семиотики (Ю.М. Лотман, Г.С. Кнабе).

Таким образом, можно говорить и о двух уровнях словарного запаса: первый – собственно количество слов-знаков; второй – количество эмоционально-эстетических форм, которые может придать им индивид. Гармоничное развитие обоих уровней языка является одним из ведущих условий формирования здоровой психически личности, по принципу развития сознания через речь.

Для доказательства данного тезиса приведем два случая психотерапевтической практики. Девочка 10 лет страдала тахилалией – быстрая невыразительная речь. Логопедические упражнения по замедлению речи результатов в реальном общении не давали, хотя отдельно выполнялись, так как у девочки отсутствовал стимул говорить вырази-

тельно. После того как семья стала совместно прослушивать аудиокниги (создание общности, для того чтобы ребенок не чувствовал себя ущемленным) или мама выразительно читала, у девочки примерно через три месяца улучшились оценки по чтению, наладились отношения в классе. Дети ориентируются в основном по эмоциям и просто не могут принять человека в речевом футляре. Участие класса повлекло улучшение учебы в принципе. Обогащение словарного запаса второго уровня произошло, когда девочка внутренне пыталась дублировать для сопереживания героям книги интонации исполнителей аудиокниги или мамы. Но поскольку полное дублирование невозможно вследствие того, что любой индивид имеет свои отличительные черты, происходило постепенное вырабатывание собственного эмоционального словарного запаса.

Другой пример. У мальчика были отклонения в произношении некоторых букв, в семь лет в работе с логопедом произношение было нормализовано. Однако, произнося слова правильно, проговаривая все звуки в упражнениях, ребенок не делал этого в обычной речи. Но когда его поправляли, все же мог без труда произносить данные слова правильно. Причина заключалась в отсутствии эмоционально-эстетического значения этих звуков в речи для ребенка, что было одним из факторов его активно формирующейся апперцепции. Значение это фиксируется на бессознательном уровне – уровне аудиального рефлексирования, и создать его искусственно практически невозможно. Однако включение сознания и бессознательного мальчика в информационное поле, создаваемое художественной литературой в аудиальной версии, где два уровня словарного запаса неразрывны, изменило ситуацию, и ребенок начал применять звуки в живой речи. Ранее непроизносимые и потому не обретшие своего эмоционального значения звуки обрели это значение.

Таким образом, аудиокниги могут оказывать психотерапевтическое влияние на индивида, помогая ему расширить словарный запас второго уровня, что, в свою очередь, оказывает позитивное влияние на формирование сознания.

О.В. Ломтатидзе

АПРОБАЦИЯ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПЕДАГОГА-ПСИХОЛОГА С РОДИТЕЛЯМИ

В настоящее время отношения между педагогами дошкольного образовательного учреждения (ДОУ) и семьями воспитанников строятся на основе взаимодействия, главная цель которого – установление конструктивных взаимоотношений педагога с родителями, поиск таких форм общения, которые обеспечили бы личностное развитие детей и их родителей. В этой деятельности роль педагога-психолога образовательного учреждения, на наш взгляд, является приоритетной.

В нашей работе был отдан приоритет технологии сотрудничества, включающей не только звено «педагог – ребенок» (И.П. Подласый, В. Оконь, Ю.К. Бабанский), но и родителей, и педагога-психолога как полноправных представителей образовательной системы. Однако в современном образовательном пространстве модели взаимодействия педагога-психолога с родителями находятся на стадии разработки. Такие авторы, как Т.Н. Доронова, Е.П. Арнаутова, О.В. Солодянкина, О.В. Зверева, Т.В. Кротова представляют в своих работах обширный материал по работе всего педагогического коллектива ДОУ с семьей. А.Ю. Монахова, Н.В. Клюева, Т.В. Дубровина отмечают, что технология сотрудничества в работе педагога-психолога находится на стадии формирования основных положений и направлений работы. Таким образом, на данном этапе развития педагогического сознания становится актуальным обратиться к исследованию особенностей взаимодействия семьи и дошкольного учреждения в рамках работы педагога-психолога.

Сегодня важным является также рассмотрение деятельности педагогов-психологов не обособленно, а в структуре педагогических процессов в образовательном учреждении. Цель работы – создание и апробация модели взаимодействия педагога-психолога с родителями в современной образовательной ситуации. В ходе теоретического анализа материала и практической деятельности была выстроена модель взаимодействия, где основной педагогической технологией служит технология сотрудничества. Модель взаимодействия педагога-психолога с родителями вписывается в общую модель взаимосвязей «ДОУ – семья» и может быть представлена в виде трех основных направлений: кризисное вмешательство (по типу «скорой помощи»), психопрофилактика, развитие и обучение (по Н.О. Зиновьевой).

Основные направления работы педагога-психолога, осуществляемой при работе с родителями: • «Кризисное вмешательство» (по типу «скорой помощи»). Задача данного направления определяется необходимостью оказания быстрой психолого-педагогической помощи родителям. Основными видами деятельности педагога-психолога в плане

кризисного вмешательства являются индивидуальное и семейное консультирование, беседа. • Психопрофилактическая работа. Задачей данного направления является формирование у родителей потребности в психологических знаниях, желание использовать их при взаимодействии с ребенком или в интересах собственного развития, создавать условия для полноценного психического развития ребенка. Психопрофилактическая деятельность педагога-психолога может быть представлена в виде индивидуального консультирования, семейного консультирования и психолого-педагогического просвещения (беседы, лекции, наглядности). • Развитие и обучение. Задача данного направления состоит в развитии и формировании навыков организации совместной деятельности, коммуникации, организации игровой деятельности у участников образовательного процесса. Развитие и обучение родителей может происходить с помощью проведения специально организованных родительских тренингов, мастер-классов, круглых столов, семейных педагогических проектов, конференций.

Выделенные направления деятельности не являются автономными; при определенных условиях происходит трансформация одного направления деятельности в другое. Все направления деятельности педагога-психолога являются значимыми для осуществления сотрудничества между родителями и психологом, однако степень их влияния на становление личности ребенка неодинакова. Развивающий подход к взаимодействию педагога-психолога с родителями является ведущим и отражает партнерские, равноправные отношения между субъектами общения. Педагог-психолог выступает преимущественно инициатором контактов на родительских собраниях, тренингах, мастер-классах и других коллективных мероприятиях, в то время как родители в основном инициируют индивидуальные контакты. Таким образом, в представленной модели выявлены основные направления взаимодействия психолога с родителями, структурированные по видам деятельности.

Е.Г. Лопес, А.Н. Беликеева

ЗРЕЛОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТЕ

Экономические и социальные изменения, происходящие в настоящее время в мире, усиливающиеся конфликты между людьми и в обществе заставляют по-новому взглянуть на проблему зрелости личности. В последние годы проблематика зрелости все чаще поднимается в

научной литературе, большинство работ посвящено теоретическому описанию личностной зрелости, определению содержательных критериев и механизма ее формирования.

Большинство ученых рассматривают социальную, личностную и психологическую зрелость синонимично. Л.Ф. Обухова делает вывод о соответствии социальной и психологической зрелости личности. Р.М. Шамионов включает эмоциональную зрелость в структуру личностной, Е.А. Водинчар говорит о сопоставимости социальной и личностной зрелости. В психологическом словаре выделяют следующие характеристики зрелой личности: развитое чувство ответственности, потребность в заботе о других людях, способность к активному участию в жизни общества, к эффективному использованию знаний и способностей, к психологической близости с другим человеком, к конструктивному решению различных жизненных проблем на пути к наиболее полной самореализации. Зрелой личности присущи реалистическое позитивное восприятие, терпимость, умение строить зрелые межличностные отношения, ответственность, расширенное чувство «Я», гуманистические ценности, цели и способы их достижения, психологическое здоровье, способность к пониманию себя, мудрость. Таким образом, личностная зрелость характеризуется высокой степенью сформированности и связанности тех свойств личности, которые имеют первостепенное значение для полноценного функционирования человека в обществе. Предположение о связи зрелости и особенностей поведения в конфликте находит подтверждение в теоретических и практических исследованиях отечественных и зарубежных авторов.

В результате проведенного теоретического анализа нами была сформулирована следующая гипотеза: существует взаимосвязь личностной зрелости и особенностей поведения в конфликте у педагогов. В исследовании мы опираемся на структурно-уровневый подход к исследованию зрелости личности, в рамках которого Дж. Стивенс и М. Гут в структуре личности выделяют пять уровней: Взрослый, Юноша, Подросток, Дошкольник, Малыш. Характеристики каждого уровня зрелости соответствуют характеристикам определенного возрастного периода. Отечественные и зарубежные ученые рассматривают зрелость личности как фактор, влияющий на течение межличностного конфликта. Исследователи выделяют следующие характеристики личностной зрелости, способствующие конструктивному выходу из конфликтных ситуаций: сбалансированность эмоциональной сферы личности, «открытость» конфликтным переживаниям «Я», личная организованность, стремление к самоутверждению, социальность, адек-

ватность и зрелость как способность к честным, открытым отношениям.

Эмпирическое изучение личностной зрелости и особенностей поведения в конфликте позволило сделать вывод о наличии среднего и высокого уровня выраженности измеряемых признаков. В исследовании были применены следующие методы: опросник «Уровень зрелости личности», И.Н. Свириденко, В.П. Прядеин; методика диагностики тактики поведения в конфликте К.Н. Томаса, адаптированная Н.В. Гришиной; многофакторный личностный опросник FPI (модифицированная форма В), А.А. Крылов, Т.И. Ронгинская. Среди уровней зрелости наиболее ярко проявляется уровень «Взрослый», а наименее – уровень «Подросток». Среди стилей поведения педагоги в большей степени предпочитают поиск компромиссов, в наименьшей степени – соперничество. В частности, существует прямая взаимосвязь уровня зрелости личности «Юноша» и стиля поведения в конфликте «Компромисс», уровень зрелости «Подросток» обнаруживает обратную высоко значимую взаимосвязь с таким стилем поведения в конфликте, как «Приспособление», уровень зрелости «Малыш» обнаруживает значимую прямую связь со стилем поведения в конфликте «Избегание».

В результате исследования обнаружена взаимосвязь уровней личностной зрелости с личностными характеристиками, такими как спонтанная агрессивность, раздражительность, реактивная агрессивность, открытость, эмоциональная лабильность; выявлена отрицательная взаимосвязь между стилем поведения в конфликте «Избегание», реактивной агрессивностью и открытостью. Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что гипотеза о наличии взаимосвязи личностной зрелости и особенностей поведения в конфликте подтвердилась.

И.А. Мазепа

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ АРТИСТИЗМА И МЕТОДЫ ИХ РАЗВИТИЯ

Понятия артистизм и артистичность часто используются как синонимы. Словарь Ожегова трактует артистизм как тонкое мастерство в искусстве, виртуозность в работе. Мы можем утверждать, что артистизм – это совокупность всех качеств спортсмена, которые влияют на эстетический эффект выполнения композиции. Специфика сложно-

координированных видов спорта, в которых присутствует оценка артистичности спортсменов, требует определенного уровня развития физических качеств атлетов и их способностей, а также раскрытия когнитивных функций.

В исследовании был рассмотрен один из наиболее подходящих и действенных методов психологического воздействия на спортсменов – тренинг, в основе которого лежит игра. Преимущества, которые дает такого рода поведенческая активность, понятны. Игра создает условия для приобретения богатого сенсомоторного опыта и практических навыков, которые могут пригодиться в дальнейшем. Тренинговые упражнения стимулируют когнитивные функции, и это способствует более сознательной работе над собой. Спортсмены получают возможность сосредоточиться на других аспектах выступления – на выражении лица, более точном вхождении в образ. Соответственно были подобраны упражнения, направленные на то, чтобы спортсмены чувствовали себя увереннее, проявляли любопытство в интересующих их вопросах. Чем увереннее спортсмен в своих действиях и поступках, тем это лучше выражается и читается в движениях. План тренинга представлял собой следующую программу: 1. Приветствие. 2. Настрой на работу. 3. Упражнения на внимание. 4. Содержательные упражнения. 5. Упражнения на уверенность в себе. 6. Упражнения на внимание. 7. Упражнения на развитие артистизма. 8. Упражнения на мотивацию. 9. Завершение.

В результате использования психологических тестов («Градусник Киселева», «корректурная проба», оценки спортсменов по вторым параметрам (артистизм), «Градусник Артистизма») мы можем подытожить проделанную работу. Спортсмены стали объективней по отношению к себе, и это заметно, например, на приросте в показателях «внимание», «самочувствие», «удовлетворенность тренировкой». Ребята сами стали подмечать, изучать и изменять свои недочеты (это видно на примере роста таких показателей, как «настрой на серьезную работу», «настроение», «желание тренироваться», «спортивные перспективы» и «готовность к соревнованиям в данный момент», где прирост наиболее выражен). Не последнюю роль сыграл тот факт, что спортсмены самостоятельно, без каких-либо указаний посещали все занятия в период каникул, приезжали из разных концов города рано утром и активно участвовали в них, что говорит об увлеченности процессом и грамотном построении занятий. Тренеры отметили, что спортсмены стали более объективно оценивать свое состояние, у многих выросла самооценка, и они стали увереннее чувствовать себя на

тренировках, что отражалось на общем восприятии выступления. На тренировках спортсмены стали выполнять задания тренера в полную силу, «у них появился интерес к занятиям», почти все отметили, что смогли добиться изменений, которые они планировали, если не полностью, то хотя бы частично, и это ярко отразилось на практической деятельности спортсменов.

Включая в тренинговые занятия упражнения на внимание, спортсмены сами замечали свой уровень внимательности, корректировали себя, подключали волевые процессы, что в свою очередь отразилось на показателях продуктивности и устойчивости внимания (они значительно выросли). Тренеры также отмечали, что «ребята стали более внимательны на тренировках, реже отвлекаются, спортсмены начали лучше усваивать поправки».

К психологическим средствам воздействия можно отнести занятия, которые проводятся в форме психологического тренинга, включающие в себя упражнения на развитие и совершенствование процессов внимания, ощущения собственного тела и импульсов тела, креативности и артистичности при выполнении специальных упражнений, уверенности в себе, собственных знаний о мотивации занятий спортом, умений ставить реальные цели и понимания способов их достижения. Как показали результаты, работа над этими аспектами психологической подготовки спортсменов повлияла на успешность в соревнованиях, повысив компоненты артистизма. Спортсмены, прошедшие психологическую подготовку перед соревнованиями, отметили, что им очень помогли тренинговые занятия и на тренировках, и на соревнованиях.

В.А. Мазилов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Практическая психология в настоящее время находится в состоянии оформления в самостоятельную дисциплину. По известному определению В.Н. Дружинина, практическая психология отчасти остается искусством, отчасти базируется на прикладной психологии как системе знаний и научно обоснованных методов решения практических задач. В целом эта констатация справедлива, так как практическая психология чрезвычайно неоднородна и включает в себя названные составляющие. Практическая психология сегодня – это: 1) академическая психология, «дополненная» примерами «из жизни»; 2) приклад-

ная психология как таковая; 3) разного рода вненаучные концепции, основывающиеся на эзотерических учениях, мистике, астрологии и т. п.; 4) так называемая «pop-psychology» (психология для массового читателя) и т. д. Сегодня можно говорить о формировании парадигмы собственно практической психологии как особой отрасли психологической науки, имеющей специфические цели и задачи, методы, способы объяснения и т. д.

Следует различать прикладную и практическую психологии. Прикладная психология представляет использование научных психологических знаний в конкретных видах деятельности в целях решения определенных практических задач (в медицине, в образовании, в промышленности и т. д.). Таким образом, собственно прикладная психология представляет собой ветвь научной психологии. Представляется, что интенсивно развивающаяся сейчас практическая психология во многих отношениях отличается от традиционной прикладной психологии. Если попытаться вычленить ядро современной практической психологии, то, по-видимому, это будут многочисленные концепции различных психологических практик, направленных на работу с личностью. Представляется полезным дать эскиз этой парадигмы. Прежде всего это наука, которая определяется не через предмет, а через объект. В практическом отношении всегда важнее дать общую (целостную) характеристику личности. В медицине, праве, педагогике и т. п. куда важнее определить, кто находится перед тобой, чем следовать исторически сложившимся (поэтому неизбежно исторически ограниченным) канонам научности. Уместно заметить, что в качестве такового обычно принимается «стандарт», сформировавшийся и оформившийся в сфере естественных наук. В соответствии с таким стандартом выделяется «клеточка», из которой должно «выстроиться» искомое «целое». (Напомним, еще В. Дильтей в конце XIX столетия предупреждал, что такая стратегия в области психологии малоперспективна.) Поэтому практическая психология исходит не из предмета, а из объекта.

Объект принципиально целостен. Путь науки: от «единиц» к «целому». В практической психологии путь принципиально обратный. Это достигается за счет того, что в качестве исходного берется не предмет, а объект, в качестве какового в практической психологии выступает личность. Понимание личности в практической психологии отлично от трактовки личности в академической психологии. Как практически-ориентированная область знания она исходит из представления о целостном объекте, не пытаясь «выстроить» его из предполагаемых «единиц», но пытаясь охватить целиком. Отсюда следует

и специфический метод: он может быть определен как гуманистический, предполагающий диалог исследователя и исследуемого (поскольку последний является носителем сознания), и игнорирование этого обстоятельства, по меньшей мере, недальновидно.

Исходными принципами практической психологии могут быть названы целостность и типологичность (в противоположность «элементаризму» и «конструктивизму» научной психологии). В качестве идеала научности практическая психология имеет описание и предсказание (поведения личности), а не объяснение. Средством видит не построение научных моделей, но разработку типологий (многочисленных, по разным основаниям), классификацию и описание индивидуальных случаев. Целью практической психологии является выход на психотехники и психотехнологии, так как практическая психология изучает собственный объект для того, чтобы в том или ином отношении его изменить (цель академической психологии – обнаружить общие законы и «вписать» предмет изучения в общую картину мира). Естественно, что различается и представление об «итоговом продукте»: в научной психологии это построение возможно более убедительной теоретической модели, в которой получили воплощение общие «законы жизни» научного предмета, в практической психологии это «всего лишь» описание или типология, предполагающая ту или иную квалификацию «индивидуального» случая.

Ю.А. Макаров

ЛИЧНОСТЬ ПЕДАГОГА И МЕТОД ДИАГНОСТИКИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Традиционно большинство исследований специфики профессиональной педагогической деятельности опираются на представления о том, что определяющей предпосылкой эффективности педагога-практика, педагога-профессионала является не столько его «техническая», инструментальная подготовка, выраженная в освоенных знаниях и умениях (хотя это немаловажно), сколько уровень его личностного развития. Однако если педагогическая составляющая в виде знаний, умений и навыков может быть более или менее четко определена, то вот анализ и диагностика «личностной подготовки» считается делом весьма субъективным и сложным.

Впрочем, следует заметить, что и профессиональная личностная подготовка педагога на сегодняшний день в большинстве случаев от-

носится к декларативной составляющей обучения педагогов. Явно ощущается недостаток как практически ориентированных представлений о природе этого явления, так и «инструментов» для его оценки (Ю.А. Макаров, 2009). Анализируя понятие профессиональной педагогической толерантности, мы пришли к выводу о том, что эта категория, по сути, является одной из интегральных характеристик личностной стороны деятельности профессионального педагога (Ю.А. Макаров, 2008). При диагностике толерантности наибольшие сложности возникают в ситуации понимания и описания самого приемлемого уровня. Принцип «чем больше, тем лучше» здесь явно не подходит. В данном случае мы исходим из представления об оптимальных (не крайних, как минимум) значениях любого личностного образования, если оно характеризуется как нормативное.

Мы разработали методику диагностики профессиональной педагогической толерантности, основанную на изложенных выше представлениях о природе этого явления. Предполагаемое распределение педагогов по уровням выраженности толерантных установок характеризует именно профессиональную педагогическую среду. Так, показатели ниже 21 балла говорят о том, что профессия педагога противопоказана человеку. Ему следует заняться другим видом деятельности, где он будет более успешен, эффективен, позитивно принят окружающими. От 21 до 32 баллов – низкий уровень профессиональной педагогической толерантности. Оптимальный уровень толерантности – от 33 до 49 баллов. Это тот уровень, который положительно коррелирует, согласно данным нашего исследования, с высокой экспертной оценкой деятельности педагога со стороны сослуживцев, администрации, учащихся и родителей. Если мы получили результаты от 49 до 87 баллов, следует говорить о излишне выраженной толерантности (варианте интолерантности). При этом уровень от 65 до 87 баллов опять же позволяет сделать заключение о крайне сложном осуществлении педагогической практики из-за саморазрушительного характера максимально выраженных толерантных установок педагога.

При проведении статистических исследований было обнаружено существование значимой положительной корреляции результатов диагностики профессиональной толерантности со шкалами коммуникативной толерантности С.Н. Толстиковой, коммуникативной толерантности В.В. Бойко, шкалам самоуважения и самоприятия по методике С.Р. Пантелеева, эмпатии педагога И.М. Юсупова, отрицательной корреляции по шкалам агрессии педагога Ассингера, шкалам физической агрессии, предметной, эмоциональной агрессии, самоагрессии по ме-

тодике Л.Г. Почебут (обычный стиль поведения в стрессовых ситуациях и особенности приспособления в социальной среде), самоконтроля, тревоги Тейлора. Различие выделенных в данной методике уровней характеризуется статистически значимыми величинами.

Е.С. Максимова

ДИНАМИКА МОТИВОВ ЗАНЯТИЙ СПОРТОМ В ТРЕНИРОВОЧНОМ И СОРЕВНОВАТЕЛЬНОМ ПЕРИОДАХ

В настоящее время спортивная деятельность приобретает все новые особенности, такие как возрастающие коммерциализация, социальная значимость, общественный интерес. Все это требует от спортсменов, тренеров, руководителей и федераций все большего профессионализма, а также поиска новых ресурсов для достижения высочайших результатов. Одним из таких ресурсов являются возможности психологического сопровождения спортивной карьеры. Проблема мотивации, занятий спортом в частности, является наиболее актуальной и на сегодняшний день. По данной теме накоплено большое количество информации, в том числе исследована динамика мотивов на разных этапах спортивной карьеры, разработаны методики диагностики мотивов занятий спортом, изучены основные мотивы занятий спортом в различных видах спорта.

Однако практика введения дополнительных стимулов показывает, что проблема мотивации все еще не изучена до конца. Например, в 2005 г. была введена система материального вознаграждения спортсменов за победы на крупных международных соревнованиях. Данная система на сегодняшний день получила негативную оценку со стороны руководителей спорта в связи с неуспешным выступлением Олимпийской сборной России в 2010 г. В результате изучения литературы по данному вопросу удалось выявить отсутствие информации о динамике мотивов при переходе от тренировочного периода к соревновательному. В частности, неизвестно, меняется ли доминирующее положение мотивов и взаимосвязи между ними или их структура остается неизменной. Крайне мало исследована роль мотива материального вознаграждения, его значимость.

Также недостаточно изучена зависимость динамики мотивов занятий спортом от личностных особенностей спортсменов. Такая информация нужна для того, чтобы повысить эффективность психологического сопровождения конкретного этапа подготовки спортсмена и спортивной карьеры в целом. А именно: помогать спортсменам и тренерам успешно реагировать на изменение условий профессиональной

спортивной деятельности, и, кроме того, способствовать проведению коррекции мотивирующих установок с учетом личностных характеристик каждого спортсмена; решению проблемы индивидуализации и надежности спортивной деятельности и подготовки спортсменов с учетом этапа развития спортивной карьеры. Для получения данных о динамике мотивов было проведено исследование на базе сборной России по легкой атлетике. Всего было сформировано 4 группы испытуемых: взрослые мужчины и женщины (от 23 до 32 лет), юниоры – юноши и девушки (17–18 лет). Каждая группа включала по 20 спортсменов, входящих в состав сборной России или состоящих в ближайшем резерве.

Анализ данных показал, что доминирующими мотивами спортивной деятельности являются мотивы результата спортивной деятельности, удовольствия от процесса и материального вознаграждения. Но существенному изменению значимости подвержен мотив материального вознаграждения. Его значимость понижается в соревновательном периоде и возрастает в тренировочном. Данная динамика мотива актуальна как для взрослых спортсменов, так и для юниоров. Доминирование мотивов результата деятельности и удовольствия от процесса связано с такими устойчивыми характеристиками личности, как экстраверсия, направленность личности на задачу, мотивация достижения успеха. Таким образом, можно говорить о необходимости изменения материального стимулирования спортсменов в сторону обеспечения его всем необходимым именно в процессе подготовки, что также позволит обеспечить поддержание мотивации удовольствия от процесса занятий спортом и, как следствие, получения высокого результата в соревновательной деятельности.

Е.В. Маленко

ВЫЯВЛЕНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ ДЛЯ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ОБУЧЕНИЯ ВОДИТЕЛЕЙ-ДАЛЬНОБОЙЩИКОВ

Построение модели обучения водителей большегрузного транспорта основывается на компетенциях, которые сотрудники компании считают ключевыми. Проблемами обучения занимались Д. Хилл (1976), Д. Колб (1984), Н. Герман (1966), А.Ф. Грегорк (1982), МакКарти (1996). Об обучении в рамках компетентностного подхода говорили МакКлеланд (1973), а также Л. и С. Спенсеры (1993), которые

считаются корифеями этого подхода в HR-менеджменте (Human Resources) и развитии персонала.

В данной работе для создания модели обучения было необходимо сначала выделить компетенции профессии «Водитель». Изучение проводилось на примере транспортной компании, которая занимается перевозками грузов по территории России. Объект исследования – водители большегрузного транспорта (дальнобойщики). Выделение компетенций проводилось в несколько этапов. Первый этап – интервью. Оно проводилось с теми сотрудниками предприятия, кто стоит выше водителей по иерархичной лестнице (теми, кто руководит ими) и непосредственно с самими водителями. Так, были опрошены директор по сервису, начальник автоколонны, главный механик, а также водители, поделенные на две группы: «лучшие» и «отстающие». Параметрами для отнесения шоферов к той или иной группе были стаж работы, минимальное количество аварий и дорожно-транспортных происшествий. Основной целью интервью было выяснение критериев, по которым хороший водитель отличается от плохого.

Второй этап – обработка данных. Полученные критерии были разбиты на классификации (обязательные / важные / второстепенные; субъективные / объективные; абстрактные / конкретные). Классификация проводилась автором работы и другим специалистом независимо друг от друга для повышения объективности результатов обработки данных.

Третий этап – работа с полученными критериями. Тому же составу водителей и руководящих лиц было предложено отсортировать критерии в виде небольших утверждений (например, «водитель может технически обслужить машину», «водитель соблюдает чистоту и порядок в салоне автомобиля»). Всего три сортировки: по частоте встречаемости определенного качества на данном предприятии, по сложности обучения, по важности обладания. Также было необходимо выделить часть утверждений, которые, с точки зрения опрашиваемого, составляют портрет идеального водителя, и проранжировать их.

Четвертый этап – обработка результатов сортировок. Пятый этап – определение компетенций на основе анализа данных. После этого были выявлены компетенции, которые сотрудники предприятия считают основными для профессии «Водитель». Это: 1) знание технической составляющей автомобиля; 2) обеспечение ухода за машиной; 3) выполнение ремонта транспортного средства; 4) выполнение установленных условий работы и приказов начальства; 5) помощь другим водителям; 6) грамотное взаимодействие с инспекторами ГИБДД;

7) знание Правил дорожного движения; 8) вождение в необычных условиях; 9) вождение в трезвом состоянии. После проведения STAR-интервью последний пункт был исключен из списка компетенций.

Каждая компетенция описана по ряду показателей. Так, описание первой компетенции следующее: «Водитель обладает достаточным уровнем знаний и умений для работы на большегрузном транспорте. Знает устройство автомобиля. Определяет признаки, причины и опасные последствия неисправностей, возникающих в процессе эксплуатации автомобиля». Также установлены подуровни компетенций, что немаловажно при дальнейшей оценке персонала. Для первой компетенции – это три подуровня: 1 уровень – водитель не работал на данном виде транспорта, не знает его технических особенностей; 2 уровень – водитель знает устройство автомобиля (назначение, устройство, принцип действия, работу и обслуживание агрегатов и приборов). Способен самостоятельно выполнить необходимые работы по обеспечению безопасной эксплуатации транспортного средства. 3 уровень – водитель знает устройство автомобиля, а также может определить признаки, причины и опасные последствия неисправностей, возникающих в процессе эксплуатации автомобиля. Следит за техническим состоянием автомобиля.

На основании выявленных компетенций возможно построить систему подбора и отбора водителей грузового транспорта. Планируется разработка обучающих программ на основе компетенций. Становится понятно, чему обучать персонал, на что обращать внимание при оценке качеств водителя. Далее будет возможно определить уровни выраженности компетенции у конкретного сотрудника, сравнить их с требуемым уровнем и определить направление развития.

А.А. Маловская

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦ, СКЛОННЫХ К ОПТИМИЗМУ

Данная работа посвящена проблеме оптимизма–пессимизма, которая активно изучается за рубежом, однако пока мало разработана в отечественной психологии. В основу работы положено понимание оптимизма–пессимизма как атрибутивного стиля, предложенное Мартином Селигманом. Он считает, что люди различаются между собой по тому, как они объясняют себе жизненные события – позитивные и негативные. Оптимисты охотнее берут на себя ответственность и экс-

траполируют во времени и на различные сферы жизни субъективно положительно окрашенные переживания, а отрицательно окрашенные, – наоборот, предпочитают локализовать. Пессимисты же поступают противоположным образом. (Например, когда оптимист получает «отлично» на экзамене, он скорее проинтерпретирует это так: «Я вообще очень умный, способный и к учебе отношусь ответственно», а пессимист – примерно так: «Экзамен был совсем не сложный, а я в данном случае неплохо подготовился».)

Таким образом, по Селигману, оптимизм–пессимизм как атрибутивный стиль имеет 3 характеристики – временную, пространственную и характеристику персонализации. Что касается последней, то она по своему смыслу (принятие на себя ответственности за конкретные события своей жизни) перекликается с такой характеристикой личности, как экстернальность-интернальность.

В целом, получается, что оптимистичная или пессимистичная установка человека определяется исключительно его когнитивными процессами. Схожие предпосылки лежат в основе когнитивной психотерапии западных специалистов (А. Бек, А. Эллис и др.) Была выдвинута гипотеза, что уровень оптимизма будет коррелировать с более высокой интеграцией личности по экстра-интротенсии (высокий уровень интеграции свидетельствует об отсутствии внутренних конфликтов между заложенными природой наклонностями и обусловленным влиянием среды состоянием в настоящем такой черты, как экстра-интроверсия) и с поленезависимостью (способностью быстро и эффективно вычленять релевантную информацию из контекста).

Было проведено поисковое исследование, в рамках которого мы проверяли наличие взаимосвязи между оптимизмом и рядом личностных особенностей: экстраверсией–интроверсией, интернальностью–экстернальностью, осмысленностью жизни, внутриличностной интеграцией по показателю экстра-интротенсии, полезависимостью–поленезависимостью. Были использованы методики Смысложизненных ориентаций Д. Леонтьева, опросник Айзенка, миокинетическая методика Мира-Лопеца, «Скрытые фигуры» Терстоуна. Уровень оптимизма–пессимизма измерялся с помощью теста М. Селигмана. Выборка составила 25 человек (15 женщин, 10 мужчин, средний возраст 22,8 лет), для обработки результатов использовались методы статистического анализа – коэффицент корреляции Пирсона. Были получены следующие результаты: при разделении выборки на оптимистичную, промежуточную и пессимистичную части обнаружилось, что оптимистичная часть является более поленезависимой, а пессимистичная –

более полезависимой, что подтверждает выдвинутую гипотезу. Также получилось, что пессимистичная часть демонстрирует более высокий уровень интеграции по показателю экстра-интротенсии, чем оптимистичная, – это, наоборот, противоречит гипотезе; однако, проведя статистический анализ по всей выборке, мы обнаружили слабую корреляцию в пользу ее подтверждения ($r = 0.3$). Также можно отметить, что у мужчин пессимистичной части выборки средний показатель осмысленности жизни значительно ниже, чем у оптимистичной и промежуточной групп; у женщин подобного явления не наблюдается. По остальным методикам обнаруженные взаимосвязи более незначительны.

Проведенный качественный анализ также дает противоречивые результаты. Один из испытуемых обнаружил поленезависимость, высокую личностную интеграцию и оптимизм, другой при этих же личностных особенностях – пессимизм; для кого-то определяющими оказались смысложизненные ориентации, для кого-то – экстра-интроверсия. Но поскольку данное исследование являлось поисковым, такой разброс вполне закономерен. Полученные данные позволяют сделать вывод на уровне тенденции о корреляции между оптимизмом и такими личностными особенностями, как поленезависимость (а также гибкость мышления, так как она частично определяет результаты по методике «Скрытые фигуры») и внутриличностная интегрированность по фактору экстра-интротенсии. В дальнейших исследованиях планируется уточнение гипотезы и проверка полученных тенденций на большей выборке.

С.Ю. Манухина

СИСТЕМА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОЦЕНКИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

В настоящее время в большинстве учебных учреждений система оценки персонала сводится к аттестации и подтверждению квалификационного уровня специалиста. Причем проверка, в основном, проводится исходя из формальных признаков качества педагогической деятельности. Например, учитываются показатели академической успеваемости учащихся, количество публикаций преподавателя, число прошедших им программ повышения квалификации и т. п. Психологические компетенции, необходимые для создания здоровой атмосферы в

классе и качественной педагогической работы, чаще всего в таких процедурах не учитываются.

Как показывает опыт нашей работы, проведение внутренних систем оценки педагогического состава, с акцентом внимания именно на психолого-педагогической стороне наблюдения за процессом их профессиональной деятельности, позволяет вовремя отследить назревающие конфликты между преподавателем и учащимися, совместно разработать наиболее оптимальные стратегии поведения взаимодействия с классом, снять напряжение, повысить уровень энтузиазма и готовности к педагогической деятельности. За последние несколько лет нами были разработаны система показателей и процедура психологической оценки педагогического состава. Сама процедура оценки включает в себя несколько основных этапов: 1) присутствие на уроке преподавателя без Бланка наблюдения (с ручкой и чистым листом бумаги); 2) психометрическая диагностика (присутствие на уроке преподавателя с Бланком наблюдения и дополнительная диагностика); 3) беседа с преподавателем о его целях в образовательной среде, видениях перспектив и направлений его работы, об общем положении в классе и т. д.; 4) итоговая беседа, включающая в себя процедуру дачи обратной связи и рекомендаций по результатам оценки. Процедура оценки отрабатывалась в течение трех лет на базе ГОУ Лицей № 1535. Для проверки валидности и надежности процедуры к ее апробации привлекались преподаватели других образовательных учреждений.

Общее количество человек, прошедших оценку по данной системе, – 247 человек. Лист наблюдения за преподавателем состоит из четырех основных блоков: I – умение преподавателя работать с постановкой цели урока; II – выраженность компетенций; III – способы взаимодействия преподавателя с группой учащихся; IV – описание дополнительных характеристик деятельности преподавателя, выявленных в процессе наблюдения (заполняется в свободной форме). Среди особенно значимых компетенций для процедуры оценки педагогического состава нами были выделены: эмоциональные компетенции, коммуникативные и когнитивные, а также так называемые «комплексные компетенции», которые были отнесены сразу к двум из перечисленных видов компетенций (С.Ю. Манухина, 2010). Изначально экспертами было выделено 28 компетенций. Подробный контент-анализ позволил выделить «дублирующие» и остановиться на 21 компетенции.

Последующее проведение пилотного исследования, в котором принимали участие 48 человек, показало значимость для оценки преподавателей 16-ти компетенций. Проведение же факторного анализа

позволило объединить показатели в пять блоков. В блок эмоциональных компетенций вошли такие показатели, как «доброжелательность», «эмпатия», «стрессоустойчивость», «усталость / бодрость»; в блок когнитивных компетенций – «самосознание» и «умение слушать»; в блок коммуникативных компетенций вошли показатели формы организации коммуникации «избегание конфликтных ситуация», «сотрудничество», «доминирование», «смена видов деятельности», «поддержка учащихся» и показатель внешнего проявления успешной коммуникации «активность класса». Блоки «комплексной компетенции»: к блоку эмоциональных и когнитивных компетенций был отнесен показатель «вовлеченности в процесс», к блоку коммуникативных и когнитивных компетенций – «индивидуальная работа», «групповая работа». Обработка данных процедуры оценки позволила выделить восемь типов преподавателей. В основу их типологизации вошли три базовых фактора: профессиональная позиция (жесткая / гибкая); уровень вовлеченности (вовлеченный / отстраненный); умение работать с запросами всего класса (избранная работа / умение держать весь класс).

В заключение хотелось бы отметить, что благодаря систематически проводимой оценке преподавателей последние стали демонстрировать более толерантное поведение, проявлять большую готовность к саморазвитию и принятию обратной связи от психологической службы.

И.Г. Мариева

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПЕДАГОГОВ-ПСИХОЛОГОВ С СЕМЬЯМИ

Анализ результатов проведенного опроса по выявлению затруднений в работе школьных педагогов-психологов подтверждает необходимость организации дополнительных мер по систематическому совершенствованию их профессионально-личностного развития в рамках консультативной работы с семьей. Опрос проведен среди 46 педагогов-психологов, работающих в школах и гимназиях г. Гродно.

Проблемное поле в работе педагогов-психологов в работе с семьей: 1) Проблемы семьи, выделяемые психологами в сфере взаимодействия: отсутствие взаимопонимания между родителями; разобщенность членов семьи; педагогическая неграмотность родителей; безразличие родителей к своей жизни и жизни детей; манипулирование членами семьи друг другом. 2) Задачи, возникающие перед психологом в

консультировании в процессе взаимодействия: как заинтересовать родителей и подростков в сотрудничестве; построение консультации, когда родители не согласны друг с другом по поводу тех причин, которые привели к проблемам ребенка, а ребенок также не согласен с ними обоими; привлечение отца к активному сотрудничеству; содействие формированию положительного эмоционального климата в семье; установление конструктивного диалога в триаде «мать–ребенок–отец»; игнорирование одним из членов семьи усилий других. 3) Проблемы родителей, выделяемые педагогами-психологами: неполные семьи; кризисы супружеских отношений; созависимое поведение членов семьи; родители с невротическими реакциями, мнительные и тревожные родители; распределение трудовых обязанностей в семье, вовлечение детей в планирование семейного бюджета; непринятие родителями своих родительских функций. 4) Задачи, возникающие перед психологами в консультировании родителей: консультирование родителей с неадекватными стилями общения; помощь родителям в осознании проблем их ребенка; консультирование семей, находящихся в социально опасном положении (СОП); незаинтересованность родителей из семей, отнесенных к СОП в проведении диагностики, консультирования; сокрытие родителями диагностически важных фактов семейной жизни; построение грамотного отношения к детям, слабоуспевающим в школе; пробуждение активной позиции родителя по отношению к детям, в ситуации, когда второй родитель страдает алкогольной зависимостью; корректировка желания родителей получить результат от одной консультации с психологом. 5) Проблемы детей, выделяемые психологами в контексте семейного социума: утрата родителя в процессе развода и взаимоотношения с «ушедшим» родителем; борьба детей за любовь родителей; тревожность детей; созависимое поведение подростков; неприкаянность детей, мамы которых начинают «новую жизнь» (одинокие и разведенные женщины); воспитание «мужских» качеств у сыновей одиноких матерей; взаимоотношения с братьями, сестрами. 6) Задачи, возникающие перед психологом в консультировании детей и подростков в контексте семейного социума: восстановление связей «родитель–ребенок» у детей, оставшихся без попечения родителей; как разговорить ребенка, если он не хочет идти на контакт; формирование у ребенка понимания статуса «взрослый», «учитель»; возвращение в семью детей, находящихся в СОП («если родители стоят на распутье – возвращаться ли к нормальной жизни»); как налаживать взаимоотношения детей с родителями, которые пьют. 7) Проблемы педагогов-психологов, называемые ими в процессе рабо-

ты с семьей: адекватные методы диагностики для изучения детско-родительских отношений; готовые разработки по коррекции детско-родительских отношений; организация круглого стола с педагогами по работе с детьми в СОП; работа с родителями-алкоголиками; методы диагностики для выявления жестокого обращения с детьми; выявление сексуальных домогательств по отношению к детям; составление плана психологической помощи семье; алгоритм индивидуальной консультации с родителем. 8) Задачи, возникающие в процессе консультативной работе педагогов-психологов с семьей: организация процесса совместной консультации родителей и детей в социально опасном положении; консультирование родителей, дети которых стоят на учете в ИДН.

Изложенные выше факты подтверждают необходимость обучения психологов в постоянном интерактивном режиме. Смысл научно-методического и профессионального сопровождения психолога – не в бессистемном снабжении специалиста новыми методами, а в обеспечении индивидуальной траектории его профессионального пути, развитие его компетентности.

Г.Г. Марковская

ДИАГНОСТИКА НАПРЯЖЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ТРУДА

В концепции эмоционального труда, предложенной американским социологом Арли Хохшилд в 1983 г., эмоциональный труд определяется как «управление эмоциями с целью создания публичной мимической и телесной экспрессии». Эмоциональный труд является формой эмоциональной регуляции, при которой от работников ожидается, что проявление определенных эмоций является частью профессиональной деятельности и служит достижению целей организации. Предполагаемые эффекты этих эмоциональных проявлений адресованы клиентам, покупателям, подчиненным и сослуживцам.

Таким образом, эмоциональный труд – это степень воздействия на собственные переживания и соответствующее поведение, чтобы отвечать профессиональным правилам и нормам. Если специалист не прилагает усилий для коррекции собственных эмоций и их экспрессии на рабочем месте, то его эмоциональный труд приближается к нулю. Чем больше затрат специалист осуществляет для контроля собственной эмоциональной сферы, тем напряженнее его эмоциональный труд. Согласно Хохшилд, эмоциональная работа требуется в таких

профессиях, как официанты, кассиры, медицинские работники, контролеры, консультанты, секретари, воспитатели. Однако правила профессионального нормирования эмоционального поведения распространяются и на внутрикорпоративное общение во многих видах профессий. В настоящее время концепция эмоционального труда является одной из самых востребованных в организационной психологии англоязычных стран.

В отечественной психологии на данный момент более популярными являются теория эмоциональной напряженности труда и теория эмоционального выгорания. На основе концепции эмоционального труда нами была создана и апробирована методика «Напряженность эмоционального труда», предназначенная для персонала медицинских учреждений. Методика состоит из 14 пунктов (например, «Общаться с пациентами – это трудная работа»), каждый из которых респондент оценивает по пятибалльной шкале Лайкерта. Оценка психометрических свойств методики на материале обследования всех медицинских работников одной из частных стоматологических клиник г. Санкт-Петербурга показала, что методика внутренне согласована и надежна (коэффициент Кронбаха составил 0,67), 12 пунктов методики обладают высокой дифференцирующей способностью, показатели конструктной и дискриминантной валидности являются средне-высокими.

Выявлены значимые положительные связи напряженности эмоционального труда с установками, способствующими эмпатии, с уровнем притязаний в профессиональной деятельности и эмоциональным истощением (параметр профессионального выгорания). Это означает, что увеличение эмоциональной отзывчивости медика, а также притязания на качественное профессиональное обслуживание пациентов резко увеличивает напряженность его эмоционального труда. И в результате у медперсонала развивается профессиональное выгорание. В среднем медицинские работники показали средне-высокий уровень напряженности эмоционального труда. Очень высокий уровень эмоционального труда наблюдается у отдельных врачей, по сравнению с медсестрами и лаборантами.

Выборка врачей оказалась резко поляризованной: в ней встречаются специалисты и с очень низкой, и с очень высокой напряженностью эмоционального труда. При этом подавляющее число медсестер характеризуется повышенным предкритическим уровнем напряженности эмоционального труда. Медицинские работники указали на то, что им приходится прикладывать много усилий, чтобы контролировать свое отношение и чувства к пациентам. Подавляющему большинству

респондентов трудно ладить с пациентами, но им свойственен хороший контроль чувств, которые они выражают пациентам.

Методика «Напряженность эмоционального труда» показала себя как надежный и валидный инструмент (при ограниченной выборке) для развития теории напряженности профессионального труда. Однако необходимы дальнейшие исследования и сбор материала на большем контингенте респондентов с целью получения репрезентативных норм.

И.К. Марковский, Г.Г. Марковская

ДИАГНОСТИКА РЕАКЦИЙ НА ФРУСТРАЦИЮ У ПОДРОСТКОВ С ПОМОЩЬЮ РАЗЛИЧНЫХ МЕТОДИК

Наиболее известными методиками диагностики фрустрационных реакций являются тест Розенцвейга и Вербальный фрустрационный тест Л.Н. Собчик. Методика «Измерение реакций вины и стыда» Дж. П. Тангней (TOSCA) также может быть использована для исследования фрустрационного реагирования. Если в тесте Розенцвейга лишь часть ситуаций (ситуации обвинения) связаны с моральным переживанием, то в тесте Тангней все стимульные ситуации являются морально фрустрирующими. В качестве реакций на моральную фрустрацию в методике «Измерение реакций вины и стыда» Тангней предлагается ограниченный выбор из предложенных переживаний, мыслей, поступков, которые соответствуют реакциям стыда, вины, экстернализации и преуменьшения.

Целью проделанного эмпирического исследования явился сравнительный анализ результатов по этим трем методикам, которые предъявлялись старшеклассникам. Факторный анализ данных эмпирического исследования показал, что первый фактор, имеющий наибольший вес, касается фрустрирующих ситуаций морального выбора. В первом факторе максимальный вес имеют показатели экстернализации (0,95) и равнодушия (0,92). Эти показатели методики «Измерение реакций вины и стыда» Тангней характеризуют самозащитное поведение в ситуациях морального выбора с тенденцией переносить ответственность за собственные ошибки на окружающих и преуменьшать значение своей моральной ответственности. Такая склонность в реагировании позволяет избежать мучительных чувства стыда и чувства вины.

С другой стороны, самозащитное реагирование в ситуациях морального выбора имеет и негативные последствия. Это проявляется в низкой способности исправлять нанесенный ущерб и недостаточной готовности просить прощение за причиненные неприятности. Второй фактор образован отдельными шкалами теста Розенцвейга. Максима-

льный вес имеют показатели I' (0,81), E' (0,72), e (– 0,80) и M' (– 0,78). В связи с тем, что второй фактор образуют, в основном, препятственно-доминантные типы реакций (E', I', M'), его можно назвать «фиксация на препятствии». Индивидуальные данные по тесту Розенцвейга показывают, что наиболее выраженной у подростков является реакция типа E'. Это означает, что подростки слабо готовы к адекватному реагированию на фрустрацию. Они склонны обижаться, злиться и т. д., вместо того, чтобы попытаться найти решение проблемы. Такое поведение характеризует низкую фрустрационную толерантность подростков или же несформированную тенденцию решать проблемы (что, собственно, и является причиной низкой фрустрационной толерантности). Таким образом, во всем многообразии фрустрирующих ситуаций именно ситуации морального выбора имеют для подростков центральное значение.

Эмоционально-коммуникативные реакции в межличностных фрустрирующих ситуациях представляют собой иерархически связанную структуру. В качестве системообразующего фактора выступает склонность к самозащитным реакциям в ситуациях морального выбора. Ведущим способом самозащиты в межличностных фрустрирующих ситуациях у подростков выступает экстрапунитивная (внешнеобвинительная) реакция, направленная на перенесение ответственности за нанесенный ущерб на окружающих, и равнодушие.

Диагностику эмоционально-коммуникативных реакций на фрустрацию у подростков целесообразно проводить с помощью методики «Измерение реакций вины и стыда» и теста Розенцвейга, которые дают более весомые результаты, чем вербальный фрустрационный тест Собчик. В качестве измерительного инструмента эмоционально-коммуникативных реакций во фрустрирующих ситуациях морального выбора подростков методика «Измерение реакций вины и стыда» Тангней показала свою незаменимость другими тестами.

А.П. Мартынова

К ПРОБЛЕМЕ ДИАГНОСТИКИ ПЕРЕЖИВАНИЯ КРИТИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ

На сегодняшний день актуальность темы переживания критических ситуаций обоснована психологами в рамках процесса психологической помощи в трудных жизненных ситуациях. Тем не менее, сохраняется настороженность исследователей в отношении диагностики

процесса переживания. Основным тезисом данного теоретического анализа является допущение некоей стабильности процесса переживания критической ситуации субъектом.

Для наилучшего понимания этого предположения обратимся к основным понятиям. Наиболее четко отражает содержание феномена «переживание» определение, предложенное Д.А. Леонтьевым: «Переживание – внутренняя работа по трансформации смысловых структур личности в соответствии с ее трансформировавшимися жизненными отношениями». Близким по смыслу, но сформулированным в других категориях, является определение Ф.Е. Василюка: «Особая деятельность <...> по перестройке психологического мира, направленная на установление смыслового соответствия между сознанием и бытием, общей целью которого является повышение осмысленности бытия». Критическую ситуацию мы, вслед за Ф.Е. Василюком, понимаем как ситуацию, в которой субъект сталкивается с невозможностью реализации внутренних мотивов, стремлений, ценностей и пр. Отсюда следует, что переживание критических ситуаций – это активная внутренняя деятельность личности, направленная на повышение осмысленности бытия при столкновении с невозможностью реализации прежних ценностей и мотивов.

Говоря о проблеме диагностики способа переживания человеком критических ситуаций, мы наталкиваемся на преграду в виде текучести и непостоянства наших внутренних процессов – непостоянство переживания. И действительно, как можно «поймать», зафиксировать то, что находится в непрерывном движении, перетекает от одного полюса к другому? Следом за этим встает и вопрос о том, имеют ли эти сложные внутренние процессы переживания свою логику, структуру, можно ли их каким-то образом проследить и уловить?

Изучая способы переживания критических ситуаций, Ф.Е. Василюк выделяет 4 типа критических ситуаций (стресс, фрустрация, конфликт и кризис) и соответствующие им модели четырех жизненных миров (инфантильного, реалистического, ценностного и творческого). Он утверждает, что, находясь в одном жизненном мире, невозможно «пережить» критическую ситуацию, порожденную в нем же, подчиняющуюся законам данного жизненного мира. Для ее «успешного переживания» необходимо переместиться в мир более высокого ранга, расширив, таким образом, представления об этой ситуации и о своих возможностях.

Следуя данной логике, мы предполагаем, что если бы переживание всегда непрерывно видоизменялось, то не было бы психологиче-

ских проблем: человек легко перемещался бы из одного в другой жизненный мир и, тем самым, разрешал критическую ситуацию. В связи с этим мы предполагаем, что переживание может характеризоваться стереотипностью и являться стабильным на каком-то этапе жизни. Многие и многие вопросы об индивидуальной стабильности, стереотипности процесса переживания, а также о «застревании» переживания в том или ином жизненном мире на настоящий момент все еще остаются открытыми и требуют внимательного и детального изучения. В нашей дальнейшей работе мы собираемся рассматривать те самые нарушения динамики переживания критических ситуаций. В качестве гипотезы мы выдвигаем положение о том, что переживание критических ситуаций протекает в двух формах: в одном случае оно принимает динамический характер (т. е. переходит из одного качества в другое), во втором случае – остается стабильным. Из этого положения вытекает и следующее – тип (способ) переживания критической ситуации может носить устойчивый характер в случаях нарушения динамики процесса переживания. В том случае, если данные предположения подтверждаются, мы можем говорить о возможности психодиагностики свойственных человеку типов переживания.

С.А. Масленникова

ДИАГНОСТИКА ПРОЯВЛЕНИЙ ЛЖИВОСТИ У ШКОЛЬНИКОВ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Проблеме доверительного, честного поведения в настоящее время уделяют значительно больше внимания, чем прежде. Несмотря на многочисленность исследований, есть недостаточная разработанность научно-методических средств, диагностирующих лживое поведение у детей с нарушениями развития. Для диагностики проявлений лживости в рамках изучения нравственного поведения используются различные подходы: феноменологический, педагогический, психологический. В современной психологии, в свою очередь, сложилось несколько направлений понимания лжи как: выражения нравственного развития, способа социализации и адаптации, девиантного (отклоняющегося) поведения или психического отклонения (Ж. Пиаже, 1969; Л.И. Божович, 1995; И.Б. Дерманова, 1999; В.В. Знаков, 1999; П. Экман, 2003). Лживость – относительно устойчивая нравственная ориентация, отражающая предрасположенность к нарушению границ должного межличностного взаимодействия, обеспечивающая самосохранение лич-

ности в ситуации реальной или потенциальной угрозы физическому существованию самоценности.

Основными методами исследования послужили метод экспертной оценки поведения школьников педагогами и родителями для обеспечения валидности методик; метод стандартизированной беседы для выявления особенностей внутреннего запрета на собственное лживое поведение, метод опроса для выявления личностных свойств обследуемых школьников. Кроме того, нами специально были разработаны методика для изучения чувствительности ко лжи, основанная на материале русских сказок; беседа, выявляющая готовность и рационализацию лжи; проективная рисуночная проба «Лгущий человек» для уточнения представлений о лживом человеке; метод свободных ассоциаций на слово «ложь»; методика самооценки лживого поведения.

Родителям была предложена анкета для выяснения нравственных установок. В методиках были выбраны показатели в соответствии с ключевыми структурными компонентами лживости: когнитивный (смысл, образ, рационализация, чувствительность ко лжи), эмоциональный (переживания и включенность в ситуацию), поведенческий (лживое поведение и готовность к нему), рефлексивный (идентификация лжи по внешним признакам и самооценка) и контролирующий (внутренний – возраст, особенности психического развития, личностные свойства, внутренний запрет на ложь; внешний – нравственная позиция родителей и педагога) (В.Н. Мясищев, 1995; С.Т. Посохова, 1997; Б.Ф. Ломов, 1999; С.А. Масленникова, 2006). В исследовании участвовали 441 человек: 212 школьников, из них две группы школьников 7–8 лет – 50 школьников с задержкой психического развития (ЗПР) и 54 школьника с нормальным психическим развитием; две группы учащихся 11–12 лет – 54 ученика коррекционных школ (VII вида) и 54 ученика общеобразовательных школ; 212 родителей, 17 педагогов.

Исследование доказало, что в нравственном поведении у детей с задержанным и нормальным психическим развитием независимо от возраста выявлена общая структура лживости: этический смысл лжи, ее дифференциация на основании собственных нравственных критериев, готовность к нарушению нравственных норм вопреки запретам, готовность солгать в целях защиты другого человека, тактичность, умолчание правды, ориентация на нравственные нормы и уверенность в себе. Основными детерминантами проявления лживости у школьников с задержанным и нормальным психическим развитием являются возраст, личностные свойства, нравственная позиция родителей. С возрастом у детей с ЗПР увеличивается количество признаков в образе

лжи, распознавание лжи становится более тонким. Личностные свойства детерминируют лживость у школьников. У детей с ЗПР в 7–8 лет лжи препятствуют уверенность, ответственность и решительность, потенцируют – тревога и фрустрированность; у подростков в 11–12 лет ложь потенцирует общительность. Общим для всех родителей является использование лжи в отношениях со своими детьми, готовность обучать социально приемлемой лжи (тактичности), формирование установки на ложь как способа социальной адаптации. Называя различные мотивы лжи детей: личностные особенности ребенка, страх наказания, влияние ситуации или воспитания – родители недостаточно учитывают реальную ситуацию. Итак, апробированный психодиагностический инструментарий позволил исследовать проявления лживости у школьников с задержанным и нормальным психическим развитием и может служить основой для дальнейшей психокоррекционной работы с детьми.

С.В. Медников, М.В. Ульянова

ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫЕ КАЧЕСТВА СУДЬИ В БОЛЬШОМ ТЕННИСЕ

Во время любого соревнования важную роль выполняет не только спортсмен, но судья. При анализе литературы нам не удалось найти исследований по проблеме психологического отбора судей в большом теннисе. Между тем, данная проблема становится все более актуальной. На соревнованиях серьезно встает вопрос о качестве подготовке судейства, их умении противостоять давлению со стороны спортсменов, тренеров, зрителей, их психологической готовности.

Цель нашей работы заключается в выявлении и диагностировании профессионально важных качеств у судей большого тенниса. Нами был построен психологический эталон профессии судьи в большом теннисе, который позволил нам выявить профессионально важные качества судьи. Для построения психологического эталона специальности был использован метод экспертных оценок (Т.П. Зинченко, А.А. Фрумкин), а для диагностирования судей использовалась методика построения психологического эталона профессии Т.П. Зинченко. Также при сравнении двух полученных психологических эталонов был использован метод двух портретов (Т.П. Зинченко, А.А. Фрумкин).

Исследование проходило в три этапа. Первый этап заключался в построение психологического эталона специальности судьи на вышке.

Эмпирическую базу исследования составили данные диагностики 5 судей-экспертов на вышке, со средним стажем судейства 10 лет. В основном это судьи международной категории. Согласно методу экспертных оценок для построения психологического эталона достаточно 3–4 экспертов. Следующий этап – построение психологического эталона специальности судьи на линии. Эмпирическую базу исследования составили данные диагностики 7 судей-экспертов на линии со средним стажем судейства 7 лет. В основном эти судьи также имеют международную категорию судейства. На третьем этапе выявлялись различия между психологическими эталонами судей на вышке и судей на линии. При математической обработке полученных результатов было получено, что не существует значимых различий между двумя психологическими эталонами. Следовательно, мы можем говорить о создании одного общего эталона специальности судьи в большом теннисе.

Стоит отметить, что для работы судьей на линии требуется больше значимых профессионально важных качеств, чем для работы судьей на вышке. Именно поэтому основу эталона специальности судьи в большом теннисе составил эталон специальности судьи на линии, так как практически все судьи на вышке начинают свою профессиональную карьеру с работы судьи на линии. Исходя из полученного психологического эталона специальности судьи в большом теннисе, мы можем говорит о 8 группах свойств профессионально важных качеств судьи в большом теннисе: 1. Сенсорно-перцептивные свойства: восприятие формы, восприятие пространства, восприятие движения, восприятие цвета, восприятие времени; зрительная работоспособность. 2. Мнемические свойства: кратковременная и оперативная память, образная память, обучаемость. 3. Аттенционные свойства: устойчивость внимания, концентрация внимания, переключение внимания. 4. Мыслительные свойства: репродуктивное мышление, продуктивное мышление, речевые свойства. 5. Свойства нервной системы: сила нервной системы, подвижность нервной системы, лабильность нервной системы. 6. Особенности когнитивного контроля: образность – вербальность, интерферируемость (помехозащищенность), аналитичность – синтетичность, полезависимость, рефлективность – импульсивность. 7. Психомоторные свойства: скорость и точность реакции. 8. Личностные свойства: эмоционально-волевая устойчивость, коммуникативность, ответственность, организаторские способности, лидерство, самооценка (уровень притязаний), конформизм, мотивация достижения, адаптационный потенциал, поведенческая регуляция, моральная нор-

мативность, неконфликтность, неагрессивность, компромиссность, социальная чувствительность.

В дальнейшем мы планируем подобрать кортеж методик для диагностики профессионально важных качеств судьи в большом теннисе, согласно выявленному психологическому эталону, а также построить психологический портрет судьи в большом теннисе. Также полученные нами данные можно использовать при отборе судей в большом теннисе. Таким образом, усовершенствуется профессиональный отбор судей в большом теннисе, который будет состоять как из контроля знаний, медицинского отбора, так и из психологического отбора. На данный момент, к сожалению, отбор судей в большом теннисе состоит лишь из контроля знаний.

В.С. Меренкова

ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО РЕАГИРОВАНИЯ МАТЕРИ НА ЗДОРОВЬЕ ДЕТЕЙ ПЕРВЫХ ЛЕТ ЖИЗНИ

За последнее десятилетие произошли демографические сдвиги, характеризующиеся сокращением количества детей и ухудшением качества их здоровья (А.А. Баранов, 1999). В этих условиях особое значение приобретает качество здоровья новорожденных, зависящее от здоровья родителей – соматического, психического, репродуктивного (О.В. Шарапова, А.А. Корсунский, 2003). Согласно современным представлениям, эмоциональная связь между ребенком первых лет жизни и матерью является ведущим фактором его здорового развития (Л.С. Выготский, 1982–1984; Р.Ж. Мухамедрахимов, 2003; Дж. Боулби, 2006). И тогда встает вопрос, каковы особенности эмоционального реагирования матери, которые способствуют эффективной реабилитации ребенка?

Влияние эмоционального реагирования матери на здоровье ребенка первых лет жизни изучено недостаточно. Есть множество работ о влиянии отдельных психологических проблем матери, например послеродовой депрессии, на здоровье ребенка. При этом нет данных о связи особенностей эмоционального реагирования матери и эффективности выздоровления ребенка в первые годы его жизни. Остается неизученным влияние составляющих этого эмоционального реагирования – уровня привязанности, уровня тревожности, эмоционального интеллекта и особенностей вегетативной регуляции при переживании эмоций – на эффективность купирования болезненных состояний, воз-

никающих у ребенка в возрастной период от рождения до двух лет. В связи с этим целью данной работы было изучить зависимость здоровья детей первых лет жизни от эмоционального реагирования матери.

Для реализации цели были использованы два блока методик. Первый блок методов связан с описанием особенностей здоровья детей первого и второго года жизни. Комплексная оценка состояния здоровья детей проводилась на основе шести основных показателей (критериев) здоровья (Л.Г. Голубева, 2002), сведения относительно которых были получены из индивидуальных медицинских карт детей в возрасте до двух лет. На использование этой информации было получено разрешение родителей детей. Второй блок методов направлен на исследование эмоционального реагирования матерей, имеющих детей до двух лет, и включал в себя следующие методы: оценка вариабельности сердечного ритма матерей с помощью компьютерной программы «Омега-М» в процессе припоминания и вербального воспроизведения ими эмоционально значимых событий; опросник Спилбергера–Ханина; тест-опросник, оценивающий отношение матери к ребенку первых двух лет жизни (Н.В. Верещагина, Е.И. Николаева, 2009); опросник ЭмИн на оценку эмоционального интеллекта (Д.В. Люсин, 2004).

Эксперимент проводился в период с 2006 по 2009 гг. В исследовании принимали участие 50 диад «мать–ребенок первого года жизни» и 50 диад «мать–ребенок второго года жизни» (всего 200 человек), проживающие в г. Ельце и Елецком районе Липецкой области.

Выводы: 1. Здоровье детей значимо улучшается в первые два года жизни. Ухудшение здоровья детей в первый год жизни зависит от числа факторов перинатальной патологии их матерей. Влияние факторов перинатальной патологии матери на здоровье детей второго года жизни менее выражено, причем здоровье мальчиков в большей мере независимо от них, чем здоровье девочек. 2. Прогностическими факторами в отношении улучшения здоровья ребенка первого года жизни являются средний или выше среднего уровень привязанности матери к ребенку, средний или выше среднего уровень понимания ею чужих эмоций, а также значительная вариабельность ритма сердца в фоне и при припоминании эмоциональных ситуаций, связанных с детьми (вне зависимости от их знака). Отсутствие ригидности ритма, способность к быстрой его перестройке при припоминании и вербальном воспроизведении эмоциональных ситуаций разного знака свидетельствуют об отсутствии напряжения у матери, что предопределяет эффективность ее ухода за ребенком. 3. Здоровье ребенка второго года жизни в большей мере связано с эмоциональным реагированием матери, чем здоро-

вье ребенка первого года жизни. Взаимосвязь здоровья ребенка второго года жизни с особенностями эмоционального реагирования матери опосредуется ее типологическими особенностями. У матерей, демонстрирующих большую вариабельность кардиоритма в спокойном состоянии, здоровье ребенка связано с уровнем привязанности матери. У матерей, обнаруживающих меньшую вариабельность кардиоритма в фоне, здоровье детей зависит как от уровня привязанности, так и от способности матери понимать и контролировать свои и чужие эмоции.

А.В. Микляева, П.В. Румянцева

ДИАГНОСТИКА ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ

В современной психологической науке феномену городской идентичности уделяется мало внимания, несмотря на то, что, по данным социологов, проблемы урбанизации образа жизни и территориальной мобильности населения на сегодняшний день крайне актуальны. Поэтому изучение городской идентичности представляет собой важнейшую практическую задачу, связанную с оценкой уровня адаптированности человека к тем или иным социо-территориальным условиям проживания. Для определения методов, адекватных задаче диагностики городской идентичности, необходимо определить природу этого феномена.

Обзор отечественных и зарубежных публикаций показывает, что в современной научной литературе термин «городская идентичность» практически не используется, за исключением работ философско-культурологической направленности, в которых по законам жанра строгое определение этого понятия не предлагается. Однако психологическая и социологическая литература насыщена сходными терминами, среди которых можно отметить: идентичность со средой / environmental identity (М. Черноушек, 1989); идентичность с местом / place-identity (L. Twigger-Ross, D. Uzzell, 1996; H.M. Proshansky, A.K. Fabian, R. Kaminoff, 1983); идентичность с местом проживания / settlement identity (Н.Е. Голосова, 1997; R.M. Feldman, 1990); топологическая идентичность / topological identity (M.-L. Felonneau, 2004); идентичность с городом / ‘city’ identity, urban-related identity (M. Lalli, 1992); территориальная идентичность (И.С. Самошкина, 2008). Первые четыре понятия предполагают рассмотрение городской идентичности в структуре личностной идентичности личности, остальные позволяют определить городскую идентичность в терминах социальной идентичности.

Если городская идентичность определяется как компонент личностей идентичности личности, исследование городской идентичности

предполагает изучение субъективного восприятия городской среды, эмоциональной привязанности к городу, роли города и связанных с ним воспоминаний в личностной ретроспективе, представление о значимости города в жизненном перспективном планировании. Можно отметить несколько зарубежных опросников, разработанных с целью диагностики обозначенных выше психологических феноменов: шкала «Исследование идентичности с местом» (L. Twigger-Ross, D. Uzzell), шкала «Восприятие городской среды» (M.-L. Felonneau) и др.

В случае отнесения городской идентичности к социально-идентификационным феноменам она может пониматься как результат идентификации с группой людей, составляющей население того или иного города, и противопоставления населению других городов и населенных пунктов и рассматриваться как компонент социальной идентичности личности. В качестве представителей аут-групп для носителя городской идентичности могут выступать как жители других городов, так и люди, проживающие в сельской местности. Следовательно, можно предположить, что в содержании городской идентичности представлены два смысловых ядра. Первое включает в себя осмысление норм, правил и ценностей городского жителя вообще, в противопоставлении к сельскому образу жизни, второе связано с идентификацией с конкретным городом, с ассимиляцией именно его ценностей. В качестве отдельного аспекта процесса подобных идентификаций может выступать субъективная оценка «столичности–провинциальности» своего города. Рассмотрение городской идентичности в структуре социальной идентичности личности, помимо прочего, позволяет определить приоритетные методические подходы к ее диагностике.

Смысловая природа социальной (и, в частности, городской) идентичности (А.В. Микляева, П.В. Румянцева, 2008) предполагает необходимость использования психосемантического подхода для ее исследования и, кроме того, с учетом имплицитного характера смысловых структур обусловливает желательность применения проективных методов. Исходя из этого, нами была разработана и апробирована проективная психосемантическая методика диагностики городской идентичности личности. С ее помощью содержание городской идентичности может быть рассмотрено на вербализуемом и имплицитном уровнях в различных ситуациях социального взаимодействия: во взаимодействии с представителями ин- и аут-групп, каждая из которых может обладать позитивной или негативной модальностью.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, № 08-06-00297а.

С.А. Мирошников, М.Г. Филиппова, Р.В. Чернов

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИЗМЕРЕНИЯ НЕОСОЗНАВАЕМОГО СТРАХА

Вытеснение страха охраняет человека, переводя в бессознательное то, с чем сознанию сложно справиться, но, с другой стороны, отдаляет от реальности и препятствует новым решениям. Ранее проведенные исследования показывают, что тревога смерти является во многом неосознаваемой. А это значит, что страха смерти нельзя избежать без еще неизученных, но, возможно, негативных последствий, что определяет необходимость изучения отношения к смерти на разных уровнях осознанности.

Данное исследование посвящено изучению возможности измерения неосознаваемого страха смерти и выявлению его взаимосвязи с сознательными позициями в отношении к этой теме. Предполагалось, что страх смерти носит универсальный характер, проявляясь либо на осознаваемом, либо на неосознаваемом уровне, так что уровень неосознаваемого страха смерти тем выше, чем ниже уровень осознаваемого. В соответствии с этим исследование было нацелено на сопоставление декларируемого и неосознаваемого страха смерти.

Исследование неосознаваемого страха смерти проводилось в несколько этапов с использованием четырех экспериментальных методик: две традиционно использующиеся – опознание проявляющихся из фона слов и свободный ассоциативный эксперимент и две наши разработки, названные «Падающие слова» и «Прайминг-диагностика». Все методики основывались на одной схеме с использованием предъявления угрожающих (связанных с темой смерти) и нейтральных слов. Как оказалось, предъявляются ли эти слова на осознаваемом или на неосознаваемом (подпороговом) уровне, реакции испытуемых на них являются взаимосвязанными.

Результаты исследования продемонстрировали наибольшую эффективность для измерения неосознаваемого страха смерти методики «Прайминг-диагностика», являющейся нашей авторской разработкой. Поскольку стимулы в данной методике предъявляются на подпороговом уровне, успешная апробация методики подтверждает идею о возможности исключения сознания из процесса выявления фобий и ипохондрических фиксаций, связанных со смертью; и в целом о возмож-

ности вызова и регистрации проявлений личности, не контролируемых сознательно. По результатам применения «Прайминг-диагностики» и опросников, с помощью которых измерялся осознаваемый страх смерти и напряженность механизмов психологических защит, были сделаны основные выводы настоящего исследования. В частности, обнаружено, что люди с высокой напряженностью психологической защиты вытеснения отличаются и высоким уровнем неосознаваемого страха смерти. И поскольку заключения о наличии неосознаваемого страха строились на основании выраженности у испытуемых перцептивной защиты в отношении угрожающей информации, этот результат также предполагает подтверждение идеи о правомерности рассмотрения перцептивной защиты в качестве эмпирического показателя вытеснения. В ходе проведенного исследования обнаружена обратная зависимость между осознанным (выявляемым с помощью опросника) и неосознанным (выявляемым с помощью экспериментальных методик) страхом смерти. Этот результат подтверждает идею, высказанную экзистенциальными психологами, согласно которой страха смерти нельзя избежать, поскольку значительная его доля является неосознаваемой. Вытеснение знания о смерти из области сознания не освобождает организм от связанного с этим страха на неосознаваемом уровне и даже, напротив, способствует возрастанию неосознаваемого страха.

Из используемых методик изучения неосознаваемого страха, позволяющих выразить изучаемый показатель количественно, наиболее эффективным оказался разрабатываемый методический прием «Прайминг-диагностика», в котором применялась подпороговая экспозиция стимулов. Успешное использование данной методики говорит о перспективности используемого подхода в целях исключения влияния сознания на результаты психодиагностического исследования. С целью развития этого подхода в данном исследовании в настоящее время ведется разработка программного обеспечения для реализации методик «Сигнал» и «Модифицированный Струп-тест» в соответствии с задачами данного проекта. На следующем этапе исследования реализация этого и проведенных ранее экспериментов будет проводиться с параллельным сбором данных с датчиков кожной температуры и пульса, что позволит уточнить и дополнить сделанные ранее выводы относительно как предмета исследования, так и используемых методов.

Исследование выполняется при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Вытеснение угрожающей информации: изучение возможности измерения неосознаваемого страха», № 08-06-00489а.

И.А. Михаленкова

НАРУШЕНИЯ РЕЧИ У ДЕТЕЙ СО СЛОЖНЫМИ НЕДОСТАТКАМИ РАЗВИТИЯ

В настоящее время увеличивается количество детей, имеющих сложные недостатки развития, или так называемые «комплексные» нарушения в развитии. Для всех категорий детей характерны речевые расстройства, как связанные с основным нарушением, так и имеющие первичный характер. У детей, имеющих отклонения в развитии, или детей с ограниченными возможностями здоровья, наблюдаются определенные нарушения речи. Наиболее сложно отграничить нарушения речи вторичного и первичного характера у неслышащих и слабослышащих детей. У детей с нарушением слуха недоразвитие речи выступает как вторичное нарушение, возникающее вследствие потери или нарушения слуха.

Речевые нарушения носят различный характер в зависимости от степени и времени нарушения слуха, а также от социальных условий развития ребенка, включающих своевременное специальное обучение такого ребенка речи. В то же время в школы для глухих детей и слабослышащих поступает все большее количество детей, имеющих наряду с вторичным недоразвитием речи, обусловленным потерей или нарушением слуха, нарушения речи первичного генеза, которые не являются следствием сенсорного нарушения. Это дети с комплексными нарушениями, сочетающими нарушения и слуха, и речи. Соответственно, у таких детей значительно осложняется формирование речи в силу возникновения своеобразного сочетания и взаимовлияния нарушений речи различного характера.

Для детей с нарушением слуха характерно недоразвитие всех компонентов речи, что непосредственно связано со слуховой недостаточностью. Однако могут наблюдаться и такие формы речевой патологии, которые непосредственно не связаны с состоянием слуховой функции, – такие, как дизартрия, ринолалия, нарушение темпа речи, алалия и т. д. Обнаружено, что у детей с нарушением слуха встречаются достаточно часто нарушения речи дизартрического характера: выраженное расстройство артикуляции, стертая дизартрия. У слабослышащих детей обнаруживаются нарушения звукопроизношения также вследствие недостаточности моторного отдела речевого аппарата, т. е. имеются отклонения в строении или функционировании артикуляционных органов, а также нарушения звукопроизношения, обусловлен-

ные и сенсорной и моторной недостаточностью. У одного и того же ребенка дефекты произношения одних звуков могут быть связаны с невозможностью их слуховой дифференциации от сходных фонем, дефекты же произношения других звуков – с особенностью строения или функционирования артикуляционных органов.

Замедленный темп речи, характерный для ребенка с нарушенным слухом, может усугубляться за счет недоразвития артикуляционной моторики, нарушения точности артикуляционных движений, слабости сохранения определенных артикуляционных позиций. Недостатки произносительной стороны речи, связанные с нарушением слуха, усиливаются из-за недостаточности мышечного напряжения при движении органов речи. В некоторых случаях нарушения произношения обусловлены анатомо-физиологическими особенностями речевого аппарата, что значительно увеличивает трудности формирования произносительной стороны речи, которая прямо зависит от степени нарушения слуха.

Формирование звукопроизношения у слабослышащих протекает со значительными отклонениями от нормы из-за неполноценности речеслухового анализатора. Не имея возможности воспринять тот или иной звук речи на слух или отдифференцировать его от сходных звуков, ребенок не может самостоятельно овладеть и правильной его артикуляцией. В то же время у слабослышащих детей могут быть нарушения в строении и функционировании речедвигательного анализатора, что также может обусловливать у них дефектное произношение звуков. У слабослышащих детей преобладающими являются смешанные формы нарушений звукопроизношения, обусловленные одновременно и сенсорной, и моторной недостаточностью.

В речевых нарушениях различного происхождения механизмы речевого расстройства разнообразны и неоднозначны (по степени выраженности, времени и локализации мозгового поражения). Поэтому в каждом отдельном случае необходимо применять специфические методы оценки и виды психологической помощи. Несомненно, что здесь должен быть соединен сурдопедагогический подход и логопедический. Требуют дальнейшего серьезного изучения особенности процесса формирования речи у детей с нарушением слуха, имеющих речевые нарушения первичного генеза, изучения взаимовлияния этих нарушений и возможностей коррекционной работы с таким контингентом.

Е.А. Мишина

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ОБЩЕНИЯ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ЗПР

В последние десятилетия возрос интерес к изучению эмоциональной сферы и процессов невербальной коммуникации младших школьников с задержкой психического развития (ЗПР). В период обучения в начальной школе происходят перемены в общем развитии детей, для которых характерны повышение эмоциональной восприимчивости к ряду сторон и явлений действительности, формируются самооценка и характерологические особенности личности.

Практически во всех исследованиях общения детей с задержкой психического развития отмечается меньшая готовность к эмоционально теплым отношениям со сверстниками, снижение эмоциональных контактов с близкими взрослыми, что препятствует социализации и их адаптации к внешним условиям. Изучение структуры процесса формирования эмоционального компонента невербального общения, а также механизмов влияния эмоций на развитие детей младшего школьного возраста и поиск путей повышения эффективности взаимодействия является актуальной задачей исследований.

Известно, что человеческие отношения основаны на эмоциях, которые обнаруживаются, в основном, с помощью внешних выражений. Мимика занимает центральное место в экспрессивном поведении и является ведущим средством общения. Лицо как канал невербальной коммуникации передает эмоциональный и содержательный подтекст сообщений, а также служит регулятором самой процедуры общения. От степени понимания эмоционального состояния другого человека зависит адекватность или неадекватность выбранной формы поведения по отношению к нему.

Для реализации задачи выявления особенностей эмоционального компонента невербального общения у младших школьников с ЗПР были использованы методики: «Эмоциональная идентификация» Е.И. Изотовой, «Азбука настроений» И.В. Ковалец, цветовых порогов Э.Т. Дорофеевой, выявления школьной тревожности А.М. Прихожан. Детям предъявляли реалистичные и схематические изображения эмоций (радость, печаль, спокойствие, злость, удивление, страх, интерес, стыд), которые необходимо было идентифицировать по различным типам изображений (пиктограмма, рисунки мальчиков и девочек, сюжетная картинка). Оценивали адекватность интерпретации изображения эмоции, степень ее дифференцированности в речи и число точно опознанных эмоций. В исследовании принимали участие 60 младших

школьников с ЗПР, обучающихся в специальных (коррекционных) образовательных школах VII вида Санкт-Петербурга.

Анализ результатов исследования дифференциации эмоциональных состояний показал, что у младших школьников с задержкой психического развития имеются затруднения в идентификации эмоций (интерес, спокойствие, удивление), что свидетельствует о недостаточности знаний и представлений о эмоциональных состояниях людей, выражаемых с помощью невербальных знаков. Для них оказалось наиболее сложным определение эмоционального состояния по мимике (пиктограмме) по сравнению с рисунками и сюжетными картинками, где об эмоциональном состоянии можно было догадаться лишь по ситуации и пантомимике (лица у персонажей отсутствовали). При объяснении картинок с изображениями мальчиков (девочек) школьники чаще обращаются к собственному опыту поведения в подобных ситуациях. Следовательно, психокоррекционная программа должна учитывать сложность перехода детей к школьным условиям, важность адаптации к школьной деятельности, направленной на развитие у них эмоций, воображения, умения правильно понимать и интерпретировать невербальное поведение людей.

А.В. Морозов

ИЗУЧЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ ПРИОБРЕТЕНИЯ ЗНАНИЙ

Современное общество принято называть «обществом знаний», «обществом информационных технологий». Вопросы управления знаниями выходят на ключевые позиции в экономическом развитии предприятий и организаций. Признано, что высокий уровень знаний обеспечивает человеку серьезное конкурентное преимущество в профессиональном, политическом и социальном развитии. Активные исследования развернуты в области искусственного интеллекта, создания экспертных систем, библиографии, педагогике. В психологии основное внимание уделено таким направлениям исследований, связанных со знаниями, как: особенности учебной деятельности (В.А. Якунин, 1994), формирование знаний в процессе обучения (П.Я. Гальперин, 1985). В инженерно-психологическом контексте активно изучается вопрос об извлечении знаний у экспертов (К.Р. Червинская, 2008).

Приобретение знаний, как процесс, влияющий на формирование и реализацию индивидуальных стратегий профессионализации, изучает-

ся лишь косвенным образом в психологии развития и психологии принятия решений. Исследование индивидуальных стратегий приобретения знаний может быть построено на таких теоретических концептах: компетенция – группа знаний в определенной области (related knowledge), навыков и отношений, которые влияют на значительную часть профессиональной деятельности (S.B. Parry, 1996); базовое качество индивидуума, имеющее причинное отношение к эффективному и/или наилучшему на основе критериев исполнению в работе (Л. Спенсер, С. Спенсер, 2006); классы компетенций (J. Erpenbeck, L. von Rosenstiel, 2007). Для изучения стратегии приобретения знаний интерес представляют классы: «Профессионально / специально-методическая компетенция» и «Социально-коммуникативная компетенция».

Автором выделены две концепции приобретения знаний: поисковая и градиентная, эффективность каждой зависит от осознанности цели обучения. Инкрементальный процесс принятия решений (Г. Минцберг, 2001) – модель принятия решения для многоаспектных задач, разворачивающихся в длительной перспективе. Данная модель учитывает изменение целей и способов действия по ходу процесса принятия решения. Может использоваться как основа для разработки модели приобретения знаний Ценностные атрибуты знания (Г.Ф. Гордукалова 1998): актуальность, полнота, достоверность, оригинальность, доступность, наглядность, точность, старение. Ценностные свойства знаний относительны, изменчивы с течением времени и объективно присущи знаниям. Личностные проекции этих атрибутов могут использоваться для различения людей по их отношению к отдельным группам знаний. Когнитивные стили – способность к выбору индивидуально-своеобразных способов познавательного взаимодействия с окружающим миров (М.А. Холодная, 2002). Таксономия учебных целей Bloom 1964 позволяет соотнести методы обучения и практические цели такого обучения. Объект исследования: ситуации и события приобретения знаний при формировании профессиональных или социально-коммуникативных компетенций.

Предмет исследования: особенности (структурные и динамические) индивидуальных стратегий приобретения знания. Рабочая гипотеза: процесс приобретения знаний позволяет понять реальные достижимые цели в контексте освоения профессии и социализации. По мере накопления знания цели будут более точными и конкретными, а методы их освоения более корректными. Изучение может быть реализовано по двум моделям: лонгитюдное и срезовое. Срезовое исследование

позволит отработать диагностический инструментарий, схему интервью и сформулировать гипотезы для лонгитюдного исследования.

В.И. Моросанова

РЕГУЛЯТОРНЫЙ ПОДХОД К РЕШЕНИЮ ЗАДАЧ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Одна из основных проблем, которой приходится заниматься практическому психологу, – это психологический фактор успешности в разных видах профессиональной и учебной деятельности. Работа психолога на практике, как правило, начинается с психодиагностики. Многим знакома ситуация, когда психолог составляет развернутую психологическую характеристику консультируемого, содержащую данные о темпераменте и характере, общих и специальных способностях, особенностях личности, и выясняется, что по этой мозаике разнородных данных трудно судить о том, что наиболее важно заказчику, – о продуктивных аспектах, прогнозе успешности деятельности.

По существу, наблюдался и наблюдается в практической психологии острый дефицит психодиагностических показателей, которые могут интегративно охарактеризовать психологическую готовность к овладению новыми видами деятельности и прогнозировать психическую надежность и эффективность в профессиональных и учебных ситуациях. Причем эта проблема не только методическая, но и методологическая. Психологи только начинают осознавать, что особенности личности, индивидуальности являются лишь психическими средствами и предпосылками успешности произвольного достижения субъектно принятых целей. А как человек сумеет воспользоваться данными ему от природы и сформированными в процессе жизнедеятельности психическими и физиологическими ресурсами – зависит только от субъекта, и в той мере, в какой у него развита осознанная саморегуляция произвольной активности. Поэтому проблема создания интегративных психологических показателей, позволяющих прогнозировать продуктивные аспекты любого вида деятельности, – это проблема оценки субъектных возможностей человека осознанно регулировать не только и не столько свои психические состояния, сколько свою активность по выдвижению и достижению целей жизнедеятельности.

На наш взгляд, один из конструктивных путей решения этой проблемы в исследовании развития и индивидуальных особенностей саморегуляции, которые проявляются в том, как человек на основе ин-

дивидуальных ресурсов выдвигает цели, учитывает значимые для их достижения условия, планирует свои действия, оценивает и корректирует результаты, а также в какой мере эти процессы осознанны, взаимосвязаны и развиты. Исследования индивидуальных особенностей саморегуляции позволили по-новому подойти к решению традиционных задач прикладной психологии. Созданный в лаборатории психологии саморегуляции Психологического института РАО арсенал методических средств и технологий оценки регуляторного профиля и развития осознанной саморегуляции используется в работе с учащимися, спортсменами, политиками, менеджерами для прогноза успешности и повышения индивидуальной эффективности и надежности деятельности. Сама идея стилей саморегуляции возникла при решений прикладных проблем в спорте высших достижений.

В политическом консультировании нашли свое применение результаты исследований регуляторных основ экстраверсии и нейротизма. Исследование личностных и регуляторных детерминант принятия решений позволили по-новому посмотреть на проблему политического выбора. В области образования в настоящее время нами осуществляется разработка новой системы оценки развития учащихся, которая в отличие от других систем позволяет использовать в обучении интегральные регуляторные показатели субъектного и личностного развития учащихся.

Л.С. Моцарь

СИСТЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ КАК КОМПОНЕНТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ

Учебно-образовательная среда вуза предоставляет студентам не просто возможности обретения профессиональных знаний и навыков, но и создает условия для принятия и освоения системы профессиональных ценностей. Осознание студентом себя частью профессиональной среды, сформированное отношение к себе как к представителю профессии, развитая система профессиональных ценностей выступают необходимыми условиями формирования психологической готовности студента к решению профессиональных задач.

В исследовании приняли участие 180 студентов 4 и 5 курсов различных факультетов КубГУ. По совокупности трех показателей – уровню самооценки готовности к профессиональной деятельности; уровню осознанного владения студентами полученными профессио-

нальными знаниями и навыками; уровню исследовательской активности в процессе обучения – был определен уровень готовности каждого респондента к решению профессиональных задач. Уровень профессиональной готовности студентов, имеющих высокую профессиональную самооценку, проявляющих исследовательскую активность в процессе обучения и работающих уже в период обучения в вузе в соответствии с выбранной специальностью, можно охарактеризовать как «проявленную» готовность. Средний уровень самооценки готовности к профессиональной деятельности, средний уровень исследовательской активности студента, а также намерения начать профессиональную деятельность только после завершения обучения в вузе характеризуют «квазиготовность» к решению профессиональных задач. Низкий уровень самооценки готовности к профессиональной деятельности, низкий уровень исследовательской активности студентов в процессе обучения вузе и отсутствие намерений работать по окончании вуза по специальности (либо работать вообще) мы определяем как «псевдоготовность».

Диагностика системы ценностных ориентаций студентов осуществлялась по методике М. Рокича. Были выделены как общие, так и специфические для респондентов с различными уровнями готовности актуальные терминальные и инструментальные ценности. Для всех респондентов общими актуальными ценностями оказались «профессионализм», «компетентность», «коммуникабельность» и «ответственность». Общие актуальные ценности служат основой для формирования готовности к профессиональной деятельности. Актуальными специфическими терминальными ценностями у студентов с «проявленной» готовностью к решению профессиональных задач являются «развитие (постоянно духовное и физическое совершенствование)», «познание», а также «активность (эмоциональная насыщенность жизни)».

Очевидно, что деятельная нацеленность студентов на личностное развитие и формирует их готовность к решению профессиональных задач, способствует реализации профессиональной готовности уже в студенческие годы. Для студентов с «квазиготовностью» в числе приоритетных специфических терминальных ценностей обозначились «интерес к работе», «уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий)», «творчество», общественное признание (уважение окружающих, товарищей по работе). Возможно, поэтому большинство студентов еще находятся в процессе поиска (активного или пассивного) такой профессиональной деятельности, которая позволяла бы реализовывать столь высокие индивидуально-

профессиональные устремления. У студентов с «псевдоготовностью» к решению профессиональных задач специфическими актуальными терминальными ценностями являются «здоровье (физическое и психическое)», «возможность найти хороших и верных друзей», «возможность быть рядом с любимым человеком (духовная и физическая близость)». Приоритетность индивидуально-личностных ценностей над профессиональными, усиливая влияние общих ценностей, определяет в целом низкий уровень готовности к решению профессиональных задач.

Таким образом, проведенный количественный и качественный анализ системы ценностных ориентаций студентов позволяет говорить о влиянии актуальных профессиональных ценностей на формирование уровня готовности к профессиональной деятельности. В системе ценностных ориентаций разных студентов присутствуют индивидуальные, отличительные элементы (специфические актуальные ценности). Именно их наличие и является условием для различения уровней готовности студентов к решению профессиональных задач.

С.В. Мясникова

СПОСОБНОСТЬ К ПРОГНОЗИРОВАНИЮ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Управление является древнейшей областью человеческой деятельности, но А. Файоль внес большой вклад в формирование науки управления, рассматривая управление как универсальный процесс, состоящий из нескольких взаимосвязанных функций, на основе которых он дал определение понятию «управление». Управлять – значит предвидеть, организовывать, распоряжаться, координировать и контролировать; предвидеть – учитывать грядущее и вырабатывать программу действия; организовывать – строить двойной материальный и социальный организм предприятия; распоряжаться – заставлять персонал надлежаще работать; координировать – связывать, объединять, гармонизировать все действия и все усилия; контролировать – заботиться о том, чтобы все совершалось согласно установленным правилам и отданным распоряжениям. Особое значение из всех управленческих функций уделяют функции предвидения, так как в обязанности руководителя входит определение цели и выбор средств ее достижения, установление приоритета задач в работе организации и прогнозирование возможных последствий их решений.

Все исследователи процесса мышления называют предвидение или прогнозирование основным механизмом поиска наиболее оптимального решения, который прежде всего используется на этапе оценки последствий принимаемых решений. Тем самым у руководителей одним из профессионально-важных качеств является способность к прогнозированию. Прогнозирование – получение информации о перспективах развития явления в результате исследования. Иначе говоря, прогнозирование – это целенаправленная познавательная деятельность, результат которой специфичен: отражение будущего с учетом вероятности его наступления и различной временной перспективы.

Целью проведенного исследования явилось изучение способности к прогнозированию у руководителей и специалистов коммерческих организаций. Была выдвинута гипотеза, что уровень способности к прогнозированию у руководителей выше, чем у специалистов. Для достижения поставленной цели была использована методика «Способность к прогнозированию», разработанная Л.А. Регуш. В данном исследовании приняли участие 403 респондента, из них 306 руководителей (141 – высшего звена и 165 – среднего звена) в возрасте от 20 до 65 лет, со стажем управленческой деятельности от 1 года до 40 лет (181 мужчин и 125 женщин), и 97 специалистов, в возрасте от 21 до 59 лет, со стажем работы от 1 года до 37 лет (34 мужчины и 63 женщины).

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы: 1. Уровень способности к прогнозированию у большинства руководителей высшего звена высокий, у большинства руководителей среднего звена и специалистов – средний. Уровень способности к прогнозированию оказался статистически значимо выше у руководителей, чем у специалистов. 2. Выявились различия по уровню способности к прогнозированию между мужчинами и женщинами: среди руководителей высшего звена – у женщин уровень способности к прогнозированию ниже, чем у мужчин, а среди руководителей среднего звена – у женщин, наоборот, уровень способности к прогнозированию выше, чем у мужчин. 3. Способность к прогнозированию руководителей повышается с увеличением возраста и стажа управленческой деятельности, в отличие от специалистов, где такой связи обнаружено не было. Таким образом, цель исследования достигнута, и гипотеза исследования доказана.

В заключение можно сказать, что способность к прогнозированию, как и любая человеческая способность, проявляется и формируется в деятельности, значимой функцией которой является предвидение новых направлений и возможностей развития.

А.В. Неверова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Постглобализационный период ознаменовался волной поиска смыслов: в жизни, в деятельности, в продолжении рода и пр. Однако, несмотря на очевидный социальный запрос, отдельной науки о смыслах не существует. Так, проблема смысла представлена в психологии. Еще основатель деятельностного подхода А.Н. Леонтьев писал: «Проблема смысла… это последнее аналитическое понятие, венчающее общее учение о психике».

Особое место проблема смысла занимает в политической психологии, являющейся, с одной стороны, практической областью знания, а с другой – имеющей под собой глубокую научную основу. Так, в концепции А.И. Юрьева одной из четырех составляющих сознания политического человека является смысл, определяемый им как «продукт мышления, предназначенный для приведения в упорядоченное безошибочное движение всех ресурсов человека для минимизации своих потерь и максимизации своего успеха». В политике минимизация потерь и максимизация успеха имеет особое значение, так как принятые решения и совершенные действия влияют на все население страны. В основе политической деятельности лежит процесс целеобразования (А.И. Юрьев, 1996), который задается смысловой сферой человека. В соответствии с этим политическая деятельность тесно связана со смыслами, которые в нее вкладывают. В данном ключе особый интерес для прикладной психологии представляет изучение смыслов, которыми политики наделяют свою профессиональную деятельность. Это и составило предмет данного исследования.

Исследование проводилось на базе производственной практики в Совете Федерации Федерального собрания РФ. Выборку составили 6 человек, являющихся действующими сенаторами Совета Федерации. Однако, учитывая очевидную труднодоступность объектов исследования, а также ограниченность во времени проведения исследования с каждым из объектов, применение традиционных методик измерения смыслов оказалось невозможным. Для проведения полуструктурированного интервью как наиболее эргономичного метода исследования данной выборки была создана авторская методика измерения смыслов политической деятельности, содержательно опирающаяся на тест

смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева (1992) и имеющая в своем основании общенаучный базис В.А. Ганзена (1984).

Исследование носило пилотажный характер, и одной из главных целей являлась апробация созданной методики изучения психологического смысла политической деятельности. Было выдвинуто предположение о том, что у данной выборки преобладающим смыслом профессиональной деятельности является творческая самореализация. Полученные результаты позволили выделить у политиков 4 категории смысловых ориентаций, согласующихся с категориями базиса по В.А. Ганзену: 1. Категория времени: политика как работа. Таковой считает свою профессиональную деятельность один респондент. Политическая деятельность здесь осмысляется как один из видов трудовой и профессиональной деятельности, не обладающий специфическими чертами. 2. Категория энергии: политика как ресурс. Двое респондентов видят смысл своей деятельности в использовании ресурсов, предоставленных политикой (таких, как власть, полномочия, статус), в профессиональных целях. 3. Категория пространства: политика как миссия. Политическая деятельность осмысляется одним респондентом как миссия, направленная на общество. Здесь смысл политической деятельности выражается в социальном интересе. 4. Категория информации: политика как творчество. У двоих респондентов смысл их политической деятельности состоит в творческой реализации своих способностей. Здесь политика осмысляется как способ самоактуализации.

Таким образом, политико-психологическое описание смыслов политической деятельности дает возможность психологу спрогнозировать эффективность профессиональной деятельности конкретных политиков. Необходимость подобных исследований состоит в том, что «неучет влияния психических состояний на поведение людей… приводит к неэффективности политического воздействия и снижению качества профессиональной деятельности политиков всех рангов» (Н.О. Свешникова, 1999). Важно отметить, что особую актуальность для прикладной психологии представляют исследования подобных смыслов на разных уровнях политики – от муниципалитетов до регионального и федерального уровней. Это порождает проблемное поле для дальнейших исследований.

Е.А. Никифорова

ПРИМЕНЕНИЕ АССЕССМЕНТ-ЦЕНТРА КАК МЕТОДА ДИАГНОСТИКИ В РОЗНИЧНОМ РИТЕЙЛЕ

С.А. Маничев определяет понятие «ассессмент-центр» (далее – АЦ) как «метод комплексной оценки персонала, основанный на использовании системы взаимодополняющих методик, ориентированный на реальное рабочее поведение оцениваемых сотрудников и учет особенностей требований должностных позиций». Высокая точность оценок в АЦ (до 0,65 по данным Smith, 1988, Boyle, 1988; 0,65 по данным Й. Баллантайна и Н. Пова; 0,65–0,7 по данным Британского психологического общества), по сравнению с другими методами диагностики персонала, определяет масштабность применения АЦ.

Основной целью проведения АЦ в X5RETAILGROUP на позицию «директор магазина» (формат Дискаунтер) является выбор кандидатов, обладающих компетенциями, максимально соответствующими требованиям позиции и корпоративной культуре компании. Это наиболее актуально в условиях динамичного развития компании. В АЦ принимают участие заместители директоров магазинов. Оценка ведется по двум компетенциям: управление персоналом (верно выявляет индивидуальные особенности и потребности подчиненных, мотивирует сотрудников к достижению поставленных целей, сочетает материальные и нематериальные методы мотивирования) и целеустремленность (сталкиваясь с препятствиями, проявляет настойчивость, сохраняет продуктивность в условиях неопределенности, постоянной нагрузки или ограничений).

Применяется АЦ уже на протяжении года, за этот период АЦ прошли 54 заместителя директора магазина. Из них получили рекомендацию на должность директора магазина 12 человек (22 %); получили рекомендацию с ограничениями 10 человек (19 %); не получили рекомендацию 32 человека (59 %). Сотрудники из первой категории назначаются на должность директора магазина. На данный момент успешно работают в этих должностях 9 человек (75 % из группы, получивших рекомендацию, 17 % из общего числа оцененных).

Следует подчеркнуть, что результаты АЦ не всегда становились для руководства автоматическим основанием принятия тех или иных кадровых решений. Были случаи, когда назначение на должность директора произведено без учета результатов АЦ, что повлекло за собой демотивацию сотрудников, получивших рекомендацию. Игнорирование результатов АЦ отрицательно повлияло на самооценку и мотивацию сотрудников службы персонала, ответственных за его проведение.

У сотрудников второй категории, как правило, дополнительного развития требует компетенция «Управление персоналом» (80 % случаев). Для решения этой задачи разработан и проводится специальный тренинг. Сотрудникам из категорий «Рекомендованы с ограничениями» и «Не рекомендованные» важно дать корректную обратную связь, конструктивный настрой для развития компетенций, совершенствования знаний и навыков. По мнению Т.Ю. Базарова, обратная связь – это механизм, с помощью которого достигается цель оценки – мотивировать сотрудника использовать полученную информацию для своего дальнейшего развития. Важно донести до сотрудника понимание этой идеи.

К сожалению, мы столкнулись с негативными последствиями вследствие упущения значимости предоставления обратной связи. В результате чего, мы считаем, процесс подачи обратной связи должен носить диалогический характер. В этом случае участник АЦ берет на себя ответственность за результаты. Недостаточная информированность и отсутствие предварительной работы с сотрудниками играет негативную роль. Изменения и инновации встречают сопротивление, сотрудники не всегда четко понимают, для чего предназначена процедура – многие, пришедшие на АЦ, уверены, что им необходимо продемонстрировать знание бизнес-процессов. При проведении АЦ периодически приходится сталкиваться со скептическим отношением со стороны испытуемых и руководства. На наш взгляд, это может быть связано с двумя причинами: не каждый человек готов узнавать о себе что-то, что может разрушить ощущение собственной значимости; многие могли ранее столкнуться с непрофессиональным и некорректным использованием психодиагностических методик. Тем не менее, при наличии перечисленных сложностей, применение АЦ решает важную диагностическую задачу – выявляет уровень развития необходимых компетенций сотрудников при формировании кадрового резерва.

И.В. Николаева

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗА СЕМЬИ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Семья является базовой национальной ценностью российского общества. Основной задачей духовно-нравственного развития и воспитания является формирование у школьников семейной культуры, которая подразумевает: • Осознание безусловной ценности семьи как первоосновы принадлежности к народу, Отечеству. • Понимание и

поддержание нравственных устоев семьи: любовь, взаимопомощь, почитание родителей, забота о младших и старших. • Бережное отношение к жизни человека, забота о продолжении рода.

В статье приводится анализ представлений старшеклассников о семье и родительских функциях, от которых зависит дальнейший процесс становления родительства у молодежи. Цели исследования: 1) выявление содержательных, эмоциональных характеристик представлений, составляющих образ семьи и родительских функций у старшеклассников. Для реализации цели использовался метод свободного ассоциативного эксперимента; 2) изучение гендерных установок, касающихся распределения ролей в семье. Для реализации цели использовался опросник «Пословицы». В качестве утверждений использованы русские народные пословицы, собранные В.И. Далем. В исследовании участвовали учащиеся 11 классов школы, как юноши, так и девушки.

В целом, конструируя образ семьи, учащиеся используют положительные характеристики: «любовь, понимание, поддержка, доверие, забота, помощь, уважение, счастье, очаг, уют». Дополняют положительный образ понятия «семья» ассоциации «картинки, которые возникают у меня, когда я представляю счастливую семью», «то, что я слышу, когда представляю счастливую семью», «мои чувства к семье»: солнце, дом, радуга, лето, родительская семья; смех, музыка, пение птиц, спокойный разговор; любовь, понимание, уважение, счастье, доверие, радость. В образе «Семья в прошлом» преобладают представления, характеризующие содержание образа «семья», такие как: строгость, традиции, уважение, аристократизм, воспитанность, зависимость, многодетная семья. В сравнении с представлениями о понятии «семья», появились негативные характеристики в понятиях «семья в настоящее время» и «семья в будущем»: неполная семья, нетрадиционная семья, хамство, грубость, отсутствие традиций, разводы, гражданский брак, ссоры, конфликты, отсутствие любви, мало детей в семье, недоверие, фиктивная семья. Наиболее важными качествами родителей в семье учащиеся считают любовь, ласку, воспитание детей. Важными качествами и отца, и матери являются доброта, направленность на развитие детей, защита.

Выделим те параметры родительства, по которым отцовство и материнство наиболее различаются. Учащиеся считают, что основной источник эмоционального благополучия – это отношения с матерью. Такие результаты соотносятся с известным в психологии положением о том, что мать готова к безусловному принятию ребенка, материнская

любовь заполняет эмоциональную нишу, необходимую для полноценного развития ребенка. Любовь отца более условна, она в большей степени зависит от успехов и достижений ребенка. Эту закономерность больше осознают юноши. Расхождения в представлениях об отцовстве наиболее сильно проявились по качествам, связанным с непосредственным взаимодействием с детьми: с точки зрения юношей роль отца заключается в обучении навыкам, помощи в самоопределении; девушки не выделяют эти особенности отношения отца с детьми. Девушки считают, что роль отца заключается в проявлениях любви, юноши считают, что это – забота матери.

Выводы: 1. У старшеклассников выражена значимость ценностей традиционной семьи. 2. Характеристики идеальной семьи у учащихся практически дублируют характеристики представлений о своей будущей семье. 3. В характеристиках семьи настоящей и семьи в будущем появились негативные ассоциации, отражающие реальность. 4. В представлениях о семье в прошлом, настоящем и будущем практически отсутствует характеристика «ответственность». 5. Родительская любовь, как важнейшая составляющая родительских отношений, признается старшеклассниками. Но ответственность, как значимая составляющая родительских отношений, не осознается ими. 6. Резко отличается образ семьи настоящей и семьи в прошлом. Характеристики семьи, на которых базируется традиционная семья, отсутствуют в понятиях о современной семье. 7. Учащимся присущи традиционные установки о распределении ролей в семье. Но традиционные установки и ценности семьи более признают юноши, чем девушки. 8. Наиболее неадекватно представление об отцовстве, его роли в социализации детей, функциях в воспитании мальчиков и девочек.

А.С. Никольская

К ПОНЯТИЮ «ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ»

Преобразования, происходящие в России и направленные на формирование гражданского общества, непосредственно связаны с созданием условий для развития и реализации человеческих потенций; в условиях постоянно изменяющейся социокультурной действительности встает проблема развития и использования человеческого потенциала, предъявляются более высокие требования к самостоятельности, инициативе, предприимчивости человека, к его способности понимать и интерпретировать не только происходящие социальные изменения,

но и собственное поведение, и поведение других людей. Психологическая культура является ведущим компонентом успешности включения человека в социальную жизнь общества, становления специалиста социальной сферы и управления, организатора и участника функционирования современных коммуникативных систем и интеракций.

В современных исследованиях сформировалось положение, что психологическая культура определяет вектор эффективного самоопределения и самореализации личности в жизни, способствует успешной ее адаптации и саморазвитию, и человеку полезно не только владеть определенными знаниями в области психологии, но и включать эти знания в психологическую практику своей жизни. В психологии долгое время отсутствовали системные исследования, посвященные феномену психологической культуры личности и изучались лишь отдельные ее составляющие: компетентность в общении (Т. Гордон, Ю.Н. Емельянов, Ю.М. Жуков, Л.А. Петровская и др.), интеллектуальная (М.А. Холодная) и социальная компетентность (В.Н. Куницина, У. Пфингстен, Р. Хинтч, Р. Ульрих и др.), ценностно-смысловые образования (А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, Д.А. Леонтьев, М.С. Каган, В. Франкл и др.), самосознание (Л.И. Божович, И.С. Кон, И.И. Чеснокова, В.В. Столин) и др. В настоящее время психологическая культура личности рассматривается в контексте субъективного переживания времени жизни (Л.Д. Демина, И.А. Ральникова и др.), изучаются ее возрастные возможности и особенности освоения школьниками в условиях становления личности и специально организованной педагогической деятельности (Л.С. Колмогорова, Д.В. Каширский, О.Г. Холодкова и др.).

В работах известных ученых: В.М. Аллахвердова, Н.В. Беляка, В.П. Зинченко, В.А. Петровского, В.В. Семикина, исследуются и описываются различные функции психологической культуры профессионала. Проблема заключается еще и в том, что термин «психологическая культура личности» до сих пор остается дискуссионным. В справочной литературе представлены определения отдельных его составляющих: коммуникативная культура, культура поведения и деятельности, культура сознания (речи, мышления и т. д.), культура чувств и т. п. Эти составляющие рассматриваются, изучаются в различных науках о человеке: этике, психологии, педагогике, праве и т. д. и лишь частично отражают содержание понятия «психологическая культура личности». Так, например, культура общения может включать в себя и психологический, этический, педагогический и др. аспекты. Поэтому, чтобы определить предмет изучения, необходимо дополнить и конкре-

тизировать это понятие: «психологическая культура общения», «педагогическая культура общения», «правовая культура общения» и т. д.

Перефразируя слова А.Б. Орлова, дающего определение профессиональной психологической культуры педагога, можно сказать о психологической культуре личности вообще: «Подлинная психологическая культура человека предполагает культуру его убеждений, переживаний, представлений и влияний, проявляющуюся в отношении и к самому себе (прежде всего!), и окружающим его людям. Такая культура является результатом постепенного преодоления и изживания невротических (т. е. неаутентичных, иллюзорных, угрожающих потере субъектности) компонентов собственного внутреннего мира в разного рода психотерапевтических по своей сути практиках» (А.Б. Орлов, 1995).

Психологическая культура личности – комплексное понятие, которое включает знания человека об основных факторах и законах развития внутреннего мира человека, способах и приемах психической саморегуляции. Под психологической культурой следует понимать не просто знание причин возникающих психологических проблем и последствий тех или иных действий. Психологическая культура – это в первую очередь способность и готовность решать проблемы взаимодействия с социальным окружением и с самим собой так, чтобы не тормозить процесс личностного развития.

А.С. Новиков

ИЗМЕРЕНИЕ ПЕРЕЖИВАЕМОЙ САМООЦЕНКИ

Измерение самооценки остается одной из самых актуальных проблем психодиагностики. Сам психологический конструкт «самооценка» рассматривается разными авторами в рамках близких, но не идентичных теоретических построений. Наиболее развернутый и логичный подход, с нашей точки зрения, предложил В.В. Столин. Самооценка рассматривается как когнитивный (значенческий) компонент самосознания, в отличие от самоотношения как эмоционального (смыслового) компонента. При этом подчеркивается, что механизм оценки себя принципиально такой же, как и оценки иных, внешних объектов. Другими словами, «Я» оценивается наряду с другими аналогичными объектами по тем же критериям и алгоритмам. Оценка себя носит номотетический характер, в отличие от самоотношения, которое всегда идиографично.

Самооценка всегда предполагает сравнение себя, своих свойств, качеств, структур, образований и пр. с Другими. Эти Другие играют роль не только «группы сравнения», но и «шкалы». Результатом такого сравнения является обнаружение места объекта «Я» в ряду других людей по тем или иным признакам. Полученный таким образом результат подвергается осмыслению, окрашивается эмоционально, становится предметом самоотношения. То, что самооценка является когнитивным образованием, не означает, что она обязательно становится предметом осознанной рефлексии. Часто самооценка носит характер имплицитного знания, но может и ясно осознаваться. Имплицитная самооценка вообще не может быть выявлена с помощью самоотчета, но и осознаваемая самооценка, диагностированная с помощью самоотчета, носит характер «для вас» и может существенно отличаться от осознаваемой самооценки «для себя». В связи с этим оправданным, с нашей точки зрения, представляется выделение декларируемой (прямой, демонстрируемой) и переживаемой самооценки. Именно для диагностики переживаемой самооценки и предназначен предлагаемый инструмент. Среди предшественников методики «Измерение переживаемой самооценки» (ИПС) можно назвать «Тест Лиу» (J. Liggett, 1959) и методику «Косвенное измерение системы самооценок» (КИСС) Е.О. Федотовой. Принципиальное отличие ИПС от предшественников заключается в полном отказе от использования механизмов проекции и замене на психосемантические приемы, что исключает теоретическую неопределенность интерпретации полученного результата.

В основу предлагаемого метода измерения самооценки положен следующий принцип: Заключение о переживаемой самооценке испытуемого по определенному конструкту выводится из того, насколько в его (испытуемого) описании себя он похож на людей, по его же мнению, обладающих и не обладающих этим качеством (или обладающих им в разной степени). Технологической основой является анализ матрицы оценочных суждений, заимствованный из метода репертуарных решеток Дж. Келли. Формат тезисов не дает возможности подробного описания устройства диагностического инструмента, процедуры измерения и интерпретации результатов.

Ретестовая надежность проверялась на 56 испытуемых, замеры с интервалом в 3 недели. Коэффициент ранговой корреляции по Спирмену результатов тест-ретест составил 0,68 ($p < 0,001$). Внутренняя надежность-согласованность теста проверялась в двух вариантах: «вертикальная» – раздельный подсчет результатов «четной» и «нечетной» половин списка конструктов. Корреляция половин составила 0,70

($p < 0,001$), «горизонтальная» – раздельный подсчет результатов «четной» и «нечетной» половин списка элементов. Корреляция половин составила 0,73 ($p < 0,001$).

Проверка конвергентной валидности проведена на 75 испытуемых. Сравнивались результаты ИПС и данные, полученные с помощью методик Дембо–Рубинштейн и семантического дифференциала. Коэффициент ранговой корреляции составил 0,36 ($p < 0,05$). Слабая корреляционная связь говорит о том, что конструкты, измеряемые методиками «декларируемая самооценка» и «переживаемая самооценка», близки, но не идентичны. Проверка диагностической (текущей) валидности показала, что ИПС надежно дискриминирует контрастные группы (больные неврозом и больные радикулитами) по критерию «счастлив–несчастлив» ($p < 0,001$).

Результаты постэкспериментального интервью показали, что испытуемые в процессе заполнения методики не выявляли (не прочитывали) измеряемую переменную. Это дает право считать ИПС хорошо защищенной от фальсификации и пригодной для применения в ситуации экспертизы.

Будучи впервые описан в 1993 г., ИПС долгое время имел статус исследовательской методики, но после проверки психометрических свойств может претендовать и на статус пользовательской.

Ю.В. Образцова

КРОССКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ ПО ТУРИЗМУ

Сегодня в мире активно развивается отрасль туристического бизнеса. Главным действующим лицом в туристических фирмах выступает менеджер по туризму. Как субъект профессиональной деятельности менеджер по туризму должен обладать определенным набором личностных качеств и особенностей, в который, в первую очередь, следует отнести такие личностные особенности, как удовлетворенность трудом, мотивацию, профессиональное выгорание, коммуникативные и организаторские способности. В наши дни люди имеют возможность свободно передвигаться по всему миру, а соответственно есть возможность обучаться или работать в другой стране, совместно с людьми другой культуры и ментальности. В связи с этим все большую актуальность приобретает кросскультурное изучение профессиональной деятельности.

Цель нашей работы – исследовать кросскультурные различия личностных особенностей в профессиональной деятельности менеджера по туризму. В ходе исследования решались следующие задачи: 1) оценить удовлетворенность трудом менеджеров по туризму; 2) изучить мотивацию в работе менеджеров по туризму; 3) диагностировать степень профессионального выгорания менеджеров по туризму; 4) определить уровень коммуникативных и организаторских способностей менеджеров по туризму; 5) Сравнить удовлетворенность работой, мотивацию в работе, профессиональное выгорание и уровень коммуникативных и организаторских способностей менеджеров по туризму санкт-петербургских и неаполитанских туристических фирм.

В нашем исследовании приняли участие 60 человек, из них 30 менеджеров по туризму Санкт-Петербурга со средним стажем работы 4,9 лет и 30 менеджеров по туризму Неаполя со средним стажем 4,1 лет.

Для выявления уровня удовлетворенности работой была использована методика В.А. Розановой «Оценка удовлетворенности работой». Для определения мотивации в работе использовалась методика определения мотивации в работе Ф. Герцберга. Диагностика профессионального и эмоционального выгорания проводилась при помощи методики В.В. Бойко «Диагностика профессионального выгорания».

В результате проведенного нами исследования были получены следующие результаты. Удовлетворенность работой менеджеров по туризму Санкт-Петербурга выше, чем менеджеров Неаполя, поскольку сфера туристического бизнеса в Неаполе еще только развивается, работают в качестве менеджеров по туризму там в основном зрелые люди, и, как правило, они организуют свои собственные фирмы. А в Санкт-Петербурге туристические фирмы намного больше и в качестве менеджера по туризму нередко встречаются и студенты. Для менеджеров по туризму Санкт-Петербурга в большей степени, чем для неаполитанских, важны такие мотивы в работе, как финансовый, отношения с руководителем, что указывает на различия в экономических и социальных условиях этих городов. В Неаполе пост менеджера по туризму, как правило, занимают сами хозяева фирмы, студентам в Италии работать запрещено. В большей степени у неаполитанских менеджеров, чем у санкт-петербургских, выражены следующие мотивы в работе: ответственность, содержание работы.

По результатам диагностики профессионального выгорания выявлено, что для менеджеров по туризму Санкт-Петербурга в большей степени характерны симптом переживания психотравмирующих об-

стоятельств, загнанности в клетку, тревога и депрессия, что объясняется условиями труда, нестабильностью и зависимостью. В Неаполе для менеджеров по туризму в большей степени характерен симптом редукции профессиональных обязанностей, что указывает на стремление облегчить или сократить обязанности, которые требуют эмоциональных затрат. Коммуникативные способности у менеджеров по туризму Неаполя выражены в большей степени, чем у санкт-петербургских. Итальянцы и русские обладают различными менталитетами и темпераментами. Неаполитанцам в большей степени присуща разговорчивость, коммуникабельность, экспрессивность. Они легче идут на контакт с незнакомыми людьми. Финансово мотивированные менеджеры по туризму более склонны к формированию синдрома «загнанности в клетку», в большей степени испытывают тревогу и депрессию, переживают психотравмирующие обстоятельства и склонны к эмоциональной отстраненности.

П.О. Омарова, З.З. Гасанова

МЕТОДИКА «ДЕРЕВО» В ДИАГНОСТИКЕ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ УМСТВЕННО ОТСТАЛЫХ ДЕТЕЙ

Социальная ситуация развития, по утверждению Л.С. Выготского, – это особое сочетание внутренних и внешних условий развития. Мы задались вопросом, как проецируются на графической продукции методики «Дерево» признаки позитивной и «дефицитарной» социальной ситуации развития. Методика «Дерево» – проективная графическая методика, разработанная Карлом Кохом (1949), представляющая самостоятельный метод психологического исследования, направленный на изучение индивидуально-личностных особенностей человека и специфики осознания им пережитых трудностей и проблем.

Отношение к проективной, графической методике «Дерево» как к психодиагностическому инструменту в психологической практике неоднозначно. С одной стороны, психологи-практики проявляют к ней весьма большой интерес, связанный с простотой организации психодиагностической процедуры; с доступностью и понятностью заданий для испытуемых всех возрастов; минимальной задействованностью вербальной деятельности; относительной независимостью от культурно-образовательного ценза. А с другой стороны, трудность интерпретации, сложность выделения единиц анализа, а также ее нестандартизированность становятся причиной снижения интереса к данной группе методик. Архивация графической продукции началась с 1993 г. и продолжается в настоящее время.

Нами было обнаружено, что дефицитарность социальной ситуации развития находится в прямой зависимости от состояния ребенка, от его индивидуально-личностного субъективного восприятия социальной ситуации развития, в котором пребывает наш респондент. Данные практически здоровых испытуемых, пребывающих в благоприятной психологической ситуации, резко отличны от тех, кто испытывает психологический дискомфорт. Видна яркая взаимосвязь врожденных свойств личности с их реакцией на средовые воздействия, степень подвластности или сопротивления этим воздействиям с помощью свойственных данному индивиду способов психологической защиты. Так, например, дети из приютов рисуют однотипные, сильно зачерненные со скудной листвой деревья, часто располагают рисунок у нижнего края листа. Выраженность этих признаков зависит от длительности пребывания в дефицитарной ситуации и степени ее травматизирующего воздействия на ребенка.

Рисунки детей с умственной отсталостью отличны от рисунков детей с нормальным психофизическим развитием. В них ярко выражены причудливость и дисгармония; малая структурированность и вычурность деталей; дисгармония в изображаемом и схематичность; уродства и деформации. Следует отметить малоинформативность признаков в силу их малого количества в рисунках. При обследовании этого контингента нас интересовало наличие признаков, несущих информацию о контакте испытуемого с окружающей средой, наличие агрессии и тревоги, выраженность амбивалентных чувств, комплекса неполноценности, ущербности, компенсаторных механизмов. В рисунке умственно отсталого ребенка одно дерево почти не отличаются от другого (различие не более чем в 1–2 деталях, не имеющих диагностической ценности). На наш взгляд, это является результатом конкретности мышления, низких адаптационных возможностей ребенка, обусловленных структурой основного дефекта. В отличие от детей с нормальным психофизическим развитием, у умственно отсталых детей реальный мир является почти полным отражением мира скрытого, неосознаваемого. Диагностический результат в этой ситуации приобретает более верифицированный характер, позволяя очертить прогностическое пространство последующей коррекционно-психологической работы.

В результате исследования выявлено: 72,5 % детей от общего числа обследованных с нарушениями интеллекта находятся под воздействием неблагоприятных социально-психологических факторов, при этом контакт «проблемных детей» с окружающей средой ограничен, навыки общения не выражены (рисунки с отсутствующей листвой со-

ставили 62,4 %). В выборке детей, которым свойственны амбивалентные чувства, оказалось 35,1 %, с наличием тревоги по той или иной причине – 79,7 %, с агрессивными проявлениями разной степени выраженности – 81,6 % детей. Проективная методика «Дерево» является весьма информативным диагностическим инструментом, который можно рекомендовать к использованию в клинической и психологической практике.

О.А. Орехова

ДИАГНОСТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЗИТИВНЫХ И НЕГАТИВНЫХ ЭМОЦИЙ

Данное исследование раскрывает проблему эмоциональной регуляции личности, актуальность которой обусловлена неоднократным обращением к ней таких исследователей, как Б.Г. Ананьев (1980); Р.М. Грановская (2003); Е.П. Ильин (2002); С.Л. Рубинштейн (1980). Практическая значимость обусловлена необходимостью прогноза эмоциональных состояний военнослужащих в свете проводимых в Вооруженных силах и Военно-морском флоте РФ реформ.

Цель исследования – выявить механизмы эмоциональной регуляции и показать их роль в формировании психологических особенностей военнослужащих. Объект исследования – эмоциональная сфера военнослужащих в процессе психологического сопровождения. Предмет исследования – влияние механизмов взаимодействия положительных и отрицательных эмоций на формирование девиантного поведения военнослужащих. Анализ многолетних исследований военных моряков при помощи диагностической методики дифференциации положительных и отрицательных эмоций выявил проявления амбивалентности и инверсий и их отсутствия в эмоциональной сфере военнослужащих.

Можно говорить о четырех группах военнослужащих с различиями в эмоциональной сфере (ЭС): 1 – военнослужащие с дифференцированной полюсностью ЭС; 2 – военнослужащие с амбивалентной полюсностью ЭС; 3 – военнослужащие, с инвертированной полюсностью ЭС; 4 – военнослужащие с амбивалентно-инверсированной полюсностью ЭС. Мы предполагаем, что 1 тип ЭС составляет предпочтительный вариант эмоциональной регуляции; 2 тип ЭС представляет вариант нормы, характеризующейся отсутствием яркой дифференциации положительных и отрицательных эмоций; 3 тип ЭС пред-

ставляет собой обратный вариант дифференциации, характеризующейся инвертированной дифференциацией положительных и отрицательных эмоций. Наконец, 4 тип ЭС представляет собой крайний вариант нормы, характеризующейся не только отсутствием дифференциации, но и инвертированной дифференциацией положительных и отрицательных эмоций.

По нашим данным, амбивалентность позитивных и негативных эмоций взаимосвязана с суицидальным риском у военнослужащих, а инверсии эмоций в эмоциональной сфере – с их аддиктивным поведением. Кроме того, установлено, что у военнослужащих с 4 типом ЭС чаще проявляются акцентуации характера при $p < 0,05$. Было выявлено на статистически достоверном уровне, что у военных моряков с различной ЭС по-разному проявляются и последствия стресса. Так, военнослужащие с 1 типом ЭС отличаются более высоким уровнем военно-профессиональной направленности, отсутствием признаков эмоционального выгорания. Военнослужащие с 2 типом ЭС характеризуются уровнем эмоционального выгорания, выраженным чувством «Загнанности в клетку».

Военнослужащим 3 типа с инверсиями эмоций в ЭС наряду с чувством «Загнанности в клетку» свойственны: эмоциональное выгорание, выраженное неудовлетворенностью собой и эмоционально-нравственной дезориентацией. При этом они проявили склонность к несанкционированному применению оружия против других. У военнослужащих 4 типа ЭС с проявлением и амбивалентности и инверсий позитивных и негативных эмоций проявился самый высокий уровень эмоционального выгорания, выраженный неудовлетворенностью собой, психосоматическими и психовегетативными нарушениями. Военнослужащие данной группы проявили склонности к суицидным реакциям и склонность к соперничеству.

Проведенный факторный анализ показал, что были выявлены два фактора, определяющих сформированность военно-профессиональной направленности и определенных склонностей военнослужащих: фактор 1 – амбивалентности позитивных и негативных эмоций; фактор 2 – инверсии позитивных и негативных эмоций. При этом фактор 1 определяет эмоциональное выгорание, склонность к суицидальному риску и отрицательно сказывается на формировании военно-профессиональной направленности военнослужащих. Фактор 2 определяет проявления предметных эмоций и склонность к несанкционированному применению оружия против других.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что дифференциация, амбивалентность и инверсии позитивных и негативных эмоций выступают как механизмы эмоциональной регуляции личности, определяющие типологию эмоциональной сферы, и взаимосвязаны с психологическими особенностями личности военнослужащих.

О.А. Орехова, Д.Р. Валиахметов

ДИАГНОСТИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЦЕННОСТЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Исследование особенностей системы ценностных ориентаций военнослужащих с различными типами эмоциональной сферы (ЭС) показало, что на статистически значимом уровне военные моряки с 1 типом ЭС более уверены в себе и инициативны, чем военнослужащие с 2 типом ЭС. У военнослужащих данных групп различий мало, они позитивно относятся к службе на флоте, предпочитают заниматься спортом, дружить и т. п. Таким образом, мы можем рассматривать их ЭС как вариант нормы. Военнослужащие с 3 типом ЭС по сравнению с военнослужащими 1 типа в меньшей степени предпочитают патриотизм, желание служить и секс. Для военнослужащих с 4 типом по сравнению с военнослужащими 1 типа ЭС менее важными являются такие ценностные ориентации, как наличие хороших друзей, патриотизм и любовь, они в большей степени подвержены таким формам девиантного поведения, как делинквентное, аддиктивное поведение и суицидальный риск. Ценностные ориентации военнослужащих с 4 типом ЭС носят негативный характер.

Корреляционный анализ психологических характеристик и системы ценностных ориентаций на статистически значимом уровне выявил различное количество положительных и отрицательных взаимосвязей у военнослужащих с различными типами ЭС. Так, у военнослужащих с 1 типом ЭС не было выявлено корреляционных связей с системой ценностных ориентаций. Очевидно, их ЭС с ярким предпочтением положительных и отвержением отрицательных эмоций выступает как система регулирования их поведением. Напротив, у военнослужащих с 2 типом ЭС были выявлены тесные отрицательные корреляционные связи между ценностными ориентациями и девиантным поведением военнослужащих. Чем чаще они выбирают «материально-обеспеченную жизнь» и мотив «волевое усилие» как ценности, тем в меньшей степени проявляется склонность к аддиктивному поведению. Чем чаще

они выбирают «творчество», «службу на флоте», «государство» и «патриотизм», тем менее выражены склонности к делинквентному поведению.

Очевидно, ЭС моряков со 2 типом в силу отсутствия дифференциации позитивных и негативных эмоций не «справляется» с регуляцией поведения, эту функцию выполняют ценностные ориентации. У военнослужащих с 3 типом ЭС выбор ценностных ориентаций носит извращенный характер: чем чаще они выбирают «материально-обеспеченную жизнь» и «наличие хороших и верных друзей», тем чаще у них проявляются склонности к делинквентному и аддиктивному поведению соответственно.

У моряков с 4 типом ЭС проявились особенности взаимосвязей, характерные и для 2 и для 3 типа ЭС. Чем чаще они выбирают «любовь» и «творчество», тем реже проявляется склонность к «делинквентному поведению». В то же время, чем чаще выбирают «наличие друзей» и «счастливую семейную жизнь», тем чаще проявляется склонность к «делинквентному поведению». Очевидно, длительное накопление неудач, осуждение со стороны окружающих приводит к попыткам добиться успеха в области асоциального поведения. Вследствие накопления ими негативного социального опыта данные асоциальные ценности воспринимаются ими позитивно, и военнослужащий данного типа становится заложником девиантного поведения. Это проявляется в виде использовании ненормативной лексики, жаргонных выражений, агрессивном поведении, негативизма к окружающим. Такое поведение становится привлекательным, формирует контрсоциальные ценности.

Н.В. Осницкая

ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В ПСИХОКОРРЕКЦИОННОЙ ПРАКТИКЕ

Традиционно при обсуждении темы применения методов диагностики в психокоррекционной деятельности выделяют три основных вопроса. Первый касается надежности, валидности методов, соотношения результатов диагностирования и исследуемой психической реальности, второй – проблем профессиональной компетенции психодиагноста, связанных с правовой неурегулированностью применения психодиагностики в нашей стране и отсутствием единых стандартов подготовки специалистов. Третий вопрос – об этике взаимодействия психодиагноста с клиентом, предъявлении результатов и коррекцион-

ной работе на их основе. Каждой из этих проблемных зон можно было бы посвятить отдельную большую статью, однако, будучи ограничены рамками и жанром тезисов, мы обозначим лишь основные принципы практической работы с диагностикой – модели, используемой в рамках разрабатываемого нами интегрально-синергетического подхода к психокоррекции.

Методы психодиагностики в рамках практической работы, на наш взгляд, являются инструментом вероятностного динамического прогноза. Рассмотрение психодиагностики как совместного исследования психолога и клиента, направленного на выявление возможных источников или следствий предъявляемых проблем, способствует созданию недирективного критического контекста работы с результатами. Также данный подход позволяет разрешить проблему мифологизации диагностических заключений, которые зачастую воспринимаются как нечто сродни гороскопу или гаданию: сравнивая полученные результаты с собственными ощущениями, многие клиенты оценивают их с точки зрения «угадали / не угадали».

Однако психодиагностические методы не направлены на отражение внутренней картины «Я» личности, кроме случаев специальной постановки такой цели. Несоответствие полученных результатов и представлений человека о самом себе не может быть причиной их отвержения, напротив, предоставляя ценный материал для обсуждения. Использование текста заключения как психокоррекционного материала предполагает не просто обсуждение результатов, а их анализ со стороны клиента, сопровождаемый обоснованной, подтвержденной примерами критикой (или согласием). Данный подход позволяет уйти от директивного «самодавления» диагностических выводов, не призывая клиента принимать их на веру.

В то же время исключается и некритичное принятие результатов, с экстернальной позицией по отношению к авторитету специалиста. Для получения наиболее полной и непредвзятой картины личностных особенностей представляется целесообразным не только подбор различных по способу получения информации методов, но и привлечение психодиагноста как независимого специалиста. При такой организации коррекционной работы снижается влияние на интерпретацию «шлейфа» информации о пациенте, полученной на консультации.

Таким образом, рассмотрение психодиагностики как совместного исследования специалиста и клиента позволяет косвенно разрешать в практической работе поставленные в начале статьи проблемы. Так, вопрос о достоверности результатов принципиально остается откры-

тым, и работа с интерпретацией полученных данных происходит с критической и вероятностной точки зрения. Такой подход позволяет избежать ошибочных выводов, включая в круг рассмотрения сопоставление с жизненным опытом и Я-концепцией обследуемого.

Включение в работу «третьего» – специалиста в области психодиагностики – снимает необходимость совмещения психологом консультационной и психодиагностической деятельности, зачастую происходящего в ущерб последней. И, наконец, работа с психодиагностическими данными не исчерпывается их предъявлением для «общего ознакомления» или как абсолютно «объективных» данных по отношению к внутренним «субъективным». Она опирается на интернальную, активную позицию клиента в процессе критического анализа полученного описания личностных особенностей и его сопоставления с актуальными проблемами (мы предлагаем осуществлять этот критический обзор в письменном виде, в качестве «домашнего задания»).

В заключение отметим, что описанная выше модель применения психодиагностики в практической работе с клиентом привносит новое качество не только в организационном плане, но изменяет и поле психотерапевтического взаимодействия. Третий специалист – психодиагност – включается в динамический процесс психокоррекции в роли независимого эксперта и, возможно, ко-терапевта, что позволяет создавать эффект мини-группы, направленной на практическое исследование особенностей личности клиента в их живой взаимосвязи с жизненным опытом и предъявляемыми проблемами.

М.В. Осорина, С.И. Голунова

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ПОНИМАНИЯ НА МАТЕРИАЛЕ РИСОВАННЫХ ШУТОК

Рисованную шутку мы рассматриваем как психологически экологичный и эффективный в использовании стимульный материал для изучения процессов понимания, являющихся центральным пунктом в мышлении человека. В когнитивном плане шутка – это всегда минизадача, основанная на юмористической сшибке двух позиций – привычной и неожиданной. Понимание шутки обусловлено способностью реципиента правильно опознать пуанту – место этой когнитивной сшибки – и реконструировать смысл, заложенный туда автором.

В отличие от вербальных шуток, использованных нами в предыдущих исследованиях (Осорина, Щербакова, 2008, 2009), юмористиче-

ские рисунки создают для реципиента ряд неожиданных трудностей, связанных с особенностями природы иконического текста. Характер совладания с ними ярко раскрывает специфичные для реципиента способы считывания иконической информации, меру резистентности к чужеродному для него авторскому изображению героев нарисованной ситуации, сформированность метакогнитивных навыков, позволяющих реципиенту осознавать различия между его собственной проективной продукцией и авторской интерпретацией ситуации, заложенной в юмористической картинке.

Наше исследование состояло из двух этапов. На первом были подобраны рисованные шутки, представлявшие собой сценки с 2–3 участниками. Поэтому для их понимания требовалось не только считать внешнесобытийный ряд, но и реконструировать психический план взаимоотношений героев – их мысли, чувства и намерения (построить так называемую «theory of mind» героев). На основе работы группы экспертов были сделаны психологический анализ когнитивной структуры отобранных шуток и их ранжирование по степени сложности. На втором этапе этот стимульный материал предъявлялся индивидуально взрослым испытуемым (всего 40 человек) и в длительном полуструктурированном интервью с ними обсуждался процесс понимания каждой рисованной шутки.

При обработке интервью предметом содержательного анализа были трудности и ошибки, допущенные испытуемыми. Взрослые с высшим образованием на этапе сбора визуальной информации (внешнесобытийный ряд) иногда ошибались в опознании героев, чаще – в интерпретации их внешних действий и характера ситуации. Основными причинами этого были: а) несформированность навыков сканирования (мозаичное видение; залипание на отдельных элементах; пропуски; неумение видеть существенные информационные зоны рисунка); б) эгоцентрическая позиция (ориентация на сугубо личный опыт; нечувствительность к противоречию между субъективной интерпретацией и информацией, представленной на картинке; конфликт между авторской трактовкой образа героя и собственными образными представлениями); в) трудности эмоционально-эмпатического контакта (субъективная неприязнь к манере рисования или характеру ситуации блокирует когнитивную деятельность); г) низкий уровень культуры (отсутствие или недостаточный объем и структурированность культурного опыта; упрощенная стереотипия; неспособность воспринимать культурально непривычные ситуации).

На порядок труднее оказался для всех испытуемых переход от внешнесобытийного ряда к реконструкции психического плана – «theory of mind» – героев. Несмотря на то, что такая реконструкция также предполагает опору на внешние подсказки, данные художником (мимика героев, их позы и т. п.), они прочитываются в гораздо меньшей степени и чаще интерпретируются реципиентом более волюнтаристски. Основными причинами этих трудностей были: а) недостаточные навыки понимания невербальных сигналов (мимики, жестики, языка поз и проксемики); б) дефицит способностей к эмпатическому присоединению (невозможность настроиться и идентифицироваться с героем ситуации); в) эгоцентрическая позиция; г) низкие метакогнитивные навыки (неумение оттормаживать личностные проекции; отличать позиции героев картинки, авторскую и свою собственную); д) неточная вербализация.

Материал рисованных шуток обладает высоким психодиагностическим потенциалом, что делает их ценным инструментом для использований психологических и культуральных аспектов процессов понимания текстов.

О.В. Павлова

УРОВЕНЬ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ И СТРУКТУРА ЗНАЧИМЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОДРОСТКОВ

Значимые межличностные отношения играют огромную роль в жизни подростка. На степень значимости отношений, их структуру и уровень удовлетворенности отношениями влияет множество личностных и социальных факторов. В данной работе под значимыми отношениями понимаются отношения подростков с родителями, сверстниками и учителями. Цель исследования – изучение уровня удовлетворенности и структуры значимых межличностных отношений подростков с учетом фактора пола и состава семьи. В качестве объекта исследования выступали ученики 8-х классов средних школ № 608 и № 89 Санкт-Петербурга в возрасте 14 лет. В исследовании приняли участие 48 человек, из них 23 мальчика и 25 девочек.

Результаты были получены на основе следующих методик. Для изучения значимости, полюса, тесноты и направленности отношений использовались методика ЦТО и Круг общения. Направленность личности в общении исследовалась с помощью методики НЛО Братченко, мотивация в общении – с помощью методики Мехробиан. Уровень удовлетворенности и состав семьи отражены в анкете. Анализ средних значений показал, что удовлетворенность отношениями с друзьями и

родителями выше среднего, но стоит отметить, что подростки больше удовлетворены отношениями с друзьями, чем отношениями с родителями. Удовлетворенность отношениями с учителями у подростков – на среднем уровне. 73 % подростков считает свои отношения со сверстниками хорошими, 18 % – противоречивыми и 9 % – конфликтными, напряженными. 56 % подростков имеют тесные, близкие отношения. 75 % подростков считает свои отношения со сверстниками взаимными. У 68 % подростков хорошие отношения с учителями, у 17 % – противоречивые и у 15 % – конфликтные. Хорошие отношения с родителями отметили 88 % подростков, конфликтные – 12 %. Несмотря на то, что в подростковом возрасте отношения со сверстниками играют большую роль, мама остается самым значимым человеком. Далее по значимости идут отношения с друзьями и партнером противоположного пола.

У подростков преобладает авторитарный, альтероцентрический и конформный стиль поведения в ситуациях общения. При этом у них отмечается средний уровень выраженности стремления к принятию и страха отвержения их сверстниками. Анализ различий между мальчиками и девочками на уровне статистической значимости показал, что девочки больше удовлетворены отношениями с друзьями, чем мальчики. Круг значимых сверстников и учителей у девочек значительно шире. У девочек отмечаются хорошие отношения с учителями по сравнению с мальчиками. В общении мальчики чаще прибегают к манипулятивному стилю взаимодействия с людьми, чем девочки. У мальчиков стремление к принятию статистически достоверно выше, чем у девочек. Наряду с анализом различий между мальчиками и девочками был проведен анализ различий между детьми из полных и неполных семей. Подростки, имеющие обоих родителей, лучше относятся к себе, они меньше боятся быть отвергнутыми сверстниками, чем подростки из неполных семей, что показано на уровне статистической значимости.

В дальнейшем планируется изучение возрастной изменчивости и структуры значимых межличностных отношений в подростковый и юношеский периоды, а также период ранней взрослости. Кроме того, предполагается выявить личностные и социальные факторы, влияющие на межличностные отношения в разные возрастные периоды.

Т.М. Панкратова

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ САМОРЕГУЛЯЦИИ ПЕДАГОГОВ

Исследование психических особенностей представителей профессий, осуществляющих работу в ситуациях неопределенности и взаимодействия с комплексными объектами, к которым относится профессия педагога, является актуальной научной проблемой. К важным характеристикам психических особенностей представителей педагогической профессии относятся коммуникативная компетентность и индивидуальный стиль саморегуляции.

Исследование взаимосвязи коммуникативной компетентности и стиля саморегуляции в профессиональной деятельности педагогов было проведено нами в 2008–2009 гг. Методическим инструментарием для исследования эмоционального компонента коммуникативной компетентности служили методики: «Диагностика коммуникативного контроля» (М. Шнайдера), «Диагностика принятия других по шкале Фейя», «Диагностика доброжелательности по шкале Кэмпбелла», «Диагностика уровня поликоммуникативной эмпатии», для диагностики индивидуального стиля саморегуляции использовалась опросная методика В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения». В исследовании принимали участие 54 человека – учителя гуманитарных и точных дисциплин гимназий г. Ярославля в возрасте от 30 до 70 лет, испытуемые были разделены на 2 группы по 27 человек в каждой.

Исследование коммуникативного контроля показало, что большая часть испытуемых (45%) в группе учителей гуманитарных дисциплин (1 группа) и 41% испытуемых в группе учителей точных дисциплин (2 группа) обладают низким уровнем коммуникативного контроля. Эта часть педагогов проявляют высокую импульсивность в общении, открытость, раскованность, поведение мало подвержено изменениям в зависимости от ситуации общения и не всегда соотносится с поведением других людей. Большая часть испытуемых в двух выборках учителей обладает средним с тенденцией к высокому показателем принятия других: 70 % в 1 группе педагогов и 56 % во 2 группе. Средние показатели доброжелательности продемонстрировали 48 % учителей 1 группы и 40 % учителей 2 группы, низкий показатель доброжелательности демонстрируют одинаковое количество испытуемых в каждой выборке – 30 % учителей. Данные, полученные в результате изучения стилевых особенностей саморегуляции поведения, свидетельствуют о том, что в 1 группе педагогов наблюдаются высокие показатели по всем шкалам, кроме шкалы «Самостоятельность», а во 2 группе – высокие показатели по всем шкалам, кроме шкал «Оценка результатов» и «Гибкость». Эти данные свидетельствуют о том, что у педагогов, преподающих дисциплины разной направленности, превалируют

различия в регуляторно-личностных свойствах, чем в регуляторных процессах. Корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена) позволил в 1 группе учителей обнаружить значимую положительную связь между уровнем коммуникативного контроля и шкалой «Гибкость» ($r = 0,51$, $p < 0,01$), между показателем доброжелательности и шкалой «Планирование» ($r = 0,45$, $p < 0,05$), во 2 группе – между показателем доброжелательности и шкалой «Самостоятельность» ($r = 0,64$, $p < 0,001$).

Эти и другие эмпирические данные позволили сделать заключение о том, что саморегуляция представляет собой наиболее общую способность, вбирающую в себя многочисленные параметры и характеристики личности, а потому имеет значение общего фактора, обусловливающего успешное протекание любой деятельности. В основе формирования этой способности у педагогов лежит такая социально-психологическая характеристика, как коммуникативная компетентность, причем разный уровень ее развития у педагогов, преподающих дисциплины различного предметного содержания, связан с различными регуляторно-личностными свойствами.

В.Р. Папоян, А.С. Галстян

ДИАГНОСТИКА УМСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Инклюзивное или включенное образование – термин, используемый для описания процесса обучения детей с особыми потребностями в общеобразовательных (массовых) школах. В основу инклюзивного образования положена идеология, которая исключает любую дискриминацию детей, обеспечивает равное отношение ко всем людям, но создает особые условия для детей, имеющих особые образовательные потребности. Инклюзивный подход предполагает понимание различных образовательных потребностей детей и предоставление услуг в соответствии с этими потребностями через более полное участие в образовательном процессе.

Традиционные методы обучения не обеспечивают полное развитие личности ребенка и не позволяют оценивать его отставание в возрастном плане. С этой целью нами на основании имеющихся стандартов разработана соответствующая методика, с помощью которой возможно выявить уровень умственного развития ребенка. Данная методика позволяет выявить сильные и слабые стороны психического развития ребенка и оценить его готовность к обучению.

Для эффективности успешной учебной деятельности, имея показатель уровня развития ребенка, мы можем прогнозировать особые условия для организации его образования. Именно к концу дошкольного и к началу школьного возраста у детей на основе удовлетворения когнитивных потребностей формируются знания, и ребенок приобретает новый социальный статус в обществе. Психическое развитие проявляется в соответствии с его умственным развитием и эмоциональной зрелостью.

Целью нашей работы явилась разработка методики, оценивающей умственное развитие ребенка, с помощью которой можно прогнозировать возможные трудности у детей, нуждающихся в особых условиях образования. Это в свою очередь поможет составлению индивидуальных учебных программ. Для доказательства надежности нашей методики была подсчитана дискриминативность каждого задания и проведено повторное тестирование.

Экспериментальная группа, состоящая из 60 детей (28 мальчиков и 32 девочки), оценивалась также со стороны педагогов (по показателям успеваемости и способностей). Методика сравнивалась с тестом Векслера WISC ($p < 0.001$; $r = 0.87$). Нами разработанная методика рассчитана для разных возрастных групп, где результаты теста позволяют выявить уровень развития ребенка соответственно возрастным нормативам с промежутком в полгода. В когнитивном развитии оценивались: «Возрастная осведомленность», «Зрительное и слуховое восприятие», «Восприятие времени и пространства», «Внимание и память», «Навыки чтения и письма», «Математические способности» и «Воображение».

В методику были включены как тестовые вопросы, так и задания со стимульными материалами. К методике прилагаются ответы к заданиям и возрастные нормативы. Количество заданий со стимульными материалами с возрастом ребенка уменьшается. Детям старшей возрастной группы предлагаются задания для самостоятельной работы, которые проводятся без вмешательства взрослых. Для тех заданий, где учитывается темп и скорость выполнения, фиксируется четкое время, отведенное на его исполнение. При осуществлении оценки умственного развития ребенка с помощью данной методики желательно участие двух специалистов, где один из них непосредственно будет работать с ребенком, а второй – проводить записи результатов в специально отведенном бланке. Детям младшего возраста вопросы задаются в процессе игровой деятельности и в разброску. Во время проведения мето-

дики можно использовать подсказки. Однако, согласно условиям и инструкции, это повлияет на их окончательный результат. Если даже после подсказки ребенок будет затрудняться, тогда целесообразно предложить ему задания, предусмотренные для детей более младшего возраста.

В результате проведения нами разработанной методики предоставляется информация о соответствии возрастного развития ребенка, которая служит основой для направления ребенка в соответствующее учебное заведение (общеобразовательная школа, школы с инклюзивными классами образования, специальная школа) и составления индивидуальной программы обучения.

В настоящее время данная методика успешно используется в Центре психолого-медико-педагогической оценки ребенка, а также в образовательных школах, где осуществляется инклюзивное образование. Оценку умственного развития ребенка проводят психологи и педагоги Центра, а также специалисты, прошедшие успешную переподготовку для работы с методикой.

И.В. Пашкова

ОЦЕНКА ДОВЕРИЯ СОТРУДНИКОВ, ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МОТИВОВ И КАРЬЕРНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

Проблема мотивации и мотивов поведения в деятельности – одна из основных в психологии. В том числе понятие мотивации тесно связано с проблемой управления персоналом. Только зная – что движет человеком, что побуждает его к деятельности, какие мотивы лежат в основе его действий, можно попытаться разработать эффективную систему форм и методов управления им. Большое влияние на мотивацию оказывают также ценностные ориентации. Исходя из индивидуальной системы ценностей, человек придает определенной работе уникальный характер, а, следовательно, стремится соответствовать своим внутренним нормам и правилам. Также для достижения успеха в бизнесе необходимы две вещи: выигрышная конкурентная стратегия и высококлассное организационное исполнение. Недоверие – враг и того и другого. Влияние недоверия распространяется далеко за пределы высшего руководства. Оно может пропитать всю организацию и свести на нет ее умение приспосабливаться к изменениям в конкурентном окружении.

Организации, которые строятся на основе доверия, имеют наилучшие шансы для достижения предсказуемых коммерческих результатов в быстро изменяющихся и стрессовых условиях, и естественно наоборот. В этом отношении доверие является одним из важных факторов достижения осязаемых успехов в бизнесе.

Для определения взаимосвязи уровня доверия сотрудников с возможностью реализацией мотивов и карьерных ориентаций было проведено исследование в компании, которая появилась на рынке строительных и отделочных материалов Санкт-Петербурга в 1998 г. и на сегодняшний день является одним из крупнейших производителей сухих строительных смесей. Были поставлены следующие задачи: определить уровень доверия сотрудников к организации; оценить возможности реализации мотивов сотрудниками в компании, выявить мотивационные ожидания; выявить карьерные ориентации сотрудников; определить взаимосвязь уровня доверия, мотивационных ожиданий и карьерных ориентаций.

Для проведения исследования использовались следующие методики: методика «Возможность реализации мотивов» (ВРМ), разработанная В.И. Доминяком в 2003 г. и предназначенная для измерения уровня возможности реализации мотивов профессиональной деятель-

ности в организации; методика оценки уровня доверия в организации Р.Б. Шо; методика оценки карьерных ориентаций Э. Шейна «Якоря карьеры». В исследовании участвовало 38 человек, из них 21 женщина и 17 мужчин, 11 менеджеров и 27 сотрудников, возраст испытуемых от 20 до 59 лет. Стаж работы сотрудников в данной организации – в диапазоне от 1 года до 12 лет, общий стаж работы сотрудников – от 1 года до 37 лет.

После анализа оценки возможности реализации мотивов в данной организации и мотивационного профиля сотрудников было установлено, что индекс привлекательности компании высокий. Были выделены наиболее реализуемые мотивы в организации, такие как общение с коллегами, служение людям и удовлетворение от достижения результата. Также установлена взаимосвязь оценки возможностей реализации мотивов и мотивационного профиля с возрастом, стажем работы, полом и должностью. Мотивационный профиль сотрудников во всех случаях совпадает с возможностью реализации мотивов и поэтому можно сказать, что компания является практически идеальной для работы этих сотрудников.

Мотивационная активность сотрудников находится на высоком уровне. По данным, полученным при диагностике методики оценки уровня доверия в организации Р.Б. Шо, можно сказать, что компания достаточно успешна на данный момент времени, так как у сотрудников к организации преобладает средний, близкий к высокому, уровень доверия. Взаимосвязей уровня доверия к организации с возрастом, стажем, полом и должностью обнаружено не было. По данным, полученным при диагностике методики «Якоря карьеры» Э. Шейна были выявлены следующие карьерные ориентации сотрудников: стабильность места жительства и интеграция стилей жизни, независимость, вызов.

При определении взаимосвязи уровня доверия, оценки возможности реализации мотивов, мотивационного профиля и карьерных ориентаций были обнаружены статистически достоверные положительные взаимосвязи между доверием и оценкой возможностей реализации мотивов в данной организации и между мотивационным профилем и карьерными ориентациями, а именно, что у сотрудников с актуальным мотивом стабильности и надежности выявляется ориентация на стабильность места жительства и работы, у сотрудников с актуальным мотивом «власть, руководство другими людьми» – «менеджмент».

А.Н. Певнева

ИЗУЧЕНИЕ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ МАТЕРЕЙ ДЕТЕЙ С ДЕТСКИМ ЦЕРЕБРАЛЬНЫМ ПАРАЛИЧОМ

Рождение неполноценного ребенка приравнивается по степени тяжести стресса к переживаниям утраты супруга, тюремному наказанию. Родившийся ребенок, почти не обладая никакой самостоятельностью, в то же время является частью диады «мать–ребенок». Мать формирует его как будущую личность, способную противостоять изменениям среды и бороться со стрессом.

Обычно отцы не склонны драматизировать ситуацию (Graham, 1991), но матери часто впадают в депрессию, испытывают чувство вины (Eiser, 1990). Поэтому у матерей, как правило, проявляется больше психических симптомов в связи с болезнью ребенка, чем у отцов (Engstrom, 1991).

В нашем исследовании приняли участие 66 матерей, воспитывающих детей дошкольного возраста с детским церебральным параличом (ЭГ) и 66 матерей, воспитывающих детей дошкольного возраста с нормой в развитии (КГ). Опрос матерей, воспитывающих детей с нормой в развитии дошкольного возраста, проводился с целью выявления различий, если они есть, в психических состояниях.

Исследование психических состояний проводилось при помощи «Клинического опросника для выявления и оценки невротических состояний» (К.К. Яхина, Д.М. Менделевича). Анализ полученных результатов выявил нарушение психических состояний у испытуемых из ЭГ: показатель «шкалы тревоги» составил 4,14 балла; «шкалы невротической депрессии» 7,617 балла; «шкалы астении» 4,09 балла; «шкалы истерического типа реагирования» 6,615 балла; «шкалы обсессивно-фобических нарушений» 3,94 балла; «шкалы вегетативных нарушений» 6,09 балла. Полученные результаты соответствуют литературным данным о наличии выраженных психологических проблем в семьях, имеющих детей с двигательными нарушениями.

Полученные результаты КГ указывают на уровень здоровья: показатель «шкалы тревоги» составил 3,67 балла; «шкалы невротической депрессии» 3,26 балла; «шкалы астении» 5,63 балла; «шкалы истерического типа реагирования» 3,01 балла; «шкалы обсессивно-фобических нарушений» 3,05 балла; «шкалы вегетативных нарушений» 7,17 балла. Сравнительный анализ полученных результатов показал, что тенденция к снижению показателей по всем шкалам наблюдается у матерей, воспитывающих детей с детским церебраль-

ным параличом, по сравнению с матерями, воспитывающими детей с нормой в развитии.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что у матерей детей с тяжелой формой детского церебрального паралича наблюдается нарушение психического состояния в большей степени, чем у матерей детей с нормой в развитии. Данный вывод был подтвержден результатами статистического анализа. Средние значения по шести шкалам «Клинического опросника для выявления и оценки невротических состояний» КГ оказались статистически значимо выше средних значений по шести шкалам ЭГ с уровнем значимости ($p \leq 0,0001$).

Матери детей с особенностями в развитии указывают на колебания артериального давления, бессонницу, давящие боли в области сердца, частые головные боли и головокружения, общую усталость, отсутствие сил. У испытуемых появляются тревога и страх относительно будущего ребенка, сопровождающиеся пессимистической оценкой, мыслями о собственной виновности. Каждый день сопровождается постоянной подавленностью, в утренние часы отмечается разбитость, тяжесть, недовольство собой и окружающими. Ритм жизни, требующий физической и моральной нагрузки, подтачивает силы, вызывает переутомление и чувство одиночества, потерянности, что ведет к соматическому неблагополучию и астенизации женского организма.

Таким образом, анализ полученных результатов свидетельствует о том, что наиболее серьезные проблемы в психическом состоянии испытывают матери, воспитывающие детей с детским церебральным параличом. В связи с этим возникает необходимость сохранения и поддержания психического состояния матерей детей с тяжелыми двигательными нарушениями, так как именно мать является тем ресурсом для ребенка, который вселяет уверенность, дает силы к преодолению трудностей.

Знание психического состояния способствует выбору адекватных мер психокоррекции, разработке и внедрению рекомендаций в практическую деятельность психологов, дефектологов, социальных педагогов, направленных на поддержание матерей, воспитывающих детей с двигательными патологиями. В ходе реализации необходимо использовать системный подход, включающий, с одной стороны, пути оптимизации лечения и реабилитации детей-инвалидов, с другой – мероприятия по поддержке матерей.

Е.И. Петанова, А.Д. Дзагания

АКТИВИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ У МОЛОДЫХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

Современные психологи понимают под самореализацией личности осуществление возможностей развития «Я» посредством собственных усилий и сотворчества с другими людьми. Самореализация в профессиональной деятельности предполагает сбалансированное, гармоничное развитие различных аспектов личности профессионала в процессе овладения профессиональным мастерством. В соответствии с задачами личностного и профессионального развития молодых преподавателей актуальным и практически значимым можно считать использование технологий.

Предлагаемая нами технология, направленная на активизацию профессиональной самореализации молодых преподавателей, в концептуальной своей основе содержит положение о том, что интегрирующей основой и ресурсом самореализации человека является его самосознание. В связи с этим активизация процесса самореализации может быть результатом активизации структурных и функциональных элементов самосознания. Структурными элементами самосознания являются такие продукты рефлексии, как самопознание (самовосприятие, самопредставление, самоанализ) и самопонимание. К функциональным элементам самосознания относят Я-образы, самоотношения и самооценки.

Продуктивность процесса самосознания зависит от степени реалистичности (адекватности) ее функциональных элементов и развития содержания и критериев оценки ее структурных элементов. Данная технология может использоваться как индивидуально, так и при групповой работе. Продолжительность процесса может быть как краткосрочной (16 академических часов) – эффектом будет ознакомление с основными принципами и методами работы по технологии, так и долгосрочной – около года, в этом случае можно ожидать количественных и качественных изменений, по которым можно констатировать позитивное изменение в уровне самореализации и влиянии этих изменений на качество педагогической деятельности.

В оценке уровня самореализации мы используем критерии, выделенные Л.А. Коростылевой (2000), по которым можно констатировать соответствие одному из четырех определенных ею уровней самореализации: 1) примитивно-исполнительский (низкий); 2) индиви-

дуально-исполнительский (средне-низкий); 3) уровень реализации ролей и норм в социуме (с элементами духовного и личностного роста) (средне-высокий); 4) смысложизненной и целостной реализации – реализации сущностной аутентичности (высокий уровень самореализации).

Технологический процесс активизации профессиональной самореализации включает следующие этапы: 1. Осознание соответствия собственного «пути» самореализации в педагогической деятельности индивидуальным ценностям и смыслам. 2. Выявление критериев, позволяющих определить актуальный уровень педагогического мастерства. 3. Осознание актуального уровня педагогического мастерства и степени активности в достижении более высокого уровня (в соответствии со своими ценностями и смыслами и нормативными критериями оценки профессионализма). 4. Выявление факторов, способствующих самореализации и тормозящих ее. 5. Активизация факторов, способствующих самореализации и реконструкция отношения к факторам, тормозящим самореализацию, с целью использования их нереализуемого ресурса.

Примером упражнений, рекомендованных на втором этапе реализации технологии, может быть следующее задание: «Развитие реалистичности в восприятии себя и других». Задачей упражнения является выработка индивидуальных критериев и инструментов оценки для определения свойств «Я», отражающих уровень самореализации. Осуществляется данная задача посредством развития восприятия по шести основным направлениям: 1. Восприятие других через соотнесение других с собой (проективный Я-образ). 2. Восприятие себя через соотнесение себя с другими (проективный Я-образ). 3. Восприятие себя через восприятие себя другими людьми (зеркальный Я-образ). 4. Восприятие себя через результаты собственной деятельности (профессионально- деятельностный Я-образ). 5. Восприятие себя через наблюдение собственных внутренних состояний (эмоционально-оценочный Я-образ). 6. Восприятие себя через представление своих перспектив (перспективный Я-образ).

Апробация технологии проводится с 2008 г. на факультете психологии Санкт-Петербургского государственного университета в процессе работы семинара для молодых преподавателей: «Формирование эффективной роли преподавателя». Накапливается эмпирическая информация, на основе которой можно будет сделать обобщение по действенности разработанной нами технологии.

А.И. Петимко

УЧЕТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РИСКА И ВИКТИМНОСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ

Рискованная деятельность является комбинацией двух начал: объективного (неопределенность ситуации) и субъективного (сознательное действие наудачу). Субъективная сторона риска появляется в его психологических аспектах и охватывает его субъективную оценку (в чем заключается риск с точки зрения субъекта и какова его степень) и принятие риска (выбор субъектом действий с той или иной степенью риска). Субъективная оценка риска требует, прежде всего, соответствующего уровня профессиональных знаний; их отсутствие или недостаточность приводит к неадекватной оценке ситуации. Объективная сторона риска определяется степенью опасности (ущерба, утраты) при неудачном исходе рискованного действия и значимостью выигрыша при удачном исходе, а также предполагаемыми вероятностями удачных и неудачных исходов.

В тех профессиях, где наличие риска определяется характером профессии и полностью избежать его невозможно, мастерство профессионала сводится к тому, чтобы этот риск минимизировать, действовать так, чтобы в ситуации профессионального риска не возникало еще и дополнительного, неоправданного риска. Чем выше профессионализм рискующего, тем ниже доля неоправданного риска в его действиях. Здесь проявляют себя две главные черты индивида: мера его профессионализма и связанная с темпераментом и характером склонность к риску.

Подлинный профессионал, несмотря на высокое мастерство, не стремится к ситуациям риска, это как раз «непрофессионально», поскольку его цель — достигать нужного результата с минимальными потерями. Напротив, непрофессионал рискует больше, чем этого требуют интересы дела, причем здесь есть одна тонкость: чрезмерная осторожность в некоторых ситуациях тоже может быть фактором риска. Очень значимой характеристикой задач, влияющей на рискованность поведения, следует считать опасность (причем не только физическую, но и моральную, например, угрозу служебному положению). В целом можно сказать, что опасность и стрессогенность ситуации увеличивают рискованность выбора.

В ходе исследований, проведенных В. Петровским, была установлена связь между профессией испытуемых и склонностью к риску: люди опасных профессий в экспериментальных ситуациях рисковали

значительно чаще и с более высокой степенью риска, чем другие испытуемые. Постоянная работа в опасных условиях не только воспитывает «вкус к опасности», требующий наслаждения победы над ней (что может приводить к неоправданному риску), но и нивелирует опасность как помеху при выборе альтернативы в трудной ситуации, что помогает рисковать оправданно.

В нашей стране необходимость специальной подготовки людей, занимающихся опасными профессиями (военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и др.), к обеспечению собственной безопасности была осознана по-настоящему лишь в середине 1990-х годов. Проведенный анализ выявил, что потеря бдительности, неумение предвидеть и оценить опасность, игнорирование очевидных признаков опасности, переоценка своей подготовленности, отсутствие контроля за другими людьми, неверие в возможность стать жертвой являются причинами гибели и ранений сотрудников.

Именно недостатки в подготовке и качествах профессионалов определяют их предрасположенность к несчастным случаям («профессиональную виктимность»). Чем выше уровень подготовленности сотрудника к обеспечению личной безопасности, тем ниже уровень его профессиональной виктимности и тем выше его шансы остаться живым и невредимым в опасных ситуациях. На значимость влияния именно этих мотивов на несчастные случаи первым обратил внимание Д. Мак-Клелланд. Им было установлено, что испытуемые, у которых был страх перед несчастными случаями, чаще попадали в подобные неприятности, чем те, кто был ориентирован на успех в деятельности. Позднее Дж. Аткинсон выяснил, что люди, ориентированные на достижение цели, предпочитали средний уровень риска, а те, кто боялся неудачи, предпочитали малый или, наоборот, чрезмерно большой риск.

Было установлено, что чем выше мотивация индивида к достижению цели, тем ниже готовность к риску. При этом было также замечено, что такая мотивация влияет и на надежду на успех: при сильной мотивации к успеху надежды на успех обычно скромнее, чем при слабой мотивации к такому успеху. К тому же обнаружилось, что людям, мотивированным на достижение цели и имеющим большие надежды на успех, свойственно избегать высокого риска.

Таким образом, подготовленность к обеспечению личной безопасности имеет общую связь с уровнем профессионализма и может служить его показателем у работника.

А.И. Петимко, В.Л. Зверев

ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Субъектами экстремальной деятельности являются лица, профессионально связанные с необходимостью выполнения каких-либо действий в условиях, требующих напряжения или перенапряжения психофизиологических функций организма с возможностью утраты здоровья, работоспособности, а иногда и самой жизни. Это представители большинства видов спорта высших достижений, летчики-космонавты, операторы пультов управления, подводники, полярники, пожарные, спасатели, воины спецподразделений, спортсмены-экстремалы и т. д.

Необходимость сохранения эффективного уровня работоспособности, сопряженная с готовностью и умением преодолевать неблагоприятные производственные и средовые факторы, подразумевает наличие определенного специфического набора психофизиологических качеств. Принципиальное различие деятельности в экстремальных видах труда заключается в его результатах. Например, у спортсменов риск соотносится с деятельностью, нацеленной на достижение успеха, победы в соответствии с установленными правилами; у военных, пожарных, спасателей, милиционеров – на сохранение собственной жизни и жизней других людей, чаще всего в неопределенной, непредсказуемой ситуации. Готовность к экстремальной деятельности является важнейшим фактором ее эффективности. Она связана не только с качественными аспектами изменения функциональных систем организма, но и с интенсивностью динамических физиологических и психических процессов. Не вызывает сомнений тот факт, что перед началом ответственной деятельности, протекающей в экстремальном режиме, у человека произвольно или непроизвольно включаются механизмы активации психических и физиологических функций, непосредственно влияющих на ее эффективность. Естественно, что любое состояние готовности к деятельности до ее начала напрямую связано с эмоциональной напряженностью, поскольку это определенное комплексное состояние.

Поведение субъекта в экстремальных ситуациях деятельности определяется его профессиональной компетентностью, мотивацией, а также личной психологической компетентностью к преодолению трудностей. Эффективность профессионального поведения зависит от субъективного понимания ситуации. Понятие критической ситуации для человека основано на его субъективной оценке степени экстремальности. Деятельность человека детерминирует формирование его сознания, психических процессов и свойств личности, которые в свою

очередь обусловливают адекватное выполнение и регуляцию вновь возникающей, человеческой деятельности. В ее процессе осуществляются практические связи субъекта с предметным миром. Психическое же отражение порождается не непосредственными внешними воздействиями, а данными процессами деятельности.

Субъективное восприятие риска зависит от множества факторов. Главные из них: 1) значимость последствий; 2) распределение угрозы во времени; 3) контролируемость; 4) добровольность; 5) новизна. Структура ситуации риска включает: 1) обстановочные компоненты – то, что окружает человека, что можно назвать обстоятельствами, средой, внешними условиями; 2) личностные компоненты – то, что представляет из себя человек, попавший в данную обстановку, поставившую его в перед необходимостью выбора действий; 3) деятельностные (поведенческие) компоненты – то, что человек делал, попав в данную обстановку, что делает, что намеревается делать и чего достигает. Общим для перечисленных компонентов являются значимость активной деятельности субъекта и объективные свойства окружающей среды. Нужно изучать и понимать отдельно каждую группу этих основных компонентов; не забывая при этом, что в реальной ситуации они системно взаимосвязаны, а их отношения и характеристики не одинаковы как у разных людей, так и у одного человека.

Известно, что одни и те же обстановочные факторы действуют поразному на людей, в силу различия их индивидуальных особенностей, и восприниматься людьми они будут по-разному в зависимости от деятельностных характеристик. Ситуация в психологическом плане всегда предстает продуктом взаимодействия человека с ее объективными особенностями. Человек в ситуации характеризуется не отдельной психологией человека и отдельными компонентами ситуации, а единством психологии и всех компонентов ситуации, а именно психологической включенностью человека в ситуацию, превращающую ее в системный объективно-субъективный феномен «человек в ситуации».

В.В. Пехтерев

ОСОБЕННОСТИ ДИАГНОСТИКИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ В ВОИНСКИХ КОЛЛЕКТИВАХ

Конфликтные взаимоотношения военнослужащих являются на сегодняшний день острой проблемой современной армии. Социальная неопределенность и незащищенность человека стимулируют его ак-

тивность, прежде всего для защиты личных интересов, и приводят, в конечном счете, к психологической напряженности личности. Поэтому представляется актуальным выявление специфики влияния образа конфликтной ситуации межличностное взаимодействие в воинских подразделениях.

Выборку исследования составили 76 солдат первого года срочной службы и 75 студентов в возрасте от 18 до 22 лет. Методы исследования: адаптированный вариант методики В. Шутца «Опросник межличностных отношений» (А.А. Рукавишников); опросник «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е.П. Ильин, П.А. Ковалев); методика «Уровень локуса контроля» (Дж. Роттер); опросник «Волевые качества личности» (М.В. Чумаков); методика «Руководитель глазами подчиненных» (Я.В. Подоляк). Основной методикой в нашем исследовании явился опросник «Диагностика ведущего типа реагирования» (М.М. Кашапов, Т.Г. Киселева). Установленная связь оптимального типа реагирования в конфликте с параметром «включение (требуемое поведение)» ($r = 0,29$; $p < 0,01$) указывает на то, что чем сильнее у студента выражена потребность быть принятым в группе, тем выше вероятность выбора им в конфликте конструктивного способа поведения.

Доказано, что доминантной стратегией поведения в конфликтной ситуации студентов является направленность на оптимальное разрешение конфликта. Проведенный структурный анализ позволил выделить базовые качества обследованных студентов: решительность ($W = 91$), энергичность ($W = 88$), инициативность ($W = 85$), настойчивость ($W = 82$). Понятие и величина структурного веса характеризуют момент активного начала во взаимодействии каждого качества с системой и вскрывают его функциональную роль в ее структурировании. К базовым качествам солдат срочной службы отнесены целеустремленность ($W = 105$), вспыльчивость ($W = 97$), подозрительность ($W = 96$), ответственность ($W = 94$), конфликтность ($W = 94$). Анализ различий структур базовых качеств обследованных солдат и студентов произведен нами по системе структурных индексов.

Индексы когерентности и организованности структуры качеств студентов значимо выше, чем у солдат. Это может свидетельствовать о больших адаптационных возможностях студентов в ситуации конфликта. При этом по количеству и значимости отрицательных связей, образуемых изучаемыми нами качествами, группа солдат отличается в большую сторону от студентов. Мера выраженности того или иного личностного качества обусловливает определенный поведенческий инвариант реагирования на ситуацию конфликта, а совокупность дан-

ных качеств составляет общий поведенческий репертуар личности. Чем он более разнообразен, дифференцирован и лабилен по отношению к изменяющимся ситуациям, тем эффективнее поведение личности в конфликте. Мера разнообразия поведенческого репертуара обусловлена гетерогенностью личностных качеств как его детерминант. Она экспериментально выявляется в индексе дивергентности структуры. Данный показатель значимо выше у обследованных нами солдат.

У военнослужащих стратегия оптимального разрешения конфликта имеет прямые связи с показателями «энергичность» ($r = 0,29$; $p < 0,05$), «целеустремленность» ($r = 0,29$; $p < 0,05$), «ответственность» ($r = 0,28$; $p < 0,05$), «внимательность» ($r = 0,26$; $p < 0,05$), «инициативность» ($r = 0,25$; $p < 0,05$), «решительность» ($r = 0,23$; $p < 0,05$), «интернальность» ($r = 0,22$; $p < 0,05$). Следовательно, агрессивная стратегия поведения в конфликте имеет связь со следующими личностными характеристиками: вспыльчивость, неуступчивость, бескомпромиссность, позитивная агрессивность и негативная агрессивность. Стиль оптимального разрешения и обидчивость имеют обратную зависимость.

Доказано, что доминантной стратегией поведения в конфликтной ситуации студентов является направленность на оптимальное разрешение конфликта. Выявлена специфика влияния образа конфликтной ситуации межличностное взаимодействие в воинских подразделениях. Человек, оказавшись в условиях конфликтной ситуации, выстраивает субъективный образ этой ситуации еще до того, как приступает к поиску решения. Оптимальное разрешение конфликта характеризуется адекватным образом конфликтной ситуации.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ; № проекта 10-06-00204а.

О.Д. Пиркова

НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ В РАБОТЕ ПРАКТИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА

Своеобразие культуры значительно влияет на нормативность профессиональной практики психологов. Если для современной отечественной культуры в большей степени актуальна та составляющая этики психолога-практика, которая называется профессиональной компетентностью и является, по сути, гностическим компонентом профессионализма, то как в собственно психотерапевтической практике, так и при подготовке специалистов, например, таких стран, как

США, Канада, Израиль, Австралия, особое внимание уделяется нормативно-правовой стороне профессии. Исследование профессиональной нормативности на выборке отечественных практикующих психологов и врачей разных специальностей также показало зависимость применения этических принципов от развития нормативно-правовой базы профессии.

Выборку составили группа врачей различных специальностей и группа психологов-практиков, имеющих разный консультативный опыт. Выбор групп респондентов обусловлен тем, что профессиональная деятельность врачей в отличие от профессиональной деятельности психологов достаточно хорошо регламентируется нормативными документами, а также юридически. Для оценки респондентам предлагался случай из практики специалиста, совмещающего психотерапевтическую и врачебную практику. В случае описаны действия по ведению врачом пациента и исход ситуации.

В исследовании использовалась трехуровневая схема, содержащая ситуативный, нормативный и уровень этических принципов. Прописанные принципы и алгоритмы принятия решений, которые, как правило, прилагаются к этическим кодексам, указывают на то, что в этические кодексы включены как универсальные принципы (например, принцип благополучия пациента «не навреди» отсылает к универсальному этическому принципу добра, равно как и принцип конфиденциальности), так и нормативные положения (в формулировках типа «должен», «обязан»). А собственно прикладной характер этических кодексов обнаруживается в ситуациях принятия решения, где выбор должен быть сделан в пользу одной из ценностей.

Материалы опроса подвергались контент-анализу с помощью психолингвистической экспертной системы ВААЛ. Как выяснилось, для психолога-практика область ситуативной этики шире, чем для врача. Психолингвистическая категория потребности (внешней и внутренней), соответствующая этическому понятию нормы, показывает явное превосходство у группы респондентов-врачей. Поскольку мышление врачей алгоритмично и следование принципам состоит из ряда предписанных действий, то любая конкретная ситуация легко поддается типизации. Отсюда так называемая ситуативная этика врача полностью логически выводится из нормативной.

Поскольку отсутствие жесткого алгоритма действий у психологов-практиков не позволяет типизировать каждую конкретную ситуацию, необходимо обладать максимально полной информацией об обстоятельствах ситуации для того, чтобы предпочесть тот или иной

принцип. Так, узость области нормативного уровня восполняется расширением области ситуативного уровня. Соответственно, для психологов-практиков собственный опыт как набор случаев является ключевым в принятии решений, а значит, – и в построении иерархии этических профессиональных принципов относительно конкретного случая.

Также было отмечено, что психологи с опытом консультативной практики более чем 10 лет указывали на неопределенность ситуации, предложенной в качестве стимульного материала, или предлагали варианты восполнения информационных лакун, что само по себе может служить сценарием прояснения обстоятельств. Респонденты-психологи с меньшим опытом в своей оценке полагались, главным образом, на известные факты. Ответы респондентов-врачей в большей степени формулировались как правильное готовое решение. Поскольку психолингвистическая категория практичности соответствует уровню ситуативной этики, а сама область ситуативной этики сводится к минимуму при условии, что она практически покрывается нормативными предписаниями, алгоритмами действий, категория практичности у респондентов-врачей представлена незначительно. В профессиональной деятельности психологов область ситуативной этики компенсирует недостаточно развитую нормативную область.

В.Е. Погребицкая

КОМАНДНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: ЛОКУС КОНТРОЛЯ В СИТУАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ

Одним из проявлений субъектной позиции человека является такой способ его поведения и взаимодействия в группе, который позволяет человеку проявлять активность, ответственность и самостоятельность в действиях, в принятии решений, в участии в процессе руководства и т. п. Одним из показателей подобного поведения мы рассматривали высказывания из методики ОРС М. Белбина. В качестве еще одного параметра, который способен адекватно описывать взаимодействие человека с окружающим миром, использовался показатель интернальности (методика УСК Е.Г. Ксенофонтовой).

Теория Дж. Роттера исходит из того, что наиболее важные аспекты личности познаются в рамках социального контекста, подчеркивает обоюдное взаимодействие человека и его окружения. Роттер утверждает, что люди способны осознавать преимущества и издержки того или иного типа поведения в конкретной ситуации. Он рассматривает

людей как когнитивные создания, которые активно добиваются своих целей и создают стратегии поведения в течение жизни. Поведение во многом зависит от уровня субъективного контроля (локус контроля), по которому можно судить о том, в какой степени человек считает себя активным субъектом своей собственной деятельности, а в какой степени – пассивным объектом действия других людей и внешних обстоятельств.

Поскольку каждое утверждение методики ОРС является описанием различного поведения человека в рамках командного взаимодействия, а интернальность позволяет говорить о степени активной позиции субъекта, то можно предположить, что в определенных ситуациях, требующих принятия решения и взятия ответственности на себя, в большей степени будут актуализироваться интерналы, а в ситуациях, где можно переложить ответственность на внешние обстоятельства, – экстерналы. Можно предположить, что люди с различной выраженностью интернальности будут по-разному «определять» для себя одни и те же ситуации, равно как и «выбирать» разные ситуации.

По показателю Ио (шкала общей интернальности по методике УСК) был проведен кластерный анализ. Было выделено два кластера. Первый кластер составили люди, в большей степени склонные к экстернальному типу, а второй кластер – в большей степени склонные к интернальному типу. Между «экстернальным» и «интернальным» кластерами значимые различия (по критерию хи-квадрат) выявились в отношении шести переменных (утверждений) методики ОРС. Анализ этих утверждений показал, что ситуации, требующие активности, оперативности, позитивной доминантной позиции по отношению к группе, принятия на себя ответственности за руководство работой группы, а также аргументированного отстаивания своей позиции, чаще «определяют» и выбирают для себя люди, проявляющие в большей степени интернальный тип контроля, а в ситуациях неопределенности командной цели и в ситуациях, где сильно ощущается групповая атмосфера, чаще актуализируются люди, склонные к экстернальному типу контроля. Данные по методике ОРС были обработаны с помощью регрессионного анализа, где зависимой переменной выступала Ио (общая интернальность).

Анализ полученных результатов показал, что на 42 % дисперсия общей интернальности обусловлена набором из восьми переменных (утверждений), вошедших в полученную модель, т. е. эти переменные вносят наиболее весомый и уникальный вклад в показатель Ио. По результатам проведенного анализа выявлено, что интернальность в

большей степени актуализируется в ситуациях, требующих самостоятельного выполнения работы при уверенности в своих силах; требующих вмешательства и руководящих действий, если работа затормозилась или пошла не в том направлении; в немонотонных ситуациях, требующих нахождения неожиданных частных решений задачи, но не предполагающих генерации совершенно новых общих идей; в ситуациях, где требуется умение четко формулировать цели, не теряя объективности; в ситуациях дискуссии, где требуются глубокие знания предмета обсуждения; а также в ситуациях неопределенности.

Экстернальность в большей степени актуализируется в ситуациях, которые предполагают обращение за помощью к коллегам; в ситуациях с возможностью генерации новых идей, однако без взятия на себя ответственности за последствия; а также в ситуациях, где неясна диспозиция командных целей. Таким образом, на актуализацию проявления интернального или экстернального поведения при командном взаимодействии работает довольно ограниченный спектр ситуаций.

А.Е. Посохова, В.А. Чикер

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПОНЯТИИ «РЕПУТАЦИЯ»

С древности человек, взаимодействуя с другими членами общества, являлся объектом пристального внимания, а любое его действие, поступок или высказывание подвергалось оценке и отражалось на отношении окружающих. С течением времени люди осознали значимость тех действий, которыми они влияют на окружающих и стали учиться контролировать их, извлекать из этого выгоды. В настоящее время понятие «репутация» прочно укоренилось в бытовой и научной речи. Несмотря на возросший интерес к ее исследованию, многие аспекты этого феномена все еще остаются не до конца изученными. Прежде чем задумываться об общих законах формирования репутации, о восприятия окружающими репутации человека и механизмах управления ею, на наш взгляд, необходимо выделить четкие смысловые границы этого понятия.

Корни понятия «репутация» уходят к французскому слову réputation, которое можно перевести как обдумывание, размышление, общее мнение о чьих-то достоинствах или недостатках. Иногда оно заменяется английским словом goodwill, которое, однако, употребляется в основном в бизнес-среде и экономике и обозначает разницу

между ценой предприятия и справедливой стоимостью всех его активов.

Следует подчеркнуть, что во всех многочисленных трактовках и определениях репутации нет единого подхода. Например, В.М. Шепель (2004) полагает, что репутацию следует понимать как социальную оценку чьих-то конкретных характеристик либо как эмоциональную оценку форм и результатов деятельности организации. R. Varey в книге «Коммуникация в маркетинге» (2001) понимает репутацию как оценку уважения человека или организации, в которой отражается образ, созданный людьми. Важно, что этот образ складывается благодаря опыту взаимодействия с субъектом репутации. V. Safon использует следующее определение: «репутация – это перцептивное представление прошлых действий компании, а также ее будущих планов, которые описывают общую привлекательность фирмы относительно ее ключевых составляющих по сравнению с конкурентами» (2009).

Для прояснения имплицитных представлений о понятии «репутация» нами было проведено специальное исследование, в котором приняли участие 40 студентов двух вузов Санкт-Петербурга. Они должны были дать определения репутации и пяти смежным с ней терминам (имидж, престиж, бренд, корпоративное своеобразие, образ). Для выяснения содержания этих понятий был применен контент-анализ. Результаты исследования показали, что большинство опрошенных (45 %) понимают репутацию как устойчивое положительное / отрицательное мнение о человеке или организации, сделанное на основе его образа жизни, поступков, деятельности. 22,5 % опрошенных делают акцент исключительно на положительном содержании репутации и понимают ее как известность, значимость, обеспечивающие уважение в глазах окружающих. 15 % охарактеризовали репутацию достаточно общими фразами: «представление о человеке или организации в обществе», 10 % сделали акцент на субъективных отношениях, которые отражаются в репутации. 10 % отметили, что репутация указывает место человека или организации в обществе.

Любопытно, что среди ответов респондентов встречались прямо противоположные мнения о характере репутации. Некоторые респонденты полагали, что репутация может быть динамичной и стабильной одновременно, что не противоречит реальности. Были выявлены смысловые пересечения между понятием «репутация» и «образ», заключающиеся в том, что оба они представляют собой определенное мнение о чем-либо или о ком-либо в глазах других людей. Такие ха-

рактеристики, как известность, значимость, уважение, приписывались и «репутации», и «престижу», что говорит о семантической и психологической близости этих понятий. Понятия «имидж», «бренд» и «корпоративное своеобразие» (уникальные особенности компании) в представлениях людей существуют независимо от понятия «репутация». Такая картина вполне согласуется с позицией, представленной в специализированной литературе, посвященной организационной психологии и управлению. Имея разный семантический смысл, который не пересекается с психологическим содержанием репутации напрямую, именно эти три явления непосредственно участвуют в создании репутации человека или организации.

Таким образом, на основе данных проведенного исследования нами было сформулировано следующее определение «репутации»: репутация – это положительное или отрицательное представление о качественном аспекте деятельности человека или организации, созданное в глазах окружающих, в котором отражается впечатление, уровень уважения и доверия к этому человеку или организации.

В.В. Потявина

РЕСУРСНЫЙ ПОДХОД В КАРЬЕРНОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ

В современном обществе человек, делающий карьеру, рассматривается как имеющий ориентацию на реализацию личностного и профессионального потенциала. Социально-психологическое понимание карьеры отражает представление о ней как об индивидуальной последовательности аттитюдов и поведенческих проявлений, которые связаны с опытом и активностью в сфере работы на протяжении всей человеческой жизни. Карьерное развитие специалиста проходит ряд фаз и этапов и сопровождается кризисами (потеря работы, плато карьеры, кризис середины карьеры и др.). Кризисы, возникающие в сфере профессиональной деятельности, могут способствовать пересмотру способов выполнения деятельности. Если человек не может самостоятельно справиться с кризисом, он обращается к психологу – карьерному консультанту. Психологическое сопровождение карьерного развития возможно в рамках различных подходов (дифференциально-диагностический, психодинамический, трейт-факторный подход Дж. Холланда и др.).

Важно обратить внимание на то, что преодоление карьерного кризиса обусловлено тем, какими возможностями, ресурсами человек об-

ладает. В связи с этим актуальным является рассмотрение карьерного развития сквозь призму ресурсного подхода. Этимология понятия «ресурс» восходит к латинскому ressourgere, что означает восстанавливаться, возрождаться. Ресурсы – это имеющиеся в наличии запасы, средства, которые активно используются при необходимости.

На наш взгляд, наиболее разработанной ресурсной теорией в психологии является теория сохранения ресурсов (conservation of resources theory, COR-theory), предложенная С. Хобфоллом (S. Hobfoll). Под ресурсами автор понимает объекты, личностные черты, состояния, энергетические характеристики, которые представляют собой ценность или ценны, поскольку позволяют защитить имеющиеся значимые ресурсы. Основной принцип теории гласит: люди стремятся приобретать, сохранять, защищать и развивать то, что они ценят. Опираясь на ресурсный подход, можно говорить о карьере как об одном из способов приобретения, накопления, развития и потери ресурсов специалиста в течение трудовой жизни.

Центральное место в совокупности ресурсов человека занимают психологические ресурсы. К психологическим ресурсам карьерного развития мы можем отнести личностные (карьерные ориентации, профессиональная идентичность, позитивный жизненный настрой и др.), социально-психологические (психологическая поддержка, коучинг и др.) ресурсы. На карьерное развитие будут также оказывать влияние ресурсы работы. Само обращение к специалисту по карьерному консультированию является значимым социально-психологическим ресурсом в совладании с кризисными ситуациями карьерного развития. По мнению М. Мелия, «на встречах с консультантом создается особая атмосфера, в которой клиент раскрывается и его внутренние ресурсы высвобождаются для достижения истинных целей». Совместно с консультантом клиент может объективно оценить профессионально-должностные перспективы своего развития в организации, возможности построения карьеры. Такое взаимодействие будет выступать как психологическая поддержка и позволит человеку осознать свои личностные ресурсы, возможности их эффективного использования в построении карьеры.

Также является важным определить ресурсы своей работы. Голландские психологи, разрабатывая ресурсный подход применительно к профессиональной деятельности, создали модель требования работы – ресурсы работы (Job Demands – Resources model, the JD-R model, Demerouti et al., 2001). Ресурсы работы определяются как физические, социальные и организационные аспекты работы, которые: 1) эффек-

тивны в достижении целей, относящихся к работе, 2) уменьшают требования работы и связанные с ними физические и психологические затраты, 3) способствуют личностному росту и развитию.

Подводя итог, необходимо отметить, что ресурсный подход может быть очень эффективен в ситуации карьерного консультирования. Сам по себе процесс консультирования выступает значимым ресурсом для человека, а кроме того позволяет клиенту понять, осознать, оценить имеющиеся личностные ресурсы и ресурсы работы, справиться с потерями ресурсов.

Ю.В. Пошехонова

ДИАГНОСТИКА КРЕАТИВНОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Бесконфликтное поведение в ситуации социального взаимодействия требует от ее участников развитых навыков критической и адекватной оценки чувств, настроения, мотивации поступков другого человека. Впервые такую «дальновидность в межличностных отношениях» Э. Торндайк определил как социальный интеллект. Позднее Г. Оллпорт определял социальный интеллект как способность высказывать быстрые суждения о людях и способность прогнозировать наиболее вероятные реакции человека. По Дж. Гилфорду, социальный интеллект есть интегральная интеллектуальная способность, определяющая успешность общения и социальной адаптации.

В литературе описаны два фактора социального интеллекта (А.И. Савенков). К первому относят «кристаллизованные социальные знания» – полученные в ходе социального научения (декларативные) и в ходе собственной исследовательской практики (опытные) знания о хорошо знакомых социальных событиях. Второй фактор – социально-когнитивная гибкость как способность применять социальные знания при решении неизвестных проблем. Наличие данных факторов позволяет предположить наличие ряда взаимосвязей между социальным интеллектом и креативностью личности. Известно, что креативность является мощным фактором развития личности, определяющим ее готовность изменяться, отказываться от различных стереотипов. Определяется креативность не только качеством мыслительных операций (гибкость, беглость, оригинальность, точность), но и личностными характеристиками, особенностями навыков и умений, которые вовлекаются в креативный процесс на различных его этапах.

Большой интерес к этой проблематике породил и множество подходов к пониманию креативности и к способам ее изучения. Нам представляется крайне любопытным тот факт, что имеющиеся в литературе результаты исследований взаимоотношений между креативностью и социальным интеллектом носят весьма противоречивый характер. К примеру, согласно исследованиям И.М. Кыштымовой (2002), все показатели социального интеллекта школьников значимо повышаются при позитивной динамике уровня креативности. В то же время есть данные, что высокий уровень социального интеллекта иногда развивается в качестве компенсации низкого уровня развития предметного (общего) интеллекта и креативности (К. Леонгард, 1981). Д.В. Ушаков (2004) отмечает, что в современном обществе социальный интеллект выступает компонентом творчества.

Проведенное нами совместно с О.В. Павлищак исследование было направлено на изучение особенностей взаимосвязи креативности и социального интеллекта инженеров ($n = 19$). Используемые методики: Методика исследования социального интеллекта Дж. Гилфорда и М. Салливена (адаптация Е.С. Михайловой); опросник «Креативность» (Н.Ф. Вишнякова). Сопоставление результатов по тесту Гилфорда с показателями креативности образа «Я-реальное» выявило связь по второму субтесту («Групповые экспрессии») с творческим мышлением ($p \leq 0,05$), с любознательностью ($p \leq 0,05$) и с воображением ($p \leq 0,01$), а также связь результатов субтеста № 4 («Истории с дополнением») с развитостью чувства юмора ($p \leq 0,05$).

В аналогичном исследовании, проведенном на выборке курсантов первого (19 человек) и пятого (33 человека) курсов высшего военного училища, выявлен ряд связей, отличающих выборки младшего и старшего курсов между собой. Для курсантов 1 курса выявлены следующие связи. Второй субтест («Групповые экспрессии»), как и у инженеров, связан с воображением ($p \leq 0,001$) и с интуицией ($p \leq 0,001$). Третий субтест («Вербальные экспрессии») также связан с интуицией ($p \leq 0,05$). Первый субтест («Истории с завершением») у курсантов 1 курса коррелирует с юмором ($p \leq 0,05$), тогда как у курсантов 5 курса он тесно связан с эмпатией ($p \leq 0,001$), причем в данной группе это единственный статистически значимый результат.

Полученные данные отражают сложность отношений между креативностью и социальным интеллектом, требуют их дальнейшего, более глубокого системного осмысления и изучения. Кроме того, планируется исследовать возможную роль социального интеллекта и компонен-

тов креативности в выборе курсантами стратегий реагирования в конфликте.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-06-00300а.

А.В. Прилипко

САМОЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ТЕХНИЧЕСКИХ СЕНСОРНЫХ СИСТЕМ

Сенсорный монитор (touchscreen) – одно из передовых достижений технологического прогресса, которое позволило облегчить процесс взаимодействия человека с компьютером, удаляя такие манипуляторы, как мышь и клавиатура. С каждым днем популярность сенсорных мониторов возрастает, все больше и больше людей по всему миру делают выбор в пользу удобства и легкости в управлении компьютером, покупая сенсорный монитор. По прогнозам исследовательской компании iSuppli, количество устройств с сенсорным экраном к 2013 г. удвоится, достигнув отметки в 800 миллионов. Последние достижения в области программного обеспечения и дизайна интерфейсов привело к развитию удобных и простых в использовании сенсорных систем. Однако, несмотря на значительные улучшения в системе интерфейсов и в дизайне, большая часть людей предпочитают избегать их использования, взаимодействуя с привычными кнопочными системами.

Мы выдвигаем гипотезу о том, что выбор сенсорного или кнопочного управления зависит от уровня компьютерной самоэффективности человека. Термин «самоэффективность» ввел Бандура. Он определяет самоэффективность как «убеждения человека относительно его способности управлять событиями, воздействующими на его жизнь». Наши действия в каждой конкретной ситуации зависят от взаимодействия окружающей среды и нашего сознания, в особенности от сознательных процессов, связанных с убеждениями того, что мы можем или не можем осуществить некоторые действия, необходимые изменения ситуации в лучшую для нас сторону. Бандура назвал эти ожидания самоэффективностью (self-efficacy). Мерфи, Кувер и Оуэн определили компьютерную самоэффективность как убеждения человека в своем умении пользоваться компьютером.

Компьютерная самоэффективность носит многоуровневый характер, от ее уровня зависит решение человека о своей способности работать с вычислительной машиной как на конкретном (например, компьютерная самоэффективность электронных таблиц или баз данных), так и на общем (работа с компьютером в целом) уровнях. Для подтверждения гипотезы нами адаптирован опросник компьютерной самоэффективности CSE, а также проведено исследование, в котором приняли участие 100 человек. Результаты факторного анализа показали, что существует три стратегии взаимодействия с техническими сен-

сорными системами, одна из которых эффективная и две – неэффективные (сверхосторожная и стереотипная). Также была установлена взаимосвязь между уровнем образования, родом деятельности и уровнем самоэффективности работы с техническими сенсорными системами.

А.А. Прокопенко

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ К ЗДОРОВЬЮ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Здоровье является необходимым условием жизнедеятельности, развития и самореализации. Отношение к здоровью является одним из центральных понятий, рассматриваемых психологией здоровья. Несмотря на всю важность исследования данной области, существует ряд вопросов, остающихся на данный момент открытыми. К таковым относятся изучение факторов, влияющих на формирование отношения к здоровью; исследование представлений о собственном здоровье и о том, каким оно должно быть; выявление основных мотивов изменения отношения к здоровью. Ответы на эти вопросы позволят уже на ранних этапах жизни человека формировать адекватное отношение к своему здоровью. На данный момент, как отмечает Г.С. Никифоров, молодые люди склонны относиться к здоровью как к чему-то достаточно важному, но абстрактному, не имеющему к ним прямого отношения. Следовательно, одним из наиболее актуальных направлений изучения психологии здоровья является исследование отношения к здоровью у подростков.

В нашем исследовании приняли участие учащиеся восьмых и одиннадцатых классов среднеобразовательных школ и кадетского корпуса. Было получено, что у восьмиклассников (126 человек) лидируют критерии физического здоровья (47 % ответов у девочек, 56 % – у мальчиков, 68 % – у кадетов), на втором месте – критерии психического здоровья (46 % – у девочек, 36 % – у мальчиков и 28 % – у кадетов) и на третьем – социального (7, 4 и 5 % соответственно). При проведении исследования среди учащихся одиннадцатых классов (всего приняло участие 94 человека) получилось такое же распределение мест: прежде всего были указаны критерии физического здоровья (48 % – у девочек, 65 % – у мальчиков и 77 % – у кадетов), за ними следуют критерии психического здоровья (44, 31 и 27 % соответственно) и на последнем месте оказались критерии социального здоровья (7, 6 и 5 %).

Также нужно отметить, что девочки чаще, чем мальчики, называли критерии психического и социального здоровья. Помимо этого, стоит обратить внимание на то, что кадеты чаще, чем учащиеся среднеобразовательных школ, приводили критерии физического здоровья и реже указывали критерии психического и социального здоровья.

Подводя итог, можно предположить, что существуют гендерные и профессиональные различия в представлениях о критериях здоровья.

А.О. Прохоров

ОБРАЗ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ В КОНСУЛЬТИРОВАНИИ И ПСИХОТЕРАПИИ

В практике консультировании и психотерапии психологу часто приходится обращаться к образу психического состояния, трансформируя его, перестраивая и модифицируя под цели консультирования или в соответствии с модальностью того или иного психотерапевтического метода. Преобразование образа в заданном направлении способствует или приводит к оптимизации состояния субъекта. В то же время структура и содержание образа психического состояния остаются недостаточно изученными, что в существенной степени снижает продуктивность работы психолога.

На наш взгляд, образ психического состояния, в отличие от предметного образа, может рассматриваться как структура, в которой слиты воедино знание, переживание и отношение, где знание раскрывается на основе консолидации внутренних ощущений и субъективного опыта, переживание связано с осознанностью и рефлексивностью, а отношение выражает зависимость образа состояния от ситуаций его возникновения, с одной стороны, и влияния образа состояния на регуляторные процессы жизнедеятельности субъекта, с другой. В предлагаемой нами модели образ психического состояния связан с сенсорно-перцептивными процессами (впечатлением, ощущением, восприятием), со структурами субъективного опыта вкупе с представлениями (вторичными образами) и памятью, а также с переживаниями и рефлексией.

Механизмы, приводящие к возникновению и закреплению образа психического состояния, следующие. Внутренние ощущения и впечатления, вызванные событиями и ситуациями, переживаемыми субъектом, проходя этап сличения с содержанием прошлого опыта, превращаются в представления о пережитом состоянии и, далее, через про-

цесс осознания в его образ. Подобно тому, как возникает и закрепляется предметный образ в процессе восприятия, образ психического состояния фиксируется и закрепляется в структурах памяти во время переживания индивидом данного состояния, формируя субъективный опыт. В дальнейшем образ может репродуцироваться в актуальных ситуациях жизнедеятельности в форме представления, т. е. образа памяти, хранящегося в субъективном опыте. Данный образ не является предметным, это чувственный образ, формируемый переживанием. Он, в свою очередь, как и образ представления, может обогащаться и изменяться в процессе жизнедеятельности.

Субъективный образ психического состояния раскрывается в трех проекциях: прошлое (в представлении о состоянии), настоящее (образ актуального состояния) и будущее (образ будущего, например, желаемого состояния). Образ состояния относительно стабилен, в его структуре существуют как постоянные, так и вариативные составляющие. В когнитивном плане образ состояния представляет собой семантическое пространство, включающее в себя «накопленные» следы переживаний, осуществленных ранее («прошедших») деятельностей, поведения, физиологических реакций и др. Это следы «сцепления» семантического пространства с предметами, ситуациями и обстоятельствами жизнедеятельности субъекта. Содержание образа представляет собой результат отражения накопленного опыта переживания данного состояния при различных обстоятельствах, ситуациях и событиях, в которых находился субъект, и связано с его впечатлениями, рефлексивными процессами, особенностями переживания и др.

Отраженные компоненты психического состояния фиксируются в сознании в определенном сочетании, формируя структуру. Последняя изоморфна реальному состоянию. Отметим, что в субъективном опыте фиксируются структуры пространства, времени, скорости изменения (движения) и интенсивности психического состояния. Опыт проецируется на актуальное собственное состояние. Субъектом воспринимаются характеристики состояния со стороны поведенческих, психологических, физиологических и других показателей, придается форма этому разнообразию, формируется образ состояния, определяется качество.

Переживание длительности («дления») и изменения психического состояния создает временной ряд образа, включающий в себя различные характеристики ряда (временные интервалы, последовательность, длительность, дискретность, циклы и пр.), задачей которого является синхронизация деятельности субъекта, событий и ситуаций, пространства, переживаний и др., в том числе интеграция пространственных

характеристик (параметров состояния) в единое образование – образ состояния.

Проект выполнен при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-06-00074а.

Т.В. Разина

ПРОБЛЕМА ПЕРЕСМОТРА ВОЗРАСТНЫХ НОРМ В РАЗВИТИИ ДЕТСКОГО РИСУНКА

Психика человека в зависимости от социально-культурных условий трансформируется, процессы роста, развития, интеллектуализации, созревания изменяются и протекают уже не так как десять, двадцать, тридцать лет назад. Именно поэтому любые, даже самые надежные и валидные психодиагностические методики устаревают и требуют постоянной проверки валидности, надежности и тестовых норм. Особенно это относится к нестандартизованным проективным методикам, направленным на диагностику детского развития, поскольку дети являются наиболее восприимчивой и подверженной изменениям частью населения.

В отечественной психологии в конце XX в. были разработаны достаточно надежные диагностические критерии, нормы развития детского рисунка на различных возрастных этапах (Д.Б. Богоявленская, П.Т. Тюрин; Ю.В. Карпов, Т. Лаак; В.С. Мухина). Достаточно известной и хорошо зарекомендовавшей себя методикой является тест рисования человека Ф. Гудинафф. Однако, как показывает опыт работы практических психологов, установленные возрастные нормы развития рисунка очень часто не отражают реального положения дел. И это не единичные, а типичные случаи. Возможно, становление рисунка современных детей происходит не по тем законам, что тридцать лет назад.

Для проверки данного предположения мы проанализировали рисунки психически здоровых детей на предмет их соответствия возрастным нормам, которые приводятся в указанной методике, а также в работах авторов, занимавшихся этим вопросом. В исследовании приняли участие 67 детей в возрасте от 3,5 до 11 лет, из них 41 девочка и 26 мальчиков. Все дети проживают в различных городах и поселках республики Коми. Результаты проведенного исследования показали, что рисунки современных детей существенно отстают от норм, установленных 40–30 лет назад. Среднее по выборке такое отставание соста-

вило 5,9 месяцев (у = 16,5). Отставание у мальчиков (10,3 мес., у = 17,5) намного значительнее, чем отставание у девочек (3,1 мес., у = 15,4). Если раньше говорилось, что девочки существенно опережали мальчиков в развитии детского рисунка, то теперь можно сказать, что они не так сильно отстают.

Однако есть позитивные результаты, связанные с возрастной динамикой развития детского рисунка. В исследовании установлено, что приблизительно до возраста в пять с половиной лет как девочки, так и мальчики существенно опережают нормы развития детского рисунка, установленные ранее. Среднее опережение составило 7,8 месяцев при у = 11,3. Правда, начиная с 6 лет темпы развития детского рисунка серьезно затормаживаются. Среднее отставание в возрастной период от 6 до 11 лет составляет 11,3 месяцев при у = 15,03. Показательно, что снижение темпов развития детского рисунка совпадает с началом школьного обучения. В период пребывания ребенка в детском саду (или домашнего воспитания) интеллект ребенка, диагностированный с помощью рисунка, значительно опережает нормы. Таким образом, требуются широкомасштабные исследования детского рисунка для пересмотра возрастных и половых норм.

По итогам нашего исследования мы можем говорить о том, что в изменении норм нет однозначного проспективного (опережающего) или ретроспективного (отстающего) развития. Речь идет о качественной трансформации детского рисунка, исследование которой представляется нам актуальным и необходимым как с теоретическими, так и с практическими целями.

Е.С. Ребрилова

ДИАГНОСТИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРАКТА КАК МЕТОД ДИАГНОСТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ

Актуальные подходы и методы диагностики современной российской организации требуют усиленного внимания к диагностике субъективных факторов ее развития. Неоспоримым является факт того, что залогом успеха любого предприятия (независимо от формы собственности и вида деятельности) является стратегия привлечения и последующего удержания и сопровождения высокопрофессиональных специалистов с учетом их имплицитных ожиданий и обязательств, отражающих реальное взаимодействие индивида и организационной среды и входящих в психологический контракт.

Психологический контракт – это феномен личностного, индивидуального уровня, базирующийся на ожиданиях и обязательствах субъекта труда, его представлениях об условиях трудового соглашения, о взаимном обмене обещаниями (с работодателем, менеджером, коллегами, организацией в целом). Он представляет собой и мотивационно-когнитивную систему и интерпретационный процесс, отражающий субъективную оценку ситуации взаимодействия индивида и организационной среды, выполняет прогностическую функцию, находящую выражение в форме намерений осуществления системы целей, будущих действий или наборов действий для реализации какой-либо задачи. Психологический контракт, будучи надстройкой над формальными отношениями субъекта в организации, опосредован особенностями производственной среды, меняется и развивается с течением времени в ответ на внешние условия и из-за своей субъективной природы имеет тенденцию к нарушению.

Для реализации задач кадровой службы предприятия по подбору «подходящих» организации работников, по диагностике и изменению их психологического контракта в процессе организационного взаимодействия, с точки зрения адекватности организационному контексту, необходимы надежные и удобные измерительные инструменты, позволяющие оптимизировать работу кадровых служб. Таким образом, в настоящее время формализация психологического контракта и оптимизация инструментария для его измерения являются актуальной задачей и востребованы практикой современного кадрового сопровождения индивида в процессе его взаимодействия с производственной средой.

Вследствие этого нами предлагается удобный психодиагностический инструментарий «Структура и свойства психологического контракта», разработанная в рамках диссертационного исследования автора. Эта методика позволяет исследовать структуру психологического контракта сотрудников организации (ожидания и обязательства) и свойства имплицитного соглашения, такие, как «Состояние» и «Направленность», отражающие субъективную оценку переживания субъектом его взаимодействия с организацией. На основании выраженности структурных компонентов контракта определяется его вид (отношенческий, деловой, карьерный, недифференцированный (который в свою очередь может быть рассмотрен как амбивалентный или комплексный)).

На основании совокупности всех характеристик психологического контракта можно определить тип имплицитного соглашения (позитивный, близкий к позитивному, пограничный, негативный). Данная ти-

пология имеет ряд преимуществ по сравнению с другими существующими типологиями психологического контракта. Она дает возможность практическому психологу в организации объединить потенциальные поведенческие проявления индивида и его субъективную оценку переживания ситуации взаимодействия в условиях производственной среды, что позволяет наиболее целостно охарактеризовать работника в определенных условиях производственной среды.

Предлагаемая типология не содержит сопоставления «нормы» и «патологии», не умаляет достоинств ни одного из четырех видов структуры психологического контракта, формирующихся у работников организации. Это социально-психологическая типология, позволяющая рассматривать социальные проявления психологических качеств работников в условиях организации. Она дает описание различных типов потенциального поведения субъектов труда в соответствии с индивидуальной интерпретацией и прогнозированием индивидами окружающего контекста, а также в соответствии с их намерениями осуществления системы целей. Для практического применения это наиболее важно, поскольку появляется возможность прогнозировать организационное поведение индивидов, принимать своевременные меры по корректировке психологического контракта, в большей степени подходящего для условий конкретной организации, управлять им и предотвращать формирование пограничного и негативного имплицитного соглашения работников современного предприятия, тем самым оптимизировать субъективный фактор развития любого предприятия.

Т.Н. Резникова, Н.А. Селиверстова, В.И. Семиволос

ТРЕВОГА В СТРУКТУРЕ «ВНУТРЕННЕЙ КАРТИНЫ БОЛЕЗНИ» У БОЛЬНЫХ С РАССЕЯННЫМ СКЛЕРОЗОМ

Проблема изучения «внутренней картины болезни» (ВКБ) в настоящее время сохраняет свою актуальность. ВКБ – это формируемая личностью психологическая структура, отражающая как изменения внутри организма, так и события внешнего мира, связанные с болезнью. Тревога в структуре ВКБ является важным показателем и индикатором эмоционального состояния больных. Известны различные виды тревоги. Тревога может быть открытая, т. е. сознательно переживаемая и проявляемая в поведении, а может быть скрытая, т. е. в разной степени неосознаваемая, проявляющаяся в чрезмерном спокойствии, нечувствительности к неблагополучию и даже в отрицании его.

При этом особый интерес представляет исследование тревоги у больных с одновременным органическим поражением и функциональными расстройствами ЦНС. Примером такого заболевания является рассеянный склероз – тяжелое хроническое заболевание ЦНС, при котором, наряду с полиморфной неврологической симптоматикой, отмечаются разнообразные психологические нарушения.

Обследована группа из 44 больных рассеянным склерозом (РС) (16 мужчин, 28 женщина, в возрасте от 17 до 52 лет, состояние ремиссии). Использовался комплекс методик, направленных на изучение тревоги: тест Тейлор, тест Люшера, а также рисуночные тесты для изучения тревоги в системе разных отношений личности («Я», «Моя семья», «Мужчина и женщина», «Дом, дерево, человек»). Изучались осознанные и неосознанные компоненты ВКБ с помощью психологического анализа жалоб и рисуночного теста, где больной графически изображал свои ощущения. Тест MMPI применялся для изучения актуального психического состояния. По тесту Тейлор в группе больных РС усредненные показатели тревоги составили 25,2 ± 9,6 баллов, при этом у 36 % больных (16 чел.) выявлен повышенный уровень тревоги, а у 30 % (13 чел.) – высокий уровень тревоги. В то же время по тесту Люшера высокий уровень неосознаваемой тревоги выявлен лишь в 18 % случаев (8 чел.). При этом у больных наблюдалось большое разнообразие вариантов соотношения уровней разных видов тревоги – от тотального повышения всех видов тревоги (18 % случаев (8 чел.)) до повышения одного вида тревоги при низких показателях другого.

Высокие показатели осознаваемой тревоги при низких показателях неосознаваемой наблюдались в 48 % случаев (21 чел.). Высокие показатели неосознаваемой тревоги, при низких значениях осознаваемой встречались у 3 больных (7 %). У всех больных был выявлен повышенный уровень тревоги в определенных отношениях личности по рисуночным тестам. Кроме того, в структуре ВКБ 78 % случаев наблюдалось несоответствие вербальных жалоб изображению на рисунке, и только в 22 % они совпадали.

Результаты исследования показали, что несогласованная работа осознанного и неосознанного компонентов ВКБ приводит к высокому уровню тревоги по тесту Тейлор и повышению профиля личности по MMPI. Полученные ранее сопоставления данных ПЭТ исследования с уровнем тревоги подтверждают, что в реализации различных видов тревоги (осознанных и неосознанных) участвуют не только разные структуры мозга, но имеет значение и степень активности их функционирования и латерализация.

Таким образом, изучение различных видов тревоги в структуре ВКБ свидетельствует о неоднородности состояния тревоги и важности ее дифференциальной диагностики, что необходимо для разработки целенаправленных способов психологической коррекции в комплексной терапии и имеет значение для повышения качества жизни.

Д.К. Романов

ДИАГНОСТИКА КОМПЕТЕНТНОСТИ В ОБЩЕНИИ

Важным показателем развития ребенка как компетентного субъекта общения и как личности являются его представления о способах социального (психологического) воздействия. Для диагностики соответствующего показателя можно использовать методику свободной актуализации представлений человека о способах воздействия. Обследуемым предлагается написать все известные им способы воздействия на человека. Время процедуры не ограничивается. Обычно она занимает 20–30 минут. В последующем результаты обрабатываются по следующим параметрам:

1. Индивидуальный количественный показатель представлений о воздействиях. Измеряется количеством представленных воздействий. Свидетельствует об успешности развития ребенка как субъекта общения.

2. Средне-групповой показатель количества воздействий. По нашим данным, у учащихся 10 класса он составляет 70 единиц. Он необходим для оценки соответствующих индивидуальных показателей. Наибольший интерес для школьного психолога представляют дети с низким значением этого показателя.

3. Групповой репертуар воздействий – общее количество неповторяющихся воздействий. У учащихся 10 класса он составляет 102 единицы. В связи с отсутствием нормативов невозможно оценить этот показатель с точки зрения уровня развития школьников. Учитывая, что теоретически количество таких воздействий измеряется десятками тысяч, можно считать его очень низким. Можно предполагать, что о существовании других воздействий старшеклассники просто не знают. Это объясняется главным образом тем, что школа практически не принимает участия в целенаправленном формировании представлений о межличностных воздействиях. Их усвоение происходит стихийно. Преодоление подобного уровня безграмотности можно назвать одной из перспективных задач современной школы.

4. Популярность воздействий измеряется частотой встречаемости конкретного воздействия в данной социальной группе. В выборке десятиклассников в наиболее популярную группу мы включили воздействия с частотой встречаемости более 25 % (всего 16 из 102, что составляет 15,68 %). Наиболее популярными среди старшеклассников являются такие воздействия: игнорировать (всего 33 случая – 51,56 %), убить (32 случая – 50 %), толкнуть (31 случай – 48,44 %), обмануть (22 случая – 35,94 %), поцеловать (23 случая – 35,94 %), обнять (23 случая – 35,94 %), попросить (22 случая, что составляет 34,38 %), удавить (20 случаев – 31,25 %), напоить (20 случаев – 31,25 %,), помочь (18 случаев – 28,13 %), ненавидеть (18 случаев – 28,13 %), обидеть (18 случаев – 28,13 %), любить (18 случаев – 28,13 %), обойти (17 случаев – 26,56 %), одеть (16 случаев – 25 %), раздеть (16 случаев – 25 %).

5. Знак воздействий. Этот показатель несет информацию о духовно-нравственном облике человека и о социальных условиях его воспитания. Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что в этой группе десятиклассников преобладают негативные воздействия: убить, толкнуть, обмануть, удавить и т. п. (10 из 16 наиболее популярных – 62,5 %). Это может говорить о преобладании у старшеклассников негативного опыта общения. Этот показатель очень индивидуален. Он позволяет оценить индивидуальные особенности развития ребенка как субъекта общения.

6. В зависимости от формы можно выделить невербальные и вербальные воздействия. Группа невербальных воздействий подразделяется на невербальные практические и невербальные мимические. Кроме того, была выделена группа комплексных воздействий. Они представляют собой синтез вербальных и невербальных воздействий. Развитие ребенка как субъекта общения сопровождается расширением репертуара вербальных воздействий. Это важно учитывать при диагностике индивидуального показателя соотношения вербальных и невербальных воздействий.

7. Уровень обобщенности. Показателями обобщенности воздействия являются отсутствие определенного содержания, конкретного адресата и конкретных условий реализации. В соответствии с этим можно выделить два вида воздействий: конкретные и обобщенные. Конкретные воздействия могут иметь несколько вариантов: конкретные по адресату; конкретные по содержанию; конкретные по условиям. В зависимости от сочетания этих условий уровень конкретности может быть разным. Если присутствует хотя бы один признак, то он

(уровень конкретности) минимален. Если присутствуют все три признака, то уровень конкретности будет максимальным.

Д.В. Романов

РОЛЬ СИНДРОМАЛЬНОГО ПОДХОДА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКЕ ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ

Развитие медицинской психологии было инициировано на стыке XIX и XX вв. запросами клинической психиатрии, остро нуждавшейся в методах, позволявших верифицировать клиническую оценку психического расстройства. Открытия Г. Роршаха (1921), явившегося создателем синдромального подхода в психологической диагностике психических расстройств, не были восприняты научным сообществом, хотя автор предложил не только уникальную проективную методику исследования психических процессов, но и совершенную методологию оценки когнитивных нарушений. Последующее распространение влияния психоанализа в 1930–1950-х гг. способствовало преимущественному рассмотрению методики Роршаха как инструмента содержательно-идеографической направленности. Перцептивно-номотетическая направленность методики, ее способность обнаруживать общие способы восприятия / переработки информации и типы их нарушений при психических расстройствах, оставалась менее исследованной.

Введение А.Р. Лурия представлений о нейропсихологическом синдроме, значении факторов как системообразующих элементов синдрома выступило мощным стимулом для развития синдромального направления патопсихологии. Использование синдромального подхода в психологической диагностике психических расстройств стало активно применяться в отечественной клинической психологии в последние два десятка лет. Был предложен ряд классификаций патопсихологических синдромов (И.А. Кудрявцев, 1982; В.М. Блейхер, И.В. Крук, 1989; Н.Г. Носачев, Д.В. Романов, 2001). Значение патопсихологического синдрома обусловлено его ролью в качестве структурного звена, находящегося между клиническим уровнем проявления психического расстройства и его патофизиологической, а также личностно-патогенетической основами. Исследование таких промежуточных структур позволяет выстраивать более полные представления о патогенезе психических нарушений с позиций биопсихосоциального подхода.

Синдромальная диагностика позволяет поддерживать, с одной стороны, определенную преемственность с медицинской диагностиче-

ской моделью, с другой стороны – выступает демаркационной линией в разделении диагностических полномочий психолога и врача. При этом систематика патопсихологических синдромов (шизофренический, органический, аффективный и т. д.) предусматривает координацию с действующим классификатором психических расстройств и направлена на обеспечение эффективного решения задач лечебного процесса. В методическом плане именно синдромальная диагностика задает оптимальный уровень требований при реализации дифференциально-диагностических задач в патопсихологии. Структура патопсихологического синдрома включает когнитивные, мотивационные и эмоциональные нарушения (особенности), характерные для определенного вида психических расстройств.

Патогенетическое единство симптомов патопсихологического синдрома отражается системообразующим фактором или факторами. Исследования системообразующих факторов, иерархически организующих разнообразные патопсихологические симптомы разного уровня сложности в синдромальное целое, в настоящее время еще далеки от завершения. В качестве рабочей модели может рассматриваться патопсихологический синдром, характерный для шизофрении, многообразие проявлений которого может быть сведено к двум основным системообразующим факторам – снижению селективности психических процессов и ослаблению мотивационного компонента когнитивных функций. Такие частные феномены, как нарушения процесса обобщения по типу актуализации латентных признаков или резонерство, могут быть выведены из действия общих, первичных факторов.

Диагностика патопсихологического синдрома не должна выступать в качестве самодовлеющей цели. У пациентов – носителей шизоидного расстройства личности, а также близких родственников больных прогредиентными формами шизофрении отмечается сходный профиль нарушений. Различия в структуре синдрома в этом случае касаются более сохранной продуктивности, критичности и большего единства операционной системы мышления, остающейся при этом аномальной. Интерпретация подобных данных как доказательства существования спектра «шизофренической патологии», обусловливаемой разной степенью экспрессии генотипа болезни, может иметь определенные основания.

Дальнейшие исследования структуры патопсихологических синдромов позволят выделить, наряду с идентификацией зон дефекта, также и действие механизмов компенсации, которые могут носить как общий, так и нозоспецифический характер.

Е.В. Романова, О.Б. Березина

СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ УСТАНОВКИ И ЦЕННОСТИ У ПАР С РАЗЛИЧНЫМ СЕМЕЙНЫМ СТАТУСОМ

В настоящее время институт семьи и брака претерпевает большие изменения в отношении самих его основ. Все чаще брак приобретает другие формы, все больше видоизменяется. У современных молодых людей появилось больше возможностей самостоятельно решать, регистрировать ли им отношения и когда начинать совместное проживание, из-за чего все более распространенным становится так называемый «фактический», или незарегистрированный, брак (гражданский брак, сожительство). Немало пар встречаются на протяжении многих лет и выстраивают свои отношения, основанные на определенных правилах и обязательствах, даже не проживая совместно. Проведенный анализ литературных источников показывает, что еще недостаточно разработаны вопросы, имеющие непосредственное отношение к качеству брака, и прежде всего вопрос о влиянии ценностных ориентаций и установок на удовлетворенность отношениями. Таким образом, изучение ценностных ориентаций и установок у современных пар с различным семейным статусом представляется весьма актуальным.

В проведенном исследовании приняли участие 96 человек, проживающих в г. Санкт-Петербурге. Всего 48 пар с различным семейным статусом. Среди них: состоящих в официальном браке – 18, в гражданском браке – 15, встречающихся – 15 пар. Были использованы следующие методики: Тест-опросник удовлетворенности браком (В.В. Столин, Т.Л. Романова, Г.П. Бутенко); «Анкета семейных ценностей» (О.С. Айшпур, С.В. Артамонов, Л.А. Коростылева); Опросник «Измерение установок в семейной паре» (Ю.Е. Алешина); Методика определения неосознаваемых установок (А.Ю. Панасюк). При оценке наиболее значимых ценностей в семейной жизни все испытуемые, вне зависимости от семейного статуса, отметили духовную любовь, ответственность и внимательность. Для состоящих в официальном и гражданском браке также оказались важны нежность и любовь физическая, а для встречающихся – доверие и дружелюбие.

Респондентов также просили оценить, насколько, по их мнению, семейные ценности удовлетворяются со стороны партнера, и было выявлено, что в среднем наиболее значимые ценности удовлетворяются в недостаточной для испытуемых степени, в то время как наименее значимые ценности удовлетворены больше необходимого. При исследовании осознанных установок выявлено, что в среднем у всех испы-

туемых в большей степени выражено позитивное отношение к наличию работы у женщин, к детям и романтической любви. Состоящие в официальном браке, как и встречающиеся, больше ориентированы на совместную деятельность, тогда как состоящие в гражданском браке – на автономную. Состоящие в браке (официальном и гражданском) в большей степени руководствуются чувством долга, а встречающиеся больше стремятся к удовольствию. При исследовании неосознанных установок обнаружено, что в наибольшей степени выражено позитивное отношение к детям, романтической любви и интимным отношениям. У всех испытуемых отношение к работающей женщине несколько позитивнее, чем к домохозяйке, а стремление к удовольствию выражено больше, чем ориентация на чувство долга. Респонденты, состоящие в официальном браке, в большей степени выразили свою расположенность к автономной деятельности, встречающиеся, наоборот, к совместной деятельности, а состоящие в гражданском браке одинаково положительно относятся к обоим видам взаимодействия.

В заключение можно отметить, какие установки и ценности способствуют удовлетворенности отношениями. Специфика нашей выборки состоит в том, что в среднем она характеризуется довольно высоким уровнем удовлетворенности (78 %). Показатель удовлетворенности отношениями тем выше, чем выше установка респондентов на совместную деятельность и официальный брак, чем более значимы интимные отношения и чем более положительно отношение к своему партнеру, его внешности и своим отношениям в целом. Удовлетворенность отношениями тем выше, чем более значимы в семейной жизни следующие ценности: любовь духовная, любовь физическая, ответственность, внимательность, дружелюбие и общность взглядов на воспитание детей.

А.С. Романчук

ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОЙ ПОЗИЦИИ СТУДЕНТОВ

Ситуация одиночества, как правило, сопровождается негативными эмоциональными переживаниями. Только в редких случаях люди приходят к позитивному восприятию своего одиночества и тем более стремятся к нему, стараясь остаться в уединении. Проведенное в 2008–2009 гг. исследование показало, что студенты в процессе социально-психологической адаптации часто сталкиваются с переживанием свое-

го одиночества. Из них подавляющее большинство воспринимает данную ситуацию негативно и только немногочисленные респонденты видят положительные аспекты одиночества и готовы использовать их в своей жизни. Однако именно позитивное восприятие одиночества может способствовать принятию себя, своих эмоциональных переживаний, жизненного опыта. Принятие себя – важный этап в развитии самосознания.

По-нашему мнению, позитивное самосознание – ключ к успешному развитию субъектности и становлению субъектной позиции обучения как важнейшей возрастной задачи студентов. Субъектная позиция студента в образовательном процессе является высокозначимым качеством его личностной позиции, которое характеризуется целостностью и динамичностью развития. Субъектная позиция студента может рассматриваться сквозь призму его отношения к собственному образованию, умение ориентироваться в образовательных возможностях, трудностях и достижениях. Она выступает предпосылкой и фактором личностно-профессионального становления и может проявляться в других сферах жизнедеятельности. Развитие субъектности, поиск путей эффективного влияния на специфику становления субъектной позиции является одной из важных задач современной практической психологии не только в образовании.

Студенчество – время приобретения и развития не только профессионально значимых качеств, но и интенсивного личностного развития, расширения социальных связей, интеграции различных жизненных сфер. Поэтому качественные характеристики данного жизненного этапа личности оказывают большое влияние на последующее ее развитие. Таким образом, умение позитивно воспринимать одиночество может способствовать успешному становлению субъектной позиции студентов.

И.Н. Романько

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССА ПАРТИЦИПАЦИИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ

Существует большое количество различных подходов к пониманию и способам изучения процесса партиципации. Большую важность может иметь также широта и разнообразие контекстов и ситуаций, к которым был применен термин «партиципация» и его производные. Например, экономисты используют этот термин, чтобы описать соот-

ношение тех, кто участвует и не участвует в принятии решений и т. п. Социологи (особенно в США) ограничивали использование этого термина для описания группового поведения или взаимодействия руководителя и подчиненного, определяя разные уровни влияния между людьми. О.Н. Яницкий, проводя социологическое исследование, понимает партиципацию как вовлечение людей в деятельность существующих организаций, как формальных, так и неформальных. Термин «вовлечение» имеет еще один смысл, касающийся взаимоотношений между инициативной группой и средой.

В рамках других подходов партиципация рассматривалась как власть, а ее распространение в организации включает в себя различные формы децентрализации, такие как автономия малых групп или частичная автономия рабочих групп. Распространение этой власти и влияния затрагивает огромное разнообразие поведенческих форм. Иногда партиципацию представляют как часть системного управления качеством («Total Quality Managment»). В западной литературе по психологии чаще всего процесс партиципации обозначают как эквивалент организационной демократии и разделению влияния. Ф. Хеллер, Г. Штраус и др., проведя обобщающий анализ существующих исследований по данной теме, в своей работе говорят о трех составляющих, на которые влияет партиципация сотрудников в организации: гуманистический аспект, аспект разделения власти и аспект организационной эффективности. В рамках гуманистического аспекта понимается, что участие способствует личностному росту и удовлетворенности работой, и, как следствие, повышению ощущения человеческого достоинства. Разделение власти приводит к свободе каждого сотрудника управлять своей работой, и впоследствии обсуждение сосредотачивается на вопросе производительности, а не на вопросах правосудия и улучшения рабочего места.

Также существует гипотетическое предположение, что партиципация влияет на организационную эффективность. Это происходит вследствие того, что сотрудники часто обладают информацией, которой нет у менеджеров; совместное принятие решений повышает желание работать; улучшаются коммуникация и сотрудничество внутри подразделений; сотрудники, которые участвуют в процессах организации, самостоятельно могут контролировать свою работу и т. д.

Дж. Коттон и др. в своих исследованиях сосредоточили внимание конкретно на участии в принятии решений и пришли к следующим основным выводам: во-первых, они утверждали, что участие может принять ряд различных форм (например, краткосрочные или долго-

срочные, формальные или неформальные, прямые или косвенные), во-вторых, что влияние участия на удовлетворенность сотрудников и уровень производительности варьируется в зависимости от формы участия.

Как следует из анализа литературных источников и проведенных исследований, понимание и изучение процесса партиципации в организациях ограничивается рядом факторов. Самым важным является отсутствие точного и общепринятого определения партиципации. Это в свою очередь влияет и на результаты исследований и на их ценность. Как указывают Ф. Хеллер и Г. Штраус в своей книге, в настоящее время существуют многочисленные исследования, целью которых было оценить, измерить один или несколько аспектов процесса партиципации в организациях, но ни одно из них не было в достаточной степени обосновано как теоретически, так и экспериментально.

Кроме того, многие способы изучения партиципации на самом деле нельзя считать исследовательским инструментом, который можно было бы применять в последующем. Так, например, В. Грэхам и А. Верма в своих исследованиях использовали новый, 16-факторный опросник для изучения меры заинтересованности сотрудников компаний в партиципации, а Б. Эванс и Д. Фишер использовали опросник, измеряющий степень автономии для изучения восприятия уровня партиципации.

Е.А. Руднев

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ: ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ

Возросшее за последние годы в различных сферах деятельности в разных странах мира число женщин-руководителей свидетельствует о преодолении стереотипа пригодности к руководящей позиции исключительно мужчин. В связи с этим проблематика гендерных различий управления персоналом занимает в исследованиях одно из ведущих мест.

Существует несколько подходов в понимании различий женского и мужского управления. В зарубежных исследованиях, в частности Loden (1985), подчеркивается, что женщины-руководители чаще заинтересованы достигать согласия, стимулировать участие работников в принятии решений, создавать атмосферу открытости и развивать чувство собственной ценности у подчиненных. В то время как мужчины

склонны в большей степени к соревновательности, использованию положения в иерархии, сильному контролю и беспристрастному, аналитическому подходу к решению задач. В исследовании Rosener (1990) отмечается, что женщины-руководители считаются более успешными трансформационными лидерами, чем мужчины, так как при выполнении работы опираются в большей степени на личностные качества и навыки межличностных отношений.

Иной точки зрения придерживаются отечественные исследователи К.А. Красильникова и Т.П. Погребняк (1998). По их мнению, женщина-руководитель иногда может демонстрировать более жесткое поведение, чем мужчины, не почувствовать допустимого предела волевого давления, и, стремясь не показаться мужчинам слабой, «перегнуть палку» либо, в обратном случае, – манипулировать подчиненными, чтобы сгладить остроту конфликта или заставить мужчин работать.

Комплексный подход к исследованию проблемы предпринят Ш. Берн в работе «Гендерная психология» (2004). На основе метаанализа она приходит к выводам, что современному человеку желательно обладать примерно равным количеством мужских и женских черт, а решающую роль в их становлении играют социализация и культура.

Сходство большинства работ, посвященных гендерным различиям в управлении, заключается в сравнении мужчин и женщин между собой, в то время как практически нет работ, в которых сравнивались бы между собой представители одного пола, т. е. описаны и объяснены причины большей эффективности. Например, по каким основаниям проводить квалификационную оценку на руководящие позиции в контексте гендерных различий. Женщины, склонные к лидерству, как правило, демонстрируют отклоняющееся поведение в детстве. Им нравится доминировать и быть первыми в коллективных играх. В интервью они называют игры, которые традиционно связываются с представителями противоположного пола или имеют такой опыт. У женщин с естественнонаучным образованием и манипулятивных профессий мотивация к власти выражена в большей степени по сравнению с представителями других профессий.

Среди управленцев, как в образовании (директор школы, декан, первый проректор), так и в других сферах (владелец бизнеса, художественный руководитель театра и другие), нередко встречаются женщины с биографическим фактом – самостоятельное воспитание сына. Таким образом, есть основания полагать, что биографический факт одиночества женщины в браке может быть причиной ее пригодности к профессиональной деятельности руководителя.

Аналогичные примеры находим в структуре управленческих команд. Среди руководителей – как мужчин, так и женщин – встречаются различные типы команд – и гетерогенные, и гомогенные. Однако мужчины чаще предпочитают гетерогенные управленческие команды. Они носят сбалансированный характер либо включают представителей обоих полов, в то время как женщины чаще предпочитают однополые управленческие команды, базирующиеся на прочных эмоциональных связях и представлениях о большей покладистости, исполнительности, ответственности и дисциплинированности представителей своего пола, либо окружают себя представителями «сильного» пола. При внешнем сходстве структуры у руководителя мужчины и женщины разная мотивация. Мужчины-руководители в женских управленческих командах, таким образом, демонстрируют большее превосходство в сравнении с представителями своего пола, подчеркивая, что они самые любимые и уважаемые, в то время как женщина-руководитель в мужской команде – амбиции, силу и власть. Как правило, мужчины в таких командах отмечают большее равенство и демократизм, отсутствие ненужной конкуренции, встречающейся чаще в гетерогенных мужских командах, в которых руководитель подбирает заместителей по принципу личной преданности, лояльности и более качественного выполнения работы.

Ю.М. Румянцева

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ОБУЧЕНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА

Понятие привлекательности достаточно широко используется в научной литературе. Однако найти точное определение этого понятия довольно сложно. Успешность совместной деятельности во многом определяется уровнем привлекательности партнеров и непосредственно деятельности. Многие авторы для обозначения привлекательности используют такие понятия, как валентность, значимость, желательность, эмоциональное отношение.

Вопрос об исследованиях социально-психологического климата в учебных группах в психологии поднимался уже неоднократно. Но проблема взаимосвязи привлекательности обучения с социально-психологическими характеристиками коллектива является не до конца исследованной в современной науке. Большинство исследователей пришли к однозначному выводу о том, что благоприятный социально-

психологический климат выступает в качестве одного из решающих факторов эффективности групповой деятельности. Во многом это определяется групповой совместимостью и согласованностью. Несомненно, что учиться, как и вести любую другую деятельность, в сплоченном коллективе гораздо привлекательнее, чем в разобщенной и негативно настроенной группе. Кроме того, позитивный социально-психологический климат способствует повышению качества совместной работы, когда перед группой в процессе обучения ставятся коллективные задачи. Негативный социально-психологический климат в группе в свою очередь вносит разлад во взаимодействие ее членов в ходе выполнения групповых задач, снижает общий эмоциональный фон учащихся и приводит к снижению интереса к учебе и привлекательности обучения в целом.

В настоящее время отечественные ученые и специалисты стали уделять больше внимания изучению социально-психологического климата учебной группы как одному из факторов привлекательности обучения, отводя ему особое место в повышении эффективности обучения. Проблемы формирования и поддержания благоприятного социально-психологического микроклимата в группе учащихся в данный момент актуальны как с практической, так и теоретической точки зрения.

В данной работе были изучены теоретические основы понятий привлекательности обучения, социально-психологического уровня развития группы и социально-психологического климата в коллективе. Были исследованы привлекательность обучения, социально-психологический уровень развития группы и психологический микроклимат. Данные показатели были рассмотрены на примере выборки из 60 студентов различных специализаций Санкт-Петербургского полицейского юридического колледжа «ИнтерПолисКолледж». Для диагностики привлекательности обучения в учебном заведении использовалась Методика «Опросник привлекательности обучения» (В.М. Снетков). Для оценки уровня развития группы на основе анализа ее социально-психологических состояний и для прогнозирования успешности ее в деятельности применялся тест «Пульсар» (Л.Г. Почебут). Для оценки психологического микроклимата в студенческой группе использовалась методика «Оценка микроклимата студенческой группы» (В.М. Завьялова).

Была установлена взаимосвязь между факторами привлекательности обучения, социально-психологического уровня развития группы и социально-психологического климата учебной группы, определено

влияние пола и учебной специализации на особенности субъективной привлекательности обучения, а также на социально-психологическй уровень развития группы. Таким образом, цели и задачи, поставленные в начале работы, можно считать достигнутыми.

Следовательно, можно говорить о подтверждении гипотезы исследования: в результате корреляционного анализа нами была обнаружена прямая взаимосвязь между факторами социально-психологического уровня развития группы и факторами привлекательности обучения, а также между факторами социально-психологического уровня развития группы и социально-психологическим климатом учебной группы. Таким образом, чем более благоприятен социально-психологический климат и чем более высок социально-психологический уровень развития группы, тем более привлекателен процесс обучения для студентов. Изучая особенности социально-психологического климата и уровня развития студенческой группы, а также уровня привлекательности обучения для студентов, можно говорить о существовании ряда проблем, которые требуют дальнейших научных исследований, а также практических мероприятий, направленных на работу по улучшению психологического климата в группах учащихся как одного из факторов повышения привлекательности (а значит, и эффективности) учебного процесса.

Т.В. Румянцева

РЕФЛЕКСИВНАЯ ДИАГНОСТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В РАМКАХ КРИЗИСНОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Определение условий и способов оказания психологической помощи человеку в ситуации кризиса непосредственно зависит от того, насколько быстро и точно будет диагностировано его состояние. Диагностика отвечает за систематический анализ динамики изменения состояния человека, обратившегося за помощью. Знания, полученные в результате диагностики, определяют первоочередные задачи и весь ход психологического сопровождения человека в кризисе. Так, диагностика помогает консультанту решить три основные задачи: 1) Определить ситуацию, в которой на момент обращения находится человек, и его состояние внутреннего мира, представление о себе (Кем человек воспринимает себя? В чем состоят его жизненные затруднения? Каковы особенности его жизненной ситуации – ее объективный и субъективный аспект? Какими ресурсами он обладает и какой опыт

переживания кризисов имеет); 2) Выявить желаемую ситуацию, т. е. совместно сформулировать представление о том состоянии, которого хочет достичь клиент, и выбрать основное направление изменений (Что делать? В каком направлении двигаться?); 3) На основе данной информации помочь клиенту восстановить картину его мира и достичь желаемого будущего, взяв ответственность за его достижение на самого себя (Кем я хочу стать? Чего я хочу достичь? На кого и на что я могу опереться при достижении своей цели).

Таким образом, диагностика идентичности является составной частью системы диагностики в рамках психологического сопровождения человека, переживающего кризис. В связи с тем, что у человека под воздействием кризисной ситуации нарушается привычная картина мира, подрывается устоявшееся представление о себе и других людях, актуальной задачей психологической помощи является восстановление картины мира через укрепление уверенности в себе, формирование у клиента адаптивного состояния идентичности. Поскольку именно идентичность, являясь целостным системным образованием, позволяет поддерживать, сохранять и восстанавливать целостность и непрерывность Я в различных ситуациях изменений и на этой основе регулировать поведение. Поэтому в процессе кризисного консультирования (консультирования клиента или членов семьи в ситуации кризиса) диагностике идентичности отводится особая роль.

Важно отметить, что в ситуации жизненных затруднений диагностика должна соответствовать всем основным характеристикам необходимого психологического сопровождения человека. А именно быть процессуальной, пролонгированной, недирективной, погруженной в реальную повседневную жизнь человека, а также способствовать особым поддерживающим и развивающим отношениям между клиентом и консультантом на всех этапах перестройки отношений клиента с собой и миром. Другими словами, диагностика клиента, испытывающего кризис, должна быть рефлексивной: применяемые методы диагностики должны допускать возможность совместного рефлексивного исследования консультанта и клиента.

Следовательно, в рамках кризисного консультирования необходима рефлексивная диагностика идентичности. Наш опыт кризисного консультирования позволяет в качестве основных рефлексивных методов анализа идентичности назвать такие проективные методики, как рисуночный тест «Нарисуй человека», тест «Двадцать утверждений», предложенный М. Куном, Т. Макпартлэндом (в нашей модификации). Если рисунок представляет собой графический способ бессознатель-

ной проекции идентичности, то методика «Кто Я» отражает вербальный способ представления идентичности на уровне сознания.

В качестве метода экспресс-диагностики наличествующего мотивационно-эмоционального состояния хорошо зарекомендовала себя разработанная нами методика «Сферы жизни». В методике анализируются следующие 9 сфер жизни человека: здоровье, работа, семья, любовь, дружба, хобби–увлечение, учеба–обучение, отдых, самореализация. Она позволяет выявить субъективную оценку основных сфер жизни человеком по таким основаниям (параметрам), как их значимость–ценность, затрачиваемые усилия–время, удовлетворенность, готовность действовать относительно каждой из сфер, успешность. Данные методики соответствуют критериям рефлексивной диагностики. Опыт консультирования позволяет рекомендовать определенную последовательность выполнения данных методик клиентом. Сначала клиенту предлагается выполнить рисунок человека, следом идет выполнение методики «Кто Я», далее – методика «Сферы жизни».

Т.В. Румянцева, С.В. Швецова

ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ ШКОЛЬНЫХ ПСИХОЛОГОВ В ПРОЦЕССЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Психологическое консультирование является одним из направлений деятельности школьного психолога. Часто общение с психологом в школе начинается именно в рамках консультативного процесса, связанного с определением запроса, причин, основных потребностей в социально-психологической помощи. Нами было проведено исследование, направленное на выявление трудностей, которые испытывают психологи как непосредственно в психологическом консультировании, так и в целом в своей профессиональной деятельности. Были опрошены школьные психологи Службы практической психологии муниципальной системы образования г. Ярославля в возрасте от 22 до 36 лет, со стажем работы психологом от одного месяца до 12 лет и аналогичным опытом консультирования.

Психологам было предложено перечислить основные трудности, которые у них возникают в процессе консультирования. Все указанные психологами затруднения нами были сведены в следующие группы:
1. Трудности в определении сущности психологической проблемы («грамотно сформулировать проблему, с которой обратились и с которой предстоит работать»; «недостаток информации по проблеме»;

«разбирать конкретно проблему, задавать вопросы, выяснить настоящую причину обращения») занимают 25 % от общего числа затруднений. 2. Трудность истолковать клиенту сущность психологической проблемы («доступность объяснения»; «непонимание»; «объяснять без специальных терминов») – 16 % от общего числа затруднений. 3. Трудность привлечь клиента к обсуждению, замотивировать его на работу («замотивировать»; «нежелание детей работать»; «нежелание идти на контакт») – 21 % от общего числа затруднений. 4. Трудности, связанные с осуществлением процесса взаимодействия («дефицит времени»; «начать беседу с отдаленной темы») – 8 % от общего числа затруднений. 5. Недостаточный профессиональный опыт, трудности в поддержании профессиональной позиции («недостаточный опыт работы психологом»; «субъективное отношение к ситуации») – 25 % от общего числа затруднений. В целом можно отметить, что само задание выделить трудности, с которыми сталкиваются психологи в процессе консультирования, вызвало затруднение, сложность возникла в самом осознании и в нахождении словесной формулировки, определении трудностей и путей их преодоления.

Исследование показало, что при достаточно высоком уровне желания консультировать (в среднем 7,2 балла из 10) у школьных психологов отмечается более низкий уровень готовности реализовывать данное направление деятельности (в среднем 5,36 балла из 10). При этом в наибольшей степени выражено желание консультировать детей (7,6 балла из 10), далее по выраженности следует желание консультировать родителей и педагогов (соответственно 6,8 и 6,33 баллов из 10), а в наименьшей мере выражено желание консультировать администрацию (5,72 балла из 10). Значения готовности консультировать данные категории клиентов имеют практически похожий уровень выраженности: наибольшая степень готовности консультировать выявлена относительно детей (6,12), далее следует готовность консультировать педагогов и родителей (соответственно 5,5 и 5,22 баллов из 10), наименьшая готовность консультировать администрацию (4,94).

При высоких уровнях оценки значимости работы психолога со стороны администрации и педагогов наблюдается: 1) в начале своей работы в школе психологи полагают, что администрация и педагоги высоко оценивают значимость их деятельности; 2) с увеличением стажа консультирования психологи отмечают рост значимости их деятельности в оценках родителей ($rs = 0,47$, $p < 0,05$) и детей ($rs = 0,58$, $p < 0,01$), но не педагогов и администрации. При этом оценка значимости деятельности в глазах администрации со временем достаточно

быстро снижается. Этот вывод косвенно подтверждается сравнением уровня оценки значимости по наличию опыта обращения школьного психолога к психологу-консультанту для решения проблем, так или иначе связанных с неудовлетворенностью профессиональной деятельностью. У тех, кто обращался к консультанту, оценка значимости работы в глазах администрации значимо ниже ($U = 11$; $Z = 2{,}62$; $p < 0{,}01$), так же, как и в глазах педагогов ($U = 17{,}5$; $Z = 2{,}03$; $p < 0{,}05$).

В связи с вышесказанным, актуальным для школьного психолога является не только осознание особенности своей профессиональной роли, своей профессиональной идентичности, но и обретение способности поддерживать ее выполнение.

Н.А. Русина, А.Т. Барабошин

АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В РАБОТЕ КЛИНИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА

Психолог, работающий в клинике, сталкивается с рядом проблем. Психолог должен помогать врачу в работе с личностью больного, в чем он более компетентен, но понимать, что ответственность за лечебные мероприятия, в том числе психологическую коррекцию, несет врач; врач должен иметь психологическую подготовку, чтобы поставить задачу психологу и понимать сделанные им заключения; стороны должны выработать общий понятийный аппарат; понять, что их работа может строиться только в совместной деятельности в интересах больного; не должны претендовать на чужое «поле».

Обозначим два направления деятельности медицинского психолога: 1) обеспечение психологической помощи в лечении пациента через определение его психологического статуса, структуры личности, анализа социальной ситуации; 2) осуществление психологического обеспечения профилактики и предупреждения развития заболеваний. Как в медицине, так и в медицинской психологии основными методами являются наблюдение (беседа с больным, сбор анамнеза и катамнеза, самонаблюдение и самообследование, биографический метод, изучение продуктов деятельности) и эксперимент. Тестовые методы не должны быть самоцелью, а могут лишь дополнять общую картину.

Одной из значимых задач для психолога, работающего в клинике, является подбор диагностического инструментария, адекватного каждой нозологии. Важно использовать не только психологические тесты и опросники, но уметь диагностировать поведение пациента по значи-

мым ситуациям в период консультирования. Другая задача заключается в том, чтобы выявить личностное и средовое влияние на течение болезни. Поэтому следующий шаг, – зная типы семейных проблем и актуальных способностей, тестировать пациента через значимые для данной нозологии ситуации. Так происходит проработка жизненного и семейного контекста проблем и межличностных затруднений. Когда больной попадает в значимую для него ситуацию, его физиологическое состояние изменяется. Психолог должен уметь это отслеживать, ибо далее начинается собственно психотерапевтическая работа.

Для реализации второго направления обратимся к следующим рассуждениям. Существует более высокий уровень объяснения развития болезней, надпсихологический, вытекающий из холистического подхода к человеку, соединяющего в единстве его тело, душу и дух. В традиционной медицине осуществляется процесс лечения болезни, а не больного. При таком подходе игнорируется духовная составляющая жизни человека. Психосоматическая медицина сделала шаг к соединению психической и физической реальности, но в стороне остается духовная составляющая здоровья.

В психологических теориях также мало уделяется внимания духовной жизни. Традиционно используются такие понятия, как самосознание личности, Я-концепция, самоактуализация, возрастная идентичность. Практические психологические направления чаще всего обучают манипулированию, а не полноценному проживанию жизни. В работе с больными следует применять принцип восстановления духовной целостности, который должен идти через согласование психической и телесной сфер. 1 этап – аксиологический тренинг, который включает диагностику понимания понятий «ценности», «цели», «жизненный смысл», личных ценностей и смыслов, построение жизненной стратегии, метафорическую и телесно-пространственную работу по «образу жизни», работу со сказками, метафорами, притчами. 2 этап – онтологический тренинг. Уместны практики интегративной психологии: поведенческой, когнитивной, рационально-эмотивной, экзистенциальной, гештальт-техники, психосинтез, техники Востока и Древней Руси. 3 этап – тренинг здорового образа жизни: обучение правильному питанию, управлению эмоциями, развитие энергетических способностей, переформулирование мыслей и убеждений, работа с «первообразами», стихиями природы.

Стратегии интегративной психологии состоят в следующем: 1. Анализ особенностей личности в плане нарушения системы отношений, обусловленной всей историей развития личности, или наруше-

ния структурной целостности личности. 2. Работа с выявленными особенностями личности (индивидуально, в группе) в различных техниках. 3. Выявление ценностных ориентаций личности, жизненных смыслов. 4. Работа на осознание причинно-следственных связей в жизни личности. 5. Гармонизация первичных и вторичных способностей, духовного и материального в жизни человека. 6. Гармонизация психической и телесной сферы путем работы с «состоянием» человека через его сознание.

Л.В. Рыкман, И.В. Ярошик

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖА

В наши дни задача профессионального самоопределения личности приобрела особенно актуальное значение. Трансформация ценностных ориентаций и жизненных установок, усиление конкуренции, унификация – это лишь небольшой перечень процессов, которые происходят сегодня в России. Указанные обстоятельства затрагивают поколение молодых людей, существенно влияя на выбор их жизненного и профессионального пути. Особое место в ряде исследований профессионального самоопределения молодежи отводится периоду получения среднего профессионального образования, так как значительная часть выпускников уходит затем в иные сферы деятельности. При этом большинство, получая среднее профессиональное образование, не выходит навсегда на рынок труда, а возвращается к образовательной деятельности, связанной уже с другими профессиональными интересами, что создает психологические и учебные трудности, эмоциональный дискомфорт, отсроченное получение профессии.

Один из системообразующих факторов формирования профессионального самоопределения – становление профессиональной идентичности (ПИ), связанное с прохождением периода кризиса выбора и самоисследования, с осознанием личностно значимых целей, ценностей, убеждений и желанием реализовать их в будущем. Нами было проведено исследование 46 студентов 1 курса колледжа «Александровский лицей» в возрасте 17–18 лет, которое позволило выявить индивидуально-личностные особенности, соответствующие различным статусам ПИ. Использовались методики: опросник Кеттелла и метод цветовых метафор, автор И.Л. Соломин, – для изучения индивидуально-личностных особенностей. Для изучения особенностей профессионального само-

определения – опросник Дж. Холланда, методика «Якоря карьеры» Э. Шейна, методика Х. Абельса «Пять фотографий» для изучения структуры Я-концепции, интервью Дж. Марсиа для выявления статуса ПИ.

Анализ данных показал, что у студентов в статусе предрешенной ПИ выражены такие черты, как консерватизм и критичность в принятии нового. Их направленность на предпринимательскую сферу и ориентация на «менеджмент» не подкреплены личностными характеристиками, а связаны только со стремлением добиться определенного авторитетного положения в своем окружении. Кроме того, для данной группы характерно придание существенно большего значения сфере «моя семья» по сравнению с менее значимой для них сферой «знания» и «моя учеба». Для студентов в статусе диффузной ПИ характерны: независимость, безынициативность, упрямство, осторожность, стремление препятствовать и противостоять изменениям.

Одинаковая выраженность направленности на предпринимательскую и артистическую деятельности указывает на неопределенность в формировании профессионального типа данной группы. Для этой группы также наиболее значима сфера жизни «семья» по сравнению со сферами «моя учеба» и «знания». Показатель адекватности выбора существенно ниже, чем у респондентов в статусе достигнутой и предрешенной ПИ. Студенты в статусе моратория ПИ имеют следующие личностные особенности: потребность в самоутверждении, независимость, упрямство, подозрительность, недоверчивость, тревожность и чувство вины, осмотрительность. Наименее выражена базовая потребность в семье, базовая потребность в знаниях выражена выше, чем у респондентов в статусе предрешенной ПИ. Респонденты в статусе мораторий направлены на творческие виды деятельности, но эта направленность не подкреплена их личностными качествами, что может говорить о продолжающемся поиске себя.

Студенты, находящиеся в статусе достигнутой ПИ имеют тенденцию к таким чертам, как сознательность, ответственность, настойчивость, оптимистичность, уравновешенность, умение находить выход из сложных ситуаций, и больше других ориентированы на «менеджмент». В отличие от всех остальных статусов, у них наиболее выражена базовая потребность в знаниях и чаще включаются учебные роли в Я-концепцию. Базовая потребность «семья» и значимая сфера жизни «я – моя семья» имеют более существенное значение, чем для других студентов.

Исследование показало, что формирование достигнутого статуса ПИ связано как с индивидуально-личностными особенностями, так и с

уровнем развития потребностно-мотивационной сферы. Поскольку большой процент студентов на этапе получения среднего профессионального образования находятся в кризисе выбора профессии, их ПИ не сформирована и необходима специальная система мер психологической поддержки профессионального самоопределения, ориентированная на индивидуальные особенности студентов.

Исследование поддержано грантом РГНФ, проект № 10-06-00490а.

М.М. Саакян

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ

В современной психологической науке доказано, что эффективная деятельность руководителя зависит от его личностных качеств – предприимчивости и выбора оптимального метода в управлении (менеджмент). Принято считать, что менеджмент относится к экономической сфере управления, однако он включает в себя не менее важную функцию – управление людьми. С этой целью в статье рассматривается проблема раскрытия личностных качеств эффективной деятельности руководителя.

Исследование 34 руководителей действуюших промышленных предприятий в Армении выявило, что успешную деятельность не всегда можно оценивать по модели психологических критериев. По этой причине были использованы психологические критерии теста Н. Сизанова – «Экспертная оценка деловых и личностных качеств». Благодаря этому тесту выделяются следующие качества личности руководителя: целеустремленность, предприимчивость, самоуверенность (уверенность в себе), требовательность, настойчивость, упорство, уступчивость, зависимость, тактичность, великодушие, милосердие. Каждое качество руководителя среди названных имеет 4 уровня выраженности: D – 0, C – потенциальный, B – перспективное развитие и A – сверхзона. В результате проведения тестирования руководителей по методу Н. Сизанова представлен анализ полученных данных – количественный и качественный.

Данные по этому тесту показали, что кроме негативизма, уступчивости и зависимости все другие качества в основном выражены на уровне A и B, где исследуемая личность является лидером или перспективным лидером. Если показатели направленность, деловитость, предприимчивость, самоуверенность, строгость, тактичность, милосердие находятся на нулевом (отрицательном) уровне, а показатели

негативизм, уступчивость, зависимость – в сверхзоне, то данная личность не может являться лидером и совершенно не соответствует параметрам руководящей должности.

У эффективно действующих руководителей подобные факты не зафиксированы. По тестовому ключу любой лидер или тип руководителя в обязательном порядке должен иметь высокую выраженность качеств в 1-й (направленность) и в 10-й (милосердие) шкалах. Из этого можно сделать заключение, что почти все эффективно действующие предприниматели имеют самые высокие показатели 1-го и 10-го на уровне А и В среди всех остальных. Поэтому попытаемся выразить наличие уровня социальной зрелости у исследуемых формулой УСЗ = (x · 100%) / 150, где x – сумма количества качеств, выбранных из теста со стороны исследуемых. В результате получено, что уровень социальной зрелости: низкий – у 3 %, средний – у 18 %, высокий у 79 %. Как видно, наличие высокого уровня социальной зрелости у эффективно действующих руководителей свидетельствует об их лидерских качествах.

Таким образом, качества эффективно действующих руководителей произвол, компромисс (уступчивость), зависимость находятся на потенциальном уровне (С); целенаправленность и бизнес – в сверхзоне (А); предприимчивость, самостоятельность, требовательность, высокая выраженность психологического такта и милосердия продолжают активно развиваться и принадлежать уровню В. Таким образом, перед современными руководителями стоят серьезные задачи – способность к ускоренному обучению и выработке гибкой стратегии оперативного реагирования, противостояния, поскольку невозможно достичь успешных результатов старыми методами. В прошлом командные словосочетания – нужно вовремя запланировать, реализовать, систематизировать, организовать, контролировать – уходят на задний план, и делается акцент на человеческий фактор, эффективную деятельность и потенциальные возможности личности. При этом заметим, что возможности будущего успеха заложены в любом человеке. Но для этого необходимо познать, раскрыть, развить и совершенствовать эти качества.

Предприимчивый руководитель XXI в. должен обладать не только специальными знаниями, но прежде всего – психологической подготовкой, частью которой являются его личные, личностные и деловые качества. Именно по этой причине мы предлагаем создать специальную бизнес-школу, где можно будет проводить с помощью специалистов целый ряд психологических тренингов и упражнений для форми-

рования и развития соответствующих личностных и деловых качеств у лидеров в той или иной области деятельности.

И.А. Самуйлова, А.Л. Брюкова

ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ ВЕДЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ ПОЛИТИКАМИ РОССИИ

В сложном современном мире переговоры являются одним из главных и разумных средств разрешения различного рода конфликтов. Сегодня большое внимание уделяется национальным особенностям переговорщиков, которые проявляются и влияют на процесс ведения переговоров. Очень много работ написано зарубежными исследователями, которые пытаются дать представление об особенностях различных национальных стилей, начиная с французского и заканчивая японским или арабским. Однако работ по исследованию стиля ведения переговоров в России не столь достаточно.

В 2009–2010 гг. мы провели исследование особенностей психологических компонентов стиля ведения международных переговоров политиков России. Анализировались 88 стенограмм, из них: 19 стенограмм начал встреч Президента России В.В. Путина с представителями зарубежных стран в период с января 2000 по декабрь 2002 г., 22 – начал встреч Президента России Д.А. Медведева с представителями зарубежных стран в период с мая 2008 по март 2010 г., 3 – многосторонних переговоров Президента России В.В. Путина, 5 – многосторонних переговоров Президента России Д.А.Медведева, 19 – пресс-конференций по итогам встреч В.В. Путина, 20 – пресс-конференций по итогам встреч Д.А. Медведева. Общее количество слов в стенограммах встреч с каждой страной, взятое для исследования, оказалось равным необходимому минимуму при проведении анализа политических текстов и составило не менее 5000 слов.

Методы исследования: контент-анализ, интент-анализ и мотивационный. Объективным критерием для отбора зарубежных стран, с представителями которых велись переговоры, послужило непосредственное количество проведенных встреч. В результате были отобраны следующие страны: Бельгия, Германия, Франция, США, Канада, Испания, Корея, Китай, Азербайджан, Таджикистан, Армения, Киргизия, Финляндия, Белоруссия, Польша, Монголия, Молдавия и Израиль, с которыми вел переговоры Президент РФ В.В. Путин; Германия, Франция, США, Италия, Финляндия, Япония, Китай, Корея, Вьетнам,

Азербайджан, Таджикистан, Киргизия, Турция, Пакистан, Перу, Венесуэла, Ангола, Намибия, Армения, Белоруссия, Израиль и Индия, с которыми вел переговоры Президент РФ Д.А. Медведев.

В ходе исследования нашли подтверждение такие психологические особенности стиля ведения международных переговоров в России, как: 1) преобладание достаточно жесткой позиции на первоначальном этапе переговоров; 2) сильное желание «нравиться»; 3) скрытое стремление к первенству; 4) большая роль неформальных отношений; 5) использование данных, статистики, констатация фактов; 6) стремление использовать другую сторону в наших целях, если существует острая проблема, связанная, например, с войной, территориальным вопросом и др.; 7) использование при страхе стратегии избегания (минимальная оценка) или стратегии нападения (много негативных оценок и констатация фактов); 8) при существовании личных отношениях с другой стороной тенденция давать положительную оценку, при этом достаточно часто она носит смелый характер.

В целом полученные результаты показали, что особенный стиль ведения международных переговоров в России действительно существует, но в ходе процесса глобализации и интеграции он приобретает черты транснационального стиля ведения переговоров, когда на первый план выходят не национальные особенности, а ориентация на сотрудничество. Нам представляется, что если российская сторона будет учитывать обнаруженные нами тенденции, то она сможет повысить качество принимаемых решений и проводить международные переговоры с большей эффективностью, для чего, как мы полагаем, имеются все необходимые предпосылки.

Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. (государственный контракт № П2403 от 18 ноября 2009 г.

Е.Б. Саулина

СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ НЕВРОТИЧЕСКИХ ОТКЛОНЕНИЙ У ОДАРЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

Именно в подростковый период складывается отношение к миру, формируются жизненная позиция, стратегия самореализации. Одним из сфокусированных проявлений этих феноменов являются субъект-объектные ориентации. Взаимосвязь ориентационных феноменов и невротических отклонений у подростков на данных момент в психоло-

гии является недостаточно изученной областью. В то время как знание особенностей взаимосвязи ориентационных феноменов (в частности субъект-объектных ориентаций) и развития отклонений невротического плана может быть чрезвычайно полезно при разработке методов профилактической психологической работы с подростками.

В психологической науке упоминаются различные понятия, связанные с ориентационными феноменами: доминанта (А.А. Ухтомский), установка (Л. Ланге, Д.Н. Узнадзе, В.А. Ядов, О.Ф. Потемкин
и др.), направленность личности (С.Л. Рубинштейн, В.Н. Мясищев, Б.Ф. Ломов и др.), ценностные ориентации (Б.Г. Ананьев, Э. Шпрангер, С.С. Бубнова и др.), смысло-жизненные ориентации (Д.А. Леонтьев) и др. Термин «субъект-объектных ориентаций» Е.Ю. Коржова рассматривает как наиболее обобщенный из всех приведенных выше, поскольку он характеризует направление проявления субъектности как наиболее интегративного психического качества человека. Е.Ю. Коржова (2006) предложила модель субъект-объектных ориентаций в жизненных ситуациях и осуществила ее эмпирическую проверку в процессе разработки Опросника жизненных ориентаций. В рамках концепции выделяются два основных типа субъект-объектных ориентаций в жизненных ситуациях: «субъектная» и «объектная». Первичными измерениями субъект-объектных ориентаций являются трансситуационная изменчивость, трансситуационная направленность освоения мира, трансситуационный локус контроля, трансситуационная подвижность.

В ходе исследования, проведенного на интеллектуально одаренных подростках 14–15 лет, были получены следующие выводы: 1) Подростки с «чистыми» типами субъект-объектных ориентаций более предрасположены к различным невротическим отклонениям, чем подростки с ориентациями «Смешанного типа». 2) У подростков с интернальным локусом контроля есть тенденция к более интенсивному проявлению тревоги по клинической шкале, чем у экстернально ориентированных подростков. 3) В ходе исследования нам удалось выявить следующие особенности подростков с различными типами субъект-объектных ориентаций: • подростки типа «преобразователь» доминантны и независимы, им свойственна повышенная внутренняя напряженность. Эта напряженность может проявляться в раздражительности, враждебности, тревоге и депрессивных тенденциях; • подростки-«гармонизаторы» характеризуются повышенной школьной тревожностью и ориентацией на социальное одобрение; • «пользовате-

лям» присущи спокойствие, уверенность в себе. В их жизни присутствует порядок. Предрасположенности к каким-либо невротическим отклонениям у подростков этого типа не обнаружено; • у подростков смешанного типа и типа «потребитель» устойчивых связей с невротическими отклонениями выявлено не было. 4) Таким образом, мы видим, что типы субъект-объектных ориентаций различаются между собой как по личностным особенностям, так и по характеру невротических отклонений. 5) Необходимо отметить, что в данной выборке прослеживается тенденция независимости выраженности субъект-объектных ориентаций от полового признака. 6) Наиболее предрасположенным к невротическим отклонениям оказались подростки-«преобразователи». 7) Также нам удалось выявить взаимосвязь невротических отклонений, характера оценки собственной жизни и ориентационных особенностей у подростков: • для подростков с объектной ориентацией, которым свойственно ощущение себя в качестве объекта действия других людей, обстоятельств, нежелание жизненных изменений, характерна повышенная фобическая тревога; • у подростков, углубленных в свой внутренний мир, есть неудовлетворенность собственной жизнью и склонность к депрессии, интерперсональной сенситивности, обсессивно-компульсивным явлениям и соматическим жалобам; • подростки с внутренним локусом контроля испытывают неудовлетворенность своей жизнью; • подросткам, предпочитающим приспособление к жизненным ситуациям, нежели их преобразование, свойственна повышенная фобическая тревога.

В.К. Сафонов

ПСИХОЛОГ В СПОРТЕ: ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Психология спорта как прикладное направление психологической науки и как практическая сфера деятельности появилась еще в XIX столетии. П. де Кубертен, французский психотерапевт, один из основателей современного олимпийского движения, ему же принадлежит термин «психология спорта» – и это 1896 г. Прошло более ста лет, а в отношении психологии спорта по-прежнему обсуждается вопрос – является ли это самостоятельным направлением науки, что может психология дать практике спорта, кто может / должен быть спортивным психологом.

В вузовской среде психологов, педагогов, психотерапевтов и… математиков, существует мнение, что в спорте психологом может работать любой из них, было бы желание. Достаточно заглянуть в Интернет, чтобы убедиться – таких психологов «пруд пруди». Сотни психологов предлагают свои услуги спортсменам, их родителям, тренерам.

А вот другая позиция в отношении к психологии. В последние десять лет, как спорт получил статус национальной идеи, после очередного провала российских спортсменов в качестве причин этого называют психологию. Приходилось и приходится слышать, что у нас нет спортивных психологов, что лучший психолог – это тренер спортсмена, что психологом может быть врач, массажист, группа поддержки в лице артистов, мэров и просто хороших людей. Складывается впечатление, что каждый пожелавший приложить руку к подготовке спортсмена может смело включиться в это. Работая со спортсменами, преодолевая косность спортивных функционеров, негативизм тренеров, общаясь с позиционирующими себя «психологами спорта», не могу не высказаться о психологии в спорте.

Работа в спорте помогла мне понять и разобраться в применимости научных конструктов психологии к практике работы со спортсменами, убедила в однозначной целесообразности психологического обеспечения и сопровождения их деятельности. Официальное заключение ассоциации психологов спорта (FEPSAC) – 98 % спортсменов не удовлетворены своими спортивными достижениями. И в принципе каждому был бы полезен контакт с психологом. При всех достижениях отечественной практической психологии она делает лишь первые шаги в своем становлении, должны пройти десятилетия, чтобы изменилось отношение в нашем обществе к психологии и психологам, особенно в спорте: легко ли тренеру признать, что психолог может быть полезен в подготовке его спортсмена, а спортсмену набраться смелости и обратиться к психологу. Гораздо проще заявить: «я сам психолог» или «психолог нужен слабакам».

При таком отношении к психологии спорта действительно встают вопросы профессиональности и этики работы психолога в спорте. Мое убеждение – профессиональность спортивного психолога складывается из базового психологического образования, собственного представления о принципах и механизмах функционирования психики человека как целостного образования, о внешних и внутренних факторах спортивной деятельности, обусловливающих выполнение спортивной дея-

тельности. Для этого он должен знать особенности спортивной деятельности, понимать специфику видов спорта, быть самому лично знакомым со спортом, т. е. самому пройти путь спортсмена, познавшего победы и поражения.

Принципиальным считаю вопрос «воздействия» или «содействия» в работе со спортсменом. В моменты спортивного поединка спортсмен один, он сам с собой, и от того, как он справится со своей психикой, полностью зависит реализация функциональной подготовленности. Таким образом, взаимоотношения психолог–спортсмен – это совместная деятельность, а не приказы, указания, советы, не просто рекомендации или консультирование. Вопросы этики работы психолога заключаются в компетентности, соблюдении принципов конфиденциальности, искренности, открытости. Нарушение этих принципов приводит к негативным последствиям. Спортсмен, вступающий в контакт с психологом, изначально опасается разглашения своих трудностей. И чем выше уровень достижений, тем больше выражены эти опасения, тем более он «закрыт».

Из всего сказанного заключаю одно: в спорте должны быть спортивные психологи, их нужно готовить, но и должно произойти изменение отношения к спортсменам у психологов, практикующих в других сферах жизнедеятельности человека.

Н.О. Свешникова

ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СТРАНЕ

Одним из актуальных направлений в политической психологии является исследование представлений о своей стране. В своих работах мы используем развиваемый нами подход к рассмотрению образа государства как сложно структурированного, обусловленного личностными особенностями человека. Научная проблема заключается в использовании междисциплинарного и комплексного подходов, в системной интеграции достижений политической, общей и социальной психологии для диагностирования представления о государстве.

Образ государства выступает как компонент самоидентификации, как ориентир в процессе адаптации и самореализации, как компонент процесса социализации, как важнейшее условие жизненного целеполагания. Образ государства является частью картины мира человека. Человек же, как носитель картины мира, адекватной процессу глобальных изменений, определяет будущее государства.

Современный ракурс исследований носит по большей части социологический характер, или же образ государства превращается в объект имиджевых и PR-технологий. Образ страны мы изучаем во взаимосвязи с особенностями идентичности, характеристиками сферы правосознания, особенностями групповых ценностных ориентаций, актуальными проявлениями черт национального характера.

Важным для описания содержательных характеристик образа страны является влияние территориального фактора, истории региона. Например, нами обнаружены различия по линиям «центр – периферия», «молодой регион – исторический регион», «промышленно развитой регион – ресурсный регион» (добыча ресурсов) и др. Одним из факторов, определяющих особенности образа страны, является принадлежность человека к определенному поколению. Каждое поколение представляет особый культурно-исторический тип, обладающий уникальным опытом. Становление типа личности во многом определяется особенностями политической социализации. Такое понимание позволяет описать специфику идентификационных процессов, политических ценностей и личностных свойств у представителей разных поколений.

В современной России проживает несколько поколений, становление личности которых проходило под влиянием различных политических ситуаций и идеологических систем. В нашем исследовании мы описали личностные особенности представителей трех поколений (молодые, средний возраст и старшее поколение) и их влияние на формирование образа страны. Мы использовали наряду со стандартными психологическими методами авторские разработки выявления особенностей идентификации, представлений о стране и черт национального характера.

Интересным и перспективным, с нашей точки зрения, представляется изучение образа порядочного человека у представителей разных поколений. Это позволит получить дополнительную информацию об особенностях ценностных ориентаций и системы социальных установок, а также тенденций трансформации их под влиянием социально-политических изменений.

Важным направлением наших исследований образа государства является представление о государственной символике. С одной стороны, герб, флаг и гимн являются официальными символами страны, с другой стороны, представление о них тесно связано с особенностями переживания идентичности. Особенно актуален этот аспект образа государства для подрастающего поколения, которое только

входит в активную социальную жизнь современного Российского государства.

Представление о государстве тесно связано с образом политического лидера. Особенно актуально исследование структуры образа лидера у представителей разных поколений и профессиональных групп. Исследование особенностей образа политического лидера ведется нами в двух направлениях: 1) представление о политике и его чертах; 2) особенности образа политика, сквозь призму невербальных характеристик его поведения. Нами разработаны методики исследования образа политика. При этом для анализа использовались видеоматериалы интервью в реальном времени и постановочных интервью, пресс-конференций.

Полученные эмпирические данные позволяют системно описывать образ государства. Представленные подходы ценны не только для политической практики. Они являются основанием для дальнейших методологических разработок.

В.В. Седнев

ОБЩЕНАУЧНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ

Основания, позволяющие осуществить переход от теории к прикладной деятельности психолога, – положения, существующие в действительности и являющиеся относительно невыводимым знанием. К общенаучным основаниям относят независимость, полноту и объективность.

Независимость – теоретическая непредубежденность. Сегодняшняя наука находится в состоянии теоретического и методологического плюрализма (В.Ф. Турчин). Теоретический плюрализм следует рассматривать скорее позитивно (К.Р. Поппер), как диалог подходов-взглядов (В.С. Библер), что дает возможность расширить угол зрения и преодолеть научную предубежденность. Методологический плюрализм является специфическим эквивалентом Д-тезиса (У. Куайн) и заключается в вульгаризации и упрощении ряда методологических принципов, а также в отказе от «неудобных». В практической деятельности необходимо сократить один из них. Сохранение методологического плюрализма приводит к получению результатов сомнительной достоверности.

Более целесообразно сохранение теоретического при условии однозначности методологического подхода. Единый методологический подход в условиях теоретической полифонии приоритетнее для прикладной деятельности психолога. Психолог использует именно ту теоретическую конструкцию, которая наиболее адекватна исследуемой ситуации, если и только если она в самой экономной своей формулировке удовлетворяет имеющимся фактам при облигатном выполнении общенаучных методологических принципов.

Полнота, применительно к психологической деятельности, распадается на взаимосвязанные и взаимообусловленные компоненты: гносеологическая – проведение такого объема исследования, который обеспечивает выделение необходимой и достаточной совокупности признаков для формирования вывода (объяснения); исследовательская – применение всех необходимых методов исследования; теоретическая – рассмотрение объекта исследования, его свойств и отношений со всех теоретически возможных сторон; формальная – изучение и анализ всех доступных диагностике объектов; коммуникативная (изложения) – изложение хода исследования в понятной форме. Объективность психологического исследования и вывода – максимальное отражение действительности в процессе перевода ее в знание.

Направленность познания на установление истины часто приводит к теории корреспонденции (С.В. Илларионов). В практической деятельности имеет место противоречие между классическим типом исследователя и практической невозможностью (В.А. Лекторский) выполнения такой роли. Данное противоречие можно обозначить как парадигмальное.

Фактологическое противоречие заключается в природе предмета психологической диагностики. Суждения об элементах объективной реальности отождествляют с истиной. Отсюда фактом оно становится в случае его признания в этом качестве (О.А. Кочнова).

Однако факты, исследуемые психологом, не однородны, а содержат не менее трех слоев информации: 1) как объект реальности; 2) как результат отражения теоретической концепции психологического метода; 3) как итог интерпретаций конкретного психолога. Происходит замещение реального объекта исследования абстрактным (Д.А. Стебаков). Онтологизация абстрактного объекта приводит к постулированию его априорной реальности. В дальнейшем исследования проводятся с чьим-то представлением о реальном объекте. Это онтологическое противоречие между представлением об исследуемом факте и его действительным содержанием.

Проведенный анализ позволил выявить теоретико-методологические проблемы прикладной реализации оснований независимости, полноты и объективности психологической диагностики.

С.В. Семенова

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РИСУНОЧНЫХ МЕТОДОВ

В настоящее время в практической психологии наблюдается устойчивый интерес к использованию рисуночных методов психологической диагностики. В обосновании проективного подхода в психологической диагностике определяющую роль сыграла психоаналитическая теория, это привело к мысли о том, что проективные методики – прямой и наиболее возможный путь к бессознательному. Удивительно, но проблема теоретического обоснования рисуночных методов не считалась приоритетной, главным было эмпирическое подтверждение их возможностей.

Многолетняя практика подтвердила диагностическую ценность, многоаспектность и богатство содержащейся в проективном рисунке информации, однако и выявила проблемные поля в области использования проективных рисунков. В качестве основных из них можно выделить следующие.

1. Неоднозначность теоретического обоснования проективных методов в различных психологических направлениях и теориях часто сочетается с однозначностью подхода к интерпретации на практике.

2. Отсутствие жесткой связи между психологическими феноменами и формой их проявления, отсюда вытекают многозначность наблюдаемых, фиксируемых признаков рисунка и, соответственно, проблема выбора психологом варианта значения при интерпретации.

3. Интегративность, целостность проявления психики в продукте деятельности: многие характеристики разного уровня (физические, физиологические, психологические) проявляются в «снятом» виде, как результат ряда качественных преобразований.

4. Образность, невербальность выражения определенного психологического содержания (психического свойства, переживания, качества) как при спонтанном рисовании, так и при выполнении рисунков на заданную тему позволяет использовать язык символов, метафор (а подчас и требует этого), расшифровка которых имеет множество степеней свободы. Проблема выбора адекватного значения признаков рисунка осложняется рядом обстоятельств: наличие коллективного бессознательного и общепринятой символики, возможность проявления индивидуальной символики, влияние социокультурных и этнических особенностей и т. д.

5. Рисунок – это результат своеобразного взаимодействия личности с задачей, отсюда вытекает закономерный вопрос, как влияет содержание поставленной перед обследуемым человеком задачи на результат (рисунок). Характеристики субъекта преломляются через смысловое содержание изображаемого объекта, имеющего личностный смысл и вызывающего определенные переживания. Использование тематических рисунков задает некие достаточно условные рамки для обследуемого, но, тем не менее, не позволяет дать четкого ответа на ряд вопросов, что актуализируется при выполнении тематического рисунка, какие психологические особенности более явно проявляются в каждом из используемых в проективной диагностике рисунке: рисунке человека, дерева, несуществующего животного и других.

6. Надежность, т. е. устойчивость результатов во времени (при повторном тестировании) – это один из психометрических критериев оценки психологических методов исследования, использование которого по отношению к проективным методам весьма проблематично.

Анализ литературных данных показывает, что проективный рисунок чаще используется для выявления динамики состояния, переживаний, отношения. Соответственно, правомерен вопрос, можно ли на основании анализа рисунка дифференцировать устойчивые и динамичные (ситуативные) особенности личности. Все перечисленные выше проблемы еще ждут своего решения.

С.Ф. Сергеев

СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ: БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ

Классическая методология современной практической психологии реализована главным образом на здравом смысле. В ней традиционно рассматриваются внутренний и внешний миры человека. Считается, что между ними происходит обмен информацией и знаниями, обеспечивающий жизнедеятельность человека.

Внешний мир рассматривается как некоторая враждебная человеку физическая среда, включающая механизмы адаптации человека. Традиционное физическое понятие «среда» не учитывает специфику процессов самоорганизации, возникающих и протекающих во внутреннем плане психики человека в процессе решения им жизненных, учебных и/или профессиональных задач. В результате психолог-практик не понимает, как связаны с наблюдаемым поведением челове-

ка свойства его окружения и продуцируемые им интерпретации своего состояния.

Алгоритмические когнитивные модели, традиционно используемые психологами при описании поведения человека, некорректны и малопродуктивны при серьезных различиях внутренних миров психолога и его реципиента. Они не понимают друг друга в силу различия конструирующих и конституирующих их миры индивидуальных логик. Особенно это проявляется в психотерапевтических и консультационных практиках.

Вместе с тем в современной науке накоплен большой объем данных, свидетельствующий о специфике работы человека как социобиологического существа, реализующего себя и действующего в обществе как автономная аутопоэтическая система. Возникла конструктивистская или синергетическая парадигма практической психологии. Она основана на философии радикального конструктивизма (П. Ватцлавик, Э. фон Глазерсфельд, К. Дж. Джерджен, Н. Луман, С. Шмидт) и идеях междисциплинарности и самоорганизации (И. Пригожин и Г. Хакен). Междисциплинарность предполагает взаимосогласованное использование образов, представлений, методов и моделей различных дисциплин при решении задач практической психологии.

В качестве общеметодологических научных оснований синергетического подхода используются положения современной теории систем, биологии, физиологии, когнитивной и педагогической психологии, в которых отражено представление о человеке как о самоорганизующейся системе, действующей в средах. При этом среда: 1) является продуктом конструирующей деятельности психики человека; 2) отражает феномен динамической целостности цепей отношений человека с физической и социальной реальностью; 3) выступает перед субъектом одновременно в виде субъективной реальности и как внешняя предметная, объективная структура мира; 4) обучающая среда возникает всегда как динамический процесс формирования сети отношений в субъекте обучения, в который избирательно вовлекаются самые разнообразные элементы внешнего и/или внутреннего окружения с целью обеспечения: аутопоэзиса организма, стабильности личности и непрерывности ее истории.

Понятие «знание» в синергетическом представлении отличается от традиционного: 1) оно не может быть извлечено из человека, его нельзя передать непосредственно другим людям; 2) знание зарождается и развивается вместе с человеком, совершенствуясь в процессе жизни, приобретая свойства, учитывающие опыт субъекта; 3) знание не

обладает материальной формой, оно носит черты социального конструкта, отражаемого в интерпретациях, порождаемых и разделяемых членами общества; 4) знание возникает в процессе коммуникативной деятельности человека.

На базе конструктивистских представлений предложена теория средоориентированного обучения. В ней обучающая среда является динамическим системным самоорганизующимся психологическим конструктом, обладающим свойствами: иммерсивность; присутствие; интерактивность; внесубъектная пространственная локализация; избыточность; наблюдаемость; доступность когнитивному опыту (конструируемость); насыщенность; пластичность; целостность; мотивогенность, проявляющимися в форме активного обучения.

Внедрение идей самоорганизации в практическую психологию позволяет расширить возможности последней в силу усложнения и обогащения ее концептуального аппарата.

А.С. Сергеева

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ДИСКУРСА

Исследования организационного дискурса являются одним из направлений организационных исследований, придерживающихся многоуровневого подхода к анализу функционирования организаций, включая то, как отдельные люди и группы взаимодействуют между собой внутри организации. Само понятие об организационном дискурсе заключает в себе представление об организации как о некоем пространстве формирования значений и смыслов, а анализ организационного дискурса, в таком случае, преследует цели раскрытия взаимосвязей между ежедневным общением людей в организации и тем, как это общение отражает внутреннюю структуру организации, ее идеологию, ценности и цели.

Следует отметить, что если мы говорим об организационном дискурсе, речь идет не только об использовании языка внутри организации, но также о моделях действий и взаимодействий, принятых внутри организации (R. Iedema 2003). Согласно Т. Киною и К. Освику (T. Keenoy, C. Oswick, 2004) существуют две основные эпистемологические позиции, в рамках которых изучаются дискурсы организации. Первая из них принадлежит модернистской традиции и, по мнению Ф. Барджиэлы-Чапинни, означает понимание организаций как моноло-

гических и диалогических сущностей. Вторая позиция включает в себя интерпретационные подходы, рассматривающие дискурс как создающий некую социальную и организационную реальность, и фокусируется на том, чтобы определить глубинные процессы и структуры, которые заставляют участников действовать тем или иным образом (L. Heracleos, 2006).

Мамби и Клэр выделяют два основных направления в области исследования организационного дискурса (D. Mumby, R. Clair, 1997). Первое из них базируется на так называемом культурном или интерпретативном подходе. По мнению авторов, он сосредоточивается на том, каким способом дискурсивные практики членов организации содействуют трансляции организационного дискурса. Главной целью таких исследований является демонстрация связей между разделяемыми нормами и ценностями членов организации, с одной стороны, и значениями, выражаемыми этими нормами, – с другой. Второе направление – это критический подход к организационному дискурсу, базирующийся, в основном, на традиции критического дискурс-анализа, разрабатываемого Т. Ван Дейком, Н. Феркло и др. Согласно критическому подходу к анализу дискурса, объектом интереса исследователя становятся идеология организации, а также диалектическая борьба между распространением и сопротивлением власти в организации. Исследователи, работающие в рамках данного подхода, рассматривают организацию как «поле битвы», на котором отдельные социальные группы пытаются изменить в своих интересах социальную реальность организации. Более могущественные группы внутри организации (обладающие экономическими и властными ресурсами) обыкновенно обладают большей силой воздействия и вследствие этого могут навязывать свои дискурсы более слабым группам, таким образом легитимизируя свою власть в организации (D. Mumby, 2004).

Еще одним любопытным подходом к анализу организационного дискурса является подход Д. Боже, который предлагает рассматривать организацию через нарративы (в данном случае – через истории, рассказываемые членами организации о различных аспектах своей работы, своем месте в организации и т. д.). Организация, по мнению автора, это система совместно рассказанных историй, и анализ этих историй способен пролить свет на прошлое, настоящее и будущее организации в представлениях ее сотрудников, на то, какова организация, и на то, какой ей следовало бы быть (Boje, 1995).

В заключение следует отметить, что, несмотря на различия в подходах и инструментарии, используемых для анализа дискурсивных

практик, можно выделить некоторые общие черты, присущие большинству направлений современного анализа организационного дискурса: 1) организация как таковая или процессы, происходящие внутри нее, рассматриваются как имеющие в большей или меньшей степени дискурсную природу; 2) возникающие в организации дискурсы создаются, поддерживаются и транслируются ее членами не только в процессах внутри, но и вне организационной коммуникации; 3) исследования организационного дискурса направлены на раскрытие и переосмысление существующих в организации дискурсных практик; это позволяет лучше понимать, каким образом возможно их переструктурирование, например, для внедрения инноваций в организации.

О.А. Сивуда

ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ В ЗАКЛЮЧЕНИИ

Временная компетентность – это способность определять время, ориентироваться и структурировать свою деятельность во времени. В нашем исследовании была предпринята попытка исследования особенностей временной компетентности лиц, отбывающих заключение. В предлагаемом исследовании было задействовано изучение таких аспектов временной компетентности, как картина настоящего и представления о будущем. Для этого были использованы проективные методики «Нарисую свое настоящее» и «Нарисуй свое будущее». Данные методики были предложены лицам, находящимся в исправительной колонии усиленного режима. Общее число участвующих в исследовании – 31 человек, из которых 25 мужчин и 6 женщин. В 5 случаях был отказ от рисования настоящего, в 3 случаях – будущего.

Основным сюжетом настоящего стало изображение решетки и камеры (80 %). Подобная картина является вполне адекватной ситуации. Однако более чем в 50 % случаев на рисунке отсутствует сам автор. Если же автор есть, то он присутствует либо частично (изображение только головы), либо полностью, но повернувшимся спиной к смотрящему на рисунок. Это дает возможность сделать предположение о непризнании факта своего нахождения в колонии. Также можно отметить отображение проявления таких эмоциональных состояний, как страх, депрессия, агрессивное состояние, что соответствует описаниям эмоциональных переживаний заключенных, встречающимся в литературных источниках.

Что касается изображения своего будущего, то здесь чаще всего изображаются дом и, в некоторых случаях, приусадебный участок (в 40 % от всех рисунков). Как на рисунках своего настоящего, более чем в половине случаев отсутствует изображение себя. Еще одна значительная категория (32 %) – это изображение себя на дорогих курортах, находящимся в высоком социальном статусе, управляющим престижными автомобилями и т. д. В реальности большинство авторов имеют только среднее образование, назначенные им сроки пребывания в колонии составляют от 5 до 10 лет. Таким образом, можно говорить о некоторой неадекватности ожиданий от будущего.

Подводя итоги, можно предположить о следующих проблемах, встречающихся у лиц, отбывающих заключение. Это отрицание своего местонахождения, переживание сильных негативных эмоций в связи с пребыванием в исправительной колонии, размытое представление о себе в будущем и неадекватно завышенные ожидания от своей будущей жизни.

Как представляется, полученные данные могут обозначить основные линии психологической работы по адаптации к заключению, а затем к освобождению.

В.В. Слугин

ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ МИНИМУМ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ЛИЧНОСТИ

Для педагогов и психологов школ довольно важным, а порой и важнейшим, является процесс личностного формирования учащихся. Классные руководители и психологи, в первую очередь озабочены психологическим состоянием учащегося, направлением динамики его личности как субъекта собственной жизни. Каков учащийся как формирующийся член общества? Каков он с точки зрения его подлинно человеческих качеств – сознания, отношения к миру, обществу, людям, своей стране, культуре и т. д. Иными словами, в практике повседневной профессиональной деятельности педагогов и психологов оказывается очень важным знание подлинного психологического портрета личности учащегося, так как знание им нравственных и культурных норм еще не означает их исполнение.

Возникает серьезная проблема – как имеющимися диагностическими средствами определять психологический портрет личности учащегося. Можно ли вообще это сделать имеющимся в распоряже-

нии практической психологии инструментарием? И, наконец, какие качества личности должна включать в себя модель психологического портрета?

Для теоретического обоснования решения поставленной проблемы нами была выбрана теоретическая модель психологической структуры личности С.Л. Рубинштейна. Наш выбор был обусловлен следующими обстоятельствами: 1) модель компактна и включает в себя известные и понятные педагогам психические свойства личности, что делает возможным ее применение на практике; 2) модель имеет четкую логику – каждый последующий компонент вытекает из предыдущего. Начало при этом (или основу) структуры составляет общепризнанный в психологической науке и практике центральный стержневой компонент – направленность; 3) структура личности по С.Л. Рубинштейну представляет собой четкий исследовательский алгоритм, который следует применять при исследовании личности, а компоненты модели могут рассматриваться в качестве стержневых качеств психологического портрета личности. Согласно приведенным обстоятельствам и должен компоноваться, подбираться диагностический модуль.

Прежде всего психологи стремятся обеспечить достоверность получаемых данных. С этой целью нами выбран тест Айзенка, который содержит шкалу социальной желательности (или шкалу лжи) и имеет детскую и взрослую модификации. В случае достоверности получаемых данных (по шкале социальной желательности) можно переходить к методике «Направленность личности», выявляющей направленность испытуемого на «себя», на «дело», на «общение». Данный тест можно заменить любым другим, предназначенным для диагностики направленности. В случае недостоверности по шкале лжи следует ограничить диагностику лишь проективными, например рисуночными, тестами и, в целом, сделать вывод о том, что самосознание испытуемого еще не соответствует тому уровню развития, который предполагает рефлексивное поведение. Третьим тестом мы предлагаем применять проективный рисуночный тест ТИГР, который позволяет получить косвенные данные об определенных качествах личности и склонностях испытуемого. Три приведенные методики могут представлять собой процедуру одного диагностического сеанса.

Следующий этап диагностики можно проводить через несколько дней, в случае необходимости и с учетом состояния испытуемого, а также и его возраста – и на следующий день. Начинать этап следует с сокращенного варианта теста MMPI, так как он содержит шкалу до-

стоверности. Таким образом, мы вновь контролируем качество получаемой информации. Вместе с тем данный тест позволяет получить нам информацию о возможных акцентуациях характера или о степени выраженности у испытуемого определенных качеств, выделяемых при оценке психического здоровья личности.

Следующим тестом мы предлагаем использовать тест Т. Лири, выявляющий выраженность качеств личности по векторам «кооперация – конкуренция», «подчинение – доминирование». Данные этого теста сопоставляются с данными проективного теста ТИГР. Выявленные сходные аналогичные показатели можно, по нашему мнению, считать присущими испытуемому. Следующий тест – «Самооценка». Данные этого теста также сопоставляются нами с данными всех предыдущих тестов.

Третий, завершающий этап диагностического исследования включает в себя два теста – «Конструктивность мотивации» и тест «Томаса». Оба теста выявляют субъективный образ собственного поведения в конфликте и ведущие мотивации – «мотивацию отношения» и «мотивацию достижения».

С.Е. Смирнова

ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Старший школьный возраст – период создания жизненных планов, перспектив, представлений о будущем. Профессиональное самоопределение – это внутренняя работа личности по осознанию себя и созданию активной позиции относительно будущего. Сложность выбора профессии заключается в большом количестве предлагаемых жизнью профессиональных альтернатив. В этом смысле профильная подготовка старшеклассников призвана снизить напряжение посредством сужения зоны выбора профессии. Однако исследования некоторых авторов (Л.И. Божович, М.П. Пикельникова, И.С. Артюхова) подтверждают факт неготовности старших подростков к принятию ответственного решения о будущей профессии. Поэтому важно, чтобы на этапе выбора профиля старшеклассники имели возможность получить поддержку педагогов и психологов.

Целью психолого-педагогической поддержки, организуемой в образовательных учреждениях, является помощь в принятии решения о выборе профиля. Вывод о подходящем для девятиклассника направле-

нии деятельности строится на основе процедур личностной диагностики. Основными линиями диагностики старшеклассников являются: 1) выявление личностных особенностей школьника; 2) прояснение интересов и склонностей старшеклассника. Психологическая диагностика в русле поддержки профессионального самоопределения начинается с раскрытия ценностных ориентаций личности. Обретая ценностные предпочтения в процессе взаимодействия с социальным окружением, юноши и девушки осознают их и формируют на основе доминирующих мотивов личностные перспективы. Психологу важно создать вместе с клиентом систему его ценностей и смыслов, позволяющих определиться в личностных и профессиональных пристрастиях.

Для диагностики ценностной сферы клиента в своей работе мы используем методику «Ценностные ориентации» М. Рокича, основанную на прямом ранжировании списка ценностей. Результаты теста позволяют составить представление об особенностях индивидуальной системы ценностных ориентаций личности. Существенным элементом механизма профессионального самоопределения личности является ее самооценка. Отношение человека к себе, по мнению Б.Г. Ананьева, завершает структуру характера, выполняя функцию регулирования и контроля развития. Методика С.А. Будасси позволяет проводить количественное исследование самооценки личности. В основе методики лежит способ ранжирования личностных качеств с точки зрения принадлежности их идеальному и реальному «Я».

Важным направлением диагностической деятельности психолога является изучение склонностей и интересов девятиклассников. Для их диагностики мы используем методику «дифференциально-диагностический опросник» Е.А. Климова, методику «Карта интересов» А. Голомштока, методику Дж. Холланда (изучение профессиональной направленности личности). Каждый старшеклассник имеет возможность пройти on-line тестирование на сайте Центра тестирования МГУ «Гуманитарные технологии». Авторы предлагают тест «Профориентатор» в двух версиях – личностный блок и блок «Интересы». По окончании тестирования выдается список наиболее подходящих респонденту профессий на основе анализа личностных качеств или интересов к различным областям профессиональной деятельности.

Привлечение информационных технологий позволяет нам разнообразить формы диагностической работы со старшеклассниками. Учебные и познавательные интересы учащихся 8–9-х классов, а иногда и старших школьников, неустойчивы. Поэтому очень важен процесс длительного наблюдения за развитием ребенка, трансформацией его

мотиваций, интересов, накоплением собственного опыта. Самодиагностика личности реализуется нами при использовании в группе школьников активизирующих профконсультационных опросников и игр (Н.С. Пряжников), направленных на повышение уровня осознанности профессионального выбора. Устный (интервью, беседа) и письменный (анкетирование) опрос учащихся, их родителей, классного руководителя, учителей-предметников позволяет дополнить картину индивидуально-психологических особенностей подростка.

Психолого-педагогическая диагностика личности школьника способствует формированию стремления к самостоятельному осознанному выбору профиля обучения и будущей профессии с учетом полученных с помощью психолога знаний о своих особенностях и перспективах их развития. Задача психолого-педагогических служб заключается в обеспечении комплексного и пролонгированного подхода к личности старшеклассника, создании условий для реализации процесса его самоопределения.

М.И. Смирнова

ПРЕОДОЛЕНИЕ СОЗАВИСИМОСТИ В ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Понятие «родительское отношение» имеет наиболее общий характер и указывает на взаимную связь и взаимозависимость родителя и ребенка. Наиболее активно проблема связи стилей воспитания, нарушений родительского отношения и отклонений в психическом развитии детей исследуется с клинико-психологических позиций.

Нами было проведено комплексное клинико-психологическое исследование матерей, имеющих детей с нарушениями в развитии с целью оценки родительско-детского контакта с точки зрения его оптимальности. В исследовании стилей родительского отношения использовались методика диагностики родительского отношения А.Я. Варги, В.В. Столина, методика PARI Р.С. Шефера и Р.К. Белла, семейная социограмма Э.Г. Эйдемиллера, О.В. Черемисина.

Для решения поставленных задач были обследованы 38 матерей, имеющих детей с расстройствами поведения (F91 Расстройства социального поведения, F92 Смешанные расстройства социального поведения и эмоций), а также 25 матерей, имеющих детей с ранним детским аутизмом F84 в возрасте от 9 до 12 лет. Контрольная группа состояла из 58 матерей, имеющих здоровых детей в возрасте от 9 до 12

лет, учащихся общеобразовательных школ. Сравнительный анализ стилей родительского отношения показал, что преобладающим стилем отношения у матерей здоровых детей является инфантильно-симбиотический, у матерей детей с расстройствами поведения F91, F92 – инфантильно-отвергающий. Выявлены достоверные различия в отношениях по типу эмоционального отвержения ($p < 0,01$) и социальной желательности ($p < 0,05$) в обеих группах.

Сравнительный анализ стилей родительского отношения в группах матерей здоровых детей и матерей детей с ранним детским аутизмом F84 выявил достоверные различия по показателям эмоциональное отвержение ($t = – 8,45$; $p < 0,001$) и авторитаризм ($t = – 3,48$; $p < 0,001$). Родители здоровых детей стремятся оградить своих эмоционально-незрелых, пока не сформировавшихся как личность детей от трудностей и неприятностей жизни. Родители стремятся помогать своим детям в решении проблем, принимают ребенка, тепло относятся к нему, осознают и несут ответственность за него, стимулируют развитие душевных сил ребенка. Родители детей с нарушениями в развитии испытывают к своим детям эмоциональное отвержение, раздражение, досаду.

В структуре родительского отношения наблюдаются две составляющие: стремление родителей к симбиотическим отношениям с ребенком и эмоциональное отвержение его, что в значительной степени дисгармонирует личность ребенка, усиливает психическую дезадаптацию. Матери, имеющие детей с расстройствами поведения, приписывают ребенку дурные наклонности, низко оценивают его способности, не стремятся к раскрытию его личности. Родители не хотят нести ответственность за воспитание своего ребенка, в отдельных случаях такое неприятие ребенка проявляется в желании родителей поместить ребенка в интернат, психиатрическую больницу или отправить его к родственникам «на воспитание». Преобладание эмоционального отвержения в родительском отношении к ребенку с ранним детским аутизмом обусловлено особенностями нарушений ребенка: как показывают данные наблюдения, дети с аутизмом во многих случаях неадекватно реагируют на эмоциональные проявления родителей, демонстрируя отказ от контакта.

В группе матерей детей с ранним детским аутизмом слабо развиты компоненты, составляющие оптимальный эмоциональный контакт. Выполнение родительских обязанностей сопровождается повышенной раздражительностью и чувством их обременительности. Выявлено искаженное родительское отношение к ребенку у матерей, воспитывающих детей с аутизмом: с одной стороны, матери стремятся к демо-

кратичности, побуждению ребенка к словесным проявлениям, с другой – у них отмечается стремление к доминированию в отношениях с ребенком, подавление его агрессивности, стремление ускорить развитие ребенка без попытки понимания его внутреннего мира, эмоциональных переживаний.

Такие стили родительского отношения, как социальная желательность и симбиоз, ведут к росту адаптации детей с расстройствами поведения к своему социальному окружению, способствуют более конструктивному и рациональному поведению в конфликтных ситуациях, снижают уровень напряженности и доминирования, повышают контроль поведения у детей. Для успешной адаптации ребенка с ранним детским аутизмом его матери недостаточно иметь эмоциональный контакт в рамках средней статистической нормы, такой контакт должен быть более глубоким.

Е.А. Смирнова, С.Н. Костромина

БЛИЖНЯЯ И ДАЛЬНЯЯ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДОШКОЛЬНИКА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РОДИТЕЛЯ

Сегодня родители заранее задумываются о будущем своего ребенка, начиная от выбора школы, учителя, заканчивая подготовительными курсами. Активно формируют представление о том, что необходимо для развития ребенка в первую очередь, а что – во вторую. Постановка целей, их приоритетности на ближайшее будущее со стороны родителей можно назвать выстраиванием временной перспективы развития ребенка.

В нашем понимании временная перспектива – план действий, ряд стратегических задач, распределенных во времени, имеющих начальную и конечную точки развития (ближняя и дальняя). Ближняя перспектива – ближайшее будущее, связанное с реализацией актуальных на сегодня задач развития ребенка. Сюда можно отнести новую социальную роль (школьник), изучение и применение способов взаимодействия со сверстниками, приобретение навыков письма, чтения, счета, умение придерживаться режима. Выбор школы, учителя, программы обучения, мотивация дошкольника, регулярные разговоры о его новой социальной роли – факторы, сопутствующие реализации ближайших жизненных планов. Дальняя перспектива – это решение задач, отсроченных во времени и определяющих стратегическую линию развития, выбор условий социализации, конечную постановку целей профессио-

нального развития, формирование жизненных планов. Это жизненные сценарии: кем станет ребенок по завершении обучения в школе, какой профессиональный функционал будет выполнять, как будет выстраивать свои дальнейшие шаги по достижении профессионального роста. Такая пошаговая проработка – стратегия – и есть дальняя перспектива развития дошкольника. То есть временная перспектива определяет периоды категории времени и их границы в пространстве.

На наш взгляд, начальной точкой ближней и дальней перспектив развития является настоящее время. Конечная точка разнится: у ближней перспективы – это ближайшее будущее, границу завершения дальней перспективы развития определить сложно, так как она растянута во времени и зависит от периода взросления ребенка. Нами было проведено исследование по трем методикам, позволяющим выявить представления родителей о ближней и дальней перспективе развития их ребенка. Исследование проводилось на базе детского сада № 24 Петроградского района Санкт-Петербурга, включало 40 респондентов (родителей).

По первой методике – многофакторной шкале для измерения отношения к настоящему и будущему К. Ван Калстера были получены следующие результаты. В целом у родителей можно отметить хорошо сформированное представление о настоящем ребенка-дошкольника, но при этом у большинства нет конкретики в отношении к будущему ребенка. К понятию «настоящее» они отнесли следующие характеристики: определенное, упорядоченное, структурированное, полезное. К понятию «будущее» – интересное, далекое, отсроченное, проблематичное, неопределенное, бесконфликтное, навязанное извне.

По второй методике – «Оценивание пятилетий жизни» (Е. Головаха, А. Кроника), адаптированной под цели исследования, было выявлено, что у 55 % родителей представления о будущем своего ребенка (во временной перспективе от 6 до 17 лет) насыщены разнообразными событиями: окончание детского сада, выбор учебного заведения, учителя, начало обучения в школе. В среднем коэффициент насыщенности событиями составил 6,5 (10 – максимальное значение). Интересно, что коэффициент насыщенности в период непосредственного обучения в школе несколько снижается (5,4) и вновь увеличивается (9,2) на момент окончания школы, что, вероятнее всего, связано с задачей выбора высшего учебного заведения и поступлением.

По третьей методике – «Рисунок реки жизни ребенка» были получены следующие результаты: большая часть респондентов достаточно четко и ярко представляют настоящее ребенка, о чем свидетельствует

прорисовка дополнительных объектов основного рисунка. При этом достаточно сумбурно прорисовано будущее. Практически во всех рисунках направление течения реки устремлено в будущее – слева направо, т. е. родители осознают течение жизни и развитие вперед своего ребенка, но пока еще плохо могут себе представить его детализацию. В большинстве рисунков имеется штриховка, что говорит о наличии некоторой тревожности по отношению будущего. Возможно, это связано с предстоящим окончанием детского сада и поступлением в школу.

Таким образом, родители четко представляют настоящее ребенка в его максимальной насыщенности и событийности, что нельзя сказать о будущем: оно недостаточно четко представлено по отношению к временной перспективе развития ребенка.

Е.В. Снегова

СТАРТОВЫЙ КРИЗИС КАРЬЕРЫ КАК ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Поиск новых адекватных нынешней ситуации подходов и программ по оказанию психологической помощи молодежи в сфере карьерного консультирования обусловливает необходимость изучения стартового кризиса профессиональной карьеры и психологических факторов, связанных с увеличением вероятности его возникновения. Под кризисом профессиональной карьеры мы понимаем пространственно-временную, когнитивную, эмоциональную и конативную, внутренне или внешне обусловленную дезинтеграцию личности, вызванную противоречиями в ситуации ее профессионального самоопределения и развития. Стартовый кризис карьеры – это кризис начального этапа профессионального самоопределения.

В нашем исследовании, целью которого было изучение особенностей стартового кризиса профессиональной карьеры и психологических факторов, связанных с увеличением вероятности его возникновения, принимали участие школьники, студенты, молодые специалисты, в количестве 293 человек. В ходе анализа полученных результатов выявлен устойчивый симптомокомплекс стартового кризиса профессиональной карьеры, включающий показатели наличия: остро негативной оценки настоящего жизненного периода; остро отрицательного отношения к профессиональному будущему; серьезных трудностей в выборе жизненного пути; высокой степени беспокойств, связанных с

чувством одиночества и раскаянием по поводу прошлых решений. Кроме того, обнаружено, что переживание стартового кризиса профессиональной карьеры критической осознаваемой фазы наличествует у 15,3 % молодых людей, а у 34,1 % респондентов наблюдается переживание карьерного кризиса предкритической, неосознаваемой фазы.

Установлены субъективные и объективные факторы, связанные с увеличением вероятности возникновения стартового кризиса карьеры. К субъективным факторам относятся: низкий уровень адаптационного потенциала; наличие в структуре эмоциональной сферы высокой интенсивности экзистенциальных переживаний, переживаний своей неполноценности; наличие негативного отношения к себе, родителям, к профессиональному будущему, к выбранной профессии; наличие в системе ценностей «стремления к внешней гармонии в ущерб внутренней гармонии» и наличие выраженности карьерной ориентации «стабильность места работы». К объективным факторам относятся: принадлежность женскому полу; постоянная критика и придирчивость со стороны родителей в детстве; наличие брака, влияния друзей и супруга на профессиональное самоопределение, влияние общественно-политических изменений в стране.

В соответствии с анализом полученных результатов проведенного исследования нами были разработаны следующие рекомендации: 1. Начальный этап любой профессионально-карьерной консультации должен сопровождаться мероприятиями, позволяющими определять степень интенсивности переживаний, инициируемых проблемами в профессиональной сфере деятельности, в том числе с целью выявления кризиса карьеры, для обнаружения которого необходимо использовать комплекс психологических методов, дающих возможность диагностировать как осознаваемую, так и неосознаваемую фазы развития данного состояния. 2. Решение психологических проблем профконсультантами необходимо осуществлять с учетом психологических факторов, связанных с проблемами в сфере профессионального самоопределения и развития. Важно учитывать: социально-профессиональную личностную позицию, ценностные и карьерные ориентации, уровень адаптационного потенциала; особенности эмоциональной сферы личности; жизненные обстоятельства, сопровождающие выбор профессионального пути, а также вероятность деструктивного влияния ближнего окружения личности на процесс ее профессионального самоопределения. 3. В программы психологического профессионально-карьерного сопровождения молодежи должны быть включены новейшие развивающие психотехнологии, отвечающие требованиям совре-

менных социально-экономических и культурно-исторических условий. 4. В целях профилактики или конструктивного преодоления уже имеющихся трудностей, связанных с профессиональной самореализацией, необходимо разрабатывать современные тренинги профессионального самоопределения и карьерного развития.

Е.В. Снегова, О.Ю. Григорьева

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ ПРОТИВ ТАБАКОКУРЕНИЯ

Недостаток работ, посвященных изучению психологических аспектов создания и оценки социальной рекламы, формирует необходимость исследования проблемы ее психологической эффективности. В связи с этим целью нашего исследования стала психологическая оценка эффективности воздействия социальной рекламы против табакокурения на женскую молодежную аудиторию. Социальная реклама была представлена двумя рекламными продуктами: наружной рекламой № 1 с визуальным образом, демонстрирующим позитивные последствия отказа от курения, и наружной рекламой № 2 с визуальным образом, показывающим негативные последствия курения. В исследовании принимали участие 36 студенток гуманитарного вуза в возрасте от 19 до 24 лет (20 некурящих и 16 курящих женщин).

С целью реализации психологической оценки рекламных продуктов применялись следующие методы: групповая экспертная оценка (10 экспертов), пятиранговая шкала эффективности рекламы, метод семантического дифференциала, анкетный опрос. Рассмотрение результатов, полученных посредством экспертной оценки, позволило установить, что эффективность рекламы № 1 имеет средневысокий уровень (62 %), а реклама № 2 имеет средний уровень эффективности (49 %). Кроме того, в ходе анализа данных пятиранговой шкалы эффективности рекламы обнаружено, что все показатели когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов воздействия рекламы № 1 имеют высокие значения, тогда как у рекламы № 2 высокими являются только показатели когнитивного компонента рекламного воздействия.

Вместе с тем, анализ данных, полученных с использованием семантического дифференциала, выявил более позитивное отношение к рекламе с визуальным образом, демонстрирующим положительные последствия отказа от курения (№ 1), ее респонденты видят: красивой, яркой, привлекательной, приятной, но также глупой и малоинформа-

тивной. В свою очередь реклама с визуальным образом, показывающим негативные последствия курения (№ 2), представляется безобразной, жестокой, пессимистичной, заставляющей, отвратительной и неприятной, но также умной и направляющей.

Наряду с этим обнаружены значимые различия в особенностях восприятия рекламных продуктов курящих и некурящих женщин. Так, респондентки, не имеющие зависимость от табакокурения, проявили одинаковый интерес к обеим рекламам. В то время как девушки, имеющие зависимость от табакокурения, в большей степени проявили интерес к рекламе № 2, демонстрирующей негативные последствия от курения. Таким образом, изложенное выше позволяет сделать вывод о необходимости создания социальной рекламы против табакокурения отдельно с целью профилактики зависимости и отдельно для борьбы с ней.

И.А. Соина

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ

Как известно, «личность человека создают ценностные ориентации, которые складываются в его жизненном опыте и которые он проецирует на свое будущее», уверяет В.С. Мухина (1999). Б.С. Круглов же считает их важнейшими психологическими механизмами, формирующими взаимоотношения индивидов с социальными условиями жизнедеятельности. А.Г. Кузнецов и Л.В. Радина ценностные ориентации рассматривают в качестве связующего звена между объективной социальной средой и индивидуальным сознанием человека с одной стороны, а с другой – между его сознанием, деятельностью и поведением.

Разнообразие трактовок лишь демонстрирует не проходящий интерес в науке к изучению ценностных ориентаций. Сформированная система ценностных ориентаций личности имеет многоуровневую структуру, вершина которой – ценности, связанные с идеалами, жизненными целями. В то же время, в соответствии с пониманием их природы, ценности, составляющие структуру, разделяют на две основные группы: ценности-цели (терминальные) и ценности-средства (инструментальные). Важнейшими, по общему утверждению, являются терминальные ценности, как основные цели человека, они отражают долговременную жизненную перспективу. Личность предпочитает в качестве приоритетных либо цели, либо средства.

В исследовании, проведенном на старшеклассниках (Т.В. Дробышева, И.А. Соина, 2004), выявлено, что в выпускных классах средних школ у части юношей приоритетными оказались ценности-средства (инструментальные), в то время как у девушек, как правило, доминировали ценности-цели (терминальные). Возможно, «ведущие средства, – по словам В.А. Ядова, – вполне могут восприниматься субъектом как цель сама по себе» (1979), либо разные субъекты (индивиды, социальные группы) в одном и том же предмете природы или социальной действительности могут усматривать разное.

Дальнейшая работа с методикой «Ценностные ориентации» М. Рокича показала, что еще одна трудность состоит в различных механизмах выбора той или иной ценности. Так, для человека может быть значима ценность, характерная для него, или, напротив, для него нехарактерная, но присутствующая в числе доминирующих в системе ценностей значимых или психологически близких других. Такая ценность-цель или ценность-средство (качество личности) становится либо особенно важной, формируемой, развиваемой в данное время, либо, напротив, малозначимой, даже отвергаемой (например, при отрицательной значимости Другого). Не только у разных субъектов, но и у одного и того же человека может иметь место двойственность и вариативность оценок. Так, изучая возможности субъективного структурирования ценностных ориентаций в нашем пилотном исследовании, мы анализировали понимание и интерпретацию респондентами каждой предъявляемой ценности.

Нами описаны выявленные особенности понимания ценностей (по методике М. Рокича) на примере ценности «широта взглядов», которая, в зависимости от предполагаемой специфики ее представления и реализации, может уже и оцениваться по-разному: а) как ценность, характеризующая другого человека, реализуемая в его отношении ко мне (как признание и уважение моих взглядов), б) выражающаяся в отношении к себе самому (самоуважение); в) в отношении к другим (мое умение понять чужую точку зрения); г) людей друг к другу (взаимная толерантность друг к другу, к привычкам и поведению) (И.А. Соина, 2005). Таким образом, одни люди учитывают степень насущности ценности, определяя ее место в иерархии, другие ориентируются на ее абсолютную значимость; соотносят со своей жизнью или учитывают значимость для других, для общества. Итак, прежде чем предполагать неискренность ответов, социальную желательность, противоречивость ценностной системы или ее несформированность и т. п., необходимо уло-

вить индивидуальные закономерности формирования иерархии и установить принцип, по которому организуются ценности в систему.

Сопоставление результатов разных исследователей также осложнено в связи с выбором ими разных процедур исследования. Хотя подходы к структурированию ценностных ориентаций лежат в основах существующих исследовательских методик, исследовательская процедура может выстраиваться с использованием разных методов субъективного шкалирования: метод парных сравнений (С.С. Бубнова), ранжирования (М. Рокич, Д.А. Леонтьев), абсолютной оценки (И.В. Дубровина, Б.С. Круглов), сочетания методов выбора и ранжирования (В.А. Хащенко, Н.А. Журавлева), что затрудняет сравнение данных, получаемых в разных исследованиях, и требует специального учета при анализе.

Г.В. Солдатова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ПЕРСОНАЛА СВОЕЙ РАБОТОЙ

Удовлетворенность профессиональной деятельностью является важным аспектом отношения персонала к своей работе, которое закономерно влияет на различные параметры ее эффективности. В связи с этим знание психологических факторов удовлетворенности работой позволяет управлять как психологическим благополучием работников, так и производительностью их труда. Психологу, работающему в той или иной организации, имеет смысл проводить исследование, которое выявит ведущие факторы удовлетворенности персонала своей работой.

Приведем пример реализации такого подхода. В исследовании факторов удовлетворенности работой приняли участие 50 педагогов общеобразовательных школ. Изучалась роль многих психологических переменных. Но наиболее информативными оказались методики: диагностики удовлетворенности профессиональной деятельностью Г.В. Лозовой, трудовой мотивации А.А. Реана, самооценки личности Т. Дембо – С.Я. Рубинштейн. Связи между показателями удовлетворенности и качествами личности устанавливались посредством корреляционного анализа. В результате анализа полученных данных были установлены психологические факторы удовлетворенности педагогов своей работой. Профессиональная самооценка является весьма значимым фактором удовлетворенности педагогов своей профессиональной

деятельностью. При этом в большей степени она влияет на удовлетворенность деятельностью, чем профессией, что вполне закономерно.

Профессиональная самооценка определяет удовлетворенность содержанием деятельности, ее результатами, отношениями с коллегами, руководством, деятельностью в целом, а также профессиональным статусом, уровнем профессиональной подготовки и профессионализма. Довольно много связей с показателями удовлетворенности профессиональной деятельностью имеют показатель величины разрыва между профессиональной самооценкой и уровнем притязаний (т. е. между идеальным и реальным профессиональным «Я»). Конкретно, чем больше разрыв между профессиональным уровнем притязаний и самооценкой, тем меньше, например, тренеры удовлетворены содержанием и результатами деятельности, ее материальной базой и санитарно-гигиеническими условиями, отношениями с руководством, деятельностью в целом, а также своим уровнем профессионализма.

Внутренняя профессиональная мотивация (интерес к самой деятельности) способствует повышению удовлетворенности содержанием, процессом и результатами деятельности, ее общественной значимостью, а также соответствием профессии собственному характеру, возможностями самосовершенствования, общения и проявления творчества в рамках данной профессии. Внешняя положительная мотивация (ориентация на карьерный рост, достижения) способствует повышению удовлетворенности результатами своей деятельности, а также уровнем профессиональной подготовки, возможностью самосовершенствования. Но, в случае педагогов, внешняя положительная мотивация отрицательно связана с удовлетворенностью материальными доходами и профессиональными льготами. Внутренняя отрицательная мотивация (когда работа выполняется из-за страха отрицательных последствий ее невыполнения) у педагогов положительно коррелирует с удовлетворенностью месторасположением работы, ее материальной базой и санитарно-гигиеническими условиями, престижностью профессии и собственным профессиональным статусом. И отрицательно – с удовлетворенностью процессом и результатами деятельности, отношениями с учениками и соответствием профессии своему характеру.

Некоторые свойства личности не оказывают влияния на удовлетворенность педагогов своей профессиональной деятельностью. К их числу относятся самооценка и уровень притязаний личности, а также профессиональный уровень притязаний. Однако обнаружены тесные связи общей самооценки личности – с профессиональной самооценкой и личностного уровня притязаний – с профессиональным. Следова-

тельно, влияние этих качеств на удовлетворенность работой является косвенным.

Таким образом, факторами удовлетворенности педагогов своей профессиональной деятельностью можно считать профессиональную самооценку и мотивацию. С целью повышения удовлетворенности работой у них целесообразно повышать профессиональную самооценку, внутреннюю и внешнюю положительную мотивацию труда. Данные рекомендации были предложены руководству школ, в которых проводилось исследование, и через некоторое время был отмечен позитивный эффект от их внедрения.

Н.В. Солнцева, А.А. Бобурова

ЛЮБИМАЯ СКАЗКА КАК МЕТОД ДИАГНОСТИКИ: СПЕЦИФИКА ПОЛОРОЛЕВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ

Проблемы волшебной сказки, интерпретации ее сущности и значения в психическом развитии человека и человечества издавна являются предметом специального научного анализа. О влиянии сказки на развитие личности ребенка говорили такие ученые, как Б. Беттельхейм, К.Г. Юнг, В.Я. Пропп, М.Л. фон Франц и др. Любимая сказка отражает потребность в поиске способов решения конкретной проблемы (функция зеркала и функция альтернативы по Н. Пезешкиану) и в выражении самости (по К.Г. Юнгу).

Рассмотрим результаты корреляционного анализа параметров любимой сказки ребенка, оценки ребенком Любимого персонажа, оценки себя и оценки родителем своего ребенка. В исследовании участвовали 93 пары ребенок – родитель. Основными векторами анализа полученных результатов выбраны параметры оценки Любимого персонажа, что позволяет выделить типажи и определить связанную с ними специфику семейного воспитания. Из всех выделенных типажей Любимого персонажа только два являются полоспецифичными.

Рассмотрим их подробнее. Девочки выбирают персонаж, который обладает следующими характеристиками: веселый, хороший, счастливый, красивый, добрый. Любимый персонаж может быть героем или помощником героя, но точно не антагонист. В сказке девочки при рассказе будут акцентировать внимание на завязке (недостача и вредительство), посредничестве (помощник выступает посредником и оказывает помощь), начинающемся противодействии (герой хочет решить какую-либо актуальную задачу). Девочки не отметят / забудут (даже

если это есть по сюжету) про борьбу с антагонистом, суперприз и его получение. В любимых моментах сказки для девочек не важна победа и ликвидация начальной недостачи. То есть любимый персонаж является положительным и привлекательным героем, основное описание сказки процессуально: ориентировано на взаимодействие и получение помощи, а не на достижение цели и победы. Себя ребенок оценивает как доброго, веселого, хорошего и красивого. Не видит у себя регуляторных трудностей. Родители девочку оценивают как обладающую сильными когнитивными способностями («умненькая»), не имеющую особых трудностей и не отметят никаких других характеристик.

Родители не отметят негативных событий в семье, негативных отношений или перемен и нового социального окружения. Себя родители оценивают как недальновидных и неуверенных. То есть в ситуации, когда в семье девочке не предъявляются высокие требования и нет ожиданий результатов, а родитель погружен в решение собственных проблем и задач, девочка ориентируется не на достижение и преодоление препятствий на пути к цели, а на процесс, как в отношениях, так и в предметной деятельности.

Мальчики выбирают персонаж, который обладает такими характеристиками: грустный, злой, плохой, несчастный, некрасивый и является антагонистом. В сказке ребенок обязательно расскажет про суперприз, а также выделит функции борьбы и получение данного суперприза. Мальчики не будут делать акцент на завязку (причина не важна), начинающееся противодействие, посредничество. Любимый момент связан с победой и ликвидацией начальной беды. То есть для мальчиков сказка – это активное действие. Себя ребенок оценивает грустным, злым, плохим, что отражает ситуацию внутреннего и внешнего непринятия, и считает, что у него есть регуляторные трудности. Родители оценивают ребенка как обладающего нравственными чертами (готов помочь слабым, маленьким, отстаивает справедливость), способностями, которые проявляются в отрицательном ключе. Родители считают, что у ребенка трудности есть во всех сферах, особенно в когнитивной и волевой, т. е. ребенок не соблюдает существующие нормы (не вписывается), не соответствует ожиданиям родителей.

Родители указывают на отрицательные события, отношения и перемены в семье; на недостаточно высокий уровень развития способностей и достижений ребенка и на появление нового социального окружения ребенка (кружок, школа, поездка). Себя родитель оценивает как умного и уверенного. То есть в ситуации, когда в семье мальчику предъявляются повышенные требования, которым он не может соот-

ветствовать, и есть постоянное непринятие и недооценка его активности и деятельности со стороны значимых взрослых, важным в сказке для мальчика становится победа и достижения как способ компенсации. В качестве любимого персонажа выбирается антигерой, что в данной ситуации можно рассматривать как средство разрядки существующего напряжения.

Е.И. Стаева

ПОКАЗАТЕЛИ МИНИМИЗАЦИИ УСИЛИЙ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПОЗНАВАТЕЛЬНУЮ АКТИВНОСТЬ СТУДЕНТОВ

На современном этапе развития общества перед вузом стоит задача формирования компетентности у будущего специалиста, так как студенческий возраст является оптимальным периодом развития познавательной сферы. К сожалению, в профессиональной вузовской подготовке не в полной мере созданы необходимые эффективные условия для развития студентов. Неблагоприятное положение дел еще усугубляется рядом проблем, возникших в нашей стране в последние годы. Т.И. Чиркова, анализируя современное состояние вузовской подготовки, указывает на то, что содержание и практика учебных дисциплин не всегда соответствует реальным сферам производства и социальной жизни; модернизация образования происходит при отсутствии четких критериев отбора содержания профессиональной деятельности.

Не менее значимыми факторами, тормозящими качественную вузовскую подготовку, автор называет устойчивое сохранение в дидактике высшей школы репродуктивных технологий обучения; затруднения студентов обучаться в формате самостоятельного, активного, творческого учебного процесса из-за привычек к репродуктивности, сформированных в школьной системе. Разработка стратегии, способов, средств и технологий преодоления негативных тенденций профессиональной подготовки не может не учитывать и того, что в современном обществе произошло резкое расслоение в смыслах, ценностях и социальных статусах молодежи. Отсутствие системы этических норм и правил, регулирующих взаимоотношения внутри образовательной среды, приводит часто к использованию студентами минимальных усилий для своей профессиональной подготовки.

Мы предполагаем, что все перечисленные выше сложности и недостатки профессиональной подготовки в полной мере присутствуют и

при подготовке будущих психологов. Поэтому основной задачей нашего исследования стало изучение проявления в мотивации учебно-профессиональной деятельности будущих психологов одного из факторов ее неэффективности – минимизации усилий при стремлении к достижению успеха в получении профессионального образования. Минимизации усилий студентов в учебно-профессиональной деятельности – это снижение познавательной активности студентов в обучении. Так как минимизация усилий напрямую связана с учебной деятельностью студентов, то ведущим компонентом, на который оказывается влияние, является познавательная активность.

В процессе исследования были применены методы: анкетирование, наблюдение за поведенческим репертуаром студентов. В исследовании участвовали 190 студентов психологического факультета ГОУ ВПО ВГИПУ (118 чел.) и НФ УРАО (72 чел.). В свою очередь нами были выделены критерии для анализа полученных данных: 1. Значение (ценность) знаний, получаемых в вузе студентом. 2. Предпочтения студентов среди учебных предметов. 3. Ведущие способы получения знаний. 4. Частота дефицита знаний у студента. 5. Осознание студентом влияния знаний на качество выполняемой деятельности. 6. Показатель усвоенности знаний студентом. 7. Отношение к механическому заимствованию знаний. 8. Условия, при которых возникают сложности в выполнении самостоятельной работы. 9. Условие, при котором знания могут быть усвоены лучше всего.

Анализируя полученные данные, мы можем сделать следующие выводы: 1) Студенты в большей степени сориентированы на получения знаний, которые позволят иметь выбор будущей профессиональной сферы, не обязательно связанной с выбранной специальностью. 2) Необходимо заметить, что преуменьшается значение знаний, получаемых в ходе практической деятельности, тогда как профессия психолога неотъемлема от практической деятельности. 3) Первенство среди способов получения знаний занимают такие виды, как лекции, чтение дополнительной литературы. 4) Студенты особенно остро испытывают нехватку знаний при самостоятельной работе и во время сессии. 5) На начальном этапе обучения ведущим показателем усвоенности знаний является прочное их усвоение, затем проявляется тенденция значимости оценки преподавателя (примечательно, что эта тенденция преобладает, начиная со второго курса к выпускному курсу). 6) Наблюдается тенденция положительного и одобрительного отношения к механическому заимствованию знаний от 1 курса к 5 курсу. 7) Идет компенсация усилий в процессе обучения, и студент нацелен

только на те знания, которые ему интересны, т. е. отсутствует волевой контроль в выборе необходимых и актуальных знаний. 8) Также наблюдается отсутствие критичности в выборе тех знаний, которые необходимы для получения специальности, так как минимальна заинтересованность в профессиональных и практических знаниях.

М.А. Старикова

ТРАНСЛЯЦИЯ МОДЕЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ВНУТРИ СЕМЬИ

Научное сообщество всегда интересовало профессиональное развитие и факторы, влияющие на его эффективность. С одной стороны, это современные тенденции развития общества, которые ведут к тому, что человек вынужден развиваться в течение всей жизни. С другой стороны, это семья и профессиональное развитие родителей, которые оказывают влияние на становление детей. Возникает вопрос, как это может осуществляться, т. е. как модель развития родителей передается их детям.

Для этого мы исследовали модель развития в семьях, которые являются профессиональными династиями (дети работают в той же самой компании и по той же профессии, что и родители), и семьях, которые ими не являются. В нашем исследовании под моделью профессионального развития мы понимаем системный подход, позволяющий описать профессиональное развитие субъекта деятельности. Она включает в себя описание этапов профессионального развития (по Е.А. Климову), условия перехода с одного этапа на другой; цель, которую человек стремится осуществить на каждой стадии, а также средства, которые способствовали ему перейти на стадию и быть на ней успешным. В исследовании приняли участие 96 респондентов, всего 48 семей (рассматривались один родитель и один ребенок из семьи). Возраст детей составил 17–46 лет, родителей – 35–68 лет. Все респонденты «Дети» работали в ОАО «РЖД» или обучались в ПГУПС. Среди их родителей 24 человека тоже работали на ОАО «РЖД», остальные 26 человек были сотрудниками других компаний, не связанных со спецификой железнодорожного транспорта.

В качестве методов исследования мы использовали: «Биографический опросник» (BIV), «Якоря карьеры» Э. Шейна (адаптация В.А. Чикер и В.Э. Винокуровой) и анкеты, разработанные для родителей и их детей для описания стадий развития с точки зрения этапов, условий перехода, целей и средств. Анализ заполненных анкет показал, что дети перенимают модель развития родителей только в отно-

шении заключительных этапов. На стадии мастер, авторитет или наставник все респонденты ориентированы на социальное окружение и общественно-полезные цели. Семьи династий и не династий различаются по модели целеполагания: родители, не работающие в «РЖД», более ориентированы на карьеру, получение денег и признание, чем их дети.

Выявлены статистически значимые различия между родителями и детьми, независимо от принадлежности к династии, по следующим параметрам: ориентация на профессиональную компетентность у родителей выше ($p = 0,002$); детям более важна автономия в работе ($p = 0,015$); для детей менее значима стабильность места жительства ($p = 0,019$); дети более ориентированы на предпринимательство ($p = 0,001$); негативное влияние среды на родителей выше ($p = 0,029$). Статистически значимые различия между родителями из ОАО «РЖД» и других предприятий: обстановка в семье родителей из династий более благополучна ($p = 0,023$); родители не из династий испытывали более негативные воспитательные воздействия в семье ($p = 0,019$). В двух выборках детей (из династий и из обычных семей) выявлены следующие различия: дети не из династии более ориентированы на менеджмент ($p = 0,012$) и на автономию в работе ($p = 0,013$).

Исследование показало, что передача модели развития осуществляется относительно последних этапов. Старшее поколение уже на ранних стадиях ориентируется на принесение пользы и включение в работу предприятия. Молодое поколение чувствует большую автономность и организацию рассматривает как средство достижения индивидуальных целей, которые не обязательно связаны с профессиональным развитием. Сейчас молодые специалисты больше ориентируются на знания, а не на свои личностные черты, понимая скорость изменения внешней среды и необходимость быстрого к ней приспособления. Семьи династий более эффективны в передаче модели, потому что одинаково представляют себе цели деятельности. В них присутствует более благоприятная семейная атмосфера, которая способствует передаче и принятию модели развития на уровне всех поколений.

Е.С. Старченкова, А.Ю. Ячанова

АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ТРУДНЫХ СИТУАЦИЙ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Профессионально трудные ситуации (ПТС) рассматриваются как ситуации с высокими требованиями к ресурсам субъекта труда для его адаптации или преодоления данной ситуации, при этом стрессовое реагирование и развитие стресс-синдромов опосредовано субъективными репрезентациями трудных ситуаций (Водопьянова, Старченкова, 2008). Профессия учителя является одним из наиболее интеллектуально и эмоционально напряженных видов профессиональной деятельности. Эффективность педагогической деятельности и качество обучения зависят как от профессиональной подготовки преподавателя, так и от его личностного благополучия и сохранности психического здоровья (Маркова, 1996; Митина, 2004; Нечаев, 1999, 2005).

Профессиональная деятельность учителя протекает в структурированной ситуации, предполагающей соблюдение общепринятых инструкций и правил, для нее характерна повышенная конфликтность и необходимость быстрого принятия решений. Содержание и условия реализации педагогической деятельности требуют повышенной мобилизации внутренних ресурсов человека, перенапряжение которых приводит к сбоям в процессах психологической адаптации и, как следствие, к нарушениям психического здоровья специалистов. Педагогическая деятельность насыщена трудными ситуациями с определенной продолжительностью и кратковременными стрессовыми воздействиями различной силы, разрешение которых зависит от многих факторов. Каждая из ситуаций, с которой сталкивается учитель в процессе деятельности, имеет определенную эмоциональную стрессогенность. Она связана, с одной стороны, с субъективной значимостью ситуации, с другой стороны – с неопределенностью ситуации, что включает в себя оценку вероятности успешного развития, исхода и последствий данной ситуации для субъекта педагогической деятельности.

Для изучения типичных для педагогической деятельности ПТС и совладания с ними была использована анкета «Эмоционально-напряженные ситуации» (Борисова, Старченкова, 2006). В исследовании приняли участие 104 учителя средних школ Санкт-Петербурга (возраст 24–69 лет). 34 % учителей отказались описывать ПТС, объясняя свой отказ нежеланием вспоминать подобную ситуацию, так как она была неприятной, либо мотивируя отказ отсутствием подобных ситуаций в последнее время.

Результаты исследования показали, что наиболее типичными трудными ситуациями были следующие: 1) ситуации конфликтного взаимодействия с коллегами (20 %) («неверная информация начальнику от коллеги», «негативная реакция коллеги на мой открытый урок»,

«новый человек в коллективе начал гнуть свою линию», «желание коллеги изменить свой статус в коллективе» и др.); 2) трудные ситуации с учеником (24 %) («конфликт с учеником из-за оценки», «неправильное, вызывающее поведение», при этом учителя описывали данные ситуации подробно, произошедшее не оставляло их равнодушными, они всячески пытались разрешить ситуации, помочь, понять, поддержать учеников, даже если они вели себя неправильно); 3) трудные ситуации взаимодействия с родителями (11 %) (дети жаловались родителям на учителей из-за их несправедливого, предвзятого отношения, нечестно поставленной оценки и пр.); 4) трудные ситуации взаимодействия с руководством (28%) («руководство потребовало проведения открытого урока», «назначили классным руководителем, не спросив моего мнения», выполнение сверхурочной работы, жалобы на то, что руководство не отпустило в отпуск, отгул и т. д.); 5) организационные проблемы (14 %) (необходимость заполнения различных отчетов, «которые занимают много времени, но, по сути, бесполезны и никому не нужны», составление расписания, аттестация школы, начисление заработной платы и т. д.).

Наиболее стрессогенными для учителей были ситуации конфликтного взаимодействия с учениками, особенно в отношении несправедливых оценок учебной деятельности. Эти ситуации сильно задевали учителей, они очень эмоционально реагировали и переживали, пытались доказать детям и их родителям справедливость своей оценки. Умеренной стрессогенностью характеризовались трудные ситуации с родителями учеников.

Трудные ситуации с коллегами воспринимались как очень тяжелые и безнадежные, отражая важность благоприятного социально-психологического климата в педагогическом коллективе. Трудные ситуации с руководством оценивались как неожиданные, непонятные, неуправляемые и эмоционально напряженные. Организационные трудности оценивались как тяжелые, неуправляемые, безнадежные и эмоционально затратные.

Исследование выполняется при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-06-00478а.

Л.А. Стахнева

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ СУБЪЕКТНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Современная социальная ситуация характеризуется динамикой изменений как в социально-экономической, так и социально-психологической сфере: в ломке социальной идентичности, изменении системы ценностных ориентаций. Адаптация и самореализация в жестких социальных условиях требует определенной системы качеств – субъектности, которая характеризует высокий уровень функционального развития личности, определяет ее адаптивные возможности, профессиональную и личностную продуктивность.

Имплицитно идея субъектности в зарубежной персонологии представлена в таких категориях, как «потребность в самоутверждении» (А. Адлер), «идентичность» (Э. Эриксон), «самость» (К. Юнг), «рост личности изнутри» (К. Рождерс), «поиск смысла» (В. Франкл), «самоактуализация» (А. Маслоу) и др. В современной отечественной психологии под субъектностью понимается особое личностное качество, связанное с активно-преобразующими свойствами и способностями. В качестве показателей субъектности выделяют активность, ответственность, самостоятельность, интернальность, рефлексивность, креативность и др.

Результаты психологических исследований свидетельствуют о неготовности личности (студентов, учителей) быть субъектом жизнедеятельности. Отмечается, что, например, становление субъектности студентов в процессе обучения в вузе носит противоречивый характер. Это выражается, с одной стороны, в росте показателей личностных и регуляторных компонентов от первого к пятому курсу, с другой – в низкой мотивации принятия на себя ответственности. Психолого-педагогические трудности развития субъектности личности в процессе обучения обусловлены феноменологическими особенностями субъектности.

Психологи-гуманисты (К. Роджерс, И. Маслоу, В. Франкл) полагают, что изменения в сфере субъектного опыта, как правило, происходят в экзистенциональных ситуациях. Особая роль в развитии субъектности принадлежит самому субъекту, его способности к саморазвитию. Саморазвитие рассматривается как целенаправленное «самодостраивание» себя в соответствии с задачами деятельности и целями жизни. Результатом саморазвития является успешное решение сложных жизненных задач. Развитие субъектности – это развитие мотивационно-смысловой, когнитивной сферы личности (самосознание, мотивация достижений на успех, Я-концепция, саморегуляция, интернальный локус-контроль, система ценностных ориентаций).

В качестве детерминант развития субъектности личности выступают сложные виды активности: мышление, творчество, психологическое время, временные перспективы. Мышление и сознание представляют специфический тип детерминации. Развитие субъектного начала в теории К. Юнга связано с развитием духовной метасилы и умением воздействовать на архетипы. Показателем субъектности в теории А. Адлера является соединение высокой степени социального интереса, креативного Я с высоким уровнем активности. Одной из труднейших проблем в практической работе по развитию субъектности личности является разработка технологии, направленной, во-первых, на активизацию самомотивации обучающихся; во-вторых, на изменение когнитивной сферы: иррациональных установок, неадекватного восприятия, оценивания, мышления.

Развитие субъектности предполагает опору на иной уровень отражения – личностные смыслы. Разработка нового предметного содержания системы образовательных стратегий по развитию субъектности требует достаточно четкого представления о жизненных смыслах взрослого человека, в частности, современной молодежи. Поэтому в процессе обучения необходимо предусмотреть формирование представлений о смысле и цели жизни, свободе, ответственности. Следует также отметить, что наибольший объем психической деятельности в процессе саморазвития субъектности происходит не только на сознательном, но и на бессознательном уровне. Увеличение внутренних ресурсов осуществляется за счет целенаправленного использования ментального программирования и рефлексивного анализа, психофизиологических, когнитивных техник саморегуляции, которые выступают как необходимые условия, включенные в общий эффект психолого-педагогического воздействия.

Резюмируя, отметим, что развитие субъектности личности в процессе обучения представляет формирование опыта не только рефлексируемого, но и неосознаваемого, срабатываемого почти на бессознательном уровне.

М.А. Степанова

ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОТЕХНИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ПСИХОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Заметной особенностью современной отечественной психологии вообще, и психологии образования в частности, выступает разрыв

между академической наукой и реальной деятельностью практикующего психолога. С одной стороны, налицо значительные достижения психологической науки, к которым относятся концепция периодизации психического развития Д.Б. Эльконина, теория развивающего обучения Эльконина–Давыдова, принцип амплификации детского развития А.В. Запорожца и многие другие. С другой стороны, обращает на себя внимание либо неготовность психологов-практиков к решению таких капитальной важности проблем, как школьная неуспеваемость, отсутствие интереса к учебе, выбор профессии, либо поиск решения этих и многих других проблем с опорой на интуицию и опыт, а не разработанные психолого-педагогической наукой принципы.

Проблема соотношения психологической теории и практики выступила предметом специального изучения Л.С. Выготского в ходе предпринятого им методологического исследования состояния психологической науки начала XX в. Практика выдвигает задачи и служит верховным судом теории и критерием истины – это утверждение Л.С. Выготского выступает тем единственным принципом, на котором могут быть построены продуктивные отношения между психологической теорией и социальной практикой. Л.С. Выготский предполагал, что столкновение психологии с высокоорганизованной практикой, в том числе и образовательной (которую он называл воспитательной), приведет к перестройке психологических принципов.

Образцом реализованного психотехнического подхода выступает теория поэтапного формирования умственных действий и понятий П.Я. Гальперина (ТПФ), которая оказалась особенно продуктивной в сфере обучения. Возможные точки ее практического применения при решении образовательных проблем могут быть проиллюстрированы на примере школьного обучения. Во-первых, сам П.Я. Гальперин обращал внимание на практическое значение шкалы поэтапного формирования, использование которой делает доступной общеобразовательную программу для всех нормально развивающихся детей. Таким образом, в результате облегчения процесса усвоения – организации его в соответствии с закономерностями процесса интериоризации – происходит выравнивание успеваемости.

Во-вторых, П.Я. Гальперин вплотную подошел к конкретно-психологическому решению вопроса диагностики и коррекции психического развития. Шкала поэтапного формирования позволяет возвратить ученика к развернутому, замедленному предметному действию, обнаружить недостающие, пропущенные ранее формы умственных действий и далее отработать их. П.Я. Гальперин убедительно показал,

что отстающим необходимы не любые дополнительные занятия, а прицельная коррекция, направленная на возмещение недостающих, пропущенных ранее форм действий.

В-третьих, проведенный П.Я. Гальпериным сравнительный анализ традиционного обучения и обучения с использованием метода поэтапного формирования позволяет подойти к практическому решению проблемы соотношения обучения и умственного развития ребенка. Эта проблема была поставлена еще Л.С. Выготским, утверждавшим, что процессы обучения и развития хотя и существуют в единстве, но не совпадают друг с другом. П.Я. Гальперин убедительно показал, что развивающий эффект обучения зависит от содержания (чему учить?) и методов (как учить?) обучения. В ТПФ содержится ответ на вопрос о влиянии учения на формирование интеллектуальных возможностей и о связи типов учения с умственным развитием.

В-четвертых, представляется возможным с опорой на идеи П.Я. Гальперина построение модели школьной психологической службы. Сам П.Я. Гальперин этого даже и не предполагал по той причине, что психолога в школе в те времена не было.

Разработка модели работы школьного психолога требует учета задач, стоящих перед образованием вообще. Иначе говоря, чтобы понять, зачем психолог школе, необходимо прежде ответить на вопрос: а зачем существует школа? Удивительно, но психотехнический ответ на него можно дать с опорой на общепсихологические представления П.Я. Гальперина об ориентировочной природе психики. Подводя итоги, можно сделать общий вывод о значении теории П.Я. Гальперина для практики образования, которое выражается в разработке им психотехнического подхода. Именно этот подход позволяет получить ответ, по крайней мере, на два вопроса: во-первых, почему практики недооценивают роль теории и только ли их в том вина, и, во-вторых, какая им нужна теория.

М.А. Степанова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБРАЗОВАНИЯ: ОПЫТ СОВРЕМЕННОГО ПРОЧТЕНИЯ С.Л. РУБИНШТЕЙНА

Одной из актуальных задач современной психолого-педагогической науки выступает выделение тех принципиальных положений, которые могут быть рассмотрены в качестве основания для образовательной практики. Ее успешное решение предполагает, с одной сторо-

ны, обобщение накопленных в педагогической психологии эмпирических данных, с другой – обращение к теоретическим исследованиям в области психологии и смежных наук, в том числе и прошлых лет.

В 1922 г. в период своей работы на кафедре психологии и философии Одесского университета С.Л. Рубинштейн опубликовал статью «Принцип творческой самодеятельности», носящую подзаголовок: «К философским основам современной педагогики». И основное название статьи, и подзаголовок точно отражают ее содержание, а потому статья представляет несомненный интерес для всех, имеющих отношение к образованию. С.Л. Рубинштейн писал, что человек в своих деяниях, в актах творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется, он в них еще и созидается. Видеть в деяниях только проявления субъекта, отрицать их обратное воздействие на него – значит разрушать единство личности. Не следует думать, что все деяния оказывают такое определяющее влияние на личность, но есть такие, которые ее строят, а иначе не было бы самой личности. Поэтому по тому, что делает человек, можно, во-первых, определить то, что он есть, а, во-вторых, направлением его деятельности можно формировать его самого. На этом, по мнению С.Л. Рубинштейна, зиждется возможность педагогики, педагогики в большом стиле, и соответственно главная задача педагогики – организация реальных, творческих деяний человека, которые будут определять его личность.

Сказанное верно и по отношению к личностным качествам человека – нельзя научиться совершать поступки, не совершая их, вне общения с людьми; иначе говоря, нравственная личность созидается в созидании этического. Как в организации мира мыслей формируется мыслитель, так и в духовном творчестве вырастает духовная личность. И, наконец, еще одна важная в практическом отношении мысль С.Л. Рубинштейна, подчеркивающего полезность расширения видов деятельности человека: он отмечает, что чем больше сфера действия личности, т. е. тот мир, в котором она живет, тем завершеннее и мир личности, и она сама. Ограниченная личность рождается из ограниченного опыта ребенка, из недостаточного его включения в различные области жизни.

Принцип творческой самодеятельности рассматривался С.Л. Рубинштейном как философское основание для педагогики. Однако указание на его философский характер позволяет сделать из него выводы в том числе и в отношении психологической составляющей педагогического процесса. Во-первых, какими бы сложными ни были связи между поведением ребенка и его мотивами, реальная деятельность, в том чис-

ле и учебная, выступает средством диагностики его психического развития. Во-вторых, только организация деятельности ребенка своим итогом может иметь эту самую деятельность. Причем, следуя принципу творческой самодеятельности, нужно позаботиться в равной степени как о деяниях, оказывающих решающее влияние на развитие личности, так и об ослаблении деяний, не имеющих такого влияния. В-третьих, заслуживает особого внимания и мысль С.Л. Рубинштейна о расширении сфер деятельности детей. Чем больше у ребенка самых разных интересов, тем богаче тот мир, в котором он живет, а в конечном счете и его личность. Откуда у ребенка могут появиться те или иные интересы, кроме как благодаря окружающим его близким, учителям, сверстникам? Причины отсутствия любви к учебе или чтению не стоит искать слишком далеко, скорее всего они рядом и прежде всего в родной семье.

Принцип творческой самодеятельности С.Л. Рубинштейна помогает психологам образования очертить границы задач, которые они в состоянии решить. Забота о содержании и методах обучения, организация внешкольной жизни детей – вот те единственно доступные школе средства формирования личности ребенка, его познавательной и смысловой сферы. Попытки взрослых заменить организацию реальной деятельности детей иными способами воздействия на него с целью формирования всесторонней личности обречены на провал. В задачи психолога входит не только довести эту мысль до педагогов, но и самим осознать, что беседы и тренинги могут выступать лишь вспомогательным орудием формирования личности ребенка.

В.О. Степанова, К.Р. Червинская

ИССЛЕДОВАНИЕ БАРЬЕРОВ РАЗДЕЛЕНИЯ ЗНАНИЙ В КРОССФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ

Для того чтобы быть конкурентоспособными, современные организации должны постоянно создавать, использовать и распределять новые знания. Д'Авени обосновывает это динамичностью развития и изменениями окружающей среды, которая создает возможность постоянного притока новых знаний, наилучшим образом определяющих достижение конкурентного преимущества.

Разделение знаний в кроссфункциональных группах в современных организациях происходит ежедневно: разработка и совершенствование продукта / услуги, разработка стратегии и плана развития компании, большие проекты по повышению эффективности деятельности

компании, внедрение информационных систем и т. д. Разделения знаний между специалистами разных профессий, специальностей – наиболее сложное взаимодействие, нежели взаимодействие, например, программистов друг с другом или специалистов по персоналу внутри одного подразделения, поскольку здесь возникают дополнительные барьеры, связанные с разным профессиональным дискурсом, знаниями, остро встают проблемы единого понимания задач, целей и проблем. Если знать, какие барьеры и препятствия существуют в этом процессе, то можно усовершенствовать сам процесс, путем уменьшения количества этих препятствий, а значит, в конечном итоге, сделать разделение знаний более продуктивным.

Инструментарий для исследования феномена разделения знаний на данный момент в российской науке и практике недостаточно разработан. Однако разработка методов исследования этого феномена будет полезна не только с научной точки зрения, но и с практической, поскольку выявление и преодоление барьеров, препятствующих разделению знаний, могут улучшить эффективность деятельности кроссфункциональной группы.

Нам удалось разработать и апробировать метод «совместно рассказанной истории» – метод исследования барьеров разделения знаний в кроссфункциональной группе, который был ранее использован в зарубежных исследованиях для консультирования голландской организации по вопросам увеличения эффективности взаимодействия рабочей группы. Суть метода состоит в том, что на определенном условно завершенном этапе работы или проекта выбираются ключевые фигуры проекта, которые способствовали или напрямую повлияли на достижение какого-то значимого для проекта результата. С ключевыми фигурами (с каждой из них) проводятся интервью, где их просят рассказать о том, какие задания им были поручены, как они их разрабатывали, с кем взаимодействовали по сложным вопросам, что обсуждали с коллегами, что им мешало, что помогало, какие они видят цели своей работы и др.

После этого все интервью транскрибируются и из них составляется совместно рассказанная история, путем выстраивания частей интервью в хронологическом порядке по этапам проекта / работы, которая затем подвергается анализу. Вначале проводится продольный и сравнительный анализ истории с помощью экспертной оценки на предмет выявления барьеров / возможностей разделения знаний в данной группе в данном проекте, затем ключевые фигуры проекта относят выделенные барьеры и возможности к одной из трех групп: уровень со-

трудника, уровень проекта или уровень организации. В результате получается классификация барьеров и возможностей в проекте, т. е. конкретных положений о том, на каком уровне что конкретно мешало / помогало специалистам, сотрудникам, участникам проекта разделять знания. Затем результаты представляются группе и «заказчикам» данного исследования. Заказчиком может выступать сама группа, руководство компании, акционеры, аудиторы и т. д.

На основании результатов можно дать некоторые рекомендации по повышению эффективности деятельности данной организации. Часто само осознание и визуальное представление барьеров / возможностей оказывает положительный эффект на деятельность группы, так как каждый видит полную картину, собранную с каждой точки зрения. Однако полученные результаты одного проекта нельзя переносить на другой, от одной организации к другой, также нельзя делать какие-то выводы о построении универсальной классификации барьеров / возможностей разделения знаний, так как в каждом проекте / организации существуют свои барьеры и возможности, и только большое количество подобных исследований может дать универсальную классификацию.

Этот метод был апробирован на трех проектах в организациях Санкт-Петербурга и показал свою практическую действенность. После проведения исследования и представления его результатов и рекомендаций компаниям некоторые рекомендации были воплощены в жизнь и улучшили деятельность компании.

Е.В. Степанова

МОТИВАЦИОННЫЙ ПРОФИЛЬ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ПРОГРАММИСТОВ

В современном мире происходят процессы глобализации. Глобализация – процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации. Основным следствием этого являются мировое разделение труда, миграция в масштабах всей планеты человеческих ресурсов. Российские программисты работают не только в России, но и за рубежом. Поэтому все более актуальными становятся исследования, посвященные сравнительному анализу удовлетворенности и профессиональной востребованности специалистов, оставшихся в России и уехавших за границу, а также их личностных качеств.

Целью данного исследования явилось изучение удовлетворенности работой, профессиональной востребованности, мотивационного

профиля программистов, работающих в России и в Канаде. В соответствии с целью были выделены следующие задачи: 1. Оценить удовлетворенность трудом программистов. 2. Оценить профессиональную востребованность программистов. 3. Определить мотивационный профиль программистов. 4. Сравнить удовлетворенность трудом, профессиональную востребованность, мотивационный профиль российских программистов, работающих в России и Канаде. 5. Выявить взаимосвязь: мотивационных факторов с удовлетворенностью трудом и профессиональной востребованностью, удовлетворенности трудом с профессиональной востребованностью, стажа с профессиональной востребованностью, удовлетворенностью трудом и мотивационными факторами.

В исследовании приняли участие программисты: работающие в России – 29, работающие в Канаде – 31. Для решения задач исследования были использованы следующие методики: методика «Оценка удовлетворенности трудом» В.А. Розановой, опросник «Профессиональная востребованность личности» Е.В. Харитоновой и Б.А. Ясько, тест «Мотивационный профиль» Ш. Ричи и П. Мартина.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы. Наиболее выраженными потребностями программистов являются потребность быть креативным и потребность в самосовершенствовании. Большинство программистов вполне удовлетворены трудом. Также они имеют средние и высокие показатели профессиональной востребованности.

Программисты, работающие в Канаде, больше удовлетворены трудом, чем программисты, работающие в России, и у них больше выражена потребность в завоевании признания со стороны других людей. У них больше выражена потребность в том, чтобы окружающие ценили их заслуги, достижения и успехи, потребность во внимании со стороны других людей, желание чувствовать собственную значимость. Программисты, работающие в России, больше, чем программисты, работающие в Канаде, склонны к проявлению пытливости, любопытства и не тривиального мышления. Они более открыты новым идеям.

Была раскрыта взаимосвязь между удволетворенностью трудом и аспектами профессиональной востребованности. Удовлетворенность трудом положительно коррелирует с общей профессиональной востребованностью и с такими ее компонентами, как переживание профессиональной востребованности, профессиональная компетентность и оценка результатов профессиональной деятельности. Чем больше у программиста ощущение профессиональной востребованности, чем

положительнее отношение к себе как профессионалу, тем больше его удовлетворенность трудом. Чем больше программист склонен переживать свою профессиональную невостребованность, тем ниже его удовлетворенность трудом.

Стаж работы положительно коррелирует с переживанием профессиональной востребованности, профессиональной компетентностью, оценкой результатов профессиональной деятельности, общей профессиональной востребованностью и потребностью быть креативным и отрицательно – с потребностью в социальных контактах.

А.С. Струговец

ГЕНДЕРНОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ОСНОВА ПОДГОТОВКИ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК К СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Анализ особенностей и динамики гендерной социализации показывает, что к настоящему времени гендерные ожидания молодежи претерпели изменения: смещаются традиционные представления о роли мужчины как «защитника»; имеют место тенденции инфантилизации и феминизации молодой части мужского населения и принятия женщинами маскулинных ролей во всех сферах жизнедеятельности; наблюдается рост иждивенческих проявлений среди обоих полов; усиливается прагматичность в ожиданиях от потенциальных супругов.

Гендерное воспитание – это целенаправленный процесс формирования у воспитанников научной системы взглядов на единство и взаимообусловленность биологической, психосексуальной и социокультурной природы человека, закономерности становления маскулинности и феминности через освоение социальных ролей, норм, ценностей, идеалов, морали современного общества. Эффективность деятельности по гендерному воспитанию и становлению культуры семейных отношений определяется ее системностью, поскольку формирование ответственного родителя, семьянина предполагает обязательное овладение гендерной культурой, компонентами которой выступают когнитивный (гендерное самосознание), эмоциональный (гендерная идентичность) и поведенческий (гендерное поведение и гендерные роли).

Но в то же время в социальной действительности существуют проблемы формирования гендерной культуры личности в современных условиях: феминизация системы среднего образования, низкий уровень гендерной культуры педагогических кадров, построение ролевой модели на основе отрицания и отвержения модели противоположного пола и как следствие – развитие негативизма по отношению к противоположному полу и др.

В процессе воспитательной работы должны решаться задачи приобретения школьниками знаний по вопросам создания семьи, семейного воспитания, гендерных проблем современного общества, а также развития духовного мира учащихся, стимулирования их самообразования и самовоспитания.

Нами было проведено исследование эмоционального компонента гендерной культуры – гендерной идентичности – с помощью опросни-

ка Сандры Бем и Методики изучения гендерной идентичности Л.Б. Шнейдер. Исследование проводилось на базе УО «Гомельский государственный областной лицей». В нем приняли участие 23 учащихся 15–16 лет, из них 16 девушек и 7 юношей.

Анализ результатов эмпирического исследования гендерной идентичности позволяет сделать следующие выводы. 1. Преобладание у девушек феминности (69 %) и диффузного типа идентичности (69 %) позволяет сделать вывод об их ориентации в гендерных вопросах на совокупность традиционных социальных представлений о том, какой девушка должна быть. В то же время наблюдается рассогласование между идеальным представлением о феминности девушек и образовательными и профессиональными требованиями (не сильно отличающимися от тех, которые предъявляются мужской части населения), предъявляемыми к девушкам в современном обществе, что ведет к образу жизни девушек в стиле «унисекс» и размытой, диффузной идентичности. 2. Диффузный и преждевременный типы идентичности у юношей (по 43 % соответственно) и преобладание андрогинности и феминности (по 43 %) свидетельствуют о том, что юноши принимают, главным образом, пассивную позицию в формировании своей идентичности и происходит она посредством стереотипных идентификаций с представительницами противоположного пола (матери, женщины-педагоги).

Высокую андрогинность юношей при данных типах идентичности можно рассматривать как переходную стадию к преобладанию феминности; преобладание диффузного типа гендерной идентичности у представителей обоих полов говорит об отсутствии у них прочных целей, ценностей, о пассивном отношении к их формированию. При отсутствии ясного чувства идентичности они могут переживать ряд негативных состояний (пессимизм, апатию, отчуждение, тревогу), что влечет за собой многие психолого-педагогические проблемы.

Таким образом, проблемы, выявленные в результате исследования гендерной идентичности юношей и девушек, позволяют нам сделать вывод о недостаточной сформированности гендерной культуры у представителей обоих полов, о необходимости подбора гендерно адресных методов формирования гендерной культуры у юношей и девушек и необходимости объединения усилий как работников школы и других социальных институтов, так и членов семьи для достижения общей цели.

А.Г. Струтинская

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ У ПСИХОЛОГОВ

Исследование направлено на изучение процесса формирования представления о психологии у психологов. Интерес в данной работе представляет изучение опыта становления в психологии ведущих профессионалов в данной области, с тем чтобы усовершенствовать обучающую среду для абитуриентов и студентов, вовлекая их в процесс познания человеческой психики.

В современных условиях психологов интересует тема развития теоретической и практической психологии в будущем. На настоящий момент количество институтов и факультетов психологии постоянно растет, психологию преподают как в классических, так и в экономических, медицинских, технических вузах и негосударственных институтах. Преподают не как курс для подготовки профильных профессионалов по направлению данных вузов, а как самостоятельную подготовку именно специалистов в области психологии.

Именно поэтому тема современного состояния психологии и подготовки высококвалифицированных кадров волнует многих профессиональных психологов, статьи и размышления по этому вопросу публикуются в научных журналах, например в журналах «Методологические основы психологии» и «Вопросы психологии». Тема формирования представления о психологе затрагивается в некоторых научных трудах и на конференциях, также обсуждается на круглых столах.

Представления о психологии как о науке у выпускников разных вузов несомненно будут различаться. Интересно исследовать, с чем именно связаны наиболее существенные различия, возможно, это наличие либо отсутствие научной школы в вузе, преподаваемые обучающимся нестандартные дисциплины, участие в процессе развития значимого научного руководителя, социальный круг общения.

Задача исследования заключается в том, чтобы, получив параметры, влияющие на формирование образа психолога, включить эти параметры в образовательный процесс и тем самым усовершенствовать качество обучения студентов и сформировать привлекательный образ грамотного и авторитетного психолога – научного сотрудника, специалиста, педагога, консультанта. Интересом к этой теме объясняется проведение в марте 2010 г. на факультете психологии СПбГУ круглого стола «Профессиональное становление психолога» (профессиональное развитие специалиста, вопросы теоретической и практической подго-

товки, представление о психологе). Некоторые особенности, которые были выделены в результате обсуждения: 1. Информированность студентов и сотрудников о возможностях и мероприятиях различных структурных подразделений самого факультета психологии и университета в целом. Проблема информирования включает в себя аспект отсутствия понимания у студентов дальнейших путей реализации в профессии психолога. 2. Отмечалась важность наставничества, значимого научного руководства. Большое значение имеет личность самого руководителя, его лидерские качества, харизматичность. Примером удачного «наставничества» можно считать формирование целой школы, т. е. группы последователей, сюда определенно можно отнести пример школы Б.Г. Ананьева и действующей сейчас на факультете рабочей группы В.М. Аллахвердова. 3. Рассматривалась важность групповой проектной работы для обучения студентов и аспирантов. Эта методика уже имеет успешный опыт применения на кафедре инженерной психологии, когда студенты делают вместе большой проект, а затем проводится индивидуальная работа по тематике дипломных и диссертационных работ. 4. Хороший результат дает применение интерактивных методов обучения (например, курс педагогики Н.Ф. Головановой), проведение конференций, семинаров, но этот опыт опять же остается внутри кафедры, подразделения или конкретного вуза. В настоящее время нет широкого коммуникативного канала по обмену опытом между профессиональными психологами.

На основании вышеперечисленного, исходя из литературных источников и по личному опыту участников круглого стола можно сделать вывод о важности поднятой темы о формировании в процессе обучения у студентов и молодых специалистов представления о психологической науке и месте психолога в современной жизни. Результатом нашей исследовательской работы станет выведение значимых для формирования интересующего нас образа науки параметров, которые затем можно будет включать в образовательный процесс.

Е.Н. Стряпчева

УРОВЕНЬ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ И ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ МЕНЕДЖЕРОВ

В теории и практике современного управления мотивация поведения персонала и уровень развития компетенций работника приобретает все большую актуальность. В рыночной экономике при острейшей

конкуренции важным фактором развития предприятия становятся человеческие ресурсы. Способность человека к рационализации и творчеству может проявиться в оптимизации издержек производства, построить новые схемы функционирования предприятия, это в свою очередь и определяет уникальность человеческого фактора. Детально разработанная система стимулирования труда позволяет мобилизовать трудовые потенциалы, помогает создать необходимую заинтересованность работников в росте индивидуальных результатов, способствует проявлению творческого потенциала, повышению уровня компетентности и качества выполняемых работ. А грамотно разработанная система профессиональных компетенций дает возможность оценить профессиональную подготовку персонала для решения определенных задач, стоящих перед организацией.

Взаимосвязь между мотивацией и компетенциями работника не является однозначной. Так, сотрудник может обладать высокой мотивацией, но из-за недостатка компетенций он не сможет решить определенные задачи, и, наоборот, работник, полностью соответствующий компетенциям, откажется выполнять работу из-за недостаточной мотивированности. В литературе практически не встречается исследований на данную тему. Поэтому целью нашей работы стало изучение взаимосвязи особенностей профессиональной мотивации и уровня развития компетенции менеджеров промышленных предприятий.

В данной работе мы выдвинули следующую гипотезу: более высокий уровень управленческих компетенций будет наблюдаться у руководителей с профессиональным типом мотивации, с выраженными потребностями в достижении, самосовершенствовании, интересной работе и с внутренней мотивацией. В исследовании приняли участие руководители среднего звена двух промышленных предприятий. Общее количество испытуемых 68 человек. Средний возраст руководителей 52 года. Средний стаж работы в компании 11 лет.

Для решения поставленных задач были использованы следующие методики: методика Ш. Ричи и П. Мартина (изучение мотивационного профиля личности), тест В. Герчикова (определение типа трудовой мотивации), методика «Структура мотивации трудовой деятельности» К. Замфира и анкета «Оценка компетенций». Методики для определения особенностей профессиональной мотивации заполняли сами испытуемые. Оценка компетенций проводилась с помощью метода «360 градусов».

Был разработан список компетенций, которые оценивали подчиненные, коллеги и непосредственные руководители. Установлено, что

у руководителей среднего звена наиболее сформированными являются компетенции «Доверие», «Организованность» и «Командная работа», наименее развитыми «Обратная связь» и «Ответственность и принятие решений». У менеджеров преобладает профессиональный тип мотивации; в структуре потребностей наиболее значимыми являются потребности в достижении, самосовершенствовании и интересной работе; также для руководителей свойственен оптимальный мотивационный комплекс с преобладанием внутренней мотивации.

В результате проведения корреляционного анализа было выявлено, что такие типы мотивации, как люмпенизированный и инструментальный, сопровождаются снижением уровня развития ряда компетенций. Для профессионального и хозяйского типов мотивации наоборот характерны более высокие оценки по нескольким компетенциям. Также на повышение уровня компетенций оказывает влияние внутренняя мотивация, а способствует их низкому уровню развития внешняя отрицательная мотивация. Результаты корреляционного анализа позволяют сделать вывод о том, что тенденция повышения оценок по большинству компетенций, оцененных подчиненными, коллегами и непосредственными начальниками, наблюдается у руководителей среднего звена с выраженной потребностью в самосовершенствовании.

На основании полученных результатов можно сказать, что основная гипотеза данной работы частично подтвердилась. Нами было установлено, что более высокий уровень управленческих компетенций – у менеджеров с выраженной потребностью в самосовершенствовании.

Данные, полученные в ходе исследования, можно использовать для разработки эффективной системы стимулирования персонала, в основе которой будет лежать модель компетенций. Это позволит мобилизовать трудовые потенциалы, грамотно оценивать профессиональную подготовку персонала, а также будет способствовать повышению уровня компетентности.

Р.Ф. Сулейманов

ИЗУЧЕНИЕ УТОМЛЯЕМОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ПСИХОДИАГНОСТИКИ ПС И ФАП ГОЛОВНОГО МОЗГА

Существуют различные подходы к психодиагностике утомляемости работников различных сфер деятельности. Возрастает внимание к методам оценки функциональных резервов организма, их качественным и количественным характеристикам как показателям скорости

развития утомления, адекватности и информативности профессиональных и функциональных нагрузочных проб. Интересны и возможности новых методических направлений, таких, как оценка изменений уровня функциональной асимметрии парных органов. Разработаны некоторые субъективные и объективные методы: тест определения локализации различных ощущений усталости, тест субъективного шкалирования утомления в различных регионах тела, метод измерений периметров конечностей человека. Ведутся работы в направлении углубленного исследования процессов развития нервного утомления. При этом, помимо оценки деятельности, регистрируется электроэнцефалографическая активность (ЭЭГ-активность).

Наш подход изучения утомляемости связан с оперативной диагностикой психоэмоционального состояния (ПС) и функциональной асимметрии полушарий головного мозга (ФАП). При этом используется прибор «Активациометр». Диагностика психоэмоционального состоянии и функциональной асимметрии полушарий головного мозга у одного испытуемого занимает в среднем 15–20 секунд. Это позволяет осуществлять мониторинг процесса утомления группы сотрудников в течение рабочей смены.

Рассмотрим пример динамики процесса утомления работников автозаправочных станций (АЗС) в ночную смену. В эксперименте приняли участие 22 сотрудницы (женщины) АЗС г. Казани в возрасте 20–55 лет. Психоэмоциональное состояние и функциональная асимметрия полушарий измерялись через каждый час в течение ночной смены, которая длилась с 19 часов вечера и до 7 часов утра. Общее количество замеров равнялось 13.

Психодиагностика показала, что спад психоэмоционального состояния до ниже оптимального (начало процесса утомления) начинается с 21 часа и продолжается до 2 часов ночи и дальше не изменяется до конца смены. В «активную» часть смены (с 19 до 2 часов), когда поток клиентов был достаточно большим, у работниц доминировало правое полушарие головного мозга, связанное с эмоционально-образным мышлением и отрицательными эмоциями. При этом работоспособность осуществляется за счет волевых усилий. В «спокойную» часть смены (с 2 до 6 часов) активность правого полушария понижается до уровня активности левого полушария, связанного с логико-вербальным мышлением и положительными эмоциями. Когда поток клиентов значительно уменьшается и работа становится спокойной, количество «левополушарных» сотрудниц увеличивается. Работники переходят в состояние покоя, расслабленности, испытывая положи-

тельные эмоции. Под конец смены (с 6 до 7 часов), когда работа оживляется, активность правого полушария у сотрудниц возрастает, при этом их работоспособность осуществляется за счет волевых усилий.

Таким образом, наблюдается связь процесса утомления с функционированием типа мышления, когда сотрудницы из группы с правополушарным мышлением переходят в группы с левополушарным мышлением и межполушарной симметрией (универсальным типом мышления, связанного с активностью левого и правого полушарий головного мозга примерно в равном объеме). Рассмотрев частоту встречаемости типа мышления у сотрудниц и сравнив с их работоспособностью, мы выяснили, что «универсальный» тип мышления способствует большей работоспособности сотрудниц, чем «правополушарный» и «левополушарный» типы. Начиная с 19 и до 21 часа работоспособность сотрудниц осуществляется оптимальным способом регулирования, без существенного напряжения психических сил. С 21 часа до 2 часов и с 6 до 7 часов работоспособность осуществляется за счет волевых усилий. Сравнение сотрудниц по возрасту показало, что психоэмоциональное состояние более стабильно у старших сотрудниц по сравнению с молодыми. Отсюда можно сделать вывод, что старшие по возрасту сотрудницы более устойчивы к утомлению по сравнению с молодыми, а значит, и надежнее в условиях работы в ночную смену.

Рассмотренный пример показывает, что диагностика психоэмоционального состояния и функциональной асимметрии полушарий головного мозга позволяет оперативно отслеживать процесс утомления у работников и при необходимости оперативно влиять на него. Результаты могут быть использованы при подготовке и переподготовке кадров.

Е.С. Тихонова, В.В. Долганина

МОДЕЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

В ходе обучения в вузе у студентов-психологов формируется стратегия будущей профессиональной деятельности, образ профессионального будущего, психологическим выражением которого является представление не только о частностях профессиональной деятельности психолога в системе образования, но и о профессиональной карьере в целом. Современное образовательное пространство в связи с внедрением и развитием новых форм обучения нуждается в особом подходе –

психологическом сопровождении формирования психологической готовности студентов-психологов к профессиональной деятельности.

В современной отечественной психологии сопровождение понимается как поддержка психически здоровых людей, у которых на определенном этапе развития возникают личностные и профессиональные трудности (М.Р. Битянова, А.А. Деркач, Л.М. Митина и др.). В последнее время в системе образования очень активно обсуждаются идеи наиболее эффективных методов работы с субъектами образовательного процесса, находящимися на стадии оптации. Психологическое сопровождение сегодня не просто является суммой разнообразных методов коррекционно-развивающей работы со студентами, но и выступает как комплексная технология, особая культура поддержки и помощи в решении задач развития, обучения, воспитания и социализации. Сопровождение следует логике развития студента, а не искусственно задает ему цели и задачи развития. В качестве основного аксиологического принципа, идеи и модели психологического сопровождения выступает безусловное признание ценности внутреннего мира каждого из студентов, приоритетность потребностей целей и ценностей его развития.

Проведенный анализ научной литературы позволил нам выделить компоненты модели психологического сопровождения формирования психологической готовности студентов-психологов к профессиональной деятельности. К ним мы отнесли условия формирования психологической готовности студентов-психологов к профессиональной деятельности и программу психологического сопровождения формирования психологической готовности студентов-психологов к профессиональной деятельности. К условиям формирования психологической готовности студентов-психологов к профессиональной деятельности мы относим формирование профессионально значимого опыта взаимодействия, своевременная диагностика психологической готовности к профессиональной деятельности, педагогическая практика, формирование навыков эмоциональной саморегуляции.

Важным и значимым компонентом модели является программа психологического сопровождения формирования психологической готовности студентов-психологов к профессиональной деятельности. Данная программа включает в себя основные виды деятельности психологической службы образования: просвещение, консультирование, профилактику и коррекцию. 1. Просвещение – знакомство с современным состоянием психологической науки, основными закономерностями и условиями психического развития человека. Просветительская деятельность направлена на формирование представления о практиче-

ской значимости психологического знания и психологической помощи формирующемуся человеку, а также на построение педагогического процесса с учетом возрастных и индивидуально-психологических особенностей учащихся. 2. Консультирование – проводится в форме индивидуальных и групповых консультаций по запросу студентов и профессорско-преподавательского состава. 3. Профилактика – направлена на формирование у студентов общей психологической культуры, желания использовать психологические знания в работе с учащимися или с целью собственного развития. 4. Коррекция – направлена на создание социально-психологических условий для целостного психического развития студентов и решение в процессе такого развития возникающих проблем. Заключается в разработке программы тренинговых занятий и ее реализации. Программа состоит из теоретического и практического разделов. Теоретический раздел предусматривает ознакомление студентов с содержанием, спецификой и технологиями работы психолога в системе образования, структурой профессиональной деятельности педагога-психолога и требованиями, предъявляемыми к его личности; формирование психологических знаний практико-ориентированного характера. Содержание практического раздела ориентировано на развитие умений оценивать психологическую реальность в практике психологической работы; на развитие коммуникативных, эмпатических, рефлексивных способностей; на обогащение опыта поведения; на осознание себя как субъекта профессиональной деятельности.

И.Е. Толстов

АПРОБАЦИЯ МЕТОДИКИ СТРУКТУРИРОВАННОГО ТЕМАТИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ

В зарубежной литературе термин «разделение знаний» (Knowledge Sharing) принято трактовать как процесс взаимообмена (или трансферта) знаний между людьми, результатом которого становится новое понимание ряда аспектов задач, решаемых в организации. Разделение знаний оказывает влияние на продуктивность, время выполнения задачи, организационное обучение и инновации.

Проведенное нами исследование было направлено на изучение влияния типов корпоративной культуры, коммуникативных и организационных навыков на процесс разделения знаний в организации. Ключевой задачей исследования была апробация методики структурированного тематического интервью с последующим сравнительным

анализом выделенных тем, предполагающих разделение знаний, по ряду параметров.

Общее число участников исследования составили 48 человек, занимающих такие должностные позиции, как «инженер», «конструктор», «технолог». Все они – сотрудники машиностроительного предприятия ОАО «Волгабурмаш», входящего в состав холдинга ООО «ВБМ-групп». На первом этапе исследования все 48 респондентов были опрошены по следующим методикам: «КОС-1», «Рамочная конструкция конкурирующих ценностей» К. Камерона и Р. Куинна, «Опросник удовлетворенности разделением знаний», «Опросник выявления процесса разделения знаний», «Социометрическая тематическая анкета».

Был проведен кластерный анализ, позволивший разделить выборку на группы «включенных» (18) и «невключенных» (30) респондентов (по параметру «включенность в разделение знаний») и группы «удовлетворенных» (22) и «неудовлетворенных» (26) респондентов (по параметру «удовлетворенность разделением знаний»). Для сравнения групп и выявления достоверных различий между ними был использован критерий U Манна–Уитни для независимых выборок. Были обнаружены статистически значимые различия между респондентами, включенными и не включенными в процесс разделения знаний ($p < 0,5$) по следующим параметрам: «стаж», (0,423) «адхократическая культура», (0,39) «коммуникативные навыки», (0,17) «организационные навыки» (0,11). Были обнаружены статистически значимые различия между респондентами удовлетворенными и не удовлетворенными процессом разделения знаний ($p < 0,5$) по следующим параметрам: «клановая культура», (0,133) «адхократическая культура» (0,335), а также различия на уровне статистической тенденции ($p < 0,1$) по параметру «рыночная культура» (0,027). Мы установили корреляционные связи между параметрами включенности / удовлетворенности разделением знаний и типом организационной культуры, коммуникативными и организационными способностями, воспользовавшись коэффициентом ранговой корреляции Спирмена.

Нами были получены следующие результаты: 1. Выявлена положительная связь между параметром «включенность» и параметрами «стаж», «рыночная культура», «организационные способности» ($p < 0,5$). 2. Выявлена положительная связь между параметром «удовлетворенность» и параметром «адхократическая культура» ($p < 0,5$). 3. Выявлена отрицательная связь между параметрами «удовлетворенность» и «рыночная культура» ($p < 0,5$).

На втором этапе исследования нами была осуществлена апробация методики «структурированного тематического интервью» на 21 респонденте, входящем в число 48. На основании полученных данных нами было выделено 6 ключевых тем, обсуждаемых респондентами в условиях, предполагающих наличие эффектов шеринга. Был осуществлен качественный анализ всех 6 тем. Для этого были построены социометрические графы и графики, определены локации и каналы распространения информации, используемые респондентами для обсуждения тем. Для сравнения всех 6 тем по ряду параметров и выявления достоверных различий между ними было использовано многовыборочное обобщение Х-критерия Ван дер Вардена. Были обнаружены статистически достоверные различия между участниками всех 6 тем по показателям «входящие выборы» (0,41) и «исходящие выборы» (0,12) ($p < 0,5$). Также были обнаружены различия на уровне статистической тенденции ($p < 0,1$) по показателям «важность информации» (0,01), «достаточность информации» (0,02) и «частота обсуждения темы» (0,01).

Подводя итоги исследования, можно сделать о том, что методика структурированного тематического интервью может эффективно использоваться для выявления тем, обсуждаемых сотрудниками организаций. Показатели, по которым были получены статистически значимые различия, являются ключевыми в дифференциации тем при изучении процесса разделения знаний в организации.

И.А. Тонева

НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ СРЕДНЕГО ЗВЕНА ОБУЧЕНИЯ

В современной социально-экономической ситуации стало важно не только то, как человек выполняет ту или иную работу, но и насколько творчески, нестандартно, креативно он к этому подходит. Кроме того, в рамках модернизации Российского образования важно отметить изменение тех условий, в которых находятся учащиеся общеобразовательных школ. В первую очередь это введение новой формы государственной (итоговой) аттестации в форме ЕГЭ, которое приводит не только к перестройке всего учебного процесса, но и к серьезному повышению уровня тревожности учащихся старших классов. Естественно, работа по снижению тревожности в отношении экзаменов ведется у учащихся 11 классов, однако более целесообразно, по нашему мнению, не проведение ситуативных занятий по адаптации к

определенным изменяющимся условиям, а целенаправленное развитие определенных личностных характеристик, которые впоследствии могут помочь учащимся в преодолении трудностей в отношении экзаменов.

На наш взгляд, одной из таких важнейших характеристик может стать креативность. Развитие креативности школьников возможно осуществлять без использования дополнительного времени, основываясь только на учебном плане определенных классов. Мы считаем, целесообразно вести развивающую работу в рамках самих уроков, что дает более высокое показатели не только успеваемости по конкретному предмету, но и развития определенных характеристик, таких как беглость, гибкость мышления, оригинальность.

Один из этапов экспериментального исследования проходил на базе Муниципального образовательного учреждения средней общеобразовательной школы № 101 с углубленным изучением отдельных предметов Ленинского района г. Нижнего Новгорода в рамках проведения уроков риторики в 6 классе. При сохранении тематического учебного плана по предмету было изменено содержание уроков. В них включались элементы тренинга развития креативности. По результатам диагностики на начало года 34 % учащихся показывали средний уровень развития креативности, 14 % – высокий уровень и 52 % учащихся – низкий уровень развития креативности. После проведения в течение года уроков риторики с включением элементов тренинга развития креативности ситуация изменилась к лучшему. На конец года результаты были следующие: 46 % учащихся показали средний уровень креативности, 23 % – высокий и 31 % – низкий уровень креативности. При этом уровень тревожности учащихся в течение года снизился. На начало года отмечалось 15 % учащихся с высоким уровнем общей школьной тревожности, на конец года – 6,5 %.

Данные, полученные по результатам диагностики, были обработаны с помощью критерия Стьюдента. Полученный результат ($T_{эмп}$ = 2,78) дает нам возможность оценить, что различия между показателями тревожности в начале года и в конце года статистически значимы, отличны от 0. Показатели тревожности учащихся на начало года выше, чем на конец года. Также с помощью критерия Стьюдента можно оценить изменение креативности учащихся. Полученный результат ($T_{эмп}$ = 2,93) позволяет нам сделать вывод о том, что показатели креативности в конце года выше, чем в начале. Таким образом, мы видим изменение как показателя креативности учащихся, так и уровня их тревожности, причем их взаимосвязь обратная. В целом мы допускаем,

что более высокий уровень креативности личности позволяет сгладить те негативные моменты, которые неизбежно возникают в процессе обучения, а значит, снизить тревожность учащихся в отношении обучения и уменьшить периоды адаптации к новым условиям.

Развивая креативность учащихся среднего звена школы, мы опосредованно готовим их к тем трудностям, с которыми они могут столкнуться как в старших классах обучения, так и во взрослой жизни, профессиональной карьере, поскольку прорабатываем и решаем те возможные жизненные задачи, которые могут вызвать затруднение, поставить в тупик. Кроме того, развитие креативности личности способствует творческому поиску, нахождению новых путей, принятию неожиданных решений и, возможно, развитию инновационного подхода в профессиональной деятельности.

П.К. Тромбчиньски

КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БОЛЬНЫХ НЕВРОТИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ

В этиопатогенезе невротических расстройств ведущую роль играет психологический фактор, содержание которого по-разному понимается разными теоретическими направлениями. Результаты научных исследований до сих пор не дают убедительных знаний о специфике личностных особенностей, предрасполагающих к развитию невротических расстройств. Одной из причин этого является недостаточность существующих методических приемов и исследовательского инструментария. Большинство применяемых в подобных исследованиях методик лишь раскрывают отдельные аспекты невротической личности. Большой вклад в методологию диагностики невротических расстройств был внесен польским психиатром Е. Александровичем, который в 2006 г. разработал «Опросник невротической личности KON-2006». Это, пожалуй, единственная методика, включающая как клинические, так и психологические и социально-психологические критерии диагностики. Появление подобной методики, несомненно, соответствует потребностям практики, а ее адаптация на российской популяции, а также исследование ее психодиагностических возможностей является актуальной задачей.

Не менее актуальным является и изучение клинико-психологических характеристик больных неврозами на современном этапе, поскольку невротическое заболевание в значительной степени подвер-

жено влиянию социума. В нашем исследовании участвовало 120 человек: 60 больных неврозами и 60 здоровых лиц. В группу больных неврозами вошли пациенты с диагнозами «расстройство адаптации» и «тревожно-депрессиивное расстройство», средняя длительность заболевания составила 3 года. В исследовании использовались Опросник невротической личности KON-2006, шкала «Уровень невротизации и психопатизации», методика SCL 90, методика Q- сортировка.

Результаты исследования показали, что 18 из 24-х шкал Опросника KON-2006 выявляют достоверные различия между больными неврозами и здоровыми, по 6-ти шкалам различия не выявлены. Отсутствие достоверных различий указывает на то, что и больным неврозами, и здоровым в равной мере свойственны такие черты, как зависимость, трудности принятия решения, мнительность и недостаток инициативы, затруднения в контактах и недоверие к окружающим, нормативность, повышенные нагрузки, а также потребность в повышенном внимании и особом отношении. Если анализировать содержание этих шкал, то предварительно можно говорить, что по шкалам Чувство зависимости от окружения, Сложность принятии решений, Сложность эмоциональных отношений, Нарциссизм, Чувство перегрузки здоровые демонстрируют скорее невротический уровень.

Сопоставление данных, полученных на российской выборке с польской популяцией, показало, что диапазон средних значений у здоровых и больных российской выборки отличается от польской, что может свидетельствовать о наличии культуральных различий. В качестве тенденций можно указать большую выраженность у российских пациентов по сравнению с польской выборкой таких характеристик, как иррациональность, нарциссизм, большую выраженность проблем, связанных с рискованным поведением, а у российских здоровых – меньшую выраженность переживаний сложности эмоциональных отношений и чувства перегрузки.

Результаты корреляционного анализа выявили, что общий показатель невротизации личности X-KON Опросника KON-2006, а также его отдельные шкалы значимо коррелируют со шкалами и общими индексами других использованных нами методик. Эти данные подтверждают, что и на российской выборке шкалы Опросника KON-2006 валидны и на высоком уровне статистической достоверности отражают изучаемые черты личности.

В заключение необходимо отметить, что Опросник невротической личности KON-2006 обладает психодиагностической ценностью и является удобным и универсальным методом исследования невротиче-

ской личности, способным полноценно заменить целую батарею тестов, выявляя при этом значительно более широкий спектр черт невротической личности.

З.Б. Турдымуратова

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ОБЩЕНИЯ ДЕТЕЙ НА КАРАКАЛПАКСКОМ ЯЗЫКЕ В ДЕТСКОМ САДУ

С принятием независимости Республики Каракалпакстан проблема овладения государственными языками – узбекским и каракалпакским – приобретает особую остроту. Президент И. Каримов в своих трудах неоднократно подчеркивал необходимость уделять особое внимание изучению государственных языков и родного языка гражданами страны на основе приобщения молодого поколения к духовным ценностям народа, повышая интеллектуальный уровень развития, культуру общения на государственном языке, пробуждая у молодежи интерес и стремление овладеть государственным языком для более глубокого изучения истории, культуры, обучая и традиции каракалпакского народа, для укрепление тесных взаимоотношений, взаимопонимания между людьми, проявления доброжелательности уважения, что практически невозможно без общения, которое психолог Г.М. Андреева рассматривает как одну из сторон совместной деятельности, неразрывно связанной с речевой деятельностью. Это раскрывает возможности для обмена информацией, причем не только знаниями, но и действиями.

Проведение экспериментальной работы по вопросу формирования основ навыков общения в дошкольных учреждениях – в группах с русским языком обучения – дало положительный результаты: дети без особого труда овладели навыками правильного произношения всех звуков каракалпакского языка, усвоили не только словарный минимум, предусмотренный программой и Госстандартом, но и значительно больше активно использовали типовые модели конструкции предложения, наполняя их новым содержанием. На основе созданных ситуаций дети вели диалоги, составляли связные высказывания. Достигнутые успехи определялись правильным руководством процессом усвоения умственных действий (теория П.Я. Гальперина и Н.Ф. Талызиной о психологии мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий) с опорой на дидактические принципы.

Одной из форм организации общения была использована театрализованная игра, в процессе подготовки и проведения которой дети разви-

вали не только речь, овладевая актерскими способностями, но и отрабатывали навыки общения, а также совершенствовали художественно-изобразительные, музыкальные навыки в процессе подготовки к спектаклю: дети сами готовили костюмы, пригласительные билеты, атрибуты к игре, декорации. В качестве средств для отработки навыков ведения диалогов использовались народные игры, построенные на диалогах, а также окружающая среда, произведения устного народного творчества, авторские произведения, дидактические игры в сочетании с двигательной деятельностью детей. Осуществление же комплексного подхода к решению задач обучения, воспитания и развития создавало предпосылки для развития самостоятельности в построении конструкций предложений, наполняя знакомую конструкцию новым содержанием.

В целях повышения эффективности формирования навыков общения у детей необходимо проводить глубокие исследования для уточнения содержания образования, поиска оптимальных форм организации работы с учащимися, эффективных методов и приемов работы с опорой на новую педагогическою технологию. А это требует конкретизации целей, задач обучения, воспитания и развития детей, использования психологов по вопросам психического развития детей, поэтапного формирования умственных действий, развития мышления в процессе обучения, видов обобщения, теоретических основ проблемного обучения, а также вопросов взаимосвязи речевой деятельности с различными видами деятельности. Кроме того, необходимо строить работу по обучению каракалпакскому языку на основе достижений современной педагогики, в частности, введения новых методов и приемов обучения, предусматривающих возможности для осуществления постоянного контроля за процессом усвоения знаний на всех этапах, тем самым выявлять пробелы в знаниях и своевременно устранять их, усиливая внимание созданию проблемных ситуаций, что должно повысить уровень навыков общения на изучаемом языке.

А.М. Ульянов

ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ ЛИЧНОСТИ И СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕНОРМАТИВНОГО КРИЗИСА

Мировой финансовый кризис вызвал рост безработицы, увеличение финансовых рисков и поставил людей в новую психологическую стрессовую ситуацию. Ухудшение качества жизни, нестабильность экономики, ощущение невозможности что-либо изменить – все эти

мощнейшие стрессогенные факторы, несомненно, значительно влияют на удовлетворенность людей своей жизнью, на переживание благополучия, на психическое и физическое здоровье. Адаптация к перемене социально-экономического уклада требует от человека психофизиологических и социально-психологических способностей пережить чрезвычайную ситуацию перехода от одних общественных систем к другим. Актуальным является вопрос: как влияют активность жизненной позиции и оптимизм на стратегии преодоления?

Практическая ценность работы заключается в том, что данные этого исследования могут быть использованы в разработке успешных стратегий преодоления ненормативных кризисов. Мы изучали взаимосвязь стратегии поведения в ситуации кризиса и личностных жизненных установок – ценностных ориентаций, оптимизма–пессимизма и демографических особенностей. В качестве объектов данного исследования выступали менеджеры высшего и среднего звена – 60 человек. Предмет исследования – жизненная позиция и жизнестойкость, оптимизм и активность, стратегии и средства преодоления финансового кризиса менеджеров высшего и среднего звена. Были поставлены следующие задачи: изучить особенности жизненной позиции и жизнестойкости, выраженности оптимизма среди менеджеров разного возраста, пола и статуса, сравнить восприятие ситуации финансового кризиса, адаптированность к ней, изучить предпочтения стратегий преодоления финансового кризиса в зависимости от жизненной позиции и жизнестойкости.

В ходе исследования использовались методики: шкала AOS в адаптации Н.Е. Водопьяновой для определения психологического типа личности по степени выраженности оптимизма–пессимизма и активности–пассивности; тест жизнестойкости в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой; тест смысложизненных ориентаций в адаптации Д.А. Леонтьева; анкета демографических данных; вопросы, выявляющие факторы поддержки для преодоления кризиса, стратегические цели и средства преодоления кризиса.

Далее были проведены обработка данных методами математической статистики, анализ и интерпретация полученных результатов.

По результатам исследования мы определили, что молодые менеджеры чаще используют активную стратегию, а менеджеры старшего возраста более оптимистичны по сравнению с молодыми менеджерами. Топ-менеджеры более активны и оптимистичны по сравнению с рядовыми менеджерами. Большинство менеджеров считают, что кризис затронул их сильно, но они легко его преодолевают. Менеджеры с

высокими показателями жизнестойкости и оптимизма более высоко оценили свою адаптацию к финансовому кризису по сравнению с коллегами с относительно низкими показателями жизнестойкости и оптимизма. В качестве стратегического средства преодоления большинство выбрали волю и целеустремленность, затем были отмечены изменение политической ситуации и пережидание. Менеджеры с высокими показателями жизнестойкости и смысложизненных ориентаций полагают, что для преодоления кризиса им помогут, прежде всего, «изменение политической ситуации» и «профессиональный и жизненный опыт», а менеджеры с низкими показателями жизнестойкости и смысложизненных ориентаций – «помощь друзей», «вера в судьбу». Была обнаружена положительная взаимосвязь между показателями жизнестойкости, смысложизненных ориентаций, оптимизма и личностным ресурсом «профессиональный и жизненный опыт», между показателем жизнестойкости и таким средством преодоления кризиса, как «эмиграция», между показателем жизнестойкости и стратегией «обогащение». Обнаружена отрицательная корреляция между показателем жизнестойкости и таким средством преодоления кризиса, как «расширение социальных связей», между показателями жизнестойкости и «надеждой на судьбу».

Практическая значимость работы состоит в том, что выявлены успешные стратегии преодоления кризисных ситуаций у руководителей, показана значимость активной жизненной позиции для преодоления трудных жизненных ситуаций. Следующим этапом разработки данной тематики может явиться разработка методов, направленных на формирование активной жизненной стратегии. Полученные результаты могут использоваться для увеличения эффективности работы руководителей в условиях кризиса.

Ф.А. Управителев, Я.А. Ледовая

ДИАГНОСТИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «КРАСИВОЕ» АССОЦИАТИВНЫМ МЕТОДОМ

Целью настоящего исследования было выявление субъективных представлений о содержании понятий «красивое» и «красивое в бизнесе» у представителей двух выборок: людей, имеющих опыт работы в бизнесе, и людей, не имеющих такого опыта. Для этого мы предлагали респондентам привести ассоциации к тому, что для них является 1) красивым и 2) красивым в бизнесе. Опрос проводился в письменной

форме в два этапа методом цепного ассоциативного эксперимента, без ограничения по времени. На первом этапе респонденты давали ассоциации к понятию «красивое в бизнесе», на втором – к понятию «красивое». Мы предполагали, что такое разделение позволит уменьшить влияние смысловой интерференции, возникающей при последовательной работе с двумя семантическими полями.

В исследовании приняли участие 27 человек с опытом работы в бизнесе и 30 человек – без опыта. Всего было получено 102 блока ассоциаций: 57 блоков для понятия «красивое в бизнесе» и 45 – для понятия «красивое». С точки зрения объема ассоциативных рядов, респонденты, имеющие опыт работы в бизнесе, более плодотворны: в среднем ассоциативный ряд для понятий «красивое в бизнесе» и «красивое» составил 17 единиц, в то время как респонденты, не работающие в бизнес-сфере, продуцируют около 13 ассоциаций для обоих понятий.

Анализируя максимально часто встречающиеся ассоциации (данные обрабатывались методом частотного контент-анализа в программе научно-исследовательского комитета «Теория социальных систем» «Контент-анализ v1.6»), можно увидеть, что семантические поля изучаемых понятий для представителей двух выборок – имеющих и не имеющих отношение к бизнесу – различаются по своему составу. «Красивое в бизнесе» для респондентов, имеющих опыт работы в коммерческой сфере, – скорее, инновативное, экономически удачное решение интеллектуальной и бизнес-задачи. Наиболее часто встречающиеся ассоциации – «просто», «яркий», «неожиданное», «умно», «продуманное», «решение», «новизна». Для людей, далеких от бизнес-задач, «красивое в бизнесе» чаще ассоциируется с рекламой как способом «красивого продвижения» или свойствами симпатичных им бизнес-продуктов. Наиболее часто встречаются ассоциации: «оригинальное», «просто», «удобно», «идеи», «смелое», «ярко», «креативность», «приятное», «решение», «изящное», «реклама».

Несколько респондентов, имеющих бизнес-опыт, в качестве ассоциаций упомянули названия компаний и брендов, известных своими инновациями в управлении и технологиях («Google», «Toyota», «Артемий Лебедев»). Можно сказать, что «красивое в бизнесе» респонденты, работающие в бизнесе, описывают с точки зрения «продавца» или «организатора бизнес-процессов», тогда как не работающие в бизнесе респонденты описывают «красивое в бизнесе» как потребители, не заинтересованные в механизмах управления или продуцировании бизнес-идей.

Среди представлений о понятии «красивое» также найдены различия между респондентами из двух групп. Люди с опытом работы в бизнесе описывают «красивое» при помощи существительных и используют более определенные, конкретные ассоциации («гармоничное», «изящное», «небо», «женщина», «вода», «природа»). Люди без опыта работы в бизнесе, напротив, строят ассоциативные ряды на основе прилагательных и используют метафорические, размытые определения («цвет», «доброе», «природа», «простое», «гармоничное», «впечатляющее», «глубокий», «приятное», «интересное», «светлое»). При помощи апофатических определений, начинающихся с приставки или частицы «не», «красивое в бизнесе» определяют люди, имеющие к нему отношение. Подобные определения встречаются в среднем в три раза чаще среди респондентов этой группы и именно при продуцировании ассоциаций к понятию «красивое в бизнесе» («незаменимый», «ненавязчивый», «нетривиальное», «нескучное»). Можно предположить, что опыт работы в бизнесе способствует расширению списка сфер, через которые можно определять понятие «красивого в бизнесе», хотя и не способствует конкретному знанию.

Мы проанализировали списки ассоциаций на предмет наиболее часто встречающихся характеристик изучаемых понятий в обеих группах. «Архетипическими» ассоциациями для понятия «красивое в бизнесе» стала триада «просто, ярко, решение», а базовыми ассоциациями для понятия «красивое» – триада «гармоничное, цвет, природа». В связи с продуктивностью полученных результатов мы надеемся продолжить изучение представлений о понятиях «красивое» и «красивое в бизнесе» при помощи расширенного набора психосемантических методов.

А.А. Филатов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИОМЕТРИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ ПРИ ПОДБОРЕ МЛАДШИХ КОМАНДИРОВ

Исследование проводилось в 148 учебном отряде ВМФ г. Выборга. В настоящее время срок службы в ВС РФ составляет 12 месяцев, из которых 6 месяцев военнослужащие обучаются в учебном отряде. После сдачи экзаменов они получают военную учетную специальность и направляются для дальнейшего прохождения службы на надводные корабли, подводные лодки, а также в береговые части ВМФ. 5 % из общего числа курсантов каждого призыва остаются служить в отряде в качестве младших командиров на должностях заме-

ститель командира взвода и командир отделения. В первую очередь на них возлагается большая ответственность за обучение и воспитание личного состава молодого пополнения. Им можно доверить выполнение различных сложных задач, не боясь, что они подведут, потому как младшие командиры – это наиболее подготовленные, обязательные и добросовестные военнослужащие, это авторитеты, лидеры в коллективе.

Но зачастую младшие командиры не только не могут служить примером для молодого пополнения, но еще и совершают грубые дисциплинарные проступки. Причина – некачественный подбор военнослужащих на должности младших командиров, а также слабый контроль за должностными лицами, осуществляющими подбор младших командиров. А в результате – самовольные отлучки, неуставные взаимоотношения, суициды и как следствие – неудовлетворительное морально-психологическое состояние личного состава и отсутствие сплоченного воинского коллектива.

В свете данной проблемы и было проведено исследование с целью определения на основе метода социометрии военнослужащих, способных выполнять обязанности младших командиров, которое включало в себя два этапа. 1. Декабрь 2009 г. – обследование призыва осень–2009 в начале периода обучения. Необходимо отметить, что рота укомплектована молодым пополнением полностью в соответствии со штатной емкостью в ноябре, т. е. данный этап исследования был проведен спустя месяц, когда военнослужащие успели познакомиться и адаптироваться в новом коллективе. 2. Май 2010 г. – обследование призыва осень–2009 в конце периода обучения. Второй этап был проведен спустя 5 месяцев, когда у военнослужащих сложилось устойчивое мнение друг о друге.

На первом этапе обследовано 75 человек из 82. По результатам были составлены социоматрица и социограмма. Выявлено следующее. Общее количество выборов – 835 из 5550 возможных. Наибольшее количество положительных выборов получили 4 военнослужащих. Условно обозначим их 1, 2, 3, 4. Итак, 1-й – 47 из 48 полученных; 2-й – 39 из 42; 3-й – 33 из 36; 4-й – 19 из 22. Данные военнослужащие являются лидерами в группе, причем все четверо также выбрали и друг друга. На втором этапе обследовано 79 человек из 82. Общее количество выборов – 902 из 6162 возможных. Наибольшее количество положительных выборов получили 4 военнослужащих: 1-й – 33 из 33 полученных; 2-й – 25 из 26; 3-й – 25 из 25; 4-й – 32 из 34. Важно указать, что и на первом и на втором этапах обследования коллективом

выделены четверо одних и тех же военнослужащих, которые признаны авторитетами в коллективе. Командованием роты всем четверым были даны высокие экспертные оценки по трем критериям: учебная деятельность, служебная деятельность и воинская дисциплина. Также с данными военнослужащими было проведено тестирование с использованием опросника МЛО «Адаптивность» для определения уровня нервно-психической устойчивости (НПУ), так как высокий уровень НПУ является неотъемлемым условием для кандидата. По результатам получено: у 1-го – 2 группа НПУ, у 2-го – 3, у 3-го и 4-го – 1 группа.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что применение метода социометрии должно быть определяющим при подборе кандидатов на должности младших командиров, тем более если прослеживать динамику, применяя метод несколько раз. А взгляды начальников должны лишь дополнять полученный результат. Используя социометрию, комплектование воинских подразделений младшими командирами будет более качественным и, следовательно, количество происшествий и преступлений, совершаемых военнослужащими, будет гораздо меньше.

Ю.И. Филимоненко, А.П. Вазилов

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ИМИДЖ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОЙ ЛИЧНОСТИ

Конкурентность и, соответственно, конкурентоспособная личность являются базовыми феноменами того рыночного социально-экономического устройства, которое постепенно формируется в России. Поэтому изучение особенностей восприятия населением этих феноменов, отношения к ним, приписывания им конкретных психологических характеристик, можно использовать для оценки степени «включенности» населения в новую экономическую реальность.

Анализ литературных данных обнаруживает существенное разнообразие понятий «конкуренция», «конкурентоспособность» и «конкурентоспособная личность». Однако в качестве некоего доминирующего вектора можно рассматривать следующий набор определений: • конкуренция: соперничество за достижение лучших результатов на каком-либо поприще; управление субъектом своими конкурентными преимуществами (ценностями); • конкурентоспособность: свойство субъекта, которое отражает его потенциальные возможности и страстное желание быть более успешным; • конкурентоспособная личность:

психологически здоровая личность, умеющая ставить и достигать задуманных целей путем сотрудничества с другими людьми, уважающая как себя, так и окружающих людей, уверенная в своих силах, имеющая навыки самоограничения и обладающая внутренней свободой. Общий смысл подобных определений заключается в постулировании их сущности как конструктивного начала, позитивного по своим последствиям для индивида и всего социума.

В нашем эмпирическом исследовании проведено анкетирование жителей г. Москвы (как наиболее продвинутого региона России) в количестве 41 человека в возрастном диапазоне от 21 до 49 лет. В выборке испытуемых поровну представлены мужчины и женщины, все они имеют высшее образование и преимущественно работают в коммерческих структурах. Под задачи исследования была создана анкета, фиксировавшая отношение испытуемых к конкурентоспособной личности, а также к двум типам государственного управления: авторитаризм и демократия. Включение в анкету последних мотивировалось тем, что конкурентоспособность – это качество, оцениваемое радикально по-разному в этих формах управления. Все ответы испытуемого оценивались в 7-балльной шкале, в которой 4 балла – нечто среднее.

На эмоциональном уровне конкурентоспособность и конкурентоспособная личность (начальник, коллега, подчиненный) оцениваются безусловно положительно. И, более того, в среднем испытуемые нашей выборки рассматривают себя как безусловно конкурентоспособных (5,2 балла из 7 возможных). Самыми важными факторами, обеспечивающими конкурентоспособность, были названы целеустремленность, знания и интуиция. К числу наименее значимых испытуемые отнесли этичность, физическую силу и мораль.

Вычисление среднегрупповых оценок показало, что кункурентоспособной личности прежде всего приписываются следующие психологические характеристики: уверенность (6,2 балла), решительность (6,1) и энергичность (6,0). Наименее ценными для такой личности оказались честность (4,0) и открытость (3,9). Испытуемые подтвердили важность для них воспитания конкурентоспособности в собственных детях (5,2). Правда, субъективную понятность того, как обеспечить такое воспитание, они оценили определенно ниже (4,7), а уровень своих реальных действий по воспитанию конкурентоспособности – еще ниже (4,2).

Ассоциируя демократию и авторитаризм с набором психологических характеристик, испытуемые естественно нарисовали два полярно противоположных образа. При этом психологический образ демократии

оказался безусловно более благостным. Однако в итоге усредненный психологический профиль конкурентоспособной личности оказался ближе к профилю авторитаризма (rxy = 0,91 при $p \leq 0,05$) и в некотором противоречии с профилем демократии (rxy= – 0,56, стат. незнач.).

Таким образом, представления экономически активных и образованных людей о конкурентоспособности и конкурентоспособной личности характеризуются внутренней противоречивостью. При общей позитивной оценке этих категорий у испытуемых отсутствует ясность в отношении путей воспитания соответствующих им качеств, а набор составляющих их личностных особенностей носит, скорее, авторитарный характер, акцентирующий силовой компонент в личности и пропускающий морально-этическую составляющую. Иначе говоря, конкурентоспособность в настоящее время представляется не как стремление к успеху и высшим достижениям, а как способность победить других в достижении одной и той же цели.

Т.Л. Филимонцева

ГРАФИЧЕСКИЕ И ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В РАБОТЕ ПРАКТИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА

Одним из направлений работы практического психолога является эмоциональная сфера личности. Информация и знания об эмоциях необходимы человеку для лучшего понимания не только самого себя, но и других людей. Для того чтобы мы смогли говорить «на одном языке» с другим человеком, нам необходимо «попасть» в его картину мира, посмотреть на происходящее «его глазами». В этом случае мы сможем приблизиться к тому, как он воспринимает, понимает и интерпретирует окружающий его мир. Способность понимать действительность и осознавать значения своих действий и действий других людей является основой для полноценной социальной саморегуляции личности, дает возможность передавать свое знание другому, сочувствовать ему и сотрудничать с ним.

В психологии выделяют несколько способов экстериоризации ментальных представлений об эмоциях: через словесное описание, графическое изображение, сценическое изображение с помощью выразительных движений. На наш взгляд, в качестве диагностического инструментария в данном исследовательском поле могут выступать проективные графические и психосемантические методы, выбор которых был обусловлен рядом причин. Одним из преимуществ данных мето-

дов является то, что испытуемые работают с категориями в «режиме употребления». Это позволяет выделить некоторые неосознаваемые компоненты данных категорий, а также опосредованно, моделируя некоторые жизненные ситуации и отношения, исследовать личностные образования, выступающие прямо или в форме различных личностных установок.

Кроме этого, следует отметить, что одним из преимуществ используемых методов является степень неопределенности стимульного материала, отсутствие структуры, навязываемой извне. В результате самостоятельного структурирования материала респондентом перед исследователем открываются до этого времени скрытые черты личности субъекта. Стимульный материал проективных тестов является экраном, на который испытуемый проецирует свои скрытые конфликты, чувства, желания и идеи. По мнению Е.Ю. Артемьевой, хорошо унифицирующие эксперимент методики с навязанными категориями неудобны для интерпретации результатов, поскольку навязывание оказывается добавочной трансформацией, искажающей изучаемые единицы. Априорно выбранные экспериментатором шкалы могут оказаться незначимыми для испытуемых, не отражающими истинную систему категорий, опосредующую восприятие объектов, а также нет полной уверенности в том, что категории, предъявляемые экспериментатором, оцениваются респондентами по тем же параметрам, что и слова, их обозначающие (Артемьева, 1999).

Таким образом, поскольку графические и психосемантические методы носят проективный характер, слабо структурированы, включают достаточно свободно сформулированные задания, то получаемые результаты менее подвержены контролю сознания, и в этом смысле их информативность имеет особую ценность.

Н.В. Флёрко

СХЕМАТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ ДЕТЕЙ 6 ЛЕТ С ТРУДНОСТЯМИ В ОБУЧЕНИИ, ОБУСЛОВЛЕННЫМИ ЗПР

Дошкольный возраст является важным этапом в развитии ребенка, так как именно в этом возрасте происходит закладка основных психофизиологических основ будущей личности. Ребенок готовится к следующему ответственному этапу своей жизни – к школьному обучению. Наиболее важным в этом отношении является старший дошкольный возраст, когда осуществляется развитие новых и совершенствова-

ние уже имеющихся процессов, необходимых в последующем для обучения в школе. Большое значение для будущего обучения в школе имеет схематическое мышление, которое в условиях нормы развивается с 5–5,5 лет. Оно развивается на основе наглядно-образного мышления и является основой для появления словесно-логического. Его содержанием является возможность выделять основные параметры ситуации, качества предметов, на основании которых проводится их классификация и обобщение. Такая возможность существует в том случае, если предметы присутствуют во внешнем плане. Если раньше ребенок при обобщении или классификации предметов опирался не только на существенные, но и на второстепенные качества, то теперь у него появляется возможность осуществлять классификацию с помощью выделения только существенных свойств и признаков.

Полноценное познавательное развитие ребенка в дошкольном возрасте позволяет ему успешно социализироваться в обществе, усваивать социокультурный опыт, овладевать объемом знаний и умений, необходимых для дальнейшего обучения в школе. Дети с трудностями в обучении, обусловленными задержкой психического развития (ЗПР), характеризуются в этом плане иными возможностями по сравнению с нормально развивающимися сверстниками. В связи с этим они оказываются не подготовленными своевременно к школьному обучению. Выявление особенностей схематического мышления позволит правильно построить коррекционно-развивающую работу и наиболее эффективно организовать процесс подготовки к школе детей с трудностями в обучении, обусловленными ЗПР.

В связи с этим была определена цель нашего исследования: изучить особенности схематического мышления у детей 6 лет с трудностями в обучении, обусловленными ЗПР. Для достижения поставленной цели нами была сформирована экспериментальная группа, состоящая из детей 6 лет, обучающихся по программе обучения и воспитания детей дошкольного возраста с задержкой психического развития на базе СДУ я/с № 5 г. Гродно. Исследование проводилось с использованием теста Когана, предполагающего три этапа. На первом этапе ребенку предлагалось разложить карточки по цвету, на втором – по форме, на третьем – карточки надо было расположить на матрице с учетом и формы, и цвета. Задания первых двух этапов не смогли выполнить 37,5 % детей. При этом они либо выкладывали фигуры в ряд без учета формы и цвета (в произвольном порядке), либо перекладывали фигуры с одного места на другое. Невербальная помощь экспериментатора не оказывала положительного влияния на выполнение

задания детьми экспериментальной группы. Остальные дети справились с первыми двумя заданиями теста. Анализируя в целом первые два этапа теста, необходимо отметить, что для детей 6 лет с трудностями в обучении, обусловленными ЗПР, была характерна практически одинаковая успешность выполнения задания на классификацию фигур по цвету и по форме.

Наиболее сложным заданием для детей экспериментальной группы была классификация с одновременным учетом двух признаков: формы и цвета. Данное задание выполнили 37,5 % детей. При этом только у одного ребенка выбор каждой последующей фигуры не был основан на особенностях предыдущей. У остальных двух детей отмечались трудности одновременной ориентации на два признака фигуры. У них отмечалась последовательная ориентация на признаки. Дети выбирали из совокупности предложенных фигур все фигуры одного цвета или формы и только после этого раскладывали их на матрице, потом переходили к фигурам другого цвета или формы.

Таким образом, можно отметить, что у большинства детей 6 лет с трудностями в обучении, обусловленными ЗПР, был отмечен низкий уровень схематического мышления. Они испытывали трудности при систематизации фигур на матрице. При этом у них отмечалась частичная ориентация на тот или иной признак. Чаще всего дети при заполнении матрицы ориентировались на цвет, но не учитывали форму фигур. Это позволяет говорить о необходимости проведения коррекционно-развивающей работы с детьми с целью подготовки их к школьному обучению.

С.Ю. Флоровский

К ВОПРОСУ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕДИКЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Развитие организации представляет собой сложный, нелинейный и чрезвычайно драматичный процесс. Поэтому поиск надежных индикаторов тренда организационного развития принадлежит к числу «вечно актуальных» проблем прикладной психологии. В этой связи целесообразно обратить внимание на интеракционные процессы, протекающие на ведущих уровнях организационно-управленческой иерархии. Именно к этой категории интеракционных процессов принадлежит совместная управленческая деятельность (СоУД) руководителей высшего и среднего статусно-должностных рангов, фокусиро-

ванная на регуляции межгруппового взаимодействия структурных подразделений и/или организационных подсистем, представляющая собой один из важнейших синергетических механизмов функционирования и развития организации как целостного субъекта социально-экономической активности.

Декларативно основной целью управленческого взаимодействия руководителей (как центрального психологического процесса и ситуативно-обусловленной формы реализации СоУД) признается обеспечение согласованности и упорядоченности в протекании организационных процессов, противодействие энтропийным факторам, поддержание оптимального баланса тенденций стабильного функционирования и динамичного развития предприятия. В то же время повседневная реальность мало напоминает обрисованную выше нормативную модель. Напротив, характерными для повседневных контактов управленцев оказываются «непрозрачность» и закрытость по отношению друг к другу, конкуренция и соперничество, преобладание установки на максимизацию объема прав и властных полномочий в сочетании со стремлением минимизировать свои социальные обязательства и подконтрольность кому бы то ни было. Понять причины преобладания в управленческом взаимодействии положительной или отрицательной синергии невозможно без обращения к анализу той части детерминационного поля СоУД, которая представлена стабильными личностными свойствами взаимодействующих руководителей.

Операционально регулирующее влияние личностных свойств руководителей на СоУД может быть раскрыто в результате выявления и анализа значимых связей параметров личности руководителей с такими интегральными характеристиками СоУД, как продуктивность–непродуктивность, легкость–затрудненность, общая эффективность–неэффективность управленческих интеракций. Реализация исследовательской схемы «личностные свойства × статус руководителей в системе связанных с СоУД организационно-управленческих отношений» позволяет эксплицировать такие составляющие культуры организации, как комплекс реально-действующих норм поведения и взаимодействия, функционально-ролевых и межличностных ожиданий, а при использовании адекватных стратегий интерпретации – и содержание культурообразующих «базовых представлений».

Оказывается возможным лучше понять, как именно тот или иной тип культуры генерируется и поддерживается за счет психологических механизмов, действующих на уровне интерперсонального взаимодействия представителей топ- и мидл-менеджмента. Как правило, лич-

ностно-обусловленные причины принятия–отвержения конкретных руководителей в качестве партнеров по СоУД практически не рефлексируются менеджерским сообществом организации. В то же время эти личностные механизмы регуляции управленческого взаимодействия репрезентируют не только «устоявшиеся» и стабилизировавшиеся характеристики организационной культуры, но и тенденции организационно-культурного тренда, находящиеся в стадии формирования.

Варианты «сцепления» личностных характеристик руководителей и параметров их управленческих интеракций существенно варьируют от организации к организации (а также на различных этапах жизненного цикла одной и той же компании). Данное обстоятельство является не недостатком, а достоинством рассматриваемой технологии социально-психологического мониторинга и прогнозирования организационного развития. Обусловлено же это высокой сензитивностью личностных механизмов регуляции СоУД к организационно-культурному и ситуационно-деятельностному контексту ее реализации. В свою очередь гибкость личностно-регулятивных механизмов СоУД открывает возможность целенаправленного коррекционно-оптимизирующего влияния как на профессиональное сознание руководителей, так и на культуру предприятия в целом – через поддержку–неподдержку управленческим сообществом определенных личностных оснований построения повседневного организационного поведения менеджеров высшего и среднего ранга.

Т.В. Фоломеева

ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Психология потребительского поведения относительно недавно заявила о себе как о самостоятельной области психологической науки. В социальной психологии потребительское поведение выступает предметом как прикладных, так и фундаментальных исследований, концептуальной основой которых является когнитивная парадигма. Идеи конструирования социального мира К. Гергена, конвенциального характера социального познания, взаимозависимость социального действия и социального дискурса и другие нашли отражение в исследованиях потребительского поведения. Большое влияние на формирование собственно психологического подхода к анализу и интерпретации потребительского поведения сыграла также и этнометодология

Г. Гарфинкеля. Отсюда – пристальное внимание исследователей к повседневным взаимодействиям и коммуникациям, интерес к обыденным интерпретациям потребления, формированию потребительских привычек. Еще одним источником концептуальных и методологических идей социальной психологии потребительского поведения является теория социальных представлений С. Московиси.

Подход к социальным представлениям как функциональному видению мира, позволяющему индивидам (группам) придавать значение поведению, понимать мир через систему отношений, адаптироваться к ней, занимать в ней место, лежит в основе исследований символического потребления. Обозначенные выше направления исследований и теории позволяют нам предложить обобщенную концептуальную схему социально-психологической теории потребительского поведения. Потребительское поведение представляет собой частный случай социального поведения. Оно характеризуется вариативностью, гибкостью, подвижностью, имеет систематический характер и определенную логику развития, постоянно воспроизводится в коммуникативных ситуациях.

Существуют несколько уровней проявления потребительского поведения: • ведущие стратегии потребительского поведения; • потребительские привычки; • ситуативное, спонтанное потребление. Конструирование потребительских предпочтений происходит на социальном и индивидуальном уровнях. Изменчивость потребительских предпочтений основывается на культурном производстве обществом потребительских норм и социальных изменениях. Потребительская социализация отражает индивидуальный уровень усвоения и воспроизведения потребительского опыта, создания собственного уникального стиля. Коммуникация разных уровней (средства массовой коммуникации, маркетинговые коммуникации, межличностные коммуникации, общение) является особым средством и, одновременно, пространством формирования индивидуального потребительского стиля.

Процесс потребления представляет собой классификацию и социальную дифференциацию, в результате которой «каждый занимает свое место в обществе», определяет собственную социальную идентичность. Знаковое потребление отражает особую форму представления себя другим, превращается в потребление символов. Товары и услуги используются для обозначения себя как члена той или иной социальной группы или, наоборот, для подчеркивания своего пребывания вне ее. Потребительское поведение выходит за рамки ограниченного набора ситуаций товарно-денежного потребления. Закономер-

ности и механизмы потребительского выбора проявляются во многих видах социального поведения. Предмет социально-психологического исследования потребительского поведения можно определить как изучение закономерностей социального поведения людей в ситуациях приобретения и использования товаров, услуг, идей и способов действий, а также в процессе распоряжения ими.

Складывающиеся в современной России рыночные отношения диктуют необходимость разработки новых методологических подходов. Феноменология потребительского поведения россиян обусловлена уникальным социальным контекстом общественных трансформаций. Универсальные механизмы потребительского поведения, изученные в странах со стабильной рыночной экономикой, имеют свою специфику в России. Этот факт и то, что социальная психология потребительского поведения находится на начальном этапе своего развития, определяют особую важность социальной ответственности исследователя. Потребительское поведение настолько вплетено в повседневную обыденную жизнь людей и столь часто включено в социальный дискурс, что предоставляет исследователям естественную «площадку» для анализа сложных социально-психологических явлений. В этом заключается научный потенциал разработки данной проблематики.

Т.В. Фоломеева, Ф.Н. Винокуров

ФЕНОМЕН ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ

Потребительские товары, обладающие одинаковыми утилитарными характеристиками, выступают как носители социально-значимой информации, дифференцирующей их в глазах потребителей. Источником подобной информации является не столько образ самого продукта и знание о его потребительских свойствах, сколько бренд, который репрезентирует данный продукт. Именно в отношении индивида к бренду в первую очередь проявляется потребительская лояльность.

Мы определяем лояльность потребителей как наличие и степень выраженности позитивного аттитюда по отношению к бренду, структура которого содержит три компонента. Лояльность на когнитивном уровне подразумевает способность судить о практических преимуществах продукции с конкретным брендом. На эмоциональном уровне лояльность проявляется как приятные индивиду переживания, возникающие при любого рода взаимодействии с брендом. Поведенческий компонент лояльности предполагает не только действия, непосред-

ственно связанные с потреблением и использованием товаров и услуг, но и соблюдение тех поведенческих паттернов или ритуалов, которые неразрывно связаны с образом бренда в сознании потребителя. Лояльность потребителя не является обязательным условием приобретения товара, но обусловливает потребительское поведение в ситуации выбора из нескольких альтернатив и подкрепляется опытом использования продукции и постоянством выбора бренда – повторным приобретением.

Сложившаяся на протяжении долгого времени лояльность к бренду может сформировать барьер к восприятию собственного негативного опыта использования данного бренда, критики и отрицательных отзывов со стороны других. В итоге наиболее явным социально-психологическим механизмом потребительской лояльности является формирование установки на позитивный опыт взаимодействия с брендом и минимизация (до полного отрицания) негативных моментов, связанных с брендом. Лояльные потребители не только склонны игнорировать негативную информацию о бренде, но и могут вступать в активную полемику с его критиками.

Целью нашего исследования было установление характера влияния, которое оказывает участие в сообществе потребителей бренда на лояльность к этому бренду. Одно из предположений состояло в том, что разделенная с другими членами сообщества приверженность к бренду становится групповой нормой, и в дальнейшем группа прививает высокую степень лояльности к бренду новым участникам. К примеру, такой группе будет гораздо проще противостоять поступающей негативной информации о бренде, чем лояльному потребителю в одиночку. В интернет-сообществе каждый участник может разделить свою приверженность к бренду с другими, аккумулировать эту приверженность и в некоторой степени перенести ее влияние на всю группу. Впоследствии приверженность этому сообществу, симпатия к отдельным его участникам может увеличить степень лояльности к бренду или удерживать ее на постоянном уровне.

Объектом нашего исследования выступали участники интернет-сообществ. В выборку вошли мужчины и женщины старше 16 лет, участники популярных сообществ брендов Pepsi Light (pepsilight.ru), Kaspersky (kaspersyclub.ru), Lexus (club-lexus.ru), Ford (ffclub.ru). Сбор данных осуществлялся методом электронного анкетирования. В исследовании использовалась модель ценностных ориентаций М. Рокича, позволившая проанализировать ценности интернет-сообщества, бренда и ценностные проявления социальной идентично-

сти респондентов. Оценка степени лояльности к брендам осуществлялась с помощью методики NPS Ф. Райчхельда. Оценка приверженности участников к интернет-сообществу проводилась по следующим поведенческим факторам: интенсивность общения с другими участниками, участие во встречах сообщества, причастность к развитию сообщества, привлечение новых участников.

Результаты исследования показали, что чем больше стаж участия в сообществе, тем выше лояльность к бренду. Значимость индивидуальных ценностей лояльных к бренду участников и ценностей, декларируемых сообществом, различна. Индивидуальные ценности лояльных бренду потребителей не соответствуют декларируемым ценностям их сообщества в целом. При этом наиболее значимые и наименее значимые ценности сообщества полностью соответствуют наиболее значимым и наименее значимым ценностям бренда, и общий уровень лояльности к бренду среди участников интернет-сообщества является высоким. Полученные данные доказывают, что лояльность потребителей к брендам может стать основой формирования и развития новых социальных групп.

А.Н. Харитонов, К.И. Ананьева

ОКУЛОМОТОРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Глубокий интерес к проблеме общения проявился в отечественной психологии на рубеже 1970–1980-х гг. в работах яркого представителя Ленинградской школы Б.Ф. Ломова, его коллег и последователей. Особое внимание уделялось влиянию взаимодействия людей на организацию познавательных процессов. Было показано, что развитие коммуникативной ситуации обусловливает поиск полезной информации, динамику переживаемых ощущений, воспроизведение определенных событий, формирование понимания и взаимопонимания; при этом воображение и мышление пронизывают все уровни познавательной сферы человека. Изучение феноменологии общения позволило выделить основные типы взаимодействия коммуникантов (Ломов, 1981, 1984; Ломов, Беляева, Носуленко, 1985; Ломов, Беляева, Коул, 1988).

Традиционно изучение совместной деятельности предполагает анализ речевой продукции, который в частности опирается на выделение двух групп характеристик: гносеологических (связанных с познанием природы какого-либо явления) и коммуникативных (связанных

с передачей информации собеседнику) (Барабанщиков, Носуленко, 2004). С их помощью описываются функциональные характеристики восприятия. Ключевым моментом исследования является анализ сходства и различия наблюдаемых предметов или событий (Самойленко, 2009). Появление новых технологий и специализированных средств регистрации познавательной активности человека позволяет существенно расширить методические возможности анализа коммуникативных ситуаций, сблизив процедуры лабораторного эксперимента с реальными способами жизни и деятельности человека.

В проводимых нами исследованиях коммуникативных аспектов познавательных процессов используется аппаратно-программный комплекс, включающий две мобильные установки видеорегистрации окуломоторной активности человека (SMI, iViewXTM, HED 4). Миниатюрные видеокамеры (f дискретизации 50 Гц), снимающие смещения роговичного блика (точность 0,5°), монтируются на жестком велосипедном шлеме, установленном на голове каждого испытуемого. Испытуемые, находясь в одном помещении, разделены непроницаемым экраном, но имеют возможность общаться вербально. Участникам исследования предлагается выполнить ряд заданий, связанных с изобразительной деятельностью (методика Г.М. Цукерман «Варежка») либо опознанием сложного объекта (морфированные фотоизображения лица). Анализ текстов, продуцируемых испытуемыми, строится на основе лингвистических методов: устанавливаются операциональные значения слов, переопосредование и др.

Особое место занимает анализ окуломоторной активности испытуемых, позволяющий получить более дифференцированную информацию, по сравнению с видеозаписью или наблюдением за поведением испытуемых. Перспективный путь разработки проблемы общения связан с изучением целостных окуломоторных образований (структур), выражающих относительно высокий уровень организации движений глаз. Влияние этого уровня обнаруживается, например, в программировании паттернов сканирования, которые не сводятся к сумме отдельных дрейфов и саккад; каждое из выполняемых движений может быть понято лишь в рамках всего паттерна в целом. Относительно элементарных движений глаз окуломоторные структуры восприятия имеют собственные закономерности организации.

В рамках данного подхода окуломоторный акт выражает активность субъекта восприятия. За ориентацией оптических осей глаз скрывается уникальная позиция наблюдателя, благодаря которой целенаправленный поворот оказывается столь же пристрастным, сколь

пристрастно самое чувственное восприятие действительности. Через отношение к субъекту глазодвигательная активность становится предметом психологического исследования, а ее регистрация – методом изучения психических процессов, состояний, деятельности и общения человека. По существу такие функции движений глаз, как когнитивная, исполнительная, измерительная, контролирующая и др. являются характеристиками субъекта восприятия (содержанием того, что он делает в данный отрезок времени), перенесенными на средства его взаимодействия с объектом; с точки зрения механизма выполнения окуломоторного акта, они, конечно, искусственны (Барабанщиков, 1997, 2002).

Включение анализа окуломоторной активности в исследование когнитивно-коммуникативных процессов позволит более эффективно познать закономерности их организации, формирования и развития.

Исследование проводится при поддержке ГК Роснауки № 02.740.11.0420, РГНФ № 09-06-01108а, № 10-06-00362а.

Т.С. Харитонова

ОПРОСНИК «ATW» В ИССЛЕДОВАНИИ ГЕНДЕРНЫХ УСТАНОВОК

Гендерная проблематика в психологии вызывает большой интерес у исследователей, и к настоящему моменту получено множество эмпирических данных (Т.В. Бендас, 2005; И.С. Клецина, 2003; Н.В. Ходырева, 2003; А.Е. Чирикова, 2001 и др.). Внимание отечественных психологов привлекает изучение упрощенных, схематизированных, эмоционально окрашенных образов мужчин и женщин (В.Е. Каган, 2000; И.А. Тупицына, 2003; Н.С. Цикунова, 2003 и др.). По-прежнему остается актуальным вопрос о методах выявления и изучения гендерных стереотипов и установок. Анализ освещенных в литературе исследований по гендерной тематике показал, что в отечественной психологии при изучении гендерных стереотипов и установок опросники используются крайне редко.

Поскольку данный метод позволяет сократить время обследования, облегчить обработку результатов, а также расширить контингент испытуемых, представляется важным рассмотреть один из опросников, который может быть применен российскими психологами: “Attitudes Toward Women” (ATW) активно используется в исследовательской практике с конца 1970-х гг. (P. Chesler, 2001). Данная методика была создана в 1972 г. Спенсом и Хелмрейхом (J. Spence, R. Helmreich). Название опросника обманчиво и дословно переводится как «Установ-

ки по отношению к женщинам». В действительности методика создана для измерения установок по отношению к равноправию женщин и мужчин (N. Нельсон, 2003). Представление о том, что мужчины и женщины диаметрально противоположны, а любое качество, которое может быть свойственно личности, определенно можно отнести либо к «мужским», либо к «женским», было подвергнуто критике. Признавая неадекватность биполярной модели, при создании опросника Спенс и Хелмрейх исходили из того, что людям могут быть присущи как черты, которые традиционно ассоциируются с женщинами, так и те, которые обычно ассоциируются с мужчинами.

Опросник ATW состоит из ряда утверждений, характеризующих взгляды разных людей относительно участия женщин в различных областях жизни общества. Испытуемому необходимо выразить свое согласие / несогласие с каждым из них. Спенс и Хелмрейх разработали полную версию, включающую 55 вопросов, и сокращенные формы опросника. В практике эмпирических исследований используются все варианты (S.A. Basow, 1986; T. Damji, C.M. Lee, 1994; R. Loo, R. Thorpe, 2005). При обработке данных получаем для каждого испытуемого количественный показатель его/ее установок по отношению к женщинам. Чем выше полученный суммарный балл, тем более выражены эгалитарные установки на равноправие мужчин и женщин; чем он ниже, тем более выражены традиционные установки, построенные на асимметрии «женского» и «мужского» (Т. Нельсон, 2003).

Сторонники эгалитарного взгляда полагают, что женщины должны обладать такой же свободой, как мужчины и в профессиональной, и в личной жизни. Традиционная (консервативная) позиция поддерживает гендерные стереотипы, очерчивающие строго определенные типы поведения, виды деятельности для мужчин и женщин (O.C. Brenner, J. Tomkiewicz, 1986). ATW является наиболее часто используемой методикой в эмпирических исследованиях за рубежом (Т. Нельсон, 2003; P. Chesler, 2001). Эта шкала популярна в проведении кросскультурных исследований. Описаны данные о применении шкалы ATW исследователями различных стран (США, Бразилия, Испания, Китай, Тайвань и т. д.) (W.T. Bailey, E.A. Less, D.R. Harrell, 1992; L.M. Hinshaw, G.B. Forbes, 1993; I. Walker, 1993 и др.).

Опросник ATW относится к числу того психодиагностического инструментария, который доказал свою кросскультурную универсальность и получил признание исследователей многих стран мира. Нам представляется важным адаптация данной методики и применение ее в

исследовании, направленном на изучение отношения россиян к равноправию мужчин и женщин.

Т.Ю. Харитонова

ОПЫТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ КАК ЖИЗНЕННОЕ СОБЫТИЕ

Проблемное поле данного исследования находится на стыке психологии восприятия, психологии переживания и психологии жизненного пути человека. Литературы по психологии искусства и психологии художественного восприятия написано достаточно много, начиная с психоаналитической школы и заканчивая современными исследованиями когнитивных психологов. Но при изучении литературы мы обратили внимание на недостаточное освещение в психологической науке восприятия произведений искусства в соединении с экзистенциальным переживанием опыта художественного восприятия.

Непосредственное восприятие произведений искусства в музее или картинной галерее отделено от переживания человеком собственных жизненных событий. Актуальность нашего исследования заключается в том, что мы соединили экспериментальное исследование восприятия произведений искусства с изучением эмоционального переживания и привлечением индивидом собственного жизненного опыта для осмысления воздействия произведений искусства. Новизна работы состоит не только в проведении экспериментального исследования в музее, но и в том, что мы разделили позитивный для индивида опыт художественного восприятия и восприятие произведений искусства со стереотипной точки зрения как шедевров. Мы не склонны критиковать мировое художественное наследие, а призываем к глубинному психологическому осмыслению искусства с точки зрения непосредственного воздействия на человека и проявления результатов этого воздействия в экзистенциальном опыте индивида.

В ходе нашего исследования мы хотели ответить на вопрос – в каком случае опыт художественного переживания становится для индивида жизненным событием и осознается индивидом как приобретение нового взгляда на привычную окружающую действительность. Нами были определены следующие проблемы нашего исследования: влияние темперамента на опыт художественного восприятия произведений изобразительного искусства, взаимосвязь выбора предпочитаемых произведений изобразительного искусства с критическим умом и жизненными событиями, переживаемыми индивидом. Целью исследования явилось экспериментальное подтверждение изменения опыта ху-

дожественного восприятия различных произведений изобразительного искусства.

Объектом исследования явилось восприятие произведений изобразительного искусства. Предметом исследования были эмоции, переживаемые индивидом при восприятии произведений изобразительного искусства Гипотезы исследования: при восприятии некоторых произведений изобразительного искусства имеет место конфликт между стереотипным предпочтением и эмоциональным реагированием; индивидуально-психологические и социально-психологические характеристики человека определяют выбор предпочитаемых произведений изобразительного искусства; соответствие выбора произведения функциональному состоянию индивида взаимосвязано с особой чувствительностью индивида в сочетании с определенными социально-психологическими и индивидуально-психологическими характеристиками. Выборка была разделена на 2 части – сотрудники музея, имеющие специальное образование, и посетители музея. Возраст – от 18 до 60 лет. Методы исследования: методы наблюдения и измерения физиологических показателей; проективные методы; методы самооценки эмоционального и психофизиологического состояния; авторские опросники.

В результате проведенного исследования были сделаны выводы: статистически значимых различий в восприятии произведений изобразительного искусства между посетителями и сотрудниками музея, имеющими специальное образование, выявлено не было. Обнаружено влияние нейротизма на выбор индивидом произведений изобразительного искусства как предпочитаемых; выявлена взаимосвязь между характеристиками жизнестойкости, удовлетворенности уровнем жизни, функциональным состоянием индивида в момент восприятия произведений искусства. Обнаружено различие между функциональным состоянием индивида и самооценкой состояния при восприятии некоторых произведений искусства как шедевров. Практическую значимость данной работы определяет разработка и апробирование батареи методик, предназначенных для исследования восприятия произведений изобразительного искусства в музее.

А.С. Харитонова

ОСОБЕННОСТИ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ. АВТОРСКИЙ ОПРОСНИК «ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ»

В отечественной и зарубежной литературе до сих пор не было диагностического инструментария, направленного на оценку выраженности процесса целеполагания у субъекта деятельности. Поэтому возникла задача нашего исследования: создать инструмент (методику), позволяющий выделять разные уровни целеполагания и его специфику. После теоретического анализа методов психологического тестирования мы остановились на такой форме, как стандартизованный опросник, поскольку он является наиболее удобным методом групповой диагностики, позволяет более строго интерпретировать ответы и более прост в обработке данных при массовых обследованиях. На первом этапе разработки опросника для выделения особенностей целеполагания мы предъявляли учащимся 83 утверждения, которые были связаны с выполнением ими деятельности или непосредственно оценивали их личностные качества, имеющие значение для выполнения деятельности. Апробация первых вариантов показала, что большей дифференцирующей способностью обладают те утверждения, которые адресуются к особенностям деятельности испытуемых, а не непосредственно к их личностным качествам, хотя по своей психологической сути это могут быть практически эквивалентные утверждения.

В результате статистической обработки данных с использованием программы SPSS 14 было выделено пять факторов. Первоначальный опросник, состоявший из 83 вопросов, был доработан, были выделены 66 вопросов с высокой факторной нагрузкой (от 0,3 при $p \leq 0,05$), которые и составили данный конечный вариант опросника.

Фактор I: настойчивость – качество личности, заключающееся в умении добиваться поставленной цели, преодолевая при этом внутренние и внешние препятствия; характеризуется упорством, реалистичностью восприятия ситуации и своих возможностей, уверенностью в себе, активностью в постановке и достижении цели, высоким уровнем притязаний и самооценки, твердым знанием того, что нужно, быстрой ориентацией в ситуации.

Фактор II: самоорганизованность – характеризуется ответственностью, внутренним фокусом контроля, рациональностью, развитым самоконтролем и рефлексией, внутренней потребностью доводить все до конца, склонностью к самостоятельной работе без контроля со стороны.

Фактор III: ориентированность на перспективу – характеризуется ориентацией на конечный результат, прогностическими возможностями, способностью корректировать план в соответствии со складывающимися обстоятельствами, способностью строить долгосрочные планы, ориентацией на будущее, способностью учитывать последствия и

результаты планируемых событий, способностью рационально распределять этапы выполнения работы по достижению цели, свои силы, рабочее время, четким представлением конечного результата, эффективным управлением временным ресурсом, склонностью к систематическому планированию. При постановке цели субъект определяет временные рамки для ее достижения.

Фактор IV: мотивированность – объясняет целенаправленность действия, организованность и устойчивость целостной деятельности, направленной на достижение определенной цели; твердое следование намеченным планам, сила воли, ответственность за принятые решения, гибкость при преследовании конечной цели, ценностно-смысловая наполненность, критичность, стремление не выпускать ситуацию из-под контроля.

Фактор V: решительность – способность человека самостоятельно принимать решения и неуклонно реализовывать их в деятельности, способность своевременно принимать решения, твердость при принятии решения, ориентация на себя при постановке цели, целеустремленность, гибкость.

Данная методика предназначается для того, чтобы выявить различия в уровне функциональной сформированности целеполагания. Таким образом, опросник «Эффективность целеполагания» предназначен для диагностического исследования эффективности и качественной специфики целеполагания у подростков и взрослых. Результаты по разработке, валидизации и использованию опросника позволяют утверждать, что данным опросником можно определять уровень целеполагания у обследуемых. Опросник может использоваться психологами, социальными работниками. Применять тест можно как индивидуально, так и в групповой работе.

А.А. Хван, О.И. Гончарова

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ УТОМЛЕНИЯ УЧИТЕЛЯ

Нами рассмотрены особенности утомления учителя в зависимости от характера профессиональной деятельности и типа образовательного учреждения. Мы полагаем, что у современных педагогов утомление, возникая как функциональное состояние, переходит в хронические формы с последующей фиксацией в виде уже личностных образований, таких как раздражительность, склонность к депрессивным, невротическим реакциям и т. д.

В качестве показателей, интегрирующих особенности трудовой нагрузки педагогической деятельности, мы выбрали показатели трудового стажа и преподаваемого предмета. Использовались три опросника А.Б. Леоновой для диагностики физического, умственного и хронического утомления.

На первом этапе было обследовано 293 учителя школ г. Новокузнецка, разделенных на группы по педагогическому стажу: 1–10 лет, 11–20 лет, 21–30 лет. В ходе исследования выявлено, что показатели острого умственного утомления у учителей со стажем 1–10 лет достоверно выше, чем у учителей со стажем 11–20 и 21–30 лет ($t = 2,78$, $p < 0,01$; $t = 3,16$, $p < 0,001$). Между группами учителей со стажем 11–20 и 21–30 лет подобных различий не выявлено ($t = 1,14$). Относительно острого физического утомления достоверных различий между группами учителей с различным стажем не выявлено. Иначе обстоит дело с хроническим утомлением. Было выявлено прогрессивное увеличение степени хронического утомления у учителей параллельно с ростом педагогического стажа. Различия между педагогами первой и второй по стажу группами, второй и третьей и первой и третьей высоко достоверны (на уровне $p < 0,01$; $p < 0,001$).

В ходе проведения исследования было также установлено, что на наличие и степень выраженности хронического утомления большое влияние оказывает дополнительная нагрузка в деятельности учителей, связанная с административной деятельностью. В частности было выявлено, что из 236 учителей, не занимающих административные должности, с педагогическим стажем от 1 до 30 лет, хроническое утомление переходит в область патологических состояний (астенический синдром) у 4 человек. У 20 представителей администрации (директорский состав, завучи), находящихся в тех же пределах педагогического стажа, астенический синдром зафиксирован в 7 случаях, т. е. более чем в 20 раз чаще.

Следует отметить, что это лишь предварительные результаты, поэтому, на наш взгляд, целесообразна дальнейшая разработка данного направления исследования. В связи с необходимостью перехода от сравнительных суждений к оценочным и получения психометрических норм об уровнях развития конкретных видов утомления учителя, была проведена стандартизация полученных данных и введены поправки в оценочные шкалы А.Б. Леоновой и М.С. Капицы. Далее было проведено обследование учителей школ (101 человек) и гимназий (100 человек). Установлено, что в гимназиях утомление учителей достоверно

выше по сравнению с учителями обычных школ. Причем это характерно для всех видов утомления.

Дальнейший анализ показал, что по степени развития конкретных видов утомления учителей эти типы школ также различаются, причем различаются в разы. Так, сильная степень физического утомления выявлена у 30 % учителей гимназий по сравнению с 17,82 % учителей обычных школ. Аналогично сильное умственное утомление выявлено у 15 % учителей гимназий и только у 3 % учителей обычных школ. Особенно большие различия выявлены по параметру «хроническое утомление». Так, сильная степень выраженности хронического утомления выявлена у 35 % учителей гимназии и у 13,86 % учителей обычных школ. Развитие хронического утомления до уровня астенического синдрома выявлено у 17 % педагогов гимназии и у 7,92 % учителей обычных школ. Фактически это означает, что высокий уровень развития хронического утомления обнаружен у половины обследованных учителей гимназий и у каждого пятого учителя обычной школы.

Полученные результаты автоматически делают обследованные группы учителей представителями группы риска. Наше исследование выявило дифференциацию в развитии различных видов утомления в зависимости от стажа профессиональной деятельности учителя, специфики преподаваемого предмета и типа образовательного учреждения. Остаются открытыми вопросы о степени вклада этих факторов в развитие утомления, роли интенсификации педагогического труда, заработной платы и т. д. Решение этих и других вопросов является нашей следующей задачей.

К.Д. Церенова

ЛОЯЛЬНОСТЬ К ОРГАНИЗАЦИИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ

Многие известные во всем мире компании добились высоких результатов за счет последовательного повышения вовлеченности персонала в жизнедеятельность организации. Современные успешно развивающиеся компании рассматривают свой персонал как главный источник продуктивной и эффективной деятельности компании и выделяют одним из важных показателей лояльное отношение сотрудников к организации. Лояльность по отношению к организации следует целенаправленно формировать, но, тем не менее, в данном вопросе многое зависит не только от руководства организации, но и от самих со-

трудников, от их потребностей профессиональной деятельности, ценностных ориентаций.

Цель проведенного исследования состояла в изучении взаимосвязи направленности личности сотрудников с лояльностью к организации, где под направленностью понимаются ценностные ориентации и потребности профессиональной деятельности. Безусловно, эти параметры оказывают влияние на качество и эффективность деятельности сотрудников организации, постановку целей, конкурентоспособность организации, принятия управленческих решений и на другие процессы в организации.

Для достижения данной цели на первом этапе были оценены потребности профессиональной деятельности, ценностные ориентации и лояльность. На втором этапе исследования была проанализирована взаимосвязь направленности личности с реальной и демонстрируемой лояльностью сотрудников. В исследовании приняли участие 117 сотрудников банка: 24 человека – представители линейного руководства и 93 – сотрудники организации, возраст от 19 до 58 лет, стаж работы в данной организации от 6 месяцев до 16 лет; из них 19 мужчин и 98 женщин. В процессе исследования были использованы следующие психодиагностические методики: анкета «Уровень лояльности сотрудника» С.В. Мясниковой и Е.С. Белимовой, проективная методика «Пословицы» Е.С. Выговской, опросник, разработанный Ш. Шварцем и адаптированный на российской выборке В.Н. Карандашевым, методика Ш. Ричи и П. Мартина.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы: 1. Для большинства сотрудников банка очень важным является понимание, терпимость в отношении себя и других людей, благополучие близких, родных, а также благополучие окружающей среды. 2. У сотрудников не удовлетворены потребности в высокой заработной плате и материальном вознаграждении, в четком структурировании работы, в завоевании признания со стороны других людей, в совершенствовании, росте и развитии как личности, а также в ощущении востребованности в интересной общественно-полезной работе. 3. Лояльность сотрудников к своей организации находится на высоком уровне; демонстрируемый уровень соответствует реальному уровню лояльности. То есть сотрудники заботятся о поддержании своего и чужого благожелательного, корректного, уважительного отношения к организации, соблюдения существующих в ней правил, норм, предписаний и могут отстаивать корпоративные ценности своей компании на высоком уровне осознания. Сотрудники банка к недостаткам в работе

относятся терпимо и воспринимают их как возможность развития компании.

Данные результаты свидетельствуют о том, что чем больше сотрудники ориентируются на понимание, терпимость, защиту благополучия себя и окружающих, стабильность своего коллектива и взаимоотношений в нем, стараются избегать действий, которые могут причинить вред другим, тем выше уровень их реальной лояльности по отношению к организации, они больше проявляют гордость за свою организацию, совершенствуют свои профессиональные знания, умения и навыки, проявляют правдивость, честность, откровенность, открытость во взаимоотношениях с коллегами, взаимопомощь и взаимоподдержку, отзывчивость и внимательность друг к другу, готовность сотрудников решать проблемы коллег.

Проведенное исследование подтверждает необходимость рассмотрения вопросов формирования и поддержания лояльности к организации через исследование ценностных ориентаций, потребностей профессиональной деятельности. Данное исследование позволяет разработать рекомендации по вопросам повышения лояльности сотрудников к организации, анализируя их ценностные ориентации и потребности профессиональной деятельности. Также данное исследование может помочь в организации более эффективной работы сотрудникам отдела персонала и руководителям.

З.И. Цику

ЭМПАТИЯ В СИСТЕМЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ

В профессиогенезе личности процесс развития специальных способностей, обусловливающих ее профессиональную успешность и самореализацию, занимает особое место. В труде педагога специальные способности играют центральную роль, обеспечивающую успешность профессиональной деятельности. Остается недостаточно исследованной сфера педагогического труда, объектом которого выступает ребенок с проблемами в развитии. Специальные педагогические способности педагога коррекционного образовательного учреждения входят в систему базовых профессиональных способностей педагога; они персонифицируются как индивидуальные способности педагога, являясь одновременно способностями организационного уровня, т. е. способностями группового субъекта коррекционной педагогической деятель-

ности, являясь условием успешного функционирования специализированного образовательного учреждения.

Исследование проводится на базе муниципальных дошкольных образовательных учреждений г. Краснодара: МДОУ-ДС № 214 комбинированного вида, включающего в структуру группы для детей с расстройствами аутестического спектра. Группу испытуемых составили педагоги общего дошкольного образования (26 человек), педагоги-дефектологи и психологи, включенные в общее образование и коррекционно-развивающий педагогический процесс (31 человек). Совокупная выборка исследования составила 57 испытуемых, из них 19 человек имеют стаж педагогической деятельности до 10 лет, а 38 человек – свыше 10 лет.

Исследование основано на анализе психодиагностических данных, полученных в группе испытуемых по методике «Опросник диагностики эмоционального интеллекта» Холла (шкала «Эмпатия»). Установлено, что эмпатия как компонент эмоционального интеллекта имеет в профессиональной среде коррекционных педагогов уровень ниже, чем в среде педагогов общего дошкольного образования. Причем этот «разрыв» с накоплением стажа профессиональной деятельности возрастает. Педагоги коррекционной деятельности со стажем до 10 лет имеют значительно более высокий уровень эмпатии ($p < 0,05$), чем их коллеги со стажем свыше 10 лет и ровесники, работающие в массовых группах дошкольного учреждения. Дополнительным результатом анализа установлено, что снижению эмоционального интеллекта по показателю эмпатии подвержены не все педагоги-дефектологи. Менее всего это явление наблюдается в среде логопедов, а более всего – в среде воспитателей специализированных групп.

Проведенный анализ показал, что развитие специальных способностей педагога-дефектолога является не прямолинейным процессом. Эмпатия, составляя значимый компонент эмоционального интеллекта в системе специальных педагогических способностей субъекта коррекционно-развивающей деятельности, подвергается с накоплением профессионального стажа деформации, что, в свою очередь, можно рассматривать как фактор риска развития эмоционального выгорания педагога.

Д.А. Циринг, К.Ю. Эвнина

АДАПТАЦИЯ МЕТОДИКИ ТЖО КАК ИНСТРУМЕНТА ДИАГНОСТИКИ ОПТИМИЗМА И ПЕССИМИЗМА

В психологической науке существуют два подхода к диагностике оптимизма и пессимизма. Согласно одному из них (М.Ф. Шейер и Ч.С. Карвер) оптимизм и пессимизм представляют собой обобщенные ожидания от будущего. Согласно второму (М. Селигман) данный конструкт отождествляется с атрибутивным стилем субъекта. Каждый из приведенных концептуальных подходов предлагает свой инструментарий для диагностики оптимизма-пессимизма. В первом случае это тест жизненных ориентаций, во втором – опросник стиля атрибуции.

Целью проведенного нами исследования было осуществление адаптации методики «Тест жизненных ориентаций» (ТЖО). Оригинальная методика представляет собой тест-опросник из 10 утверждений относительно будущего человека, с которыми испытуемому предлагается согласиться или не согласиться. При этом опросник содержит 4 вопроса-наполнителя, не влияющие на результаты тестирования. При создании русскоязычной версии методики мы посчитали недостаточным количество пунктов в опроснике и расширили тест до 35 утверждений (из них 9 вопросов-наполнителей). При формулировании новых утверждений были приняты во внимание особенности «российского оптимизма и пессимизма»: вера в чудо, устремленность в будущее как противоположность сиюминутности, оптимистическое отношение, не связанное с материальным благополучием.

В ходе пилотного исследования, в котором участвовали 52 испытуемых, мы установили меру внутренней согласованности методики (б = 0,926, p = 0,000), корреляцию оригинальной и дополнительной частей опросника (r = 0,807, p = 0,000) и надежность половинного расщепления (r = 0,907, p = 0,000). Произведенные процедуры позволили перейти к следующему этапу адаптации методики – определению надежности и валидности теста. Наилучшей процедурой определения надежности является проведение повторного исследования – установление ретестовой надежности, коэффициент которой для адаптированного нами опросника является достаточным, чтобы говорить о высокой ретестовой надежности теста (r = 0,839, p = 0,000) (78 участников, временной интервал – 1 месяц). Тест называется валидным, если он измеряет то, для измерения чего предназначен.

Исходя из результатов, полученных в ходе математической обработки данных (78 испытуемых), была установлена конкурентная валидность адаптируемой методики. Мы измерили соотношение полу-

ченных с помощью нашей методики показателей с результатами методик ASQ (итоговый показатель) (r = 0,516, p = 0,000) и СМИЛ (шкалы оптимистичности и пессимистичности) (r = 0,063, p = 0,597 и r = – 0,408, p = 0,000). Таким образом, показатели ТЖО имеют достаточно высокие показатели корреляции с методикой М. Селигмана ASQ в адаптации Л. Рудиной, обратную корреляцию со шкалой пессимизма теста СМИЛ, но не коррелируют со шкалой оптимизма этого же теста. Последнее может являться следствием отсутствия теоретического единства понимания оптимизма и пессимизма, лежащего в основе методики и нуждается в последующем уточнении.

Нами была теоретически описана очевидная и конструктная валидность методики. Также для определения валидности методики важную роль играет уровень внутренней согласованности методики. Как уже было установлено ранее, адаптируемый нами тест является внутренне согласованным. Таким образом, с помощью методов математической статистики были установлены надежность и валидность «Теста жизненных ориентаций», что позволяет перейти к стандартизации теста и описанию нормативных показателей. Для этого мы проверили соответствие распределения полученных результатов нормальному с помощью критерия Колмогорова–Смирнова, что позволило произвести процедуру линейной стандартизации (242 испытуемых 17–22 лет).

При линейной стандартизации определяются границы интервалов «сырых» оценок, соответствующие стандартным тестовым показателям. Пользуясь полученной таблицей тестовых норм, индивидуальный результат («сырой» балл) переводят в шкалу стенов, что позволяет интерпретировать выраженность измеряемого свойства.

При интерпретации результатов «Теста жизненных ориентаций» следует руководствоваться следующими характеристиками: 1 стен – крайний пессимизм; 2–3 стена – пессимизм; 4–6 стенов – промежуточные значения; 7–9 стенов – оптимизм; 10 стенов – крайний оптимизм. Модифицированная и адаптированная нами методика «Тест жизненных ориентаций» подтвердила свою состоятельность и готова к использованию в научных и практических интересах специалистов в области психологии.

Е.Н. Червонцева

КОМПЛЕМЕНТАРНОСТЬ СУПРУГОВ ПО ПОРЯДКУ РОЖДЕНИЯ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ БРАКОМ

Основной составляющей социально-психологического климата семьи является удовлетворенность браком, которая определяется как субъективная оценка, отношение супругов к собственному браку. Изучение взаимосвязи сиблинговой позиции супругов и стабильности семейных отношений (У. Тоумен, Р. Ричардсон, М. Боуен, Е.В. Гроздова, А.Г. Лидерс и др.) поможет объяснить, что стиль межличностного взаимодействия супругов в браке зависит от взаимодополнения супругов по сиблинговому положению, варианты каких комбинаций сиблинговых позиций являются наиболее благоприятными для брака, что комплементарность позиций супругов по порядку рождения влияет на удовлетворенность отношениями.

Согласно теории У. Тоумена, люди склонны выбирать брачного партнера по сиблинговому положению, которое должно быть дополнительным к их собственному сиблинговому положению. Когда это достигается, браки отличаются большей стабильностью и благополучием по сравнению с другими. В связи с этим супружеские связи по порядку рождения могут быть комплементарными, некомплементарными и частично комплементарными. Комплементарный брак – это союз, в котором каждый из супругов занимает то же положение, какое он имел по отношению к сиблингам. Частично комплементарные отношения устанавливаются, когда один или оба партнера в родительской семье имели несколько типов связей со своими братьями и сестрами, из которых по крайней мере одна совпадает с таковой у партнера. Некомплементарный брак – брак партнеров с одинаковой сиблинговой позицией в родительской семье.

Целью исследования было определение характера взаимосвязи сиблинговой позиции и удовлетворенности браком. В исследовании приняли участие 36 супружеских пар со стажем брака от 8 до 15 лет с учетом сиблинговой позиции. Для оценки степени удовлетворенности браком мы использовали методику «Опросник удовлетворенности браком», разработанную В.В. Столиным, Т.А. Романовой, Г.П. Бутенко. Результаты проведенного исследования позволили сделать следующие выводы: 1) у мужчин удовлетворенность семейными отношениями выше, чем у женщин (ц* = 2,00 при б = 0,05), это объясняется, во-первых, тем, что в семьях часто наблюдается несправедливое распределение семейно-бытовых обязанностей между супругами, во-вторых, для женщин важнее соответствие между реальным и идеальным представлением о супруге, чем для мужчин; 2) при сравнении уровня удовлетворенности браком у мужчин и женщин с различными видами супружеских отношений по порядку рождения выявлено, что в

частично комплементарных (ц* = 1,600 при б = 0,05) и некомплементарных браках (ц* = 3,068 при б = 0,01) удовлетворенность семейными отношениями мужчин выше удовлетворенности женщин; 3) выявлена взаимосвязь комплементарности–некомплементарности позиций супругов в браке по порядку рождения и удовлетворенности браком: в комплементарных браках обнаружена максимальная удовлетворенность брачными отношениями (r = 0,500 при p = 0,1). В таких отношениях супруги дополняют друг друга по сиблинговому положению, поэтому браки отличаются стабильностью и благополучием.

В браке старшего и младшего ребенка супругам легче договориться и подстроиться друг под друга, так как они воспроизводят свой опыт взаимоотношений с братьями и сестрами. В частично комплементарных союзах – частичная удовлетворенность браком (r = 0,643 при p = 0,05), т. е. в таких отношениях частичное совпадение позиций супругов среди сиблингов неполностью согласует ожидания супругов в отношении межличностного взаимодействия. Для некомплементарных отношений характерна неудовлетворенность браком (r = 0,600 при p = 0,1), что связано с конкуренцией в борьбе за присвоение одной и той же межличностной роли. В таких браках супругам труднее договориться и действовать согласованно. В случае брака двух старших детей наблюдается борьба за власть и конкуренция во взаимоотношениях. Брак между супругами, являющимися младшими детьми в своих семьях, приводит к тому, что ни один из них не будет стремиться брать на себя ответственность за принятие семейных решений.

Таким образом, проведенное исследование показало, что приобретенный опыт взаимодействия с братьями и сестрами переносится на отношения с супругом, что соответствие статусов супругов по порядку рождения приводит к большей удовлетворенности семейными отношениями по сравнению с браками, в которых супруги занимают одну и ту же позицию среди братьев и сестер.

Д.И. Чернего, Р.Ж. Мухамедрахимов, М.Ю. Васильева

ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НЕДОНОШЕННЫХ ДЕТЕЙ В СЕМЬЯХ И ДОМАХ РЕБЕНКА

Психическое развитие недоношенных детей во многом определяется факторами социального окружения. Целью нашей работы явилось изучение особенностей психического развития недоношенных детей

первого года жизни, проживающих в различных условиях социального окружения, а именно в домах ребенка и семьях.

В лонгитюдном исследовании, проведенном на базе домов ребенка и ДГБ № 22 г. Санкт-Петербурга, приняли участие дети, воспитывающиеся в трех разных условиях социального окружения. Первая исследовательская группа включала детей (срок гестации 33,75 ± 2,18 недель), воспитывающихся в традиционных для домов ребенка условиях, характеризующихся нестабильностью, нечувствительностью и неотзывчивостью социального окружения. Во вторую группу вошли дети (срок гестации 34,56 ± 1,50 недель), воспитывающиеся в доме ребенка после изменения социального окружения путем проведения двух видов вмешательства – обучения персонала и структурных изменений в группе, направленных на стабильность, постоянство и социальную отзывчивость ухаживающего за ребенком персонала, на создание условий проживания детей, близких к семейным. Третью группу составили дети (срок гестации 34,00 ± 1,93 недели), воспитывающиеся в семьях.

В данное исследование были включены дети, не имеющие патологической симптоматики развития центральной нервной системы. Обследование детей проводилось в возрасте 3, 6, 9 и 12 месяцев. Для определения уровня психического развития использовали «Шкалу оценки уровня развития Баттелл», состоящую из 5 шкал: личностно-социального развития, моторного развития, адаптации, коммуникации, познавательных процессов, а также шкалы общего развития. Анализ данных осуществлялся с использованием программного комплекса SPSS 13.0. Решение о значимости различий принималось на 5 %-ном уровне ($p < 0,05$). Было проведено межгрупповое сравнение уровня развития недоношенных детей трех групп. Результаты сравнительного анализа по шкале общего развития свидетельствуют о более высоком уровне развития детей, воспитывающихся в доме ребенка после изменений, в сравнении с детьми из дома ребенка до изменений в 3 мес. (тенденция, $p = 0,096$), 6 мес. ($p = 0,032$), 9 мес. ($p = 0,001$) и 12 мес. ($p = 0,028$). Также общий уровень развития детей из дома ребенка после изменений выше в сравнении с детьми из семей в 9 мес. ($p = 0,044$) (в 6 мес. – на уровне тенденции, $p = 0,095$).

Подробный внутригрупповой анализ позволяет обнаружить следующие закономерности. Недоношенных детей, воспитывающихся в доме ребенка после изменения социального окружения, отличает более высокий уровень развития навыков внимания и питания в 3, 6, 9, и 12 месяцев ($p < 0,05$) в сравнении как с детьми из обычного дома ребенка,

так и с семейными детьми. Кроме того, дети из дома ребенка после изменений наиболее успешны в когнитивном (в 9 мес., $p = 0{,}04$), коммуникативном (в 6, 9 и 12 мес., $p < 0{,}05$), моторном (в 6, 9 мес., $p < 0{,}05$, и 12 мес., $p = 0{,}065$) и личностно-социальном развитии (в 9 и 12 мес., $p \leq 0{,}05$) в сравнении с детьми из дома ребенка до изменений.

Недоношенные дети, воспитывающиеся в семьях, имеют выше уровень развития в области личностно-социального (в 3 и 12 мес., $p < 0{,}02$), коммуникативного (в 3, 6, 12 мес., $p < 0{,}05$, и 9 мес., $p = 0{,}058$), познавательного (в 12 мес., $p = 0{,}002$) и моторного развития (в 9 и 12 мес., $p \leq 0{,}001$), чем дети из дома ребенка до изменений, и ниже уровень личностно-социального развития в 9 мес. ($p = 0{,}001$), чем дети из дома ребенка после изменений.

Отметим отсутствие значимых различий между группами недоношенных детей, воспитывающихся в семьях и домах ребенка после изменений, в когнитивном и коммуникативном развитии в течение первого года жизни, а также в моторном (в 3, 9 и 12 мес.) и личностно-социальном развитии (в 3, 6 и 12 мес.). Характер наблюдаемых различий между группами недоношенных детей позволяет предположить, что более благоприятные условия стабильного, чувствительного, отзывчивого социального окружения позитивно влияют на психическое развитие преждевременно родившихся детей в течение первого года жизни.

В настоящем исследовании использована база данных, полученных при проведении совместного российско-американского научного проекта «Влияние изменения социального окружения на психическое здоровье детей», поддержанного грантом HD39017 от Национального Института здоровья ребенка и развития человека США.

Ю.Ю. Чечурова

К ВОПРОСУ ДИАГНОСТИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Исследование психологических критериев оценки деятельности организации наряду с экономическими и социальными показателями выступает важным направлением в комплексе современных психологических наук. Это даст возможность описать многоплановую природу организационной деятельности, что в свою очередь поможет сделать заключение о степени ее эффективности.

Авторская методика «Психологические критерии оценки организационной деятельности» является инструментом изучения особенностей деятельности организации. Методологической основой выступили следующие теории и концепции: рассмотрение системы целей на основе теорий Г. Кунца и С. О'Доннела, С.В. Сухова, Д. Шерингтона, где упоминается, что деятельность субъекта не связана с одной-единственной целью и имеет целую систему различных целей; концепция В.Ф. Рубахина, А.Л. Журавлева и др., рассматривающая особенности управленческой деятельности как систему функций, разбитых на производственные и социально-психологические функции управления; концепция социально-психологических факторов эффективной совместной деятельности Ю.П. Платонова и др., а также субъективные показатели деятельности, выделенные Л.Г. Почебут и В.А. Чикер; теории, в которых потребитель рассматривается как основа существования и развития бизнеса: П. Друкер, Д. Шеррингтон, модель стратегического менеджмента Баундза; важность ведения социально-ответственного бизнеса, касающегося внутренней и внешней деятельности организации, опирается на положения, рассмотренные в работах А.А. Никитина, Б.З. Мильнера, Ю.И. Быкова, М.З. Свиткина и др.; теории особенностей формирования позитивного образа организации в обществе Е.Н. Богданова, В.Г. Зазыкина, В.В. Меньщиковой и др.

Методика содержит 48 биполярных конструктов, включающих 8 шкал, описывающих следующие аспекты организационной деятельности: 1) система целей; 2) качество управленческой деятельности: производственные характеристики; социально-психологические характеристики; 3) качество индивидуальной деятельности; 4) оценка внутриорганизационной социальной ответственности; 5) оценка взаимодействия с потребителем; 6) оценка образа организации на рынке / в обществе; 7) оценка внешней организационной социальной ответственности. Предлагаемый инструментарий содержит все вопросы количественного характера, сформулированные в форме утверждений, степень согласия с которыми нужно оценить в баллах (от 1 – полностью не согласен до 7 – полностью согласен).

Исследование особенностей организационной деятельности компании рекомендуется проводить в трех ракурсах: 1) исследование представлений о существующем положении вещей в организации: • какие стандарты / критерии качества существуют; • в чем особенности организационной системы; • какие достижения результатов наиболее очевидны; 2) определение и выявление скрытых проблем: • какие проблемы не учитываются; • как можно выявить скрытые проблемы;

3) исследование представлений о том, какой должна быть организационная деятельность (в идеале): • какие требования предъявляются к эффективной организационной деятельности; • какие требования (к способностям, знаниям, умениям и навыкам) необходимы для того, чтобы справиться с задачами; • как должны вести себя сотрудники по отношению к окружающим (клиентам, руководству, сослуживцам).

Выявленные с помощью авторской методики интегральные критерии оценки являются показателями успешной (эффективной) работы организации. Дальнейшее сопоставление полученных значений позволяет выявить зоны в компании, которым необходимо уделять пристальное внимание и указать на тот структурный блок, который надо держать в зоне повышенного внимания.

Также возможна разработка рекомендаций для психологического сопровождения субъектов в условиях производственной среды, в которых определены содержательные компоненты и средства формирования у руководителей и сотрудников готовности к эффективной деятельности. Использование авторской методики позволяет строить прогноз состояния организационной деятельности современных российских бизнес-компаний в краткосрочной и среднесрочной перспективе через оценку ее компонентов. Перспективы дальнейших исследований связаны с апробацией авторской методики в организациях другого типа; дальнейшим поиском психологических детерминант эффективности организационной деятельности, связанных с субъективными критериями оценки компонентов деятельности.

В.Ф. Чижова

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ ЖЕНЩИНЫ К МАТЕРИНСТВУ И ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕБЕНКА

Проблема психологической готовности к материнству в наши дни очень актуальна прежде всего из-за понижения уровня рождаемости и увеличения количества женщин, имеющих трудности в формировании материнской сферы и, вследствие этого, отказывающихся от своих новорожденных детей или от рождения ребенка вовсе, не способных дать ребенку чувство эмоционального комфорта, окружить атмосферой любви и безусловного принятия, необходимой для полноценного его развития.

В связи с этим целью нашего исследования было изучить психологическую готовность женщин к материнству до родов и особенности

психического развития их детей в возрасте 1 года, а также выявить особенности взаимосвязей между этими параметрами. На основании поставленной цели была выдвинута гипотеза, что существует прямая взаимосвязь между психологической готовностью женщины к материнству до родов и последующим психическим развитием ее ребенка. Для достижения цели были поставлены основные задачи: 1) исследовать психологическую готовность женщин к материнству до родов; 2) проследить психическое развитие детей матерей данной выборки; 3) установить взаимосвязи между психологической готовностью женщины к материнству и последующим психическим развитием ребенка в первый год его жизни.

Исследование психологической готовности к материнству проводилось с помощью следующих методик: биографическая анкета, анкета на формирование материнской сферы, интервью, методика диагностики психологического компонента гестационной доминанты (И.В. Добряков), тест «Фигуры» (В.И. Брутман, Г.Г. Филиппова, И.Ю. Хамитова), цветовой тест отношений, рисунок семьи, анкета, выявляющая установки на воспитание, методика PARI. Исследование особенностей психического развития детей проводилось при помощи методики диагностики нервно-психического развития детей (Печора, Пантюхина) и тестов психического развития ребенка (Ильина).

Выборка состояла из 31 беременной женщины сроком беременности от 33 до 42 недель. Также проводилось лонгитюдное исследование детей родивших женщин исследуемой выборки в возрасте 1 года (в количестве 31 человека). Изучение психологической готовности женщин к материнству показало, что в целом для женщин характерен оптимальный тип отношения к беременности, но материнская сфера недостаточно хорошо сформирована. Отношение к своей беременности и будущему ребенку у большинства женщин скорее нейтральное, смешанное с тревогой, чем положительное. В отношении к воспитанию у беременных женщин не обнаружилось четкой субъект-субъектной позиции, что также свидетельствует о недостаточном формировании материнской сферы.

Результаты диагностики психического развития ребенка с помощью методики Печоры, Пантюхиной свидетельствуют о том, что наиболее развита у детей двигательная сфера. Показатели развития речи и предметной деятельности соответствуют возрастной норме. Сенсорное развитие и развитие навыков самообслуживания находится на более низком уровне развития. Данные о психическом развитии детей, полученные с помощью методики Ильиной, говорят о том, что в

большей степени у детей развиты сенсомоторная координация и двигательная сфера. Показатели навыков предметно-манипулятивной деятельности и навыков самообслуживания – на среднем уровне. Показатели восприятия формы находятся на более низком уровне развития.

Анализ взаимосвязей между показателями психологической готовности женщин к материнству и показателями психического развития их детей показал, что наибольшее количество взаимосвязей с показателями психологической готовности к материнству имеют такие показатели, как активная речь, предметно-манипулятивная деятельность, сенсомоторная координация и двигательная сфера. На показатели психического развития ребенка в наибольшей степени положительно влияют такие показатели психологической готовности к материнству, как положительное отношение к беременности, родам и матери, установка на воспитание «ощущение самопожертвования в роли матери». На показатели психического развития ребенка в наибольшей степени отрицательно влияют такие показатели психологической готовности к материнству, как гипогестогнозический (игнорирующий) тип гестационной доминанты и такие установки, как «стремление ускорить развитие ребенка», «чрезмерное вмешательство в жизнь ребенка», «излишняя эмоциональная дистанция с ребенком». Таким образом, было выявлено влияние показателей психологической готовности женщин к материнству на психическое развитие детей в первый год жизни.

Т.И. Чиркова

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ АТРИБУТИВНЫХ СВОЙСТВ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РЕАЛЬНОСТЕЙ

Психодиагностика – вечная проблема теоретической психологии и «камень преткновения» психологической практики. В ней концентрируются их сложности, противоречия, неопределенности и перспективы их преодоления. Неудовлетворенность, нарекания в адрес психодиагностики объясняются не малым количеством диагностического инструментария, а нечеткостью методологии психологических исследований; недостаточным осознанием специфики их целеполагания; отсутствием четких критериев выбора оптимальных средств измерения реальностей, интерпретации полученных данных и стратегий последующих с ними действий. Особую тревогу вызывает несоблюдение психологами принципов изучения психологических реальностей, требующих специфиче-

ских подходов исследования, в частности атрибутивных формально-динамических и содержательных свойств психического.

Атрибутивный признак (*лат.* attributum) – это примета, существенное свойство. Атрибут – это то, что «разум признает как обозначающее сущность субстанции» (Спиноза). Атрибут в философии рассматривается как неотъемлемое свойство субстанции, например движение материи; как существенный признак, свойство чего-либо; как неотъемлемая часть, свойство предмета и всего разнообразия процессов. В психологии к атрибутивным относят формально-динамические свойства: темп, ритм, скорость, сила, лабильность, активность и др. Есть методологические основания относить к атрибутивным свойствам психики дихотомию «определенность–неопределенность», присутствующую в самых различных психологических реальностях: состояниях, процессах, структурных составляющих любой деятельности. Определенностью–неопределенностью обладают временные и пространственные особенности психической деятельности и жизни человека; воздействия явлений, факторов; эти свойства составляют сущность проявления свойств личности. Много пишут о значимости для человека информационной и социальной определенности–неопределенности; часто сетуют о неопределенности личностной идентификации и т. д.

Для практических психологов знание уровней проявления этих атрибутивных свойств у субъектов чрезвычайно важно, ибо они во многом будут определять содержание и специфику его работы. Формально-динамические атрибутивные свойства темперамента, способностей и др. в дифференциальной психологии имеют давнюю историю разработки принципиально особого подхода к исследованию и специальный арсенал методов изучения (работы научных школ Б.Г. Ананьева, Б.М. Теплова, В.С. Мерлина, В.Д. Небылицина, В.М. Русалова). В диагностической деятельности практические психологи достаточно широко применяют эти методы и принципы организации исследований. Но проблема остается в разработке технологии использования этих результатов в дальнейших коррекционной, развивающей и других видах работы психологов.

Для исследования дихотомии «определенность–неопределенность» в проявлениях свойств личности могут быть применены методы, какими они изучается традиционно, но со специальной систематизацией показателей и критериев проявления форм, видов и уровней «определенности–неопределенности». Многие личностные тесты имплицитно уже включают их. (Например, это наблюдается в традици-

онной градации ответов: «да; скорее да, чем нет; не знаю; скорее нет, чем да; нет».) Важно только соблюдать принципы обработки и качественной интерпретации получаемых данных в аспекте проявления уровней определенности–неопределенности.

Атрибутивные свойства временной и пространственной протяженности, дихотомия «развитие–разрушение» требуют принципиально новых подходов к проведению исследований. Например, для нас стала очевидной необходимость нового методического инструментария изучения переживания социальной неопределенности у детей, лишенных родительского попечительства.

Эффективными оказались нарративные методы, методология исследования отдельного случая, а при анализе результатов – использование подходов социального конструктивизма К. Джерджена. Изучение закономерностей проявления когнитивной «определенности–неопределенности» в профессиональной подготовке студентов потребовало реализации в полном объеме холономного подхода, включающего изучение широкого спектра особенностей личности, смысловой ориентации, жизненной устойчивости.

Таким образом, изучение атрибутивных свойств психического требует методологии постнеклассической психологии; реализации в полном объеме холономного и сенергического подхода; особых диагностических методов.

Ю.В. Чиркова

О МЕТОДИКЕ ДИАГНОСТИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ У ДЕТЕЙ (DSQ-40)

Выявление защитных механизмов, свойственных младшим школьникам, дает психологу прекрасную возможность для анализа адаптивного потенциала ребенка, а затем разработки стратегии психологического сопровождения и психотерапевтической работы. В рамках изучения возможностей диагностики психологической защиты у детей нами было проведено пилотное исследование по модификации Опросника защитного стиля (DSQ-40), состоящего из 40 утверждений, которые соответствуют 20 защитным механизмам.

Методика позволяет определить выраженность зрелых, невротических и незрелых защит. Все утверждения опросника были адаптированы для детей. В исследовании приняли участие 50 младших школь-

ников 9–11 лет. Проведенное исследование показало, что в структуре защитного поведения у детей присутствуют все три вида защит.

По результатам обследования было выявлено, что у 56,2 % детей экспериментальной группы высокая выраженность зрелых защит. В то же время у 17,1 % школьников зрелые защиты выражены слабо. Полученные данные свидетельствуют о том, что у 70,6 % детей невротические защиты имеют средний уровень выраженности, т. е. достаточно часто используются школьниками для переживания стрессовой ситуации. В данной группе 64,2 % детей показали средний уровень выраженности незрелых защит, т. е. достаточно активное их использование. По частоте использования на первом месте оказалась идеализация, относящаяся к невротическим защитам. Далее в списке идут сублимация и юмор (зрелые защиты). Две незрелые защиты: раздвоение и обесценивание – имеют также высокую частотность использования в данной группе. Самая низкая частотность использования: незрелые защиты – проекция и рационализация, невротическая – изоляция. Анализ результатов позволил сделать вывод о том, что только у половины детей экспериментальной группы защиты имеют высокий адаптивный уровень.

Данная методика предназначена для определения адаптивного уровня защитного поведения ребенка, преобладания в структуре защиты тех или иных механизмов, дает возможность определить особенности защитного профиля личности.

К.С. Шалагинова

ПРОБЛЕМА ДИАГНОСТИКИ АГРЕССИВНОСТИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Проблема своевременной диагностики агрессивности детей является весьма актуальной и значимой в практической деятельности психолога. Наиболее распространенными эмпирическими методами диагностики агрессивности младших школьников в настоящее время являются проективные (в основном рисуночные) методики и наблюдение. По мнению многих исследователей, в диагностике агрессии наиболее эффективны проективные методы. Именно их принято рассматривать в качестве специального инструмента клинико-экспериментального исследования тех особенностей личности, которые в меньшей степени доступны непосредственному наблюдению и не выявляются с помощью опроса.

Что касается опросников, то их использование как метода диагностики агрессивных проявлений имеет существенные ограничения. Во-первых, опросники обладают слабой устойчивостью к тенденции испытуемого давать социально-желательные ответы, в связи, с чем объективность полученных результатов во многом определяется мерой доверительности испытуемого исследователю. Во-вторых, использование опросника возможно лишь для детей, достигших определенного уровня рефлексивных способностей, и неприемлемо для детей младшего школьного возраста, особенно 6–7 лет. В-третьих, несмотря на многообразие и вариативность опросников, все они предполагают наличие исследователя, функция которого сводится к опросу того или иного источника об агрессивности или враждебности, свойственной либо самому респонденту, либо какому-то другому человеку, что также привносит элемент субъективности.

В работе с младшими школьниками многими исследователями предпочтение отдается наблюдению. Связано это в основном с тем, что при работе с детьми начальной школы использование других методов затруднено по целому ряду причин, обусловленных прежде всего уровнем психического развития детей этого возраста. Несмотря на то, что наблюдение позволяет получить богатую информацию для предварительного психологического анализа особенностей поведения ребенка и составления программы исследования, оно не позволяет охватить все поведение ребенка. Кроме того, даже профессиональный наблюдатель не застрахован от влияния личных симпатий и антипатий по отношению к ребенку.

Метод оценивания другими как метод диагностики агрессивного поведения ребенка также, на наш взгляд, далек от объективности, поскольку зависит от восприятия испытуемого окружающими, которое может быть искаженным. Взаимоотношения оценивающего с испытуемым также могут повлиять на оценки. Использование системного подхода позволило нам составить программу диагностики агрессивности детей в начальной школе. При составлении программы мы исходили из положения о том, что получение объективной и достоверной информации возможно лишь при условии применения комплекса различных методов. В силу этого программа диагностики уровней проявления агрессивности младших школьников представлена проективными методиками, наблюдением, анкетой для педагогов.

Собственный опыт практической работы с детьми, а также результаты проведенного диссертационного исследования позволяют рассматривать в качестве наиболее приемлемых в настоящее время

следующие психодиагностические методики. Примерная схема наблюдения за агрессивным проявлением в поведении ребенка позволяет определить уровень агрессивности ребенка и сделать предположение о тенденции к формированию патохарактерологических агрессивных реакций. Адаптированная для экспресс-диагностики агрессивности – методика «Крокодилы». Согласно мнению специалистов по проективному рисунку это животное является символом агрессивного поведения, изображение крокодила способствует выявлению у человека агрессивных тенденций. Методика «Рисунок несуществующего животного» (РНЖ) – одна из наиболее распространенных проективных методик диагностики агрессивности детей, позволяющая выявить склонности к агрессивным формам поведения. Тест Розенцвейга (детский вариант) – модификация В.В. Доброва. По мнению С. Розенцвейга, критическая, или фрустрирующая, ситуация является прекрасным индикатором, позволяющим диагностировать нарушение поведения человека.

Анкета для педагога «Критерии агрессивности ребенка» (Г.П. Лаврентьева, Т.М. Титаренко) составлена авторами с целью выявления агрессивности у ребенка в группе детского сада или в классе.

В.В. Шаламова

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРИНЯТИЯ РАЦИОНАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ

Принятие решений – особый вид психической деятельности, направленный на выбор способа достижения поставленной цели. Ежедневно каждому человеку приходится принимать решения, как мелкие бытовые, так и глобальные, определяющие дальнейшую жизнь. Процесс принятия решений играет ключевую роль в руководстве и управлении организациями. Информатизация общества ведет к тому, что принимать решения становится все сложнее, а количество ситуаций, в которых надо принимать решения, растет неуклонно. В некоторых ситуациях выбор прост и делается неосознанно, так как предпочтения ясны и последствия небольшого количества представляемых альтернатив однозначны.

Принятие решений становится труднее, если увеличивается количество возможных альтернатив, а время оценки альтернатив и их последствий уменьшается, когда возникает неопределенность в событиях и их результатах. В связи с далеко идущим усложнением организаци-

онных и личностных решений традиционные методы деятельности часто оказываются непригодными. Ни интуиция, ни здравый смысл, ни врожденный ум не гарантируют правильного выбора из возможных альтернативных решений, относящихся к политике, экономике, культуре или бытовой жизни. Практика показывает, что если лицо, принимающее решение, опирается только на опыт или так называемую житейскую мудрость, часто принимаются ошибочные решения, которые могут приводить к фатальным последствиям.

Чтобы иметь возможность принимать рациональные решения, как организационные, так и личностные, необходимо все шире использовать научное знание. Цель данного исследования – изучить индивидуально-психологические факторы принятия рациональных решений. В исследовании приняли участие 74 респондента – руководители и специалисты коммерческих и государственных организаций России, из них 37 женщин и 37 мужчин. Возрастные рамки – от 25 до 45 лет. Средний возраст – 30,97 лет. Выдвинута следующая гипотеза. Респонденты, принимающие рациональные решения, имеют более высокий должностной статус, у них преобладает символическое мышление, низкий уровень креативности и склонности к риску, в стрессовых ситуациях они наиболее часто используют стратегию поведения «ассертивные действия».

Для исследования использованы следующие методики: опросник для определения типов мышления и уровня креативности, разработанный В.А. Ганзеном; для определения особенностей психологической готовности к риску использован комплекс методик: опросник Г. Шуберта для определения выраженности склонности к риску, опросник Т. Элерса для определения выраженности стремления к риску и уровня мотивации достижения цели и успеха, опросник Т. Элерса для определения выраженности стремления к самозащите и уровня мотивации избегания неудачи; для определения стратегий преодоления стрессовых ситуаций использована методика SACS С. Хобфолла; для оценки уровня рациональности в принятии решений использован опросник «Личностные факторы принятия решений», разработанный Т.В. Корниловой.

Полученные результаты исследования частично подтвердили гипотезу: респонденты, принимающие рациональные решения, имеют более высокий должностной статус, у них преобладает символическое мышление, низкий уровень креативности, в стрессовых ситуациях они наиболее часто используют стратегию поведения «ассертивные действия». Установлено, что респонденты, принимающие рациональные

решения, имеют высокий уровень склонности к риску. То есть руководители, принявшие участие в данном исследовании, принимая рациональные решения, готовы пойти на определенный риск, их не пугает неопределенность, они не боятся перемен, уверены, что справятся с последствиями принятого решения, в состоянии нести ответственность за него. Это соответствует занимаемым руководителями должностям, так как рискованность проявляется способностью влиять на других, стремлением к лидерству в группах, высоким уровнем притязаний. К тому же подтверждено анализом литературы по данной теме, показавшим, что «рациональным» считается принятие субъектом определенного риска решений, а не стремление избежать его.

Г.А. Шалимова, Н.Е. Юрова

ВЛИЯНИЕ СТИЛЕЙ ВОСПИТАНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ АКЦЕНТУАЦИЙ ХАРАКТЕРА ПОДРОСТКА

Поведение человека зависит от того, в какой семье он вырос, в какой школе учился, в каком социальном окружении находился. Психологические исследования показывают, что воспитательное влияние семьи на ребенка велико, воздействия сильны и длительны. Оно является одним из основных детерминантов детского характера.

В нашем исследовании мы предположили, что негативные приемы семейного воспитания со стороны родителей оказывают непосредственное влияние на формирование акцентуаций характера подростка. В исследовании приняли участие 60 человек, в возрасте от 12 до 14 лет, учащиеся средней муниципальной школы, из них 25 мальчиков и 35 девочек. Диагностика основывалась на методиках: опросник Шмишека; опросник ADOR «Поведение родителей и отношение подростков к ним». В результате исследования было выявлено следующее. Развитию наиболее часто встречающейся акцентуации гипертимного типа способствует как чрезмерная опека – гиперпротекция, мелочный контроль и жестокий диктат, сочетающийся с неблагополучием внутрисемейных отношений, так и гипоопека и безнадзорность. Для этих подростков особенно важным является принятие их матерью. У мальчиков это проявляется в необходимости помощи и поддержки со стороны матери и отрицании как ее властности и подозрительности, так и чрезмерного конформизма. Девочки же отмечают потребность в постоянном внимании, заботе и помощи.

Подростки, у которых акцентуирована как гипертимность, так и экзальтированность, также особенно отмечают важность материнского эмоционального принятия. Все описанное выше относится и к ним.

Кроме того, эти дети отмечают практически полную непредсказуемость поведения отцов, у которых с достаточно высокой вероятностью могут проявляться совершенно противоречащие друг другу действия, причем амплитуда колебаний максимальна. В тех случаях, когда к акцентуированным по гипертимности и экзальтированности добавляется еще эмотивность и циклотимичность, картина меняется. В этой группе испытуемые отмечали высокую непоследовательность в поведении не только у отцов, но и у матерей. Мальчики видят это в чередовании господства силы, амбиций и подозрительности, с одной стороны, и покорности и деликатности – с другой. Девочки же отмечают переход от эмоционального принятия к эмоциональному отвержению.

Подростки с акцентуацией по возбудимому типу отмечают высокую автономность, непоследовательность в поведении отцов. Мальчики отмечают, что отцы основываются на позиции силы и деспотичности в отношениях с ними. Их не интересуют увлечения сыновей, круг знакомств, учеба в школе. Они только делают вид, что это их интересует, а на самом деле слишком заняты собой и «замечают» своих детей, только если они что-нибудь натворят. При этом их часто просто раздражает, когда сыновья обращаются к ним. Девочки в этом случае также отмечают отгороженность отца от проблем семьи, его безразличие к потребностям, запросам и интересам близких. В отношении матерей эти подростки также указывают на непоследовательность в их поведении (чередование силы и покорности, эмоционального принятия и отвержения). Кроме того, на формирование акцентуации возбудимого типа влияет директивность со стороны матерей. Высокое проявление директивности мальчики видят в навязывании им чувства вины по отношению к матери в ее стремлении любым способом исключить неправильное поведение сына. Девочки же здесь говорят о гиперопеке со стороны матери, тенденции к проявлению власти, основанной на амбициях и отвержении мнения дочери. Способствовать развитию возбудимости может также и гипоопека, снисходительность и нетребовательность матерей, их безразличие к процессу воспитания. Во всех остальных типах выявленных акцентуаций наблюдается как у мальчиков, так и у девочек непоследовательность в поведении как матери, так и отца.

В группе подростков без выраженной акцентуации картина иная. У мальчиков и девочек преобладает дружеский способ общения с матерью и отцом. Отношения строятся на внимании, теплоте и открытости к друг другу с четким осознанием границ того, что можно и чего нельзя. Запреты действуют только на фоне родительской любви. По всем негативным шкалам отмечаются низкие баллы. Полученные результаты

свидетельствуют о непосредственном влиянии стилей детско-родительских отношений на формирование акцентуаций у подростков.

В.А. Шаповал

ПСИХОДИНАМИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОВД

Проводимые государством реформы силовых структур в условиях демократизации общества требуют инновационных технологий в решении проблемы повышения качества служебно-профессиональной деятельности их сотрудников. В данной связи наиболее эффективным представляется субъектный подход, рассматривающий сотрудника с позиций его личностной аутентичности профессиональной деятельности (профессиональной идентичности).

Данное сообщение отражает попытку автора приблизиться к решению проблемы на уровне многолетних исследований неосознаваемой Я-структуры личности в рамках творческого развития психодинамического подхода Г. Аммона (1995). Интегрируя психоанализ (гуман-структурологическая концепция личности с решающим влиянием преэдипально-эдипального периода развития), гуманистическое направление (изначально конструктивный ресурс центральных гуман-функций), экзистенциальную психологию (психическое здоровье как процесс непрерывного конструктивного развития Я-идентичности) и бихевиоризм (операционализация центральных эго-функций через вторичные в виде стимульного материала утверждений Я-структурного теста, дающих возможность их измерения), данный подход правомерно рассматривать как интегративный. В его рамках профессиональная идентичность (ПИ) понимается нами как проявление Я-идентичности сквозь призму профессии. Конструктивный характер ПИ отражает высокую степень самоактуализации и самореализации индивида в профессии и помимо высокой эффективности профессиональной деятельности при невысокой его «цене» способствует личностному развитию, сохранению и укреплению психического здоровья, препятствуя профессиональному выгоранию и личностной деформации, имеющим место при деструктивно-дефицитарной ПИ.

В качестве эмпирического материала использовались результаты психопрофилактического обследования 1332 сотрудников ОВД мужского пола с помощью автоматизированной экспертно-диагностической системы «ПОЛО+», включающей мужской вариант психодинами-

чески ориентированного личностного опросника (ПОЛО) «Ресурс» (В.А. Шаповал, 2006), созданного на основе психодинамической концепции для обследования массовых контингентов в ситуации экспертизы; тест на ассертивность (В. Каппони, Т. Новак, 1995), шкалу креативности (В.А. Шаповал, 2007) и методику исследования профессиональной идентичности (Л.Б. Шнейдер, 2006). В процессе проведения психометрической экспертизы (айтем-анализа) полученных результатов были удалены пункты опросника, индекс трудности и дискриминативности которых оказался ниже предельно допустимых значений; а также пункты, снижающие показатель внутренней согласованности шкалы (альфа-Кронбах).

В качестве внешнего «валидизатора» использовались шкалы «профессионал» и «непрофессионал» методики исследования профессиональной идентичности (МИПИ) после указанных процедур психометрической экспертизы. Далее с помощью корреляционного и факторного анализа отбирались утверждения, наиболее сильно коррелирующие с суммарным показателем по шкалам МИПИ. В результате повторного айтем-анализа были получены шкалы «профессионализма» (46 пунктов; &-Кронбах = 0,88) и «непрофессионализма» (35 пунктов; &-Кронбах = 0,83) из ПОЛО «Ресурс», теста на ассертивность и шкалы креативности. Коэффициент интеркорреляции новых шкал составил r = 0,17, в то время как у исходных шкал МИПИ он был r = 0,63; в том числе после психометрической коррекции r = 0,54.

Алгоритм психодинамической диагностики и градации испытуемых на 4 группы ПИ основан на внутриличностном сопоставлении в принудительно нормированном Т-приведении (разности) шкал профессионализма и непрофессионализма. Так, проверка шкалы на той же выборке испытуемых показала, что лишь у 19 % испытуемых диагностирован конструктивный тип ПИ (I группа); у 31 % – смешанный тип ПИ (II группа); у 36 % преобладала деструктивно-дефицитарная ПИ (III группа) и у 14 % определялся выраженный деструктивно-дефицитарный тип ПИ (IV группа). Иначе говоря, с помощью полученных шкал у каждого второго сотрудника диагностируются латентные или выраженные признаки профессионального выгорания или профессиональной деформации, требующие психокоррекции на уровне неосознаваемой Я-структуры личности.

Таким образом, итоговая диагностическая оценка в виде группы ПИ несет в себе не только диагностический, но и прогностический, организационный, психокоррекционный, психотерапевтический и реабилитационный компоненты, что позволяет выстраивать более эффек-

тивную модель системы психологического обеспечения сотрудников силовых ведомств на основе психодинамического подхода.

К.Н. Шестакова

СТРЕССОВАЯ СРЕДА АКТЕРСКОЙ ПРОФЕССИИ

Рассматривая трудовую деятельность человека, можно выделить различные трудные ситуации, характеризующиеся разной продолжительностью, разной силой воздействия. По классификации трудовых воздействий наиболее общим понятием является стрессовая среда (совокупность стрессогенных физических и социальных переменных внешнего мира) (Н.Е. Водопьянова, 2009). Основываясь на данной концепции, рискнем выдвинуть предположение о специфической среде профессии актера.

На основании проведенного интервью с 35 актерами, находящимися на разных уровнях профессионализации, был сделан контент-анализ. По его результатам было выявлено, что наиболее привлекательными факторами актерской профессии являются саморазвитие, сублимация, а также общение с интересными людьми. Наряду с этим существуют факторы, затрудняющие профессиональную деятельность, такие, как совладание с эмоциональной сферой личности, неудовлетворенность трудовыми результатами, непонимание коллег, режиссера. Также здесь необходимо выделить процессуальный компонент, сопряженный с самой спецификой актерской профессии: трудности на этапе обучения, перевоплощение в персонаж, вера в предлагаемые обстоятельства, освобождение от зажимов, профессиональные штампы, анализ пьесы и т. д.

Мы не будем подробно останавливаться на трудностях данного рода, так как это необходимые компоненты овладения профессией актера, внутрипрофессиональные особенности актерской профессии. В данном случае нас более интересуют трудности внутриличностного характера. По словам актеров, эти трудности переживаются ими поразному. Мы условно разделили переживания на стенические (способствующие активным действиям) и астенические (затрудняющие активность). Выход из трудных ситуаций осуществляется актерами также различными способами: когнитивный (анализ деятельности, самостоятельное выстраивание роли, постоянная рефлексия), эмоционально-коммуникативный (юмор, переговоры, общение вне сценического взаимодействия).

Что касается определения стрессовых ситуаций самими актерами, то для них это естественное условие профессиональной деятельности, 5 % опрошенных относят стресс к процессуально-техническому уровню (спектакли, репетиции, внезапный ввод, отмена спектакля, забывание текста, реквизита и т. п.). Помимо этого есть профессиональный стресс (невостребованность, отсутствие ролей, социально-бытовая неустроенность). Ситуации, встречающиеся на пути актера, пусть даже самые сложные, обладают эмоциональной привлекательностью, так как характеризуют принадлежность к некому статусу, выражают лояльность к данной профессии. Психотворящая сущность актера в период работы над ролью, как правило, находится в нестабильном состоянии. Если говорить о психологическом сопровождении профессии актера, следует учитывать необходимую эмоциональную разбалансировку. Процесс творчества останавливается, как только актер успокаивается. Даже когда актер играет персонажа в достаточно эмоционально сдержанных обстоятельствах, его психическое состояние должно быть в состоянии активности при постоянном сценическом внимании. Это и позволяет достичь непрерывности актерского существования на сцене.

Таким образом, важно понять, следует ли «лечить» актера. Как уменьшить стрессовые факторы актерской профессии, повысить стрессоустойчивость? Какие способы психологической поддержки применимы в данном случае? Необходимы ли они? На эти вопросы нам предстоит ответить в дальнейшем исследовании данной проблематики.

К.О. Шешукова

ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В рамках метода интегрально-синергетической психотерапии проводится психодиагностический мониторинг состояния пациента в ходе психотерапевтического курса. Основной целью мониторинга является анализ результатов психокоррекционной работы, выявление закономерностей динамики личностных качеств и психического состояния пациента в зависимости от этапа психотерапевтического курса. Базовый курс интегрально-синергетической психотерапии включает в себя три последовательных этапа: анамнестический, коррекционный и адаптационный.

На анамнестическом этапе перед пациентом стоит задача сбора и критического анализа материалов генеалогического и автобиографического характера. При этом совместными усилиями пациента и психотерапевта исследуется соотношение влияния психогенетической наследственности, средовых факторов и субъективной активности личности на формирование особенностей психики и специфики сложившейся системы отношений пациента.

На коррекционном этапе осуществляет поиск способов регуляции жизнедеятельности в соответствии с личной мотивацией и смыслообразующим целеполаганием пациента, посредством увеличения доли влияния субъективной активности на характер и обстоятельства своей деятельности и взаимоотношений. В результате осуществляется детальное планирование дальнейших действий пациента для достижения заявленных целей.

Адаптационный этап состоит в апробации пациентом новых знаний и навыков, последовательной реализации разработанных планов действий и критическом анализе характера достигаемых результатов. В этот период пациент при помощи психотерапевта проводит практическую коррекцию способов регуляции и управления собственной жизнедеятельностью и системой отношений.

В соответствии с этапами базового курса психодиагностический мониторинг включает в себя три обследования, которые осуществляются специалистом-диагностом перед началом курса, в период перехода от анамнестического этапа к коррекционному и на этапе подведения итогов психотерапевтического курса в целом. Пациенту предъявляется один и тот же набор психодиагностических методик, включающий в себя личностные опросники и ряд проективных методов. По результатам обследования составляется развернутый профиль личности пациента, описывающий актуальные особенности эмоционального состояния и самооценки, специфику межличностных отношений и стиля взаимодействия, структуру мотивационно-потребностной сферы, преобладающие типы защитных механизмов и реакций на стресс, превалирующие особенности стиля восприятия и переработки информации, характерные для обследуемого. Данный личностный профиль используется как в исследовательских целях, так и в качестве рабочего материала психотерапевтического курса.

В результате психодиагностического мониторинга удалось выявить ряд закономерностей в изменении психического состояния пациента в зависимости от этапа психокоррекционной работы. Так, в период завершения анамнестического этапа наблюдается значительное

снижение уровня личностной дезинтеграции и психической напряженности пациента, однако при этом обнаруживаются выраженные тенденции к гиперкомпенсаторному подавлению тревожности, сопровождающемуся утратой прежней системы ценностных ориентаций и активизацией эгоцентрических потребностей. Данные показатели могут быть связаны с переосмыслением жизненного опыта и перестройкой системы защитных механизмов, произошедшими в результате решения задач первого этапа. В то же время было обнаружено, что структура личностного профиля может как сохраняться, так и иметь принципиальные отличия по сравнению с первичным психодиагностическим обследованием, в чем также прослеживаются определенные закономерности.

Перед окончанием базового курса психодиагностическое обследование выявляет следующие преобладающие тенденции: снижение уровня невротизма и дезинтеграции по сравнению с первичным обследованием, увеличение уровня адекватности в сфере психоэмоционального реагирования. Однако при этом наблюдается повышение степени психической напряженности по сравнению со вторым промежуточным обследованием, что, возможно, вызвано перестройкой логико-семантической и поведенческой систем пациента и объективной необходимостью дальнейших самостоятельных действий.

Таким образом, использование психодиагностического мониторинга позволяет проследить динамику курса и сопоставить полученные данные с самоотчетом пациента и оценкой психотерапевта, а также исследовать закономерности изменения структуры личностных особенностей и трансформации психопатологической симптоматики.

Л.И. Шумская, А.В. Финькевич

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДИАГНОСТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗРЕЛОСТИ ЛИЧНОСТИ

Понятие «зрелость» широко используется в психологии и других социогуманитарных науках. Тем не менее, объективные критерии зрелости личности однозначно до сих пор не определены. Очевидно, что только операционализировав данную категорию, выделив характеристики социально зрелой личности, можно диагностировать уровень ее зрелости. С нашей точки зрения, критериями социальной зрелости человека являются различные социально-психологические феномены, по

наличию либо отсутствию которых можно говорить о зрелой либо незрелой личности.

Определение того, какого именно рода феномены будут направляющими при выделении критериев социальной зрелости, детерминировано выбором методологической позиции. При определении социальной зрелости мы исходим из традиций отечественной психологии, в которой при рассмотрении социальной зрелости особое внимание уделяется социальной направленности личности. Зрелость в данном ключе – не данность возраста, а достижение определенной ступени в развитии личности, характеризующейся рядом основополагающих характеристик.

В частности, авторами упоминаются такие критерии зрелости, как ценностная направленность (Л.И. Божович, В.Н. Куницына, В.И. Слободчиков); осознанность и активность поведения (К.А. Абульханова-Славская, И.С. Кон); высшая ступень развития способностей (А.А. Бодалев); активная социальная позиция (Б.Г. Ананьев); достижение определенных результатов в жизни (И.С. Кон); сложившаяся устойчивая иерархия мотивов (А.Н. Леонтьев); регуляция поведения, основанная на логике свободного выбора, автономия личности (Д.А. Леонтьев). В принятом нами понимании социальная зрелость личности определяется ее активной социальной позицией, основанной на сформированной системе социально-ориентированных ценностей, убеждений, мотивов и проявляющейся в реальном поведении в виде социальной компетентности и подготовленности к взаимодействию во всех сферах жизнедеятельности.

Для диагностики социальной зрелости личности студента нами выделены три ключевых компонента, характеризующих его ценностно-смысловую, профессиональную и поведенческую сферу. Выделение именно этих сфер согласуется с заявленной методологической позицией. Речь идет о зрелости личностной и профессиональной, которые проявляются на поведенческом уровне. Так, конструктивный характер ценностных установок, устойчивость смысловой сферы личности и профессиональная подготовленность студента как субъекта профессиональной деятельности, проявляющиеся в виде нормативного поведения, социальной активности и принятии ответственности за свои поступки, будут свидетельствовать о высоком уровне социальной зрелости личности. Ведущей психологической детерминантой социальной зрелости личности выступает ее ценностно-смысловая сфера, характеризующая ценностная направленность личности.

Формирование внутренней системы ценностей происходит в результате усвоения личностью социальных норм, правил и стандартов поведения, присущих для конкретной социально-культурной среды. Соответственно, социальная зрелость может характеризоваться как проявление культуры личности во всех основных сферах жизнедеятельности. Исходя из данного утверждения, а также сообразуясь с Концепцией непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь на 2006–2010 гг., нами выдвинуто положение о том, что социальная зрелость студента будет проявляться в идейно-мировоззренческой культуре его личности, культуре самопознания и саморегуляции, гражданской, духовно-нравственной и эстетической культуре, культуре профессиональной и трудовой деятельности, экологической культуре и культуре здорового образа жизни, культуре семейных отношений и гендерной культуре, культуре быта и досуга.

Каждый из данных аспектов культуры личности студента будет характеризоваться определенным набором ключевых ценностей, имеющих гуманистическую, просоциальную направленность, свидетельствующую об уровне его социальной зрелости. В основу построения психодиагностической процедуры была положена методика К. Шварца для изучения ценностей личности, адаптированная О.П. Тихомандрицкой и Е.М. Дубровиной, позволяющая исследовать ценностную направленность личности как внутреннюю детерминанту социальной зрелости. Принятые нами методологические позиции повлекли за собой необходимость модификации названной методики. Так, при сохранении целостной структуры методики был дополнен перечень ценностей, уточнены и конкретизированы некоторые их определения. В настоящее время модифицированный вариант методики проходит апробацию в вузах Беларуси.

А.Г. Шумский

АФФИЛИАТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В КОМАНДЕ: ОТ СОВМЕСТИМОСТИ К СРАБОТАННОСТИ

Основной целью научных исследований в сфере современного управления является поиск новых форм работы, наиболее быстро и эффективно приводящих к высоким практическим результатам. Одной из наиболее актуальных и востребованных форм является команда (Т.Ю. Базаров, Е.Ю. Безрукова, В.Н. Маркин). Основополагающая характеристика успешной команды – единство ее членов, основанное на

отождествлении членами команды личных и групповых целей; референтности; конгруэнтности структур команды (Т.Ю. Базаров). Работа в команде представляет собой особый способ взаимодействия людей, при котором удовлетворяются их потребности в совместной деятельности, сопровождающейся состоянием субъективной удовлетворенности (эффект совместимости), и максимально эффективно реализуется их потенциал (эффект сработанности).

Эффективность работы в команде может быть выражена формулой: Коэффициент успешности (КУ) = max Сработанность + max Совместимость (Н.Н. Обозов). В связи с этим представляет интерес исследование особого вида взаимодействия – аффилиативного. Аффилиативное взаимодействие относится к подсистеме личных отношений и общения и может быть определено как специфический вид взаимодействия, основанный на устойчивом взаимоположительном, эмоционально-доверительном отношении членов совместной деятельности друг к другу.

Сказанное выше определило актуальность проведения исследования, цель которого – доказать, что развитие совместимости в процессе командообразования способствует повышению сработанности студентов. В качестве объекта исследования выступили 5 учебных групп 1–5 курсов обучения Белорусского национального технического университета. Обработка эмпирического материала осуществлялась с использованием метода ранговой корреляции Спирмена, U-критерия Манна–Уитни. Исследование прошло в три этапа. 1. Диагностика аффилиативного взаимодействия (методика В.Н. Куницыной «СТАЛЬ»: шкалы «Направленность на аффилиацию» и «Боязнь отвержения») и коэффициента успешности учебных групп (аппаратурно-технические комплексы – кибернометры – профессора Н.Н. Обозова). 2. Тренинг «Аффилиативное взаимодействие в команде» с использованием кибернометров профессора Н.Н. Обозова. 3. Анализ результатов. Данные исследования аффилиативного взаимодействия свидетельствуют о последовательном возрастании значений боязни отвержения с 1 по 5 курс ($r = 0,975$, $p > 0,05$). Выявлена обратная тесная связь между снижением показателей направленности на аффилиацию (НА) в зависимости от возрастания курса обучения и ростом боязни отвержения (БО) ($r = – 0,9$, $p = 0,00$). Выявлена статистически достоверная связь возрастания боязни отвержения ($r = 0,975$, $p > 0,05$) с 1 по 5 курс.

Полученные данные свидетельствуют о том, что ярко выраженная у испытуемых потребность в установлении эмоционально-доверительных отношений с членами своей учебной группы остается нереа-

лизованной на протяжении всего периода обучения. В результате желание сотрудничать и быть частью группы трансформируется в стремление обособиться от нее, что препятствует успешности работы в команде. Это подтверждается и диагностическими данными, полученными в результате работы на кибернометрах: выявлена статистически достоверная связь между низким уровнем НА и КУ группы ($r = 0{,}95$, $p > 0{,}05$).

Тренинг «Аффилиативное взаимодействиие в команде» проводился в пяти экспериментальных группах 1–5 курсов с марта по май 2010 г. с целью развития аффилиативного взаимодействия студентов и навыков работы в команде посредством работы на кибернометрах – устройствах для моделирования совместной деятельности и общения с регистрацией результатов групповой работы. Сравнение данных исследования экспериментальных и контрольных групп после проведения тренинга позволило выявить наличие достоверно значимых различий между группами по всем критериям: по критерию НА – $U = 4$, $p = 0{,}05$; БО – $U = 4$, $p = 0{,}05$; КУ – $U = 2$, $p < 0{,}05$. В ходе исследования на уровне статистически достоверной связи установлено, что развитие механизмов аффилиативного взаимодействия, лежащих в основе совместимости, оптимизирует процесс формирования команды, обусловливая высокую сработанность участников совместной деятельности.

О.Ю. Щелкова, Б.В. Иовлев, А.В. Каданцева

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХИЧЕСКОЙ АДАПТИВНОСТИ С ХАРАКТЕРИСТИКАМИ ТЕМПЕРАМЕНТА И ЛИЧНОСТИ

В настоящее время не вызывает сомнения необходимость изучения взаимосвязи особенностей структуры темперамента и других подструктур индивидуальности у больных невротическими расстройствами (С.К. Нартова-Бочавер, 2003), что может позволить более глубоко понять структуру невротического конфликта и тем самым реализовать принципы патогенетического подхода, принятого в современной неврозологии (Б.Д. Карвасарский, 2000; В.М. Мясищев, 2004). Цель исследования – изучение взаимосвязи психической адаптивности как одной из интегральных темпераментальных характеристик с другими характеристиками темперамента и личности у больных невротическими расстройствами.

Методы исследования: «Опросник структуры темперамента» В.М. Русалова (1992), «Индекс жизненного стиля» (Л.И. Вассерман с

соавт., 2005), «Способы копинга» (Л.И. Вассерман с соавт., 2009), «Незаконченные предложения» (В.И. Евдокимов, 2000), «Опросник для изучения интрапсихических конфликтов». Материал исследования: 77 больных невротическими расстройствами, находящиеся на лечении в ГПБ № 7 имени академика И.П. Павлова; из них 15 (19 %) мужчин и 62 (81 %) женщины; средний возраст больных 34,09 ± 1,19 лет. Наиболее часто диагностировался тревожно-депрессивный синдром (33 человека, 43 %); у 57 (74 %) пациентов длительность заболевания составляет не более 1 года.

На первом этапе были выделены две группы больных в зависимости от значения индекса адаптивности, по методике В.М. Русалова (1992) (разделение происходило в соответствии со значением медианы по данному признаку). Первую группу составили пациенты с низкими значениями индекса адаптивности, вторую группу – с высокими значениями. Сопоставление темпераментальных характеристик в двух группах показало, что на уровне статистической значимости не ниже $p < 0,05$ во второй группе больных параметры эргичности, пластичности и индивидуального темпа существенно выше, а параметры эмоциональной чувствительности ниже, чем в первой группе.

На следующем этапе был проведен сравнительный анализ структуры и степени выраженности копинг-стратегий и механизмов психологической защиты, а также структуры личностной и межличностной конфликтности в сравниваемых группах пациентов. В первой группе пациентов средние показатели копинг-стратегии «принятие ответственности», механизмов психологической защиты «подавление», «регрессия», «проекция», «реактивное образование», а также общего «уровня напряженности защит» оказались выше, чем соответствующие показатели пациентов второй группы. Это свидетельствует о более высоком уровне нервно-психического напряжения у пациентов первой группы по сравнению с пациентами второй группы. Показатели уровня конфликтности в различных сферах системы внутри- и межличностных отношений также оказались достоверно выше в первой группе пациентов, чем во второй: в сфере общения, в профессиональной сфере, в отношении к сотрудникам, а также между потребностями к независимости и в получении помощи, между потребностью в достижениях и страхом неудач, между поступками и нормами, между нормами и агрессивными тенденциями. Во всех случаях уровень значимости различий был не ниже $p < 0,05$.

На последнем этапе был проведен анализ интеркорреляций психодиагностических показателей отдельно в первой и второй группах

пациентов, страдающих невротическими расстройствами. Их основное содержание отражено в выводах.

1. У больных невротическими расстройствами, имеющих низкие значения индекса адаптивности, в большей степени выражены механизмы психологической защиты и психологическая конфликтность, чем у пациентов с высоким уровнем этого показателя. 2. У больных невротическими расстройствами особенности структуры темперамента положительно взаимосвязаны с длительностью заболевания только в случае высокого уровня значений индекса адаптивности. 3. У больных невротическими расстройствами, имеющих высокие значения индекса адаптивности, выраженность копинг-стратегии «конфронтация» положительно взаимосвязана с выраженностью основных темпераментальных характеристик. 4. У больных невротическими расстройствами, имеющих высокие значения индекса адаптивности, компоненты структуры темперамента являются более согласованными не только между собой, но и с другими подструктурами индивидуальности, по сравнению с пациентами с низким индексом психической адаптивности.

О.В. Щербакова

О ДИАГНОСТИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ МЕТАГРАММ

Метаграммы – это загадки, которые отличаются от обычных загадок тем, что в них зашифровано не одно, а сразу несколько слов. Эти слова одинаковы по длине и отличаются друг от друга только одной буквой. Поэтому, разгадав какое-либо одно из зашифрованных слов, можно догадаться, какую из составляющих его букв надо заменить, чтобы получилось другое – подходящее по смыслу – слово, также являющееся отгадкой. Например: «С буквой “Н” он там, где строят / Эстакаду или дом. / С “Б” – животное морское, / С “Й” – крупнее, чем район». (Ответ: кран – краб – край.)

Метаграммы используются в культуре для развития интеллекта, креативности и вербальной компетентности. Однако нам не удалось найти исследования, в которых был бы раскрыт их психологический потенциал. Решение метаграмм требует от реципиента интеллектуальных умений, сходных с теми, которые необходимы для понимания многозначного текста. Так, испытуемому надо уметь воссоздавать и одновременно удерживать в своем психическом поле несколько ментальных пространств, связанных между собой одним-единственным

членом, которым обычно является многозначное ключевое слово, присутствующее в обоих пространствах.

Но решение метаграммы затруднено тем, что условиями задачи реципиенту последовательно задаются несколько не связанных, а нередко и далеких друг от друга семантических полей. На их основе он должен самостоятельно выстроить в своей психике соответствующие ментальные пространства. Успешность этого шага зависит от ряда условий, несоблюдение которых затрудняет процесс интеллектуальной обработки метаграммы: 1) реципиент должен правильно понять грамматическую структуру фраз, задающих области семантического поиска. От этого зависит, чему именно он будет искать определение: подлежащему, дополнению или обстоятельству. В отсутствие конкретных субъектов высказывания испытуемый вынужден иметь дело только с их предикатами, косвенно описывающими искомые предметы. Такие иносказательные определения провоцируют интеллект на разработку боковых ассоциативных линий, что является дополнительным фактором сложности; 2) при выстраивании ментальных пространств важно осуществить адекватный интрапсихический перевод с языка вербальных знаков на язык образных структур, которые станут содержанием порожденного пространства. Если этот перевод будет осуществлен корректно и полно, то образы, соответствующие исходным вербальным стимулам, помогут в поиске решения. Если же межъязыковой перевод вызовет у испытуемого затруднения и актуализированные в результате его образы будут расходиться со словесно-знаковым материалом, они могут помешать нахождению ответа; 3) реконструированные испытуемым ментальные пространства не должны совмещаться друг с другом: их следует удерживать именно как различные, независимые друг от друга психические образования, что требует от реципиента определенной интеллектуальной зрелости.

Таким образом, текст метаграммы задает несколько неизвестных и описывает области, в которых должен осуществляться их поиск. При этом внутри каждой области из множества возможных ответов должен быть выбран только тот, который при последовательной замене одного из своих элементов породит решения для других областей. Для каждого из искомых слов известны некоторые, очень частные, характеристики (буквы, присутствующие в них и при замене образующие слово-решение из другой семантической области). Для нахождения всех решений метаграммы реципиенту необходимо совершать быстрые мысленные перемещения между несколькими ментальными пространствами, соответствующими различным областям значений. Внутри каждо-

го из этих пространств ему надо осуществлять последовательный перебор вариантов решений на предмет соответствия условиям метаграммы. При нахождении каждого из решений область дальнейшего поиска резко сужается, облегчая испытуемому задачу и сводя ее к простой подстановке указанных в исходном тексте букв в найденное слово и проверке его на смысловую пригодность.

Когнитивная структура метаграмм делает их продуктивным диагностическим материалом, позволяющим определять уровень сформированности интеллектуальных и метакогнитивных навыков. Также метаграммы дают возможность диагностировать качественную организацию когнитивной сферы и выявлять присущий человеку репертуар интеллектуальных действий. Поскольку такой репертуар является результатом неосознаваемых личностных влияний на интеллект, использование метаграмм открывает перспективы глубинной работы, направленной на повышение интеллектуальной эффективности.

Э.А. Юнг

АУТОТРЕНИНГ В СИСТЕМЕ РЕАБИЛИТАЦИИ БОЛЬНЫХ

В нашем исследовании мы изучали эффективность применения метода аутогенной тренировки в процессе реабилитации послеоперационных больных и больных сахарным диабетом на базе «Санаторий “Сестрорецкий курорт”». Курс аутогенной тренировки (АТ), рассчитанный на 8 сеансов, был включен в стандартную схему восстановительного лечения. Прохождение курса аутотренинга было добровольным. Во время занятий использовалась аудиозапись авторской методики В.Н. Коваленко, психотерапевта данного санатория.

В исследовании принимала участие группа людей (40 человек), проходящих реабилитацию по поводу оперативного вмешательства на органах желудочно-кишечного тракта, а также пациенты с сахарным диабетом. Экспериментальная группа, где применялся метод аутогенной тренировки, составила 20 человек. Из них в состоянии после лапароскопической холецистэктомии (ЛСХЭ) – 9 человек, после оперативного вмешательства по поводу язвенной болезни желудка (ЯБ) – 6 человек, сахарный диабет (СД) – 5 человек.

Контрольная группа, где восстановительное лечение происходило без использования аутогенной тренировки, составила также 20 человек. Из них после ЛСХЭ – 8 человек, после оперативного вмешательства по поводу ЯБ – 6 человек, СД – 6 человек. Возраст пациентов варьировался от 22 до 73 лет.

Исследование проводилось с ноября 2009 г. до конца февраля 2010 г. Для диагностики изменения психического состояния использовались методика САН, Гиссенский опросник соматических жалоб, адаптированный сотрудниками психоневрологического института им. В.М. Бехтерева, цветовой тест М. Люшера.

В экспериментальной группе диагностика проводилась до начала и после окончания курса АТ. В контрольной группе – на 1–2-й день и на 17–18 день пребывания в санатории. Исследования экспериментальной группы испытуемых показали, что на момент окончания курса аутогенной тренировки уменьшилось ощущение слабости, быстрой утомляемости, значимо снизилась интенсивность жалоб на свое самочувствие, возросла удовлетворенность лечением, повысилась работоспособность. В контрольной группе испытуемых мы также видим положительную динамику от проведенного санаторно-курортного лечения.

При сравнении результатов восстановительного лечения в экспериментальной ($p \leq 0{,}01$) и контрольной группах ($p \leq 0{,}05$) выявлены достоверные различия в положительной динамике оценки больными своего состояния. По окончании курса терапии ощущения слабости, утомляемости, быстрой истощаемости пациентов значимо уменьшаются. При этом у пациентов экспериментальной группы исходно более выражены снижение работоспособности, утомляемость, жалобы на физический дискомфорт. Возможно, именно это и побуждает их к выбору курса АТ. Но достоверных различий между показателями динамики самочувствия, активности, настроения в контрольной и экспериментальной группах не выявлено.

Однако по результатам Гиссенского опросника соматических жалоб (шкала «Истощение») в положительную сторону достоверно отличается группа, проходившая аутотренинг в составе восстановительного лечения ($p \leq 0{,}02$), что позволяет говорить о его эффективности. Выявлено, что эффективность воздействия АТ на больных с различной этиологией заболевания достоверно отличается. Положительная динамика от восстановительного лечения с применением метода АТ более выражена у группы пациентов с диагнозами ЛСХЭ и ЯБ, чем у пациентов с диагнозом СД.

У пациентов с диагнозами ЛСХЭ и ЯБ в процессе лечения с применением метода АТ значимо улучшилось самочувствие, снизилась интенсивность жалоб со стороны желудочно-кишечного тракта (дискомфорт, боли в желудке, диспептические явления). У пациентов с СД

эти жалобы также отмечались, но значимых изменений получено не было. Также у пациентов с ЛСХЭ и ЯБ значимо уменьшился уровень непродуктивной нервно-психической напряженности. У пациентов с СД достоверных изменений также нет.

Следовательно, занятия аутогенной тренировкой в процессе восстановительного лечения показаны пациентам с диагнозами ЛСХЭ и ЯБ, где явно прослеживается эффективность использования данного метода.

При сравнении воздействия АТ на пациентов различных возрастных групп выяснилось, что наибольшая эффективность аутогенной тренировки выявлена у пациентов молодого возраста ($p \leq 0{,}04$). Эффективность воздействия АТ на пожилых пациентов оказывается достоверно ниже.

Таким образом, использование АТ в составе комплекса восстановительного лечения должно опираться на специфику заболевания.

Т.Б. Юшачкова

МОРАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ КАК ФАКТОР ПОНИМАНИЯ ДЕТЬМИ И РОДИТЕЛЯМИ ДРУГ ДРУГА

Понимание людьми друг друга – это сложный и многогранный процесс. Существует множество факторов, которые влияют на него, способствуя либо препятствуя успешности его протекания. Среди них выделяют личностные, социально-психологические свойства субъектов познания, общий контекст ситуации взаимодействия (А.А. Бодалев, В.Н. Куницына, В.А. Лабунская, А.Л. Южанинова, G. Allport, L. Cronbach, V. Cline, H. Smith и др.). В 1960–1980-е гг. ученые связывали способность субъекта к пониманию другого человека с гуманистической направленностью личности. Было установлено, что успешные в межличностном познании люди общительны, их отличает внимание и интерес к людям, отношение к другому человеку как к ценности. Они испытывают потребность во внимании со стороны окружающих их людей, восприимчивы к оценкам, обладают хорошо развитым воображением и интуицией.

В наши дни авторы также склоняются к мысли о том, что подлинное понимание возможно только в диалоге, доверии, принятии людьми друг друга. Вместе с тем проведенные недавно циклы исследований по проблеме эгоизма личности, макиавеллизма показали, что такие субъекты достаточно хорошо разбираются в других людях (К. Муздыбаев, В.В. Знаков). На уровне здравого смысла это вполне

объяснимо. Чтобы управлять человеком, нужно хорошо знать его особенности, слабые места. Однако познание это довольно специфично. В этом случае доминирует меркантильная установка, другой человек выступает в качестве объекта для манипуляции, пешки, которой можно и нужно управлять.

В рамках данной проблемы нами было проведено исследование понимания детьми и родителями друг друга. Предметом понимания выступали ценностные ориентации близкого человека. Выбор данного параметра был не случаен. Ценностные ориентации являются важным компонентом мировоззрения личности, и понимание ведущих принципов другого человека, как ничто другое, может говорить о глубине его познания.

В ходе исследования были рассмотрены моральные установки и психологические особенности детей, наиболее точно представляющих ценностные предпочтения своих родителей, и, напротив, допускающих максимальные ошибки. В эксперименте принимали участие студенты Магнитогорского государственного университета и их матери. Всего было изучено 73 пары. Блок диагностических методик включал разработанные в отечественной и зарубежной психологии методики и опросники. Изучение адекватности понимания ценностных ориентаций проводилось с помощью метода взаимооценок. Предметом оценки выступал ценностный ряд методики ценностных предпочтений Шварца (в модификации В.Н. Куницыной ЦО-36).

Согласно полученным данным, психологический портрет студентов, наиболее точно определяющих жизненные принципы родителей, выглядит следующим образом: для них очень большое значение имеют отношения с другими людьми, общение, наличие понимания и доверия в семье, дружеской поддержки, зрелой любви. Они боятся быть отвергнутыми другими людьми. Вместе с тем они достаточно «гедонистичны»: стремятся к получению удовольствия от еды, любви, отдыха и др., имеют средний уровень развития моральных установок. Студенты данной группы не отличаются высокой мотивацией достижения, считают себя не слишком успешными и авторитетными в решении различных социальных вопросов, предпочитают уходить от решения сложных межличностных ситуаций.

В отличие от них студенты, плохо разбирающиеся в ценностных предпочтениях своих родителей, в меньшей степени ориентированы на межличностные отношения, чуть хуже у них развиты моральные установки, они не слишком стремятся к удовлетворению своих желаний.

Они эмоциональны, чувствительны, не уверены в себе, зависимы от мнения других людей, не удовлетворены общением в близком кругу, им не хватает внимания и заботы со стороны близких людей. Считают, что не владеют достаточным количеством коммуникативных умений и навыков, испытывают некоторые трудности в общении.

Таким образом, в ходе проведенного исследования был выявлен комплекс параметров и ведущих принципов, характеризующих детей, точно определяющих ценностные предпочтения своих родителей: их отличает более высокий уровень сформированности коммуниктивно-личностных черт, направленность на сферу межличностных отношений, получение удовольствий от жизни.

Выявленные данные могут быть использованы в практике семейного консультирования, при оказании помощи людям, испытывающим трудности в межличностном взаимодействии и, безусловно, требуют дальнейшего всестороннего изучения.

О.Н. Якунина

АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ В КЛИНИКЕ ЭПИЛЕПСИИ

В настоящее время психологические методы широко применяют в диагностике особенностей личности больных эпилепсией, выявляя структуру и степень выраженности нарушений. Личность пациентов, страдающих этим недугом, формируется под влиянием структурно-морфологических нарушений головного мозга, собственно эпилептического процесса и социально-психологических факторов. Неоднородность психических проявлений при эпилепсии предполагает комплексность исследования. Это достигается использованием психологических методик, качественной и количественной оценкой психологических феноменов от характеристик сенсомоторной деятельности, памяти, внимания, мышления, особенностей эмоционального реагирования до интегральных характеристик интеллекта, системы отношений, механизмов психологической защиты и совладания. Тактика психологической диагностики и коррекции соотносится с состоянием здоровья пациента, стадией болезненного и лечебного процесса, его жизненной ситуацией. Она различна при прогредиентном и благоприятном течении заболевания.

Количественная оценка результатов исследования позволяет применять методы математико-статистического анализа, что повышает обоснованность выводов и практических рекомендаций. Психологическая диагностика, проводимая на разных стадиях заболевания, прослеживает динамику изменений личности больных, как в процессе развития болезни, так и при регрессе ее клинических проявлений, при достижении контроля над припадками, давая информацию о типе течения заболевания. Сочетание морфологических и нейрофизиологических нарушений головного мозга, раннее начало заболевания, длительное его течение, частые полиморфные приступы, резистентные к медикаментозной терапии, неблагоприятные микросоциальные факторы усиливают риск формирования психического дефекта у больных.

Болезнь для пациентов, страдающих эпилепсией, является мощным источником эмоционального стресса, вызывая невротические реакции и состояния в связи с ограничением образа жизни и социально-психологическими трудностями. Психолог, работающий с больными эпилепсией, должен знать особенности клинических проявлений этого заболевания. Иногда некоторым симптомам пациенты не придают должного значения, не считают их болезненными и не рас-

сказывают о них врачу. В то же время при беседе с психологом, выполнении личностных методик они сообщают о своих переживаниях и особенностях восприятия окружающего. Необходимо наблюдение за пациентом при выполнении психологических методик, особенно «тестов действия».

В процессе психологического обследования выявляется характерный для больных стиль деятельности и поведения, особенности эмоционального реагирования. Бывают случаи, когда на психолога «обрушиваются» все проблемы и заботы пациента, ситуационно обусловленная напряженность аффекта усиливается дисфорической неконтролируемой реакцией.

Одним из важных является вопрос об информировании пациента о результатах психологического обследования, так как многие больные интересуются ими. Вся информация, доведенная до сведения больного, должна иметь психокоррегирующий характер. Даже негативные черты больного нужно обсуждать с позиции их коррекции или приспособления к ним. В случае недостаточной критики к своим проявлениям и ослаблении механизмов саморегуляции у пациента полученные результаты обсуждаются с родственниками больного.

Психологическое исследование имеет определенное значение для оптимизации медикаментозной терапии, психологической коррекции, трудовой и военной экспертизы. Психологическая диагностика, психологическое консультирование и коррекция являются составными частями лечебного процесса в клинике эпилепсии. Психологическая коррекция особенностей личности, проводимая с учетом клинического и психологического исследования, повышает уровень адаптационных возможностей пациента. Эффективность психологической коррекции при эпилепсии невозможна без успехов медикаментозной терапии. Под ее влиянием может происходить редукция клинических проявлений заболевания, вплоть до исчезновения припадков и достижения ремиссии заболевания. Поэтому необходимо динамическое психологическое исследование, как в условиях стационара, так и на всех этапах реабилитации.

Результаты пролонгированного исследования в процессе становления ремиссии припадков наглядно показывают нормализацию структуры личности пациентов. Это лишний раз подтверждает необходимость динамического психологического обследования больных эпилепсией и возможность медикаментозной и психологической коррекции ее проявлений.

Т.Г. Яничева

ЗАДАЧИ ВОЗРАСТА – ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИЧНОСТНЫХ И СИТУАЦИОННЫХ ДЕТЕРМИНАНТ РАЗВИТИЯ

На сегодняшний день достаточно традиционным стал подход к исследованию поведения человека с точки зрения рассмотрения его внешних и внутренних детерминант. Истоки такого взгляда, конечно, лежат в работах Курта Левина, объясняющего поведение как функцию внутренних (личностных) и внешних (ситуативных) переменных. Привлекательность формулы Левина, безусловно, связана с ее простотой и обобщенностью. Однако, как это часто бывает, основной дефицит ее связан с точностью и возможностью приложения к каждому конкретному случаю.

Что касается внутренней (личностной) составляющей, то современная психодиагностика предлагает не всегда безупречный, но обширный и разнообразный инструментарий, позволяющий оценить уровень развития личностного качества, особенностей интеллектуальной, эмоциональной, мотивационной сферы. В отношении же оценки и измерения внешней (ситуационной) детерминанты картина более сложная и неочевидная. Сегодня не существует определенного и общепринятого набора диагностических инструментов оценки влияние ситуативного контекста на конкретное поведенческое проявление.

Мы полагаем, что ситуативно-личностная модель детерминации поведения может служить удобным практическим инструментом в работе психолога-практика с детьми и подростками. Однако для ее использования необходимо структурировать, описать и подобрать (или разработать) релевантный инструментарий диагностики как внутреннего (личностного), так и внешнего (ситуационного) компонентов.

В качестве «рабочего инструмента», удобного и продуктивного, предлагается использовать понятие «задачи возраста». Термин введен Р. Хэвигхерстом применительно к описанию специфики подросткового периода развития. Однако мы не видим ограничений для применения термина «задачи возраста» к остальным периодам развития. Тем более, что в литературе достаточно часто встречаются сходные обозначения – возрастные задачи, задачи развития.

Каждая из задач возраста имеет два вектора направленности. Во-первых, успешность их решения определяет уровень адаптации к тому или иному социальному институту, социальной группе, окружению в

целом. Ребенок научился ходить, разговаривать, читать, хорошо учится в школе, подросток имеет друзей и определился профессионально. И это можно назвать внешней (ситуационной) задачей. Во внутреннем (личностном) плане результатом решения задачи возраста становится психическое или личностное новообразование – приобретение знаний, умений, навыков, развитие Я-концепции, формирование системы ценностей. Условия задач возраста задаются извне.

Можно выделить макроусловия – нормативные ожидания от человека определенного возраста, диктуемые культурой, эпохой, национальными традициями, и микроусловия – конкретные ожидания ближайшего окружения – семьи, сверстников, значимых других. Решение возрастной задачи всегда лежит во взаимодействии внутренних ресурсов личности и особенностей актуальной ситуации. К внутренним ресурсам мы относим сформированные к тому или иному моменту интеллектуальные, эмоциональные, мотивационные характеристики. Одни из них – свойства нервной системы, внешние данные, анатомическое строение относительно устойчивы, обусловлены генетически. Другие – уровень развития интеллекта и способностей, особенности коммуникации и мотивации как раз формируются через решение задач возраста в конкретных ситуациях взаимодействия.

Задача возраста применительно к развитию и адаптации конкретного ребенка формулируется на основе двух видов условий. Внешние – требования и ожидания окружения. Внутренние – уровень и особенности развития личности. И в каждой группе условий есть относительно инвариантные, которые стоит принимать и учитывать, и вариативные, которые собственно и являются полем деятельности специалиста-психолога. Все дети должны в определенном возрасте учиться в школе, но ожидания родителей относительно успешности обучения ребенка – возможная область для работы специалиста. А поводом работы служат внутренние (индивидуальные) особенности – у ребенка недостаточно сформирована регуляция или не хватает мотивационного ресурса.

Предлагаемая модель, на наш взгляд, является продуктивным инструментом, обобщающим и систематизирующим направления профессиональной поддержки развития личности, и может быть использована в разработке программ тренингов и развивающих занятий и в индивидуальном консультировании.

О.Г. Япарова

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИЕМНЫХ РОДИТЕЛЕЙ, ПРЕДОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ УСПЕШНОЕ РОДИТЕЛЬСТВО

В последние годы в нашей стране очевиден рост интереса к изучению психологии семьи в целом и к исследованию замещающих семей в частности. Несмотря на то, что исследование и диагностика семьи, тем более приемной, является достаточно сложной задачей, трудно пожаловаться на отсутствие исследований приемных родителей и их детей. Однако проблема все же заключается в том, что большинство этих исследований не связано с описанием личностных особенностей родителей, предопределяющих их успешность как родителей.

Мы провели исследование, в котором приняли участие 87 приемных родителей. Цель исследования – выявить личностные особенности приемных родителей, способствующие формированию успешной приемной семьи. Первую группу составили успешные приемные родители (66 человек), воспитывающие приемных детей не менее двух лет и удовлетворенные результатом совместного проживания. Обоюдная удовлетворенность определялась на основании данных обследования детей и родителей. Вторую группу составили неуспешные приемные родители (21 человек), которые менее чем через два года совместного проживания с ребенком стали оформлять документы об отказе от него.

Для описания личности родителей мы использовали наиболее распространенный 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла. В тезисах обсуждаются лишь те факторы, по которым найдены достоверные различия. Так, в нашем исследовании высокие значения по фактору А, характеризующие добродушие, сердечность, открытость, имеют успешные приемные родители ($p = 0{,}000$, U-критерий Манна–Уитни). Данное качество необходимо для постоянного общения с проблемными детьми.

Высокие оценки по фактору Е говорят о выраженном стремлении к самоутверждению, властности, независимости, упрямстве до агрессивности, обвинении других в конфликтных ситуациях. Способность проявлять терпимость, уступать дорогу, ждать, тактично делать замечания, показывая образцы скромного поведения, у успешных приемных родителей более выражена по сравнению с неуспешными приемными родителями ($p = 0{,}003$).

Высокие оценки по фактору L свидетельствуют о подозрительности, раздражительности, завистливости, стремлении заострять внима-

ние на неудачах, низкие – о доверчивости, откровенности, способности терпеть, прощать, ладить с людьми. Неуспешные приемные родители по этому фактору имеют оценки значимо выше по сравнению с успешными (p = 0,03). Велика вероятность того, что неуспешные родители иначе истолковывают намерения, поведение и чувства приемных детей, приписывая им негативные характеристики и желания, отсутствующие в реальности.

Высокие оценки фактора Q2 говорят о самодостаточности и стремлении к независимости, низкие – об ориентации на мнение группы, о потребности в поддержке окружающих, в совете и одобрении. Неуспешные приемные родители имеют значимо более высокие оценки по данному фактору, чем успешные приемные родители (p = 0,02). Можно предположить, что неуспешные родители, сталкиваясь с трудностями в воспитании приемных детей, не обращаются своевременно за помощью, отгораживаются от окружающих, тем самым делают конфликтную ситуацию необратимой.

Оценки по фактору Q3 демонстрируют уровень самоконтроля в поведении: высокие свидетельствуют о волевой личности, действующей по осознанному плану, низкие – о личности невнимательной, неделикатной, с внутренними конфликтами в представлениях о себе. Показательно, что по этому фактору средние значения у неуспешных родителей ниже, чем у успешных приемных родителей с высоким уровнем значимости (p = 0,000).

Высокие оценки по фактору Q4 говорят о фрустрированности, неудовлетворенных стремлениях, нетерпимости, раздражительности, низкие – о невозмутимости, спокойном отношении к удачам и неудачам, расслабленности. Неуспешные родители имеют значимо выше оценки, чем успешные родители (p = 0,000). Неудовлетворенность приемных детей и родителей отношениями, недоверие друг к другу членов семьи могут быть обусловлены данной личностной чертой неуспешных родителей.

Таким образом, методика Р. Кеттелла значимо выявляет личностные качества, необходимые для функционирования успешного родительства. Качества, отличающие успешных от неуспешных приемных родителей, заключаются в большей толерантности и гибкости, которые крайне необходимы при воспитании детей, часто не умеющих себя обслуживать и имеющих существенные отклонения в поведении.

Б.А. Ясько

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СУБЪЕКТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Психологическая безопасность (ПБ) – состояние информационной среды и условий жизнедеятельности общества, не способствующих нарушению целостности, адаптивности (всех форм адаптации) функционирования и развития социальных субъектов (определенного человека, групп, общества в целом) (Т.С. Кабаченко, 2000).

Рассматривая возможные направления исследований ПБ в связи с психологическим воздействием, нельзя обходить вниманием проблему объективных изменений психики профессионала как субъекта труда. Здесь наиболее сложным и в то же время ключевым моментом для развития исследований является разработка операционализируемых критериев изменения психики в результате нарушения ПБ. Эти критерии и процедуры выявления соответствующих им психических проявлений могут лечь в основу определения нарушений ПБ и характеризовать как дезадаптирующую содержательность воздействующего объекта, так и объективные показатели, характеризующие резистентность субъекта к неблагоприятным для него воздействиям.

Одним из таких критериев при исследовании ПБ субъекта труда является критерий устойчивости нейродинамической основы как первичной, индивидной характеристики в системе интегральной индивидуальности человека по отношению к нормативным и сверхнормативным воздействиям профессиональной деятельности. Жесткое регламентирование деятельности может не соответствовать природным механизмам реагирования психики на ситуацию, в которой оказывается человек. Прежде всего это касается деятельности в так называемых особых условиях. По данным наших исследований труд врача-клинициста может быть отнесен к этой категории профессий.

Исследуя факторы риска формирования синдрома эмоционального выгорания, мы обратились к «Гигиеническим критериям оценки и классификации условий труда по показателям вредности и опасности факторов производственной среды, тяжести и напряженности трудового процесса». Оценка производится по 22 показателям, которые распределены в 5 групп: интеллектуальные нагрузки, сенсорные нагрузки, эмоциональные нагрузки, монотонность нагрузок, режим работы. Оценка более 6 показателей как высоко напряженных является основанием для отнесения исследуемой трудовой деятельности к классу 3.3, что свидетельствует о высокой вредности данного вида труда.

Экспертиза, которую было предложено провести 60 врачам-клиницистам, показала, что тринадцать из 22 оцениваемых показателей относятся к категории высоко напряженных. Среди них: «эвристическая творческая деятельность в сложных ситуациях»; «работа в условиях дефицита времени и информации с повышенной ответственностью за конечный результат»; «нерегулярная сменность с работой в ночное время» и др.

Психологический анализ профессиональной врачебной деятельности позволил выделить в ней виды действий, операции и манипуляции, успешность исполнения которых обусловливается хорошо развитыми способностями, детерминированными различными свойствами нервной системы. Оказалось, что врач одновременно совершает действия, в основе которых лежат способности, обусловленные противоположными свойствами н/с, что особенно разрушительно для психической безопасности субъекта. Например, в совокупность профессиональных действий и манипуляций врача при неотложных состояниях входят: визуальный осмотр пациента (1); непременное соблюдение последовательности алгоритма диагностических действий (2); постановка предварительного диагноза (3); определение тактики ведения больного (4) и т. д. Приведенные примеры иллюстрируют сложность и многогранность проблемы выделения факторов риска нарушения психологической безопасности субъекта профессиональной деятельности, осуществляемой в напряженных, особых условиях.

Исследования, основанные на концепции интегральной индивидуальности, позволяют «сфокусировать» внимание на тех свойствах и состояниях личности, которые становятся мишенями наибольшей уязвимости. Это позволит искать конструктивные пути и средства психологической поддержки профессионала.

Л.А. Ясюкова

ДИАГНОСТИКА СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Поступление в 1-й класс и начало школьной жизни предъявляет особые требования к адаптационным способностям ребенка и особенно к его социальному интеллекту. Развитый социальный интеллект предоставляет возможность ребенку адекватно понимать эмоциональное состояние и личностные особенности окружающих, устанавливать дружеские отношения с одноклассниками, рационально раз-

решать возникающие конфликты, корректно взаимодействовать с учителями. Дальнейшее самочувствие ребенка в школе, отношение к учебе в целом во многом определяется тем, как пройдет адаптационный период.

На основе изучения социального интеллекта детей, поступающих в школу, можно делать надежный прогноз относительно протекания процесса их адаптации и выделять тех, кто нуждается в дополнительной психологической помощи. Определенная проблема заключается в отсутствии методик, позволяющих адекватно диагностировать социальный интеллект детей младшего школьного возраста. Даже стандартизованные классические методики не во всех случаях предоставляют достоверную информацию.

Нами было проведено сравнительное исследование социального интеллекта учащихся первых (46 чел.) и четвертых (68 чел.) классов с использованием детского варианта теста Розенцвейга. Данный тест хорош тем, что дает информацию одновременно и о социальном интеллекте, и об адаптационных способностях ребенка в целом. Обследование проводилось индивидуальным методом: психолог объяснял ребенку инструкцию, показывал картинку и зачитывал слова, которые говорит один из персонажей. Ребенок должен был придумать, что ему ответит другой персонаж, участвующий в данной ситуации.

Текст приходилось зачитывать учащимся не только первых, но и четвертых классов, так как среди современных школьников часто встречаются плохо читающие дети. Четвероклассники в основном адекватно понимали изображенные на картинках ситуации (исключение составляет 13-я картинка, содержание которой приходилось пояснять) и не испытывали затруднений с придумыванием ответов.

Работа в подобном режиме с учащимися 1-х классов оказалась невозможной. Более 80 % детей были не в состоянии придумать ответ за персонажа картинки. Даже подробное разъяснение изображенной ситуации не улучшало положения. Предлагаемые детьми ответы свидетельствовали о том, что они не понимают, кто кого и за что обвиняет или что хочет от другого добиться.

Однако делать вывод о низком уровне социального интеллекта первоклассников было бы преждевременно. Мы предположили, что дети не могут придумать ответ за другого ребенка или взрослого человека потому, что у них еще слабо развито мышление, и они не могут решать смоделированные ситуации, поставив себя на место персонажа картинки. Действительно, они легко стали отвечать, когда мы перефразировали вопрос таким образом, чтобы он был обращен к самому

ребенку. Например: «Что бы ты ответила, если бы папа тебе сказал, что не может сейчас купить тебе эту куклу, потому что у него мало денег?» Причем предварительно приходилось узнавать, какие игры или игрушки интересуют ребенка, кто ему их обычно покупает, чтобы максимально приблизить ситуацию к реальной жизни. Подобным образом приходилось изменять содержание текста почти во всех ситуациях. Естественно, что степень эмоциональности или конструктивности ответов у различных детей существенно различалась, и это давало возможность делать выводы о социальном интеллекте конкретных детей.

Проведенное нами исследование показало, что задания, на которых основан тест Розенцвейга, предъявляют требования в первую очередь к академическому, а не к социальному интеллекту ребенка. Анализ конкретных детских ответов позволяет сделать вывод о том, что многие первоклассники могут действовать достаточно конструктивно в конфликтных ситуациях, но при этом не умеют решать абстрактные задачки на социальные темы, как и любые другие, словесно сформулированные или зрительно представленные задачки. В целом следует признать, что тест Розенцвейга без соответствующей модификации неприменим для работы с детьми 6–8-летнего возраста, так как дает информацию не о том, как будет действовать ребенок, а способен ребенок или нет решать абстрактные задачи в социальной сфере.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 10-06-00402а.

А.А. Яшихина

ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ У ПАЦИЕНТОВ С РАССТРОЙСТВОМ ЛИЧНОСТИ

Расстройства личности (РЛ) составляют существенную часть пограничных нервно-психических расстройств и занимают по распространенности второе место после неврозов. Широкая распространенность данной нозологической группы в популяции населения, разнообразность личностной патологии, наличие высокого процента ошибок при клинической диагностике психопатий, высокая социальная значимость психиатрического диагноза вызвали необходимость компетентного отношения к диагностике и экспертизе данного вида патологии, а также участия в лечении и реабилитации пациентов, помимо психиатра, психолога, социального работника.

Целью исследования явилось создание системы психокоррекционных мероприятий, учитывающих специфические характеристики основных типов РЛ. В представляемых материалах отражены результаты психологических исследований, позволяющих уточнить когнитивные, эмоциональные и мотивационные особенности основных клинических вариантов расстройств личности. Для достижения данной цели использовались клинико-психологическая беседа, анализ имеющейся медицинской документации, психодиагностические методики объективного, субъективного и проективного подходов.

В исследовании принял участие 71 пациент с установленным диагнозом расстройство личности (шифр по международной классификации болезней – F 60.x) средней возрастной категории, которые получали лечение, проходили военно-медицинскую комиссию, медицинскую экспертизу трудоспособности в ГУЗ СО «Самарский психоневрологический диспансер». Для регистрации данных была разработана оригинальная карта обследования. В результате исследования были получены данные, характеризующие эмоционально-волевую и познавательную сферу основных категорий РЛ.

Исследуя показатели по отдельным базисным шкалам методики СМИЛ, выявлены индивидуально-личностные особенности, характерные для каждой из групп испытуемых. У группы лиц с ананкастным РЛ обнаруживаются высокие показатели по шкале «ригидности», которая выявляет недостаточную гибкость и трудность в переключении, по шкале «пессимистичности», отражающей неудовлетворенность и пессимистическую оценку, инертность в принятии решений.

Характерным и ожидаемым оказалось понижение показателей шкал «невротического сверхконтроля», «тревожности», «пессимистичности» и «социальной интроверсии» для лиц с диссоциальным РЛ, что указывает на отсутствие осторожности в поступках, сниженную способность к сопереживанию, непринужденность в высказываниях, в выставлении напоказ своих характерологических особенностей, неконформность установок. Для остальных групп пациентов также были выявлены характерные показатели.

Анализируя данные, полученные в результате использования модифицированного восьмицветового теста Люшера, для пациентов с ананкастной психопатией характерным оказалось повышение уровня тревоги, суммарного отклонения от аутогенной нормы, указывающее на сниженный уровень работоспособности, с тенденцией к понижению в процессе исследования. Низкий уровень тревоги и высокие значения вегетативного коэффициента определяются у лиц с диссоциальным

РЛ, что отражает оптимальную мобилизацию физических и психических ресурсов, установку на активные действия.

При анализе данных, полученных с помощью методики Роршаха, было показано, что для пациентов с зависимым РЛ характерен низкий процент ответов четкой формы (F+ % = 75%), что отражает меру стабильности личности, ее способность к организации, планированию и контролю; повышены показатели оттеночных ответов, которые указывают на потребность в любви, инфантильность и зависимость (Fc = 3, cF = 2); выявляются низкие показатели популярности ответов (P% = 12,5%), индекса реалистичности (Ri = 3 баллам), что является признаком отгороженности от окружающего. Для лиц с истерическим РЛ обнаружены следующие показатели: высокий процент целостных ответов (W = 75 %), что отражает высокий уровень интеллекта; высокий уровень ответов по белому фону (S = 2,9%), отражающий интеллектуальное богатство одновременно с оппозицией; наличие большого числа цветовых ответов (C = 0,8, FC = 1,4, CF = 2,1) говорит о том, что субъект, скорее, взаимодействует со своим окружением, чем изолируется от него. Для лиц с эмоционально-неустойчивым типом личности значимых отличий выявлено не было.

Полученные данные предполагается использовать в качестве уточняющих диагностических критериев для дифференциальной диагностики каждого типа личностного расстройства, а также для построения психокоррекционных программ, адаптированных к конкретному клиническому варианту расстройств личности.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ И ПСИХОТЕРАПИИ

Л.Ю. Айвазян, М.В. Шептун

СУБЪЕКТИВНОЕ ОЩУЩЕНИЕ ОДИНОЧЕСТВА КАК ОБЪЕКТ РАБОТЫ ПСИХОЛОГА-КОНСУЛЬТАНТА

В течение многих лет психологи и социологи высказывали свои суждения об одиночестве. Тем не менее, теории одиночества не оказали существенной помощи в реальных исследованиях данного явления. Несмотря на слабо развитый эмпирический и теоретический фундамент в исследовании одиночества и на противоречивость в его определениях, данное явление остается актуальным для научного интереса, что связано со стремительной урбанизацией и индивидуализацией общества. Данные процессы в обществе влияют как на частоту появления данного переживания, так и на интенсивность его переживания индивидом. Переживание одиночества может стать ситуацией, способствующей развитию человека, стимулирующей появление рефлексии по поводу собственной жизни и перспектив своего развития. Но одиночество может переживаться и осознаваться как непродуктивное негативное эмоциональное состояние, которое даже может привести личность в тупик (суицид).

Все вышеизложенное указывает на актуальность проблемы одиночества и на необходимость ее решения в современной психологической науке. При исследовании субъективного ощущения одиночества были использованы методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела, М. Фергюсона и опросник самоотношения В.В. Столина, С.Р. Пантелеева. Выборка состояла из 72 респондентов. Из них было 39 людей женского пола и 33 мужского. В проведенном исследовании были получены две подгруппы, с помощью разделения выборки по уровню коммуникативных умений. Были выявлены разные, а относительно некоторых шкал и противоположные корреляции в указанных группах. Так, в группе респондентов с низкими коммуникативными склонностями была обнаружена обратная связь субъективного ощущения одиночества и самоинтереса, глобаль-

ного самоотношения, аутосимпатии, самоуважения, самопринятия, самопонимания и прямая связь со шкалой самообвинения. Во второй группе были выявлены противоположные корреляции субъективного ощущения одиночества и шкал самоотношения: прямая связь с самоинтересом, глобальным самоотношением, аутосимпатией, самоуважением, самопринятием, самопониманием, связь с самообвинением не была обнаружена. Таким образом, полученные данные указывают на то, что субъективное ощущение одиночества при объективном наличии социальных связей не всегда является результатом негативных процессов психики (депрессия).

Более того, как видно из результатов исследования, данное чувство может способствовать развитию личности. Так, при психологической консультации необходимо направлять работу с клиентом по данному запросу не на искоренение данного чувства, а на использование его для конструктивного развития личности, т. е. на осознание того, что личность сама формирует и проживает свой жизненный путь, и чувство одиночества возникает в связи с принятием на себя ответственности за свои действия и поступки. Ключевым моментом в работе по данному запросу является понимание разницы между словами «один» (одинокий) и «сам». Так, трансформацию субъективного ощущения одиночества в конструктивное чувство необходимо проводить как на эмоциональном, так и на когнитивном уровне.

А.А. Акимова, В.В. Смирнова

МОТИВАЦИЯ БОРЦОВ-САМБИСТОВ НА ЭТАПЕ НАЧАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Мотивация является одним из наиболее существенных факторов достижения успеха, как для спортсмена, так и для тренера, и, вероятно, именно поэтому ее научное исследование в спорте уже с 60-х гг. XX в. стало основной задачей спортивной психологии (О.А. Рапопорт, 2005). Исследованию различных аспектов мотивации посвящено значительное число работ. Однако в большей части авторских публикаций отражена констатация спортивной мотивации – приводятся результаты ее исследований, при этом недостаточно внимания уделяется спортивной мотивации на начальном этапе занятий спортом (В.Б. Антипин, 2007). Эта область спортивной психологии мало знакома практикующим тренерам, которые действуют методом проб и ошибок. Тренеру, как и спортивному психологу, необходимо разбираться в этом вопросе

(Р.С. Немов, 1999). В настоящее время в условиях возрастающих психических и физических нагрузок в спорте человек вынужден искать пути оптимального, гармоничного развития и адаптации к изменяющимся условиям. Важной особенностью мотивации является ее прямое влияние на спортивный результат. В условиях жесточайшего соперничества полной самоотдачи и достижения поставленной цели можно ожидать лишь от спортсмена, мотивированного определенным образом и обладающего максимальной выраженностью мотивационной направленности.

Цель нашего исследования – изучить особенности мотивации борцов-самбистов на этапе начальной подготовки. Объект исследования – мотивационная сфера личности юных борцов-самбистов. Предмет – особенности мотивации юных борцов-самбистов. Гипотеза: мы предполагаем, что для формирования мотивационных установок на занятия спортом необходимо проводить специальную психолого-педагогическую работу, направленную на повышение уверенности юных спортсменов в себе, на обучение навыкам саморегуляции эмоциональных состояний и снятия эмоционального напряжения, а также проведение индивидуальной работы с тренерами по повышению их профессиональной компетентности в проведении психологической работы.

Исследование проводилось на базе МОУ СОШ № 1 и ДЮСШ № 4 г. Великие Луки. В тестировании приняли участие борцы-самбисты 13–15 лет в количестве 30 человек. В исследовании использовались «Методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач» (Т. Элерс), «Опросник для оценки потребности достижения успехов» (Т. Элерс), «Анкета для исследования интересов к занятиям спортом» (Е.Г. Бабушкин), «Методика для исследования направленности спортивной мотивации на тренировочную и соревновательную деятельность» (Е.Г. Бабушкин).

Диагностическое исследование показало, что у 93 % испытуемых выражена мотивация избегания неудач. Это проявляется в неуверенности в собственных силах, в наличии страха перед соперником и недостаточной степени зрелости эмоционально-волевой сферы. У 7 % спортсменов был выявлен неопределенный уровень мотивации. Испытуемых с преобладанием мотивации достижения успеха выявлено не было. «Анкета исследования интересов к занятиям спортом» позволила нам определить степень устойчивости интереса юных спортсменов к выбранному виду спорта. Так, устойчивый интерес был выявлен лишь у 20 % респондентов, в то время как неустойчивый – у 73 %, а у

7 % проявился недостаточно устойчивый интерес. Данные результаты обусловлены юным возрастом спортсменов и преобладанием внешних мотивационных установок (совет родителей, «за компанию» с друзьями, близкое расположение секции к дому и т. д.). В последующем это может привести к быстрой смене интересов и уходу из спорта.

При изучении направленности спортивной мотивации выяснилось, что 60 % борцов-самбистов имеют направленность на тренировочную деятельность. Данных спортсменов интересует сам процесс освоения новых приемов, общения с друзьями по секции и выполнение различных заданий тренера, а не участие в соревнованиях. Среди испытуемых 40 % имеют соревновательную направленность, что говорит о том, что борцы ждут соревнований, нацелены на победу и при неудачах работают над ошибками и более тщательно готовятся к следующему поединку. Таким образом, для юных спортсменов проблема мотивации является очень важной и актуальной. Ее особенностями является неустойчивость мотивационной структуры, доминирование внешних мотивов и мотивов избегания неудач. Вовремя не оказанная психолого-педагогическая помощь может привести к потере потенциального чемпиона.

М.В. Алаева

ПРОЦЕСС ПОНИМАНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСУЛЬТАНТА

«Понимать – моя профессия» (У. Голдинг). Понимание – это одна из основных профессиональных задач психолога-консультанта, выступающая в качестве критерия его профессиональной зрелости. Оно рассматривается как предметно и контекстуально обусловленные процесс и результат формирования смысла ситуации взаимодействия его субъектов – смысла поступков, высказываний и переживаний.

Центральные категории психологического консультирования – переживание и смысл и связанные с ними процессы понимания и интерпретации высказываний клиента как специфических источников, несущих в себе личностное содержание. Связанные вербальные высказывания клиента являются продуктом выражения субъективных переживаний и смыслов, образованных сочетанием знаков, переплетением значений и представляют собой адресное, компактное и воспроизводимое выражение внутреннего содержания, развернутое во времени. Понимание основано на различении непосредственного переживания,

осознания этого переживания, и его «психологическая сущность» состоит в превращении чужого в «свое–чужое». Понимание – всегда сотворчество понимающих, и важным инструментом такого сотворчества является диалог, часто рассматриваемый как путь к взаимопониманию, в котором происходит открытие реальности другого человека, его мыслей, чувств, представлений о мире, осуществление «психологического сопровождения» переживаний клиента и видение этого мира глазами собеседника. Здесь не менее важным моментом является определение диалогических технологий: средств реализации диалогического общения.

Нами был проведен анализ деятельности профессиональных консультантов г. Саранска на предмет понимания психического состояния человека в диалоге и особенностей работы с ним. Деятельность консультантов реализуется в русле гуманистического подхода, что, на наш взгляд, позволяет достичь большой глубины взаимопонимания между партнерами, создает условия для их самораскрытия и взаимного обогащения. Средний стаж работы консультантов – 9 лет. Анализ деятельности консультантов проводился на основе заранее подготовленных анкет. Полученные материалы позволили говорить о следующих особенностях и технологиях процесса понимания. Большинство консультантов в качестве основных методов и техник выделяют «активное слушание» и «эмоциональное отреагирование», отмечены также техника изменения привычных схем мышления и установок, мета-модель. Признавая, что в основе познания лежит диалог, консультанты делают акцент на постановку вопросов, отмечая, что приоритетнее вопросы открытого типа, уточняющие, проясняющие, побуждающие к мыслительной активности, позволяющие глубже проникнуть во внутренний мир клиента.

Анализ способов подачи вопросов позволяет говорить о том, что предпочтительнее косвенные вопросы (уход от ситуаций полного обезоруживания клиента), имеющие цель («вопрос не ради вопроса»). Консультантами приведены примеры вопросов и фраз, максимально раскрывающих психическое состояние: «Что вы сейчас чувствуете? Опишите свои эмоции», «Что вы испытывали в тот момент?» (так называемый «вопрос-возврат»), «Что вы чувствуете от этой ситуации? Проговорите ваши чувства», «Нарисуйте ваше чувство, опишите его». Ими отмечается, что для лучшего понимания психического состояния в речи клиента следует обращать внимание на высказывания и их соответствие эмоциям, семантические ошибочные формулировки (отсутствие причины-следствия, чтение мыслей и пр.), способ подачи ин-

формации клиентом (интонация, тон, логика, связность речи, оговорки, эмоциональная окраска, дыхание и др.).

В заключение мы попросили дать рекомендации будущему специалисту (педагогу-психологу, консультанту) в работе с людьми, для того чтобы лучше понять состояние другого человека. В качестве них выступили: умение слушать и слышать, задавать вопросы, но не руководствоваться во всем формой «вопрос–ответ», учиться терпеливости, применять технику «активное слушание», со-настроиться с актуальным психологическим состоянием абонента, при этом не переносить его проблемы на себя, выявление психологического контекста клиента, проработка своих проблем перед консультированием (преодоление ситуации «контрпереноса»). Консультантами сделан акцент на конгруэнтность партнеров по общению и акцептацию.

Сделанный нами акцент на умение понимать психическое состояние другого человека не случаен, так как это не просто важный аспект деятельности консультанта, психолога, но и важное звено в деятельности другого специалиста, а также любого собеседника.

Н.Н. Александрова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ И СТИМУЛЫ ДОСТИЖЕНИЯ ГАРМОНИИ В МОЛОДОЙ СЕМЬЕ

Предотвратить скандалы, разводы, болезни в целом оказывается легче и дешевле, чем лечить их. Поэтому особенно актуальной сегодня является профилактика семейных дисгармоний разного рода. Цель работы – разработка психологического тренинга, направленного на формирование и развитие положительного морально-психологического климата в семье на основе психологических приемов и стимулов.

В соответствии с поставленной целью необходимо решить следующие задачи: 1. Провести исследование по выявлению проблемы молодой семьи; 2. Разработать приемы, методы и стимулы достижения гармонии в молодой семье; 3. Разработать рекомендации по повышению эффективности психогигиенической и психопрофилактической помощи современной молодой семье; 4. Внедрить работающие в молодой семье приемы и стимулы достижения гармонии. Объектом исследования является морально-психологический климат в молодой семье. Предметом работы выступают психологические приемы и стимулы достижения гармонии в молодой семье. Гипотеза: мы предпола-

гаем, что морально-психологический климат семьи значительно улучшится при включении супругов в систему тренингов.

Методики исследования представляют собой теоретический анализ литературы, анализ статистических данных, анализ личных дел, анкетирование, беседы и личные наблюдения, опросники: 1) диагностика энергофизиологической и энергопсихологической совместимости с брачным партнером (опросники В.В. Бойко, 1996); 2) определение степени удовлетворенности–неудовлетворенности браком и степени согласования–рассогласования удовлетворенности браком (тест-опросник удовлетворенности браком (ОУБ), авторы: В.В. Столин, Т.Л. Романова, Г.П. Бутенко); 3) методика «РОП» (ролевые ожидания и притязания в браке), разработанная А.Н. Волковой.

Методологической базой данной работы являются труды К. Витека «Проблемы супружеского благополучия», С. Кратохвила «Психотерапия семейно-сексуальных дисгармоний», В.А. Сысенко «Устойчивость брака: проблемы, факторы, условия». Практическая значимость заключается в том, что разработанные рекомендации по повышению эффективности психологических мероприятий и улучшению морально-психологического климата могут быть использованы в практической деятельности учреждений, занимающихся семьями. Испытуемые: выборка из 44 человек (22 мужчины и 22 женщины), состоящих в первом браке (22 супружеские пары) со стажем брака от 1 до 5 лет, имеющих ребенка. Характеристики мужчин: возраст – от 24 до 35 лет, образование среднее – 3, среднее специальное – 8, высшее – 11 человек. Характеристики женщин: возраст – от 21 до 30, образование среднее – 2, среднее специальное – 10, высшее – 10 человек.

Результаты исследования показали, что высокая самооценка личности позитивно влияет на степень ее удовлетворенности браком, на отношения внутри него, что, в свою очередь, благоприятно сказывается на устойчивости и благополучии супружества. Таким образом, из 22 семейных пар 12 (54,5 %) имеют высокую степень согласованности семейных ценностей и ролевых установок, 6 (27,3 %) супружеских пар обнаружили средний уровень согласованности и две (9 %) – низкий уровень согласованности семейных ценностей и ролевых установок.

Анализируя полученные данные, можно сказать, что у испытуемых различные взгляды и представления о значимости в семейной жизни сексуальных отношений, личностной общности мужа и жены, родительских обязанностей, профессиональных интересов каждого из супругов, хозяйственно-бытового обслуживания, моральной и эмоциональной поддержки, внешней привлекательности. Характер супруже-

ских отношений во многом зависит от степени согласованности семейных ценностей мужа и жены и ролевых представлений о том, кто в какой степени отвечает за реализацию определенной семейной сферы. Адекватность ролевого поведения супругов зависит от соответствия ролевых ожиданий ролевым притязаниям супругов. При участии супругов в исследовании были выявлены факторы, благоприятствующие развитию позитивного морально-психологического климата в молодой семье; дестабилизирующие элементы супружеских отношений; разработана методика психологического тренинга коммуникативных навыков и улучшения взаимоотношений.

Данные, полученные в результате исследования, могут быть использованы социальными педагогами, практическими психологами, семейными психотерапевтами, а также самими молодыми людьми.

Р.А. Ахмеров

ПСИХОБИОГРАФИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ В ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Предлагаемая нами психобиографическая модель психологической помощи (ПП) основана на простой истине о том, что лучшая помощь – «человека научить ловить рыбу самому», т. е. научить быть субъектом своей жизни. Это послужит профилактикой деструктивных форм реагирования на разные формы тяжелых жизненных ситуаций. Основная цель психобиографической модели ПП – укрепление в человеке индивидуальности как субъекта жизни. Задачи: 1) формирование основ позитивного биографического мышления (мыслить масштабно, гибко, разумно в биографическом времени); 2) формирование генеалогического мышления (мыслить в историческом времени своей родословной, видеть свою значимую роль в цепи родословной); 3) формирование установки на жизнетворчество.

Методологической основой психобиографической модели ПП являются идеи Б.Г. Ананьева о субъекте-индивидуальности и каузометрический подход. Жизнь индивидуальности строится преимущественно согласно ее жизненному замыслу. Основной метод психобиографического подхода – «каузометрия» выявляет одновременно как характеристики жизненного замысла, так и характеристики индивидуальности как субъекта жизни, а также помогает в проектировании приемлемых форм самореализации. Человек, являющийся субъектом своей жизни, жизнестойкий, всегда найдет способ и форму адекватного включения в

общество для самореализации в любых условиях. Воспитывать жизнестойких граждан необходимо начать с дошкольного периода. Это будет одновременно профилактикой риска деструктивных форм самореализации (алкоголизм, наркомания, уход в секты и др.) и решения жизненных проблем (суицид и др.), по той простой причине, что у человека будет сформирован позитивно-биографический склад мышления, логика конструктивного способа решения жизненных проблем.

Для укрепления в человеке субъектных начал мы предлагаем программы «Семь Я» (для детей старшего дошкольного и младшего школьного возрастов) и «Уроки жизнетворчества» (для старшеклассников). В основу программы «Семь Я» положена идея – чем раньше ребенок узнает историю своей семьи, тем осознаннее будет строить свою жизнь, продолжать историю своего рода. Познание семейной истории происходит через оформление странички семейного альбома по разным темам совместно с родственниками, предлагаемым программой (наши имена, любимые игрушки, когда мы родились, наши профессии и др.). В результате вспоминаются значимые события семейной истории и создается «зона ближайшего биографического» развития на 10–20 лет вперед, когда повзрослевший ребенок начнет строить свою собственную семью и ее будущее. Цель программы – способствовать благоприятному вхождению ребенка в мир социальных отношений через доступные ему формы познания своей родословной. Уроки жизнетворчества помогают старшекласснику в поиске своего жизненного пути. Уроки основаны на освоении каузометрического метода анализа своей жизни. На основе обратной связи старшеклассник учится конструктивному биографическому мышлению, тем самым прививаются навыки проектирования собственной жизни. Уроки предусматривают и составление генеалогических древ. Психобиографический подход позволяет включить другие подходы ПП, адаптировано к нашим разработкам по формированию человека как субъекта жизни.

Индивидуальные и групповые методы работы нашего подхода можно применить в разных психологических центрах, а не только в школьной психологической службе. Идеи предлагаемой модели ПП получили общественное признание. Программа «Семь Я» стала победителем конкурса «Лучшие Российские программы для семьи 2001 года». Проект «Каузометрия в исследованиях психологического времени и жизненного пути личности: прошлое, настоящее, будущее» стал победителем X Национального профессионального психологического конкурса «Золотая Психея» в 2009 г.

Н.В. Беломестнова, Т.А. Адмакина

ОБ ЭМОЦИОГЕННОСТИ МУЗЫКАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В психотерапевтической, тренинговой и коррекционной практике психолога существенную роль играют механизмы воздействия на сознание человека. И значительное место в таких механизмах принадлежит способам воздействия на эмоциональное состояние индивидуума. Сравнительная эмоциогенность разных видов эстетической деятельности еще не являлась предметом специального анализа, хотя на основе изложенных ниже данных можно предполагать более сильное эмоциональное воздействие музыки по сравнению с изобразительными или драматическими формами искусства. Эти данные пришли из неожиданной сферы профессиональной деятельности психолога – из судебной экспертизы так называемых «пирамид» с сеансами («семинарами») массового манипулятивного воздействия на психику присутствующих.

Из многих приемов технологий манипуляции сознанием, ранее описанных нами (Н.В. Беломестнова, 2006), можно отметить очень весомую роль музыки и совместных действий в противовес весьма скудному изобразительному ряду. Музыка, применяемая на этих сеансах, характеризуется громким звучанием, сильным резко выраженным ритмом, быстрым темпом, упрощенной мелодикой, высокой повторяемостью ритмико-мелодических периодов. Аналоги этих явлений можно найти в иных сферах психологических знаний. В теории функциональной асимметрии головного мозга известно, что существенная или даже наибольшая часть музыкальных параметров (во всяком случае, наиболее элементарные) связаны с деятельностью правой гемисферы. Но с этим же полушарием связана и продукция эмоций (Н.Н. Брагина, Т.А. Доброхотова, 1988; В.В. Колышкин, 1996). Активация правой гемисферы ведет к реципрокному торможению левой (Н.Н. Трауготт, 1981), от которой в значительной мере зависит ясность сознания. В так называемых функциональных пробах при записи ЭЭГ известна проба на ритмическую фотостимуляцию, которая выявляет наличие скрытой склонности к пароксизмальной активности головного мозга (эпилептическим приступам), т. е. провоцирует нарушение сознания. Несмотря на адресацию к зрительному анализатору, в этой пробе выявляется роль ритмических процессов в изменении сознания.

Имеются наблюдения, что именно близость частоты ритма к естественным физиологическим ритмам организма (пульс, дыхание) вызывает наибольшее эмоциональное вовлечение. В электрофизиологии давно известно, что при интеллектуальном напряжении возникает ре-

акция десинхронизации альфа-ритма (ритма фоновой активности головного мозга). Максимальная синхронность электроритмов наблюдается во сне, а в REM-фазе (фазе сновидений) имеется десинхронизация, близкая к таковой в бодрствующем состоянии. Налицо роль ритма в снижении уровня сознательного контроля.

Существует ряд предположений относительно причин возникновения музыкальной деятельности. Н.Я. Марр (1933), Ж. Комбарье (1932), Р. Валлашек (1903) в качестве колыбели искусства рассматривали магические ритуалы, главным элементом которых являлся ритм. К. Бюхер (1923) выдвинул гипотезу о том, что ритмическое урегулирование работы у первобытных народов достигается путем присоединения звукового аккомпанемента, из чего впоследствии развивается музыкальное искусство. Большинство исследователей сходятся на идее синкретической связи музыки с танцем, песней, магическими ритуалами и т. д. у архаических сообществ (К. Бюхер, 1923; Р. Валашек, 1903; Р.И. Грубер, 1960; Ж. Комбарье, 1932; Н.Я. Марр, 1933), что косвенно свидетельствует о первичности ритмической способности. Первые найденные музыкальные инструменты – «шумящий» браслет, колотушки, изготовленные из бивня, морские ракушки – принадлежат к ритмико-ударной группе (И.А. Химик, 1994). Первичность ритмической способности обусловлена онтогенетическими данными. Г. Ревеш полагает, что музыкальная одаренность сначала проявляется в психомоторной сфере. По мнению Л.А. Ильиной (1959), ритм – первое музыкальное представление, которое может воспроизвести ребенок. Б.М. Теплов (1947) пишет, что ритмическое чувство начинает проявляться у ребенка уже в 9–10 месяцев.

Таким образом, механизмы, обеспечивающие приоритет музыки перед изобразительными искусствами в воздействии на сознание (физиологические, нейрофизиологические, психические) близки к архаическим палеолитическим механизмам организации коллективной деятельности и формирования коллективного сознания.

Т.Н. Беркалиев, Т.В. Корнева

ИНТЕГРАЦИЯ И СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ В ПРАКТИКЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Глобальный характер интегративной тенденции, развитие новых научных методологий, таких как сетевой, синергетический, бутстрэпный подходы подготавливают возможность кардинальных изменений

в научном видении картины мира, размыванию межпредметных границ, к усилению межнаучных коммуникативных связей. Формируется новый нелинейный, холистичный стиль научного мышления, с наибольшей отчетливостью проявляющийся в эколого-эволюционном дискурсе исследований природы и человека (К. Юнг, Г. Бейтсон, К. Уилбер, И. Пригожин, Дж. Чу и др.). Данному процессу соответствует широко постулируемая тенденция к стиранию теоретико-методологических границ между научными школами. Полагается, что данная тенденция имеет глобальный характер и актуальна для всех видов образования. Безусловно, в равной степени нелепо отрицать как ценность «всестороннего гармоничного развития», так и позитивную силу современной интегративной тенденции в теории и практике консультирования.

Однако в области психологического консультирования, где очевидна недостаточность методологической проработки основных технологий, действие этих факторов, обозначим их как неспецифичность и внешкольность подготовки, приводит, на наш взгляд, к размыванию базовой структуры профессиональной деятельности, к затруднениям формирования профессиональной идентичности. Притягательность зова интеграции и пирамиды смыслов под ним так высока, что никто не будет «отстаивать свою ограниченность» (она все равно при нас останется). Понятны многие факторы и механизмы, детерминирующие интеграционные процессы в психологической науке и практике. В качестве примера достаточно напомнить о весьма востребованном виде психологической практики – «пропаганде психологических знаний», или преподавании психологии.

В последнее время появился новый тип клиента – достаточно успешный человек, который вместо жалоб предъявляет желание «научиться психологии», при этом его не интересуют ни дипломы, ни сертификаты, он просто хочет «получить представление». С чего бы Вы начали, с психических процессов? Посмотрим Госстандарт? Перенесемся мысленно в наши университетские аудитории, как часто в них витает «аромат психологии»? В настоящее время сложилась парадоксальная ситуация в университетской подготовке психологов. По данным Ф. Василюка, 65 % от общего количества специалистов-психологов работают в сфере практической психологии. Психологическое образование остается почти полностью академически ориентированным, и это означает, что обучение конкретным психологическим практикам отдано на откуп различным частным психологическим институтам, семинарам, школам. В результате выпускники университетов вы-

нуждены принимать на веру содержание, транслируемое в основном западной психологией.

С. Квале рисует печальную картину постепенного угасания академической психологии. Как будто бы никто не ждет больше от нашей науки острых наблюдений, открытий, парадоксов и полезных теорий. Крупнейшие научные фонды не упоминают психологию среди дисциплин, достойных финансовой поддержки. Современные психотерапевты и консультанты зачастую отказываются от попыток обоснования знаний и опираются на свои собственные «интерпретативные схемы», свой опыт. Теории, несовместимые с точки зрения академической психологии, используются как равноправные продуктивные метафоры. Опыт консультанта представляет собой собрание выработанных ранее интерпретаций взаимодействий с клиентами и их историями, т. е. интерпретацию интерпретаций. Именно эти обстоятельства позволяют предположить, что важнейшим вектором необходимого развития и изменения вузовской подготовки специалистов-психологов является усиление школьной идентификации, которая и позволит соединить академический базис с разнообразием психологических практик. Основой для этого может стать развитие такого направления, как консультативная психология, которая по своей сути междисциплинарна и призвана задавать четкие концептуальные рамки своего предмета.

Фундаментом для подготовки консультантов должны быть психологические и психотерапевтические теории, которые получили признание и выражены в четких концептуальных схемах. Более того, эти теории должны подаваться с точки зрения их соотнесения между собой (конкурирующие, альтернативные, комплементарные и т. д.), возможностей и ограничений их интеграции. А. Эйнштейн говорил, что все усилия современной науки создать единую картину мира основываются «на вере в непременную и полную гармонию бытия». Способствовать достижению этой гармонии – основное призвание психологии.

М.Ю. Бурыкина

ПРИНЦИПЫ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ МАТЕРИНСКОГО ОТНОШЕНИЯ

Психолого-педагогическая коррекция материнского отношения как детерминанты формирования и развития личностных потребностей детей дошкольного возраста осуществлялась нами на основе следующих принципов формирования и развития личностных потребностей

детей дошкольного возраста. 1) Принцип относительной независимости личностной потребности. Относительная независимость потребности позволяет ставить задачу создания условий для удовлетворения каждой отдельно взятой потребности новыми способами, их переопредмечивания в новых мотивах. Сознание и самосознание выступают в таком случае как посредники этого процесса. 2) Принцип объективности личностной потребности. Личностные потребности детей дошкольного возраста формируются в процессе освоения объективной социальной действительности и развиваются в процессе социализации, вхождения ребенка в мир общественных отношений, овладения им материальной и духовной культурой человечества (А.Н. Леонтьев, 1971). Объективность личностных потребностей проявляется в их социальном содержании, происхождении и в способах реализации (удовлетворения) только в условиях социального взаимодействия с другими людьми. 3) Принцип развития личностных потребностей в деятельности. В процессе актуализации личностных потребностей, порождаемых деятельностью, возникает состояние операционной напряженности, которое характеризуется направленностью потребностей на сам процесс и содержание деятельности (А.Н. Леонтьев, 1971; В.О. Овчинникова, 2001). Производные личностные потребности в ходе исторического, экономического развития общества и производства изменяются и развиваются. 4) Принцип самоорганизации личностной потребности. Е.П. Ильин (2006) вслед за И.П. Павловым (1904), А.Н. Леонтьевым (1971) отмечает, что потребность как самоорганизующая система является одной из побудительных сил, детермирнирующих психическую активность человека. Важно создать такие условия, чтобы потребность, выступающая как оперативное состояние, заряженное энергией побуждения, в определенный момент появилась, самоорганизовалась. 5) Принцип содержательности и предметности личностной потребности. Со стороны целостности личности личностная потребность выступает как побудитель взаимодействия с окружающими людьми для нормального функционирования ребенка в обществе. Со стороны деятельности потребность приобретает свое содержание благодаря удовлетворяющему ее предмету деятельности (А.Г. Маслоу, 1999; А.Н. Леонтьев, 1971; В.В. Столин, 1989 и др.). Содержательное наполнение личностной потребности включает управление поведением, обозначение функционального «выхода» и «входа» потребностной энергии в процессы отражения (А.Н. Леонтьев, 1971), через которые формируется и распознается потребностный опыт ребенка. 6) Принцип субъективности переживания образа личностной потребности. Эмоци-

онально окрашенные переживания образа личностной потребности субъективно отражаются в понимании, в чем состоит предмет желания. Когнитивный образ предмета потребности и ее состояния удовлетворения находит отражение в эмоциональных проявлениях (Л.С. Выготский, 1924; В.К. Вилюнас, 1986; С.Л. Рубинштейн, 1944). Личностная потребность через эмоциональные проявления и поведенческие модусы указывают на свои предметы переживающему субъекту, существуя объективно в образе предмета и проявляясь в его способности вызывать ориентировочные процессы и деятельность. 7) Принцип смыслообразования. Подчеркивая пристрастность потребности, В.К. Вилюнас (1986); А.Н. Леонтьев (1971) тем самым акцентируют внимание на процессах смыслообразования. Смысл возникает вслед за эмоцией, в результате разрешения субъектом личностной потребности. Между смысловыми и эмоциональными явлениями не может быть прослежена различительная грань, справедливо отмечают А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев. Это отношение порождает ситуативные эмоционально-смысловые образования (А.Н. Леонтьев, 1971; Д.А. Леонтьев, 1999), которые, в свою очередь, могут порождаться не только отношениями между мотивом и целями, но и отношениями между действиями и потребностями субъекта (В.В. Субботский, 1977; Б.С. Братусь, 1988).

Эти положения позволили нами эффективно построить и реализовать программу коррекционной работы с матерями детей дошкольного возраста.

Ю.И. Виданова

О РОЛИ ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ В ПРОЦЕССЕ САМОРЕАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТА ТРУДА

Понятие ценностей активно разрабатывается в философии, социологии, этике, психологии. В отечественной литературе используется термин «ценностные ориентации», который подчеркивает целесмысловой, направляющий характер ценностей. Ценность – это приобретенное, усвоенное из опыта предыдущих поколений людей обобщенное понятие о том, что для человека и сообщества является значимым. Содержание ценностей отражает цели, которыми руководствуются люди, когда думают, принимают решения и действуют. В течение жизни человека одни ценности подкрепляются, другие отбрасываются или видоизменяются, таким образом формируется индивидуальная,

специфическая иерархия личностных ценностей, присущая только ему. Особое место в ценностной сфере занимают ценности труда. Эти ценности являются базовыми координатами организационной культуры и всей ценностной сферы человека (Г. Хофштеде). Р.А. Зобов и В.Н. Келасьев выявили две группы факторов, оказывающих влияние на самореализацию: 1) зависящие от человека (ценностные ориентиры, гибкость мышления, воля и т. д.); 2) не зависящие от человека (социальная ситуация, уровень жизни, материальная обеспеченность, влияние на человека средств массовой информации и т. д.).

В нашем исследовании мы рассматривали факторы первой группы, а именно ценностную сферу сотрудников организации. Зная структуру ценностей сотрудников, менеджмент компании сможет управлять корпоративной культурой и обеспечивать условия для самореализации своих сотрудников. В исследовании приняли участие 30 практикующих психологов Санкт-Петербурга – сотрудники альянса помогающих практик.

В качестве методов исследования были выбраны следующие психодиагностические методики: самоактуализационный тест Э. Шострома, методика «Ценностные ориентации» М. Рокича, методика «Жизненное предназначение» О.И. Моткова. В качестве математических методов обработки данных использовался корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена), осуществленный в статистическом программном пакете SPSS 13.0. Были получены следующие результаты. Показатель самоактуализации «Ориентация во времени» связан с такими ценностями, как «поддержка других людей» ($r = 0{,}45$, $p < 0{,}01$), «самоконтроль» ($r = -0{,}368$, $p < 0{,}05$) и «исполнитель» ($r = -0{,}374$, $p < 0{,}05$). Чем больше психолог стремится помочь другим людям, поддержать их, тем больше он способен воспринимать свою жизнь в единстве прошлого, настоящего, будущего, тем полнее его реализация в профессии.

Способность ощущать и проживать во всей полноте настоящий момент жизни связана также с ценностью самоконтроля. Причем чем ниже самоконтроль, тем выше компетентность во времени. Чем больше психолог способен воспринимать свою жизнь неразрывно во временной линии, тем меньше он чувствует себя в роли исполнителя. Компетентная ориентация во времени дает чувство свободы и ощущение реализации себя как независимой личности. Показатель самоактуализации «Поддержка» имеет взаимосвязи только с одной ценностной ориентацией-предназначением – «руководитель» ($r = 0{,}404$, $p < 0{,}05$). Чем более независим практикующий психолог в своих поступках и

действиях, стремится руководствоваться в жизни собственными целями, убеждениями и установками, тем более он склонен к руководящей позиции как в профессиональной деятельности, так и в жизни. Это можно объяснить тем, что в своей работе психолог берет и несет ответственность за свои действия и слова. Без супервизорской и психотерапевтической поддержки невозможна полноценная реализация психолога в профессиональной деятельности.

Наиболее значимыми терминальными ценностями для психологов являются ценности любви, активной деятельной жизни, интересной работы и творчества. Среди значимых для психолога инструментальных ценностей можно выделить ценности чуткости, независимости, жизнерадостности, честности и терпимости. Это в целом согласуется с этическими принципами, принятыми в российском психологическом сообществе. Таким образом, ценностная сфера личности играет важную роль в процессе самореализации субъекта профессиональной деятельности. По сути, в процессе самоактуализации воплощаются и реализуются те ценности личности, которые занимают ведущее место в смысловой структуре. Важно, чтобы эти ценности не противоречили ценностями профессии или ценностям организации. В противном случае самореализация в профессиональной сфере сильно затруднена.

Ю.А. Володина

МЕТОД «ИНТЕРНЕТ-ДИАЛОГА» В ПРАКТИКЕ ПЕДАГОГА-ПСИХОЛОГА

Развитие информационного общества обогатило деятельность педагога-психолога новыми методами и формами работы. Одним из них является интернет-диалог. В психологии исследования диалога как элемента общения, без которого невозможно полноценное становление личности, проводились в рамках культурно-исторической психологии, интеракционизма, психоанализа, гуманистической психологии и др. Особую область составляют психологические проблемы диалога человека с компьютером и посредством компьютера, что нашло отражение в проектировании технологии медиавзаимодействия. Технология медиавзаимодействия представляет собой управляемую интегративную систему, максимально способствующую речевому саморазвитию взаимодействующих сторон, в рамках которого происходит обогащение интеллектуальной, эмоциональной и деятельностной сфер личности посредством компьютерных систем (В.В. Томин, А.Н. Ксенофонтова).

Основной целью технологии медиавзаимодействия является развитие у аудитории (собеседника) механизма создания «реальности» и ее осознания. Использование технологии медиавзаимодействия в деятельности педагога-психолога посредством интернет-диалогов предназначено для эффективного решения различных образовательных задач. Интернет-диалог как средство формирования личности и ее самосознания рассмотрим в контексте индивидуального консультирования учащихся. Основным элементом диалогического общения являются слово, текст, значение, выражающие отношение людей друг к другу. В связи с этим применение интернет-технологий должно вести к изменению педагогического процесса во всех его компонентах: изменять роль субъектов, способствовать расширению информационного пространства, совершенствовать систему контроля, повышать роль четкого оценивания результатов. Интернет-диалог должен способствовать тому, чтобы учащийся чувствовал психологическую полноценность собственной деятельности: мог осознать себя субъектом своих действий, смог работать на привычном уровне самооценки и общения. При этом любой из субъектов должен иметь возможность в любой момент времени «выйти» из диалога и вновь инициировать его.

Опираясь на точку зрения Т.А. Флоренской, в структуре интернет-диалога выделим три основных уровня. Первый уровень интернет-диалога должен быть связан преимущественно с сообщением информации и ее восприятием. Характерным изменением в этой ситуации является представление личной точки зрения на ту или иную возникшую проблему. Этому способствует объективация в слове и диалогическая установка психолога на восприятие индивидуального смысла проблемы. Второй уровень диалога характеризуется преобразованием информации собеседника в ходе взаимного обсуждения и сознательного разрешения проблемы, ее осмысления. На данном уровне педагог-психолог активен в диалоге, он беседует, задает вопросы, высказывает свои предположения по разрешению возникших проблем. Третий уровень диалога – это наиболее полное и глубокое изменение сознания человека через восприятие различных сторон обсуждаемой проблемы.

Практическое осуществление интернет-диалога требует особого рода профессиональной подготовки, так как проводится в дистанционном формате. Однако использование в практике педагога-психолога данного метода позволяет избежать типичных ошибок, свойственных для непосредственного диалогического консультирования, среди которых перенос своего личного опыта на проблему собеседника, на оценку его личности и отношение к нему, идентификация с собеседником,

пассивная позиция по отношению к собеседнику и др. В то же время, виртуально дистанцируясь от собеседника, в интернет-диалоге психолог может свободнее оценить проблему, следить за поступающей информацией, как бы олицетворяя позицию вненаходимости, сознавать и эмоционально-действенно переживать свою раздвоенность путем идентификации с обоими полюсами, более конструктивно работать над разрешением проблемы.

Таким образом, использование новых информационных технологий и интернет-диалога как психолого-педагогического средства раздвигает границы не только информационного, но и коммуникационного пространства, позволяя субъектам образовательного процесса получать своевременную консультационную помощь на различных уровнях образовательной системы.

М.С. Волохонская, Е.М. Петухова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЖЕНЩИН СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ТЕХНИКОЙ

В связи с массовым проникновением в жизнь людей цифровой техники и компьютеров большое значение приобретает факт взаимодействия человека со сложными техническими устройствами. В процессе освоения сложной техники у многих людей возникают негативные эмоции (раздражение, страх что-то сломать или не разобраться, недовольство собой), выученная беспомощность, чувство вины за собственную «тупость». В особенности эти реакции выражены у женщин, которые в силу распространенного гендерного стереотипа полагают себя неспособными к взаимодействию со сложной техникой. Проблемы такого рода усугубляются у женщин среднего возраста, многие из которых испытывают трудности в обучении новым навыкам.

Для того чтобы выяснить, какие моменты необходимо учитывать в психологическом консультировании по проблемам такого рода, нами было проведено исследование, в котором приняли участие 30 женщин среднего возраста (39–53 года) и, в качестве контрольной выборки, 37 женщин в возрасте от 17 до 22 лет. В исследовании использовалась авторская анкета, состоящая из 26 открытых вопросов касательно взаимодействия женщины со сложной техникой, а также опросник структуры темперамента Русалова. Последняя использовалась нами для проверки гипотезы о том, что психодинамические особенности связаны с отношением женщины к сложной технике. Ответы испытуемых

на вопросы анкеты были обработаны при помощи контент-анализа, в результате чего мы получили ряд параметров, как-то: количество положительных и отрицательных эмоций, склонность избегать негативных переживаний, склонность включать сложную технику в свою профессиональную и обыденную жизнь и т. п. Впоследствии эти параметры были использованы нами в корреляционном и сравнительном анализе.

В результате интерпретации данных корреляционного анализа были сделаны выводы об особенностях организации консультирования женщин среднего возраста по поводу взаимодействия со сложной техникой. Некоторые из этих выводов представлены в данном тексте.

1. Усиление положительных и ослабление отрицательных эмоций. Исследование показывает, что количество положительных эмоций, появляющихся во взаимодействии с техникой, положительно коррелирует с проявлением инициативы в этом взаимодействии и склонностью включать технические компетенции в образ современной женщины ($p < 0,05$). В то же время количество положительных эмоций отрицательно коррелирует с отсутствием попыток осваивать технику в детстве, т. е. те испытуемые, которые совершали такие попытки, испытывают в настоящее время больше позитивных эмоций при взаимодействии с техникой. Таким образом, можно сказать, что для создания оптимального эмоционального баланса в консультировании необходимо уделять внимание постепенному развитию технических компетенций, обучать проявлять инициативу и самостоятельно знакомиться со сложной техникой. Такое обучение должно сопровождаться созданием образа современной умелой женщины, которая легко может справляться со сложной техникой. Кроме того, позитивный опыт взаимодействия с техникой в детстве может быть использован как дополнительный ресурс при формировании позитивных переживаний в настоящем.

2. Преодоление избегания негативных переживаний (выученной беспомощности). Согласно нашим данным, стремление избежать негативных переживаний при взаимодействии с техникой у испытуемых среднего возраста связано с высокими показателями эмоциональности и социальной эмоциональности (ОСТ, $p < 0,01$). Кроме того, имеются отрицательные корреляции с пластичностью ($p < 0,05$) и социальным темпом ($p < 0,01$), а также включенностью сложной техники в профессиональную и обыденную жизнь испытуемых. Таким образом, можно сделать вывод, что женщин среднего возраста, которые испытывают выученную беспомощность такого рода, полезно обучить приемам

регуляции эмоциональных состояний, позволяющим смягчить болезненную реакцию на обратную связь в тех ситуациях, когда что-то не получается. Кроме того, в компенсации нуждаются такие психодинамические свойства, как низкая пластичность и низкий социальный темп.

Таким образом, данные, полученные в исследовании, позволили обозначить ряд действий, при помощи которых можно помочь женщинам среднего возраста освоиться во взаимодействии со сложной техникой. Мы планируем проверить результативность этих действий в собственной консультативной практике.

В.М. Воробьев

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ И САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ПОСРЕДСТВОМ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ВРЕМЕНИ

Потребности человека в признании себя обществом (самореализация) и, тем более, в признании себя самим собой (самоактуализация) нередко могут задерживаться в развитии. Наши исследования ведутся в направлении формирования этих потребностей с помощью методов осознанного структурирования времени. Для понимания сущности и содержания разработанных методов необходимо обратиться к представлениям о времени как о сложном феномене человека. Эти представления берут начало в трудах В.И. Вернадского, в области психологии подхвачены С.Л. Рубинштейном, развиваются К.А. Абульхановой, Т.Н. Березиной, А.Г. Асмоловым, Г.П. Аксеновым и др.

Человек располагает биологическим временем продолжительностью от рождения до смерти. В этом цикле жизни он переживает определенные возрастные этапы: младенчества, детства, отрочества и т. д. Каждый из этапов характеризуется особенностями «дления» (по В.И. Вернадскому) этого времени, заключенными в биологических ритмах (дыхания, кровообращения, биоэлектрической активности головного мозга и др.). «Дление», в отличие от продолжительности («стрелы времени» В.И. Вернадского), как отмечал Н.А. Бернштейн, обладает свойством «повторения без повторения». Теперь уже признано, что время имеет информационно-энергетическую природу, так что оно доступно ощущениям, чувствам и представлениям человека. Мы считаем, что картина времени существенно дополняется взглядами П. Жане и З. Фрейда (об «интериоризации» о «проекции»). Действительно, биологическое время поддается ощущениям. Даже в коматоз-

ном состоянии сознания человек способен отмерять «дления» жизненно-важных функций (дыхания и кровоснабжения). В состоянии сопора или оглушенности он не совсем «адекватно», но все-таки поддерживает связь с окружающими. Для взаимодействия с последними биологическое время связывается с социальным временем. В этом измерении время обретает иные свойства: человек не просто дышит, но может осознавать – как, где и когда осуществляется этот процесс. А главное – с кем он рядом дышит? Этот вопрос иногда становится ключевым в нашей «телесной практике самоопределения».

Социально-историческое время – это любое социальное взаимодействие в определенных границах: семьи, референтной группе, друзей или членов корпорации. Это взаимодействие также имеет волновую природу «длений», но пространственную локализацию этих колебаний затруднялись определить и П. Жане, считавший их источником социум, и З. Фрейд, располагавший источники «импульсов» внутри индивида. Но это не суть, поскольку оба автора предполагали, что между людьми происходит информационно-энергетический обмен. Данное явление мы и называем социально-историческим временем, которое является «зримой и незримой» реальностью: изменяет «дление» дыхания, заставляет ускорять и замедлять ритмы сердца и другими способами взаимодействует с биологическим временем субъектов общения. Однако лишь понятие субъективного времени дает ключ к самореализации, самоактуализации и самоопределению.

Субъективное время доступно осознанию «здесь и сейчас». Оно лишь частично включает в себя и биологическое, и социально-историческое время. Но оно, как фонарик, высвечивает в этих временах кусочки прошлого, структурирует их и направляет в будущее. Таким образом, человек самоопределяется исключительно в субъективном времени «здесь и сейчас». О самоопределении здесь говорится в широком понимании этого термина. Это принятие осознанного решения, свобода и ответственность, степень доверия к себе или близким людям, способность понимать свои желания, возможности и необходимости свершения чего-либо. В контексте времени – это обязательный момент удовлетворения потребностей в самореализации и самоактуализации.

На основе изложенных представлений об индивидуальном времени на протяжении многих лет нами разрабатываются методы саморазвития адаптационных способностей для курсантов военных вузов. Методы построены по принципу социопсихобиологической обратной связи. Содержание методов заключено в самоконтроле собственных мыс-

лей и субъективного времени при помощи таймера, саморегуляции дыхательных ритмов и мышечных действий, произвольном приведении субъективного времени в соответствие с социальным временем, которое определяется обычными часами. Подобными методами удается «подправить» биологические часы. У лиц, занимающихся по нашим методикам, существенно улучшаются показатели психического здоровья по сравнению с контрольной группой.

Н.В. Воскресенская

НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОГНИТИВНО-ПОВЕДЕНЧЕСКОГО ПОДХОДА В ПРАКТИКЕ ПСИХОКОРРЕКЦИИ

Конец XX и начало XXI в. оказались наполнены экстремальными для общества событиями – стихийные бедствия, антропогенные катастрофы, военные конфликты, терроризм, мировой экономический кризис – все это и многое другое вошло в нашу повседневную жизнь. К сожалению, число людей, попавших в тяжелые психотравмирующие ситуации, отнюдь не уменьшается. О проблеме посттравматического стрессового расстройства говорят все больше, появляются все новые и новые работы в данной области.

Одним из методов, направленных на решение этой проблемы, является методика «Ретроспективной модификации функциональных систем», разработанная специалистами Военно-медицинской академии в рамках когнитивно-поведенческого подхода. Она предназначена для коррекции фобических расстройств, последствий боевого стресса, ситуаций острого горя, других тяжелых психотравмирующих ситуаций – аварий, насилия, развода, потери работы и других. Суть этого метода состоит в идее о том, что актуальное психологическое состояние человека проходит определенные стадии формирования и имеет связь с прошлым опытом человека посредством «вегетативной памяти». Для выявления исходной травмирующей ситуации пациент вводится в измененное состояние сознания с сохранением контроля реальности, при этом суггестивная составляющая отсутствует. В этом состоянии ему дается возможность сконцентрироваться на своих соматических ощущениях, которые сопутствуют травмирующей ситуации. Далее возбуждается вегетативная система и происходит эффект «флэшбэка», когда появляется перцептивно-мнестический резонанс и человек мысленно погружается в самую раннюю ситуацию прошлого, в которой он испытывал подобные ощущения. При модифицировании травмирую-

щих событий в ретроспективе с помощью различных техник – экспозиции, конфронтации, завершения гештальта, десенсибилизации и т. д., происходит изменение той «питательной среды», которая с помощью обратной афферентации интегрируется в образ «Я» пострадавшего.

Опыт применения этой методики в лечебно-диагностическом медицинском центре позволил подтвердить ее эффективность. Всего в эксперименте участвовало 55 больных. Самое большое количество наблюдений – 21 – связано с фобическими расстройствами. По характеру психотравмирующих ситуаций больные распределились следующим образом: развод (неожиданный уход одного из супругов) – 15 наблюдений; смерть близкого человека – 6 наблюдений; нарко- и другие виды зависимости в семье – 6 наблюдений; неожиданное увольнение с работы – 5 наблюдений; боевые действия (боевой стресс) – 2 наблюдения. Длительность периода посттравматического стресса у больных варьировал от нескольких недель до нескольких лет. В 87 % случаев отмечена положительная динамика состояния пациента, которая оценивалась по следующим критериям: нормализация (или тенденция к ней) психофизиологической реактивности, обусловленная перестройкой его отношения к прежде патогенным условиям и воздействиям, регистрация изменения вегетативно-соматических, физиологических и психических функций; социальная приспособленность (оценивал сам пациент и его близкие), профессиональная приспособленность (профессиональные планы, удовлетворенность работой).

Дальнейшее применение ретропективной модификации функциональных систем в практике медицинских учреждений является весьма перспективным методом психокоррекции и реабилитации и позволит решить проблемы, связанные со здоровьем, дезадаптивным поведением, нарушением профессионального функционирования, функционирования в сфере социальных контактов (включая семейные проблемы), а это не полный перечень того, что происходит с человеком, который подвергся травматическому стрессу.

Л.А. Гаргрцян

ТРЕНИНГ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРИ ГРДВ

Поведенческие расстройства являются самыми распространенными и стабильными детскими психиатрическими расстройствами. Это серьезные психиатрические расстройства, которые в случае отсутствия

соответствующего лечения могут неблагоприятно повлиять на жизнь ребенка. Они в большинстве случаев предопределяют дальнейшее девиантное поведение в подростковом возрасте. Термин «гиперкинетическое расстройство и дефицит внимания» (ГРДВ) описывает детей, у которых наблюдаются постоянные и несоответствующие их возрасту симптомы невнимательности, гиперактивности и импульсивности. ГРДВ – существенный фактор риска раннего начала курения, злоупотребления психоактивными веществами, рискованного сексуального поведения, развития антисоциального поведения в будущем.

Известно, что дети, страдающие ГРДВ, чаще отчисляются из учебных заведений из-за неуспеваемости, имеют трудности в общении со сверстниками и с членами семьи. Это расстройство чрезвычайно распространено. Такой диагноз получают приблизительно 4 % детей, хотя в разных исследованиях этот показатель варьирует от 3 до 11 % и более. Независимо от того, достигают ли проблемы поведения данного конкретного ребенка степени психиатрического диагноза по критериям DSM-IV-TR или ICD-10, по мнению большинства специалистов, несомненен тот факт, что дети с устойчивым проявлением импульсивных, сверхактивных паттернов поведения нуждаются в квалифицированной психологической помощи. С учетом отсутствия в Армении систематизированных исследований и данных о ГРДВ мы организовали исследование с целью выявления распространенности и особенностей протекания ГРДВ среди учащихся ереванских школ в возрасте от 10 до 12 лет.

Исследование проводилось следующими методиками: опросники «Домашние проблемные ситуации» и «Школьные проблемные ситуации», разработанные Р.А. Баркли, а также шкала Вандербилта (NICHQ Vanderbilt Assessment Scale). У 56 детей (91,8 %) из 436 выявилось наличие психического расстройства. У 48 детей выявилось наличие ГРДВ, что составляет 11,0 % всех обследованных детей. Результаты исследования стали основой для организации работ по психосоциальной поддержке детей с ГРДВ и сопутствующими расстройствами, а также консультационных и просветительских работ с педагогами и родителями этих детей. Психологическую помощь мы организовали с целью реабилитации социального функционирования, улучшения взаимоотношений в семье и со сверстниками. На наш взгляд, одним из самых эффективных интервенций в данном случае является тренинг социальной компетентности. Тренинг социальной компетентности направлен на формирование просоциальных навыков, обучение стратегиям преодоления конфликтов во взаимоотношениях и налаживании

позитивных взаимодействий со взрослыми и ровесниками, приобретение навыков управления когнитивными и поведенческими реакциями в конфликтных ситуациях, обучение стратегиям самоподкрепления и самоконтроля.

Мы проводили тренинг в групповом порядке, в группах по 8–10 человек. Тренинг состоял из следующих основных тематических блоков, направленных на формирование соответствующих навыков: эмоциональное образование, социальное поведение и навыки общения, навыки самоконтроля и самооценивания, навыки речевого самоконтроля, навыки разрешения проблем, навыки управления гневом. Формирование каждого навыка проводилось по определенной схеме: представление навыка ведущими, речевое описание навыка, моделирование навыка, ролевые игры с применением навыка, обсуждение ситуаций, в которых необходим данный навык, обобщение навыка, домашнее задание. Полученные результаты обследования 28 детей с ГРДВ, принявших участие в этой программе, показывают, что снижаются проблемы в поведении, заметно улучшаются взаимоотношения со сверстниками и членами семьи, даже улучшается учеба проблемных детей.

Первоначальные результаты многообещающи, так как наблюдение за этими детьми в течение года после окончания тренинга показало, что у большинства положительные изменения в поведении и взаимоотношениях сохранились.

М.Ю. Городнова, И.Л. Коломиец

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОГНИТИВНО-ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ И ГЕШТАЛЬТ-ТЕРАПИИ

Авторы статьи являются представителями когнитивно-поведенческой терапии (КПТ) и гештальт-терапии (ГТ). Мы рассматриваем общее и разное, что свойственно этим направлениям. КПТ особое внимание обращает на необходимость терапевтического альянса. Терапевтический альянс подразумевает доверительные отношения, эмпатию терапевта, компетентность, его участие и искреннее внимание к клиенту. Исходя из сказанного выше и несмотря на устоявшийся взгляд на КПТ как на директивную терапию, современные представители когнитивных психотерапевтов больше рассматривают КПТ как гуманистическое направление. ГТ основывается на экзистенциальной философии, в которой особое внимание уделяется диалогической позиции специалиста.

Понятия переносов и противопереносов не являются инструментом воздействия как в ГТ, так и КПТ. Однако без учета их влияния и возникновения в терапевтических отношениях не обходится как процесс научения в КПТ, так и процесс осознавания в ГТ. Когнитивный психотерапевт должен искать характерные признаки «переноса». Это те же самые признаки, которые предполагают присутствие любых автоматических мыслей в течение сессии.

Гештальт-терапевты описывают явление переноса и противопереноса в терминах проекции. Представление психотерапевтом теории изменений является необходимым элементом презентации любого метода. В КПТ теория изменений является инструментом и находится в постоянном фокусе работы терапевт – клиент. Клиент овладевает когнитивной концептуализацией собственного случая и работает с ней постоянно. ГТ в этом не отличается от КПТ, так как клиент в ходе психотерапии овладевает процедурой осознавания и обучается фокусировать свое внимание специальным образом на процессе контакта. Сопротивление клиента изменениям – явление универсальное для любого метода психотерапии. В ГТ сопротивление рассматривается как попытка клиента своеобразным способом достичь контакта, что является показанием для гештальт-терапевта к более точному фокусированию клиента на возможных основаниях для прерывания контакта. Сопротивление в КПТ является не фокусом обсуждения, а знаком для психотерапевта об изменении тактики и стратегии психотерапевтических интервенций.

В КПТ терапии существует понятие «основного вопроса», который концентрирует внимание клиента на когнитивном процессе: «О чем ты сейчас думаешь?». Ответ на поставленный вопрос решает первую задачу КПТ – выявление автоматических мыслей или убеждений, что в дальнейшем подвергается оценке и реконструкции. Это основная стратегическая реконструктивная линия КПТ. Гештальт-терапевт не использует понятие «основной вопрос». Хотя могло сложиться представление о ГТ как о психотерапии, выстроенной вокруг вопроса «Что ты сейчас чувствуешь?». Помимо этого вопроса, обучение процессу осознавания происходит за счет специальной организации внимания клиента и гештальт-терапевта на телесных, эмоциональных, когнитивных и поведенческих процессах на границе контакта. Это основная стратегическая реконструктивная линия ГТ. Еще одно заблуждение, с которым мы столкнулись в общении с коллегами, – это то, что КПТ не работает с чувствами. Напротив, когнитивный терапевт не только сам обращает внимание на эмоциональные реакции,

но и обучает этому клиента, так как именно эмоции являются сигналом появления автоматической мысли.

Принцип «здесь и сейчас» – универсальный принцип для обоих видов психотерапии. Для гештальт-терапевта то, что происходило в прошлом, происходит в настоящем клиента, когда он вспоминает о психотравмирующей ситуации. Реконструкция происходит в реальном времени здесь и сейчас. КТ обращается к прошлому клиента с целью осознания механизмов возникновения дисфункционального глубинного убеждения. Реконструкция раннего детского опыта происходит «здесь и сейчас» с точки зрения сформированных адаптивных убеждений взрослого.

Представление о КТ как о краткосрочном методе не является абсолютным, так же как представление о ГТ как о долгосрочном методе. И тот и другой метод предполагает длительную работу с пациентами, имеющими расстройства личности (более двух лет индивидуальной работы). ГТ может осуществляться в краткосрочном варианте. Обучение КПТ и ГТ требует не менее 3 лет. Кроме этого, необходимо постоянное внимание к себе, самоанализ, работа над собой и супервизия. Также следует отметить важность участия в работе профессиональных сообществ и конференций, обмен опытом с представителями других психотерапевтических школ. Подобная практика определяет профессиональный рост и профессиональную эффективность психотерапевта.

В.Г. Горчакова

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИМИДЖА НА ОСНОВЕ СОВПАДАЮЩИХ ОЖИДАНИЙ

Субъект, стремящийся к регулированию своих отношений в социуме, неизбежно встает перед проблемой имиджа, в котором заинтересованы обе стороны. Имидж – необходимый элемент эффективных общественных отношений, а потому имеет обоюдную – двойную детерминацию взаимного удовлетворения потребностей: со стороны личности – быть востребованной в данном контексте, со стороны общества – быть воспринятым в его базовых и актуальных потребностях. Становится очевидным, почему субъект, накопивший в себе достаточный потенциал, который он может предложить в виде достаточно четкой суммации, – образа, за которым стоят определенные реалии, должен соотнести его с интересами целевой аудитории в существующих понятиях и наличных экономических условиях.

Связующим элементом общества и личности, когда последняя выходит за грани своего индивидуального бытия в пространство общественных отношений, когда личность стремится к общественному благу и социально-значимой роли в социуме, является имидж. Именно он лежит в основе создания персонального бренда как инновационной стратегии продвижения на рынке труда. Имидж, обеспечивая взаимообусловленный процесс публичного взаимодействия, требует от его создателя усиления экспонируемых качеств и использования универсального языка образов из-за наличия публичной дистанции. От воспринимающей стороны требуется встречное фантазирование и достраивание образа до приемлемого, на основании собственных потребностей и сигналов, подаваемых личностью. Причем именно совпадающее представление об образе делает его сильным. Точный образ облегчает взаимопонимание и запоминание. Когда вектор личностных усилий, моделируемых собственным образом, и публичных потребностей, регулируемых соответствующей шкалой ожиданий, в своей сущностной части совпадают, возникает явление социального резонанса, а проявившийся в общественном сознании образ личности эмоционализируется и прочно запечатлевается.

В соответствии с последними изысканиями в области инновационных социогуманитарных технологий, информации и синергетики такой взаимоожидаемый образ обладает достаточной мощностью. И имидж, созданный на основе совпадающих ожиданий, становится мощным фактором социального воздействия. Это объясняет тот факт, что имидж – публичный образ индивидуума, который возникает как посредник, ретранслятор, усилитель сигнала, подаваемый на большие расстояния от личности к обществу. Он фокусирует и презентует информацию о субъекте деятельности. Важно отметить, что психический образ как феномен отражения объективной реальности, обладающий свойствами предметности, активного формирования, является механизмом регуляции деятельности в целом. Именно в персептивном образе, обладающем свойствами целостности, процессуальности и интегральности, представлена «внутренняя картина деятельности» по саморегуляции состояния с включением социальных ролей, диспозиций и отношений. Достаточно лишь появления определенного окрашенного субъективного состояния, чтобы организм получил тончайшую информацию о том, как строить свое поведение в данной ситуации.

Моделирование имиджа осуществляется с целью достижения необходимого состояния. Психическое состояние есть определенное единство переживаний и внешней деятельности в виде поведения, дей-

ствий субъекта, оно образуют «психический строй» личности: процессы – состояния – свойства. Составляющими регуляционного процесса являются: образ актуального состояния и степень осознанности состояния, образ будущего состояния, обратная связь, рефлексия, мотивация. Если выбор желаемого состояния осознан, является целью и имеет личностный смысл (единство когнитивных и аффективных компонентов), то установление внутренней связей с ценностной сферой личности, превращение нейтрального содержания в эмоционально заряженный смысл ведут к появлению новых побуждений, которые получают энергетический заряд, посредством связывания нового содержания с мотивационно-смысловой сферой личности. Имидж создает эмоциональные состояния и побуждения к действию, которые требуют поведение актера, готового исполнять предписанную роль, своеобразное психопрограммирование, метод манипулятивного влияния. В основе процесса такого рода внушения лежит ослабление действия сознательного контроля, осуществляемого в отношении воспринимаемого, что достигается трансформацией, перевоплощением (субъективный показатель) и внешней выразительностью (объективный показатель) образа роли.

Д.В. Григорьев, И.А. Григорьева

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ОНР СРЕДСТВАМИ АФК

Коррекционная деятельность по активизации и развитию психических функций на занятиях различными формами АФК является важной задачей по реабилитации детей, имеющих общее недоразвитие речи (ОНР). Целесообразная двигательная деятельность тесно связана с проявлением психических функций. Чем более серьезные требования предъявляются к качеству движения, чем оно сложней, тем в большей степени индивиду требуется проявлять свои мыслительные способности, активизировать произвольное внимание и т. д. Тем самым применение средств, расширяющих двигательные возможности детей с ОНР, позволяет исправлять недоразвитие их речевого и психического развития.

Продуктивность решения различных коррекционных задач по психическому развитию во многом зависит от уровня интенсивности физических упражнений. При использовании средств АФВ по развитию восприятия в более раннем возрастном периоде следует развивать чувствительность анализаторов, используя контрастность ощущений.

Особый акцент следует делать на точности восприятия темпа и ритма движений, где кинестетическая информация сливается со слуховой и зрительной. При развитии внимания у детей с ОНР мы рекомендуем взвешенно дозировать деятельность, связанную с разной интенсивностью внимания.

Учитывая высокую истощаемость нервных процессов, необходимо постоянно активизировать внимание с помощью двигательной деятельности. Произвольность внимания связана с приложением волевого усилия, что приводит детей с ОНР к быстрому утомлению. Мы предлагаем попеременную активизацию внимания за счет увеличения интереса к содержанию занятий. Формирование способности к пространственной ориентировке должно начинаться в дошкольном возрасте усвоением пространственных ориентиров (перед, за, слева, справа), в дальнейшем это выполнение специальных заданий и участие в подвижных играх, где ориентация идет с опорой на зрительный анализатор. Более поздний возраст предполагает включение кинестетической информации для точной пространственной ориентировки.

Процесс усвоения новых умений и навыков должен идти с учетом особенностей детей с ОНР, причем, применяя методы и средства по обучению движениям, следует помнить, что они одновременно являются и средствами развития памяти. Но поскольку при ОНР во многом затруднена длительная и интенсивная концентрация внимания на освоение новых движений, то необходима разработка специальных средств по развитию основных видов памяти. При сниженном уровне способностей к запоминанию, характерном для ОНР, требуется дублировать информацию для облегчения перевода ее в другую модальность. Например, после просмотра новых движений необходимо практическое выполнение и при практическом выполнении – перевод в словесную форму.

Наиболее важным для детей с ОНР является активизация словесно-логической памяти. Здесь необходимо стимулировать запоминание собственных логических рассуждений о характере движений, условиях движений, правилах игры и т. д., необходимо преобладание положительных эмоций при запоминании информации. Стимуляция речевой деятельности должна присутствовать практически на любых занятиях по АФК. От развития тонкой моторики, стимулирующей речевой центр (центр Брокка, центр моторных образов слов) до решения задач по словесной регуляции движений. Для решения последних требуется обучение терминам и словам, определяющим форму и содержание движений, умение представлять движения в словесной форме. Для

этого требуются упражнения с одновременным проговариванием или прослушиванием выполняемых действий, а также выполнения упражнений по словесной инструкции. Специальными средствами по развитию мышления будут задания или модифицированные подвижные игры, в которых осуществляется решение двигательных задач разной сложности посредством применения логических операций мышления, или создание условий для использования мыслительных операций во время двигательных действий.

Стимуляция речевой деятельности является и мощным средством развития мышления, например: высказывание собственных суждений, комментирующих деятельность, где посредством умозаключений идет исправление недостатков в анализе причинно-следственных связей при ОНР. Самыми важными для детей с ОНР являются решения задач с принятием самостоятельного решения. Например, самостоятельное выполнение упражнения по физическому развитию.

Таким образом, формируя психическую сферу детей с ОНР, мы оказываем непосредственное воздействие на те структуры ЦНС, которые привели к снижению и нарушению восприятия, внимания, памяти, мышления, речи и т. п.

И.А. Давыдова

МОДЕЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПАЦИЕНТОВ С САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ 1-го ТИПА

Сахарный диабет относится к числу наиболее распространенных и социально значимых заболеваний, занимая одно из ведущих мест в мире по уровню заболеваемости населения и третье место – по смертности в развитых странах. Наиболее тяжелой формой диабета является сахарный диабет 1-го типа, который характеризуется необходимостью пожизненной заместительной терапии, ранней инвалидизацией и смертностью. Увеличение численности заболевших сахарным диабетом 1-го типа, необходимость постоянной заместительной терапии и самоконтроля ведут к неблагоприятным социально-экономическим последствиям, создавая как сами психологические проблемы для больных и их семей, так и предпосылки для их возникновения.

Уровень качества жизни, а также психологическое благополучие пациентов с сахарным диабетом 1-го типа оказывают самое непосредственное влияние на общую эффективность лечения, самоконтроль за соблюдением определенных правил лечения, питания, распорядка дня

и т. д. Проблемой изучения психологических особенностей пациентов с сахарным диабетом 1-го типа, а также специфики психологической реабилитации занимались М.Б. Анциферов, М.Ю. Дробижев, С. Кервер, М.В. Коркина, М.М. Петрова, Т.А. Рачко, М. Роуз, М.Г. Русаленко, О. Эдмундс и другие. Создание определенной модели психологического сопровождения пациентов с сахарным диабетом 1-го типа помогает упорядочить процесс психологической реабилитации таких больных, оказать целенаправленное воздействие на повышение показателей качества жизни.

Разработанная нами модель включает работу в трех основных направлениях: психодиагностическом, коррекционно-развивающем, информационно-просветительском. В рамках психодиагностического направления проводилось изучение различных аспектов личностного отношения человека к болезни, общего уровня качества жизни, уровня депрессии, субъективного контроля. Для этого использовались следующие психодиагностические методики: 1) анкета «Сахарный диабет 1-го типа» (направлена на выявление особенностей гликемического контроля, особенностей лечения, осложнений заболевания, медицинского обслуживания и т. д.); 2) опросник SF-36 (с целью изучения уровня качества жизни, включающий интегральную оценку физического и психического здоровья); 3) «Методика изучения психологического благополучия К. Рифф»; 4) «Опросник по симптомам диабета» – «Шкала депрессии Бека»; 5) опросник «Уровень субъективного контроля».

Коррекционно-развивающее направление опирается на работу в двух основных формах: групповой и индивидуальной. Групповая работа проводится по специально разработанной программе, включающей комплекс занятий, ориентированный на коррекцию тревожности пациентов, страдающих сахарным диабетом, коррекцию негативного самоотношения, неуверенности в себе, пессимистического отношения к будущему, на развитие внутренней мотивации по повышению эффективности лечения, позитивного восприятия образа «Я», обучению навыкам целеполагания и эффективного планирования будущего и т. д. Консультирование пациентов по персональным запросам составляет основу индивидуальной работы в рамках коррекционно-развивающего направления.

Для обеспечения информационно-просветительской деятельности была разработана специальная система мероприятий: просветительские семинары, оформление информационных стендов и т. д. В рамках данного направления пациенты информировались о способах борьбы со стрессом, управления эмоциональным состоянием, о пользе актив-

ного образа жизни, формах активного отдыха, полезных для профилактики повышенного уровня сахара в крови и т. д.

Таким образом, нами была разработана модель принципиально нового комплексного подхода к социально-психологической реабилитации пациентов с сахарным диабетом 1-го типа, включающего полинаправленную деятельность психолога по повышению уровня качества жизни, психологического благополучия личности, повышения уровня оптимизма, а также обучения навыкам позитивного мышления, адекватного эмоционального реагирования и т. д.

Полученные результаты работы могут быть использованы при оптимизации процесса ведения больных сахарным диабетом с целью прогрессивного изменения представлений пациента о своем заболевании и его лечении, а также повышении уровня личной ответственности пациентов за качество таких результатов.

Л.М. Даукша

ТРЕНИНГ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ

Основоположником теории эмоционального интеллекта (ЭИ) является известный американский эксперт в области межличностного общения Дэниел Гоулман. В отечественной психологии эмоциональный интеллект понимается как совокупность способностей к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими. К межличностному интеллекту как составному компоненту ЭИ относят все формы понимания и интерпретации чужих эмоций, к внутриличностному – своих. Несомненно, эмоциональный интеллект является профессионально значимой компетенцией будущих психологов.

Мы предположили, что существует обратная связь между эмоциональным интеллектом и макиавеллизмом личности студентов-психологов. В.В. Знаков определяет макиавеллизм как черту, поведенческую установку, выражающуюся в использовании психологической манипуляции в качестве основного средства достижения своих целей, часто в ущерб интересам других субъектов. Он считает, что социальная отстраненность является основной характеристикой подобных людей. Макиавеллизм как характеристика человека отражает отсутствие у человека веры в то, что большинству людей можно доверять, что они альтруистичны, независимы, обладают сильной волей.

На первом этапе нашего исследования мы изучали характер связи эмоционального интеллекта и макиавеллизма личности студентов-психологов. Практическая актуальность исследования связана с разработкой программы тренинга развития эмоционального интеллекта, создающего оптимальные условия для целенаправленного воздействия на один из элементов внутреннего мира личности как целостной системы, изменяя в позитивном направлении и другие его компоненты. По поводу возможности развития эмоционального интеллекта в психологии существуют два различных мнения. Ряд ученых придерживаются позиции, что повысить уровень эмоционального интеллекта практически невозможно. Их оппоненты считают, что эмоциональный интеллект можно и нужно развивать. Под развитием эмоционального интеллекта понимается целенаправленное воздействие на его структурные компоненты с целью достижения их гармоничного сочетания.

С целью изучения эмоционального интеллекта была использована методика «Уровень эмоционального интеллекта» С.А. Беляева, А.И. Янович, М.И. Мазурова. Макиавеллизм личности студентов-психологов изучался посредством «Мак-шкалы» (в адаптации В.В. Занкова). Эмпирическим объектом исследования являлись студенты-психологи 1 и 2 курса Гродненского государственного университета им. Янки Купалы в количестве 103 человек в возрасте 17–21 года. Значительное количество респондентов характеризуется низким общим уровнем эмоционального интеллекта (31 % испытуемых). Наибольшее количество студентов-психологов характеризуется средним уровнем эмоционального интеллекта (64 %) и незначительное количество (4 %) – высоким общим уровнем эмоционального интеллекта.

Корреляционный анализ позволил выявить статистически значимую отрицательную связь между личностным эмоциональным интеллектом и макиавеллизмом будущих психологов ($p < 0,01$), т. е. чем в большей степени у студентов-психологов выражена способность понимать свои положительные и отрицательные стороны и возможности, способность противостоять неблагоприятным стрессовым ситуациям, способность контролировать агрессию, враждебность и безответственное поведение, тем в меньшей степени они используют психологическую манипуляцию в качестве основного средства достижения своих целей. Статистически значимая отрицательная связь нами была выявлена между коммуникативным уровнем эмоционального интеллекта и макиавеллизмом личности студентов психологов ($p < 0,01$), что свидетельствует о следующем: чем в большей степени наши респонденты способны чувствовать, понимать и принимать во внимание чувства и

мысли других, характеризуются чуткостью по отношению к другим, принимают их такими, какие они есть, тем в меньшей степени они проявляют манипулятивные установки в поведении. Обнаружена статистически значимая отрицательная связь между общим уровнем эмоционального интеллекта и макиавеллизмом личности студентов-психологов ($p < 0,01$).

Таким образом, выявленная обратная связь между эмоциональным интеллектом и макиавеллизмом личности студентов-психологов позволяет нам предположить, что тренинг развития эмоционального интеллекта является средством профилактики макиавеллизма личности студентов-психологов.

В.А. Дмитриева

ОНТОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ

Онтопсихология имеет отчетливую гуманистическую ориентацию, тесно связанную с ведущими гуманистическими направлениями в современной зарубежной психологии и психологическом консультировании. Общим для психологов этих направлений является сосредоточенность на актуальном бытии человека в мире, его существовании. Основные цели экзистенциальной терапии заключаются в том, чтобы помочь клиенту осознать свою свободу и собственные возможности; побудить его к принятию ответственности за то, что происходит с ним; идентифицировать блокирующие свободу факторы.

Практической целью онтопсихологического консультирования является достижение соответствия человека своей внутренней сущности, его аутентичность своему бытию, своей природе, обеспечивающей самореализацию. Понятие аутентичности является ключевым в экзистенциальной и гуманистической психологии и представляет собой важнейшую интегративную характеристику личности. Согласно Роджерсу, аутентичность – это способность человека в общении отказаться от различных социальных ролей, позволяя проявляться подлинным, свойственным только данной личности мыслям, эмоциям и поведению. Аутентичное поведение предполагает цельное переживание непосредственного опыта, не искаженного психологическими защитными механизмами. В онтопсихологии под аутентичностью подразумевается соответствие логико-исторического «Я» человека направленности его внутренней природной сущности («в-себе-бытию», онто Ин-

се). Таким образом, задача онтопсихолога состоит в том, чтобы сознание человека, его «Я» стало максимально адекватно специфическим особенностям его бытия, его внутренней природе, остающейся бессознательной для него. В любой ситуации человек имеет бесконечное число возможных способов поведения – как положительных, так и отрицательных. Для онтопсихолога положительно все то, что приближает «Я» человека к его внутренней сущности, а отрицательно все то, что ведет «Я» человека в противоположном направлении. Все используемые техники направлены на отделение всего наносного и привнесенного от того, что в человеке истинно и изначально, и на создание условий для усиления аутентичности человека.

Онтопсихологический подход А. Менегетти обращен не только к сознанию клиента, его осознанным намерениям и переживаниям, но и к гораздо менее доступному плану бессознательного. Вместе с тем онтопсихология разделяет основные идеи личностно-центрированного подхода, так как рассматривает психологическое консультирование как систему косвенных влияний, позволяющих создать необходимые условия для свободного выбора клиента, для его свободного и самостоятельного личностного роста. В практике консультирования при онтопсихологическом подходе важно уметь проанализировать бессознательное клиента.

Было проведено исследование, в котором приняли участие 30 итальянских предпринимателей в возрасте от 30 до 45 лет, собственники бизнеса, в подчинении у которых – до 1000 человек. Группа прошла психологическую работу, включавшую специальные семинары, индивидуальное онтопсихологическое консультирование и групповую психотерапию (в течение 12 месяцев). Результаты психологического вмешательства оценивались с помощью методик, диагностирующих ситуацию в личной и профессиональной жизни, динамику изменения предприятия, уровень физического здоровья и эмоционального состояния до и после проведения психологической работы.

Были сделаны предварительные выводы, что онтопсихологическое консультирование способствует гармонизации всей личности индивида и целостному росту его функциональности, включая следующие аспекты: профессиональные отношения, степень уверенности в собственных действиях и решениях, степень удовлетворенности аффективными и любовными отношениями, степень удовлетворения личностной и профессиональной реализацией, профессиональная компетентность и мотивация, уровень физического и эмоционального здоровья, общие показатели успешности бизнеса, экономический аспект.

Выросла оценка своего физического и эмоционального здоровья, снизился уровень стресса и напряжения, раздражения и агрессивности. Решение специфических психологических проблем в процессе консультирования привело к изменениям на предприятиях испытуемых. Предприятие является территориальным продолжением личности предпринимателя, поэтому позитивные изменения во внутреннем мире и функциональности лидера проявляются в соответствующих изменениях в предприятии: предприниматель меняет подход и стратегию действий не только по отношению к своей жизни, но и по отношению к предприятию.

В.Ю. Дмитриева, Ю.В. Пескова

ЭКСТРЕННАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ПО ТЕЛЕФОНУ АБОНЕНТАМ ЕДИНОЙ СЛУЖБЫ СПАСЕНИЯ

Экстренная психологическая помощь по телефону является доступным и эффективным способом оказания помощи и обладает рядом особенностей, делающих ее привлекательной для переживающего кризис и находящегося в кризисном состоянии человека. Отличительной чертой телефона экстренной психологической помощи Северо-Западного филиала ГУ ЦЭПП МЧС России является тот факт, что обращения от абонентов поступают как с прямого городского номера (718-25-16), так и через службу спасения «01». Проблематика заявок на психологическое консультирование во многом сходна с таковой на других телефонах психологической помощи.

Основным видом оказания психологической помощи выступает психологическое консультирование, которое помогает акцентировать ответственность абонента, его способность принимать самостоятельные решения. Консультативная беседа строится на основе пятишаговой модели решения проблем. Выделяются следующие специфические особенности обращений через Службу спасения «01»: абоненты находятся в состоянии сильного эмоционального напряжения; решение о необходимости консультации психолога принимает диспетчер «01»; дефицит времени и ожидание немедленного решения проблемной ситуации у абонента. Основной задачей в подобных ситуациях становится работа с эмоциональным состоянием обратившегося. В случаях, когда контакт с психологом осуществляется не по просьбе звонящего, а по инициативе диспетчера «01», применяются принципы консультирования «немотивированных» клиентов. Указанные особенности тре-

буют высокого уровня профессионализма консультанта ТЭПП, особого умения в установлении контакта и формировании и поддержании доверительных отношений на протяжении беседы, развитых навыков рефлексии и саморегуляции, владения современными технологиями консультирования. Помимо традиционных для телефонов доверия принципов доступности, оперативности, анонимности и конфиденциальности, работа специалистов отдела подчиняется принципам профессиональной мотивации и профессиональной компетентности.

Т.П. Дрынова

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА ВИЗУАЛИЗАЦИИ В ПСИХОЛОГИИ СПОРТА

В практической работе спортивного психолога бывают случаи, когда от него требуют быстрых результатов. Это связано с тем, что спортсмены не всегда считают нужным готовиться к соревнованиям планомерно, а обращаются к психологу за несколько недель до них. В таких случаях может быть полезным метод визуализации. Данный метод показывает себя как эффективный в работе спортивного психолога. Его преимущество состоит в том, что метод дает быстрые и стойкие результаты и позволяет решать большой круг проблем, возникающих в подготовке спортсменов. Также особенность метода визуализации состоит в том, что существуют разнообразные возможности его использования и его можно варьировать для каждого отдельного случая. Основной целью визуализации можно назвать регуляцию психического состояния. Нужно отметить, что визуализация подразумевает под собой не только зрительный образ, но и слуховой, тактильный, кинестетический и др.

Можно выделить следующие задачи, которые метод визуализации эффективно решает в области психологической подготовки спортсменов: отдых и восстановление после тяжелых тренировок; коррекция страха перед соревнованиями; создание оптимального состояния во время соревнований; ускорение процесса восстановления после получения спортивной травмы; подготовка к соревнованиям; коррекция состояния во время тренировок, вызванного неблагоприятными взаимоотношениями с тренером и командой; осознание спортсменом своих страхов, преград, стоящих на пути к достижению более высоких результатов; повышение помехоустойчивости спортсмена.

Метод визуализации может использоваться в спорте в разных вариантах: 1. Визуализация чего-то приятного, направлена на отдых и восстановление. 2. Визуализация предстоящих соревнований. Если спортсмен не может представить, что он выигрывает, он не выиграет. Визуализируются те помехи, которые мешают (сильный соперник, зрители и т. д.), и в ходе визуализации они преодолеваются, спортсмен мысленно выигрывает. Тем самым корректируются внутренние помехи, мешающие спортсмену выигрывать. Спортсмен получает необходимый опыт победы. 3. Визуализация неблагоприятных эмоциональных состояний и их коррекция. Спортсмен представляет себе, как выглядит его отрицательная эмоция (страх, обида и т. д.) и корректирует ее образ или уничтожает его, отдаляет от себя, тем самым освобождается от воздействия этой эмоции, берет над ней контроль. 4. Спортсмен визуализирует своё нежелательное состояние, которое возникает у него в процессе соревновательной деятельности (невнимательность, импульсивность, раздражительность и др.). При этом он представляет именно то, как выглядит это состояние (цвет, форма, температура, скорость, размер и т. д.). Затем берет его под свой контроль, учится регулировать свое состояние. 5. Представление своего наилучшего боевого состояния в виде образа. Спортсмен вызывает у себя это состояние и представляет, как оно выглядит (цвет, форма, температура, скорость, размер и т. д.). В дальнейшем спортсмен намеренно в нужный момент вызывает в своем воображении этот образ и тем самым входит в оптимальное состояние. 6. В случае получения травмы визуализация того, как травмированная часть тела восстанавливается. 7. В случае наличия негативных эмоций по отношению к тренеру, команде и другое выражение их в процессе визуализации. Спортсмен представляет себе людей, которые ввели его в это состояние и с помощью своего воображения разряжает негативные эмоции. 8. Визуализация во время тренировок помех, которые обычно сбивают во время соревнований. Происходит привыкание к ним, и на соревнованиях они уже не отвлекают.

Можно предположить, что есть и другие задачи, которые можно решить с помощью данного метода. Сначала спортсмен выполняет визуализацию под руководством психолога, а по мере овладения – самостоятельно. Результаты работы с визуализацией проявляются довольно быстро. Эмоциональное состояние изменяется сразу после выполнения техники. Страх соревнований снижается у разных спортсменов по-разному, у одних быстро (1–3 визуализации), другим требуется выполнять технику периодически в течение месяца–двух. Довольно

быстро спортсмены научаются вводить себя в оптимальное состояние с помощью его образа. Среди спортсменов этот метод пользуется успехом, они считаю его интересным, несложным в выполнении и указывают на положительные эмоции после визуализации.

Е.Н. Ермакова

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ В КОНСУЛЬТАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ

Эффективность оказания психологической помощи напрямую связана с необходимостью точного определения направления работы, объекта воздействия, а тем самым с проблемой постановки психологического диагноза. В практике этот термин применяется часто в очень широком и неопределенном смысле как констатация количественной и качественной характеристики того или иного признака. Отношение самих психологов к данному понятию неоднозначно. Некоторые авторы считают, что использование его в психологической практике некорректно, так как с ним связан определенный стереотип восприятия (медицинский контекст), а представители разных теоретических ориентаций, как правило, выносят на первый план неодинаковые аспекты затруднений клиента. Другие авторы упоминают также о том, что большинство диагнозов упрощают поведение и субъективный мир человека, игнорируют его потенциальные возможности и отдают предпочтение стереотипизации.

Безусловно, обсуждая проблему психодиагностического обследования в рамках консультирования, сложно обойти те трудности, которые имеют место, однако диагностика – составная часть процесса психологического консультирования, уже в силу того, что у нас нет иного способа найти ответы на вопросы о том, что происходит с клиентом и в его жизни, какова природа тех или иных нарушений и каковы потенциальные возможности самого клиента.

В практике мы часто сталкиваемся со случаями, когда у ребенка обнаруживаются одновременно и снижение IQ, и эмоциональные нарушения (тревожные, фобические и депрессивные состояния и т. п.). Традиционно второе трактуется как следствие тех проблем, которые возникают у ребенка в связи с трудностями обучения. Однако снижение IQ может быть связано с наличием у ребенка так называемой «аффективной загруженности», обремененности интенсивными переживаниями, конфликтами.

Таким образом, мы подходим еще к одному условию, определяющему значимость правильной постановки дифференциального диа-

гноза. Процесс постановки диагноза осложняется тем, что, как правило, мы имеем дело с несколькими проблемами одновременно. В этом случае вначале психолог обычно определяет, какая из проблем является первичной, полагая, что преодоление данной проблемы в конечном итоге приведет и к преодолению вторичных проблем без специального вмешательства. Однако результаты многих исследований показывают, что такая позиция далеко не всегда оправданна. Достаточно часто несколько расстройств одновременно являются первичными и требуют специального вмешательства.

По данным Л.А. Ясюковой, значительный процент детей, относительно которых логопед и педагог делают заключение о наличии у них дислексии и дисграфии, не имеют проблем в звукопроизношении и построении речи. По этим же данным примерно у 30 % первоклассников еще не сформирована зрительно-моторная координация вследствие остаточной минимальной мозговой дисфункции или теменно-вилочных патологий. Очевидно, что если рассматривать диагноз как основу оказания психологической помощи, то следует говорить о динамическом соотношении дифференциального и функционального диагноза.

Диагноз должен быть ориентирован не на патологические проявления личности, а на всю ее сложность и многообразие. В плане изучения конкретного случая это означает применение двустороннего анализа: с одной стороны, «расчленение психологических функций» с выяснением их качественного своеобразия; с другой – установление структурных и функциональных связей между развитием отдельных сторон личности.

Функциональный диагноз определяется, во-первых, спецификой и выраженностью психических расстройств (клиническая составляющая), во-вторых, характером и индивидуальным содержанием проблем психического развития и социальной адаптации ребенка (социально-психологическая составляющая). В целом функциональный диагноз ориентирован на понятие функциональной нормы, т. е. на идею соответствия или несоответствия требованиям со стороны социально-культурного окружения. Он строится на основе интеграции ключевых биографических, психологических, социальных данных в единую функциональную систему и позволяет учитывать такие важные моменты, как особенности компенсаторно-адаптационных возможностей ребенка, особенности социальной поддержки, его внутренние и внешние ресурсы, он отражает стиль жизни клиента и помогает консультанту планировать стратегию и тактику своей деятельности, эффективно

прогнозировать ее результаты и в то же время не упускать из виду реальную патологию в поведении клиента.

В.В. Зайцева

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕДЛОЖЕНИЙ ТРЕНИНГОВ ЛИЧНОСТНОГО РОСТА НА РЫНКЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСЛУГ

Целью данного исследования был анализ содержания тренингов личностного роста (ТЛР) на российском рынке психологических услуг. Было изучено 30 предложений – лидеров интернет-рейтинга поисковых систем «yandex» и «google» по запросам «ТЛР» и «тренинговая компания личностный рост». Рассматривались такие характеристики, как цели, содержание и технологии, формы проведения и продолжительность. В результате анализа все предложения были объединены в три большие группы, различающиеся по содержанию и длительности: 1) «локальные» – тренинги, направленные в большей степени на формирование отдельных групп навыков и умений, связанных с развитием личности в какой-либо сфере (минимальная продолжительность); 2) «стратегические» – структурированные, многоуровневые тренинги, направленные на комплексную и постоянную работу по личностному развитию (в среднем наиболее длительные); 3) «авторские» ТЛР – специализированные по содержанию и целевым группам (наибольший разброс длительности).

Длительность курса в 1-й группе – от 9 до 36 часов. Содержание – коммуникативные навыки уверенности в себе, саморегуляции, работы с собой, различные орг-бизнес навыки. Сферы работы – с какой-либо частью блока «Я», работа с блоком «Мы», целеполагание и карьера, работа по управлению временем и т. п. Декларируемые цели-результаты: приобретение навыков, личностный рост, ощущение внутренней силы / свободы / гармонии, раскрытие внутреннего потенциала и повышение уровня самопознания, овладение навыками и инструментами взаимодействия с другими людьми, методами построения более успешных отношений. Например – тренинг «Жизнь со вкусом успеха» (часть блока «Я»), Архитектура личности (блок «Мы»), Три встречи с собой (часть блока «Я»). Длительность полного курса во 2-й группе – от 90 до 180 часов. Курс включает в себя 3 и более модулей. Подгруппа 1 – в основе курса лежит образовательная технология Leader management International. Содержание – работа с установками, коррекция неэффективного поведения, развитие лидерских качеств, навыков командообразования и целеполагания. Сферы работы – блок «Я» (первый модуль), блок «Мы» (второй модуль), интеграция личности (третий модуль – «Мастерский курс»). Декларируемые цели – формулировка целей, их реализация, умение создавать команду, создавать же-

лаемые отношения. Например – ТЛР компании «мастерская будущего». Подгруппа 2 – в основе курса лежит направление LifeSpring. Содержание – межличностное общение, улучшение самооценки, определение приоритетов и постановка целей, техники мотивации и самомотивация, работы с неудачами, отрицательным общественным мнением, чувством вины, стыда, обиды. Сферы работы – блок «Я» и блок «Мы» (первый и второй модули), отработка навыков и техник в реальной жизни (третий модуль – «Лидерская программа»). Декларируемые цели – раскрытие творческого и духовного потенциала, успешная реализация поставленных целей. Например – ТЛР компании «Московский тренинговый центр». Подгруппа 3 – ТЛР, комбинирующие в себе модули 1-й и 2-й подгрупп. Наиболее распространены 4-ступенчатые тренинги, включающие в себя модули Я, МЫ, Мастерский курс и Лидерскую программу. Например – Трансформационный тренинг «Парадокс» одноименной компании. Длительность курса в 3-й группе – от 3 до 12 дней, возможны еженедельные встречи. Содержание (от наиболее распространенного – к менее) – самопознание, включая понимание своего тела (работа с Я) – повышение самооценки – работа с межличностными отношениями – развитие лидерских качеств – индивидуальная терапевтическая работа – навыки управления деньгами и временем Сферы работы – блок «Я» (доминирует), актуальные заявленные проблемы, блок «Мы». Цель: саморазвитие и самопознание, самоопределение. Например: тренинг «Понимание себя и других», ТРЛ для подростков «Я – это Я», Базовый тренинг компании Сенон.

Результаты первичного исследования показали, что предлагаемые тренинги личностного роста значительно различаются по содержанию, по своим концептуальным основаниям (или их отсутствию) и по форме. Это свидетельствует о том, что работа в сфере личностного роста является достаточно востребованной на рынке психологических услуг, но само понятие личностного роста в понимании практических психологов довольно размыто и зачастую методологически мало обосновано.

М.Е. Калашникова

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ В РАБОТЕ С ЛЮДЬМИ, ПЕРЕЖИВШИМИ УТРАТУ

Смерть близкого человека является испытанием для многих, кто пережил данное событие. Зарубежные психологи, психотерапевты, разрабатывающие основы экзистенциально-гуманистического направ-

ления (И. Ялом, Э. Фромм, В. Франкл) рассматривали столкновение со смертью как возможность личностного роста. Ю.В. Заманаева в свою очередь считает, что утрата близкого человека полностью переворачивает жизнь человека, меняет систему ценностей и мировоззрение.

Процесс переживания утраты Ю.В. Заманаева рассматривает на двух уровнях, на событийно-рефлексивном и духовно-рефлексивном. Основной задачей на событийно-рефлексивном уровне является адаптация утратившего к новым условиям существования. На духовном уровне задачей переживания служит расширение смыслового пространства утраты, пространства жизненных смыслов. В кризисной ситуации, такой как утрата близкого человека, происходит определение экзистенциальных закономерностей и начинают волновать такие экзистенциальные вопросы, как смерть, вина, свобода, одиночество, ответственность, любовь, ответственность.

Цель настоящего исследования – изучение эмоциональной сферы и защитного поведения детей, переживших смерть или тяжелую болезнь близких родственников, выявление роли семьи в адаптации ребенка к ситуации потери. Объект исследования – дети от 7 до 12 лет с расстройством эмоций и поведения и их родители. Для психодиагностического исследования детей и их родителей используются стандартизированные психологические методики (проективные методы и опросники).

Обследование проводится на третьем диспансерном отделении Ц.В.Л. «Детская психиатрия» (зав. отд. Л.А. Озерянская). На данный момент обследовано 40 семей, в которых либо умерли, либо болеют близкие родственники. С семьями, потерявшими близкого человека, ведется психотерапевтическая работа. Психотерапия проводится как с детьми, так и со взрослыми членами семьи. С детьми используются преимущественно игровые методы, с взрослыми людьми адекватно использовать экзистенциальный подход в психотерапии. На самом деле, исходя из собственного психотерапевтического опыта, мы можем наблюдать, что если до смерти близкого человека многие даже не задумывались о таких экзистенциальных вопросах, как смерть, одиночество, вина и т. д., то как раз ситуация утраты близкого дает человеку возможность задуматься над жизненными ценностями.

Действительно, в первое время, когда умирает близкий человек, многие люди говорят открыто: «Бог несправедлив, если позволил произойти такому событию», может возникать агрессия на весь мир, часто случается, что возникает зависть к тем, кто жив. Человек задает себе эти вопросы снова и снова, как бы возвращаясь в прошлое, думает о

том, что, может быть, как раз он не сделал всего, что мог, для близкого человека, возникает чувство вины. Многие пытаются найти ответ в духовной литературе, обращаются с вопросами к священнику. Люди, которые ранее были атеистами, обращаются к Богу. Так, ситуация утраты может привести человека не только к размышлению над тем, как он несчастен, потому что потерял близкого, но и к размышлению над общечеловеческими ценностями.

Таким образом, одними из адекватных методов в работе с утратой являются методы экзистенциальной психотерапии, по той простой причине, что в ситуации смерти затронута духовная сфера человека. Задача психолога или психотерапевта – пройти совместно с человеком, утратившим близкого, весь путь переосмысления жизненных ценностей, размышлять вместе с клиентом над основными экзистенциальными константами, т. е. над вопросами одиночества, бытия, смерти. Также важно в каждом конкретном случае быть вместе с клиентом, разделять его чувства, такие как боль потери, гнев, апатия, раздражение, усталость. Необходимо совместно проделать с клиентом «работу горя» так, как будто не только он, но и Вы вместе с ним утратили близкого человека, а затем, размышляя с клиентом над экзистенциальными темами, дать возможность клиенту найти новый смысл в собственной жизни.

Е.Л. Касьяник

МЕДИАЦИЯ И ОРГАНИЗАЦИОННОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Формирование корпоративной культуры является одним из приоритетных направлений кадровой политики организации. Одной из новых технологий внедряемой в систему корпоративного управления является медиация. Медиация в переводе с латинского (mediatio) означает посредничество, в данном случае – посредничество в разрешении конфликтов. Медиация применяется при рассмотрении как коммерческих споров, конфликтных ситуаций, так и трудовых, социальных, бытовых, межличностных столкновений и т. д.

Приемы посредничества можно использовать как жизненно важные элементы повседневного общения людей, они способствуют созданию благоприятной атмосферы в семье и на работе, помогают эффективнее разрешать или избегать конфликтные ситуации, а в случае необходимости вырабатывать наиболее реальные соглашения. Погашая конфликты на рабочем месте, медиатор становится посредником

между сторонами. Он выясняет их взгляды на проблему, после чего сопровождает процесс переговоров по совместному принятию алгоритма движения вперед. И если участники переговоров придерживаются принятых договоренностей, взаимоотношения в коллективе выравниваются, и работа компании становится эффективнее.

Автор «Конфликтменеджмента» Ф. Глазл отмечал, что применение медиации оптимально с пятой по седьмую ступень эскалации конфликта. До пятой ступени у сторон нет потребности в медиации – они сами в состоянии договориться. Когда же спор перешел в необратимую стадию, его участники, даже с помощью посредника, не смогут работать над конструктивными вариантами выхода из создавшегося положения.

Главное преимущество технологии медиации перед другими методами – применение конструктивного подхода к переговорам, основанного на принципе принятия решения «ПОБЕДА–ПОБЕДА». В медиации не может быть проигравших, выигрывают обязательно две стороны. Это условие является базовым в данной технологии. Среди основных принципов медиации, придающих ей магическую силу, следует также отметить: 1) Беспристрастность. Медиатор должен проводить медиацию беспристрастно и справедливо. 2) Конфиденциальность. Медиатор не должен разглашать ход и результаты медиации, если на это нет разрешения всех сторон или если этого не требует Закон. 3) Добровольность. Процедура медиации является сугубо добровольной. Стороны никто не может заставить воспользоваться медиацией или хотя бы попытаться это сделать. 4) Активность оппонентов. Медиатор выполняет только функцию модерации процесса, ответственность за качество и скорость принятий решений лежит на оппонентах.

С точки зрения А. фон Хертел, действие в организации может развиваться по шести сценариям-уровням медиации: Классическая медиация начинается с соглашения сторон и оканчивается подлежащим исполнению договором. Внутрисистемная медиация – медиатор поддерживает стороны как третье лицо, но является частью конфликтующей системы. Ноу-хау для комплексных случаев – при классической и внутрисистемной медиации предполагается, что конфликтные стороны известны и они хотят распутать ситуацию. Часто стороны не готовы к участию к медиации, не знают, что являются частью какого-то спора, не признают свою долю участия в конфликте. Медиация в этом случае проходит сложно. Тогда медиаторы применяют творческие методы решения конфликта. Адвокатское посредничество – медиатором фактически выступает адвокат или адвокаты сторон. Посредничество в

переговорах – у большинства переговоров главная цель – договориться с партнером. В медиации главная цель – также договориться с партнером. Медиатор может внести в переговоры юмор, новые идеи, описание процесса со стороны. Osamaru (по-японски) – делаться лучше Если партнер по конфликту еще не готов к медиации и беседе, хорошим выбором может стать работа над собой с коучем или медиатором. Изменение себя тоже может стать средством приглушения конфликта.

Таким образом, подготовка внутрикорпоративных медиаторов позволит организации оптимизировать процесс эффективного использования потенциала специалистов, а это будет способствовать повышению конкурентоспособности организации. Внедрение медиации в корпоративную культуру организации позволит оптимизировать процесс взаимодействия ее сотрудников, повысить сплоченность коллектива, будет способствовать формированию ответственного поведения специалистов.

Э.И. Кологривова

ВОСПРИЯТИЕ ПСИХОТЕРАПИИ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГА

Ставится проблема особенностей развития и трансформации представлений о сути деятельности и образе психотерапевта в процессе профессионального становления психолога-практика начиная с подготовки в вузе. Предполагаем, что основные стереотипы образа профессии складываются в начальный период вузовской подготовки и не претерпевают радикальных изменений в процессе профессиональной социализации вплоть до начала практической деятельности в рамках выбранного психотерапевтического подхода.

В этом контексте возникают вопросы, связанные с освоением психологами-практиками имеющегося психотерапевтического пространства. Возможно ли понимание психотерапии без проникновения в отдельные субкультуры? Как соотносятся и осознаются мировоззренческий и психотехнический аспекты психотерапии? Каковы представления о целях психотерапии и средствах их достижения? Какие представления о сути деятельности и образе психотерапевта преобладают среди студентов-психологов и психологов-практиков?

В современных условиях обучения студенту трудно увидеть и практически поучаствовать в различных психотерапевтических моделях, побывать на занятиях, посвященных всем направлениям терапии.

Н.Н. Курильченко отмечает, что личная карта восприятия психотерапевтических практик студента строится в основном на теоретических знаниях. Обычное семестровое обучение не до конца обеспечивает понимания механизмов терапии, не дает возможности проследить путь воздействия, причины применения тех или иных методов в том или ином случае как основы психотерапевтической прогностичности, а главное – не дает осознания, как и что Я-специалист с этим впоследствии буду делать, что, конечно, снижает мотивацию глубокого познания научного содержания психотерапии. Соглашаясь с Н.Н. Курильченко, следует отметить, что не удается не только охватить теоретико-методологическую базу терапии, но и осознать важные мировоззренческие, смысловые аспекты психотерапии, что является не менее, а возможно и более важным.

В.Н. Цапкин заявляет, что психологи-практики уже давно вполне уверенно чувствуют себя на «территории» клиент-центрированной психотерапии, гештальт-терапиии т. д. Но, к сожалению, эта уверенность опирается на довольно поверхностное освоение различных психотерапевтических подходов, причем в основном их технологической составляющей.

Проведено пилотное исследование со студентами 2 и 4 курсов специальности психология и психологами-практиками. Целью эмпирического исследования было определение основных особенностей трансформации представлений о сути деятельности и образе психотерапевта в процессе профессионального становления психолога-практика.

В результате исследования обнаружено, что у студентов с понятием «психотерапевт» в большей мере ассоциируется образ влиятельного, всезнающего и заботливого человека, который готов игнорировать себя во благо клиента. Но может ли быть благо рядом с человеком, который забывает о себе? Студенты не воспринимают психотерапевта как человека, открытого жизни и изменениям, рискующего быть собой и создавать бытие вокруг себя. Психотерапевт воспринимается как тот, кто делает, влияет, а не живет. Не воспринимается тот очевидный факт, что это может отражаться на особенностях развития самого консультанта, приводя в ловушку недоверия к своим чувствам и желаниям, к подавлению спонтанных реакций и нарушениям органичности душевного мира. Как человек, который давит свою жизнь, может позволить проявляться другому, не говоря о том, чтоб стимулировать поиск и реализацию себя?

Предполагаем, что совершенствование подготовки психологов-практиков, становление их профессиональной идентичности может

трактоваться не как изменение направления обучения, а как совершенствование его качества, расширение репертуара возможностей, увеличение ресурсного банка образования. Первостепенной стратегической задачей в обучении студентов-практиков должно стать создание условий для формирования субъектно-профессиональной позиции, профессиональной идентичности, а также создание условий для ознакомления с психотерапевтической субкультурой.

А.А. Корнилова, О.А. Морозова, Е.В. Жовнерчук

ЗНАЧЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ «ПСИХОТЕРАПИЯ» В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ ВОЕННЫХ ПСИХОЛОГОВ

В 2002 г. Министерством обороны Российской Федерации было принято решение о начале подготовки офицеров воспитательных структур в 14 головных вузах родов войск и видов Вооруженных сил МО РФ. Для службы расквартирования и обустройства был выбран Военный инженерно-технический университет (ВИТУ). В настоящее время в ряде военных учебных заведений ведется обучение курсантов по специальности 031000 – «Педагогика и психология», которые на 5 курсе изучают дисциплину «Психотерапия».

Цель учебной дисциплины «Психотерапия» – обучение курсантов основам психологического вмешательства и психотерапии, объектом изучения дисциплины являются человек или группа людей, нуждающихся в лечении и реабилитации, предметом – основные принципы и методы психотерапевтического воздействия. В процессе прохождения данной дисциплины (210 учебных часов) курсанты должны научиться индивидуальным и групповым формам психологического консультирования, приобрести конкретные навыки психотерапевтической коррекции, овладеть основами современных методов психотерапии: психодинамической, когнитивно-бихевиоральной, философско-гуманистической, транссуггестивной и эклектично-интегративной; знать характерные техники и приемы психотерапевтического вмешательства.

Теоретическую и научную основу дисциплины составляют фундаментальные положения общей психологии, нейропсихологии, психофизиологии и патопсихологии. Курсанты на занятиях и в ходе самостоятельной подготовки изучают идеи и положения, отраженные в трудах российских и зарубежных основоположников классических и современных направлений психотерапии (психоаналитического, когнитивно-поведенческого и экзистенциально-гуманистического).

В соответствии с целью и задачами обучения преподаватели знакомят курсантов: 1) с наиболее важными положениями психотерапии (В.М. Бехтерев, З. Фрейд, В.Н. Мясищев, А.М. Свядощ, Б.Д. Карвасарский и др.); 2) с отечественной и зарубежной историей развития психотерапии (И.П. Павлов, А. Адлер, К. Хорни, А. Бандура, Ц.П. Короленко, Р. Бендлер, Э. Эриксон и др.); 3) с предметом и объектом психотерапии (А.А. Александров, В.Т. Кондрашенко, Д.И. Донской, С.А. Игумнов и др.); 4) с основными направлениями и понятийным аппаратом психотерапии (Я.Л. Морено, А.Р. Довженко, А. Лоуэн, К. Роджерс, К.Э. Рудестам, Э.Г. Эйдемиллер и др.); 5) с принципами обучения и организации психотерапевтической помощи в ВС РФ (В.В. Нечипоренко, С.В. Литвинцев, В.И. Курпатов, А.И. Колчев, В.К. Шамрей и др.).

Психотерапия связана с общей и возрастной психологией, психиатрией, психодиагностикой, реабилитационной (восстановительной) медициной, психолого-педагогической коррекцией, семейным консультированием, психогигиеной и психопрофилактикой, поэтому курсанты изначально должны иметь достаточные знания по учебным дисциплинам, пройденным с 1 по 4 курс, такими как «Возрастная психология», «История психологии», «Клиническая психология», «Основы психологии семьи и семейное консультирование» и др. Считаем, что при преподавании дисциплины особое внимание необходимо уделять будущей военно-профессиональной деятельности выпускников ВИТУ по данной специальности: учитывать, что будущим офицерам предстоит организовывать мероприятия, направленные на сохранение психического здоровья военнослужащих.

Л.В. Куликов

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ЧУВСТВ

Вопрос о том, что эмоциональные явления весьма разнообразны, часто остается в тени. Чувства имеют значительную специфичность, поэтому их отождествление с эмоциями во многих случаях не оправдано. Эмоции подготавливают личность и организм к реагированию на ситуацию и регулируют поведение человека в рамках ситуации. Эмоция – это переживание в актуальный момент (острое, текущее, относительно кратковременное переживание). Эмоция имеет психофизиологическую природу, она включает в себя психический, вегетативный,

психомоторный компоненты. Чувства – переживание своей диспозиции к окружающей действительности (к людям, их поступкам, к каким-либо явлениям, событиям) и к самому себе.

Чувство – относительно устойчивое переживание, оно связано с рядом ситуаций, в которые включен объект чувства. Во многих учебниках по психологии личности отсутствуют разделы, сколько-нибудь подробно освещающие феномен чувств. Даже в большинстве книг, специально посвященных тематике эмоций, уделяется мало внимания или совсем не уделяется внимания чувствам, переживаниям, настроениям.

Отсутствие данного раздела в учебниках по психологии личности создает определенные трудности для студентов. В первую очередь это касается студентов, ориентированных в своей предстоящей профессиональной деятельности на работу в качестве психолога-консультанта, психолога-психотерапевта, психолога, работающего в службах экстренной психологической помощи и других направлениях практической деятельности. Чаще всего клиент, нуждающийся в психологической помощи, описывает свою проблему в терминах неприятных переживаний, страданий, подавленности, зацикленного (фиксированного) переживания. Именно эти феномены обсуждаются больше всего, во всяком случае, на первых шагах совместной работы. В качестве примера можно обратиться к тому, как К. Роджерс описывал стадии психотерапевтического процесса. После первоначального прояснения ситуации консультант стимулирует свободное проявление чувств, связанных с проблемой. На следующей стадии консультант распознает, принимает и проясняет негативные чувства. Далее, чем сильнее и глубже клиент выражает отрицательные чувства (при условии, что они осознаются и принимаются), тем больше вероятность последующего проявления положительных чувств (любви, самоуважения…).

Не меньшее внимание чувствам уделяется и в других популярных психотерапевтических направлениях, например, гештальт-терапии, рационально-эмотивной поведенческой терапии.

Другой пример может быть взят из социальной психологии. В различных подходах к теории лидерства в настоящее время обнаруживается немалая конвергенция. В теориях трансформационного, харизматического и эмоционального (резонансного) лидерства подчеркивается, что в его основе лежит передача чувств и эмоций, индукция эмоций, состояний, настроений. Лидер должен направлять эмоции в группе в нужное русло, создавать атмосферу дружелюбия и умело бороться с негативными настроениями. Люди тянутся к лидеру, ждут от него

эмоциональной поддержки, ищут у него сочувствия. Когда лидеры пробуждают в людях позитивные чувства и эмоции, они раскрывают в них лучшие стороны. Это предложено называть эффектом «резонанса». Для того чтобы инициировать этот эффект, лидеру надо развивать «эмоциональный интеллект» – умение управлять собой и отношениями с другими людьми. Людей притягивает оптимизм, позитивный настрой, энергетика, воодушевление лидера. Средство, которое сплачивает людей в команде и рождает их преданность, – это чувства и эмоции, которые они испытывают, эмоциональный резонанс. У лидера, как правило, развиты способности контролировать свои чувства и направлять их в конструктивное русло, прислушиваться к настроению других людей, учитывать их состояние и мнение при принятии решений; принимать в расчет чувства работников, потребности клиентов.

Можно продолжить перечень примеров, показывающих, что понятия из области психологии чувств обладают большим потенциалом описания и интерпретации. Добавим лишь, что в обыденном сознании и в большинстве популярных книг, издающихся огромными тиражами, искаженно трактуются непростые вопросы психологии влияния, передачи эмоций и настроений в межличностном взаимодействии. Большая часть этих книг написана не психологами университетов или практикующими психотерапевтами, их авторы – представители «альтернативной» психологии и психотерапии. Психология чувств непременно должна занять свое место в перечне курсов открытого психологического образования, имеющее целью просвещение широких кругов населения.

Т.Н. Курбатова

BASIC EMOTIONAL STRUCTURING TEST В ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ

Преподавателями, студентами и аспирантами кафедры психологии поведения и превенции поведенческих аномалий осваивается новый для психологов нашей страны проективный тест БЭСТ – базовый эмоциональный структурный тест Халлима Калера (Hallym Calehr). Этот психосинтетический инструмент, изящно соединяющий западные рационально-прагматические и восточные духовно-ориентированные представления о природе человека, способствует обретению здоровья, целостности и душевного равновесия. Тест не только выявляет основные эмоциональные структуры личности, что само по себе уже ценно,

но осуществляет их коррекцию и профилактику, способствуя гармонизации личности, ее физическому, психическому и духовному развитию.

Об эффективности данного метода свидетельствует и тот факт, что он вошел в Психотерапевтическую энциклопедию под редакцией Б.Д. Карвасарского как метод, чье «эмоционально-когнитивное воздействие делает его в психодиагностической и психотерапевтической практике предпочтительнее других психологических тестов». Создатель этого теста родился в Индонезии, в индийской семье. Его отец был в шестом поколении врачом Аюрведы. Медицинское образование, как и докторскую степень, он получил в Германии, где в Берлине в клинике Шарите проработал врачом и психотерапевтом более 30 лет.

Итак, что такое БЭСТ? Полное название теста – базовый эмоциональный структурный тест – с английского переводится как «самый лучший», и это совпадение не случайно. С моей точки зрения, это так и есть. БЭСТ – это десять разноцветных деревянных человеческих фигурок (физионограмм или эмоционограмм), которые являются искусным произведением ручной работы, представляющих основные эмоциональные состояния: депрессия, агрессия, печаль, радость, любовность, навязчивость, серьезность, спокойствие, страх, воля. Каждый клиент может быть отнесен к одному из этих десяти типов или одному из девяноста подтипов БЭСТа.

Развивая психоаналитическое наследие З. Фрейда, создатель БЭСТа добавляет к четырем известным эго-структурам еще одну и называет ее Субэго. Это невидимое «лицо» нашей души, связанное со структурой мозга, получившей название «миндалина». Субэго образует своеобразный мост между телом и ментальностью, являясь «пропущенным звеном» в традиционной психологии и психотерапии. В целом эти пять эго образуют внутриличностный психический аппарат, которым оперирует данный тест, соотнося его с учением даосской доктрины Пяти элементов и дихотомией инь-ян, старейшей формы полярности, используемой в восточной естественно-философской традиции. Кроме этого, при интерпретации учитываются семь Законов доктрины: Эволюции, Доминирования, Разрушения, Провокации, Инволюции, Копуляции и Идентификации, и три источника здоровья: уверенность и удовлетворенность собой, способность к самопожертвованию. При этом предполагается, что истинная причина, мешающая быть счастливыми, кроется в конфликте, который означает разделение с другими и самим собой. Отсюда – внутренний мир обретается (и это

только первый, но существеннейший шаг) через равновесие между агрессией и депрессией.

Агрессии, как и депрессии, противостоят спокойствие, серьезность, уверенность и твердость. Поэтому так важно развивать в себе эти качества. Процедура тестирования очень проста и требует буквально 1–2 минуты, но уже то, как человек осуществляет выбор фигурки, является чрезвычайно значимым и диагностичным. Второй существенный момент – какая фигурка выбирается как предпочитаемая и какая – как отвергаемая, на основании чего и осуществляется времясберегательный «вход» в личность клиента. Стимульный материал теста, т. е. фигурки, имеют четыре разновидности, различающиеся по размеру и сложности конструкции. Так, для семейной терапии используются так называемые «Гештальт»-фигурки, у которых двигаются руки, что дает возможность реально взаимодействовать друг с другом на языке тела. Однако цвет головы и тела во всех наборах един, так же как и выражение лица.

БЭСТ позволяет вскрыть внутренние противоречия и на этой основе осуществлять целенаправленную психотерапевтическую работу, создавая некую опору, матрицу, понимаемую и принимаемую клиентом, и, что немаловажно, вдохновляющую его.

Мой собственный психотерапевтический опыт и опыт коллег, как западных, так и отечественных, которые используют его в своей работе, позволяют уверенно рекомендовать БЭСТ как универсальную, чрезвычайно эффективную и гуманную технологию.

Е.Г. Лопес

ПЕСОЧНАЯ ПСИХОТЕРПИЯ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ

К. Юнг, признавая существование сходных фаз в развитии личности по З. Фрейду, выделил еще одну стадию – индивидуализации, которую человек может достичь в процессе уже не только биологического созревания, но и духовного роста. Он, как и З. Фрейд, считал, что стремление к творчеству, самосовершенствованию является чертой здоровой, зрелой личности, но рассматривал его не как следствие сублимации, а как изначально присущее человеку и уходящее корнями в глубь коллективного бессознательного человечества. Индивидуализация – это процесс развития целостности личности и, таким образом, движения к большей свободе. С точки зрения К. Юнга, личностный

рост – это интегрирование сознательного и бессознательного знания о себе и о мире.

Тема стремления личности к интеграции и целостности в дальнейшем повторилась в экзистенциальной и гуманистической теории личности, где это стремление также рассматривается как основа психического здоровья и гармонии личности. В консультировании, основанном на юнгианском подходе, широко используются методы анализа рисунков клиентов, их композиции из песка, глины и фигурок и другие проективные техники. Терапия, основанная на этой теории, направлена на возвращение в сознание события или связанной с ним вытесненной идеи вместе с сопутствующим чувством, это возвращение несет с собой разрядку чувств и уменьшение или исчезновение симптома. Действие песочной терапии направлено на понимание клиентом собственных внутренних процессов как разрушительного, так и созидательного порядка. Проявление внутренних процессов рассматривается с точки зрения стадиальности психического развития и проявления архетипов в символике ландшафта и выбираемых человеком миниатюрных фигурок.

Возможности использования песочных картин очень велики и по форме, и по содержанию, и по целям. Фигурки могут символизировать субличности автора песочной картины. В этом случае основной акцент делается на построение диалога с выбранными предметами клиента, и клиент строит новые взаимоотношения с самим собой. Картины на песке могут символизировать реальных людей и явления той среды, в которую включен клиент. В песочной среде могут проявляться реальные жизненные ситуации, относительно которых человек испытывает определенные трудности. Песочная терапия позволяет формировать свои «границы» и видеть чужие. Песочные картины – это как проекция того, что не позволили человеку или не разрешили когда-то, или, наоборот, – как позитивный ресурс. Важно КАК человек проживает чувства, потом появляются мысли – как жить с этим дальше, что делать, что думать. В песочных картинах наше «бессознательное» приобретает «язык» образный и предметный. Игрушки выступают как репрезентатор «Я», как альтро-эго.

Анализ консультативной практики с применением песочной психотерапии позволяет говорить о том, с чем чаще всего сталкиваются клиенты и какие психологические трудности возникают при этом. Например, клиенты очень часто, выстраивая свои песочные картины, не осознают своей целостности, своих возможностей, сталкиваются с незавершенными ситуациями в своей жизни, которые приносят им

много беспокойства, непонимания того, что происходит, сопровождающимися повышенной тревожностью, чувством вины, агрессивности.

Процесс песочной психотерапии дает возможность раскрыться личности, обратиться к своим потенциальным возможностям, ресурсным состояниям, обратится к самому себе с вопросами, которые требуют разрешения и ответов. Практика песочных психотерапевтов и консультантов показывает – насколько уникален внутренний мир человека и насколько велико желание людей разбираться с возникающими трудностями, а это в свою очередь порождает вопросы для консультантов, в частности определение эффективности песочной психотерапии, определение критериев эффективности, насколько решаемые вопросы в процессе песочной психотерапии в последующей жизни клиента изменяются.

Процесс накопления опыта работы с песочницей представителями различных направлений интересен тем, что благодаря этому с различных сторон исследуются взаимоотношения человека с проекциями его внутреннего мира.

Н.Н. Медведев

САМООТНОШЕНИЕ НЕВРОТИЗИРОВАННЫХ ЖЕНЩИН И ЖЕНЩИН, БОЛЬНЫХ НЕВРОЗАМИ

С целью изучения образа «Я» лиц в предневротическом состоянии и больных неврозом было обследовано 90 женщин в возрасте от 20 до 25 лет, составивших три равных по численности группы: условно здоровые, лица с повышенным уровнем невротизации, больные неврозом. Последняя группа обследовалась на базе Клиники неврозов имени И.П. Павлова. Было выявлено, что невротизированные женщины стремятся к когнитивной саморегуляции и прибегают к компенсации заниженной самооценки при помощи ее когнитивных компонентов (таких, как «саморуководство», «самоинтерес», «самоуважение»).

Одним из параметров когнитивной саморегуляции и компенсации заниженной самооценки оказалось компенсаторное стремление к субъектности, активности, самоконтролю и интернальности, однако неадекватное восприятие в себе этих качеств обернулось негативными последствиями для самооценки и неблагоприятными телесными переживаниями. Сниженные тонус и активность, а также повышенная напряженность указывали на наличие затяжного стресса. Дополнительным источником роста внутриличностного конфликта в данной

группе оказывалось повышение уровня притязаний, которое коррелировало с параметром «самообвинение». То есть стремление к успеху (постановка завышенных требований) сочеталось с нарастанием неудовлетворенности собой, своими возможностями. Таким образом, неблагоприятно складывающаяся ситуация с переживанием хронического стресса для лиц, находящихся в преневротическом состоянии, может оборачиваться неадекватным использованием самоотношения как фактор дополнительного давления на компенсаторные механизмы психической адаптации. В этом случае длительно существующее психическое напряжение преневротических личностей, усугубляемое сниженной самооценкой и предъявлением завышенных требований к себе с одновременным самообвинением в непродуктивности и несостоятельности, создает крайне неблагоприятную предиспозицию, ведущую к дезинтеграции психической деятельности и развитию невротического состояния при взаимодействии с психотравмирующим фактором.

В группе лиц с повышенным уровнем невротизации ведущую роль в компенсации самоотношения играет когнитивный компонент, однако способы его использования оказались неадаптивными. Женщины же, больные неврозами, показали заниженный интегральный показатель самооценки и по сравнению с условно здоровыми женщинами и по сравнению с невротизированными. Выявлено стремление к аддитивной компенсации заниженной самооценки с помощью завышения, по сравнению с группой невротизированных женщин, аффективных компонентов самооценки (таких как «аутосимпатия», «самопринятие») и аффективной саморегуляции. Компенсация за счет аффективного компонента приводила к тому, что повышалась удовлетворенность жизнью в целом и формировался положительный образ себя. Последнее заставляет предполагать наличие недостаточной критичности к себе. Это подтверждается завышением параметров аутосимпатии, самопринятия и ожидаемого отношения от других.

Были выявлены экстернальность, а также взаимосвязь параметра «самопринятие» с характеристиками образа друга и связь параметра «самоинтерес» с фактором «отношение других». Выявлены зависимость самоуважения от эмоциональных состояний и его обратная взаимосвязь с содержательными параметрами образа женщин, что позволяет говорить о противопоставлении больными неврозом своей личности остальным женщинам. Также было отмечено, что подобное явление оказывает неблагоприятное влияние на тонус личности, вызывает рост напряженности, тревоги, неудовлетворенности жизнью в целом и

может вызывать явления тревожно-депрессивного характера. Под влиянием противопоставления формировался малоценностный собственный образ. Таким образом, невротизированные личности использовали когнитивный компонент, повышенные интернальность и саморуководство для компенсации самооценки, что приводило к явлениям тревожно-депрессивного характера; женщины, больные неврозом, склонны в качестве компенсаторного механизма использовать аффективные компоненты самооценки, снижение самокритики и завышенную экстернальность. Однако последняя приводит к образованию отрицательных проекций и побуждает к противопоставлению своей личности окружающим, что точно так же приводит к тревожно-депрессивные явлениям.

В целом можно утверждать, что и женщины с повышенным уровнем невротизации и женщины, больные неврозами, используют неадаптивные пути компенсации заниженной самооценки, что только усугубляет ситуацию.

Ю.М. Миланич

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА С ПЕРЕЖИВАНИЯМИ МАТЕРЕЙ ДЕТЕЙ С ДЦП

Снижение напряженности переживаний признается важнейшей задачей психокоррекционной работы с родителями детей с ограниченными возможностями здоровья. В исследованиях неоднократно указывалось на особое травмирующее влияние физической и психической беспомощности ребенка с ДЦП на психику родителей. Их глубокое психологическое неблагополучие характеризуется переживаниями горя, вины, стыда, обиды, гнева. Объектом гнева и обиды становится большинство людей в системе отношений: родственники, знакомые, врачи, педагоги, сам больной ребенок, социум в целом. Спектр негативных переживаний дополняют отчаяние от бессилия в решении проблемы, отсутствия быстрых положительных изменений, страхи за будущее ребенка (О.Л. Романова, 1988; И.Ю. Левченко, О.Г. Приходько, 2001; И.И. Мамайчук, 2001; И.Ю. Левченко, В.В. Ткачева, 2008; Ю.М. Миланич, 2010).

Наше исследование позволило выявить защитные механизмы, используемые матерями дошкольников с ДЦП для уменьшения психического дискомфорта (Ю.М. Миланич, 2005). Центральными оказались механизмы отрицания и интеллектуализации. Обнаруживалось не полное отрицание факта заболевания, а частично осознанное, временное

или постоянное непризнание каких-то его аспектов. Отрицание, таким образом, позволяет воспринимать ребенка как обычного, но со своими особенностями. В то же время оно сопряжено со слабой самокритикой женщины и аффективным поведением как способом привлечения внимания, что может нарушать адаптацию. Эта защита теряет свою силу в стрессогенных обстоятельствах, которые могут быть не связаны с ребенком.

Использование интеллектуализации позволяет не быть захваченным негативными переживаниями. Женщины прибегают к поиску рациональных объяснений различных аспектов болезни: фиксируются на выяснении причин, читают литературу, осваивают научную терминологию, стремятся проговорить проблемы со специалистом и другими родителями. Однако такое общение, как правило, представлено логическими рассуждениями, не позволяющими отреагировать чувства.

Использование отрицания и интеллектуализации – это своеобразная самопомощь матерей в снижении напряженности переживаний. Имея ситуативный эффект, защиты не способствуют выходу женщины из состояния хронической психической напряженности. Д.С. Витакер (2000) называет такие способы «рубежом» или границей между тем, что способен показать человек, и тем, что для него недоступно. Психологическая помощь будет бесполезной, если предоставляет человеку переживание опыта, находящегося намного ближе его рубежа или выходящего далеко за его пределы. Задачей психолога не может быть полное преодоление негативных переживаний или кардинальная перестройка защитного репертуара.

Опираясь на взгляды Ф.Е. Василюка (2005), мы центрируем нашу работу на трех планах протекания переживаний, связанных с болезнью ребенка: план выражения, план чувствования, план осмысления. Переход в область «сразу за рубежом» на уровне чувствования дает помощь психолога: 1) в осознании глубины и вербализации переживаний; 2) в определении обстоятельств, способствующих усилению переживаний; 3) в осознании их обусловленности истинными причинами, находящимися внутри личности (неудовлетворенность базовых потребностей в безопасности, принятии, самоуважении, самореализации).

Работа на уровне выражения предполагает: 1) воспроизведение негативных переживаний и апробирование новых способов совладания с ними. Здесь используются техники парадоксальной интенции и рационально-эмоционального воображения, которые формируют навык замены деструктивных переживаний на здоровые (тревога – озабоченность, депрессия – грусть, гнев – раздражение, обида – сожаление,

стыд – разочарование) (А. Эллис, У. Драйден, 2002); 2) осознание и развитие гибкости имеющихся защит. Так, более гибкое отрицание помогает женщине разумно игнорировать некоторые трудности и не будет нарушать адекватное восприятие мира и своего «Я». Осознание действия интеллектуализации дает возможность строить общение как на когнитивном, так и на эмоциональном уровне (отреагирование и вербализация переживаний, осознание их схожести с переживаниями других родителей). Осознание и даже незначительные успехи в контроле над чувствами придают им осмысленность, формируют «ответственность за переживание» (Ф.Е. Василюк).

Таким образом, эффективной и адекватной для данной категории людей является психокоррекция, направленная на снижение напряженности переживаний, анализ которых проходит в трех планах: выражения, чувствования и осмысления.

И.Е. Мотенко

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕДИАТОРСТВА

Медиация – это альтернативная форма разрешения конфликта с участием третьей беспристрастной стороны – медиатора, который помогает сторонам, при их полном контроле процесса, выработать определенное соглашение. Это междисциплинарная область, в которой используются психология, конфликтология, юриспруденция, социология и педагогика. Сохранение объективности при взаимодействии с обеими конфликтующими сторонами, умение помочь децентрировать свою точку зрения и взглянуть на проблему с разных сторон требует компетенции в проблематике спора, логики и наблюдательности. Однако в большей степени при разрешении конфликта необходимо понимание человека как личности и индивидуальности. В зависимости от каждого конкретного случая необходимо вести процесс медиации по-разному. Здесь неприемлемо использование шаблонов, поскольку каждая медиация требует индивидуального и креативного подхода. Медиатор должен иметь целый набор индивидуальных психологических особенностей и профессиональных навыков, и при этом он должен обладать хорошей психологической подготовкой.

Медиаторство охватывает различные сферы жизнедеятельности и широко применимо для решения бытовых споров, межличностных и групповых конфликтов. Оно способствует примирению и помощи в достижении компромиссов между фирмами и организациями различ-

ного уровня, выбору нужной стратегии при ведении деловых переговоров. Отсутствие возможности обращения к профессиональным медиаторам сильно ограничивает компании, работающие с международными агентами и партнерами. Медиаторство позволяет достичь лучших результатов в решении экономических споров, так как предполагает индивидуальный подход при решении каждого вопроса. В бизнес-спорах обязательно наличие у медиатора экономического образования, но нельзя забывать, что компания – это всегда люди, и человеческий фактор играет важную роль, поэтому необходимо наличие психологических знаний.

Основные теоретические положения медиаторства используются и при разработке программ по подготовке профессиональных «переговорщиков» в условиях экстремальных ситуаций. В настоящее время нередко можно встретить ситуацию, когда компании нуждаются в третейском судье. Для этих целей часто привлекается недостаточно профессиональная структура, в качестве которой может быть компания-партнер или конкурент, или сторонняя негосударственная организация. В подобном подходе имеется целый ряд недостатков: 1) непрофессиональное ведение переговоров; 2) наличие конфликта интересов; 3) нарушение этической составляющей. Медиаторство же выполняет функцию третейского суда профессионально, объективно и, что немаловажно, с сохранением конфиденциальности сведений. Основные преимущества медиаторства: 1) индивидуальный подход к участникам конфликтной ситуации; 2) возможность прийти к компромиссу и остаться в партнерских отношениях; 3) решение спора без доведения ситуации до судебных разбирательств. Участие в решении спора медиатора-психолога позволяет оказывать терапевтический эффект на оппонентов, что, возможно, позволит оставаться им в партнерских отношениях. Это немаловажно при решении профессиональных, бытовых и семейных споров.

В странах Западной Европы, Канады и США институт медиаторства в течение последних десятилетий занимал важное место при решении досудебных споров. В России система медиаторства находится на стадии становления, и профессионального института пока не существует.

В настоящее время в нашей стране предпринимается целый ряд попыток в развитии института медиаторства. Для решения этой проблемы наиболее целесообразным явилось бы создание единого центра

подготовки медиаторов, в котором на базе общего психологического образования будут подготавливать специалистов-медиаторов.

М.В. Мусийчук

ЮМОР В ПСИХОТЕРАПИИ КАК СРЕДСТВО ОПТИМИЗАЦИИ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ

Эффективное применение юмора в психотерапии в значительной степени обусловлено гелозоическим (*греч.* смех) механизмом юмора, обусловливает изменения модально-оценочной направленности личности, опосредованной тождеством противоположностей в игровом контексте юмора, что приводит к оптимизации психофизиологического состояния.

К первой группе оснований изменения модально-оценочной направленности преимущественно когнитивного характера могут быть отнесены следующие: изменение ценностного масштаба предмета через раскрываемые юмором новые связи предмета, опосредованные тождеством противоположностей в игровом контексте; создание значений, альтернативных имеющимся, через возникновения нового смысла, порождаемого значимыми отклонениями от нормативных структурных ожиданий, опосредованных игровой сущностью юмора; преодоление кризисов через обретение утраченного смысла происходящего и обретение неожиданных значений мира вещей и значений; предвидение последствий (возможных действий или бездействия) посредством проигрывания на лингво-юмористических моделях принятия тех или иных решений и выбора оптимального решения в соответствии с заданными критериями управления; закрепление когнитивных механизмов мышления посредством отработки операциональной стороны продуктивных мыслительных процессов.

Ко второй группе оснований изменения модально-оценочной направленности, преимущественно аффективной природы, могут быть отнесены следующие: возникновение эмоционального отстранения как установочной регуляции поведения, основанной на способности юмора производить подъем эмоций, ослабление напряжения, и приводящее к достижению катарсиса, проявляющегося в автокоммуникативном смехе (смех над собой, над собственным горем, «смех сквозь слезы») через придание юмористической формы содержанию; удовлетворение некоторых блокированных потребностей личности посредством актуализации адаптивно необходимых тенденций и потребностей посредством социально приемлемых форм юмора; воздействие с целью изменения поведения на неосознаваемые области психики посредством метафоричности и символичности, опосредующих двойственность внутреннего и внешнего содержания юмора; порождение эмоциональ-

ного принятия задачи через возникновение дополнительного интереса к проблеме и возникновение упреждающего понимания опосредованного гедонистической (наслаждения, удовольствия) функции юмора.

Исследуя биологическую функцию улыбки, французский врач П. Вайнбаум доказал, что улыбка усиливает приток крови в сосуды головного мозга и тем самым способствует возникновению положительных эмоций. Другой француз и также медик Дюшон еще в 1861 г. установил, что мышцы, поднимающие в улыбке уголки губ и прищуривающие глаза, передают сигналы, пробуждающие в душе приятные ощущения. Выражение лица, которое создают эти мышцы, получило в медицине название «улыбка Дюшона». Лишь «улыбка Дюшона» вызывает повышенную мозговую деятельность в первую очередь в левой части коры головного мозга, где, как показали предыдущие исследования, расположены центры управления положительными эмоциями.

Способность человека смеяться при восприятии и порождении юмора – такой же важный показатель его здоровья, как и все прочие, совершенно справедливо указывает А. Моди в работе «О смехе или целительная сила юмора».

В плане рассмотрения юмора как средства оптимизации психофизиологического состояния личности представляют интерес исследования, проведенные N. Couins относительно прямого биохимического воздействия юмора на общее состояние организма, на основе того, что юмор стимулирует выделение эндорфинов – собственных морфинов организма. Эндорфины притупляют воздействие (ощущение) физической и душевной боли, но при этом стимулируют иммунную систему человека.

Таким образом, юмор оказывает прямое биохимическое воздействие на общее состояние организма, способствуя оптимизации психофизиологического состояния личности в процессе психотерапии.

М.В. Мусийчук, С.В. Мусийчук

ЮМОР КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОТЕРАПЕВТА

Представляется, что смысл использования юмора в психотерапии заключается в опровержении словом и делом лелеемой «реальности» клиентов. Обратим внимание, что психотерапевт относится с уважением к личности клиента и с юмором к болезненной и парадоксальной власти его актуального подавленного состояния. При этом происходит

не только изменение модально-оценочной направленности личности по отношению к определенного рода ситуациям или событиям, но и изучение теории и практики самоконтроля, самосовершенствования и развития аналогичных качеств у других людей.

Вспомним, что тенденции эффективного применения юмора в психотерапии нашли яркое воплощение в деятельности международной организации «Ассоциация практического и терапевтического юмора» (Association for Applied and Therapeutic Humor — AATH). AATH дает следующее определение терапевтического юмора – это любое вмешательство, которое улучшает самочувствие личности, через стимулирование средствами юмора открытия и оценки нелепостей или несоответствий ситуаций жизни.

Личностные особенности успешных психотерапевтов выделяются профессором в области психологического консультирования Дж. Коттлером в его работе «Совершенный психотерапевт». Выделяется как одно из основных качеств умение психотерапевта ценить и активно использовать юмор. Дж. Коттлер подчеркивает – наличие у психотерапевта чувства юмора свидетельствует о его способности радоваться, сопереживать, творчески мыслить, что является признаками интересной личности. Также чувство юмора делает психотерапевта в глазах клиента менее опасным и более легким в общении, что позволяет при повторном обращении к проблеме взглянуть на нее по-новому.

Среди функций юмора, реализуемых эффективно работающими психотерапевтами, выделяются такие, как устранение негативизма, пессимизма и чувства безнадежности у клиента, посредством внесения элемента игры средствами юмора. Один из эффективных семейных психотерапевтов Бергман (Bergman), которого исследователи относят к числу «совершенных», отмечает, что использует юмор как игру минимум в двух функциях: сохранение собственного психического равновесия и быстрое достижение терапевтических изменений, через ощущение разделенной радости. При этом, характеризуя роль юмора и игры в психотерапии, Бергман выделяет следующие функции: снижение напряжения и эмоциональная разрядка; сглаживание аффекта страданий; стимуляция интеллектуальной деятельности; помощь в творческом подходе к проблеме; помощь в организации взгляда со стороны; облегчение восприятия жизненных проблем; исследование «запретных» тем в спокойной и благоприятной обстановке; выражение сердечности и избытка чувств; облегчение налаживания контакта между людьми, которые вместе посмеялись; пародирование того или иного поведения для его лучшего понимания.

По мнению Ф. Фарелли и Д. Брандсмы, юмор в провокационной психотерапии играет центральную, решающую роль, он необходим и не является дополнением к настоящей работе. Авторами выделяются различные функции юмора: способность юмора смягчать и уравновешивать жесткие психологические уроки, которые необходимо пережить в процессе лечения; привлечение внимания пациента для того, чтобы внушение врача скорее было им усвоено. Одной из важнейших функций изменения модально-оценочной направленности средствами юмора, по справедливому замечанию Ф. Фарелли и Д. Брандсмы, является способность юмора поддерживать уровень собственного внимания к проблемам клиента, а также сделать процесс лечения более переносимым и приятным.

Детальное описание сфер применения юмора при кризисных состояниях личности убедительно апробировано на практике М. Эриксоном. При этом составленный им перечень сфер применения юмора достаточно обширен: предложение решений проблем; помощь в познании себя; посев идей и повышение мотивации; контролирование терапевтических отношений; встроенные указания; снижение сопротивления; построение Эго; моделирование способа общения; напоминание субъектам об их собственных ресурсах; снятие у людей чувствительности к страхам. Таким образом, отметим, что в психотерапии юмор используется как средство изменения модально-оценочной направленности личности клиента и психическая гигиена личности психотерапевта.

В.В. Нуркова

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ЛИЧНОСТИ СИМУЛЬТАННЫМ ОБРАЗОМ РЕСУРСНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

Обоснование психотерапевтической инновации требует выделения признаков, отличающих новый метод от уже существующих (Сосланд, 1999). Мы предлагаем восемь подобных признаков: ценностная насыщенность; теоретическая обоснованность; наличие отсроченных эффектов; алгоритмизированность; экономичность; аутотеличность; эстетичность; отчуждаемость от автора. Разработанный и апробированный нами комплекс психокоррекционных процедур «Метод диахронической интеграции личности и ее жизненной истории на основе создания симультанного образа ресурсных автобиографических воспоминаний» вполне удовлетворяет указанным выше критериям. В ос-

нове метода лежит представление о том, что одним из наиболее существенных ресурсов полноценно функционирующей личности является активное включение в решение жизненных задач потенциала автобиографической памяти.

Именно функциональный потенциал автобиографической памяти обеспечивает самодетерминацию личности в социокультурном пространстве ее бытия: формирование идентичности, установление интервалов самоидентичности личности, самопознание, самоопределение, осознание личной уникальности, временную интеграцию. Доказано, что функциональный потенциал данного вида памяти развивается от разделенного с другим коммуникативного действия по созданию рассказа об изолированном событии к интериоризированным формам внутреннего полилога на основе соотнесения разновременных воспоминаний о себе (разновременных «Я») в целях саморегуляции и далее к экзистенциальному осмыслению «картины пройденного жизненного пути». В связи с этим ситуация взаимодействия с психотерапевтом (мнемотерапевтом) экологично моделирует процесс диахронического развития личности.

Целью применения метода является рефлексия и проживание интервалов самоидентичности личности, образующих композицию разновременных «Я» субъекта. Предельное состояние, к которому приближает применение метода, – это специфический феномен Мгновенного жизненного обзора (МЖО), суть которого заключается в том, что в экстремальной ситуации «все прошлое» как бы «проносится» перед внутренним взором человека. Этот феномен рассматривается нами как кульминация интеграции автобиографического опыта и наличных способностей человека в целостный ресурс для совладания с экстремальными жизненными ситуациями.

В предшествующих исследованиях нами был раскрыт механизм возникновения явления МЖО: мнемическое переживание гипермнестического припоминания «всей жизни» иллюзорно – реально вспоминается лишь система интегрирующих переломных воспоминаний, задающая целостную конфигурацию прошлого, что вызывает переживание обзора всего жизненного пути (Нуркова, 2000, 2005, 2010). Метод состоит из двух последовательных этапов. На первом этапе с помощью оригинальных приемов человек вспоминает события своего прошлого, которые, с его точки зрения, существенно изменили его личность. Затем он воспроизводит вслух рассказы о каждом из этих событий. Каждый рассказ записывается на аудионоситель изолированно. Частотные характеристики каждой аудиозаписи с помощью ком-

пьютерного музыкального редактора изменяются таким образом, чтобы возник эффект «внутреннего голоса». Затем производится параллельное наложение полученных аудиозаписей воспоминаний. При воспроизведении полученной аудиозаписи все воспоминания звучат одновременно с равной громкостью. На втором этапе созданный стимульный материал прослушивается человеком в отсутствие отвлекающих раздражителей.

Эффект применения метода заключается в возрастании уровня интегрированности личности со своей жизненной историей, что обеспечивает увеличение потенциала преодоления трудных жизненных ситуаций.

А.В. Осницкий

РАБОТА С ПРОГРАММНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ЛИЧНОСТИ

Задача повышения эффективности психотерапевтической помощи требует использования глубокой интеграции медико-биологического, социально-психологического и экзстенциально-духовного подходов к регуляции жизнедеятельности человека. Разработанный в нашем научном центре метод интегрально-синергетической психотерапии опирается на представление о человеке как многоуровневой, открытой и неустойчивой системе. Одной из главных задач метода является коррекция программ, определяющих структуру жизнедеятельности человека и его жизненный путь. Исследования жизненного пути основываются, прежде всего, на материале личной истории человека, отраженной в его биографии. Личная история человека теснейшим образом переплетается с социально-экономическими и природными процессами как исторического, так и актуального времени. Она включена в систему исторических событий, происходящих во времени и пространстве жизни человека и выходящих за ее пределы.

Таким образом, специфика жизненного пути состоит в его исторической природе, понимаемой как включенность динамического состояния жизнедеятельности отдельной личности как в историю своего рода, так и в общий исторический процесс. Жизненный путь личности в значительной мере определяется программой жизненной стратегии, которая в своей основе формируется задолго до рождения человека.

Проведенные нами исследования жизненных программ обнаружили достаточно четкие закономерности родовой фрактальности –

повторяемости в различных поколениях событий, стилей взаимодействия, паттернов поведения, составляющих основу судьбы человека. В свете интегрально-синергетического подхода судьба определяется нами как предопределенная программа жизнедеятельности, формируемая под воздействием факторов наследственности, средового влияния и субъектной активности человека, которые находятся под постоянным влиянием трансцендентной энергийности. Последний компонент представляет собой уровень непредикативной трансцендентной реальности, обеспечивающей открытость и неустойчивость системы. Его влияние на другие компоненты создает условия динамичной изменчивости и стабилизации, необходимые для регуляции жизнедеятельности личности.

В практике интегрально-синергетической психотерапии учитываются все компоненты, формирующие программу жизненного пути личности. Так, первый этап базового психотерапевтического курса посвящен сбору и исследованию материалов родового анамнеза и жизненного пути пациента. На данном этапе проводятся психодиагностические исследования, определяется психосоматический статус и устанавливается этиология патологического психического или психосоматического расстройства.

На базе полученных материалов проводится исследование наследственно-родовых факторов возникновения расстройства и механизмов его формирования в межличностных семейных отношениях, что позволяет прогнозировать дальнейшее развитие жизнедеятельности пациента. Осознание закономерностей развития жизненных стратегий создает условия для эффективного включения субъектной активности человека в управление внешними и внутренними компонентами своей жизнедеятельности. Данной работе посвящен второй этап психотерапевтического курса, на котором осуществляется активное формирование новых свойств и особенностей личности, изменяется тип мышления, стереотипы реагирования, вырабатываются новые стратегии выстраивания своего жизненного пути.

Наиболее важным компонентом второго этапа является определение долгосрочного смыслообразующего целеполагания в программе жизнедеятельности человека. Однако осознание истоков своих проблем и выработка новых жизненных стратегий не являются достаточными для коррекции личности и ее жизненного пути. Необходимым элементом является освоение нового опыта взаимодействия человека с миром и с самим собой. Решению этой задачи посвящен третий этап психотерапевтического курса. На этом этапе осуществляется коррек-

ция системы взаимоотношений пациента с его социальным окружением, отрабатываются конкретные навыки анализа обстоятельств и своих ситуационных задач относительно новых стратегий жизненного пути. Таким образом, в ходе базового курса интегрально-синергетической психотерапии пациент имеет возможность приобрести основы новой стратегии выстраивания жизненного пути, основанной на личной субъектной активности. Важнейшим стимулирующим фактором, обусловливающим происходящие личностные изменения, является работа пациента по исследованию наследственно-родовых основ жизненного пути.

А.В. Осницкий, Н.В. Осницкая

ИНТЕГРАЛЬНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПСИХОТЕРАПИИ

Современная консультационная и психотерапевтическая практика зачастую сталкивается с необходимостью оперировать понятиями вечных проблем человеческого бытия, таких как мировоззрение, смысл жизни, смерть, жизненный путь, судьба, ответственность, предназначение, образ жизни, психическое и физическое здоровье. Данные категории имеют широкий междисциплинарный статус, требующий интеграции различных областей знаний. Однако отечественная система консультативной и психотерапевтической работы, к сожалению, часто бывает оторвана от философских, исторических, психологических, культурологических и теологических основ. Она однобоко конструируется по образцу естественнонаучных дисциплин, в частности психиатрии, которая получает ресурсы своего развития из таких наук, как физиология, биохимия, фармакология и другие. Психотерапия, занимаясь комплексными проблемами, включающими и вопросы духовной сферы, черпает свои ресурсы и из гуманитарной сферы – философии, психологии, социологии, филологии, культурологии.

На наш взгляд, совершенно недопустимо рассматривать феномен человека как сугубо материальный субстрат, обладающий свойствами психического отражения. Современные картины мира предполагают возможность дифференцированной системы реальностей, включая объективную, субъективную и трансцендентную. Жизнедеятельность человека осуществляется на всех уровнях данных реальностей и представляет собой интегрированную открытую систему биопсихотрансцендентного единства. Следовательно, в психокоррекционной деятельности исключительное значение имеет глубокая синергетическая

интеграция медико-биологического, социально-психологического, исторического и философско-теологического подходов. С точки зрения нашего подхода основой психопатологических расстройств являются не клинические проявления в виде неврозов, психопатий и других психопатологических нарушений и не травмирующие события жизнедеятельности, а личностный индивидуально-уникальный тип бифуркационного реагирования.

Следовательно, информационно-когнитивное обеспечение психотерапии должно опираться на интеграцию достижений медицины, социологии, психологии, культурологии, герменевтики и теологии. Психическое и психосоматическое здоровье человека определяется состоянием системы его отношений – психическим метаболизмом – обменом информационными конструктами с окружающей социальной средой. Объективная реальность функционирования организма во многом детерминируется информационными психическими процессами, которые регулируются точками бифуркации, определяющими взаимодействие человека с миром и с самим собой. На уровне субъективной реальности человек обладает активным рефлексивным началом. Он постоянно включает в свое поведение знания о самом себе и тем самым, вольно или не вольно, изменяет свое поведение. В результате приобретается новый опыт, который влияет на изменение самого себя и знания о себе.

В отличие от объективных и субъективных составляющих трансцендентные основы жизнедеятельности, определяющие духовное содержание нашего «Я», не могут быть рационально изучены объективными методами, поскольку, становясь объектом, они перестают быть нашим «Я». Отсюда следует, что клиническая реальность психотерапии совершенно иная, чем у психиатрии. Однако и психиатрия и психотерапия имеют дело с общей клинической картиной психопатологических расстройств, что естественно требует интегрального синергетического единства естественно-биологического и гуманитарного компонентов.

На синергетизм психотерапии указывал еще Жан Пиаже, утверждавший, что всякое психологическое объяснение рано или поздно заканчивается в другой дисциплине. Любое психологическое знание может существовать только на границе с другими науками, а не само по себе. Естественно, что личностные свойства не являются «вещью в себе», а активно взаимодействуют с окружающей эмоциональной и информационной сферой. Причем синергетические основы личностных свойств человека включают в себя как пространственный, так и

временной компонент, выходящий за пределы его жизнедеятельности. Таким образом, подготовка специалистов в области психокоррекционной деятельности должна опираться на широкий круг теоретических и прикладных дисциплин, отражающих сложный феномен человека.

В.В. Паксютова

СУБЪЕКТИВНЫЙ ОБРАЗ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ

Значимость регуляции психических состояний для субъекта в его повседневной и профессиональной деятельности, а также в экстремальных ситуациях очевидна. Фундаментальные исследования – основа для разработки современных технологий практической психологии. А насколько эффективные методы регуляции и саморегуляции психических состояний можно разработать, не имея представления о субъективном образе психического состояния, его структуре, принципах детерминации, динамике? Вопрос риторический. До недавнего времени этот вопрос не был как таковой предметом научного интереса ни зарубежных, ни отечественных психологов.

Данная проблема вызвала у нас неподдельный научный интерес, ей и посвящено наше исследование. В своей работе мы опираемся на следующее определение психических состояний. Психическое состояние – это отражение личностью ситуации в виде устойчивого целостного синдрома (совокупности) в динамике психической деятельности, выражающегося в единстве поведения и переживания в континууме времени. Результат интерпретации личностью ситуации – это и есть субъективный образ психического состояния.

Об отражении объективной ситуации в субъективном образе говорит А.О. Прохоров в своей концепции пространственно-временной организации образа состояния. Согласно этой концепции пространственно-временная организация образа состояния отражает, с одной стороны, субъективный опыт человека, включающий в себя когнитивные, смысловые и операциональные характеристики, а также уровневую организацию образа мира, с другой – влияние событий и ситуаций жизнедеятельности, субъектно-личностные характеристики вкупе с социально-психологическими особенностями групп, членом которых является субъект. Ситуация нами понимается как объективная совокупность элементов (событий, условий, обстоятельств и т.п.), оказывающих стимулирующее, обусловливающее и корректирующее воздействие на субъекта. Это достигается за счет энерго-информационной

насыщенности ситуации, детерминирующей активность субъекта и одновременно задающей пространственные и временные границы ее реализации.

Таким образом, проанализировав имеющиеся теоретические разработки, мы сделали два предположения: ситуация обусловливает взаимосвязь всех компонентов образа состояния; пространственная организация образа устойчива и внеситуативна (ситуация – лишь причина, вызывающая состояние). Цель исследования – выявление особенностей влияния ситуации на взаимосвязь компонентов образа психического состояния.

Получены следующие результаты. Построенные по пяти ситуациям интегральные рельефы всех пяти состояний радости оказались практически идентичными. Обнаружены некоторые вариации в подструктурах психических процессов и поведения, но они далеки от достоверного уровня значимости. Все этого говорит о том, что пространственная организация (структура) состояния устойчива, не меняется в зависимости от ситуации.

Проведенный корреляционный анализ позволил выявить ведущие параметры, подструктуры образов радости в пяти ситуациях. Для большинства состояний характерно доминирование в структуре образа параметров переживания (в особенности активности – пассивности переживаний). А для образов состояний, на которые ситуационные факторы оказали наибольшее влияние, характерна большая включенность параметров поведения.

Более того, анализ интракорреляций позволил установить следующее. Наиболее тесные связи (имеются в виду значимые корреляции) в структуре образа характерны для состояний, на которые ситуационные факторы оказали наибольшее влияние. По мере снижения ситуационного влияния взаимосвязи компонентов образа состояния становятся менее устойчивыми.

Самым значимым итогом нашего исследования является доказательство того, что пространственная организация образа прошлого состояния независима от ситуации, в которой оно переживалось (т. е. образ пережитого состояния улегся, сохранился в опыте и воспроизводится устойчиво, одинаково, независимо от ситуации, в которой это состояние возникало). Кроме этого, эмпирическое исследование позволило выявить зависимость включенности в образ параметров состояния от степени влияния на него ситуационных факторов. Кроме того,

установлено, что взаимосвязь компонентов образа состояния усиливается с возрастанием ситуационного влияния.

А.В. Плугарева

ТЕХНОЛОГИИ КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ СТУДЕНТОВ ПО ВОПРОСАМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ

На современном этапе развития цивилизации возрастает динамизм жизни, происходит «сжатие времени и пространства» – сокращение дистанции между появлением новой информации и освоением ее человеком. В настоящее время Россия является трансформирующимся государством: появляются новые статусы и роли, происходит перестройка мотивационной и потребностной сферы. И адаптация к новым культурным трансформациям является сложной задачей для молодого поколения. Именно в такой неопределенности молодому специалисту предстоит построить стратегию собственной профессиональной успешности. Современный ритм времени требует использования эффективных технологий. Одним из таких методов являются коучинг-технологии. В настоящее время коучинг активно используется для решения проблем и достижения целей в таких сферах, как бизнес, развитие персонала, развитие личной эффективности и др. Но основы, которые заложены в коучинг-технологиях, являются достаточно эффективной моделью для успешного решения многочисленных вопросов, которые стоят перед современным студентом. Коучинг (*англ.* coaching) – инструмент личностного и профессионального развития, особым образом структурированная беседа коуча с клиентом (студентом), включающая четыре базовых этапа: постановка цели, проверка реальности, выстраивание путей достижения и, собственно, достижение. Отличие коучинга от всех видов консультирования – ставка на реализацию потенциала самого клиента.

Коучинг-технологии в психологической работе со студентами имеют следующие цели: активизация внутренних мотивационных ресурсов, рост активности и уверенности; формирование долгосрочных стратегических целей; более глубокое понимание собственных желаний и мотивов; развитие коммуникативных навыков в конфликтных ситуациях, а также в ситуациях коммуникативного дискомфорта; повышение качества межличностного взаимодействия; улучшение навыков самоорганизации и управления временем; расширение и оптимизация способов самомотивации и реализации себя. Основной коучинг-технологией в работе со студентами выступает GROW-модель коучинга для создания вариантов решения и осуществления осознанного выбора. Данная модель используется и в индивидуальной, и в групповой работе. Она включает в себя 4 этапа (Goal – Reality – Options – Wrap-

Up). 1 этап – целеполагание или формирование цели (goal). 2 этап – взгляд на реальное положение вещей (reality) позволяет осознать и оценить ситуацию, в какой точке развития находится студент. Важно помнить, что необходимо понимать реальность прежде, чем ставить цели, так как «цели, основанные только на текущей реальности, остаются только реакцией на проблему, они ограничены прошлыми достижениями…» (J. Whitmore, 1992). Когда ясно, куда мы хотим прийти (точка Б) и где мы находимся (точка А), 3 этап – обзор всех возможных вариантов (options). Когда мы выбрали подходящие, то главный, завершающий, 4 этап – это действия или намерения (What, When, Who, Will) (J. Whitmore). На данном этапе важно определить конкретные шаги к цели и временные интервалы, необходимые для их осуществления. При проведении групповых мероприятий по проектированию профессиональной деятельности студентов использование коучинг-технологий позволяет добиваться более эффективных результатов, делая данный процесс личностно-значимым (постановка индивидуальных целей) и стратегически жизненно ценным (построение плана внедрения полученных знаний и навыков в собственной жизни).

В психолого-социальном консультировании по индивидуальному планированию карьеры студентов коучинг-технологии позволяют создать структуру процесса консультирования, ориентированную на разрешение неопределенности и целеполагание, с осознаванием собственных возможностей и ресурсов, прояснением желаемой перспективы и изучением необходимых «зон ближайшего развития» для достижения поставленных целей. Эффективность использования коучинг-технологий в планировании и проектировании успешной профессиональной карьеры студентов заключается в том, что данные методы и методики работы позволяют переориентировать студентов на активную позицию в решении жизненных задач, на реальное достижение поставленных целей, на принятие ответственности за свою жизнь, на саморазвитие и самосовершенствование.

Н.А. Русина

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ МИШЕНИ В РАБОТЕ С ПАЦИЕНТОМ ПСИХОСОМАТИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ

В парадигме экзистенциального психоанализа работа с пациентом идет в двух направлениях: с личностью (Person в терминологии А. Лэнгле) и с экзистенциальной ситуацией, в которой личность себя

обнаружила. Феноменологический подход определяется положениями: я воспринимаю его и внимаю к его Person, я «впечатляюсь» им, анализирую его Person, его экзистенциальные ситуации.

Первоначально фокусируем внимание на Person. Психолог фиксирует подавленные эмоции пациента. Подавление эмоций является маркером психосоматической природы заболевания. Стремление выяснить, какие ситуации пациент переживает как травматичные, наталкивается на трудности. Следующий этап работы – диагностика. Основой является умение раскрыть внутренний мир пациента, выявить неосознаваемые мотивы его поведения, скрытые от него самого и являющиеся средой для развития личности в болезни. Далее следует анализ его экзистенциальных ситуаций.

Сущность Person как «свободного в человеке» заключается в переработке содержаний, с которыми сталкивается человек, и в обнаружении резонанса с ними, благодаря чему Person обретает собственное существование. Психолог провоцирует психотерапевтический процесс, при помощи которого мобилизуются блокированные персональные силы в человеке. Его задача – следить за невербальными проявлениями пациента. Реакции начинают сопровождаться изменениями в теле, появляются жестикуляция, эмоциональность в речи. Итогом диагностической ситуации является осознание пациентом внутреннего конфликта между его природной эмоциональностью и необходимостью сдерживать подсознательную агрессию на ситуации, с которыми он не может, но вынужден мириться в силу привычки. Он становится готовым к «встрече с самим собой». Пациент должен осознать, как конфликт заставляет его реагировать определенной частью тела: «сдерживать дыхание», «плакать сердцем», «поедать себя».

На следующем этапе важна работа по осознанию связи между эмоциями и физиологическим состоянием. Необходимо помочь пациенту маркировать его эмоциональное состояние и перейти к тренировке понимания эмоций и сопровождающих их когнитивных процессов. Далее следует работа по изменению негативной установки по отношению к эмоциям, выявление причин, кто и когда «запретил» ему выражать их. Как только пациент начинает отслеживать ситуации, после которых у него возникают ухудшения физического самочувствия, и связывать болезненное состояние с эмоциональным сдерживанием, переходим к обучению управлению эмоциями, обучению моделям совладания. Работа может осуществляться в различных психотерапевтических техниках, например, в техниках нейролингвистического «якорения» ресурсных состояний пациента, в которых ему бывает ком-

фортно, медитативных техниках, обучении мышечной релаксации и глубокому дыханию. Первая проблема – актуализация отрицательных подавляемых эмоций и осознание больным их связи с физиологическим состоянием – решена. Person обретает собственное существование. Второе направление должно научить пациента жить в привычных для него ситуациях.

Наступает сложный этап: работа с фундаментальными мотивациями. Работа с 1-й мотивацией – «я есть, но как мне справиться со своим бытием?» – заключается в поиске внутренней опоры и развитии фундаментального доверия, чтобы научиться принять увиденное как факт. Можно применить когнитивно-эмоциональную психотерапию с базисными убеждениями: переформулирование ограничивающих убеждений, перевод иррациональных убеждений в рациональные, отрицательных в положительные, относительность отрицательных событий. Работу со 2-й мотивацией – «я есть, но как сделать, чтобы мне хорошо было здесь жить?» – можно осуществлять в техниках психосинтеза через согласование противоречивых субличностей пациента, наполняя чувствами пространство собственного бытия пациента. Поиск 3-й мотивации – «я есть я, но имею ли я право быть собой?» – должен привести пациента к аутентичности. Работа ведется в техниках психосинтеза (отождествление / разотождествление, самоотождествление, «постижение своего я») с применением психодрамы и гештальт-терапии. Определение 4-й мотивации – «я есть, но каков смысл моей жизни в мире?» – заключается в работе с ценностями, конструировании новых смыслов, целеустроении и может выполняться с помощью техник рационально-эмотивной терапии.

Е.В. Сороколат

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ПОДРОСТКА ПО ТЕЛЕФОНУ ДОВЕРИЯ

Изменения, происходящие на современном этапе в системе образования и в сфере коммуникаций, создают предпосылки для обращения учащихся к такому виду психологической помощи, как телефонное консультирование. Такой вид помощи для подростка является наиболее приемлемым в силу доступности, анонимности, конфиденциальности, бесплатности, отсутствия отрицательной апперцепции. Кроме того, именно в этом возрасте возможность положительного взаимодействия со взрослым как никогда велика, так как еще Б.Г. Ананьев и

Д.И. Фельдштейн, разделяя идею Л.С. Выготского о развивающем влиянии социума на подрастающую личность, говорили о значимости социальной ситуации в жизни учащегося. В этом случае наиболее действенным и оптимальным при работе по телефону с подростками является такой вид психологической помощи, как психолого-педагогическая поддержка.

Психолого-педагогическую поддержку можно рассматривать как своего рода образовательный процесс, в котором при межличностном общении и сотрудничестве с психологом-консультантом происходит изменение картины мира подростка, системы его отношений с окружающим миром, обществом, другими людьми и с самим собой. Процесс оказания психолого-педагогической поддержки базируется на экзистенционально-гуманистическом направлении в психологии, которое оформилось и развивалось К. Роджерсом, Ф. Перлзом, В. Франклом, А. Маслоу. Данное направление в центр своей методологии ставит личность клиента, которая является контролирующим центром, и эта установка в полной мере может быть реализована именно в телефонном консультировании, так как предоставляет абоненту право на управление контактом, и это для подростка зачастую является решающим интенциональным фактором.

Реализация психолого-педагогической поддержки предполагает прежде всего: а) высокую значимость информационного аспекта консультации. Именно информирование как фактор повышения психологической грамотности подростка способствует менее болезненному преодолению кризисных ситуаций; б) высокую значимость доверительного контакта, основанного на эмпатии и признании права подростка на собственное видение сложившейся ситуации, а в некоторых случаях – и право на ситуацию, что позволяет совершить открытия в своем внутреннем мире, сформировать осознанное отношение к самому себе и к окружающим, принять ответственность за собственные действия; в) высокую значимость изменений, производимых в ходе оказания психолого-педагогической поддержки, основанием которых служит та цена, которую подросток «платит», формируя новый жизненный опыт. Преодоление кризиса есть отказ от предыдущих форм взаимодействия, и переход на новую качественную ступень требует определенного мужества, осознания ответственности за свой выбор. При этом главными критериальными измерениями являются открывающиеся перспективы в жизни субъекта – ее активность, смысл, полезность обществу, признание неповторимости и самобытной индивидуальности человека.

Реализация психолого-педагогической поддержки подростков по Телефону доверия опирается на специфические особенности телефонного общения, помогает решать задачи, возникающие в значимых для субъекта процессах и ситуациях, ориентирует абонента на личностно значимые ценности и определяет критерии эффективности психологической помощи.

Ю.В. Ставропольский, С.И. Замогильный

ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

Проблема психологического консультирования различных этнических групп является достаточно актуальной для таких полиэтничных стран, как Россия и США. В отличие от США, где на эту проблему психологи-профессионалы стали обращать внимание с 1960-х гг., в России консультирование и терапевтическая работа с этническими группами находится в самой начальной стадии. Актуальность консультационной работы с этническими группами в США обусловлена тем, что, несмотря на то, что большинство американской нации составляют выходцы из Европы (73 % по данным на 2000 г.), к 2050 г. картина может значительно измениться, этническое большинство сократится до 53 %, а оставшаяся почти половина населения по этническому составу будет выглядеть таким образом: американцы латиноамериканского происхождения – 25 %, афроамериканцы – 14 %, американцы – выходцы из стран азиатско-тихоокеанского региона – 8 %, американские индейцы – 1 %. По данным статистики, население США, принадлежащее к группам этнических меньшинств, с недоверием относится к оказанию психологической помощи, а те из них, кто проходят курсы психологической терапии, склонны прекратить свое участие в них до завершения терапии. Это требует от психологов-профессионалов большей восприимчивости и сенситивности к потребностям расово-этнических меньшинств, что было названо Педерсеном «четвертой силой» в психологии. В связи с этим приобрела актуальность проблема определения того, что значит обладать культурной компетентностью, каким образом способствовать формированию культурной компетентности и как определить ее сформированность.

Кросскультурное консультирование определяется как «любые отношения консультирования, два или более участников которых отличаются с позиций культурной принадлежности, ценностей и жизнен-

ного стиля». Термин «мультикультурное консультирование» сегодня используется как взаимозаменяемый наряду с термином «кросскультурное консультирование» и обозначает специфическую область специализации, нацеленную на консультирование в сфере тех взаимоотношений, которые возникают при пересечении этнических и культурных границ.

В отношении США можно привести такие данные о подготовке психологов для работы с этническими группами и проведения кросскультурного консультирования: в семидесятые годы существовало лишь несколько программ по кросскультурному консультированию; в восьмидесятые годы 41 % программ подготовки психологов-консультантов включали различные этнически-ориентированные курсы, но лишь 9 % этих курсов входили в обязательную программу обучения; в девяностые годы процентное соотношение преподаваемых и обязательных курсов, непосредственно связанных с кросскультурной психологической деятельностью, выросло соответственно до уровня 62 % и 26 %. К концу 1990-х годов почти все программы (89 %) подготовки психологов-консультантов включали обязательные мультикультурные курсы. В России, к сожалению, картина не выглядит столь обнадеживающей.

В США были разработаны несколько обучающих моделей для подготовки психологов в области мультикультурного консультирования. На сегодняшний день наиболее проработанной и адекватной потребностям и задачам кросскультурного консультирования является Пирамидальная программа мультикультурного развития (MPDP), которую предложили Ридли, Мендоза и Каниц. Несмотря на то, что эта программа существует уже около 10 лет, ее потенциал еще не до конца раскрыт, она во многом будет определять развитие мультикультурного консультирования в следующем столетии.

Традиционный подход основывается на предположении о том, что психологическая терапия, разработанная для американцев европейского происхождения, применима также к клиентам, не принадлежащим к белой расе, при этом не требуется никаких модификаций ни в теории, ни в практических приемах. Такой подход представляет отношение к этническому многообразию как к чему-то обычному. Трудности, возникающие при применении существующих консультационных и терапевтических приемов в работе с клиентами, представляющими иные этнические группы, списываются на патологию клиента. При проведении семинаров по мультикультурному консультированию, аналогично традиционной программе консультирования, также не требуется вно-

сить изменения в учебный план подготовки психологов-консультантов, семинары выступают как развитие традиционного подхода к консультированию.

Ю.В. Ставропольский

ТРЕНИНГИ ДЛЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

Тренинги для представителей этнических групп являются важным аспектом любой программы, направленной на работу с этническими меньшинствами. Сью выделил в тренинговой программе шесть содержательных областей: культурные корни и связи этнического меньшинства; приемы и техники консультирования; кризисная интервенция; этические вопросы; патология поведения и кто порекомендовал обратиться к консультанту. Кроме того, участники тренинга проводят полтора часа в неделю в ролевых играх на взаимодействие между консультантом и консультируемыми в малых группах под руководством профессионального психолога-консультанта. Льюис и Льюис отмечали, что психолог-консультант, работающий с группами этнических меньшинств, желающими организоваться для того, чтобы улучшить те условия, в которых им приходится жить, может выступать также в роли советчика, помогающего оценить потребности общины, скоординировать действия и ресурсы, провести тренинг навыков и поддержать перемены. И в роли омбудсмана, и в роли фактора изменений консультант полностью отказывается от модели интрапсихического консультирования и рассматривает проблему как внешнюю по отношению к группе этнического меньшинства.

В качестве причин проблем, с которыми сталкивается клиент, рассматриваются экономическое, политическое, социальное, эмоциональное и другие формы притеснения, а задача психолога-консультанта состоит в том, чтобы бороться с существующим притеснением. Омбудсманы впервые появились в Европе и выполняли функции защитников граждан от бюрократического произвола и волокиты. В роли омбудсмана психолог-консультант выполняет функции представителя клиента или группы, обратившегося к психологу-консультанту в связи с конкретной формой переживаемого ими притеснения. Эмпатия по отношению к своим клиентам подсказывает консультанту, что просто предложить альтернативные способы того, как справиться с проблемой, недостаточно. Психолог-консультант должен стремиться к тому, чтобы активно реализовывать альтернативные варианты реше-

ния проблем клиента вместе с клиентом или ради клиента, не пренебрегая таким способом, как установление личного контакта вместо клиента, подавленного бюрократической машиной. В роли фактора изменений консультант занимает аллопластическую консультирующую позицию, посвящая значительную часть времени и энергии изменению социального окружения своих клиентов. Это означает необходимость изменения социального окружения большей части тех, кто занимают равное либо вышестоящее положение в социальной среде, организованной так, что она причиняет боль и наносит оскорбления.

Подобно роли омбудсмана, функция доверенного лица, способствующего изменениям, часто вынуждает консультирующего психолога идентифицировать проблему с тем институтом, на который он работает, и идти на конфликт с работодателями. В качестве доверенного лица, обеспечивающего изменения, консультирующий психолог не должен брать на себя функции представителя клиента или группы клиентов, поскольку можно говорить о том, что в качестве клиента выступает все этническое культурное меньшинство, страдающее от несправедливого обращения.

Психолог-консультант в качестве доверенного лица, призванного обеспечивать изменения, чаще занимает малозаметную позицию, более полезно было бы мобилизовать других влиятельных лиц в институте, который является причиной несправедливого обращения, для того, чтобы осуществить необходимые перемены. Психологи-консультанты должны стремиться к совершенствованию позитивных человеческих отношений и к дальнейшему развитию мультикультурного взгляда на мир. В качестве средства обеспечения содействия этому процессу предлагается развитие психологического образования.

На необходимость признания психологом, который занимается межэтническим кросскультурным консультированием, существования в различных культурах систем поддержания психического здоровья обратил внимание Педерсен. Специфическая культура этнических меньшинств предполагает использование особых процедур для того, чтобы помочь тем индивидам, которые испытывают психологические проблемы.

К сожалению, психологи-консультанты либо не знают, либо не доверяют этим практическим приемам, предпочитая им традиционное консультирование, не раз подвергнутое критике. В результате терапия оказывается не соответствующей потребностям клиента, что приводит к снижению доверия психологу и отказу клиента от консультирования как такового.

И.В. Ткаченко

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК ТЕХНОЛОГИЯ КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ СЕМЬИ

Анализ психотерапевтической практики показывает, что она в первую очередь ориентирована на работу с проблемой, лежащей в основе нарушения развития личности в семейном взаимодействии. Достаточно новым направлением в отечественной науке выступили поиски психологических основ и выработка практических путей использования того позитива, который изначально заложен в семье, включая супружеские и детско-родительские отношения. Необходимость целенаправленной работы в обозначенном направлении требует осуществления психологического проектирования личностно-развивающего потенциала семьи.

Психологическое проектирование представляет собой сложно организованную систему действий, охватывающих развитие личности, начиная с досупружеского периода, и позволяющих ей выстроить ресурсоемкую систему супружеских и детско-родительских отношений в период зрелости. Характерной особенностью такого проектирования является ориентированность на создание условий для опережающего развития того, чего нет еще в текущий период времени, но что может появиться в более или менее близкой перспективе. Это значит, что психолог, обращаясь к проектированию личностно-развивающего потенциала семьи, может вести профилактическую работу, направленную на предупреждение наиболее характерных проблем в будущей семье у конкретного субъекта (при индивидуальной работе) или у группы субъектов (при групповой работе), а может осуществлять узко направленное воздействие с целью оказания специализированной помощи для решения конкретной проблемы семейного взаимодействия.

Одной из значимых характеристик психологического проектирования является направленность на личность. Это значит, что актуализация развивающих ресурсов семьи осуществляется не на основе решения конкретной проблемы, а за счет создания условий для такого изменения личности, которое поможет ей не только решить данную проблему, но и в целом расширить ресурсность семейного пространства. Данная особенность делает психологическое проектирование личностно-развивающего потенциала семьи глубоко гуманистичным по своей направленности. Согласно предлагаемой концепции психологического проектирования личностно-развивающих ресурсов семьи, оно должно выстраиваться на основе результатов психодиагностики

познавательных, эмоционально-волевых, мотивационных, коммуникативных качеств личности. Вне зависимости от реализуемого блока психологического проектирования личностно-развивающих ресурсов семьи данные о состоянии развития личности в пространстве семьи рассматриваются с учетом этнонациональных особенностей данной семьи.

Развитие семейных ресурсов предполагается выстраивать в следующей последовательности: развитие ресурсов личности → развитие ресурсов супружеских отношений → развитие ресурсов детско-родительских отношений. Каждый блок проектирования предполагает сосредоточения внимания психолога на определенном направлении деятельности и решении конкретного круга проблем: в досупружеский период – психологическое просвещение по вопросам семьи и брака, взаимодействия полов, психогигиены; после создания семьи – психологическое консультирование по вопросам построения межличностных контактов с супругом, родными и близкими; совмещения социальных ролей и функциональных нагрузок; гармонизации психического состояния; после появления в семье ребенка – психологическое консультирование и коррекция в сфере построения супружеских и детско-родительских отношений, построения карьеры. Второй и третий из выделенных блоков психологического проектирования личностно-развивающих ресурсов семьи более перспективно реализовывать на основе изучения психологических характеристик всех членов семьи и особенностей сложившейся семейной атмосферы.

Таким образом, в качестве средства актуализации использования личностно-развивающих ресурсов семьи может выступать их психологическое проектирование, которое основано на обращении к потенциалу самой личности, на опережающем развитии психических ресурсов семьи, на сочетании типичного и единичного в проектировании; на вариативности реализации деятельности по проектированию.

Н.Д. Узлов

КРИЗИСНОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ ЖЕНЩИН В СИТУАЦИИ МУЖСКОЙ ИЗМЕНЫ

Опыт консультирования женщин, обращающихся за психотерапевтической помощью в связи с изменой мужа, дает основание выделить два типа женщин: 1) мстительно-агрессивный (как правило, обращаются к психологу только за тем, чтобы подтвердить свою пози-

цию; в сложившейся ситуации действуют решительно, активно, направляя свои действия либо в сторону полного разрыва отношений, либо вступая в соперничество с разлучницей с целью вернуть мужа в семью); 2) пассивно-зависимый тип, демонстрирующий проявления выученной (личностной) беспомощности (M.E. Seligman, 1975; В.А. Янчук, 2001; Д.А. Циринг, 2005; и др.).

Наблюдения касаются 158 клиенток второго типа в возрасте 23–58 лет, обратившихся за консультацией по поводу супружеской измены или ухода из семьи мужа (2000–2010 гг.). Изменения были отмечены на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровне. Эмоциональный компонент был представлен чувством вины, стойко сниженным настроением, реже апатией. Кратковременные вспышки экстрапунитивного гнева сменялись раскаянием. Эмоциональный фон характеризовался неустойчивостью, лабильностью настроения, присутствием постоянного беспокойства. Достаточно часто отмечался психосоматический дисбаланс (вегето-сосудистая дистония); имела место истероформная конверсивная симптоматика (спазмы и комок в горле, в желудке, полименорея (симптом «плачущего влагалища»). Почти все пациентки предпочитали действовать экстернально, надеялись на чудо, обращению к психотерапевту предшествовал этап контактов с гадалками и экстрасенсами.

Нарушения в поведении проявлялись нерешительностью, неуверенностью в собственных действиях, потребностью получить профессиональный совет и тут же его отвергнуть, непоследовательностью в своих поступках («обижусь, выгоню, а потом реву») и т. д. «Брошенные жены» демонстрировали не только низкую самооценку, имеющую отношение к супружеской жизни, но и распространяли ее на другие сферы жизни («я – плохая мать», «я ничего из себя не представляю», «я – ничтожество»). Очень сильным был страх не столько отвержения, но и будущего одиночества. Некоторые из них были готовы продолжать терпеть от своего неверного мужа унижения и оскорбления. Когнитивная составляющая была представлена пессимистической перспективой, свое будущее воспринимали как нечто «темное, смутное, безрадостное, одинокое». Пациентки отмечали у себя наличие «мыслительной жвачки», «самокопания». В своих действиях они повторяли раз от разу одни и те же ошибки, обижались, когда в процессе консультирования на них указывалось. Они также отвергали какие-либо хитрости или манипулятивные приемы с целью воздействия на своего партнера, апеллируя к своей честности, добропорядочности, правдолюбию. В той же степени им были не свойственны какие-либо актив-

ные действия, например, в форме мести. Они предпочитали вернуть своего мужа через свое страдание («видя, как мне плохо, он должен вернуться, ведь у нас семья, дети»). Осознавая себя жертвой, представительницы пассивно-зависимого типа вовлекали в жертвенный круг и своих близких (друзей, родственников и др.), тем самым показывая: «поглядите, что он со мной сделал».

Для коррекции вышеуказанных нарушений автором разработана методика когнитивного реконструирования «Зато Я…» (Н.Д. Узлов, А.Н. Узлов, 2001; Н.Д. Узлов, 2003; Н.Д. Узлов, 2009), направленная прежде всего на повышение самооценки и коррекцию когнитивных нарушений, включающая шесть этапов. Смысл данной методики заключается в формировании нового образа «Я» пациента, составленного из набора реально присутствующих в личности позитивных качеств – взамен образа «Я», сформировавшегося из гипертрофированных негативных самооценок. Метафорой данной методики является цветок, 7 лепестков которого символизирует определенное качество, подвергающееся трансформации. Методика «Зато Я…» гармонично сочетается с классическими приемами активного слушания и интервенциями, используемыми в консультировании (уточнение, перефразирование, отражение чувств, обобщение и др.), а также некоторыми психотерапевтическими методами (активное воображение, работа с метафорой, базовые техники НЛП и арт-терапии). Обязательными условиями является заключение контракта с клиентом и выполнение домашних заданий. Противопоказаниями являются низкий интеллект и выраженная алекситимия.

И.И. Черниченко, В.Н. Кустаров

ВЛИЯНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ НА АДАПТАЦИЮ ЖЕНЩИН В КЛИМАКТЕРИИ

Проявления климактерического синдрома (КС) нарушают профессиональную деятельность женщин, снижают социальную активность, изменяют межличностные отношения. Несмотря на давность изучения патогенеза и клинических проявлений в проблеме климактерических расстройств остается много спорных и нерешенных вопросов. По-прежнему отсутствует оценка многих факторов в плане их влияния на развитие климактерических расстройств. Прежде всего это касается типологических и личностных особенностей женщин, включая тип нервной системы, влияние психосоматических и других фак-

торов. При возникновении климактерические расстройства сами выступают как фрустратор, блокирующий жизненные потребности.

На клинических базах кафедры акушерства и гинекологии № 2 СПб. МАПО (городской центр планирования семьи и репродукции и женские консультации № 5 и № 35 г. Санкт-Петербурга) обследовано 416 женщин с проявлениями климактерического синдрома, при этом использовались анамнестический и клинико-психологический методы исследования. Анамнестический метод считается одним из важных в клинических дисциплинах. При изучении анамнеза беседу с женщинами проводили в форме интервью. Для оценки психосоматических нарушений у женщин с климактерическими расстройствами использовали клинико-психологические исследования (методику оценки личностно-типологических характеристик Айзенка, методику оценки эмоционального состояния и определение уровня невротизации и психопатизации (тест MMPI).

При изучении психологического состояния 416 женщин с климактерическими расстройствами выявили некоторые характерологические особенности личности. У 300 (72,1 %) из этих женщин выявлено преобладание интровертированных черт характера. Нейротизм (эмоциональная лабильность) отмечен у 253 (60,8 %) женщин, среди «экстравертов» степень нейротизма была выше (14,95 + 0,35), чем у женщин с интроверсией (8,06 + 0,24) ($p < 0,001$). Среди обследованных 270 (65,0 %) женщин указали, что скрывают свои переживания от близких по разным мотивам: из-за стыдливости, боязни быть неправильно понятыми, убежденности в безразличии к их переживаниям со стороны других лиц. Они отмечали состояние постоянного эмоционального напряжения, затруднение мыслительных процессов, трудности выхода из конфликтных ситуаций, чувство тревоги и двигательное беспокойство. Таким образом, среди обследованных женщин с проявлениями КС преобладали лица с интровертированными характерологическими особенностями и с повышенной эмоциональной лабильностью со склонностью к нейротизму.

При изучении характера выполняемой работы у женщин с проявлениями КС выявили следующее: из 416 обследуемых 176 (42,3 %) женщин занимались только умственным трудом, 100 (24,1 %) обследованных – только физическим трудом и у 112 (26,9 %) женщин физический труд сочетался с напряжением внимания. То есть женщины умственного труда вместе с женщинами, физический труд которых был связан с напряжением внимания, составили 69,2 %. Сравнительная оценка эмоционального состояния самими женщинами показала, что

психическое напряжение дома испытывали 344 (82,7 %), на работе – 156 (37,5 %), одновременное психоэмоциональное напряжение дома и на работе испытывали 112 (26,9 %) женщин. У 166 (40 %) женщин с проявлениями КС имелась однофакторная конфликтная ситуация, у остальных нередко складывались двухфакторная (у 116 (27,9 %) женщин) и трехфакторная (у 20 (4,8 %) женщин) конфликтные ситуации. Следовательно, психоэмоциональное напряжение у женщин с климактерическими расстройствами возникало на фоне многофакторной конфликтной ситуации.

Е.Ю. Чернышкова

РЕФЛЕКСИЯ ПРИ ФЕНОМЕНЕ «ЗНАЧИМОГО ДРУГОГО» КАК ФАКТОР ТЕРАПИИ АГРЕССИИ

Сегодня все чаще приходится сталкиваться с «гневающимися» людьми как в жизни, так и в ходе психотерапевтического процесса. Если в последнем случае это может быть состоянием, сопровождающим одну из стадий на пути к изменениям, то в первом – несет негативный оттенок. Важным представляется поиск консультативных технологий, способствующих эффективному преодолению агрессивности как свойства личности, конструктивному выражению агрессии, ресурсному использованию эмоции гнева. На наш взгляд, ведущим моментом подобных техник может являться рефлексия, усиленная ощущением присутствия «значимого другого». Вообще, термин «значимый другой» был введен в 1930-х гг. американским психологом Г. Салливаном, однако основополагающим в работе берем иное его понимание, основывающееся на Мультисубъектной теории личности В.А. Петровского (1996, 2009).

Итак, «значимый другой» – личность, отраженная субъектность которой (идеальная представленность одного человека в другом, бытие кого-либо в ком-либо) оказывает влияние на других людей, изменяя их мотивационно-смысловую и эмоциональную сферы (В.А. Петровский, 2006). Таким образом, проблема нашего исследования: существует ли влияние рефлексии в присутствии «значимого другого» на степень и характер агрессивных проявлений. При этом агрессией назовем любые действия, которые причиняют или намерены причинить ущерб другому (Реан, 1996), а рефлексией – психический процесс самовосприятия содержания своей психики и его анализ (Карпов, 2003). Концептуальная модель исследования следующая. Присутствие интро-

екта «значимого другого», актуализируемое через реальное физическое его появление или воображаемое (мысли о нем, образы его, напоминание качеств), способствует усилению рефлексивного процесса и, как следствие, − возрастанию контроля агрессии, ингибиции негативных эмоций, проявлению социально одобряемых, мирных реакций. Результат последнего – более низкая частота агрессивных проявлений, «вспышек» гнева и агрессии. То есть гипотеза исследования: если у человека актуализирована рефлексия присутствием «значимого другого», то у него более низкая частота агрессивных реакций.

Эксперимент строится на основе стимульного материала из детского варианта «Методики рисуночной фрустрации» С. Розенцвейга в модификации В.В. Доброва. Испытуемым предлагается 10 изображений. С первого по пятое изображения – стандартный стимульный материал, а картинки 6–10 являются аналогичными ситуациями, но с добавленным нами штриховым изображением «значимого человека» правее и выше фрустрируемого героя. Испытуемых просят назвать чувства и фразу одного из тех персонажей, кто попадает в ситуацию фрустрации. Исследование проводилось в апреле 2009 г. В нем приняли участие 30 учеников 9-х классов общеобразовательной школы Москвы. Для обработки полученных данных использовался статистический метод углового преобразования Фишера.

Результаты исследования показывают, что в отношении направления реакций экстрапунитивность уменьшается в трех сюжетах ($\varphi^*_{эмп}$ – 3,013; 1,998 и 2,292 при $\varphi^*_{крит}$ – 1,64 ($p \leq 0,05$) и 2,31 ($p \leq 0,01$)). Вместе с тем уменьшение числа экстрапунитивных реакций сопровождается возрастанием частоты импунитивных в двух из данных сюжетов ($\varphi^*_{эмп}$ – 2,486 и 2,186). В отношении типа реакций результаты исследования показывают, что в двух сюжетах статистически значимо уменьшается число реакций «с фиксацией на самозащите» ($\varphi^*_{эмп}$ − 3,532 и 1,858). При этом возрастает количество реакций «с фиксацией на препятствии» ($\varphi^*_{эмп}$ − 2,409 и 1,843), а также «с фиксацией на удовлетворении потребности» ($\varphi^*_{эмп}$ – 1,871). Таким образом, рефлексия, актуализируемая присутствием «значимого другого», способствует усилению контроля агрессии, проявлению социально одобряемых, мирных реакций, снижению частоты агрессивных проявлений. Все это отражается, во-первых, в характере реагирования в ситуациях фрустрации: уменьшается количество экстрапунитивных реакций, возрастает преимущественно импунитивная их направленность. Во-вторых, в типе фрустрационного реагирования: число реакций «с фиксацией на самозащите» падает, происходит возрастание реагирования «с фиксацией на

препятствии» и «с фиксацией на удовлетворении потребности». Завершая, подчеркнем, что данное исследование указывает на важность использования феномена влияния «значимого другого» в терапевтическом и консультативном процессе как фактора, способствующего развитию социально одобряемых форм реагирования.

С.Г. Шабас

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА МОЛОДОЙ СЕМЬИ ПРИ АДАПТАЦИИ РЕБЕНКА К ДЕТСКОМУ САДУ

Социальное функционирование молодой семьи при поступлении ребенка в детский сад зависит от специфики внутрисемейных способов воспитания, от эффективности внешнего и внутреннего социального взаимодействия, от способности родителей к развитию внутреннего потенциала. Психолого-педагогическое сопровождение молодой семьи в процессе адаптации ребенка к дошкольному образовательному учреждению включает в себя: 1. Содействие формированию взаимодействия родителей, педагогического коллектива и администрации учреждения. 2. Семейное консультирование для расширения представлений родителей об особенностях развития ребенка, формирования навыков позитивного внутрисемейного взаимодействия и активизации родительского потенциала. 3. Индивидуальное психологическое консультирование членов семьи воспитанников для решения имеющихся внутриличностных проблем.

Адаптация к детскому саду является фактором изменения социально-психологического функционирования всей семьи, что выражается в появлении новых функций и обязанностей членов семьи по организации посещений ребенком детского сада, в необходимости экономических трат и в трансформации отношений с окружением ребенка. Значительные изменения претерпевают сами детско-родительские отношения, что выражается в новом отношении к ребенку, вызванном выходом матери на работу и уменьшением контактов с ребенком. При поступлении ребенка в детский сад появляется необходимость перестройки жизненного уклада семьи под режим деятельности детского сада, а также возникает ответственность членов семьи в ситуациях, связанных с пребыванием ребенка в детском учреждении.

Особое значение психологическая поддержка молодых семей приобретает в процессе появления «социального оценивания» специфики внутрисемейных отношений и родительского воспитания со сто-

роны педагогов, администрации, родителей других детей. Сравнивая уровень развития всех детей группы, особенности их поведения и взаимоотношения с другими людьми, многие родители не получают социального одобрения собственной системы воспитания. Часто нарушают полноценную адаптацию ребенка в детском саду негативное отношение ребенка к пребыванию в группе детского сада, его неумение или нежелание взаимодействовать со сверстниками и педагогами, невозможность полноценного освоения программы по возрасту. Психологическое сопровождение применяется при возникновении конфликтных взаимодействий родителей с другими родителями группы, с педагогами или администрацией.

Еще одним фактором, влияющим на специфику адаптации ребенка к детскому саду, является повышение уровня родительской психолого-педагогической компетентности, включающий отношение родителей к своему ребенку, уровень их понимания особенностей его развития, а также желание и возможность родителей обучаться новым приемам и методам воспитания. Так, высокий уровень родительской компетентности включает адекватное отношение к ребенку и особенностям его развития; принятие родительской ответственности; доброжелательные внутрисемейные отношения; стремление к новым знаниям, умениям и навыкам, готовность идти на контакт с другими участниками воспитательно-образовательного процесса. Адаптация детей из таких семей проходит более быстро, ребенок прогрессирует в развитии, охотно осваивает новые навыки и с желанием устанавливает взаимоотношения со взрослыми и детьми.

Низкий уровень родительской компетентности проявляется в отсутствии адекватных представлений о системе воспитания и развития ребенка-дошкольника. Для таких семей характерно наличие изменений в структуре родительского воспитания, перекладывание ответственности на других членов семьи или на педагогических и медицинских специалистов; неготовность родителей к обучению новым методам взаимодействия с ребенком или демонстративное отстаивание собственной родительской позиции; проблемы во внутрисемейных отношениях; конфликтность при социальном взаимодействии. Дети из таких семей часто дезадаптированы, плохо привыкают к режиму дошкольного учреждения, дают тяжелые эмоциональные реакции на пребывание в группе, иногда регрессируют в развитии, нуждаются в постоянном психолого-педагогическом сопровождении. Таким образом, психологическая поддержка молодой семьи при адаптации ребенка к детскому саду оптимизирует взаимодействие родителей в вопро-

сах воспитания и развития ребенка, улучшает условия адаптации дошкольника и укрепляет взаимодействие родителей с сотрудниками детского сада и родителями других детей.

Е.С. Шавыкина

АРТ-ТЕРАПИЯ В РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИЦ, ПЕРЕЖИВШИХ ПСИХОТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ

В современной отечественной практике «арт-терапия» – достаточно широкое понятие. Зачастую под арт-терапией понимают любую деятельность, хоть как-то связанную с художественным творчеством или с декоративно-прикладным искусством. Однако важно разграничить деятельность, хотя и связанную самым непосредственным образом с художественным творчеством, но являющуюся фактически терапией занятостью, от собственно арт-терапии. Терапия занятостью неизменно дает хорошие результаты и заслуженно является значимой частью реабилитационного процесса, потому что, ориентируя на целеустремленную и плодотворную деятельность, способствует ослаблению нарушений и объединению здоровых реакций. Арт-терапия в отличие от терапии занятостью предполагает обращение к внутреннему миру человека с целью выражения его психоэмоционального состояния посредством пластического изобразительного творчества. Именно поэтому обсуждение работ, их интерпретация имеют такое же значение, как и художественная изобразительная деятельность в структуре арт-терапевтической сессии. Применение арт-терапии в групповой психокоррекционной работе, нацеленной прежде всего на социальную адаптацию, представляется наиболее уместным в реабилитации лиц, переживших психотическое состояние.

При проведении арт-терапевтической работы в ГПБ № 3 (Санкт-Петербург) наблюдались следующие результаты: 1. Активность пациентов. Наиболее распространенной реакцией на предложение посещать арт-терапевтическую группу является отказ, обусловленный страхом неудачи в изобразительной деятельности. Информирование пациента об использовании рисования в реабилитационных целях, отсутствии оценки продуктов изобразительной деятельности способствует снижению тревоги. По мере посещения арт-терапии активность пациентов возрастает. Недоверие к арт-терапии, как правило, связано с негативным детским опытом. По мере приобретения нового положительного опыта, связанного с художественным творчеством, отноше-

ние к арт-терапии меняется. Таким образом, регулярное участие в арт-терапии повышает конструктивную активность пациентов. 2. Раскрытие творческих способностей пациентов. Взрослые обычно редко предпринимают попытки рисовать. Напряженный ритм жизни, дефицит свободного времени, большое количество бытовых проблем не дают человеку возможности заняться художественным творчеством. Нередко только вынужденно изменив привычный ритм жизни в связи с болезнью впервые после школьных уроков рисования случается взять в руки карандаш. Нередко в процессе арт-терапии появляются интересные в художественном отношении работы. Использование только качественных профессиональных художественных материалов несомненно стимулирует творческую активность пациентов и способствует раскрытию творческих способностей независимо от возраста. Предыдущий негативный опыт, связанный с рисованием, в большинстве случаев обусловлен отсутствием возможности тестирования различных материалов. Также наблюдалось повышение чувства собственной значимости при использование в ходе арт-терапии профессиональных художественных материалов. 3. Повышение качества жизни. Во-первых, повышение качества жизни выражается в повышении количества положительных эмоций за счет того, что часто в процессе арт-терапии мы обращаемся к позитивному прошлому опыту, активизируя его. Во-вторых, арт-терапия способствует формированию новых интересов. Помимо этого, пациенты благодаря арт-терапии приобретают новые темы для общения друг с другом, появляется возможность новых форм деятельности, например, организация обсуждений, выставок. 4. Актуализация сохранных функций в ходе арт-терапии. 5. Развитие и восстановление коммуникативных навыков. Обсуждения в группе, введение в структуру сессии элементов коммуникативного тренинга, упражнений на невербальную коммуникацию способствуют улучшению межличностного взаимодействия.

Таким образом, практика применения арт-терапии как реабилитационного ресурса показала эффективность метода.

И.А. Юров, Д.И. Юров

О ТЕХНОЛОГИИ ПСИХОТЕРАПИИ В СПОРТЕ

В спорте применяются различные методы психотерапии: чем шире их спектр, тем лучше. Однако психотерапевтическая работа со спортсменами имеет свои специфические особенности: для них нельзя

использовать стиль, методы и приемы работы психотерапевта с больными людьми. Иначе могут возникнуть следующие трудности.

1. Отсутствует опыт работы со спортсменами высокой квалификации. Нередко психотерапевт обнаруживает незнание специфики конкретного вида спорта. Спортсмены относятся к этому, как к профессиональной некомпетентности. Стиль психотерапевта в работе со спортсменами должен быть таким, чтобы складывались отношения партнерства, взаимодоверия, нацеленности на достижение высокого результата и победы в ответственных соревнованиях.

2. Ошибкой является сведение всей работы психотерапевта к «приему на цель». Критерием успеха при этом считается глубина погружения в установленное психотерапевтом состояние спортсмена. Специальным же задачам психологической подготовки отводится второстепенная роль.

3. Среди спортсменов намного меньше гипнабельных людей, чем среди неспортсменов. Спортсмены могут демонстрировать свою способность «преодолевать» внушение и заявлять, что методы психотерапии не вызывают нужного эффекта.

4. Спортсмены часто к гипнозу относятся негативно, считая, что «поддаться гипнозу» значит проявить слабость. Избежать негативного отношения к работе психотерапевта со стороны спортсмена можно, если психотерапевт-профессионал, знающий проблемы спорта и специфику конкретного вида спорта, имеющий позитивный контакт со спортсменом и тренером, не злоупотребляет только одним методом психотерапии, а оказывает комплексную психотерапевтическую помощь спортсмену.

Помимо общепсихологических методов психотерапии («психотерапевтическое зеркало», мотивированное внушение в бодрствующем или расслабленном состоянии, психодидактика, седативная, отвлекающая, рациональная, активирующая виды психотерапии, арт-терапия) в спорте применяются специфические методы и приемы психотерапии: 1. Психотерапия при утомлении и переутомлении. 2. Психотерапия при чрезмерной нервно-психической активности. 3. Психотерапия в состоянии фрустрации. 4. Применение гипноза и гипномассажа в спорте. 5. Гетеро- и аутогенная терапия. 6. Релаксационно-активационный метод (РАМ) в спорте. 7. Идеомоторная тренировка. 8. Психотерапия в подготовке спортсмена к соревнованию. 9. Психологическое секундирование.

А.М. Ялов

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ КАК ПРОЦЕСС НЕПРЕРЫВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Общепринято, что любую психологическую дисфункцию человека следует понимать как констелляцию эмоциональных, когнитивных поведенческих характеристик. Они могут иметь патогенетическую природу, собственно вызывать эту дисфункцию. Но нарушения функционирования в свою очередь отражаются человеком на различных уровнях. Таким образом, необходимо подчеркнуть, что субъективно переживаемая категория, обозначаемая как дисфункция, расстройство, болезнь или просто психологическая проблема, является крайне подвижной, непрерывно меняющейся, констелляцией. Однако степень этой подвижности динамичности зачастую недооценивается.

Для практического удобства тот или иной текущий «срез» в жизни человека рассматривается как статичный, поддающийся описанию как нечто существующее сейчас объективно, как некая «вещь». Такая позиция уместна в научном исследовании. Но в ситуации психологического консультирования, в ситуации оказания психологической помощи такая позиция порождает риски и может быть опасной с точки зрения желаемого результата.

Процесс оказания помощи является процессом непрерывной коммуникации. Возьмем две крайние модели. Первая – клиент «А» принес с собой «предмет» «проблема Х». Консультант стремится к тому, чтобы «А» через час ушел, расставшись с этим предметом. Исследовательскую позицию профессионала для этой первой модели можно выразить нередко задаваемым вопросом: «Какая у клиента проблема?» Вторая модель – клиент «А» принес с собой не «предмет», а понимание своей ситуации в виде проблемы «Х». Через 5 минут коммуникации эта констелляция «Х» превратилась в «Х1». Еще через 5 минут коммуникации в результате непрерывной (интенсифицированной самой коммуникацией) эмоционально-когнитивной переработки «Х1» трансформируется в «Х2». (Может показаться, что цифра в пять минут очень невелика для изменения. В данном случае это условная цифра. В действительности же изменения клиента в ходе коммуникации с профессионалом со значимым лицом имеют еще более динамичный характер.)

Сделаем следующий шаг. Если за 1 час коммуникации клиент «А» трансформировал свои конструкции от «Х1» до «Х1», то это означает что этим самым человек «А» двенадцать раз превращался в «Б», в

«В»… вплоть до «Л». Вопрос, характерный для такой коммуникативной модели: «Как клиент сейчас видит свою проблему? Как еще можно понимать ситуацию?»

Не затрагивая вопрос о самоидентичности, субъективной угрозе, таящейся в изменении, и связанном с этой угрозой сопротивлении, важно подчеркнуть значение и преимущества этой второй, коммуникативной модели оказания помощи другим людям. В такой коммуникативной модели мы не оцениваем изменения в двоичной системе «есть изменение – нет изменения», а рассматриваем их как обязательный, постоянный процесс. Подобный взгляд позволяет профессионалу быть более чувствительным к изменениям клиента, происходящим во время контакта. Он позволяет замечать их для себя и отмечать их для клиента. Такое изменение фокуса восприятия у консультанта приводит к быстрому включению эффекта ожидания (эффект Пигмалиона). Это позволяет еще более интенсифицировать процесс психологического изменения у клиента, является одним из условий краткосрочности психологической помощи.

А.А. Ярёменко

ОКАЗАНИЕ ЭКСТРЕННОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ПОДРОСТКАМ В КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ

Взаимодействие с детьми и подростками в критические периоды их жизни отличается особой сложностью. Внутренняя жизнь ребенка сопровождается в это время мучительными переживаниями: в кризисные периоды возникает множество психологических проблем, а уже имеющиеся проблемы обостряются. Во время кризиса личность ребенка как открытая система становится неустойчивой и даже на слабые раздражители отвечает неоправданно интенсивными откликами, что иногда приводит к непрогнозируемым результатам. Очень часто событие, «запускающее» кризис, бывает абсолютно незначительным, оно срабатывает по принципу «последней капли».

Возрастными особенностями психики детей и подростков являются: незрелость эмоционально-волевой сферы, подчиняемость авторитету взрослого, доверчивость, недостаточность жизненного опыта и осведомленности, неумение полно и критично оценивать сложившуюся ситуацию и прогнозировать возможные действия других лиц. Эти особенности определяют своеобразие детской реакции на ситуацию кризиса. Он ощущает себя беспомощным, теряет душевное равнове-

сие. Переживаемые им чувства необычны для него самого, а в обществе часто считаются неприемлемыми. От этого он чувствует себя «особенным», думает, что с ним «что-то не так».

В основе психологической помощи ребенку, попавшему в кризис, лежит работа с его чувствами, переживаниями, основная техника – «кризисная интервенция».

По Телефону доверия обратилась за помощью девочка 13 лет, у которой около месяца назад умерла мать. Запрос касался даже не утраты, а отношений с отцом. Он отдалился от нее. Девочке было очень сложно понять, что происходит, ее переполняли чувства вины, обиды, злости, пустоты, страха, тревоги, одиночества. Девочка жила в мире хаоса, неопределенности: она не знала причины смерти матери (утром папа не велел заходить в комнату, где была мама, сказал, что она умерла). Спросить об этом было очень страшно, ребенку снились тревожные сны, ей казалось, что отец ее больше не любит. Работа консультанта была направлена на выражение чувств абонентки к отцу, к умершей матери. Девочка рассказала о матери, вспоминала приятные моменты из их общения. Трудным был момент разговора о том, почему отец отдалился от дочери, почти не разговаривает с ней. Она говорила, что думает – ему намного тяжелее, но она ничем не может помочь. В этой ситуации подросток оказался один на один со своим горем, без поддержки родителя, в состоянии отвержения.

Этот случай показателен в том, что детям легче перенести печаль и горе членов семьи, чем их молчание. Родители стараются скрывать от детей свои чувства по поводу утраты. Это объясняется их страхом перед интенсивностью детских эмоций. Консультант работает с тем, кто ему позвонил. В данном случае это подросток, который впервые после смерти близкого человека ощутил поддержку взрослого, мог задавать вопросы, искать вместе с ним объяснения происходящему и после разговора самому сделать первый шаг навстречу «потерявшемуся» в горе родителю, поддержать его и ощутить при этом себя повзрослевшим и способным сострадать.

Благоприятными условиями проживания горя для детей являются следующие: хорошие отношения с родителем до его смерти; получение адекватной информации, откровенных ответов на вопросы ребенка; участие в процессе оплакивания вместе со всей семьей; хорошие отношения с оставшимся в живых родителем и уверенность в нерушимости этих отношений. Важно соблюдать следующие условия: принимать подростков такими, какие они есть; общаться в ролевой позиции

«взрослый – взрослый»; оказывать психологическую поддержку, способствовать нахождению ресурсов. Очень важно бережное отношение к чувствам абонента. С кем еще подросток может поговорить о любви серьезно, чтобы услышали его боль утраты, обиду, злость на любимого человека?

А если это первая любовь… Ему кажется, что мир рушится. Быть рядом, идти за абонентом, исследовать предлагаемые им варианты. А затем подводить к мысли – что-то, что произошло, может быть опытом, трудным, болезненным, но при этом делающим человека мудрее. В каждом случае подход индивидуален.

Выходом из кризиса можно считать только самостоятельное проживание ребенком кризисной ситуации и нахождение собственного, приводящего к позитивным изменениям выхода из нее. Первые шаги для этого он может сделать в общении с консультантом на Телефоне доверия.

Содержание

АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ ДИАГНОСТИКИ В РАБОТЕ ПРАКТИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА

Абитов И.Р. Методика ИЖС в психологической диагностике больных неврозами ... 3

Адмакина Т.А. Особенности когнитивных процессов музыкально одаренных лиц ... 5

Алдашева А.А., Мельникова Н.Г. Удовлетворенность трудом как фактор профессионального развития ... 7

Алеевская М.М. Особенности мотивации успеха актеров драматического театра ... 9

Александрова Н.А. Профессиональное самоопределение подростков в зависимости от типа семьи ... 10

Алексеева Е.М. Ментальные репрезентации психических состояний и практическая психология ... 12

Аллахвердов М.В. Имплицитные теории человека как основа принятия решений ... 14

Ананьева О.А. Мотивация профессиональной деятельности сотрудников проектно-строительной организации и рекламного агентства ... 16

Андронова Е.Ю. Эмоциональный интеллект в структуре личностных особенностей руководителей ... 18

Анисимова Т.В. Интерпретация манипулятивных техник, применяемых в политических дебатах ... 20

Антонова Ю.В. Ориентация на клиента и профессиональное выгорание продавца книжного магазина ... 21

Аракчеева О.А. Развитие межличностного общения умственно отсталых детей-сирот дошкольного возраста ... 23

Артемьева В.А. Изучение понимания профессиональной успешности студентами технического вуза ... 25

Артищева Л.В. Образ психического состояния: возрастной аспект ... 27

Астапенко Е.Е. Технология и коммуникация в организации ... 28

Афонина Н.Ю. Феномен «ненормативного» отклоняющегося развития: основы диагностики ... 31

Банюхова А.Е. Возможности развития социальной креативности студентов ... 32

Баранская С.С. Проблемы диагностики организационной лояльности ... 34

Басыгысова Т.А. Показатель эмоциональности в методике «Шкала дифференцированных эмоций» К. Изарда ... 36

Башун А.Л. Влияние восприятия музыки на психическую сферу и развитие креативности у детей 38

Бейнарович К.К. Особенности временной перспективы подростков с нарушением зрения 40

Белова Е.В. Диагностика личности успешных предпринимателей на основе ролевого подхода 42

Белоусова А.Б. Конструирование теста диагностики удовлетворенности жизнью 43

Березина О.Б. Представления о семье у современных молодых людей..... 45

Березняк Е.Ю. К проблеме становления произвольной регуляции в младшем школьном возрасте 47

Березовская Р.А. Отношение человека к своему здоровью: проблемы диагностики 49

Блавацкая И.Е. Проблема диагностики способностей к освоению иностранного языка студентами 51

Бойко М.С. Личностные детерминанты совместимости сотрудников кафедр филологии 53

Болтик Г.В. Личностные особенности креативных детей старшего дошкольного возраста..... 54

Борисова Н.Ю. Когнитивные особенности детей с синдромом дефицита внимания 56

Брагина И.В. Связь протяженности временной перспективы и учебной успешности старшеклассников 58

Бызова В.М., Зиновьева Е.В. К вопросу о восприятии пятен Роршаха студентами-психологами..... 60

Бызова В.М., Молутова М.К. Переживание проблемных ситуаций в подростковом возрасте 62

Бычков П.А. Доверие и ценности как предмет психолого-политического исследования 63

Валуйская Т.Л. Методика диагностики творческих способностей «Планиметрия»..... 65

Ван Ш.Н. Гендерные аспекты переживания скуки в юношеском возрасте..... 66

Вартанова И.И. Ценностные конфликты и самоотношение старших школьников..... 68

Вартанова И.А., Грицков В.Л. Проявление особенностей саморегуляции в исполнительности 70

Василенко В.Е. Симптоматика кризисов 3 и 7 лет в связи с детско-родительскими отношениями 71

Васильева Т.В. Межличностные отношения сквозь призму общения: подход к изучению 73

Вербовская Е.В. Значение психолого-педагогического наблюдения в работе практического психолога..... 75

Верещагина Л.А., Малышева Л.А. Формирование кадрового управленческого резерва: личностный аспект..... 77

Верещагина Л.А. Профессиональная мотивация специалистов по установке медицинского оборудования 79

Вержибок Г.В. Модификация методик изучения идентичности в русле гендерной направленности..... 81

Вещеникин С.Н. Операциональное кодирование системы убеждений политика в условиях конфликта 83

Виленская Г.А. Контроль поведения и закономерности его раннего развития 84

Волкова Г.А. Методика формирования неречевых психических функций у слепых детей..... 86

Воронина А.А. Удовлетворенность коммуникациями сотрудников почтово-корреспондентских организаций 88

Газогареева Е.Н. Социально-психологический климат в организациях с различными формами собственности 90

Галанина О.Н. Диагностика представлений «добра»..... 92

Галимзянова М.В., Романова Е.В., Москвина Е.А. Переживания развода родителей в детстве и выбор партнера взрослыми..... 94

Гапанович-Кайдалова Е.В., Бочок Т.Ф. Исследование психологом особенностей межличностных отношений старшеклассников 96

Гасанова Р.О. Восприятие предметного образа в различных психических состояниях..... 98

Гладкова В.С. Взаимосвязь привлекательности имиджа организации и особенностей личности..... 100

Головей Л.А., Манукян В.Р., Петраш М.Д. О соотношении возрастных и профессиональных кризисов в период средней взрослости..... 101

Голубева А.Ю. Смысловое пространство образа личного прошлого 103

Гончарова В.А. Межличностные отношения дошкольников с общим недоразвитием речи 105

Горбунова Н.В. Особенности развития современных детей раннего дошкольного возраста..... 107

Горох О.В. Медиация как метод разрешения конфликта в школьной среде 109

Горчикова А.А. Проявление различных видов эмпатии в младшем школьном возрасте 111
Горюнова Л.Н., Провоторова Я.А. Исследование стратегий поиска научной информации студентами и аспирантами 113
Гриценко Ю.А. Система диагностики временных аспектов самоопределения 115
Гудзенко Л.Г. Развитие психологической готовности к профессиональной деятельности студентов 116
Гужва Е.А., Живаев Н.Г. Профессиональный имидж женщины-руководителя в представлении студентов 117
Дворникова Т.А. Учебные стратегии как этап становления субъекта учебной деятельности 119
Дворцова Е.В. Психологическая готовность к ориентации на клиента в профессии продавца 121
Демидова К.А. Взаимосвязь профессиональной направленности, карьерных ориентаций и личностных особенностей 123
Демьянчук Р.В. Становление личности педагога 125
Джумагулова А.Ф. Уровни развития профессиональной мотивации специалистов промышленных предприятий 126
Додонов Ю.С. Оценивание интенсивности эмоций как аспект эмоционального интеллекта 128
Додонов Ю.С., Додонова Ю.А. Абстрактные зрительные фигуры как материал для изучения рабочей памяти 130
Додонова Ю.А., Тихомирова Т.Н. Взаимоотношения в образовательной среде как предиктор динамики способностей 132
Долбеева К.А., Зотов М.В. Особенности изменений внимания у лиц с депрессивными расстройствами 135
Дохоян А.М. Психологическая помощь в разрешении конфликтных ситуаций 137
Душабаев З.Р. Диагностика интеллектуальной готовности детей к обучению в школе 139
Елисеева Е.Ю. Комплексное изучение фактора «неопределенности» в подготовке психологов 141
Еременко Н.А. Взаимодействие педагога-психолога и классного руководителя 143
Жигэу Е.И. Застенчивость подростков как отрицательный мотиватор общения 145
Жукова И.В. Личностные факторы карьерной мобильности менеджеров 146

Жуковская Л.В. Диагностика психологического благополучия старшеклассников (шкала К. Рифф) 148
Загашев И.О. Методологические основы психодиагностики готовности к инновационному поведению 150
Задумова Н.П. Особенности коммуникативных качеств личности детей с умственной отсталостью 152
Заманаева Ю.В., Бурина Е.А., Скачкова А.Л. Психологические характеристики переживания жизненных обретений 154
Звиненко Т.К. Особенности темперамента и мотивы туристов в выборе цветовой рекламы 156
Зейгер М.В., Романов Д.В. Проблема оценки глубины нарушений познавательной сферы 158
Иванова О.В., Червинская К.Р. Выявление ситуаций разделения знаний в организационных коммуникациях 160
Иванова Е.Н. Типология интересов в конфликте 161
Изиева Д.П. Психолого-педагогические исследования гендерных различий у детей 163
Ильина М.Н. Адаптация методики Векслера для дошкольников 165
Ипполитова Е.А. Комплексный подход к диагностике кризисного состояния личности 167
Исаева Д.А. Характеристика профессиональной идентичности на разных этапах профессионализации 168
Казанжи М.И. Особенности создания комплекса методик, диагностирующего фасилятивность человека 170
Калита В.В. Применение психосемантических методов при выборе и оценке логотипа компании 172
Каменских А.А. Феномен «максимизации – умеренности» в процессе принятия решения потребителем 174
Карасева А.В., Бочеева Е.А., Олейникова А.И. Актуальность проблемы формирования Я-концепции у умственно отсталых детей 176
Карнелович М.М. Возможности использования методики В.Э. Мильмана в психокоррекции 178
Карпинский К.В. Методические проблемы диагностики смысложизненного кризиса в развитии личности 180
Карпинский К.В., Комарова Т.К. Смысложизненный кризис как предмет работы практического психолога 182
Качанов А.Ф. Влияние эмоционального интеллекта менеджеров на успешность продаж 184

Кашапов М.М. Диагностика профессионального творческого мышления в работе психолога 185

Кашапов А.С. О диагностике конфликтоустойчивости студентов младших курсов..... 187

Кибальченко И.А. Основные положения методики «Рисунок учебно-познавательного опыта» 189

Кибальченко И.А., Астахова А.А. Разработка теста «Пословица не зря молвится»..... 191

Киреева Н.Н. Ценности студентов в контексте их психологической культуры 193

Ковалева М.М. Типы поведения спортсменов с различными когнитивными компонентами Я-концепции..... 195

Ковальчук С.В. Проблема стилей профессиональной деятельности практических психологов..... 197

Козлова Е.В., Маркова Е.В. Взаимосвязь личностных черт и управленческих умений руководителя..... 199

Кольцова О.Н. Особенности стилей руководства у менеджеров с разным уровнем агрессивности 200

Комиссарова Д.А., Суровцева С.С. Раннее обучение иностранному языку и уровень доверия к учителю 202

Комкова Е.И. Диагностика психического развития детей раннего и дошкольного возраста..... 204

Корнеева Е.Е., Панкратов А.Е. Индивидуальные стили саморегуляции волевой активности у спортсменов 206

Короткина Е.Д. Самораскрытие личности в процессе интернет-общения 208

Кособудская О.А. Формирование Я-концепции у будущих педагогов-психологов 209

Косороткина М.С., Польская Н.А. Исследование взаимосвязи показателей перфекционизма и агрессивности 211

Котова Е.Е. Визуальное структурирование – метод оценки продуктивности учебной деятельности..... 213

Крылова Е.И. Подходы к диагностике межличностных отношений детей с ДЦП 215

Кудайбергенова С.К. Помощь психолога родителям детей с патологией психики 217

Кудряшова Н.В., Новиков А.С. Самооценка взрослых, выросших в неполной семье..... 219

Кузнецова Т.И. Взаимосвязь типа организационной культуры с оценкой имиджа компании и ВРМ 220

Кузнецова М.В. Взаимосвязь готовности к инновациям с адаптивными свойствами личности 222
Кузьмина О.И. Влияние пола и гендера на построение системы субъективной оценки своей карьеры 224
Куприна О.А., Дедов Н.П. Диагностика внутренних вакуумов в контексте изучения вопроса о смысле жизни 226
Курганский Н.А. Проблема норм применительно к психическим состояниям 228
Курчигина О.Л. Пространственно-временные представления детей с задержкой психического развития 230
Кутеева Е.Н. Особенности восприятия дружеских отношений у подростков «группы риска» 232
Кутенев А.В. Оценка личностных свойств человека по выражению лица с изменением его возраста 234
Куцырева М.А. Речь как индикатор состояния 235
Лавренчук С.Ю. Проблемы и возможности семейно-поколенческих исследований в психологии 237
Лассан Л.П. Об общих и специфических факторах в детской клинической нейропсихологии 239
Лебедева А.Л. Возможности СМИЛ в разностороннем и разноуровневом анализе личности 241
Лебедева Е.И., Ежов Д.И. Супервизия в бизнес-тренинге: задачи и проблемы 243
Лезик Е.В., Федяев А.А. Особенности уровня субъективного контроля у сотрудников государственного музея 245
Лисовенко Б.С. К вопросу о креативности руководителей 247
Литвинова А.В. Функциональный подход к диагностике целеполагания студентов 248
Ловягина А.Е. Диагностика психического состояния: теоретические и практические аспекты 250
Логинова Н.А. Идеи и дела Б.Г. Ананьева в области практической и прикладной психологии 252
Локиев А.А. Возможности психотерапевтического применения аудиокниг 254
Ломтатидзе О.В. Апробация модели взаимодействия педагога-психолога с родителями 255
Лопес Е.Г., Беликеева А.Н. Зрелость личности и особенности поведения в конфликте 257

Мазепа И.А. Психологические детерминанты артистизма и методы их развития 259
Мазилов В.А. Методологические проблемы практической и прикладной психологии 261
Макаров Ю.А. Личность педагога и метод диагностики педагогической толерантности 263
Максимова Е.С. Динамика мотивов занятий спортом в тренировочном и соревновательном периодах 265
Маленко Е.В. Выявление компетенций для проектирования обучения водителей-дальнобойщиков 266
Маловская А.А. Психологические особенности лиц, склонных к оптимизму 268
Манухина С.Ю. Система показателей оценки педагогических работников 270
Мариева И.Г. Актуальные проблемы взаимодействия педагогов-психологов с семьями 272
Марковская Г.Г. Диагностика напряженности эмоционального труда 274
Марковский И.К., Марковская Г.Г. Диагностика реакций на фрустрацию у подростков с помощью различных методик 276
Мартынова А.П. К проблеме диагностики переживания критических ситуаций 277
Масленникова С.А. Диагностика проявлений лживости у школьников с задержкой психического развития 279
Медников С.В., Ульянова М.В. Профессионально важные качества судьи в большом теннисе 281
Меренкова В.С. Влияние эмоционального реагирования матери на здоровье детей первых лет жизни 283
Микляева А.В., Румянцева П.В. Диагностика городской идентичности: подходы и методы 285
Мирошников С.А., Филиппова М.Г., Чернов Р.В. Исследование возможности измерения неосознаваемого страха 286
Михаленкова И.А. Нарушения речи у детей со сложными недостатками развития 288
Мишина Е.А. Исследование эмоционального компонента общения у младших школьников с ЗПР 290
Морозов А.В. Изучение индивидуальных стратегий приобретения знаний 292
Моросанова В.И. Регуляторный подход к решению задач практической психологии 293

Моцарь Л.С. Система профессиональных ценностей студентов как компонент психологической готовности 295
Мясникова С.В. Способность к прогнозированию руководителей 297
Неверова А.В. Психологический смысл политической деятельности 298
Никифорова Е.А. Применение ассессмент-центра как метода диагностики в розничном ритейле 300
Николаева И.В. Исследование образа семьи у старшеклассников 302
Никольская А.С. К понятию «психологическая культура личности» 304
Новиков А.С. Измерение переживаемой самооценки 306
Образцова Ю.В. Кросскультурные различия в профессиональной деятельности менеджеров по туризму 308
Омарова П.О., Гасанова З.З. Методика «Дерево» в диагностике социального развития умственно отсталых детей 310
Орехова О.А. Диагностика взаимодействия позитивных и негативных эмоций 311
Орехова О.А., Валиахметов Д.Р. Диагностика психологических особенностей ценностей военнослужащих 313
Осницкая Н.В. Психодиагностическое исследование в психокоррекционной практике 315
Осорина М.В., Голунова С.И. Исследование процессов понимания на материале рисованных шуток 317
Павлова О.В. Уровень удовлетворенности и структура значимых отношений подростков 319
Панкратова Т.М. Коммуникативная компетентность и индивидуальный стиль саморегуляции педагогов 320
Папоян В.Р., Галстян А.С. Диагностика умственного развития ребенка в условиях инклюзивного образования 322
Пашкова И.В. Оценка доверия сотрудников, возможности реализации мотивов и карьерных ориентаций 324
Певнева А.Н. Изучение психического состояния матерей детей с детским церебральным параличом 326
Петанова Е.И., Дзагания А.Д. Активизация профессиональной самореализации у молодых преподавателей 328
Петимко А.И. Учет профессионального риска и виктимности в обеспечении личной безопасности сотрудников 330
Петимко А.И., Зверев В.Л. Личностные факторы экстремальной деятельности 332
Пехтерев В.В. Особенности диагностики межличностных конфликтов в воинских коллективах 333

Пиркова О.Д. Нормативный аспект в работе практического психолога 335
Погребицкая В.Е. Командное взаимодействие: локус контроля в ситуационном контексте 337
Посохова А.Е., Чикер В.А. Семантические представления о понятии «репутация» 339
Потявина В.В. Ресурсный подход в карьерном консультировании 341
Пошехонова Ю.В. Диагностика креативности и социального интеллекта 343
Прилипко А.В. Самоэффективность пользователей технических сенсорных систем 345
Прокопенко А.А. Особенности отношения к здоровью в подростковом возрасте 346
Прохоров А.О. Образ психического состояния в консультировании и психотерапии 347
Разина Т.В. Проблема пересмотра возрастных норм в развитии детского рисунка 349
Ребрилова Е.С. Диагностика психологического контракта как метод диагностики организации 350
Резникова Т.Н., Селиверстова Н.А., Семиволос В.И. Тревога в структуре «внутренней картины болезни» у больных с рассеянным склерозом..... 352
Романов Д.К. Диагностика компетентности в общении 354
Романов Д.В. Роль синдромального подхода в психологической диагностике психических расстройств 356
Романова Е.В., Березина О.Б. Семейно-брачные установки и ценности у пар с различным семейным статусом 358
Романчук А.С. Переживание одиночества в процессе становления субъектной позиции студентов 359
Романько И.Н. Проблема изучения процесса партиципации в организациях 360
Руднев Е.А. Гендерные различия управления персоналом: прикладной аспект 362
Румянцева Ю.М. Взаимосвязь привлекательности обучения и социально-психологического климата 364
Румянцева Т.В. Рефлексивная диагностика идентичности в рамках кризисного консультирования 366
Румянцева Т.В., Швецова С.В. Основные трудности школьных психологов в процессе консультирования 368
Русина Н.А., Барабошин А.Т. Актуальные подходы в работе клинического психолога 370

Рыкман Л.В., Ярошик И.В. К вопросу о профессиональном самоопределении студентов колледжа 372
Саакян М.М. Особенности личности руководителя 374
Самуйлова И.А., Брюкова А.Л. Особенности стиля ведения международных переговоров политиками России 376
Саулина Е.Б. Субъект-объектные ориентации в формировании невротических отклонений у одаренных подростков 377
Сафонов В.К. Психолог в спорте: профессионально-этический аспект 379
Свешникова Н.О. Подходы к исследованию представлений о стране 381
Седнев В.В. Общенаучные основания психологической диагностики 383
Семенова С.В. Методические аспекты использования рисуночных методов 385
Сергеев С.Ф. Синергетическая парадигма в практической психологии: базовые понятия 386
Сергеева А.С. Современные подходы к анализу организационного дискурса 388
Сивуда О.А. Особенности временной компетентности лиц, находящихся в заключении 390
Слугин В.В. Диагностический минимум по исследованию психологического портрета личности 391
Смирнова Ю.Е. Диагностические методы психологической поддержки профессионального самоопределения 393
Смирнова М.И. Преодоление созависимости в детско-родительских отношениях 395
Смирнова Е.А., Костромина С.Н. Ближняя и дальняя перспективы развития дошкольника в представлении родителя 397
Снегова Е.В. Стартовый кризис карьеры как проблема психологического консультирования 399
Снегова Е.В., Григорьева О.Ю. Психологическая оценка эффективности социальной рекламы против табакокурения 401
Соина И.А. Проблемы изучения ценностных ориентаций личности 402
Солдатова Г.В. Психологические факторы удовлетворенности персонала своей работой 404
Солнцева Н.В., Бобурова А.А. Любимая сказка как метод диагностики: специфика полоролевых предпочтений 406
Стаева Е.И. Показатели минимизации усилий, влияющие на познавательную активность студентов 408
Старикова М.А. Трансляция модели профессионального развития внутри семьи 410

Старченкова Е.С., Ячанова А.Ю. Анализ профессионально трудных ситуаций в педагогической деятельности 411
Стахнева Л.А. К вопросу о развитии субъектности личности..... 413
Степанова М.А. Перспективы психотехнического подхода в психологии образования 415
Степанова М.А. Психологические основы образования: опыт современного прочтения С.Л. Рубинштейна 417
Степанова В.О., Червинская К.Р. Исследование барьеров разделения знаний в кроссфункциональных группах..... 419
Степанова Е.В. Мотивационный профиль и профессиональная востребованность программистов 421
Струговец А.С. Гендерное воспитание как основа подготовки юношей и девушек к семейной жизни 423
Струтинская А.Г. Особенности формирования представления о психологической науке у психологов..... 425
Стряпчева Е.Н. Уровень управленческих компетенций и особенности мотивации менеджеров..... 426
Сулейманов Р.Ф. Изучение утомляемости посредством психодиагностики ПС и ФАП головного мозга 428
Тихонова Е.С., Долганина В.В. Модель психологического сопровождения профессионализации студентов-психологов 430
Толстов И.Е. Апробация методики структурированного тематического интервью 432
Тонева И.А. Необходимость развития креативности школьников среднего звена обучения..... 434
Тромбчиньски П.К. Клинико-психологическая характеристика больных невротическими расстройствами 436
Турдымуратова З.Б. Формирование навыков общения детей на каракалпакском языке в детском саду 438
Ульянов А.М. Жизненная позиция личности и стратегии преодоления ненормативного кризиса..... 439
Управителев Ф.А., Ледовая Я.А. Диагностика представлений о содержании понятия «красивое» ассоциативным методом..... 441
Филатов А.А. Использование социометрической техники при подборе младших командиров..... 443
Филимоненко Ю.И., Вазилов А.П. Психологический имидж конкурентоспособной личности 445
Филимонцева Т.Л. Графические и психосемантические методы в работе практического психолога..... 447

Флёрко Н.В. Схематическое мышление детей 6 лет с трудностями в обучении, обусловленными ЗПР 448

Флоровский С.Ю. К вопросу социально-психологической предикции организационного развития 450

Фоломеева Т.В. Потребительское поведение как предмет социально-психологического исследования 452

Фоломеева Т.В., Винокуров Ф.Н. Феномен потребительской лояльности в психологии 454

Харитонов А.Н., Ананьева К.И. Окуломоторные компоненты когнитивно-коммуникативных процессов 456

Харитонова Т.С. Опросник «ATW» в исследовании гендерных установок 458

Харитонова Т.Ю. Опыт художественного восприятия как жизненное событие 460

Харитонова А.С. Особенности целеполагания. Авторский опросник «Эффективность целеполагания» 461

Хван А.А., Гончарова О.И. Особенности развития утомления учителя 463

Церенова К.Д. Лояльность к организации в зависимости от направленности личности сотрудников 465

Цику З.И. Эмпатия в системе специальных педагогических способностей 467

Циринг Д.А., Эвнина К.Ю. Адаптация методики ТЖО как инструмента диагностики оптимизма и пессимизма 468

Червонцева Е.Н. Комплементарность супругов по порядку рождения и удовлетворенность браком 470

Чернего Д.И., Мухамедрахимов Р.Ж., Васильева М.Ю. Психическое развитие недоношенных детей в семьях и домах ребенка 472

Чечурова Ю.Ю. К вопросу диагностики психологических критериев оценки деятельности организации 474

Чижова В.Ф. Психологическая готовность женщины к материнству и психическое развитие ребенка 476

Чиркова Т.И. Подходы к изучению атрибутивных свойств психологических реальностей 478

Чиркова Ю.В. О методике диагностики психологической защиты у детей (DSQ-40) 480

Шалагинова К.С. Проблема диагностики агрессивности детей младшего школьного возраста 481

Шаламова В.В. Индивидуально-психологические факторы принятия рациональных решений 483

Шалимова Г.А., Юрова Н.Е. Влияние стилей воспитания на формирование акцентуаций характера подростка 485
Шаповал В.А. Психодинамическая диагностика профессиональной идентичности сотрудников ОВД 486
Шестакова К.Н. Стрессовая среда актерской профессии 488
Шешукова К.О. Психодиагностический мониторинг психотерапевтического процесса 490
Шумская Л.И., Финькевич А.В. Методологические основания диагностики социальной зрелости личности 492
Шумский А.Г. Аффилиативное взаимодействие в команде: от совместимости к сработанности 494
Щелкова О.Ю., Иовлев Б.В., Каданцева А.В. Взаимосвязь психической адаптивности с характеристиками темперамента и личности 496
Щербакова О.В. О диагностическом потенциале метаграмм 498
Юнг Э.А. Аутотренинг в системе реабилитации больных 500
Юшачкова Т.Б. Моральные установки как фактор понимания детьми и родителями друг друга 502
Якунина О.Н. Актуальные подходы и методы психологической диагностики в клинике эпилепсии 504
Яничева Т.Г. Задачи возраста – взаимодействие личностных и ситуационных детерминант развития 506
Япарова О.Г. Личностные особенности приемных родителей, предопределяющие успешное родительство 508
Ясько Б.А. Психологическая безопасность субъекта профессиональной деятельности 510
Ясюкова Л.А. Диагностика социального интеллекта младших школьников .. 511
Яшихина А.А. Исследование психологического профиля у пациентов с расстройством личности 513

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ И ПСИХОТЕРАПИИ

Айвазян Л.Ю., Шептун М.В. Субъективное ощущение одиночества как объект работы психолога-консультанта 516
Акимова А.А., Смирнова В.В. Мотивация борцов-самбистов на этапе начальной подготовки 517
Алаева М.В. Процесс понимания психического состояния человека в деятельности консультанта 519
Александрова Н.Н. Психологические приемы и стимулы достижения гармонии в молодой семье 521

Ахмеров Р.А. Психобиографическая модель в организации психологической помощи 523
Беломестнова Н.В., Адмакина Т.А. Об эмоциогенности музыкального воздействия 525
Беркалиев Т.Н., Корнева Т.В. Интеграция и специализация в практике психологического консультирования 526
Бурыкина М.Ю. Принципы психолого-педагогической коррекции материнского отношения 528
Виданова Ю.И. О роли ценностной сферы в процессе самореализации субъекта труда 530
Володина Ю.А. Метод «интернет-диалога» в практике педагога-психолога 532
Волохонская М.С., Петухова Е.М. Психологические проблемы женщин среднего возраста во взаимодействии с техникой 534
Воробьев В.М. Самореализация и самоопределение посредством структурирования времени 536
Воскресенская Н.В. Новые перспективы использования когнитивно-поведенческого подхода в практике психокоррекции 538
Гаргрцян Л.А. Тренинг социальной компетентности при ГРДВ 539
Городнова М.Ю., Коломиец И.Л. Сравнительный анализ когнитивно-поведенческой и гештальт-терапии 541
Горчакова В.Г. Конструирование имиджа на основе совпадающих ожиданий 543
Григорьев Д.В., Григорьева И.А. Совершенствование психических функций младших школьников с ОНР средствами АФК 545
Давыдова И.А. Модель психологического сопровождения пациентов с сахарным диабетом 1-го типа 547
Даукша Л.М. Тренинг развития эмоционального интеллекта будущих психологов 549
Дмитриева В.А. Онтопсихологический подход в психологическом консультировании 551
Дмитриева В.Ю., Пескова Ю.В. Экстренная психологическая помощь по телефону абонентам единой службы спасения 553
Дрынова Т.П. Возможности использования метода визуализации в психологии спорта 554
Ермакова Е.Н. Дифференциальный и функциональный диагноз в консультативной практике 556
Зайцева В.В. Характеристика предложений тренингов личностного роста на рынке психологических услуг 558

Калашникова М.Е. Экзистенциальная психотерапия в работе с людьми, пережившими утрату 559
Касьяник Е.Л. Медиация и организационное консультирование 561
Кологривова Э.И. Восприятие психотерапии в процессе профессионального становления психолога 563
Корнилова А.А., Морозова О.А., Жовнерчук Е.В. Значение дисциплины «психотерапия» в системе подготовки военных психологов 565
Куликов Л.В. Современное состояние проблемы психологии чувств 566
Курбатова Т.Н. Basic Emotional Structuring Test в психотерапевтическом консультировании 568
Лопес Е.Г. Песочная психотерпия в психологическом консультировании 570
Медведев Н.Н. Самоотношение невротизированных женщин и женщин, больных неврозами 572
Миланич Ю.М. Психологическая работа с переживаниями матерей детей с ДЦП 574
Мотенко И.Е. Психологические основы медиаторства 576
Мусийчук М.В. Юмор в психотерапии как средство оптимизации психофизиологического состояния 578
Мусийчук М.В., Мусийчук С.В. Юмор как средство повышения эффективности деятельности психотерапевта 579
Нуркова В.В. Диахроническая интеграция личности симультанным образом ресурсных воспоминаний 581
Осницкий А.В. Работа с программными компонентами жизненного пути личности 583
Осницкий А.В., Осницкая Н.В. Интегрально-синергетический подход в психотерапии 585
Паксютова В.В. Субъективный образ психического состояния 587
Плугарева А.В. Технологии консультирования студентов по вопросам профессиональной успешности 589
Русина Н.А. Психотерапевтические мишени в работе с пациентом психосоматической клиники 590
Сороколат Е.В. Психолого-педагогическая поддержка подростка по Телефону доверия 592
Ставропольский Ю.В., Замогильный С.И. Проблема психологического консультирования различных этнических групп 594
Ставропольский Ю.В. Тренинги для представителей этнических групп 596
Ткаченко И.В. Психологическое проектирование как технология консультирования семьи 598

Узлов Н.Д. Кризисное консультирование женщин в ситуации мужской измены 599
Черниченко И.И., Кустаров В.Н. Влияние психологических свойств личности на адаптацию женщин в климактерии 601
Чернышкова Е.Ю. Рефлексия при феномене «значимого другого» как фактор терапии агрессии 603
Шабас С.Г. Психологическая поддержка молодой семьи при адаптации ребенка к детскому саду 605
Шавыкина Е.С. Арт-терапия в реабилитации лиц, переживших психотическое состояние 607
Юров И.А., Юров Д.И. О технологии психотерапии в спорте 608
Ялов А.М. Психологическое консультирование как процесс непрерывной коммуникации 610
Ярёменко А.А. Оказание экстренной психологической помощи подросткам в кризисной ситуации 612